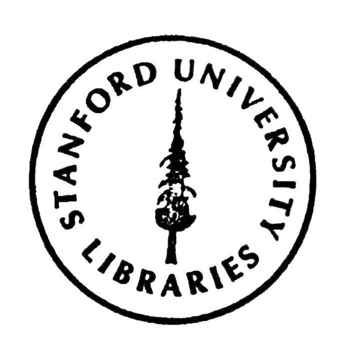

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Гоголь

Кулиш, Пантелеймон Алекс

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

ГОГОЛЯ,

СОСТАВЛЕННЫЯ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕГО ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХЪ И ИЗЪ ЕГО СОБСТВЕННЫХЪ ПИСЕМЪ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ Н. В. Гоголя.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА.
1856.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Въ этихъ »Запискахъ« повторено все, что̀ напечатано въ моемъ »Опытѣ Біографіи Гоголя«, кромѣ мѣстъ, потребовавшихъ исключенія, или замѣны новыми, вслѣдствіе точнѣйшаго изученія предмета и вновь открытыхъ матеріаловъ.

Считаю нужнымъ объяснить причины, по которымъ я назвалъ свою книгу не *вторымъ, пополненнымъ изданіемъ* »Опыта«, а »Записками«. Во первыхъ, это послѣднее заглавіе показалось мнѣ болѣе удобнымъ для будущихъ ссылокъ на мою книгу. Во вторыхъ, здѣсь такъ много передѣлокъ и дополненій противъ »Опыта«, что я считаю »Записки о Жизни Гоголя« новымъ своимъ трудомъ. Въ третьихъ, самое количество писемъ и другихъ документовъ, далеко превосходящее то, которое включено въ »Опытъ«, должно дать этой книгѣ особое значеніе въ глазахъ читателей. Наконецъ, въ четвертыхъ — и это самое главное — обширность предпринятой мною работы, обнятая мною полнѣе при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, заставила меня пріостановиться съ дальнѣйшими біографическими выводами и обратить свою книгу въ простой сборникъ извѣстій о Гоголѣ, — сборникъ, который можетъ еще пополниться новыми записками и изустными разсказами знавшихъ Гоголя лично и по которому со временемъ можно будетъ написать его біографію.

Николай М.*

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ
Николая Васильевича Гоголя.

Періодъ первый.

I.

Предки Гоголя. — Первыя поэтическія личности, напечатлѣвшіяся въ душѣ его. — Характерическія черты и литературныя способности его отца. — Первыя вліянія, которымъ подвергались способности Гоголя. — Отрывки изъ комедій его отца. — Воспоминанія его матери.

Въ малороссійскихъ лѣтописяхъ записано два лица, носившія имя Гоголя. Первый Гоголь, выдавшійся изъ толпы своихъ темныхъ однофамильцевъ, былъ Іоаннъ, епископъ пинскій. Онъ является въ числѣ провозвѣстниковъ той уніи, противъ которой воевалъ герой современнаго намъ Гоголя, Тарасъ Бульба. Не извѣстно, состояли ли предки поэта въ какомъ-нибудь родствѣ съ этимъ епископомъ; только Гоголи существовали съ давнихъ временъ на Украйнѣ. Доказательствомъ тому служитъ, между прочимъ, старинное сотенное село Гоголевъ, бывшее, вѣроятно, гнѣздомъ ихъ фамиліи, подобно тому какъ другія села, названныя по извѣстнымъ въ исторіи именамъ, указываютъ на домашній очагъ другихъ старинныхъ родовъ въ Малороссіи. Впрочемъ исторія молчитъ о Гоголяхъ во все продолженіе ожесточенныхъ войнъ за унію и только въ эпоху Богдана Хмельницкаго выноситъ изъ темной неизвѣстности од-

ного Гоголя. То былъ Остапъ Гоголь, полковникъ подольскій. О немъ говорится въ лѣтописяхъ при описаніи битвы на Дрижинолѣ (1655); потомъ его имя упоминается, въ исчисленіи отсутствующихъ полковниковъ, подъ »переяславскими статьями«; наконецъ, въ »Лѣтописи Самовидца« онъ является рядомъ съ Петромъ Дорошенкомъ, которому онъ одинъ изъ полковниковъ остался до конца вѣренъ и послѣ котораго еще нѣсколько времени отстаивалъ подвластную себѣ часть Украйны. Не больше пяти строкъ посвятилъ лѣтописецъ этому обращику козацкой неугомонности, но и изъ нихъ видно, какого сорта это былъ характеръ. Остапъ Гоголь ѣздилъ въ Турцію посломъ отъ Дорошенка, въ то время, когда уже всѣ другіе полковники вооружились противъ этой »вихреватой головы«, какъ называли пана Пѣтра Запорожцы, и когда Дорошенко колебался между двумя мыслями: сѣсть ли ему на бочку пороху и взлетѣть на воздухъ, или отказаться отъ гетманства. Можетъ быть, только Остапъ Гоголь и поддерживалъ такъ долго его безразсудное упорство, — потому что, оставшись послѣ Дорошенка одинъ на опустѣломъ правомъ берегу Днѣпра, онъ не склонился, какъ другіе, на убѣжденія Самойловича, а пошелъ служить, съ горстью преданныхъ себѣ козаковъ, воинственному Яну Собѣскому и, разгромивъ съ нимъ подъ Вѣною Турокъ, принялъ отъ него опасный титулъ гетмана, который не подъ силу пришло носить самому Дорошенку. Что̀ было съ нимъ потомъ и какая смерть постигла этого, какъ по всему видно, энергическаго человѣка, лѣтописи молчатъ. Его боевая фигура, можно сказать, только выглянула изъ мрака, сгуставшагося надъ украинскою стариною, освѣтилась на мгновеніе кровавымъ пламенемъ войны и утонула снова въ темнотѣ.

И какому лѣтописцу его времени было дѣло до Остапа Гоголя, полковника отдаленной наддністрянской Украйны и потомъ гетмана небольшой дружины козаковъ, обрывка грозной тучи, вызванной чародѣемъ Хмельницкимъ на бой съ громами польскихъ магнатовъ?... Но это имя, выброшенное волнами событій на широкій берегъ исторіи, до сихъ поръ отрѣшенное отъ живыхъ интересовъ нашего ума и чувства, вяжется теперь съ другимъ подобнымъ именемъ, которое отмѣчено въ лѣтописяхъ міра болѣе яркой и привѣтливо сіяющей звѣздой. Конечно, ни одинъ лучъ въ сіяніи этой звѣзды не зависитъ отъ зловѣщаго блеска, озарившаго

личность Остапа Гоголя; но любопытно, однакожъ, знать, въ какомъ разрядѣ людей, въ какомъ быту и при какихъ обстоятельствахъ вырабатывалась въ минувшіе вѣка жизненная сила, которой въ наши дни, дивной игрой природы, сообщился таинственный огонь поэзіи. Вотъ почему пишущій эти строки съ живѣйшимъ любопытствомъ прочиталъ сухой дворянскій протоколъ поэта, по которому родъ его восходитъ ко временамъ воинственнаго Остапа и въ которомъ упоминается еще двѣ старинныя, исторически извѣстныя фамиліи, бывшія въ близкомъ родствѣ съ поколѣніемъ Гоголей.

Странно, однакожъ, что въ этомъ документѣ полковникъ Гоголь названъ Андреемъ и получаетъ въ 1674 году привиллегію на владѣніе деревнею Ольховцемъ отъ польскаго Короля Яна Казиміра, который за шесть лѣтъ передъ тѣмъ отрекся отъ престола. Не зная, какъ объяснить такую несообразность, пишущій эти строки все-таки думаетъ, что это — преданіе о полковникѣ Остапѣ, искаженное въ канцеляріяхъ гетманской Малороссіи, ибо до сихъ поръ ни въ одномъ извѣстномъ документѣ не встрѣтилось не только полковника Андрея Гоголя, но и никакого другого полковника Гоголя, кромѣ Остапа. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь ([1]) Аѳанасій Гоголь (дѣдъ нашего поэта), въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскаго, и тестя, бунчуковаго товарища Семена Лизогуба. Не извѣстно, какъ велики были эти имѣнія, но въ протоколѣ говорится, что они находились въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, Келебердѣ и деревнѣ Рѣшоткахъ ([2]).

Что касается до предковъ Гоголя по женской линіи, то полковникъ переяславскій Василій Танскій происходилъ отъ извѣстной польской фамиліи этого имени и оставилъ Польшу въ то время, когда Петръ Великій вооружился противъ претендента на польскій престолъ, Лещинскаго. Онъ усердно служилъ Петру въ шведской войнѣ и занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между малороссійскою старшиною. Пра-

([1]) Старинный малороссійскій чинъ, соотвѣтствовавшій майору.

([2]) Все это въ Полтавской губерніи.

дѣдъ поэта, Семенъ Лизогубъ, происходилъ отъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба, извѣстнаго тоже въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ; а его мать, Марья Ивановна, была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метрическаго свидѣтельства. Такимъ образомъ, Гоголь, по своей родословной, принадлежалъ къ высшему сословію въ Малороссіи и въ числѣ своихъ предковъ могъ считать нѣсколько личностей, хорошо памятныхъ исторіи.

Замѣтимъ, что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ Турцію, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій, и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный (то есть генералъ-фельдъ-цехмейстеръ), — все это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что̀ касается до дѣдушки поэта, полкового писаря [1], то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской духовной академіи, или по крайней мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, и кто знаетъ, не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни старинаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти »Вій«? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Въ такомъ случаѣ, припомнимъ нѣсколько строкъ, обрисовывающихъ двѣ личности (Аѳанасія Ивановича и его жену), имѣвшія, такъ или иначе, вліяніе на образованіе души нашего поэта въ то время, когда она легко поддавалась всякому вліянію.

»Еслибы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригигинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ вседа въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьёзна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что̀ было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго

---

(1) Въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гоголя дѣдъ его уже названъ майоромъ.

лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностностію, что художникъ, вѣрно бы, укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи.... Когда-то въ молодости Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ *секундъ-майоромъ;* но это было очень уже давно.... Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, распрашивая ихъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики.... Тогда лицо его можно сказать, дышало добротою.... Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что̀ только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то̀, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ.« (1)

Сынъ полкового писаря, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, отецъ поэта, былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Онъ обладалъ даромъ разсказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось и приправлялъ свои разсказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича (2), онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассессора, что въ провинціи — и еще въ тогдашней провинціи — было рѣшительнымъ доказательствомъ, во первыхъ, умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ, бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности — теоретической, или практической, все равно; но, кромѣ того, мы имѣемъ еще

---

(1) »Старосвѣтскіе Помѣщики«, въ »Сочиненіяхъ Николая Гоголя«, т. II, стр. 13, 15, 29, 30.

(2) Онъ родился въ 1809 году, 19 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Можетъ

другое доказательство высшаго умственнаго его развитія, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ занимательность его разсказовъ объясняется не однимъ врожденнымъ даромъ слова: онъ много зналъ, много видѣлъ и много испыталъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ бы то ни было, только его небольшое наслѣдственное село Васильевка, или — какъ оно называется изстари — Яновщина, сдѣлалось центромъ общественности всего околотка. Гостепріимство, умъ и рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далекихъ сосѣдей. Тутъ-то бывали настоящіе »вечера на хуторѣ«, которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣстилъ возлѣ Диканьки (¹); тутъ-то онъ видалъ этихъ неистощимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окаррикатуря, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудого Панька.

Надобно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи.

Вообще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ многое, что̀ окружало его въ дѣтствѣ, почти въ томъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Тутъ еще не было художественнаго сліянія въ одно предметовъ, разбросанныхъ по цѣлому міру и набранныхъ поэтическою памятью въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Поэтому, его

быть, будущему біографу Гоголя полезно будетъ знать для какихъ-нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла двоихъ дѣтей до его рожденія, но они являлись на свѣтъ мертвыми. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она переѣхала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій. Между прочимъ она дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, наименовать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тѣхъ поръ, пока дадутъ ему знать о счастливомъ событіи и попросятъ отслужить благодарственный молебенъ.

(¹) Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи.

»Вечера на Хуторѣ« и нѣкоторыя пьесы въ »Миргородѣ« и въ »Арабескахъ«, при всей незрѣлости своей, имѣютъ для насъ теперь особенный интересъ. Тутъ изъ-за картинъ выглядываетъ самъ художникъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ, силою своего таланта, поставилъ изображенныя имъ лица, предметы и событія внѣ всякаго сближенія съ своею домашнею жизнью (¹). Здѣсь онъ дитя, невольно высказывающееся въ своей наивности; тамъ онъ мужъ, безпристрастно и вслѣдствіе высшихъ соображеній выражающій поэтическія истины. Малороссійскіе помѣщики прежняго времени жили въ деревняхъ своихъ весьма просто: ни въ устройствѣ домовъ, ни въ одеждѣ не было у нихъ большой заботы о красотѣ и комфортѣ. Поющія двери, глиняные полы и экипажи, дающіе своимъ звяканьемъ знать прикащику о приближеніи господъ, — все это должно было быть такъ и въ дѣйствительности Гоголева дѣтства, какъ оно представлено имъ въ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Это не кто другой, какъ *онъ самъ*, вбѣгалъ прозябнувъ въ сѣни, хлопалъ въ ладони и слышалъ въ скрипѣніи, двери: »батюшки, я зябну!« то *онъ* вперялъ глаза въ садъ, изъ котораго глядѣла сквозь растворенное окно майская темная ночь, когда на столѣ стоялъ горячій ужинъ и мелькала одинокая свѣча въ старинномъ подсвѣчникѣ. Покрытая зеленою плесенью крыша и крыльцо, лишенное штукатурки, представлялись *его* глазамъ, когда онъ, переѣхавъ пажити, лѣзущія въ экипажъ, приближался къ родному дому, и старосвѣтскіе помѣщики были портреты почтенной четы отходящихъ изъ нашего міра старичковъ, которые мирною жизнью, исполненною тихой любви и довольства, лелѣяли дѣтское сердце поэта, какъ теплая, свѣтлая осень лелѣетъ молодые посѣвы. И если онъ отъ своего отца и его досужихъ собесѣдниковъ позаимствовалъ оригинальную, истинно малороссійскую манеру балагурить, то, безъ сомнѣнія, охлажденныя старостью рѣчи прототиповъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны заронили въ его душу сѣмена серьёзныхъ убѣжденій религіи и нравственности, развивавшіяся въ немъ незримо для міра, наравнѣ съ даромъ овладѣвать разсѣяннымъ умомъ падкаго на смѣшное

(¹) Кромѣ развѣ оригинальныхъ украшеній языка, съ которыми онъ никогда не могъ разстаться.

читателя. Дѣтскія письма его покажутъ, какъ рано въ немъ скрывались высокія стремленія къ пользѣ ближняго, оказавшіяся впослѣдствіи подкладкою его юмористическихъ произведеній. Но не будемъ забѣгать впередъ и посмотримъ еще на обстановку дѣтскихъ лѣтъ поэта, поговоримъ о вліяніяхъ, содѣйствовавшихъ складу его ума и предначертавшихъ направленіе, по которому онъ долженъ былъ пойти въ зрѣломъ возрастѣ. При его впечатлительности, ничто не оставалось для него постороннимъ, до него некасающимся. Вотъ какъ разсказываетъ самъ онъ о своемъ жадномъ любопытствѣ, находившемъ пищу во всемъ, что̀ представлялось его взорамъ:

»Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что̀ носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ, извѣстной архитектуры... круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города — ничего не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телеги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за ними. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: Куда онъ идетъ? на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчикъ въ толстой курткѣ,

принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ сальномъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню, или широкую, желтую, деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, покуда разойдутся по обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь съ своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.« (¹)

Таковъ былъ Гоголь-ребенокъ. Еслибы судьба бросила его въ міръ круглымъ сиротою, то, съ этимъ инстинктомъ всматриваться во все его окружающее, съ этимъ даромъ по видѣнному угадывать невиданное и изъ отдѣльныхъ, несвязныхъ частицъ строить цѣлое, онъ во всякомъ случаѣ сдѣлался бы, такъ или иначе, художникомъ. Пускай бы онъ родился въ самомъ монотонномъ уголкѣ Россіи, посреди какихъ-нибудь Зырянъ, или Калмыковъ: онъ и тамъ высосалъ бы изъ родной почвы соки для цвѣтовъ воображенія и плодовъ мыслящаго духа. Но судьба назначила ему увидѣть свѣтъ въ странѣ, по замѣчанію Линнея, самой разнообразной естественными произведеніями, и посреди племени, одареннаго всѣми видоизмѣненіями чувствъ, отъ совершеннаго равнодушія къ житейскимъ выгодамъ и отсутствія всякой энергіи до неугомонной предпріимчивости и горячаго пристрастія къ любимой мечтѣ, — отъ беззаботнаго, лѣниваго смѣхотворства до глубочайшихъ, мрачныхъ, или торжественныхъ движеній сердца, — посреди племени, у котораго пѣсня звенитъ, вся отъ начала до конца, богатыми риѳмами — чистый, благородный металлъ поэзіи — и каждымъ почти словомъ питаетъ воображеніе. Небо сіяетъ въ ней мѣсяцемъ и звѣздами надъ дворомъ »красной дивчины«; роза плыветъ по водѣ, эмблематически выражая потерю цвѣтушей молодо-

---

(¹) »Мертвыя Души«, изд. 1846, стр. 207 — 9.

сти, отъ яркости нарядовъ красавицы вспыхиваетъ дуброва, черезъ которую она ѣдетъ къ суженому; влюбленная козачка молитъ Бога собрать ея вздохи, какъ цвѣты, и поставить у изголовья »милаго«, чтобъ онъ проснувшись вспомнилъ о ней. А пѣсни матерей и женъ бывшаго воинственнаго сословія! а мужественныя рапсодіи бандуристовъ, звучащія крѣпкою рѣчью, унылыя и вмѣстѣ торжественныя!... Каково такая поэзія должна была подѣйствовать на душу будущаго автора »Тараса Бульбы« и живописца украинской природы!

Этого мало. Онъ рождается въ семействѣ, отдѣленномъ только однимъ, или двумя поколѣніями отъ эпохи козацкихъ войнъ. Отъ своего дѣда онъ могъ слышать еще свѣжія, полныя живого интереса устныя преданія о томъ, что̀ записано въ лѣтописяхъ. И точно, слѣды этого сохранились въ повѣсти о »Пропавшей Грамотѣ«, разсказанной отъ лица балагура-дьячка. Авторъ, набросивъ на себя, по обыкновенію, покровъ шутливости, говоритъ съ чувствомъ, явно искреннимъ:

»Эхъ старина, старина! что̀ за радость, что̀ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что̀ давно-давно — и года ему, и мѣсяца нѣтъ — дѣялось на свѣтѣ! А какъ впутается еще какой-нибудь родичъ, дѣдъ, или прадѣдъ, — ну, тогда и рукой махни. Чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ-будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ!«

Самыя легкія черты старинной Малороссіи, разбросанныя у него — не говорю уже въ »Тарасѣ Бульбѣ«, но и въ мелкихъ разсказахъ и отрывкахъ — дышутъ именно такимъ чувствомъ, »какъ-будто онъ залѣзъ въ прадѣдовскую душу« и видѣлъ сквозь нее собственными глазами своего предка, Остапа Гоголя. Въ немъ не замѣтно этого правильнаго, полнаго изученія старины, на которое опирается родственная ему фантазія Вальтера Скотта; онъ говоритъ вещи, извѣстныя и мнѣ, и другому, и десятому, но говоритъ ихъ такъ, что въ каждой ихъ фразѣ вѣетъ воздухъ не нашего времени и въ складѣ его рѣчи чуешь присутствіе отдаленной дѣйствительности. Видно, что онъ былъ пораженъ въ дѣтствѣ не событіями старины, о которыхъ случалось ему слышать, а общимъ характеромъ этихъ событій, и чувство, впечатлѣвшееся тогда въ его сердце,

сообщало потомъ всему, чего онъ ни касался своею кистью, тотъ свѣтъ, въ которомъ его дѣтскому воображенію представлялась старина. (1)

Такимъ образомъ, обстоятельства дѣтства поэта и первыя впечатлѣнія, которыя онъ долженъ былъ получить отъ окружающей его природы и людей, благопріятствовали будущему развитію его таланта, надѣляя его свѣжими, живыми, цвѣтистыми матеріалами. Довольно было работы для дѣтскаго ума, пока онъ вобралъ въ себя образы и впечатлѣнія, которые послѣ такъ свѣжо явились въ его картинахъ »буколической«, какъ онъ самъ называетъ, жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и въ изображеніяхъ того, что́ онъ видѣлъ только духовными своими глазами въ дѣтствѣ. Впослѣдствіи сцена его наблюденій и воспріимчивости расширилась еще болѣе. Въ сосѣдствѣ села Васильевки, именно въ селѣ Кибинцахъ (2), поселился извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, геній своего рода, который изъ бѣднаго козачьяго мальчика умѣлъ своими способностями и заслугами возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути государственной службы, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Отецъ Гоголя былъ съ Трощинскимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Такъ и должно было случиться неизбѣжно. Оригинальный умъ и рѣдкій даръ слова, какими обладалъ сосѣдъ, были оцѣнены вполнѣ воспитанникомъ высшаго столичнаго круга. Съ своей стороны, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь не могъ найти ни лучшаго собесѣдника, какъ бывшій министръ, ни обширнѣйшаго и болѣе избраннаго круга слушателей, какъ тотъ, который собирался въ домѣ государственнаго человѣка, отдыхавшаго на родинѣ послѣ долгихъ трудовъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго.

(1) Когда М. А. Максимовичъ говорилъ съ нимъ о томъ, что хорошо было бы, еслибъ онъ описалъ свое путешествіе въ Палестину, онъ отвѣчалъ: »Можетъ быть, я описалъ бы все на четырехъ листахъ, но я желалъ бы написать это такъ, чтобъ читающій *слышалъ*, что я былъ Палестинѣ«.

(2) Недалеко отъ знаменитаго мѣстечка *Сорочинцы*, сцены первой повѣсти Гоголя въ »Вечерахъ на Хуторѣ«.

Въ то время Котляревскій только что выступилъ на сцену съ своею »Наталкою Полтавкою« и »Москалемъ-Чаривныкомъ«, пьесами, до сихъ поръ неисключенными изъ репертуара провинціальныхъ и столичныхъ театровъ. Комедіи изъ родной сферы, послѣ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго, понравились Малороссіянамъ, и не одинъ богатый помѣщикъ устроивалъ для нихъ домашній театръ. То же сдѣлалъ и Трощинскій. Собственная ли это его была затѣя, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву — не знаемъ, только старикъ-Гоголь былъ дирижеромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія, на малороссійскомъ языкѣ.

Къ сожалѣнію, все это считалось не болѣе, какъ шуткою, и никто не думалъ сберегать игравшіяся на кибинскомъ театрѣ комедіи. Единственные слѣды этой литературной дѣятельности мы находимъ въ эпиграфахъ къ »Сорочинской Ярмаркѣ« и къ »Майской Ночи«. Между этими эпиграфами есть нѣсколько стиховъ изъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, которыхъ имена подъ ними и подписаны. Подъ остальными сказано только; »Изъ малороссійской комедіи«. Сколько мнѣ извѣстна печатная и письменная малороссійская литература до появленія »Вечеровъ на Хуторѣ«, эпиграфы эти не принадлежатъ ни одной пьесѣ. То же самое должно сказать и о двухъ эпиграфахъ къ »Сорочинской Ярмаркѣ«, подъ которыми подписано: »Изъ старинной легенды« и »Изъ простонародной сказки«. Все ли это отрывки изъ сочиненій Гоголева отца, я не могу еще сказать. Можетъ быть, Гоголь сочинилъ самъ нѣкоторые изъ нихъ, подобно Вальтеру Скотту, который, затрудняясь иногда подобраніемъ эпиграфовъ къ многочисленнымъ главамъ своихъ романовъ, импровизировалъ нѣсколько стиховъ въ старинномъ, или простонародномъ вкусѣ и подписывалъ подъ ними: Old song (старинная пѣсня). По крайней мѣрѣ теперь я могу отчасти оправдать свою прежнюю догадку касательно этого обстоятельства, найдя въ числѣ упомянутыхъ эпиграфовъ одинъ несомнѣнный отрывокъ изъ комедіи Василія Гоголя. Этимъ я обязанъ достойной матери нашего поэта, которая часто видала двѣ комедіи своего покойнаго мужа на кибинскомъ театрѣ и помнитъ коечто изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ.

Первая изъ комедій Гоголева отца называлась двойнымъ титуломъ: »Романъ и Параска, или (другое названіе позабыто)«. Въ этой пьесѣ представлены мужъ и жена, жившіе въ домѣ Трощинскаго на жалованьи, или на другихъ условіяхъ« и принадлежавшіе, какъ видно, къ »высшему лакейству«. Они явились въ комедіи подъ настоящими именами, только въ простомъ крестьянткомъ быту, и хотя разыгривали почти то же, чтó случалось у нихъ въ дѣйствительной жизни, но не узнавали себя на сценѣ. Трощинскій былъ человѣкъ Екатерининскаго вѣка и любилъ держать при себѣ шутовъ; но этотъ Романъ былъ смѣшонъ только своимъ тупоуміемъ, которому бывшій министръ юстиціи не могъ достаточно надивиться. Чтó касается до жены Романа, то она была женщина довольно прыткая и умѣла водить мужа за носъ. Такою она представлена и въ комедіи.

Дѣйствіе происходитъ въ малороссійской хатѣ, убогой, но чистенькой. Параска сидитъ у печи и прядетъ. Входитъ мужикъ, хорошо одѣтый, и говоритъ:

— Здорова булá, кýмо! А кумъ де?

Параска. — На печи.

Кумъ. — Упъять на печи? Або, може, и не злáзывъ сёгóдни?

Тутъ между кумомъ и кумою происходитъ секретный разговоръ. Она выпрашиваетъ у него зайца, чтобъ подурачить мужа и выжить его на время изъ хаты. Кумъ замѣчаетъ ей: »Ты, кýмо, у лыха граешъ«, однакожъ отдаетъ ей свою добычу.

Когда гость удалился, Параска обращается къ мужу съ увѣщаніями:

— Ты бъ такы пишóвъ хоть зайця піймавъ, щобъ мы оскорóмылысь хоть зáячыною.

Романъ (громко съ печи). — Чимъ я его буду ловыть? У мéне чортымá ни собакы, ни рушныци.

Параска. — Кумъ поросямъ зáйця лóвыть; а наше ковáне такè прудкè!

Романъ (радостно). — То-то й е! Я дывлюсь, а вонò такъ швыдко побигло до корыта!

Параска. — Отъ бáчишъ! Уставай лышъ та убирайся.

Романъ. — Трéба жъ посиидаты.

Параска. — Ты знаешъ, що у насъ ничо́го нема́. Я зроблю хыба́росо́льцю та накрышу сухаривъ; ты и попоисы́.

Романъ садится посреди хаты и надѣваетъ *постолы* (лапти). Параска подаетъ ему *воло́ки* (оборы), но волоки рвутся у него въ рукахъ, и онъ въ отчаяньи:

Оттепѐръ такъ!

И принимается бранить жинку. Но та говоритъ:

— Возьмы́ вже хочъ поворо̀зку зъ очи́пка.

Потомъ надѣваетъ на него сѣрую свитку, шапку, подпоясываетъ и говоритъ:

— Оттепе́ръ зовси́мъ молодецъ: ти́льки въ коно́пли на опу́дало.

Романъ. — Колы бъ же порося́ поби́гло за мною.

Параска. — Якъ же можно, щобъ порося за чоловикомъ би́гло? Ты його положы въ то́рбу, накынь на плѐчи, а якъ побачишъ зайця, то й выпусты.

Выпроводивши его, она говоритъ:

— Де такы вы́дано, щобъ пороси́мъ зайця ловылы! А Романъ бидный и поня́въ виры. Іого недовго одурыты. Теперъ же буду выгляда́ты мого мылого дяка, Хому Грыгоровыча. Уменe для його и варѐныки прыготовлени и курочка спѐчена, въ печи засу́нена.

Дьякъ является съ привѣтствіями на славянскомъ языкѣ, прибавляя къ каждой фразѣ *тее-то*, и называя хозяйку сладкоустою Парасковіею Охримовной. Онъ »отпускаетъ«, по словамъ почтенной разскащицы, »чудныя фразы«, но она ихъ перезабыла.

Параска ставитъ на столъ угощеніе, какъ въ это время раздается за наружною дверью стукъ. Параска смотритъ въ окно и произноситъ то, что̀ напечатано въ эпиграфѣ къ VI-й главѣ »Сорочинской Ярмарки«:

»Отъ бида, Романъ идѐ! Оттеперъ якъ разъ надсадыть мени́ бѐбехивъ, да и вамъ, па́не Хо́мо, не безъ лыха буде.«

Дьякъ проситъ спрятать его куда-нибудь. Она прячетъ куда попало. отворяетъ мужу дверь, и тотъ является съ бранью и упрекомъ,

что поросенокъ его убѣжалъ совсѣмъ въ другую сторону, увидя зайца.

Но Параска показываетъ ему зайца и увѣряетъ, что поросенокъ принесъ его домой.

Романъ (въ изумленьи). — Бачъ!... винъ бигъ навперёймы!

Потомъ разсказываетъ, по какимъ мѣстамъ онъ искалъ своего поросенка и приводитъ странныя названія урочищъ, долинъ и косогоровъ. Пьеса оканчивается »очень смѣшнымъ« открытіемъ спрятаннаго дьяка; но гдѣ и какъ онъ былъ найденъ — позабыто.

Итакъ вотъ происхожденіе семинариста въ »Сорочинской Ярмаркѣ«, Ѳомы Григорьевича, героя предисловій къ »Вечерамъ на Хуторѣ«, дьяка и великолѣпной Солохи въ »Ночи передъ Рождествомъ«.

Другая комедія называлась: »Собака-Вивця́«. Вотъ ея содержаніе.

Солдатъ, квартируя у мужика, видѣлъ, какъ тотъ повелъ на ярмарку продавать овцу. Онъ условился съ товарищемъ овладѣть ею, и товарищъ явился навстрѣчу мужику.

— Ба, мужичокъ! сказалъ онъ: — Гдѣ ты ее нашелъ?

— Кого? отвѣчаетъ мужикъ: — вивцю́?

— Нѣтъ, собаку.

— Яку собаку?

— Нашего капитана. Сегодня сбѣжала у капитана собака, и вотъ она гдѣ! Гдѣ ты ее взялъ? Вотъ ужъ обрадуется капитанъ!

— Та се, моска́лю, вивця́, говоритъ мужикъ.

— Богъ съ тобою! какая вивца́?

— Та щ̀о бо ты кажешъ! А кличъ же: чы пиде вона до тебе?

Солдатъ, показывая сѣно изъ-подъ полы, говоритъ:

— Цуцу! цуцу!

Овца начала рваться отъ хозяина къ солдату.

Мужикъ колеблется. А солдатъ началъ представлять ему такіе доводы, что разувѣрилъ его окончательно. Мало того: онъ обвинилъ его въ воровствѣ, и тотъ, чтобъ только отвязаться, отдалъ солдату овцу и еще *копу грошей*.

— Будь ласковъ, служба, просилъ онъ солдата: — не кажы, що вона була у мене. Мабуть, злодій, укравшы іи, укынувъ мини въ загороду. Я пиду додому та визьму зъ загороды справжню вже вивцю, та й поведу на торгъ.

Изъ этого видно, что Гоголь въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ окруженъ литературною и театральною сферою, и такимъ образомъ тогда уже былъ для него намѣченъ предстоявшій ему путь. Онъ, можно сказать, подъ домашнимъ кровомъ получилъ первые уроки декламаціи и сценическихъ пріемовъ, которыми впослѣдствіи восхищалъ близкихъ своихъ пріятелей ([1]). Пріѣзжая домой на ваканціи, онъ имѣлъ не одинъ случай, если не видѣть театръ Трощинскаго, то слышать о немъ и позаимствовать кое-что отъ своего отца. Какъ бы то ни было, только въ Нѣжинской гимназіи мы находимъ его не только писателемъ и журналистомъ, но и отличнымъ актеромъ.

Однакожъ, прежде, нежели разскажемъ, какъ все это было, мы должны, для порядка своего повѣствованія, упомянуть, что Гоголь получилъ первоначальное воспитаніе дома, отъ наемнаго семинариста; потомъ готовился къ поступленію въ Гимназію въ Полтавѣ, на дому у одного учителя гимназіи, вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Иваномъ. Но когда ихъ взяли домой на каникулы и младшій братъ умеръ (9-ти лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (будучи старше его годомъ) оставался нѣкоторое время дома. Между тѣмъ тогдашній черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ увѣдомилъ Гоголева отца объ открытіи въ Нѣжинѣ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко и совѣтовалъ ему помѣстить сына въ находящійся при этой гимназіи пансіонъ, что и было сдѣлано въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года. Гоголь вступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ, а черезъ годъ зачисленъ казеннокоштнымъ.

([1]) Во время пребыванія Гоголя въ Римѣ, одинъ изъ русскихъ художниковъ, вслѣдствіе продолжительной болѣзни, впалъ въ крайне-затруднительныя обстоятельства. Гоголь, чтобъ сколько-нибудь помочь ему, пока подоспѣетъ пособіе изъ родины, читалъ за деньги, въ пользу его, своего «Ревизора», для всѣхъ Русскихъ, находившихся тогда въ Римѣ.

Здѣсь мы оглянемся назадъ и вспомнимъ еще два обстоятельства, которыхъ біографъ не долженъ упускать изъ виду при наблюденіи дальнѣйшихъ психологическихъ явленій въ жизни Гоголя. Первое — его любовь къ товарищу первыхъ дѣтскихъ игръ, потерянному при самомъ вступленіи въ общество чужихъ людей. Онъ былъ нѣжно привязанъ къ брату и упоминалъ о немъ съ глубокимъ чувствомъ въ бесѣдахъ съ школьными своими друзьями. Изъ всѣхъ героевъ своихъ повѣстей ни о комъ не писалъ онъ съ такой любовью, чуждою комическаго покрова, какъ объ Андріѣ (¹): можетъ быть его, прекраснаго и въ объятіяхъ смерти, оставилъ онъ намъ памятникомъ братской любви своей и долгихъ сожалѣній.

Второе обстоятельство — исторія знакомства его отца съ его матерью, сдѣлавшаяся, безъ сомнѣнія, ему извѣстною въ числѣ первыхъ узнанныхъ имъ семейныхъ преданій. Эта исторія сообщена мнѣ въ трехъ-четырехъ строкахъ самою Марьей Ивановной Гоголь и, съ ея позволенія, я приведу здѣсь эти строки.... Но, для большей ясности, я долженъ начать выписку изъ ея письма немного выше.

»Въ Малороссіи назадъ пятьдесятъ лѣтъ большая трудность была въ воспитаніи дѣтей небогатымъ людямъ, къ числу которыхъ принадлежали и мои родители; а женщинамъ не считали даже нужнымъ доставлять образованіе. Мои родители не были такихъ мыслей. Отецъ мой для того служилъ, чтобъ имѣть способъ образовать насъ и много трудился, прежде въ военной службѣ, которая была тогда очень тяжела, и когда потерялъ здоровье для той службы, то перешолъ въ штатскую, и тогда было началось мое воспитаніе, когда онъ былъ въ Харьковѣ губернскимъ почтмейстеромъ. И когда ему объявили доктора, что онъ лишится отъ излишняго прилежанія зрѣнія, то оставилъ службу и переѣхалъ въ свой маленькой хуторокъ, и окончилось мое воспитаніе, продолжавшееся всего 1 годъ. Потомъ выдали меня 14 лѣтъ за моего добраго мужа, въ 7 верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Онъ меня тогда увидалъ, неимѣющую году, и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моего дѣтства«.

(¹) Въ »Тарасѣ Бульбѣ.«

2

Мнѣ кажется, что эти послѣднія слова характеризуютъ сферу первыхъ понятій и вѣрованій Гоголя болѣе, нежели все, что было мною до сихъ поръ сказано, и потому совѣтую читателю обратить на ихъ особенное вниманіе.

II.

Пребываніе Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. — Дѣтскія проказы его. — Первые признаки литературныхъ способностей и сатирическаго склада ума его. — Воспоминанія самаго Гоголя о его школьныхъ литературныхъ опытахъ. — Школьная журналистика. — Сценическія способности Гоголя въ дѣтствѣ. — Страсть къ книгамъ.

Теперь мы будемъ говорить о той порѣ жизни поэта, о которой воспоминанія его соучениковъ ясны и живы. Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской Гимназіи, у водъ поросшей камышемъ рѣчи, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грёзы о родинѣ. Онъ — любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, по видимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое состязаніе. Гоголь любилъ своихъ товарищей вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи онъ изъ глубины души восклицалъ: »О моя юность! о моя свѣжесть!« (1), что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ

---

(1) »Мертвыя души«, стр. 209.

ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни объ одномъ изъ нихъ не отзывается онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждаго интересовала его въ высшей степени.

Впрочемъ товарищи составляли только отраду его въ разлукѣ съ роднымъ семействомъ, но не могли замѣнять для него первыхъ сердечныхъ привязанностей. Побывавъ дома на каникулахъ 1821 года, онъ до такой степени вновь сжился съ отцомъ и матерью, что разлука съ ними довела его до болѣзненнаго раздраженія чувствъ.

»Ахъ, какъ бы я желалъ (писалъ онъ къ нимъ), еслибъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали бъ объ участи своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь напротивъ того. О, если бы, дражайшіе родители, пріѣхали (вы) въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ! тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій денв слезы рѣкой льются, и самъ не знаю, отъ чего; а особливо, когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! Далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать.

»Не забудьте также (продолжаетъ онъ) добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ меня не плакать объ васъ, дражайшіе родители, и часто просиживаетъ по цѣлой ночи надо мною.«

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и »добронравнаго«; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинивался жосткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что называется, »смирною овечкою«. Маленькія злыя, ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что̀ онъ разсказываетъ въ »Мертвыхъ Душахъ« о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ быть, не всѣ такъ хорошо знакомы съ его произведеніями, какъ авторъ этихъ »Записокъ«; можетъ быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ воображеніи поэта при воспоминаніи

о гусарѣ; картина же эта живо рисуетъ и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь разсказываетъ о томъ, какъ дамы губернскаго города N, по случаю странныхъ подозрѣній насчетъ Чичикова, »умѣли напустить такого туману въ глаза всѣмъ, что всѣ нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту (продолжаетъ онъ) было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, чтó съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ и съ освѣжившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ« ([1]).

Эти »блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ« живо напоминаютъ тому, кто знаетъ мѣстность Нѣжинскаго Лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащій тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ Лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаюсь на соучениковъ Гоголя, не помнятъ ли они при этомъ »косвенномъ лучѣ солнца« золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ лѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью »всѣхъ наслажденій бытія«, набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣятельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечно оно въ гоголевой картинѣ.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отлич-

---

([1]) »Мертвыя Души«, стр. 360 — 361.

ною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ (¹). Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго еще питалъ комическое отвращеніе (²). Онъ шутя говаривалъ, что онъ »не вѣритъ, чтобы Шил-

---

(¹) Аттестатъ, полученный Гоголемъ при выпускѣ изъ Гимназіи, противорѣчитъ этому преданію его товарищей. Въ немъ сказано, что Гоголь окончилъ курсъ ученія съ *очень хорошими* успѣхами во французскомъ и съ *превосходными* въ нѣмецкомъ языкѣ. Но надобно знать, каково было тогда состояніе языкознанія въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Этой части гимназическаго курса придавалось такъ мало важности, что рѣшительное незнаніе иностранныхъ языковъ не мѣшало воспитанникамъ переходить въ высшіе классы. По свидѣтельству знакомыхъ со мной лично соучениковъ Гоголя, онъ, находясь въ одномъ съ ними классѣ по наукамъ, отставалъ отъ нихъ постоянно двумя классами по языкамъ, и *превосходилъ* развѣ только тѣхъ, которые знали еще меньше его, то есть почти не умѣли читать нѣмецкой печати, при окончаніи курса, какъ это можно было встрѣтить въ малороссійскихъ гимназіяхъ и гораздо позже Гоголева времени. — Я видѣлъ книги Гоголя, по которымъ онъ обрабатывалъ свои лекціи, будучи адъюнктомъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ. Всѣ онѣ на русскомъ и на французскомъ языкахъ; на нѣмецкомъ — ни одной. Гоголь любилъ читать Шекспира, но, не зная англійскаго языка (которому началъ учиться подъ конецъ жизни), не могъ пользоваться превосходнымъ переводомъ Шлегеля и читалъ обыкновенно по французски. Не мое дѣло догадываться, почему профессоръ нѣмецкой словесности аттестовалъ такъ высоко успѣхи Гоголя въ нѣмецкомъ языкѣ. Я только укажу на его же отмѣтку, сдѣланную въ общемъ выводѣ за 1828-й годъ. (См. въ приложеніяхъ.) Не говоря уже о томъ, что Гоголь въ этомъ году пребыванія своего въ Гимназіи Высшихъ Наукъ находился по языкамъ не въ шестомъ, высшемъ отдѣленіи, а въ четвертомъ отдѣленіи, онъ не могъ получить отмѣтки полныхъ баловъ 4, а получилъ только 2. Гдѣ же тутъ *превосходные* успѣхи? — Гоголь принялся за основательное изученіе языковъ только въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни и прибавилъ къ французскому знаніе языковъ итальянскаго, польскаго, нѣмецкаго, англійскаго, латинскаго и греческаго. Въ его бумагахъ сохранились слѣды занятій этими языками и кажется, что онъ читалъ книги на каждомъ изъ нихъ.

(²) Впослѣдствіи, во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно

леръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ«. — Вспомните слова его: »по англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съ умѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи« (1). Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

За то въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ Гимназіи было тогда, и до сихъ поръ (въ Лицеѣ) есть, нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ учителя рисованія, человѣка необыкновенно преданнаго своему искусству (2), и будучи приготовленъ къ этому практически, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятія объ изъящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ и уже съ того времени предметы стали обрисовываться для его глаза такъ опредѣлительно, какъ видятъ ихъ только люди, знакомые съ живописью (3).

свободно объясняться, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по итальянски. Разъ даже въ остеріи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ безъ приготовленія. Подъ конецъ жизни онъ учился и, можетъ быть, зналъ по англійски; а въ его бумагахъ найдено много тетрадей, исписанныхъ упражненіями въ греческомъ языкѣ.

(1) »Мертвыя Души«, стр. 313.

(2) Это былъ К. С. Павловъ, отъ котораго я многое узналъ о Гоголѣ.

(3) »Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи«, говоритъ Гоголь въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I, стр. 221). И какъ рано пробудилась въ немъ эта страсть, видно изъ слѣдующаго за тѣмъ недосказанаго объясненія: »Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди«. Эту картину показывали мнѣ въ Васильевкѣ. Она писана клеевыми красками на загрунтованномъ краснымъ грунтомъ холстѣ, длиною въ $1^1/_2$, а шириною въ 1 арш. Представляетъ она бесѣдку надъ прудомъ посреди высокихъ деревъ, между которыми одно — съ засохшими вѣтвями. Деревья, какъ видно, скопированы съ чего-нибудь, а бесѣдка сочинена вся или отчасти самимъ художникомъ. Замѣчательны въ ней рѣшетчатыя остроконечныя окна, подобныя тѣмъ, какія были въ старомъ домикѣ, нарисованномъ Гоголемъ. (О немъ будетъ сказано ниже.) Подобныя окна есть и теперь въ Васильевкѣ въ небольшомъ флигелькѣ, въ саду.

Что касается до литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы г-на Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ Гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь Яновскій* (¹). О первыхъ мы молчимъ, такъ какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже нѣкоторою опытностію, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстію. Слово въ эту эпоху вообще было какою-то новостію, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей, казался тогда восхитительною забавою (²). Это было время появленія первыхъ главъ »Евгенія Онѣгина«, время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и его блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Интересенъ разсказъ о Гоголѣ гимназистѣ, напечатанный однимъ изъ его наставниковъ, г. Кулжинскимъ въ 21 № »Москвитянина« 1854 года.

»Онъ учился у меня (говоритъ г. Кулжинскій) три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ христоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram (за что и былъ прозванъ

(¹) Впослѣдствіи онъ рѣшительно отрекся отъ второй половины своей двойной фамиліи и не позволялъ называть себя Яновскимъ. »Зачѣмъ называете вы меня Яновскимъ? (говорилъ онъ). Моя фамилія *Гоголь*, а *Яновскій* — только такъ, прибавка; ее Поляки выдумали. (Мих. Лонгиновъ: »Воспоминаніе о Гоголѣ, въ 3-й кн. »Современника« 1854).

(²) Я думаю, что еще въ ту свѣжую пору жизни Гоголь такъ пристально вглядѣлся въ неосязаемую механику слова, какъ это послѣ выражено имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I. стр. 224). »Въ каждомъ словѣ — говоритъ онъ — бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ.«

вмѣстѣ съ другими латинистами Universus mundus). Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою и, ежели правду сказать, нехотѣвшій или неумѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, по видимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть, и къ лучшему.«

По разсказу Г. И. Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Б — на, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день имянинъ Б—на, 12-го декабря, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

»Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище (дервишей) всѣхъ,
И . . . . строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальные слова въ устахъ запечатлѣй.«

Вскорѣ за тѣмъ (разсказываетъ г. Высоцкій) Гоголь написалъ сатиру на жителей города Нѣжина, подъ заглавіемъ: »Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ Законъ не писанъ«, и изобразилъ въ ней типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: 1) »Освященіе Церкви на Греческомъ Клад-

бище«; 2) »Выборъ въ Греческій Магистратъ«; 3) »Всеѣдная Ярмарка«; 4) Обѣдъ у Предводителя (Дворянства) П***«; 5) »Роспускъ и Съѣздъ Студентовъ«. Г. Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь еще въ Гимназіи, выписалъ ее отъ него изъ Петербурга, подъ предлогомъ, будто бы потерялъ подлинникъ, и уже не возвратилъ.

Другой соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ Гимназіи, читалъ ему наизустъ свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ »Двѣ Рыбки.« Въ ней, подъ двумя рыбками, онъ изобразилъ судьбу свою и своего брата — очень трогательно, сколько припомнитъ г. Прокоповичъ тогдашнее свое впечатлѣніе.

Наконецъ сохранилось преданіе еще объ одномъ ученическомъ произведеніи Гоголя — о трагедіи »Разбойники«, написанной пятистопными ямбами.

Каковы бъ ни были эти первыя литературныя попытки, но они обнаруживали уже, къ чему былъ призванъ въ жизни даровитый юноша. Между тѣмъ Гоголь до конца жизни сомнѣвался (разумѣется, по временамъ), »точно ли поприще писателя есть его поприще«, и ему можно, по этому, вѣрить, что онъ не придавалъ большой важности своимъ первымъ опытамъ въ стихахъ и въ прозѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ безыменной запискѣ 1847 года.

» . . . . . въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ [а задумываться о будущемъ я началъ рано — въ ту пору, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ], мысль о писательствѣ мнѣ никогда не входила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь, и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна: она пребывала неотлучно въ моей головѣ, впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій. Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я

получилъ навыкъ въ последнее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, не смотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками, хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, то есть угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думалъ о томъ, что сдѣлаю со временемъ изъ этого употребленіе.«

Возвратимся къ устнымъ преданіямъ соучениковъ Гоголя.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что́ всего важнѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: »Звѣзда«. Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ »Звѣздѣ«, между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: »Братья Твердиславичи« (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ »высокимъ« слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое.

Былъ въ Гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта, — словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе »Альманаха« и издалъ подъ заглавіемъ: »Парнасскій Навозъ«. Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьёзному подражанію журналамъ и работалъ надъ обертками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Новое литературное направленіе заставило его бросить журналистику. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ: другого никто не видалъ ([1]). Начальство Гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка, и ввело въ репертуаръ гоголева театра французскія пьесы. Тутъ-то и Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, непріученнымъ къ нему съ дѣтства, кажется гораздо труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія пьесы, однакожъ, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ Гимназіи, процвѣлъ наконецъ до того, что на представленія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ

([1]) Гоголь не только дирижировалъ плотниками, но самъ расписывалъ и декораціи. Ученики жертвовали въ театральный гардеробъ кто что̀ могъ. Между прочимъ, была пожертвована кѣмъ-то пара заржавѣвшихъ и обломанныхъ пистолетовъ, замѣчательная по слѣдующему случаю. Однажды, передъ самымъ представленіемъ »Недоросля«, Гоголь какъ-то задѣлъ своею шуткою одного изъ товарищей, Б. Тотъ вспыхнулъ и отказался играть, а онъ игралъ роль Стародума. Ну, какъ безъ Стародума приступить къ представленію? Гоголь сдѣлалъ видъ что вышелъ изъ себя; въ страшной мести онъ вызвалъ товарища на дуэль и подалъ ему театральные пистолеты безъ курковъ. Б. разсмѣялся и сталъ играть.

нихъ помнятъ его до сихъ поръ въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно. Этому можно повѣрить. Кромѣ мимики, онъ умѣлъ перенимать и голосъ другихъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ любилъ представлять одного старичка, Б., котораго онъ знавалъ въ Нѣжинѣ. Одинъ изъ его слушателей, никогда не видавшій этого Б., приходитъ разъ къ своему пріятелю и видитъ какого-то старичка, который играетъ на коврѣ съ дѣтьми. Голосъ и манеры этого старичка тотчасъ напомнили ему представленіе Гоголя. Онъ отводитъ хозяина въ сторону и спрашиваетъ, не Б. ли это. Дѣйствительно это былъ Б.

Еще мы знаемъ автора «Мертвыхъ Душъ» въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги нетрудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли «Сѣверные Цвѣты», издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе — нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ «Математическую Энциклопедію» Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ; но первое изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» еще отзывается ею.

III.

Переписка съ матерью во время пребыванія въ Гимназіи: нужда въ деньгахъ; — желаніе учиться музыкѣ и танцамъ; — участіе отца въ направленіи способностей Гоголя; — смерть отца; — отчаяніе Гоголя; — опасенія за здоровье матери; — сроки полученія денегъ изъ дому; — склонность къ сельскому хозяйству и садоводству; — ученическія сочиненія; — гимназическій театръ; — характеристика отца и горячая любовь къ нему; — страсть къ книгамъ; — заботы о костюмѣ; — высокія стремленія Гоголя-школьника. — Письма къ Г. И. Высоцкому: одиночество; сарказмы; мечты о будущемъ. — Письмо къ матери о страданіяхъ отъ людей и воздаяніи добромъ за зло. — Записная книга Гоголя-гимназиста.

Дополню изустныя преданія о Гоголѣ-школьникѣ выписками изъ его писемъ къ отцу и матери. Маленькій Гоголь нерѣдко терпѣлъ въ Нѣжинѣ нужду (это біографъ долженъ принять къ свѣдѣнію) не только въ деньгахъ, но и въ платьи. Въ письмѣ отъ 7 января 1822 года онъ говоритъ.

»Еще прошу васъ, пришлите мнѣ тулупъ, потому что намъ не даютъ казеннаго ни тулупа, ни шинели, а только въ однихъ мундирахъ, не смотря на стужу. И еще ежелибъ вы прислали жилетовъ хоть два. Здѣсь намъ даютъ по одному жилету.«

Въ октябрѣ того же года онъ писалъ:

»Прошу васъ, дражайшіе родители, прислать мнѣ сколько-нибудь денегъ, потому что у меня онѣ вовсе сошли, такъ что я найдусь принужденнымъ занять; да и взаймы достать негдѣ; а мнѣ надо ужасно, а особенно въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. Также ежелибъ еще прислали чего-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, какъ маменька еще тогда обѣщалась прислать сушеныхъ вишень безъ косточекъ. Но мнѣ хоть чего нибудь и похуже, а много, ежели это.«

Въ немъ рано обнаружилась страсть къ изящнымъ искусствамъ. Въ декабрѣ 1821 года онъ писалъ къ родителямъ:

»Ежели угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипкѣ и фортепіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяцъ. Я уже подписался хотѣвшимъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно.«

По недостатку денегъ на уплату танцмейстеру Гоголь долго не приступалъ къ танцованью. Въ октябрѣ 1823 года онъ пишетъ:

»Я еще не начиналъ учиться танцовать; однако время не уйдетъ. Ежели вы только пришлете деньги черезъ Ѳедьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно умѣть танцовать.«

Гоголь и въ дѣтствѣ не отличался здоровьемъ. Онъ писалъ къ отцу, въ первое время своего пребыванія въ Нѣжинѣ, что пьетъ какую-то настойку, данную ему отцомъ для постояннаго употребленія, и потомъ часто упоминаетъ, что былъ боленъ, и иногда опасно.

Слѣдующая выписка изъ письма Гоголя къ отцу отъ 22 января 1824 года покажетъ, какое участіе принималъ отецъ въ образованіи его артистическихъ способностей.

»Скрипку и другія присланныя вами мнѣ вещи исправно получилъ. — — Извините, что я вамъ не посылаю картинъ. Вы, видно, не поняли, что̀ я вамъ говорилъ; потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могутъ никакъ дня пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки. И для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ такой величины, какъ я вамъ писалъ, т. е двѣ такихъ, которыя бы имѣли $^3/_4$ аршина въ длину и $^1/_2$ аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла $1^1/_4$ длины и $^3/_4$ ширины, да еще маленькихъ двѣ $^1/_4$ и 2 вершка длины и $^1/_4$ ширины. Посылаю вамъ при семъ »Вѣстникъ Европы« въ цѣлости и прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, какъ-то : »Бѣдность и Благородство Души«, »Ненависть къ Людямъ и Раскаяніе«, »Богатоновъ или Провинціалъ въ Столицѣ«, и еще ежели какихъ можно прислать другихъ, зачто я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлости. Также, ежели можете, то пришлите мнѣ полотна и другихъ пособій для театра. Первая піеса у насъ будетъ представлена »Эдипъ въ Аѳинахъ«, трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папенька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нужныя пособія, такъ, ежели можно, прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ, — сколько можно, даже хоть и одинъ; получше, ежели бы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Каждый изъ насъ уже пожертвовалъ что̀ могъ, а я еще только. Какъ же я сыграю

свою роль, о томъ я васъ извѣщу. — — — Я перемѣнился какъ въ нравственности, такъ и въ успѣхахъ. Ежели бы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! [я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбія].«

Изъ письма отъ 13 іюня 1824 года видно, что Гоголь былъ въ то время полонъ жажды впечатлѣній природы и поэзіи. Онъ мечтаетъ о поѣздкѣ на каникулы домой и проситъ прислать ему на дорогу нѣсколько книгъ изъ Кибинецъ, то есть изъ библіотеки Трощинскаго.

»Но вмѣсто повѣстей (говоритъ онъ), пришлите вы намъ (¹) книгу подъ заглавіемъ: »Собраніе образцовыхъ Сочиненій въ Стихахъ«, съ портретами авторовъ, въ шести томахъ.«

Доказательствомъ, что Гоголь видалъ игру домашнихъ актеровъ въ Кибинцахъ или въ Васильевкѣ и пользовался уроками своего отца въ сценическомъ искусствѣ, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ письма его къ отцу:

»Сдѣлайте милость, объявите мнѣ: поѣду ли я домой на Рождество? то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я ее хорошо сыграю.«

Послѣ этого еще понятнѣе будетъ, какимъ ударомъ была для Гоголя смерть его отца. Чувства его выражены въ слѣдующемъ письмѣ къ матери (²).

»1825-го года, апрѣля 23 дня. Нѣжинъ.

»Не безпокойтесь, дражайшая маменька! я сей ударъ перенесъ съ твердостію истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою. Но Богъ удержалъ меня отъ сего, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣт-

---

(¹) Онъ условился ѣхать домой съ двумя товарищами, П. А. Барановымъ и А. С Данилевскимъ. *Н. М.*

(²) Г. Григорій Данилевскій, напечатавъ это письмо первый, въ 124 № »Московскихъ Вѣдомостей« 1852 года, позволилъ себѣ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя переправки и опустилъ трогательное обращеніе Гоголя къ матери,

ную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему. Благословляю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что̀ бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительнѣйшей, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга и всего? Что̀ есть милѣе? что̀ есть драгоцѣннѣе? — — —.«

Во второй припискѣ къ этому письму, Гоголь проситъ прислать ему 10 рублей (ассигнаціями) для покупки книги »Курсъ Россійской Словесности« и прибавляетъ: »На свои нужды мнѣ ничего ненадобно.«

Мать подъ вліяніемъ горести долго не отвѣчала сыну на это, и еще на два письма. Онъ мучился опасеніями за ея жизнь и писалъ къ ней черезъ мѣсяцъ:

»Вы не знаете, что̀ причиняете мнѣ своимъ молчаніемъ; вы не знаете, что отравляете каждою минутою мою жизнь. Ежели бы вы меня увидѣли, вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился. Я теперь, можно сказать, совсѣмъ не свой: бѣгаю съ мѣста на мѣсто; не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновеніе; бѣгаю на почту, спрашиваю, есть ли хоть малѣйшее извѣстіе, но вмѣсто отвѣта получаю — нѣтъ! и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое съ тѣхъ поръ мнѣ опротивѣло. Вы не знаете, что это несносное *нѣтъ* наноситъ мнѣ боязнь неизъяснимую. Печальныя мысли наперерывъ тѣснятся въ моей головѣ и не даютъ мнѣ ни минуты насладиться спокойствіемъ. — — — Ежели же не получу отвѣта на это письмо, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ. Тогда-то я прибѣгну къ отчаянію, и оно-то дастъ мнѣ средство, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности.«

Получивъ наконецъ успокоительное извѣстіе о матери, онъ пишетъ къ ней отъ 3-го іюня 1825 года о скоромъ свиданіи и прибавляетъ: »Я постараюсь къ вамъ привезть нѣсколько своихъ произведеній, также хорошенькихъ картинокъ своей работы.«

Въ одномъ письмѣ къ матери, отъ 30-го сентября 1825 года, обо-

значены сроки, въ которые обыкновенно Гоголь получалъ, еще по распредѣленію отца, деньги изъ дому, именно:

»Послѣ каникулъ	45 получилъ
Передъ Покровомъ Божіей Матери.	10
Передъ Рождествомъ	10
Передъ масленой	10
Передъ Воскресеніемъ Христовымъ	10
Передъ Зеленою недѣлею	10
Передъ каникулами.	5
Итого	70« (р. асс.)

Замѣчательны, въ письмѣ отъ 17-го января 1836 года, слѣдующія слова:

»Я теперь сдѣлался большимъ хозяиномъ: умѣю различать хлѣба и на каникулахъ покажу вамъ, гдѣ сѣно, овесъ, жито и прочее.«

Послѣ этого онъ часто освѣдомлялся о хозяйственныхъ занятіяхъ матери и предлагалъ ей разные совѣты.

Родственникъ и сосѣдъ родителей Гоголя Д. П. Трощинскій очень интересовался имъ, читалъ его письма, дѣлалъ объ нихъ свои замѣчанія и вообще имѣлъ вліяніе на его понятія и чувства. Маленькой Гоголь проникнутъ былъ глубокимъ къ нему почтеніемъ и благодарностью, какъ это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки его съ матерью:

Сентября 10-го, 1826 года: »Увѣдомьте, когда его высокопревосходительство Дмитрій Прокофьевичъ будетъ у насъ (т. е. въ Васильевкѣ). Что̀ онъ найдетъ тамъ хорошаго? что̀ ему понравится? Мнѣ съ нетерпѣніемъ хочется знать мнѣніе великаго человѣка даже о самыхъ маловажностяхъ«.

Октября 15-го, 1826: »Писали вы, чтобы я прислалъ его высокопревосходительству какое-нибудь сочиненіе. Думалъ и я было сперва то сдѣлать, но послѣ разсудилъ, что поднесши какую-нибудь эфимерную мелочь, я мало принесу себѣ пользы и мало хорошаго дамъ о себѣ мнѣнія, рѣшился, что лучше пріуготовить себя къ занятіямъ гораздо важнѣйшимъ и сдѣлать что-нибудь достойное вниманія просвѣщеннаго вельможи, благодѣтеля Малороссіи... Не хочу, ежели благодарность моя

будетъ слаба и не покажетъ сердечныхъ моихъ чувствованій. Лучше пусть она будетъ сокрыта до времени и послѣ выявитъ сердце, чувствующее благодѣянія, средствомъ, хотя менѣе достойнымъ сихъ благодѣяній«.

Но не для представленія только Трощинскому желали дома видѣть сочиненія Гоголя-гимназиста: ими занимались съ особеннымъ вниманіемъ и придавали всю важность занятіямъ его словесностью. Въ одномъ письмѣ къ матери (отъ 10-го сентября, 1826 года) онъ говоритъ:

»Вы пишите, чтобы я вамъ къ Рождеству привезъ что-нибудь изъ сочиненій своихъ. Время еще далекое, однакожъ постараюсь заготовить«.

Въ другомъ (отъ 23-го октября, 1825):

»Въ разсужденіи же сочиненія скажу вамъ, что я его не бралъ (изъ дому), но оно осталось между книгами въ шкафу. Но это не большая бѣда, ежели оно и точно пропало: я постараюсь васъ вознаградить новымъ и гораздо лучшимъ«.

Въ третьемъ (отъ 23-го ноября, 1826):

»Думаю, удивитесь вы успѣхамъ моимъ, которыхъ доказательства вручу лично вамъ. Сочиненій моихъ вы не узнáете: новый переворотъ настигнулъ ихъ; родъ ихъ теперь совершенно особенный. Радъ буду, весьма радъ, когда принесу вамъ удовольствіе«.

Слѣдующее письмо было помѣщено въ »Опытѣ Біографіи Гоголя«, но въ него вкралось нѣсколько ошибокъ, произшедшихъ не отъ моей вины (¹). Теперь оно свѣрено, какъ и другія, съ подлинникомъ.

1827-го года, февраля 26. Нѣжинъ.

»Къ числу замѣчательностей своихъ, иногда желаю быть ясновидцемъ, знать, чтò у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь; и вѣрите ли, почтеннѣйшая маминька, съ какимъ удовольствіемъ я занимаюсь отгадываніемъ всего того, чтò васъ занимаетъ. Какъ вы проводили масленую? весело ли? были ли у васъ собранія? Извините, что закидалъ васъ кучею

(¹) Онѣ произошли отъ передѣлокъ г-на Григорія Данилевскаго, который, первый, напечаталъ его, въ 124 № »Московскихъ Вѣдомостей« 1852 года.

вопросовъ. Обыкновенно человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлать участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему. Кто жъ ближе къ моему сердцу, какъ не вы, почтеннѣйшая маминька? ваша радость, ваше удовольствіе — и я счастливъ.

»Посмотрите же, какъ я повеселился. Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости [разумѣется не буйной], и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку счастливой, веселой жизни, удивляяся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ.

»Ежели объ чемъ я теперь думаю, такъ это все о будущей жизни моей. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, — не совсѣмъ, до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста.

»Масленицу, всю недѣлю, мы провели такъ, что желаю всякому ее провесть, какъ мы: всю недѣлю веселились безъ устали. Четыре дня съряду былъ у насъ театръ, и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ французскія піесы, соч. Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую, соч. Коцебу; русскія: »Недоросль«, соч. Фонъ-Визина; »Неудачный Примиритель«, Княжнина; »Лукавинъ«, Писарева, и »Береговое Право«, соч. Коцебу. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, и всё пріѣзжіе, и всѣ съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ: восемнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь. Дай Богъ, чтобъ вы провели его еще веселѣе. Ожидаютъ у насъ директора Ясновскаго со дня на день. Не знаемъ его характера. Говорятъ, что слишкомъ добръ, даже до слабости, чего мы боимся.

»Позвольте васъ, почтеннѣйшая маминька, потрудить одною просьбою: сдѣлайте милость, пришлите мнѣ холста самаго толстаго штуки двѣ и, ежели можно, болѣе. Намъ необходимо нуженъ (¹). Вы этимъ много, много одолжите меня. А до того остаюсь съ сыновнимъ почтеніемъ и самою жаркою преданностью и любовью, остаюсь навсегда послушнѣйшимъ сыномъ

»Николаемъ Гоголемъ.«

Когда, въ эпоху своей литературной славы, Гоголю случалось написать задушевное слово о своихъ чистыхъ стремленіяхъ къ общему благу, или заговорить языкомъ юноши, идеально-великодушнаго, нѣкоторые изъ людей, весьма близкихъ къ нему, принимали его слова недовѣрчиво, считая ихъ аффектаціей. Но надобно знать исторію семьи, въ которой онъ родился и получилъ первыя понятія о жизни, чтобы повѣрить, какъ могъ образоваться въ немъ этотъ мечтательно-благородный характеръ, который выказывается въ его интимной перепискѣ и въ нѣкоторыхъ изъ его посмертныхъ сочиненій. Еще рано входить въ подробности семейной исторіи покойнаго поэта; но вотъ какъ онъ изображаетъ своего отца, въ письмѣ къ матери отъ 24-го марта 1827 года.

»Весна приближается — время самое веселое, когда весело можемъ провесть его. Это напоминаетъ мнѣ времена дѣтства, мою жаркую страсть къ садоводству. Это-то время было обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ было съ лопатою въ рукѣ глубокомысленно раздумываю надъ изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желалъ когда-нибудь быть дома; въ это время я и теперь такой же, какъ и прежде, жаркій охотникъ къ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Не смотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папиньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать. Это небесный ангелъ, это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живитъ, даетъ даръ чувствовать самаго себя и часто въ минуты горя небеснымъ пламенемъ

(¹) Для театра. *Н. М.*

входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгустившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ, я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни (себѣ) подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный [и справедливо] въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія... Черезъ годъ вступлю я въ службу государственную.«

Помѣщу теперь два письма, уже извѣстныя читателямъ. Въ нихъ также вкралось было нѣсколько ошибокъ, по причинѣ, объясненной на стр. 34.

1.

1827 года, апрѣля 6-го дня. Нѣжинъ.

»Позвольте, во первыхъ, почтеннѣйшая маминька, поздравить васъ съ праздникомъ Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ, такъ же и почтеннѣйшаго дѣдушку (¹). Въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ; каждая копѣйка теперь имѣетъ у меня мѣсто. Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги весьма немаловажныя по моему состоянію, но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью (²). Не забываю

(¹) По матери. *Н. М.*

(²) Г. Прокоповичъ говорилъ мнѣ, что у Гоголя скоро не стало терпѣнія добиваться смысла въ языкѣ Шиллера, и что это было только минутное увлеченіе. *Н. М.*

также и русскихъ и выписываю что только выходитъ самаго отличнаго. Разумѣется, что я ограничиваюсь однимъ только чѣмъ-либо; въ цѣлые полъ-года я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня крушитъ чрезвычайно. Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему. Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газетный листокъ объявленія, вспомня невозможность имѣть его. Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца. Не знаю, что бы было со мною, ежелибы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки. Это услаждаетъ разлуку мою съ *вами*. *Вы* рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ, и душа моя разомъ обнимаетъ всю свою жизнь. — — —

»Давно ли я пріѣхалъ съ Рождества? а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало. Половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую. Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша. Одно имя каникулъ приводитъ меня въ восхищеніе. Какъ-бы то ни было, но цѣлый годъ бывши какъ-будто въ заключеніи и въ одно мгновеніе ока увидѣть всѣхъ родныхъ, все близкое сердцу... очаровательно! До слѣдующей почты.

»Любящій васъ болѣе всего въ мірѣ сынъ вашъ

»*Николай Гоголь*.«

2.

1827-й годъ, м. май, 20-е число.

»Получилъ ваше письмо сегодня и, къ моей горести, узналъ, что вы больны. Я уже это замѣтилъ бы изъ одной краткости письма вашего, которому видно мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно проклятой судьбѣ на самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я уже находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостью горя. Меня мучитъ ваша болѣзнь.—— Сдѣлайте милость, берегите себя. Въ это время, когда вы нездоровы,

я чувствую себя отъ того нездоровымъ. Вы сами знаете, что я еще драгоцѣннѣе васъ ничего не имѣю.

»Чѣмъ болѣе близится мѣсто свиданія, тѣмъ болѣе я опасаюсь невѣрности счастія. Дай Богъ, чтобъ я засталъ васъ въ здоровьи совершенномъ, въ счастіи, въ спокойствіи, окруженными всѣми возможными для васъ радостями. Не болѣе мѣсяца только осталось намъ жить въ разрозненіи; тогда я опять съ вами. —— Я не могу не радоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу, желая, чтобы этотъ годъ, какъ и всѣ будущіе, Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище, чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои. У насъ здѣсь поговариваютъ объ плодородіи этого года. Я думаю, что и у васъ также. Желательно мнѣ бы узнать объ этомъ отъ васъ, маминька, также и водится ли что̀ въ саду нашемъ. Здѣсь и на фрукты урожай. Что-то теперь дѣлаютъ пенаты мои? Я думаю, всѣ ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ.

»Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, когда будете присылать за мною: нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается, и тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, не смотря на дорогую плату. Я совѣтовалъ бы вамъ, милая маминька, деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма: оно какъ разъ и выдетъ, что ко времени моего отъѣзда платье поспѣетъ, для чего нужно по крайней мѣрѣ три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростью шьютъ на живую нитку. Денегъ пришлите мнѣ 150, полтораста рублей, потому (что) мнѣ, кромѣ крупнаго платья, нужно еще до пропасти разныхъ бездѣлушекъ, какъ-то: галстухи, подтяжки, платочки. Хотѣлось бы также сертучекъ лѣтній, легенькій, простенькій, чтобы ходить дома. Казенныхъ намъ теперь не шили, и мы принуждены ходить въ суконныхъ.

»Дай Богъ, маминька, чтобъ я васъ засталъ совершенно здоровыми, совершенно веселыми. Меня крушитъ ужасно какъ болѣзнь ваша. Сто разъ цѣлуя заочно ручки ваши, остаюсь вашимъ послушнѣйшимъ, любящимъ васъ болѣе жизни сыномъ

»Николаемъ Гоголь-Яновскимъ.«

Такъ оканчивается это письмо. Г. Григорій Данилевскій, напечатавъ его первый въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ« 1852, № 124, съ разными поправками, придѣлалъ къ нему слѣдующее окончаніе изъ письма отъ 7-го іюня 1826 года.

»Присылайте за мною экипажецъ умѣстительный, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите труды мои. —— Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, т. е. письма. Но черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнчивый въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламенный, признательный, никогда не загасившій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ« (¹).

Чѣмъ больше приближалось время окончанія гимназическаго курса, тѣмъ больше сознавалъ Гоголь недостаточность своихъ познаній, особенно въ языкахъ, для того, чтобы привесть въ исполненіе планы, строившіеся въ головѣ его. Въ концѣ 1827 года онъ писалъ къ матери:

»Я теперь совершенный затворникъ въ своихъ занятіяхъ. Цѣлый день съ утра до вечера ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій. Объ потерянномъ времени жалѣть нечего; нужно стараться вознаградить его; и въ короткіе эти полъ-года я хочу произвесть и произведу [я всегда достигалъ своихъ намѣреній] вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія, нежели въ цѣлые шесть лѣтъ. Мало я имѣю къ тому пособій, особливо при большомъ недостаткѣ въ нашемъ состояніи. На первый только случай, къ новому году только, мнѣ нужно по крайней мѣрѣ выслать 60 рублей на учебныя для меня книги, при которыхъ я еще буду терпѣть недостатокъ. Но при неусыпности, при моемъ желѣзномъ терпѣніи, я надѣюсь положить съ ними начало по крайней мѣрѣ, котораго уже невозможно бы было сдвинуть, начало великаго предначертаннаго мною зданія. Все это время я зани-

(¹) Разница въ нѣкоторыхъ словахъ этого отрывка противъ напечатаннаго въ »Опытѣ« произошла отъ того, что письмо было тамъ перепечатано изъ статьи г. Григорія Данилевскаго, помѣщенной въ 124 № »Московскихъ Вѣдомостей« 1852 года.
Н. М.

маюсь языками. Успѣхъ вѣнчаетъ, слава Богу, мои начинанія. Но это еще ничто съ предполагаемымъ: въ остальные полъ-года я положилъ себѣ за непремѣнное — окончить совершенно изученіе трехъ языковъ. На успѣхъ я не могу пожаловаться. Отъ него и отъ своего непоколебимаго намѣренія я много надѣюсь. Мнѣ жалко, мнѣ горестно только, что я принужденъ васъ разстроивать и безпокоить, зная наше слишкомъ небогатое состояніе, моими просьбами о деньгахъ, и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду имѣть непріятную необходимость надоѣдать вамъ подобными просьбами чаще прежняго. Но, почтеннѣйшая маминька, вы, которая каждый часъ заставляетъ насъ удивляться высокой своей добродѣтели, своему великодушному самоотверженію единственно для нашего счастія, не старайтесь сохранять для меня имѣнія. Къ чему оно? Только развѣ на первые два или три года въ Петербургѣ мнѣ будетъ нужно вспоможеніе, а тамъ... развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго, неколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать? и эти деньги, которыя вы мнѣ будете теперь посылать, не значитъ ли это отдача въ ростъ, съ тѣмъ, чтобъ послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами? Продайте тотъ лѣсъ большой, который мнѣ назначенъ. Деньгами, вырученными за него, можно не только сдѣлать вспоможеніе мнѣ, но и сестрѣ моей Машинькѣ ([1]). Я какъ подумаю, что ей бѣдной слишкомъ мало достается на часть, такъ не лучше ли будетъ, если раздѣлюсь всѣмъ своимъ имѣніемъ съ нею, особливо какъ буду въ Петербургѣ. Я бы оставилъ только домикъ для своего пріѣзду. Объ меньшихъ сестрахъ послѣ подумаемъ. А вы, маминька, осчастливите [чего я надѣюсь безъ сомнѣнія] меня своимъ пребываніемъ, и, спустя какихъ-нибудь года три послѣ своего бытія въ Петербургѣ, я пріѣду за вами. Вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете въ Петербургѣ моимъ ангеломъ-хранителемъ, и совѣты ваши, свято мною исполняемые, загладятъ прошлое легкомысліе моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастливъ.«

([1]) Она вышла замужъ въ 1832, овдовѣла въ 1836, скончалась въ 1844 году.

Н. М.

Грустно читать эти мечты о внутреннемъ удовлетвореніи жизнью, о какихъ-то великодушныхъ предпріятіяхъ и о великихъ результатахъ безкорыстной дѣятельности, которыми Гоголь надѣялся наслаждаться, — грустно читать обо всемъ этомъ, зная, какая борьба предстояла ему въ водоворотѣ добра и зла, высокаго и низкаго, прекраснаго и отвратительнаго, въ который онъ бросился своими свѣжими силами. Но сколько поэзіи въ этой юношеской самоувѣренности, въ этой дерзости стремиться къ чрезвычайному, не имѣя еще силъ чрезвычайныхъ! Никто изъ нашихъ поэтовъ не задумывался такъ рано о великихъ подвигахъ для блага ближняго; ни у кого не было въ юности такъ широко любящей души; и никто не боролся такъ горячо съ равнодушіемъ массы ближнихъ къ добру. Читатель далѣе увидитъ, какъ ясно сознавалъ Гоголь свое призваніе еще до переѣзда въ Петербургъ. Теперь я помѣщу два письма къ Г. И. Высоцкому, писанныя въ 1827 году, и потомъ перейду снова къ перепискѣ его съ матерью.

Г. Высоцкій былъ соученикъ Гоголя по Гимназіи Высшихъ Наукъ и шелъ классомъ или двумя выше его.

Сходство вкусовъ сблизило ихъ, ибо тотъ и другой отличались мечтательностію и комизмомъ. Всѣ юмористическія прозвища, подъ которыми Гоголь упоминаетъ въ своихъ письмахъ о товарищахъ, принадлежатъ г. Высоцкому. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на первоначальный характеръ гоголевыхъ сочиненій. Товарищи ихъ обоихъ, перечитывая »Вечера на Хуторѣ« и »Миргородъ«, на каждомъ шагу встрѣчаютъ слова, выраженія и анекдоты, которыми г. Высоцкій смѣшилъ ихъ еще въ Гимназіи.

Ученическія письма Гоголя отличаются отсутствіемъ всякихъ правилъ ѳеографіи, что обнаруживаетъ поверхностность полученнаго поэтомъ въ дѣтствѣ воспитанія, а пожалуй также и его всегдашнюю небрежность въ литературной манипуляціи. Чтобъ сдѣлать ихъ болѣе ясными, я разставилъ какъ слѣдуетъ знаки препинанія, обратилъ прописныя буквы, на которыя онъ былъ тогда очень щедръ, въ строчныя и поправилъ неправильныя окончанія въ прилагательныхъ именахъ.

1.

»1827 года, генваря 17. Нѣжинъ.«

»Теперь только пріѣхалъ я изъ дому, гдѣ былъ всѣ праздники, и сегодня только получилъ твою записку отъ Шапалинскаго. Извини меня, безцѣнный другъ, что я такъ неблагодарно отплатилъ за твое дружеское расположеніе: на письмо твое не отвѣчалъ ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло отъ какого либо небреженія или холодности: нѣтъ, другъ! По крайнѣй мѣрѣ, позволь сказать, что ни къ кому сердце мое такъ не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли друъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ; а я... зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастіе? за чѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпенье. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ... Много принесло мнѣ удовольствія письмо твое; жадно перечитывалъ я тобою писанное, ловилъ слова, и мнѣ казалось, будто я слышу изъ устъ твоихъ. И послѣ всего этого, послѣ всей радости, которую ты прислалъ ко мнѣ съ письмомъ, я ни слова не сказалъ тебѣ. Какая неблагодарность чернѣе этой? Но еще разъ прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставилъ, и принялъ твердое намѣреніе писать нарочно побольше писемъ въ разныя мѣста, чтобы тѣмъ пріучить себя къ исправности. Сдѣлай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня, — пиши ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ этой поры никогда письмо твое не будетъ оставлено безъ отвѣта.

»Пиши мнѣ объ своей жизни, о своихъ занятіяхъ, удовольствіяхъ, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, что только напоминаетъ прелесть

жизни петербургской. Это одно для меня развѣетъ горечь моего заточенія, сблизитъ урочное время и покажетъ мнѣ тебя въ твоемъ быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже съ восхищеніемъ въ мечтахъ читаю письмо, забывая и мѣстопребываніе свое, и весь міръ, выключая тебя съ Петербургомъ.

»Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Л*** поѣхалъ въ Одессу, Д*** (¹) тоже выбылъ. Не знаю, куда понесетъ его. Здѣсь онъ весьма худо велъ себя. Изъ старыхъ никого нѣтъ. Насъ теперь весьма мало; но мнѣ до ихъ дѣла нѣтъ: я совершенно позабылъ всѣхъ. Изрѣдка только здѣшнія происшествія трогаютъ меня; впрочемъ, я весь съ тобою въ столицѣ. Объ твоемъ аттестатѣ я всегда надоѣдалъ Шапалинскому, и теперь крѣпко настоялъ, чтобъ отсылать къ тебѣ. Онъ уже изготовленъ, и ты скоро получишь. Каково теперь у васъ? Какъ-то будете веселиться на масляницѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякій вечеръ тамъ. Чья музыка? Что̀ тебѣ сказать объ нашихъ новостяхъ? здѣсь ихъ совершенно нѣтъ. Писать тебѣ про пансіонъ? онъ у насъ теперь въ самомъ лучшемъ, самомъ благородномъ состояніи, и всѣмъ этимъ мы одолжены нашему инспектору Бѣлоусову. Къ масленицѣ затѣваютъ театръ. Дураки всё такъ же глупы. Барончикъ, Доримончикъ, фонъ-Фонтикъ-Купидончикъ, Мишель Дюсенька, Хопщики здравъ и не вредимъ, и часъ отъ часу глупѣетъ. Демировъ-Мишковскій, Батюшечка и Урсо кланяются по поясъ. Мыгалычъ чуть-чуть было не околѣлъ. Впрочемъ все благополучно. Бодянъ только проситъ у тебя на водку.« Но прости: я болтаю пустяки и надоѣлъ уже, думаю, тебѣ до сна. По слѣдующей почтѣ я намѣренъ еще тебѣ сказать кое объ чемъ; а до того времени не забудь твоего вѣрнаго, всегда и вездѣ тебя любящаго стариннаго друга

»*Н. Гоголя*.«

(¹) Имена, сокращенныя мною въ начальныя буквы, будутъ вездѣ отмѣчены тремя звѣздочками; начальныя же буквы, выставленныя вмѣсто именъ самимъ Гоголемъ, не будутъ имѣть при себѣ звѣздочекъ. *Н. М.*

»Божко и Миллеръ благодарятъ, что ты не забылъ ихъ.«

Отмѣтка г. Высоцкаго: »Получено отъ Николая Васильевича Гоголь-Яновскаго сіе письмо 9-го февраля 1827 г. *Въ С.Петербургѣ.*«

2.

»1827 годъ, м. іюнь, число 26. Нѣжинъ«.

»Пишу къ тебѣ таки изъ Нѣжина. Не думай, чтобы экзаменъ могъ помѣшать мнѣ писать къ тебѣ. Письмами твоими я уже болѣе сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоѣдать. Мнѣ представляется, что ты сидишь возлѣ меня, что я имѣю право поминутно тебя распрашивать. Милый, Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письмѣ твоемъ. Она, кажется, ростетъ между нами болѣе и болѣе, и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или — странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе. Меня восхищаетъ, когда я подумаю, что тамъ есть кому ждать меня, есть кому встрѣтить роднымъ привѣтствіемъ и облеснуть лицо свѣтлою радостью. Означились мнѣ на сердцѣ также и друзья-пріятели твои. Я не знаю ихъ, никогда не видалъ, но они друзья тебѣ, и я ихъ такъ же люблю, какъ и ты. Зачѣмъ ты не наименилъ ни одного изъ нихъ? Хотя имя не опредѣлитъ человѣка, не ознакомитъ съ нимъ, однако я все бы могъ изъ письма твоего узнать ихъ характеръ, свойство, съ кѣмъ ты болѣе друженъ, — особливо, когда они будутъ дѣйствующими лицами въ твоихъ письмахъ, чего мнѣ непремѣнно хочется. Уединясь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ вывѣрить мышленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ. Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, чтó только находится въ одной родинѣ, и тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмол-

ніе. Въ такомъ случаѣ я желаю знать тебя въ кругу твоихъ друзей, гдѣ не скрываешься и гдѣ ваши занятія всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писалъ мнѣ ваши разговоры и цѣлыя происшествія замѣчательнаго дня. Можетъ быть, я требую многаго; но ты не откажешь въ этомъ тому, у котораго, кромѣ тебя, почти ничего не осталось и который только этимъ и бываетъ веселъ. И точно : я ничего теперь такъ не ожидаю, какъ твоихъ писемъ. Онѣ — моя радость въ скучномъ уединеніи. Нѣсколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, неоставляющія для меня ничего, кромѣ ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзаменъ для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю, что со мною будетъ далѣе. Только я и надѣюсь, что поѣздкою домой обновлю немного свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодѣтельной свободы! Не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время!... Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольстія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться..... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то не многими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза соучастія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ.

»Ты уже и успѣлъ дать за меня слово объ моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаяться? можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку : »не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе«. Но уже такъ и быть; ты далъ слово—нужно мнѣ спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ : куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидаютъ? Меня это ужасть какъ приближаетъ къ Петербургу, — тѣмъ болѣе, что я внесенъ уже въ вашъ кругъ. Мое имя, я думаю, по-

инается между вами, и, может быть, по какому-то тайному сочувствію, кто нибудь изъ друзей твоихъ напменитъ меня, какъ друга ихъ друга, предугадывая, что онъ также добръ. На дняхъ я получилъ письмо отъ Л***, не знаю по какой благодати. Чего только онъ въ немъ не наговорилъ! и каламбуровъ и стишковъ. Изо всего письма я только могъ замѣтить, что, увидѣвши мое письмо къ тебѣ, онъ загорѣлся воспоминаніемъ и рѣшился подкрѣпить его посланіемъ. На четырехъ страницахъ не сказалъ объ себѣ ни слова, даже не объявилъ при концѣ письма, что онъ Л***—Р***; а въ заключеніе просилъ меня извѣстить объ *Кларочькѣ* К***, объ которой ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго свѣдѣнія: даже не видалъ ее ниразу. Жалѣю, однакожъ, что мнѣ нѣтъ времени писать, особливо теперь. Чтобъ онъ еще, однакожъ, не почелъ за пренебреженіе. Извини меня какъ нибудь передъ нимъ.... Нѣтъ ли тамъ у васъ Николаевича-Кобелянцкаго? Мы уже годъ какъ его не видимъ. Сначала было навѣдывался къ намъ, а теперь пропалъ безъ вѣсти. У насъ теперь у Нѣжинѣ завелось сообщеніе съ Одессою посредствомъ парахода или брички Ваныкина. Этотъ пароходъ отправляется отсюда ежемѣсячно съ огурцами и пикулями и возвращается набитый маслинами, табакомъ и гальвою. Семеновичъ-Орлай, который теперь обрѣтается въ Одессѣ, подманилъ отсюда Д*** — М***, которому давно уже Гимназія открыла свободный, безпрепятствій пропускъ за пьянство; и по сему поводу пароходъ совершилъ седмую экспедицію для взятія въ пассажиры М***го, а на мѣсто его въ гувернеры высадилъ директорскую ключницу, ростомъ въ сажень съ половиною, которая привела было въ трепетъ всю челядь Гимназіи Высшихъ Наукъ К. Безбородко, пока одинъ Бодянъ не доказалъ, что русскій солдатъ чорта не боится, и въ славномъ сраженіи при Шуршѣ оборотилъ переднія ея челюсти на затылокъ. К*** къ намъ ходитъ теперь съ бритою головою [опасаясь, вѣрно, плотоядныхъ животныхъ]; но чтобы не выказать срамоты, заказалъ красную шапочку, и этимъ точно охарактеризовалъ себя. И дѣйствительно теперь онъ сдѣлался такимъ, что всякъ придетъ въ недоумѣніе, похожъ ли онъ на того человѣка, которому брѣютъ голову, или на того, который ходитъ въ красной шапочкѣ, и поперемѣнно бѣсится, находясь то въ степени [употреблю твое слово] амуристики,

то въ степени, обладавшей знаменитымъ изгнанникомъ Д****мъ — М***мъ. Данилевскій находится теперь въ Москвѣ, — не могу навѣрно сказать гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ. Петръ Александровичъ Б***, наскуча недѣятельною жизнью, захотѣлъ отвѣдать трудностей воинскихъ, и, мѣсяцъ назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ объявляетъ онъ о своемъ опредѣленіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. — —

»Теперь гимназія наша заселена всё семействами. Всѣмъ чиновникамъ пришла блажь жениться. Объ женитьбѣ Шапалинскаго и Самойленка, я думаю, (ты) слышалъ; кромѣ того, Лаура [П***] совокупился законнымъ бракомъ съ дочерью Капетихи. В*** женится на Фелибертисѣ [онъ овдовѣлъ при тебѣ]; І*** — на базилёвой сестрицѣ, которая пріѣхала изъ Одессы; Л*** — на какой-то французской мамзели, которой имени ей-Богу я до сихъ поръ не знаю, хотя три мѣсяца уже прошло послѣ ихъ обрученія; и даже казакъ М*** намѣревается, *вѣроятно*, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и *кроется во мракѣ баснословія;* но доказательствомъ сему служитъ его покупка земли, на которой уже началъ домъ строить.

»Мишель нашъ, баронъ Кунжутъ-фонъ-Фонтикъ — радуйся — снова у насъ; а мы уже было думали, что онъ совсѣмъ насъ оставитъ. Уже подалъ было прошеніе о принятіи его въ драгунскій полкъ: но благоразумный отецъ, узнавъ объ этомъ, отеческою рукою расписалъ ему задній фасадъ, въ числѣ 150 ударовъ, и онъ, баропчикъ Хопцики, обновленный, явился у насъ снова, празднуя свое перерожденіе. Но я, думаю, надоѣлъ тебѣ пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, какъ на свидѣтелей теряемаго времени. Но неужели мы должны вѣкъ серьёзничать, — и отчегоже изрѣдка не быть творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мнѣ наскучило горевать здѣсь, и, не могши ни съ кѣмъ развеселиться, мысли мои изливаются на письмѣ и, забывшись отъ радости, что есть съ кѣмъ поговорить, прогнавъ горе, садятся нестройными толпами въ видѣ буквъ на бумагу, и въ это время — вообрази — я на какую мысль набрёлъ. Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предполо-

женія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвирнетъ меня съ толпою самодовольной черни — [мысль ужасная!] въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ.

»Но, покуда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говоримъ мы долго, будто смѣемся, и — вѣришь ли? — будто, забывшись, перо выпадало разъ двадцать на бумагу, разрушало мечтательныя думы и съ досады зачеркивало ничего ему несдѣлавшія слова. Ахъ, какъ въ это время хотѣлось бы мнѣ обнять тебя, увидѣть тебя! Не знаю, можетъ ли что̀ удержать меня ѣхать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнулъ и пристращалъ меня необыкновенною дороговизною, особливо съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ-то: манишки, платки, косынки и другія бездѣлушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ цѣнъ и убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссійскій, который достается почти даромъ; а (¹) потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною. Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ.

»Какое теперь ужасное у насъ плодородіе, ты не повѣришь, — особливо фруктовъ! Деревья гнутся, ломятся отъ тяжести. Не знаемъ, дѣвать куда. Я воображаю объ необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, пріѣхавши домой. Уже два дни экипажъ стоитъ за мною. Съ нетерпѣніемъ лечу освѣжиться, ожить отъ мертваго усыпленія годичнаго въ Нѣжинѣ, отъ ядовитаго истомленія, вслѣдствіе нетерпѣнія и

(¹) Съ этого мѣста перемѣнились чернилы и почеркъ сдѣлался небрежнѣе.
Н. М.

скуки. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе носить иго школьнаго педантизма, пока уроченное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ, не предстанетъ снова истомленному. Какая у насъ засуха! болѣе полтора мѣсяца не шли дожди. Не знаю, что̀ будетъ далѣе. Лѣто вдругъ у насъ перемѣнилось: сдѣлалось вдругъ такъ холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрамъ. Весна была нестерпимо жарка.

»Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., попросить объ одномъ дѣлѣ... надѣюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинакого росту и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь — главное — узнай, что̀ стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать тебѣ денегъ. А сукно-то, я думаю, здѣсь купить, оттого, что ты говоришь — въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ или къ первому ноября я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоцѣнный другъ, что я тебя затрудняю такъ; я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты обяжешь только меня этимъ! Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ очень бы хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами [1]; а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоѣли, что смотрѣть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный, безцѣнный другъ.

---

[1] Этотъ вкусъ сохранился у него до конца жизни. Между платьемъ его, послѣ смерти, остались синій фракъ съ металлическими пуговицами и нѣсколько синихъ жилетовъ. *Н. М.*

»Письмо мое началъ укоризнами унынія и при концѣ развеселился. Тебѣ хочется знать причину? вотъ она: я началъ его въ Нѣжинѣ, а кончаю дома, въ своемъ владѣніи, гдѣ окруженъ почти съ утра до вечера весельемъ. Желаю тебѣ вполнѣ имъ наслаждать(ся), и чтобы никогда минута горести не отравляла часовъ твоей радости. А я до гроба твой

»Неизмѣнный, вѣрный, всегда тебя любящій

»Николай Гоголь.

»Изъ Нѣжина къ тебѣ кланяются всѣ, — примѣчательнѣе: Лопушевскій, буфетчикъ Марко (прежній фаворитъ твой, съ своею красною жонкою), баронъ фонъ-Фонтикъ давинѣе (?), Гусь Евлампій ([1]), Григоровъ, Божко, Миллеръ и проч. и проч., а отсюдова одинъ только я привѣтствую тебя поклономъ заочно.« ([2])

Судя по множеству черныхъ фраковъ, о которыхъ упоминаетъ Гоголь въ письмѣ къ г. Высоцкому и по его заботамъ о своемъ костюмѣ, выраженнымъ въ письмѣ къ матери, можно подумать, что онъ былъ франтъ между своими соучениками. Между тѣмъ они сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о страшномъ неряхѣ. Онъ рѣшительно пренебрегалъ тогда своею внѣшностью и принаряжался только дома, гдѣ, видно, были люди, на которыхъ онъ особенно желалъ производить пріятное впечатленіе. ([3])

»Окончивъ курсъ наукъ (говоритъ г. Кулжинскій), Гоголь прежде всѣхъ своихъ товарищей, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его, въ свѣтлокоричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка почиталась тогда nec plus ultra молодаго щегольства, и Гоголь, идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку.«

([1]) Фельдшеръ при гимназическомъ лазаретѣ.

([2]) За сообщеніе мнѣ этихъ документовъ я обязанъ глубокою благодарностью И. Д. Юскевичу-Красковскому. *Н. М.*

([3]) Въ письмѣ къ матери отъ 10-го іюня 1825 года онъ говоритъ: »Также я вамъ писалъ, чтобъ въ Кибинцы не заѣзжать, потому что у меня платья совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, въ которомъ хожу повседневно.«

Въ Петербургѣ нѣкоторые помнятъ его щеголемъ; было время, что онъ даже сбрилъ себя волосы, чтобы усилить ихъ густоту, и носилъ парикъ. Но тѣ же самыя лица разсказываютъ, что у него изъ подъ парика выглядывала иногда вата, которую онъ подкладывалъ подъ пружины, а изъ-за галстуха вѣчно торчали бѣлыя тесемки. А одинъ изъ его учениковъ (¹), описывая Гоголя въ эпоху 1831 года, говоритъ, что костюмъ его былъ составленъ изъ рѣзкихъ противоположностей щегольства и неряшества. Такимъ образомъ, Гоголь служитъ новымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что поэтъ въ мелкихъ дѣлахъ общежитія непремѣнно долженъ имѣть какія-нибудь странности.

Слѣдующая выписка изъ письма Гоголя къ матери (отъ 1-го марта, 1828) представитъ изумительное явленіе: молодой школьникъ говоритъ о высокомъ христіянскомъ самосовершенствованіи посредствомъ нуждъ и страданій и характеризуетъ себя въ настоящемъ и будущемъ съ поразительною вѣрностью.

»Я не говорилъ (вамъ) никогда, что утерялъ цѣлые 6 лѣтъ даромъ. Скажу только, что нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что̀ бы изъ этого было? Видѣлъ я здѣсь и тѣхъ, которые находились подъ особымъ покровительствомъ. Имъ только лучше ставили классные шары, а впрочемъ они были глупѣе прочихъ, потому что они совершенно ничѣмъ не занимались. Я не тревожилъ васъ увѣдомленіемъ объ этомъ, зная, что лучшаго воспитанія вы дать мнѣ были не въ состояніи и что не во всякое заведеніе можно было такъ счастливо на казенный счетъ попасть. Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, выѣзжали, позабывши послѣднія. Ежели я что̀ знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія, если не совершенно достигъ того, что̀ мнѣ нужно. У меня не было другихъ путеводи-

(¹) М. Н. Лонгиновъ: «Воспоминанія о Гоголѣ».

телей, кромѣ меня самаго, а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много, силы и стараніе имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало; напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій. Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете. Я нарочно старался у васъ, всегда когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія; никто не слыхалъ моихъ жалобъ; я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ: никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. (¹) Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., у иныхъ уменъ, у другихъ глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня называете мечтателемъ опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри́ самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они — вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно пообтерся, ежели кому всякой

(¹) Малороссіянизмъ; значитъ — созданъ иначе нежели люди. *Н. М.*

разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій.«

Собранныя мною преданія о школьномъ ученіи Гоголя и его письма изъ Гимназіи достаточно показываютъ, каково было воспитаніе, полученное Гоголемъ въ Нѣжинѣ. Чтобъ еще ближе познакомить читателя со вкусомъ и наклонностями будущаго автора повѣстей и комедій, сдѣлаю описаніе записной книги его, заведенной въ 1826 году и въ которую онъ, по всѣмъ признакамъ, не вносилъ уже ничего, по окончаніи курса. Книга эта, судя по ея переплету, слишкомъ мастерскому для нѣжинской работы даже и въ наше время, была кѣмъ-то подарена Гоголю для того употребленія, которое онъ изъ нея сдѣлалъ. Разнообразіе внесенныхъ въ нее статей обнаруживаетъ въ молодомъ владѣльцѣ ея сильную жажду знанія, которой противодѣйствовала, можетъ быть, только поэтическая лѣнь, недававшая Гоголю привести въ исполненіе всѣхъ его намѣреній по предмету положительной эрудиціи.

Записная книга Гоголя сшита въ листъ изъ синеватой бумаги хорошаго, по своему времени, сорта и переплетена въ кожу; толщиной она въ вершокъ. На заглавномъ листѣ ея читаемъ: »Книга Всякой Веячины, или Подручная Энциклопедія. Составл. Н. Г. Нѣжинъ, 1826«. (1) Вотъ предметы, интересовавшіе по чему-либо Гоголя-школьника. Исчисляю ихъ въ томъ порядкѣ, какъ разбросаны они въ книгѣ, подѣленной на мелкія части алфавитомъ.

»Аптекарскій вѣсъ«.

»Архитектурные чертежи«. (2)

»Лексиконъ малороссійскій«. (3)

---

(1) Она принадлежитъ теперь С. Т. Аксакову.

(2) Это части колоннъ разныхъ орденовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вырѣзаны изъ гравированныхъ чертежей, другія прорисованы на прозрачной бумагѣ и всѣ наклеены на листахъ книги. Такихъ чертежей разбросано въ разныхъ мѣстахъ книги множество. Три полулиста тонкой бумаги съ чертежами вложено въ бумажный карманъ, сдѣланный между листами подъ буквою А.

(3) Онъ состоитъ изъ малороссійскихъ словъ съ русскими синонимами и вписанъ въ книгу въ разныхъ мѣстахъ ея, смотря по тому, на какую букву начинается слово.

»Вѣсъ въ разныхъ государствахъ«.
»Hauteurs des quelques monuments remarquables«.
»Древнее вооруженіе греческое«. (1)
»Вирша, говоренная гетману Потемкину Запорожцами«. (2)
»Деньги и монеты разныхъ государствъ«.
Выговоръ гетмана Скоропадскаго Василію Скалозубу. (3)
Декретъ Миргородской Ратуши 1702 года. (4)
»Распространеніе дикихъ деревъ и кустарниковъ въ Европѣ«.

---

(1) Чертежи.

(2) Она начинается такъ:

»Хрыстосъ воскресъ, радъ мыръ увесь, дождалыся Божои ласкы.«

(3) Это оффиціальная бумага старинной малороссійской канцеляріи, написанная видно въ особенно гнѣвномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ веселомъ расположеніи духа. Она не можетъ ни коимъ образомъ служить образцомъ, какъ писались встарину въ Малороссіи оффиціальныя бумаги: иначе она не ходила бы по рукамъ какъ рѣдкость. Вотъ этотъ документъ, съ необходимыми исключеніями:

»Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Войска Запорожскаго Гетманъ Иванъ Скоропадскій.

»Тобя скурвому сыну Василію Салогубу нехай буде вѣдомо, ижъ доносилъ намъ жалобливе панъ Антонъ Трофимовичъ, сотникъ серебрянскій, же ты, съ твоей мужицкой глупости, поваживши сице намъ рейментарскій указъ, подъ зарукою тысячи талярей по жалобѣ его жъ сотника предъ симъ въ позовномъ листѣ до тебе выраженныхъ, не тилько овець ёму по уговору не отдалесь, але и подъ судъ войсковый енеральный до насъ въ обозъ не сталесь; зачимъ пакетъ умысльне посылаючи отъ боку нашего посланного, приказали ему конечне тебе якъ собаку зашію узяти и въ колодку забивши, примкнути до обозу, где, за таковую свою упорчивость и противъ зверхности нашей неповиновеніе, не тилько тую тысячу талярей безъ отпустка заплатишъ, але и знатного кіевого карання не увійдешъ, — декляруемъ непремѣнно. Данъ въ обозѣ подъ Самарью, августа 11, року VIII-го.«

(4) Этотъ декретъ былъ произнесенъ и записанъ въ книгу по случаю доноса Лаврина Федоренка и его жены на »закабаленную имъ« за деньги Вацьку Куликивну, которая »отважилась робити соромотизну и вельми нечестивое дѣло«. Члены ратуши (говорится въ декретѣ) позвали обвиненную къ допросу, и она созналась въ своихъ проступкахъ съ такою откровенностью, что они, »почувши сію лихую предъ Богомъ гадину, ажъ объ полы руками вдарились и приказали сію соромотизну добре барбарами вышмаровати и пану сотникови вѣчно (на вѣки) въ пекарню (на кухню) отдати«; а сами подписались подъ декретомъ »святыми крестами« (по незнанію грамотѣ).

Выписки изъ »Енеиды« Котляревскаго.

Чертежи сельскихъ заборовъ.

»Игры, увеселенія Малороссіянъ«.

»Имена, даваемыя при крещеніи«. (1)

»Нѣчто объ исторіи искусствъ«.

»Мысли объ исторіи вообще«. (2)

»Комерческій словарь«. (3)

Рисунки садовыхъ мостиковъ.

»Мѣра протяженія«.

»Малороссійскія загадки«.

»Малороссійскія преданія, обычаи, обряды«.

Чертежи музыкальныхъ инструментовъ древнихъ Грековъ.

»Нѣчто о русской старинной масленницѣ«.

Пѣсня:

»Ой ну, Юрку, продай курку,
А самъ прыстань до вербунку...«

»Объ одеждѣ и обычаяхъ Русскихъ XVII вѣка, изъ Мейеберга«. (4)

»Объ одеждѣ Персовъ«.

»Обычаи Малороссіянъ«.

---

(1) На малороссійскомъ языкѣ.

(2) Коротенькая выписка изъ Тьери на французскомъ языкѣ.

За этой статьей вложены въ книгу небольшіе листки съ стихотвореніями, напоминающими куплетъ въ любовномъ письмѣ къ Чичикову (»Мертвыя Души«, стр. 305). На примѣръ:

»Чѣмъ доказать тебѣ любовь
Свою, вовѣки неизмѣнну?
Чѣмъ взволновать застывшу кровь
Твою, ничѣмъ неповрежденну?
Скажи, небесный ангелъ мой,
Скажи, я братъ родимый твой.

»Иванъ Дон — левскій.

»1828-го, октября 1.
Городъ Нѣжинъ.«

(3) Выписка техническихъ словъ, употребляемыхъ въ торговыхъ дѣлахъ.

(4) Внизу статьи — рисунки перомъ.

—

родается десятками; десятокъ
Это все заставляетъ меня жить
ся отъ лучшаго своего удоволь-
зь, то уже буду ходить часто,
о неплотнаго кармана.«
у него до крайности. »Но впрочемъ
это все пустое. Что за бѣда по-
я? Того ли еще будетъ на жиз-
знаю только, что если бы втрое,
жцъ, и тогда онѣ бы не поколе-
ей дорогѣ. Вы не повѣрите, какъ
денегъ. Не смотря на то, что я от-
ій, что уже не франчу платьемъ,
аго платья для праздника или для
ю обѣдаю и питаюсь не слишкомъ
счету менѣе 120 рублей (асс.)
Какъ въ этакомъ случаѣ не при-
добыть этихъ проклятыхъ, под-
не знаю въ мірѣ? Вотъ я и рѣ-

ующія весьма важныя слова Го-
года:
иваться о моемъ будущемъ, мысль
въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось,
мъ, что меня ожидаетъ простор-
же что-то для общаго добра«.
ери Петербургъ, и здѣсь уже за-
ра »Портрета«, »Невскаго Прос-
, въ которыхъ отразился Петер-

овсе не похожъ на прочія столицы
я столица вообще характеризуется
на нее печать національности; на
ера: иностранцы, которые посели-

сутся цвѣты и тѣни, и что если послѣдующая внутренняя жизнь Гоголя была столь разнообразна въ своихъ движеніяхъ, столь богата умственными представленіями, столь благоуханна цвѣтами сердца, то корней всего этого надобно искать въ темной и таинственной почвѣ дѣтства, ибо въ »организмѣ ребенка скрывается уже человѣкъ« (1), и первыя движенія дѣтскаго ума нерѣдко проявляютъ тѣ идеи, для распространенія которыхъ геніальная натура призвана въ міръ. (2) Какъ ни много, на первый разъ, собрано у меня матеріаловъ для каждаго изъ трехъ періодовъ жизни поэта, но изъ этого не слѣдуетъ еще строить исторіи его жизни такъ систематически, такъ послѣдовательно и заключительно, какъ развивается романъ или поэма. Я только покажу читателю разныя положенія Гоголя въ жизни и въ литературѣ, разныя стороны его житейскаго и поэтическаго характера, сколько это раскрылось для самого меня изъ извѣстныхъ доселѣ фактовъ и письменныхъ документовъ, но далеко еще то время, когда можно будетъ въ заглавіи подобнаго сочиненія написать: »Полная Біографія«. Что касается до перваго періода жизни Гоголя, то онъ, сравнительно съ прочими, оказывается самымъ скуднымъ свѣдѣніями и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. Не знаю, кто будетъ имѣть возможность, желаніе или умѣнье заняться этимъ дѣломъ; но важность подобнаго занятія, какъ для исторіи русской словесности, такъ и для психологіи вобще должна быть очевидна для каждаго.

---

(1) Слова Альфьери.
(2) Замѣчаніе д'Израэли.

Періодъ второй.

IV.

Переѣздъ въ Петербургъ. — Инстинктъ таланта. — Письмо къ матери о петербургской жизни. — Значеніе матери въ жизни Гоголя. — Просьбы къ ней о матеріалахъ для сочиненій. — Первыя попытки въ стремленіи къ извѣстности. — Сожженіе поэмы въ стихахъ. — Выписки изъ нея. — Неудавшееся желаніе поступить въ число актеровъ. — Первая любовь. — Поѣздка за море. — Гоголь-юноша характеризуетъ самого себя. — Пребываніе въ Любекѣ и Травемундѣ. — Воспоминанія Гоголя объ этой поѣздкѣ въ 1847 году.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса (отличные воспитанники выпускались съ правомъ на чинъ двѣнадцатаго класса), и уѣхалъ на родину, а оттуда, въ концѣ 1828 года въ Петербургъ. Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ. Изъ его писемъ мы уже знаемъ, что его привлекали въ Петербургъ служба, театръ и поѣздка за границу. Какъ ни разнородны были эти влеченія, но каждое изъ нихъ брало свое начало въ чувствахъ, общихъ всѣмъ геніальнымъ людямъ — въ сознаніи внутреннихъ силъ, въ стремленіи проявить ихъ и въ жаждѣ славы. Гоголь не зналъ, какимъ путемъ выйти ему изъ неизвѣстности. Всѣ пути къ общей пользѣ были для него равны, и потому его мечты о службѣ были такъ же теплы, такъ же нетерпѣливы, какъ и мечты о духовныхъ наслажденіяхъ столичной жизни. Неопытному мальчику столица представлялась какимъ то эдемомъ, гдѣ его ожидаютъ однѣ радости. »Зачѣмъ намъ такъ хочется видѣть наше счастіе? (говоритъ онъ) Мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣнье«.

Наконецъ ожиданіе его исполняется: онъ въ Петербургѣ.

Будучи однимъ изъ слабѣйшихъ воспитанниковъ въ Гимназіи, не обладая даже и умѣреннымъ запасомъ свѣдѣній по какой бы то ни было отрасли знанія, не умѣя даже написать безъ ореографическихъ ошибокъ страницы, на чемъ онъ могъ основывать свою надежду на успѣхи въ столицѣ? Приведенныя выше письма его доказываютъ, что онъ чуялъ въ себѣ врожденный всѣмъ талантамъ инстинктъ, устремляющій юношу къ великому, и, по темному внушенію этого инстинкта, искалъ себѣ поприща для дѣятельности. Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался: скрытыя въ немъ силы говорили ему, что онъ назначенъ къ чему-то необыкновенному, а высокія стремленія къ пользѣ ближняго для его неопытнаго ума были тому ручательствомъ.

Но людямъ, съ которыми онъ соприкоснулся впервые въ столицѣ, не было никакого дѣла до его высокихъ стремленій. Его, безъ сомнѣнія, приняли вездѣ съ тою холодностью, которая такъ непріятно поражаетъ здѣсь всякаго новичка изъ провинціи, и которая есть не что̀ иное, какъ усвоенная опытомъ осторожность столичнаго жителя въ выборѣ себѣ сотрудниковъ по службѣ, въ литературѣ, или въ какой бы то ни было сферѣ дѣятельности. Каково долженъ былъ подѣйствовать на пламеннаго мечтателя такой пріемъ, предоставляю судить каждому, кто находился когда-либо въ его положеніи. Впрочемъ Гоголь передалъ отчасти исторію тогдашнихъ своихъ впечатлѣній въ письмахъ къ матери, изъ которыхъ я помѣщаю здѣсь выписки.

3-го января 1829 года, онъ писалъ къ ней, что на него »напала хандра или другое подобное« и что онъ »уже около недѣли сидитъ поджавши руки и ничего не дѣлаетъ. Не отъ неудачъ ли это (продолжаетъ онъ), которыя меня совершенно обравнодушили ко всему? — — — Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распустили другіе о немъ, также лживы. Жить здѣсь не совсѣмъ посвински, т. е. имѣть разъ въ день щи да кашу несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платимъ восемдесятъ рублей (ассигнаціями) въ мѣсяцъ за одни стѣны, дрова и воду. Она состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ и права — пользоваться на хозяйской кухнѣ. Съѣстные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи [которая, разумѣется, лаком-

ство не для нашего брата]; картофель продается десятками; десятокъ луковицъ рѣпы стоитъ 30 коп. (асс.). Это все заставляетъ меня жить какъ въ пустынѣ. Я принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія — видѣть театръ. Если я пойду разъ, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, т. е. для моего неплотнаго кармана.«

Иногда нужда въ деньгахъ доходила у него до крайности. »Но впрочемъ (пишетъ онъ отъ 30-го апрѣля, 1829) это все пустое. Что за бѣда посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда? Того ли еще будетъ на жизненномъ пути? всего понаберешься. Знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро разъ было болѣе нуждъ, и тогда онѣ бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дорогѣ. Вы не повѣрите, какъ много въ Петербургѣ издерживается денегъ. Не смотря на то, что я отказываюсь почти отъ всѣхъ удовольствій, что уже не франчу платьемъ, какъ было дома, имѣю только пару чистаго платья для праздника или для выхода и халатъ для будня, что я тоже обѣдаю и питаюсь не слишкомъ роскошно, и не смотря на это все порасчету менѣе 120 рублей (асс.) никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этакомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? Вотъ я и рѣшился...«

Этими словами оправдываются слѣдующія весьма важныя слова Гоголя въ его безыменной запискѣ 1847 года:

»Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ, мысль о писательствѣ мнѣ никогда не входила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра«.

Далѣе онъ описываетъ своей матери Петербургъ, и здѣсь уже замѣтна наблюдательность будущаго автора »Портрета«, »Невскаго Проспекта«, «Шинели« и другихъ пьесъ, въ которыхъ отразился Петербургъ, какъ въ зеркалѣ.

»Петербургъ (говоритъ онъ) вовсе не похожъ на прочія столицы европейскія, или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые посели-

лись сюда, обжились и вовсе непохожи на иностранцевъ, а Русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ необыкновенная; никакой духъ не блеститъ въ народѣ; всё служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ — — Забавна очень встрѣча съ ними на проспектахъ, тротуарахъ. Они до того бываютъ заняты мыслями, что, поравнявшись съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, слышишь, какъ онъ бранится и разговариваетъ самъ съ собою; иной приправляетъ тѣлодвиженіями и размашками рукъ. — — — Домъ, въ которомъ обрѣтаюсь я, содержитъ въ себѣ 2-хъ портныхъ, одну маршандъ-де-модъ, сапожника, чулочнаго фабриканта, склеивающаго битую посуду, декатировщика и красильщика, кондитерскую, мѣлочную лавку, магазинъ сбереженія зимняго платья, табачную лавку и наконецъ привиллегированную повивальную бабку. Натурально, что этотъ домъ долженъ быть весь облѣпленъ золотыми вывѣсками.

»Я живу на четвертомъ этажѣ (¹), но чувствую, что и здѣсь мнѣ не очень выгодно. Когда еще стоялъ я вмѣстѣ съ (А. С.) Данилевскимъ, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана; что̀ тогда платили пополамъ, за то самое я плачу теперь одинъ. Но впрочемъ мои работы повернулись, и я, наблюдая внимательно за ними, надѣюсь въ непродолгомъ времени добыть же что̀-нибудь. Если получу вѣрный и несомнѣнный успѣхъ, напишу къ вамъ объ этомъ подробнѣе.«

Далѣе онъ описываетъ петербургскія гулянья, но говоритъ, что всѣ они для него »несносны, особливо екатерингофское первое мая. Все удовольствіе состоитъ въ томъ, что прогуливающіеся садятся въ кареты, которыхъ рядъ тянется болѣе нежели на 10 верстъ, и притомъ такъ тѣсно, что лошадиныя морды задней кареты дружески цѣлуются съ богато-убранными, длинными гайдуками«.

Это ужъ черта, что называется, *гоголевская*! -

Всего замѣчательнѣе въ перепискѣ Гоголя-юноши съ матерью — нравственная зависимость его отъ нея. Для Гоголя мать, въ началѣ жизни, была все: повѣренная сокровеннѣйшихъ движеній души его, утѣ-

---

(¹) Въ Большой мѣщанской, въ домѣ каретника Іохима. *Н. М.*

вительница и наставница, слушательница и, вѣроятно, критикъ первыхъ его опытовъ въ стихахъ и въ прозѣ, помощница во всѣхъ его предпріятіяхъ, и, наконецъ, опора его душевной чистоты. Все это я, по возможности, докажу выписками изъ его писемъ къ ней.

»Теперь вы, почтеннѣйшая маминька (говоритъ онъ во второмъ письмѣ къ ней изъ Петербурга), мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу, въ свою очередь, сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы знаете обычаи и нравы Малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажитесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей переепискѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ все это называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся Малороссіянъ, — равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните? разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ распросить старожиловъ. Я думаю, Анна Матвѣевна или Агафія Матвѣевна ([1]) много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще — обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно распросить Демьяна [кажется, такъ его зовутъ; прозванія не вспомню], котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, по видимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть кромѣ того какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч., и проч., и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта. Але-

([1]) Тетки матери Гоголя. *Н. М.*

ксандра Өедоровна, которой сметливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ въ этомъ случаѣ оказать намъ очень большую помощь. — — — Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папинькины малороссійскія комедіи: »Овца-Собака« и »Романа съ Парасскою«. Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это по крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ. А по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ — къ третьему и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью.«

Въ это время Гоголю представился прекрасный случай съѣздить съ кѣмъ-то за границу; но тотъ, кто долженъ былъ это устроить, вдругъ умеръ. Гоголь называетъ его своимъ »великодушнымъ другомъ« и говоритъ, что это было »одно существо, къ которому онъ истинно привязался было навсегда«. Вступить въ службу обыкновеннымъ порядкомъ онъ не рѣшался, пугаясь механической канцелярской работы и, по его выраженію, »стоялъ въ раздумьи на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія еще нѣкоторымъ своимъ ожиданіямъ«. Между тѣмъ онъ опять просилъ у матери (въ письмѣ отъ 22-го мая, 1829) свѣдѣній о малороссійскихъ обычаяхъ.

»Время свое (писалъ онъ) я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то вскорости, принесетъ мнѣ существенную пользу. Между прочимъ, я прошу васъ, почтеннѣйшая маминька, узнать теперь о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: у *Панхвиля* какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ что̀ за игра *Пашокъ*, *семь листовъ?* изъ хороводныхъ въ *хрещика*, въ *журавля*. Если знаете другія какія, то не премините. У насъ есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя повѣсти, разсказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость удружите мнѣ которою-нибудь изъ нихъ.«

Очевидно, что онъ собиралъ матеріалы для повѣстей, которыя составили »Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки«. Но прежде нежели онъ обратился къ родной еще нетронутой почти никѣмъ почвѣ поэзіи, его

фантазія сдѣлала нѣсколько попытокъ въ подражаніе читанному имъ въ книгахъ. Не многіе могли бы по нимъ угадать, что̀ можетъ выдти со временемъ изъ начинающаго писателя. Способности будущаго знаменитаго поэта не получили еще тѣхъ граней, которыми они сверкаютъ въ глаза каждому, и нужно было ему встрѣтиться развѣ съ глубокимъ знатокомъ талантовъ, чтобъ обратить на себя особенное вниманіе. Ничего подобнаго, покамѣсть, не случилось, тѣмъ болѣе, что Гоголь самъ боялся гласности и прокладывалъ себѣ дорогу въ литературнымъ успѣхамъ тайкомъ даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Онъ написалъ стихотвореніе »Италія« и отправилъ его incognito къ издателю »Сына Отечества«, можетъ быть для того только, чтобъ узнать, удостоятся ли его стихи печати. Стихи *были* напечатаны (¹), и вотъ эти первые черты пера, которому предстояло столь высокое развитіе.

ИТАЛІЯ.

»Италія — роскошная страна!
По ней душа и стонетъ и тоскуетъ.
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ:
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цалуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ и вѣетъ ароматъ.

»И всю страну объемлетъ вдохновенье,
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣтъ великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ,
Душа кипитъ, и весь онъ — умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно минувшихъ шуму.

»Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ;
И радужной въ сіяньи красоты

(¹) Въ 12-мъ № »Сына Отечества и Сѣвернаго Архива« 1829 года.

И жарче и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ.
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ.
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

»А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышетъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ,
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась, и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна;
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

»Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепетанье!..«

Между тѣмъ у Гоголя была въ запасѣ поэма »Ганцъ Кюхельгартенъ«, написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году [1]. Не довѣряя своимъ силамъ и боясь критики, Гоголь скрылъ это раннее произведеніе свое подъ псевдонимомъ В. Алова. Онъ напечаталъ его на собственный счетъ, вслѣдъ за стихотвореніемъ »Италія«, и роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на коммисію. Въ это время онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ землякомъ и соученикомъ по Гимназіи Н. Я. Прокоповичемъ,

---

(1) Г. Прокоповичъ думаетъ, что это мистификація. »Если бы Гоголь написалъ свою поэму въ Гимназіи — говоритъ онъ — то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому нибудь изъ тогдашней его публики. Нѣтъ, эта поэма была написана именно въ то время, когда онъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ.« Полное заглавіе этой рѣдкой книги таково: »Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова (писано въ 1827 году). Спб. 1829. Въ тип. А. Плюшара«. (Въ 12 д. л. 71 стр.) Одинъ экземпляръ ея находится въ библіотекѣ П. А Плетнева, другой принадлежитъ М. П. Погодину, третій Н. С. Тихонравову.

который по этому-то и зналъ, откуда выпорхнулъ »Ганцъ Кюхельгартенъ«. Для всѣхъ прочихъ знакомыхъ Гоголя это оставалось непроницаемою тайною. Нѣкоторые изъ нихъ — и въ томъ числѣ П. А. Плетневъ, котораго Гоголь зналъ тогда еще только по имени, и М. П. Погодинъ получили incognito по экземпляру его поэмы; но авторъ никогда ни однимъ словомъ не далъ имъ понять, отъ кого была прислана книжка. Онъ притаился за своимъ псевдонимомъ и ждалъ, что будутъ говорить о его поэмѣ. Ожиданія его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о »Ганцѣ« равнодушно, а между тѣмъ Н. Полевой прихлопнулъ ее въ своемъ журналѣ насмѣшкою, отъ которой сердце юноши-поэта сжалось болѣзненною скорбью. »Имъ овладѣла (скажемъ его словами) та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство таланта, которая заставляетъ если не истреблять, то по крайней мѣрѣ скрывать отъ свѣта тѣ произведенія, въ которыхъ онъ самъ видитъ несовершенство«. (1) Онъ бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ экземпляры, нанялъ нумеръ въ гостинницѣ (2), и сжегъ всѣ до одного. (3)

---

(1) »Арабаски«, т. I, стр. 132.

(2) Эта гостинница, по указанію г. Прокоповича, находилась въ Вознесенской улицѣ, на углу, у Вознесенскаго моста.

(3) Вотъ критика Г. Полевого (»Московскій Телеграфъ«, 1829, № 12, іюнь, стр. 515), бывшая, по всей вѣроятности, причиною сожженія »Ганца Кюхельгартена«.

»Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе Г-на Алова не было предназначено для печати, но что *важныя для одного автора* причины побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей Идилліи. Достоинство слѣдующихъ стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но демона отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За остальную жизни повѣсть.

»Заплатою такихъ стиховъ должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ.«

Гоголь, по видимому, не подозрѣвалъ, что Прокоповичъ зналъ, кто авторъ »Ганца Кюхельгартена«, — иначе онъ, дорожа своей литературной тайною, просилъ бы пріятеля не разглашать ея. Что́ касается до слуги малороссіянина, то онъ былъ неграмотенъ и разсказывалъ впослѣдствіи одному изъ моихъ друзей только о сожженіи какой-то книги, — но какая то была книга, объ этомъ г. Прокоповичъ объявилъ мнѣ только послѣ смерти поэта. Ему же обязанъ я бо́льшею частью свѣдѣній о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Прокоповичъ былъ неразлучнымъ спутникомъ поэта отъ самаго вступленія его въ Гимназію Князя Безбородко до выѣзда за границу. Ни о комъ Гоголь не отзывался впослѣдствіи съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этомъ свидѣтелѣ его первыхъ усилій проложить себѣ дорогу въ жизни, и никто не зналъ такъ Гоголя-юноши, какъ Прокоповичъ.

Считаю нелишнимъ познакомить читателей съ »Ганцомъ Кюхельгартеномъ«, чтобъ показать, съ чего можетъ начинать такой писатель, какъ Гоголь, и въ какихъ потемкахъ блуждаетъ иногда талантъ, отъискивая свой истинный путь. Прежде всего обратите вниманіе на предисловіе: какъ ребячески авторъ ухищряется заинтересовать въ свою пользу публику.

»Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, еслибъ обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта.«

Что̀ касается до самой поэмы, то она, очевидно, была внушена неопытному школьнику чтеніемъ »Луизы«, Фосса, въ переводѣ Теряева; (¹) даже героиня поэмы называется Луизою, — а пасторъ, ея отецъ, списанъ

(¹) С.-Петербургъ. 1820.

довольно рабски съ фоссова »добросердаго пастора Гринарскаго« (¹). Дѣйствіе вертится на борьбѣ Ганса между любовью къ простенькой деревенской дѣвушкѣ и жаждою славы. Онъ покидаетъ свою возлюбленную, пускается въ широкій свѣтъ, узнаетъ, что люди холодны, и возвращается къ своей Луизѣ. Авторъ не напрасно оговорился въ предисловіи касательно несвязности этого »созданія юнаго таланта«, будто бы спасеннаго какъ-то отъ утраты. Оно состоитъ изъ кусковъ, которые едва кой-какъ держатся вмѣстѣ. Силы поэта были еще слишкомъ слабы для произведенія чего-нибудь стройнаго цѣлаго. Онъ былъ способенъ вдохновляться только отрывочными представленіями и извлекалъ поэзію не изъ жизни, а изъ того, что̀ поражало его воображеніе въ наукѣ и литературѣ. Замѣтно, что классическій міръ возбудилъ въ немъ особенное сочувствіе. Вотъ ка̀къ онъ передаетъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ эпизодовъ, представленія свои о древней Греціи:

»Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
И славныхъ дѣлъ и вольности земля,
Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, греми и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Илиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ;
И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ мудрецъ
Ведетъ высокое о дольнемъ мірѣ слово:
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;

(¹) Странно, что даже въ предисловіи употреблена та же замашка вызвать участіе публики, что и у Теряева; ибо и Теряевъ говоритъ отомъ, что это только »первый шагъ на поприщѣ словестности«.

Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ,
Персидскій Кандисъ весь испещренный блеститъ,
И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія; не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ нибудь
Волнуясь, падаютъ на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющемъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось... что̀ вы? гдѣ вы?...
Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ,
Хотя бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою Греки населили!
Какъ вы его обворожили!
А нашъ — и бѣденъ онъ и сиръ,
И расквадраченъ весь на мили.»

А вотъ картина падшей Греціи.

«Печальны древности Аѳинъ.
Колонъ, статуй рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ;
Изломленъ немощный гранитъ;
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донынѣ величавъ
Чернѣетъ дряхлый архитравъ
И вьется плющъ по капители;
Упалъ разщепленный карнизъ
Въ давно заглохшіе окопы.

Еще блеститъ сей дивный фризъ,
Сіи рельефные метопы;
Еще донынѣ здѣсь грустить
Коринескій орденъ многолѣтній;
Рой ящерицъ по немъ скользитъ.
На міръ съ презрѣньемъ онъ глядитъ.
Всё тотъ же онъ великолѣпный,
Временъ минувшихъ вдавленъ въ тьму
И безъ вниманья ко всему.

»Печальны древности Аѳинъ.
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ.
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ.
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ.
Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разушенье и позоръ.
Промежъ колонъ чалма блистаетъ.
И мусульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ
Коня свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ разоряетъ.«

Востокъ, съ своими фантастическими вѣрованіями и яркими картинами природы, также плѣнялъ въ то время молодое воображеніе поэта, и онъ возсоздалъ читанное о Востокѣ въ слѣдующей формѣ.

»Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые ключи
Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи,
Дыханіе амры и розы ночной
Роскошно объемлетъ эфиръ голубой,
И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
Плоды Мангустана златые горятъ;
Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ,
И смѣло накинутъ небесный шатеръ,
Роскошно валится дождь яркій цвѣтовъ —
То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ.
Я вижу тамъ пери. Въ забвеньи, она
Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній полна.

Какъ солнца два, очи небесно горятъ;
Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ;
Дыханіе лилій серебряныхъ чадъ,
Когда засыпаетъ истомленный садъ,
И вѣтеръ ихъ вздохи развѣетъ порой,
А голосъ — какъ звуки сиринды ночной,
Или трепетанье серебренныхъ крылъ,
Когда ими звукнетъ рѣзвясь Исразилъ,
Иль плески Хиндары таинственныхъ струнъ.
А что же улыбка? а что жъ поцѣлуй?
Но вижу, какъ воздухъ, она ужъ летитъ,
Въ края поднебесны, къ родимымъ спѣшитъ.
Постой, оглянися? — Не внемлетъ она
И въ радугѣ тонетъ, и вотъ невидна.
Но воспоминанье міръ долго хранитъ,
И благоуханьемъ весь воздухъ обвитъ».

Вся поэма Гоголя состоитъ большею частію изъ описаній. Въ нихъ уже видѣнъ мѣстами ходъ кисти, которая въ послѣдствіи написала столько несравненныхъ пейзажей. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ:

«Ужъ издали бѣлѣетъ скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника. Давно
Женившися на дочери пастора,
Его состроилъ онъ. Веселый домикъ!
Онъ выкрашенъ зеленой краской; крытъ
Красивою и звонкой черепицей.
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ будто въ окна
Хотятъ продраться; изъ-за нихъ мелькаетъ
Рѣшетка изъ прекрасныхъ лозъ, красиво
И хитро сдѣлана самимъ Вильгельмомъ.
По ней виситъ и змѣйкой вьется хмѣль.
Съ окна протянутъ шестъ; на немъ бѣлье
Блистаетъ бѣлое предъ солнцемъ. Вотъ
Въ проломъ на чердакѣ толпится стая
Мохнатыхъ голубей; протяжно клохчутъ
Индѣйки; хлопая встрѣчаетъ день
Крикунъ пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи разгребаетъ
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвяся щиплютъ

Душистую траву. Давно курился
Ужъ дымъ изъ бѣлыхъ трубъ; курчаво онъ
Вился и облака пріумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ валилась краска
И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древніе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,
Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво колыхалъ, —
Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ...» и проч.

Приведу, далѣе, картину невидѣннаго тогда еще авторомъ моря.

«Съ прохладою, спокойный, тихій вечеръ
Спускается; прощальные лучи
Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море,
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты, и вдалекѣ
Виднѣютъ сквозь туманъ морской утесы
Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
Пастушьихъ лишь рожковъ унывный голосъ
Несется вдаль съ веселыхъ береговъ,
Да тихій шумъ въ водѣ всплеснувшей рыбы
Чуть пробѣжитъ и вздернетъ море рябью,
Да ласточка, крыломъ черкнувши моря,
Круги по воздуху скользя даетъ...»

Слѣдующее мѣсто въ эпилогѣ къ поэмѣ замѣчательно по контрасту съ тѣмъ, что̀ писалъ Гоголь о Германіи лѣтъ черезъ десять въ письмахъ къ своей ученицѣ (читатель найдетъ ихъ впереди).

«Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна:
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гёте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облака заботъ.»

Не снискавъ извѣстности на поприщѣ литературномъ, Гоголь обратился къ театру. Успѣхи его на гимназичекой сценѣ внушали ему надежду, что здѣсь онъ будетъ въ своей стихіи. Онъ изъявилъ желаніе вступить въ число актеровъ и подвергнуться испытанію. Неизвѣстно, какую роль долженъ былъ онъ играть на пробномъ представленіи, только игру его забраковали начисто, и я не знаю, приписать ли это робости молодого человѣка, невидавшаго свѣта. Какъ бы то ни было, но Гоголь долженъ былъ отказаться отъ театра послѣ первой неудачной репетиціи ([1]) и оставался нѣсколько времени въ самомъ непріятномъ положеніи — въ положеніи басеннаго муравья, въѣхавшаго въ городъ на возу съ сѣномъ.

Къ неудачамъ въ литературѣ и на сценѣ присоединилось еще одно горе, тяжелѣе всего налегающее на молодое сердце. Онъ влюбился въ какую-то дѣвушку или даму, недоступную для него въ его положеніи. При своей врожденной скрытности и при своемъ расположеніи къ мрачному отчаянію, онъ могъ дойти до страшнаго душевнаго разстройства; но его спасла мысль — ѣхать за границу. Мы знаемъ изъ гимназическаго его письма, что эта мысль давно уже его занимала; но, видно, неудобства къ ея осуществленію преодолѣвали въ немъ силу желанія видѣть чудныя мѣста, о которыхъ онъ начитался въ книгахъ. Теперь всѣ препятствія исчезли передъ желаніемъ бѣжать изъ края, въ которомъ онъ не можетъ быть счастливъ, въ которомъ живетъ недоступная для него красота, и проч. и проч., какъ обыкновенно говорятъ и думаютъ молодые влюбленные. Всего лучше — послушаемъ, какъ онъ самъ описываетъ мученія своей любви въ письмѣ къ матери, отъ 24-го іюля 1829 года.

»Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отъ чего перо дрожитъ въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться предъ вами и (открыть) всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ па-

---

([1]) Проба комическаго таланта Гоголя происходила въ кабинетѣ директора театровъ, князя С. С. Гагарина, въ присутствіи актеровъ В. А. Каратыгина и Брянскаго.

казаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго. Но какъ ужасно это наказаніе! Безумный, я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворилъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра (¹). И я осмѣлился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней — — гдѣ не представляется совершенно впереди ничего! — — — Я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что̀ бы ни стало. Но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и — что̀ всего страннѣе — тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи легко получали то, чего я съ помощью своихъ покровителей не могъ достигнуть. Не явно ли онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что жъ? я и тутъ упорствовалъ; ожидалъ цѣлые мѣсяцы, не получу ли чего; наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Маминька, дражайшая маминька! Я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь, при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Одним вамъ я только могу сказать... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостью,

---

(¹) Эти слова будутъ понятны только тѣмъ, кто читалъ безымянную записку Гоголя 1847 года, въ которой онъ говоритъ:

«Странное дѣло, даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученія, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе и что именно для службы моей отчизнѣ я долженъ буду воспитаться, гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это мнѣ нужно; я даже не задумывался объ этомъ; но видѣлъ самого себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по моей отчизнѣ, картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть.»

даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ея... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня. Я бы назвалъ ее ангеломъ, но это выраженіе — — не кстати для нея. — — Это божество, но облеченное слегка въ человѣческія страсти. Лице, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ, глаза, быстро пронзающіе душу, по ихъ сіянія, жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, еслибы вы посмотрѣли на меня тогда!... Правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся ли отъ себя? Адская тоска съ возможными муками кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшнику уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была... я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я... Взглянуть на нее еще разъ — вотъ бывало одно, единственное желаніе, возраставшее сильнѣе (и) сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски.

»Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно не сносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самаго себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи, я призналъ невидимую десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ давно назначаемый путь мнѣ. Нѣтъ это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шатко созданный міръ мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній. Это было божество, Имъ созданное, часть Его же самаго. Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени! Она слишкомъ высока, высока!

»Итакъ я рѣшился. Но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за границу такъ труденъ, хлопотъ такъ много. Но лишь только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была наконецъ за деньгами; но вдругъ получаю слѣдуемыя въ Опекунскій Совѣтъ. Я сейчасъ отправился туда

и узналъ, сколько они могутъ намъ дать просрочки на уплату процентовъ; узналъ, что просрочка длится на четыре мѣсяца послѣ сроку, съ платою по пяти рублей отъ тысячи въ каждый мѣсяцъ штрафу. Стало быть до самаго ноября мѣсяца будутъ ждать. Поступокъ рѣшительный, безразсудный; но что же было мнѣ дѣлать?... Всѣ деньги, слѣдуемыя въ Опекунскій Совѣтъ, оставилъ я себѣ и теперь могу рѣшительно сказать — больше отъ васъ не требую. Одни труды мои и собственно прилежаніе будутъ награждать меня. Что же касается до того, какъ вознаградить эту сумму, какъ внесть ее сполна, вы имѣете полное право данною и прилагаемою мною при семъ довѣренностью продать слѣдуемое мнѣ имѣніе, часть, или все, заложить его, подарить, и проч. Во всемъ оно зависитъ отъ васъ совершенно. — —

»Не огорчайтесь, добрая, несравненная маминька! Этотъ переломъ для меня необходимъ. Это училище непремѣнно образуетъ меня. Я имѣю дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ [въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца]; лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы мнѣ ихъ на вѣкъ. Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, разцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности; и если я не могу быть счастливъ [нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя: это божественное существо вырвало покой изъ груди моей и удалилось отъ меня], по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ.

»Но не ужасайтесь разлуки: я не далеко поѣду. Путь мой теперь лежитъ въ Любекъ. — — — Что же касается до свиданія нашего, то не менѣе, какъ черезъ два или три года могу я быть въ Васильевкѣ вашей. — — —

»Принося чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за ваши драгоцѣнныя извѣстія о Малороссіянахъ, прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ. Я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе занимать поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія проименованія. Сочиненіе

мое, если когда выдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи.«

Черезъ недѣлю по отправкѣ этого письма, Гоголь писалъ къ матери уже изъ Любека. Онъ извинялся передъ нею въ огорченіяхъ, которыя причинялъ ей своими поступками, тосковалъ въ разлукѣ съ нею, выражалъ сомнѣніе, точно ли онъ повиновался указанію свыше, удаляясь изъ отечества.

»Часто я думаю о себѣ (писалъ онъ), зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ, — чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую странную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?«

Вотъ внутренній портретъ Гоголя, нарисованный имъ самимъ. Черты этого образа съ лѣтами прояснялись, облагороживались и становились всё выше и величественнѣе, но основанія были всё тѣже. И теперь, когда мы знаемъ его въ разные періоды его жизни, мы, подобно ему, невольно задаемъ себѣ вопросъ: зачѣмъ существовало это дѣйствительно рѣдкое сердце, для чего явилась предъ нами эта чистая, пламенная и высокая душа въ вѣчной борьбѣ съ собственными противорѣчіями? Большую часть жизни употребилъ Гоголь на анализъ самаго себя, какъ нравственнаго, предстоящаго предъ лицемъ Бога существа, и какъ бы только случайно вдавался иногда въ дѣятельность другого рода, которая составила его земную славу, — зачѣмъ, для чего это? Трудно предлагать отвѣтъ на эти вопросы, пока не все приведено въ извѣстность, что̀ относится къ Гоголю, и пока не опредѣлилось вполнѣ его историческое значеніе, какъ человѣка; его можно только предчувствовать.

Но возвратимся къ письмамъ. Гоголь самъ — лучшій свой біографъ, и если бы были напечатаны всѣ его письма, то не много нужно было бы прибавить къ нимъ объясненій для уразумѣнія исторіи его внутренней жизни. Хотя онъ и говоритъ, что сокровеннѣйшихъ движеній души своей онъ не ввѣрялъ никому, но это, кажется, потому говоритъ онъ, что

они оставались и для него не совсѣмъ ясными. Въ разныя времена и подъ разными вліяніями, онъ высказывалъ свои задушевныя тайны по частямъ, и никогда не могъ силою воспоминанія собрать этихъ частей въодно; но для насъ, можетъ быть, это будетъ въ свое время возможно. Станемъ же общими силами приводить въ извѣстность и ясность все неизвѣстное и неясное въ его жизни, смиряя въ себѣ по возможности эгоистическія чувства.

Поѣздка Гоголя за границу направлена была на Любекъ собственно съ тою цѣлью, чтобы пользоваться въ Травемундѣ, небольшомъ городкѣ, отстоящемъ отъ Любека на 18 верстъ, водами отъ нѣкоторыхъ недуговъ, которые, какъ сказали ему, происходили въ немъ отъ золотухи. Онъ описалъ матери подробно Любекъ и даже набросалъ перомъ видъ улицы изъ окна своей квартиры. Его поразили старинные готическіе храмы, нѣмецкіе узкіе дома въ пять и въ шесть этажей, нѣмецкая опрятность комнатъ и улицъ, щеголеватые костюмы поселянокъ на рынкахъ и простота жизни богатыхъ горожанъ.

»Извощиковъ (говоритъ онъ) нѣтъ въ поминѣ. За то вы увидите огромныя фуры, которыя здѣсь въ большомъ употребленіи, посреди которыхъ укрѣплены на ремняхъ ящики [въ родѣ висячаго стула]. Въ этихъ-то фурахъ вы увидите семейство, достойное фламанской школы, везущее въ городъ продукты. Въ ящикѣ обыкновенно сидитъ мать съ дочерью; на лошади, запряженной въ фуру, верхомъ усаживается сынъ; если же обрѣтается зять, то и тотъ себѣ находитъ мѣсто на той же самой лошади; а сзади уже пѣшкомъ какой-нибудь по нашему наймытъ. За то ужъ и ѣзда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, какъ волы, а между тѣмъ не скорѣе ихъ идутъ.«

Описанія его отличаются простотою, но въ нихъ безпрестанно мелькаютъ черты будущаго великаго живописца людей и природы. Окрестности Любека онъ нашелъ довольно привлекательными, но отдалъ преимущество видамъ своей родины по рѣкѣ Псёлу, которая, можетъ быть, тогда уже была описана имъ въ »Сорочинской Ярмаркѣ«. Любекскіе Нѣмцы показались ему учтивѣе и добрѣе Англичанъ, съ которыми онъ провелъ шесть сутокъ на пароходѣ. Новые, невиданные нигдѣ предметы не про-

извели на него такого живого, потрясающаго впечатлѣнія, какъ онъ воображалъ, мечтая за годъ передъ тѣмъ о поѣздкѣ за море.

Черезъ двѣнадцать дней, Гоголь писалъ къ матери изъ Травемунда и уже готовился къ возвращенію въ Россію.

»Не смотря на мое желаніе (говорилъ онъ), я не долженъ пробыть долго въ Любекѣ: я не могу, я не въ силахъ пріучить себя къ мысли, что вы безпрестанно печалитесь, полагая меня въ такомъ далекомъ разстояніи«.

Итакъ вотъ побудительная причина къ скорому возвращенію изъ-за моря, а не истощеніе кошелька, какъ до сихъ поръ полагали. По крайней мѣрѣ Гоголь въ письмахъ изъ Любека и Травемунда не упоминаетъ о нуждѣ въ деньгахъ. Черезъ осьмнадцать лѣтъ, въ безыменной запискѣ, онъ объясняетъ нѣсколько иначе причину своего скораго возвращенія, относя тоску свою къ друзьямъ и товарищамъ дѣтства. Но онъ писалъ ее для печати и потому, вѣроятно, скрылъ имя матери подъ болѣе общимъ наименованіемъ. Вотъ его слова.

»Можетъ быть, это было просто то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина, — ѣхать въ чужіе края, единственно затѣмъ, чтобы, по выраженію его,

Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.

Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло 5 мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ (¹), какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проэктъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, что бы насладиться лучшими краями, но скорѣй, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи и добуду любовь къ ней вдали отъ нея. Едва только я очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей [пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской], мнѣ стало грустно, мнѣ сдѣлалось такъ жалко

(¹) Гоголь забылъ: онъ прожилъ въ Петербургѣ не менѣ семи мѣсяцевъ, какъ это видно по его письмамъ къ матери. *Н. М.*

друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я оставилъ и которыхъ я всегда любилъ, что̀ прежде чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дни только я пробылъ въ чужихъ краяхъ ([1]), и, не смотря то, что новость предметовъ начала меня завлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться.«

Въ Травемундѣ Гоголя заняло всего болѣе древній соборъ и старинные обычаи трактирной жизни.

»Это зданіе (писалъ онъ къ матери) рѣшительно превосходитъ все, что̀ я до сихъ поръ видѣлъ, своимъ древнимъ готическимъ великолѣпіемъ. Здѣшнія церкви не оканчиваются, подобно нашимъ, круглымъ или неправильнымъ куполомъ, но имѣютъ потолокъ ровной высоты во всѣхъ мѣстахъ, изрѣдка только пересѣкаемый изломленными готическими сводами. Высота, ровная во всѣхъ мѣстахъ, и — вообразите — несравненно выше, нежели у насъ въ Петербургѣ Казанская церковь, съ шпицемъ и крестомъ. Все зданіе оканчивается по угламъ длиннымъ и угловатымъ, необыкновенной толщины, каменнымъ шпицемъ, теряющимся въ небѣ... Живопись внутри церкви удивительная. Много есть такихъ картинъ, которымъ около 700 лѣтъ, но нѣкоторыя всё еще плѣняютъ необыкновенною свѣжестью красокъ и осѣнены печатью необыкновеннаго искуства. Знаменитое произведеніе Альбрехта Дюрера, изваяніе Квелино — все было мною разсмотрѣно съ жадностью. На одной стѣнѣ церкви находятся необыкновенной величины часы, съ означеніемъ разныхъ метеорологическихъ наблюденій, съ календаремъ на нѣсколько сотъ лѣтъ и проч. Когда настанетъ 12 часовъ, большая мраморная фигура вверху бьетъ въ колоколъ 12 разъ. Двери съ шумомъ отворяются вверху; изъ нихъ выходятъ стройно одинъ за однимъ 12 апостоловъ въ обыкновенный человѣческій ростъ, поютъ и наклоняются каждый, когда проходятъ мимо изваянія Іисуса Христа, и такимъ же самымъ порядкомъ уходятъ въ противоположныя двери. Привратникъ ихъ встрѣчаетъ поклономъ, и

([1]) Здѣсь тоже Гоголь забылъ, какъ видно, свою поѣздку изъ Любека въ Травемундъ для лѣченія водами и смѣшалъ пребываніе въ Любекѣ съ пребываніемъ вообще въ чужихъ краяхъ. *Н. М.*

двери съ шумомъ за ними затворяются. Апостолы такъ искусно сдѣланы, что можно принять ихъ за живыхъ. Я видѣлъ здѣсь комнату, принадлежащую собранію чиновъ города. Она великолѣпна своею давностью и вся въ антикахъ.

»Здѣшніе жители не имѣютъ никакихъ собраній и живутъ почти въ трактирахъ. Эти трактиры мнѣ очень нравятся. Вообразите себѣ какого-нибудь богатаго помѣщика-хлѣбосола, какъ прежде, напримѣръ, бывало въ Кибенцахъ, у котораго множество гостей, тутъ и живутъ и сходятся вмѣстѣ только обѣдать, или ужинать. Хозяинъ трактира занимаетъ здѣсь точно такую же роль и первое мѣсто за столомъ. Возлѣ него — его супруга, которой это не мѣшаетъ нѣсколько разъ сбѣгать, во время стола, на кухню. Прочія мѣста занимаются гражданами всѣхъ націй. Со мною вмѣстѣ находилось два Швейцар(ц)а, Англичанинъ, индѣйскій набобъ, гражданинъ изъ Американскихъ Штатовъ и множество разноземельныхъ Нѣмцевъ: и всѣ мы были совершенно какъ лѣтъ 10 другъ съ другомъ знакомы. [Этого уже въ Петербургѣ не водится.] Ужинъ всегда оканчивается пѣніемъ, и всегда довольно поздно. Короче, время, здѣсь проведенное, было бы для меня очень пріятно, еслибы я только такъ же былъ здоровъ душою, какъ теперь тѣломъ.«

Гоголь, передъ отъѣздомъ за границу, квартировалъ вмѣстѣ съ Н. Я. Прокоповичемъ. Они не вели въ отсутствіе Гоголя переписки, и Прокоповичъ воображалъ его странствующимъ Богъ знаетъ гдѣ. Каково же было его удивленіе, когда, возвращаясь однажды (1) вечеромъ отъ знакомаго, онъ встрѣтилъ Якима, идущаго съ салфеткою къ булочнику, и узналъ, что у нихъ »есть гости« ! Когда онъ вошелъ въ комнату, Гоголь сидѣлъ, облокотясь на столъ и закрывъ лицо руками. Расспрашивать, какъ и что̀, было бы напрасно, и такимъ образомъ обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни Гоголя, остались для него тайною.

Естественно, что письмо отъ матери, найденное имъ въ Петербургѣ, не могло заключать въ себѣ одобренія его поступковъ. Оправданія и из-

---

(1) Именно 22-го сентября.

виненія Гоголя весьма интересны. Я повторяю ихъ здѣсь по мѣрѣ возможности.

»Одни только гордые помыслы юности (писалъ онъ къ ней отъ 24-го сентября, 1829), проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко. — — — Ахъ, если бы вы знали ужасное мое положеніе! Ни одной ночи я не спалъ покойно, ни одинъ сонъ мой не наполненъ былъ сладкими мечтами. Вездѣ носились передо мною бѣдствія и печали, и безпокойства, въ которыя я ввергнулъ васъ. — — Богъ унизилъ мою гордость: Его святая воля! Но я здоровъ, и, если мои ничтожныя занятія не могутъ доставить мнѣ мѣста, я имѣю руки, слѣдовательно не могу впасть въ отчаяніе: оно — удѣлъ безумца. — — — Я не въ силахъ извѣстить васъ о главныхъ причинахъ, скопившихся, которыя бы, можетъ быть, оправдали меня хотя въ нѣкоторомъ отношеніи. Чувства мои переполнены. Я не могу перевести дыханія.

V.

Гоголь поступаетъ на службу и дѣлается домашнимъ наставникомъ. — Характеристическія черты его въ качествѣ домашняго наставника. — Первыя статьи, помѣщенныя въ журналахъ. — Успѣхъ »Вечеровъ на хуторѣ«. — Переписка съ матерью: просьбы о сообщеніи ему этнографическихъ свѣдѣній о Малороссіи; — затруднительныя денежныя обстоятельства; — реестръ прихода и расхода; — порядокъ жизни; — занятія живописью; — взглядъ на свои бѣдствія: — »Вечера на хуторѣ«; — исполненіе нѣкоторыхъ надеждъ.

Это было самое трудное время для нашего поэта. Отецъ его умеръ еще до выхода его изъ Гимназіи; имѣніе, поддерживаемое дѣятельностію опытнаго хозяина, приносило теперь доходъ, едва достаточный для содержанія вдовы и пяти дочерей его. (¹) Гоголь не требовалъ изъ дому

(¹) Двѣ изъ нихъ скончались вскорѣ послѣ смерти отца. Имѣніе состояло изъ 200 душъ крестьянъ и 880 десятинъ земли.

денегъ, перебивался въ Петербургѣ кое-какъ и долженъ былъ, оставя аристократическія затѣи, обратиться къ жизни болѣе положительной. Апрѣля 1830 г. онъ опредѣлился на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто помощника столоначальника (¹), — но не прослужилъ здѣсь и году. Онъ досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбою позаботиться о немъ. Плетневъ былъ тогда инспекторомъ Патріотическаго Института и исходатайствовалъ у Ея Императорскаго Величества для Гоголя въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго учителя исторіи, которое онъ и занялъ съ 10 марта 1831 года. Чтобъ доставить ему больше средствъ для жизни, Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома П. И. Балабина, Лонгинова и А. В. Васильчикова, къ которымъ поэтъ до конца жизни сохранилъ самыя дружескія чувства.

Благодаря краткой запискѣ одного изъ его тогдашнихъ учениковъ, М. Н. Лонгинова (цитованной уже на стр. 52), мы знаемъ, каковъ былъ Гоголь въ ролѣ домашняго учителя.

Г. Лонгиновъ и двое его маленькихъ братьевъ не нашли въ Гоголѣ и тѣни педантизма, угрюмости и взыскательности, которыя часто считаются какъ бы принадлежностями званія наставника. Уроки его походили скорѣе на случайные толки взрослаго человѣка съ дѣтьми, нежели на то, что они привыкли разумѣть подъ именемъ уроковъ.

Маленькіе Лонгиновы думали сперва, что онъ будетъ преподавать имъ русскій языкъ, но, къ удивленію ихъ, Гоголь началъ толковать имъ о предметахъ, касающихся естественной исторіи; во второе посѣщеніе онъ заговорилъ о системахъ горъ, рѣкъ и проч., а въ третье повелъ рѣчь о всеобщей исторіи.

— Когда же начнемъ мы, Николай Васильевичъ, уроки русскаго языка? спросили его.

Гоголь насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— На что вамъ это, господа? Въ русскомъ языкѣ главное дѣло ставить *е* и *ѣ*, а это вы и такъ знаете, какъ видно изъ вашихъ тетрадей.

(¹) По протекціи А. А. Тр***го, двоюроднаго брата матери.

Просматривая ихъ, я найду иногда случай замѣтить вамъ кое-что. Выучить писать гладко и увлекательно не можетъ никто. Эта способность дается природой, а не ученьемъ.

Послѣ этого классы шли обычной чередой, то есть, одинъ посвящался естественной исторіи, другой географіи, третій всеобщей исторіи и т. д. Гоголь вводилъ въ свои чтенія множество смѣшныхъ анекдотовъ и, сочувствуя веселости дѣтей, хохоталъ съ ними самъ отъ чистаго сердца. Даже такія историческія явленія, какъ, напримѣръ, войны Амазиса и происхожденіе гражданскихъ обществъ, онъ умѣлъ поворачивать смѣшною стороною, къ обоюдному удовольствію слушателей и преподавателя.

Въ немъ тогда замѣтна была сильная склонность къ новаторству въ языкѣ и наукѣ. Онъ не позволялъ своимъ ученикамъ употреблять выраженій, сдѣлавшихся давно стереотипными, останавливалъ ихъ на половинѣ періода и спрашивалъ усмѣхаясь:

— Кто это научилъ васъ такъ говорить? Это неправильно. Надобно сказать такъ-то.

Между прочимъ онъ утверждалъ, что Балтійское море слѣдуетъ называть *Бальтическимъ*, а Балтійскимъ-де называютъ его невѣжды.

— Вы ихъ не слушайте, прибавлялъ онъ добродушно.

Очевидно, что онъ горячо брался за все, чѣмъ надѣялся принести пользу; но каковы были примѣненіе къ дѣлу и послѣдствія его горячности — это статья особая. По свидѣтельству г. Лонгинова, какъ и по отзывамъ многихъ другихъ лицъ, Гоголь не имѣлъ прямыхъ способностей ни элементарнаго преподавателя наукъ, ни профессора. Ходъ его обученія былъ невѣренъ; онъ умѣлъ только манить ученика впередъ и впередъ, оставляя въ его умѣ пробѣлы, которые предоставлялъ ему наполнять, когда угодно. Между прочими своими попытками въ педагогіи, онъ занимался тогда (вѣроятно, въ пособіе Жуковскому) сочиненіемъ синхронистическихъ таблицъ для преподаванія исторіи по новой методѣ, но употреблялъ свои таблицы, во время уроковъ, только въ видѣ опыта.

Гоголь очень скоро сдѣлался короткимъ знакомымъ въ домѣ Лонгиновыхъ и часто говорилъ съ хозяйкой о своихъ литературныхъ занятіяхъ, надеждахъ и проч., но почти ни слова не говорилъ о литературѣ въ присутствіи отца своихъ учениковъ. М. Н. Лонгиновъ объясняетъ это тѣмъ,

что онъ никакъ не могъ отдѣлить отношеній своихъ какъ добраго знакомаго, отъ мысли о подчиненности (старикъ Лонгиновъ былъ его начальникомъ по Патріотическому Институту). Но для тѣхъ, которые знавали Гоголя впослѣдствіи и помнятъ, какъ онъ нерѣдко перемѣнялъ задушевную рѣчь на самую обыкновенную, едва являлся въ комнату новый посѣтитель, — это объясняется той гордой застѣнчивостью таланта, которая не позволяетъ ему оставаться для всѣхъ нараспашку.

Въ Департаментѣ Удѣловъ Гоголь былъ плохимъ чиновникомъ и, по собственнымъ словамъ, извлекъ изъ службы въ этомъ учрежденіи только развѣ ту пользу, что научился сшивать бумагу. Объ этомъ онъ упоминалъ не разъ, показывая сшитыя въ тетради письма Пушкина, Жуковскаго и другихъ, которыми онъ дорожилъ (и не выпуская этихъ тетрадей изъ рукъ, въ буквальномъ смыслѣ слова). Но и въ качествѣ преподавателя онъ не отличался большими достоинствами. Только въ первое время онъ принялся за исполненіе обязанностей своего званія съ жаромъ юноши, жаждавшаго найти достойное поприще для своей дѣятельности, и, забывая, подъ вліяніемъ этого чувства, о матеріальныхъ выгодахъ новой своей обязанности, смотрѣлъ на нее, какъ на цѣль своего существованія, какъ на призваніе свыше. Но мало по малу занятія литературныя отвлекали его отъ однообразныхъ трудовъ учителя. Въ продолженіе 1830 и 1831 годовъ появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько безъименныхъ его статей, которыя можно назвать пробою пера, устремленнаго къ широкой дѣятельности. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны безъ всякой подписи, другія — подъ разными псевдонимами.

Такъ, въ февралѣ 1830 года, въ № 118 »Отечественныхъ Записокъ«, и въ мартѣ, въ № 119, явилась безъ подписи повѣсть Гоголя »Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала«, передѣланная безъ вѣдома автора издателемъ журнала Свиньинымъ и напечатанная потомъ въ прежнемъ видѣ въ »Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки«. Прочтите внимательно предисловіе къ ней: Гоголь самъ, въ шутливомъ тонѣ, разсказываетъ исторію этой передѣлки.

»Разъ одинъ изъ тѣхъ господъ (говоритъ онъ) — намъ простымъ людямъ мудрено и назвать ихъ — писаки они не писаки, а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ. Нахватаютъ, напросятъ,

накрадутъ всякой всячины да и выпускаютъ книжечки не толще букваря, каждый мѣсяцъ, или недѣлю,—одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый панычъ въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я.... привозитъ съ собою небольшую книжечку и, развернувши по срединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ повернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку. »Постойте, напередъ скажите мнѣ, что это вы читаете?« Признаюсь, я немного пришелъ въ тупикъ отъ такого вопроса. »Какъ что читаю, Ѳома Григорьевичъ? вашу быль, ваши собственныя слова«. — ».... Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?« — »Да чего лучше, тутъ и напечатано: разсказанная такимъ-то дьячкомъ«. — »....Кто это напечаталъ! Такъ ли я говорилъ? *Що то вже якъ у кого чортма клепки въ голови!* Слушайте, я вамъ разскажу ее сейчасъ....« Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что отвергаетъ поправки редактора журнала, въ которомъ она первоначально была напечатана. (1)

---

(1) До какой степени талантливому разскащику дѣдовскихъ преданій должны были быть непріятны тяжелыя вставки и неловкія замѣны его фразъ, живыхъ, смѣющихся и быстро летящихъ впередъ, можно видѣть изъ слѣдующей выдержки, взятой изъ авторскаго и изъ редакторскаго изданій »Вечера на канунѣ Ивана Купала«.

Безъ постороннихъ поправокъ	*Съ поправками въ журналѣ.*
»Дѣдъ мой (царство ему небесное! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только буханцы пшеничные да маковники въ меду!) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало поведетъ рѣчь—цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста, и все бы слушалъ.	»Дѣдъ мой имѣлъ удивительное искусство разсказывать. Бывало часъ, два стоишь передъ нимъ, глазъ не сводишь, вотъ словно приросъ къ одному мѣсту: такъ были занимательны его рѣчи,
Ужъ не чета какому-нибудь нынѣшнему балагуру, который какъ начнетъ	не чета нынѣшнимъ краснобайнымъ балагурамъ,

Въ концѣ 1830 года напечатана была въ »Сѣверныхъ Цвѣтахъ« на 1831 годъ глава историческаго романа (стр. 225), подъ которою выставлены буквы *оооо*, потому (какъ объяснилъ намъ г. Гаевскій),

---

москаля вестъ (*) да еще и языкомъ такимъ, будто ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку да изъ хаты.

Какъ теперь помню — покойная старуха мать моя была еще жива, какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ наглухо узинькое окно нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало. А мы всѣ дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, неслѣзавшаго, отъ старости, болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды Запорожцевъ, про Ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ какая-то дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой заберетъ отъ нихъ, что все съ вечера показывается Богъ знаетъ какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь зачѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей улеглся спать выходецъ съ того свѣта, и, чтобы мнѣ не довелось разсказывать этого въ другой разъ, если не принималъ часто издали собственную поло-

отъ которыхъ, прости Господи, такая нападаетъ зѣвота, что хоть изъ хаты вонъ.

Живо помню, какъ бывало въ зимніе долгіе вечера, когда мать моя пряла передъ слабо мелькающимъ каганцемъ, качая одной ногой люльку и напѣвая заунывную пѣсню, которой звуки кажется и теперь слышатся мнѣ, собрались мы ребятишки, около стараго дѣда своего, по дряхлости уже болѣе десяти лѣтъ неслѣзавшаго съ печи.

И тутъ-то нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушали мы дивныя рѣчи: про старинные, дышавшіе разгульемъ годы, про Гетманщину, про буйные наѣзды Запорожцевъ, про тиранскія мучительства Ляховъ, про удалые подвиги Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго. Но намъ болѣе всего нравились повѣсти, имѣвшія основаніемъ какое — нибудь старинное, сверхъ-естественное преданіе, которое нынѣшніе умники безъ зазрѣнія совѣсти не побоялись бы назвать баснею; но я готовъ голову отдать, если дѣдъ мой хотя разъ солгалъ въ продолженіе своей жизни.

(*) »Т. е. лгать.«

что *о* встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи автора: ***Николай Гоголь—Яновскій.*** Заглавіе романа было »Гетьманъ«. Въ примѣчаніи сказано, что первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ. Кромѣ этой главы, уцѣлѣла еще одна, подъ заглавіемъ: »Плѣнникъ«, и была напечатана сперва въ одномъ изъ періодическихъ изданій, а потомъ вошла вмѣстѣ съ первою въ составленный Гоголемъ изъ собственныхъ сочиненій альманахъ »Арабески.« (¹) Эти два отрывка написаны уже со всѣми признаками несомнѣннаго таланта и могли обратить на себя вниманіе такихъ людей, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, которые дѣйствительно приняли въ это время Гоголя подъ свое покровительство и, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Плетневымъ и другими, содѣйствовали дальнѣйшимъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ.

Въ первомъ нумерѣ »Литературной Газеты« на 1831 годъ напечатана несравненно слабѣйшая пьеса его »Учитель. Изъ малороссійской повѣсти: Страшный Кабанъ«. Она признана даже составителемъ »Арабесокъ« недостойною занять мѣсто въ этомъ сборникѣ, равно какъ и второй отрывокъ изъ той же повѣсти, подъ заглавіемъ »Успѣхъ посольства«, напечатанный въ 17 № »Литературной Газеты« 1831 года. Употребленный здѣсь псевдонимъ *П. Глечикъ* (по объясненію г. Гаевскаго) имѣетъ то основаніе, что въ историческомъ романѣ, изъ котораго напечатана глава въ »Сѣверныхъ Цвѣтахъ«, одно изъ дѣйствующихъ лицъ — миргородскій полковникъ Глечикъ.

Въ томъ же нумерѣ другая статья Гоголя: »Нѣсколько мыслей о

женную въ головахъ свитку за свернувшагося дьявола. Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что бывало ни скажетъ, то именно такъ и было. Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ.«

Чтобы увѣрить васъ въ справедливости этого, я хоть сей же часъ разскажу вамъ одну изъ тѣхъ повѣстей, которыя такъ сильно нравились намъ во время оно, надѣясь, что и вамъ полюбится.«

(¹) Ч. I, стр. 41 и 72, и ч. II, стр. 159.

преподаванія дѣтямъ Географіи«, подписанная именемъ *Г. Яновъ*, т. е. *Гоголь-Яновскій*. Это была первая подпись, обнаруживающая готовность робкаго и недовѣрчиваго къ самому себѣ малороссіянина объявить настоящее свое имя. Подъ статьею читаемъ: »Продолженіе обѣщано«; но обѣщаніе не исполнено. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ, Гоголь, подъ вліяніемъ тогдашняго своего увлеченія педагогіею, а можетъ быть, и по какому нибудь болѣе тайному побужденію, говоритъ слѣдующее:

»Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣнія ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей.«

Далѣе, въ 4 № »Литературной Газеты« на 1831 годъ, мы находимъ статью »Женщина« уже съ подписью *Н. Гоголь*. Авторъ очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣроятно, считалъ это молодое произведеніе вполнѣ достойнымъ своего имени. (1)

Въ эти первые годы литературной своей дѣятельности онъ работалъ очень много, потому что къ маю 1831 года у него уже готово было нѣсколько повѣстей, составившихъ первый томъ »Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки«. Не зная, какъ распорядиться съ этими повѣстями, Гоголь обратился за совѣтомъ къ П. А. Плетневу. Плетневъ хотѣлъ оградить юношу отъ вліянія литературныхъ партій и въ тоже время спасти повѣсти отъ предубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ, и не получили о немъ высокаго понятія. По этому онъ присовѣтовалъ Гоголю, на первый разъ, строжайшее incognito и придумалъ для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились въ свѣтъ »Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ«, который будто бы жилъ

---

(1) Чтобъ не возвращаться къ исчисленію неподписанныхъ Гоголемъ статей, укажу еще на двѣ, напечатанныя въ первой книжкѣ пушкинскаго »Современника« 1836 года, подъ заглавіемъ: »О движеніи Журнальной Литературы въ 1834 и 1835 годахъ«, и во второй книжкѣ »Современника« (изданной по смерти Пушкина) 1837 года: »Петербургскія Замѣтки 1836 года«.

вблизи Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею. Книга была принята огромным большинством любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть »Вечеровъ на Хуторѣ«. Пасичникъ Рудый Панько очевидно былъ ободренъ первымъ пріемомъ и разболтался въ предисловіяхъ ко второй книжкѣ еще любезнѣе. (¹)

Между зоилами Гоголя особенно отличался Н. Полевой, который, вообразивъ, что Рудый Панько — новый псевдонимъ О. Сомова, писавшаго подъ именемъ Байскаго, напалъ на »Вечера на Хуторѣ« и старался доказать, что Гоголь вовсе не Малороссіянинъ, а »Москаль, да еще и горожанинъ«. По этому случаю въ тогдашнихъ »Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду появилась статья Никиты Лугового, въ которой доказано, что Полевой имѣлъ самыя превратныя понятія о Малороссіи.

Возвратимся нѣсколько назадъ и прослѣдимъ эпоху первыхъ литературныхъ успѣховъ Гоголя по письмамъ его къ матери. Они очень многочисленны и пространны, но наполнены большею частью семейными мелочами, строительными и хозяйственными разсужденіями. Я приведу изъ нихъ только краткія выписки, опустивъ даже и выраженія нѣжнѣйшей сыновней любви и почтенія, которыми Гоголь былъ преисполненъ къ матери и въ которыхъ онъ изливался съ горячимъ многословіемъ юности.

Ноября 12-го, 1829. »Вы пишите, что довольно нерасчетливо живу, или по крайней мѣрѣ жилъ прежде. Но, ради Бога, не вѣрьте Св***му: въ жизнь мою я не видалъ такого жестокаго лгуна. Когда онъ видѣлъ, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счетъ? когда я нанималъ квартиру, состоящую изъ 3-хъ комнатъ одинъ? И теперь нанимаемъ мы 3 комнаты; но насъ три человѣка вмѣстѣ стоятъ, и комнатки очень небольшія. Еще прошу васъ, маминька, — не думайте

(¹) Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ, какъ авторъ »Вечеровъ на Хуторѣ«, 19 февраля 1832 года, на извѣстномъ обѣдѣ А. Ф. Смирдина, по случаю перенесенія его книжнаго магазина отъ Синяго моста на Невскій проспектъ. Гости подарили хозяина разными пьесами, составившими альманахъ »Новоселье«, въ которомъ помѣщена и гоголева »Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ«.

найти во мнѣ хотя искру гордости. Если я прежде казался таковымъ, то теперь не покажусь, вѣрно, имъ. Ваши мысли на этотъ счетъ совершенно согласны съ моими. Онѣ стоятъ быть написаны золотыми буквами; жаль только, что рѣдкіе слѣдуютъ имъ.«

Исполняя желаніе матери знать обо всемъ, что̀ встрѣтитъ онъ замѣчательнаго въ своемъ путешествіи, онъ говоритъ, что претерпѣлъ на морѣ бурю, »во время которой и мысль о страхѣ не закрадывалась въ его душу«, описываетъ шведскіе и датскіе берега и островъ Борнгольмъ; наконецъ упоминаетъ, что, кромѣ Любека и Травемунда, былъ также — хотя »очень мало«, — и въ Гамбургѣ.

Февраля 2-го, 1830. »Жалованья получаю сущую бездѣлицу. Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку дома для г.г. журналистовъ. И потому вы не сердитесь, моя великодушная маминька, если я васъ часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣдѣнія о Малороссіи, или что̀ либо подобное. Это составляетъ мой хлѣбъ. Я и теперь попрошу васъ собрать нѣсколько таковыхъ свѣдѣній, если гдѣ либо услышите какой забавный анекдотъ между мужиками въ нашемъ селѣ, или въ другомъ какомъ, или между помѣщиками. Сдѣлайте милость, опишите для меня также нравы, обычаи, повѣрья. Да распросите про старину хоть у Анны Матвѣевны или Агаѳіи Матвѣевны: какія платья были въ ихъ время у сотниковъ, ихъ женъ, у тысячниковъ, у нихъ самихъ? какія матеріи были извѣстны въ ихъ время? и всё съ подробнѣйшею подробностію. Какіе анекдоты и исторіи случались въ ихъ время, смѣшные, забавные, печальные, ужасные? Не пренебрегайте ничѣмъ: все имѣетъ для меня цѣну. Въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ. Одного только нужно опасаться здѣсь бѣдняку — заболѣть. Тогда-то уже ему почти нѣтъ спасенья: источники его доходовъ прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство — умереть. Но этого со мною никогда не можетъ случиться: здѣсь есть Арендтъ, котораго искусство и благородная душа чужды всякаго интереса. — Часто наводитъ на меня тоску мысль, что, можетъ быть, долго еще не удастся мнѣ увидѣться съ вами. Какъ бы хотѣлось мнѣ хотя на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы

и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни! Но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на то. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина. Что же теперь должно происходить въ это время, когда столица пуста и мертва, какъ могила; когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно-раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Не мудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе. Я былъ утопающій, хватившійся за первую попавшуюся ему вѣтку. Хотя бы на это время я былъ въ состояніи нанять комнату гдѣ-нибудь на дачѣ, за городомъ. Но тамъ квартиры несравненно дороже, а при бѣдности моего состоянія, это почти невозможно. — Еще осмѣливаюсь побезпокоить васъ одною просьбою: ради Бога, если будете имѣть случай, собирайте всѣ попадающіяся вамъ древнія монеты и рѣдкости, какія отыщутся въ нашихъ мѣстахъ, стародавнія, старопечатныя книги, другія какія-нибудь вещи-антики, а особливо стрѣлы, которыя въ множествѣ находимы были въ Пслѣ. Я помню, ихъ цѣлыми горстями доставали. Сдѣлайте милость, пришлите ихъ. Я хочу прислужиться этимъ одному вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи. — Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ какихъ записокъ, веденныхъ предками какой нибудь старинной фамиліи, — рукописей стародавнихъ про времена гетьманщины, и прочаго подобнаго?«

Въ письмѣ отъ 2-го апрѣля 1830 года, Гоголь жалуется матери на свое тягостное положеніе въ столицѣ. Перепробовавъ разныя средства получить выгоднѣйшее мѣсто по службѣ, онъ готовъ былъ иногда бросить все и ѣхать изъ Петербурга, но его удерживали надежды на службу въ будущемъ. Литературою онъ занимался, какъ видно, только изъ нужды въ деньгахъ, но она ему доставляла тогда немного болѣе 100 р. ассигнаціями въ годъ; а жалованья онъ не получалъ и 500 р. асс. Иногда ему помогалъ двоюродный братъ его матери, А. А. Тр**скій; но то были весьма небольшія деньги.

»Доказательствомъ моей бережливости (говоритъ онъ) служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхъ и истерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго не только фрака, но даже и теплаго плаща, необходимаго для зимы. Хорошо еще, (что) я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели. — — — Приношу благодарность тетинькѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которая рѣшилась пожертвовать временемъ — собрать для меня нѣсколько любопытныхъ пѣсень; но драгоцѣннѣйшія изъ нихъ есть, однакожъ, списанныя вами двѣ запорожскія. Благодарю также Лукерью Өедоровну и Марью Борисовну за ихъ участіе.«

При этомъ письмѣ Гоголь приложилъ реестръ своимъ доходамъ и издержкамъ за декабрь 1829 и январь 1830 года. Онъ всего ближе вводитъ насъ въ обстоятельства квартирной жизни поэта, и потому помѣщаю его здѣсь.

»ДЕКАБРЬ.

»Приходъ.	Расходъ.	
Получено отъ его превосходительства Андрея Андреевича . . 150 руб.	За квартиру	25 р.
	На столъ	25 р.
	На дрова	7 р.
	На свѣчи	3 р.
	Водовозу	2 р.
Итого 150 р.	На чай, сахаръ и хлѣбъ. . .	20 р.
Жалованья въ этотъ мѣсяцъ не получилъ, по причинѣ вычету за переименованіе въ чинъ, на инвалидовъ, на гошпиталь и проч.	Въ библіотеку для чтенія . .	5 р.
	На сапоги.	10 р.
	Прачкѣ	5 р.
	На содержаніе человѣка . .	10 р.
	Куплено ваксы на	1 р. 50
	Итого . . .	113 р. 50 к.
Прежнихъ оставалось 20 рублей.	Кромѣ того за мытье половъ заплачено	1 р. 50
	На лѣкарство	3 р. 70
	На цирульника	1 р. 50
		6 руб. 70 к.

ЯНВАРЬ

Приходъ	Расходъ.
Получено жалованья за м. январь . . . . 30 р.	За квартиру . . . . 25 р.
Отъ Андрея Андреевича полученныхъ осталось . . . 50 р.	На столъ . . . . 25 р.
Выручилъ за статью, переведенную съ французскаго: О Торговлѣ Русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка для Сѣвернаго Архива . . 20 р.	На дрова . . . . 7 р.
	На сахаръ, чай и хлѣбъ . . 20 р.
	На свѣчи . . . . 3 р.
	Водовозу . . . . 2 р.
	За перчатки заплачено . . 3 р.
	Прачкѣ . . . . 5 р.
	На содержаніе человѣка . . 10 р.
	За два носовыхъ платка . 2 р. 50. к.
	На мѣлкія издержки, какъ то: извощикамъ, цирульникамъ и проч. потреблено. 5 р.
	На подтяжки . . . . . . 4 р.
Итого 100 руб.	Итого 111 р. 50 к.
	Въ баню . . . . 1 р. 50 к.

Іюня 3-го, 1830. »Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ занимаемое. Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ. Надѣюсь, что вы по прежнему, почтеннѣйшая маминька, не оставите иногда въ часы досуга присылать всѣ любопытныя для меня извѣстія, которыя только удастся собрать. Не могу изъяснить моей благодарности любезной моей сестрицѣ Машинькѣ, которая такъ много трудилась для меня въ этомъ дѣлѣ и которой прекрасныя качества узнаю я съ каждымъ разомъ болѣе. —— Не смотря на всѣ старанія мои, я не могъ, однакожъ, имѣть никакой возможности переѣхать на дачу. Судьба никакимъ образомъ не захотѣла свесть меня съ высоты моего пятаго этажа въ низменный домикъ на какомъ-нибудь изъ островов. Необходимости должно повиноваться. Но я всячески стараюсь услаждать свое заключеніе. Мнѣ совѣтуютъ дѣлать сколько можно больше движенія, и я каждый почти день прогуливаюсь по дачамъ и прекраснымъ окрестностямъ. Нельзя надивиться, какъ здѣсь пріучаешься ходить. Прошлый годъ, я помню, сдѣлать верстъ пять въ день

была для меня большая трудность; теперь же я дѣлаю свободно верстъ 20 и болѣе и не чувствую никакой усталости. И это здѣсь вовсе не удивительно: всякій этимъ можетъ похвалиться. Въ 9 часовъ утра отправляюсь я каждый день въ свою должность и пробываю тамъ до 3-хъ часовъ; въ половинѣ 4-го я обѣдаю; послѣ обѣда въ 5 часовъ отправляюсь я въ классъ Академіи Художествъ, гдѣ занимаюсь живописью, которую я никакъ не въ состояніи оставить, тѣмъ болѣе что здѣсь есть всѣ средства совершенствоваться въ ней, и всѣ они, кромѣ труда и старанія, ничего не требуютъ. По знакомству своему съ художниками, и со многими даже знаменитыми, я имѣю возможность пользоваться средствами и выгодами, для многихъ недоступными. Не говоря уже объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Что это за люди! Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ на вѣки... Какая скромность при величайшемъ талантѣ! — — Въ классѣ, который посѣщаю я, три раза въ недѣлю, просиживаю два часа. Въ семь часовъ прихожу домой, иду къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ на вечеръ, которыхъ у меня таки не мало. Вѣрите ли, что однихъ однокорытниковъ моихъ изъ Нѣжина до 25 человѣкъ? — — Три раза въ теченіе недѣли отправляюсь я къ людямъ семейнымъ, у которыхъ пью чай и провожу вечеръ. Съ 9 часовъ вечера я начинаю свою прогулку: или бываю на общемъ гуляньѣ, или самъ отправляюсь на разныя дачи. Въ 11 часовъ вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигдѣ не пилъ [вамъ должно показаться это позднимъ: я не ужинаю]. Иногда прихожу домой часовъ въ 12 и въ 1 часъ, и въ это время еще можно видѣть толпу гуляющихъ.«

Не смотря на твердую рѣшимость жить собственными средствами, Гоголь, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ иногда просить у матери денегъ и всегда получалъ ихъ. Отъ 1-го сентября 1830 года онъ писалъ къ ней:

»Часто большія неудобства встрѣчаются иногда отъ замедленія присылки, и тогда принужденъ я бываю продавать за безцѣнокъ самонужнѣйшія вещи, которыхъ пріобрѣтеніе становится въ послѣдствіи мнѣ несравненно дороже.«

Замѣчательно негодованіе, съ какимъ Гоголь отвергъ приписанныя ему въ это время сочиненія.

»И я (пишетъ онъ отъ 19-го декабря, 1830), посвятившій себя всего пользѣ, обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пущусь писать подобныя глупости, унижусь до того, чтобы описывать презрѣнную жизнь какихъ-то низкихъ тварей, и такимъ площаднымъ, вялымъ слогомъ, буду способенъ на такое низкое дѣло, буду столько неблагодаренъ, черенъ душою, чтобы позабывать мою рѣдкую мать, моихъ сестеръ, моихъ родственниковъ, жертвовавшихъ для меня послѣднимъ, для какой нибудь дѣвчонки!« ([1])

Наконецъ наступилъ 1831-й годъ, годъ появленія въ свѣтъ »Вечеровъ на Хуторѣ«. Гоголь ни слова не упоминалъ еще о своихъ повѣстяхъ въ письмахъ къ матери. Отъ 10-го февраля этого года онъ только писалъ къ ней, что надѣется, если не въ нынѣшнемъ, то въ слѣдующемъ году имѣть возможность обойтись безъ ея помощи; однакожъ просилъ денегъ, которыя между нимъ и матерью положено было получать ему изъ дому въ извѣстные сроки.

»Какъ благодарю я вышнюю десницу (говоритъ онъ въ этомъ письмѣ) за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для мени наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкой царь могъ имѣть. За то какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! Какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе—польза.«

Отъ 16-го апрѣля 1831 года онъ писалъ: »Въ 1832 году буду имѣть возможность пріѣхать къ вамъ, не принесши вамъ никакихъ издержекъ, а въ 33-мъ, въ свою очередь, помочь вамъ.« Онъ хвалился, что выгодно перемѣнилъ службу,. что вмѣсто 42-хъ часовъ въ недѣлю работаетъ только 6, жалованье его нѣсколько увеличилось и что надѣется давать уроки еще въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и получать

([1]) Дѣло идетъ о комедіи »Свѣтскій Бытъ«, Свиньина, о романѣ »Ягубъ Скупаловъ«, его же, и о повѣсти, напечатанной въ »Отечественныхъ Запискахъ« съ подписью *В. Б.-въ.* *Н. М.*

въ четыре раза больше жалованье. »Но между тѣмъ (продолжалъ онъ) занятія мои, которыя еще большую принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ моей уединенной комнаткѣ. — — Я теперь болѣе нежели когда-либо тружусь и болѣе нежели когда-либо веселъ. Спокойствіе въ груди моей величайшее«.

Въ томъ же письмѣ онъ хвалится »лестнымъ для него дружествомъ« нѣкоторыхъ дамъ изъ высшаго общества.

»Всего болѣе (говоритъ онъ) удивлялся я уму здѣшнихъ знатныхъ дамъ. Никогда не думалъ я, чтобы женщина [исключеніе я прежде дѣлалъ для однѣхъ васъ только], чтобы женщина могла имѣть столько самоотверженія, столько любви къ своимъ дѣтямъ, чтобы, отказываясь отъ всѣхъ посѣщеній и даже зазывовъ во дворецъ, посвящать и проводить съ ними все время« и пр.

Письма Гоголя къ матери интересны отъ начала до конца, о чемъ бы онъ ни говорилъ въ нихъ, но я останавливаюсь только на тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ видно, подъ какими вліяніями формировались талантъ и душа его. Не трудно догадаться, кого рисуетъ онъ, говоря о знатныхъ дамахъ, которыхъ дружбою онъ пользовался, и кто знаетъ ихъ, тому понятно, какъ велико должно было быть ихъ нравственное вліяніе на юношу, получившаго въ родительскомъ домѣ прекрасныя начала высокаго христіянскаго воспитанія.

По отношенію къ автору »Мертвыхъ Душъ« въ высшей степени интересны слѣдующія строки автора еще не вышедшихъ въ свѣтъ »Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки«:

»Я чрезвычайно любопытенъ знать состояніе земляковъ нашихъ, которыхъ безпрестанныя разоренія имѣній чрезвычайно трогаютъ меня. Часто на досугѣ раздумываю о средствахъ, какія могутъ найтиться для того, чтобы вывесть ихъ на прямую дорогу, и если со временемъ удастся что-нибудь сдѣлать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ.«

Наконецъ первая книжка »Вечеровъ на Хуторѣ« вышла, и Гоголь послалъ одинъ экземпляръ матери къ дню ея ангела, при слѣдующихъ скромныхъ строкахъ:

»Очень жалѣю, что не могу прислать вамъ хорошаго подарка. Но

вы и въ бездѣлицѣ увидите мою сыновнюю любовь къ вамъ, и потому я прошу васъ принять эту небольшую книжку. Она есть плодъ отдохновенія и досужихъ часовъ отъ трудовъ моихъ. Она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ Г****ни. Надѣюсь, что и вамъ также принесетъ она сколько-нибудь удовольствія, и тогда я уже буду счастливъ.«

Тутъ онъ снова повторяетъ свою просьбу къ матери и сестрѣ о собираніи для него малороссійскихъ пѣсень и сказокъ, проситъ также пріобрѣтать для него старинные костюмы малороссійскіе и составить полный совершенный костюмъ мужской и женскій изъ лучшихъ образцовъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 9-го октября, онъ уже выражаетъ надежду на помѣщеніе младшихъ сестеръ, на казенный счетъ, въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ, изъ которыхъ особенно хвалилъ Патріотическій и Екатерининскій.

17-го октября 1831 года Гоголь имѣлъ удовольствіе удѣлить часть заработанныхъ денегъ на подарки матери и старшей сестрѣ и послалъ имъ на 90 рублей ассигнаціями разныхъ петербургскихъ издѣлій; а черезъ пять мѣсяцевъ, когда старшая сестра его была сговорена, онъ послалъ матери »въ помощь къ пріуготовленіямъ къ свадьбѣ« 500р. асс. Наконецъ лѣтомъ 1832 года онъ пріѣхалъ въ Васильевку, провелъ съ нѣжно любимою матерью и сестрами три мѣсяца и, возвращаясь въ Петербургъ, увезъ съ собой двухъ младшихъ сестеръ для помѣщенія, на казенный счетъ, въ Патріотическій Институтъ. Это была самая свѣтлая эпоха жизни нашего поэта. »Вечера на Хуторѣ« были окончательно изданы и увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ; Гоголь былъ ужъ цѣнимъ и ласкаемъ Пушкинымъ и Жуковскимъ; вопіющія нужды его существованія въ Петербургѣ были удовлетворены; онъ былъ счастливъ возможностью помочь родному семейству; онъ видѣлъ родину послѣ трехъ лѣтъ съ половиною трудной жизни на сѣверѣ; онъ надышался воздухомъ густыхъ малороссійскихъ садовъ, насмотрѣлся на поля и степи, наслушался давно неслышанныхъ рѣчей: созданіе »Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ« и »Тараса Бульбы« было въ немъ естественнымъ результатомъ всѣхъ этихъ событій и вліяній.

VI.

Воспоминанія Н. Д. Бѣлозерскаго. — Служба въ Патріотическомъ Институтѣ и въ С. Петербургскомъ Университетѣ. — Воспоминанія г. Иваницкаго о лекціяхъ Гоголя. — Разсказъ товарища по службѣ. — Переписка съ А. С. Данилевскимъ и М. А. Максимовичемъ: о »Вечерахъ на Хуторѣ«; — о Пушкинѣ и Жуковскомъ; — о любви; — о товарищахъ-землякахъ; — объ изданіи малороссійскихъ пѣсень; — о петербургскихъ литераторахъ; — о страсти къ малороссійскимъ пѣснямъ; — о перемѣщеніи на службу въ Кіевъ. — Воззваніе Гоголя къ генію наканунѣ новаго (1834) года.

Отъ людей, знавшихъ Гоголя лично въ періодъ его петербургской жизни, я узналъ о немъ немного. Это потому, что Гоголь, съ практическимъ направленіемъ своего таланта, соединялъ нѣжную деликатность души, не позволявшую ему выказывать передъ другими то, чего у нихъ не доставало, и, предаваясь врожденной своей наблюдательности, защищался личиною человѣка обыкновеннаго отъ наблюдательности другихъ. Въ немъ можно было подмѣтить какую-нибудь поэтическую особенность не иначе, какъ только безъ его вѣдома, то есть, когда онъ не стоялъ у самаго себя на сторожѣ. Эту черту характера онъ сохранилъ до самой смерти.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, Н. Д. Бѣлозерскій, посѣщая въ Нѣжинѣ бывшаго инспектора Гимназіи князя Безбородко, г. Бѣлоусова, видалъ у него студента Гоголя, который былъ хорошо принятъ въ домѣ своего начальника и часто приходилъ къ его двоюродному брату, тоже студенту, г. Божко, для ученическихъ занятій. Онъ описываетъ будущаго поэта въ то время немножко сутуловатымъ и съ походкою, которую всего лучше выражаетъ слово *пѣтушкомъ*. Впослѣдствіи они встрѣтились, уже какъ старые знакомые, въ Петербургѣ, въ эпоху »Вечеровъ на Хуторѣ« и »Миргорода«. Бѣлозерскій нашелъ Гоголя уже пріятелемъ Пушкина и Жуковскаго, у которыхъ онъ проживалъ иногда въ Царскомъ Селѣ. Это была самая цвѣтущая пора въ характерѣ поэта. Онъ писалъ все сцены изъ воспоминаній родины, трудился надъ »Исторіею Малороссіи« и любилъ проводить время въ кругу земляковъ. Тутъ-

то чаще всего видѣли его такимъ оживленнымъ, какъ разсказываетъ г. Гаевскій, въ своихъ »Замѣткахъ для Біографіи Гоголя«. Г. Прокоповичъ вспоминаетъ съ восхищеніемъ объ этой порѣ жизни своего друга. У него я видѣлъ портретъ Гоголя, рисованный и литографированный Венеціановымъ, и который, по словамъ владѣльца, можно назвать портретомъ автора »Тараса Бульбы«.

Гоголь отличался тогда щеголеватостью своего костюма, которымъ впослѣдствіи началъ пренебрегать, но боялся холоду и носилъ зимою, шинель, плотно запахнувъ ее и поднявъ воротникъ обѣими руками выше ушей. Въ то время перемѣнчивость въ настроеніи его души обнаруживалась въ скоромъ созиданіи и разрушеніи плановъ. Такъ однажды весною онъ объявилъ, что ѣдетъ въ Малороссію, и, дѣйствительно, совсѣмъ собрался въ дорогу. Приходятъ къ нему проститься и узнаютъ, что онъ переѣхалъ на дачу. Н. Д. Бѣлозерскій посѣтилъ его въ этомъ сельскомъ уединеніи. Гоголь занималъ отдѣльный домикъ съ мезониномъ, недалеко отъ Поклонной горы, на дачѣ Гинтера.

— Кто же у васъ внизу живетъ? спросилъ гость.

— Низъ я нанялъ другому жильцу, отвѣчалъ Гоголь.

— Гдѣ же вы его поймали?

— Онъ самъ явился ко мнѣ, по объявленію въ газетахъ. И еще какая странная случайность! Звонитъ ко мнѣ какой-то господинъ. Отпираютъ.

» — Вы публиковали въ газетахъ объ отдачѣ въ наемъ половины дачи?«

— Публиковалъ.

» — Нельзя ли мнѣ воспользоваться?....«

— Очень радъ. Не угодно ли садиться? Позвольте узнать вашу фамилію.

» — Половиникинъ.«

— Такъ и прекрасно! вотъ вамъ и половина дачи. — Тотчасъ безъ торгу и порѣшили.

Черезъ нѣсколько времени г. Бѣлозерскій опять посѣтилъ Гоголя на дачѣ и нашелъ въ ней одного г. Половиникина. Гоголь, вставши разъ очень рано и увидѣвъ на термометрѣ 8 град. тепла, уѣхалъ въ Малороссію, и съ такою поспѣшностью, что не сдѣлалъ даже никакихъ рас-

поряженій касательно своего зимняго платья, оставленнаго въ комодѣ. Потомъ ужъ онъ писалъ изъ Малороссіи, къ своему земляку Бѣлозерскому, чтобъ онъ съѣздилъ къ Половинкину и попросилъ его развѣсить платье на свѣжемъ воздухѣ. Бѣлозерскій отправился на дачу и нашелъ платье уже развѣшеннымъ.

Переходя къ воспоминаніямъ второго лица о Гоголѣ, я долженъ сперва возвратиться нѣсколько назадъ и разсказать о дальнѣйшей педагогической службѣ его. Состоя въ чинѣ титулярнаго совѣтника со дня вступленія въ должность старшаго учителя исторіи при Патріотическомъ Институтѣ, Гоголь, »въ награду отличныхъ трудовъ«, былъ пожалованъ отъ Ея Величества, 9-го марта 1834 года, брильянтовымъ перстнемъ. А между тѣмъ, при содѣйствіи своихъ покровителей и силою собственнаго авторитета, онъ проложилъ себѣ путь къ высшему посту: 24-го іюня 1834 года онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при С. Петербургскомъ Университетѣ. Онъ искалъ этого мѣста вовсе не изъ честолюбія или корыстныхъ видовъ. Честолюбіе его было выше мелочнаго тщеславія ступенью, занимаемою въ обществѣ, а матеріальныя выгоды никогда не составляли цѣли его жизни: онѣ были въ его глазахъ только средствами для осуществленія плановъ, постоянно занимавшихъ его душу. Письма его къ М. А. Максимовичу о каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Кіевскомъ Университетѣ, которой онъ напрасно домогался, покажутъ, для чего ему нужно было получить мѣсто профессора. Встрѣтивъ въ этомъ исканіи препятствія, онъ ограничился званіемъ адъюнкта въ столичномъ университетѣ. »Здѣсь онъ не переставалъ работать по мѣрѣ данныхъ ему Богомъ силъ, не переставалъ учиться и постоянно имѣлъ въ виду цѣль — сдѣлаться наконецъ ученымъ хорошимъ профессоромъ, именно историкомъ. Но его художническая природа мѣшала постоянно той пассивной дѣятельности, которая нужна для обогащенія себя свѣдѣніями. Его пониманіе исторіи не могло обратиться въ спокойное преподаваніе. Тѣмъ не менѣе съ юныхъ лѣтъ Гоголь дѣлалъ постоянныя усилія образовать себя, которыя тѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ заслуги, что для художника онѣ тяжеле, нежели для всякаго другого. Доказательствомъ этому служитъ его записная книга, о которой говорено было выше. Такія записныя книги видали у него

постоянно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе заставлялъ онъ себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшіе могутъ это засвидѣтельствовать. Быстрота соображенія, геніальная отгадка смысла вещей и событій мѣшаетъ также заниматься послѣдовательно. Человѣкъ, для котораго смыслъ событія является выводомъ, часто тяжело добываемымъ долгими трудами, видитъ всю цѣну и необходимость для него этихъ трудовъ. Но для того, чей острый взоръ проникаетъ въ смыслъ событія, не дожидаясь полной, окончательной работы, для того не составляетъ она той необходимости, какъ для медленно идущаго ума. Не хочу сказать, чтобы даръ прозрѣнія освобождалъ человѣка отъ труда: я хочу сказать только то, что этотъ даръ, предупреждая выводъ постепенный, мѣшаетъ послѣдовательности работы.« ([1]) Вотъ почему Гоголь, желая служить какъ истинный гражданинъ своего отечества на поприщѣ преподаванія наукъ, далеко не достигъ своей цѣли, и когда въ концѣ 1835 года вышло постановленіе, по которому онъ долженъ былъ выдержать испытаніе на степень доктора философіи, если бы пожелалъ занять профессорскую должность, — онъ предпочелъ лучше оставить государственную службу и служить отечеству исключительно на поприщѣ писателя. ([2])

О томъ, какъ онъ исполнялъ обязанности званія адъюнкта всеобщей исторіи и каково читалъ свои университетскія лекціи, мы имѣемъ прекрасный мемуаръ одного изъ его слушателей, г. Иваницкаго. ([3])

»Гоголь читалъ исторію Среднихъ вѣковъ — говоритъ г. Иваницкій — для студентовъ 2-го курса филологическаго отдѣленія. Началъ онъ въ сентябрѣ 1834, а окончилъ въ концѣ 1835 года. На первую лекцію онъ явился въ сопровожденіи инспектора студентовъ. Это было въ 2 часа. Гоголь вошелъ въ аудиторію, раскланялся съ нами и, въ ожиданіи ректора, началъ о чемъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи

([1]) Два мѣста въ этомъ оправданіи характера Гоголя, отмѣченныя кавычками, заимствованы мною, почти безъ всякой перемѣны, изъ письма ко мнѣ С. Т. Аксакова.

([2]) Онъ былъ уволенъ 1-го января 1836 года.

([3]) »Отечественныя Записки« 1853 года, № 2.

духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насъ. Наконецъ подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Въ продолженіе этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно всходилъ по ступенямъ каѳедры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ — на вторую, потомъ — на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать. Мнѣ кажется, однакожъ, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, развивалась совершенно-логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ ужь на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевился. Вотъ въ эту-то минуту ему и начать бы лекцію, но вдругъ вошелъ ректоръ.... Гоголь долженъ былъ оставить на минуту свой постъ, который занялъ такъ ловко, и даже можно сказать, незамѣтно для самого себя. Ректоръ сказалъ ему нѣсколько привѣтствій, поздоровался со студентами и занялъ приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впалъ въ прежнее тревожное состояніе: опять лицо его поблѣднѣло и приняло болѣзненное выраженіе. Но медлить ужь было нельзя: онъ вошелъ на кафедру и лекція началась....

»Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужь Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Не возможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова-въ-слово напечатана въ »Арабескахъ«, кажется, подъ заглавіемъ: »О характерѣ Исторіи Среднихъ Вѣковъ«. Ясно, что и въ такомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно-написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужь не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ, и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова.

»Лекція продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышелъ изъ аудиторіи, мы окружили его въ сборной залѣ и просили, чтобъ онъ далъ

намъ эту лекцію въ рукописи. Гоголь сказалъ, что она у него набросана только въ черне, но что современемъ онъ обработаетъ ее и дастъ намъ; а потомъ прибавилъ: »на первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ Исторіи Среднихъ Вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ вооружиться для этого анатомическимъ ножомъ.«

»Мы съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей лекціи. Гоголь пріѣхалъ довольно поздно и началъ ее фразой: »Азія была всегда какимъ-то народо-вержущимъ вулканомъ«. Потомъ поговорилъ немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ, тотъ ли это Гоголь, который на прошлой недѣлѣ прочелъ такую блестящую лекцію? Наконецъ, указавъ намъ на кое-какіе курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ. Слѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ, такъ что мы совершенно наконецъ охладѣли къ Гоголю, и аудиторія его все больше и больше пустѣла.

»Но вотъ однажды — это было въ октябрѣ — ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ швейцара, конечно, они ужь знали, что Гоголь еще не пріѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только, въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь? мы указали на аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Гоголь, и мы вслѣдъ за тремя поэтами вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь вошелъ на каѳедру, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другаго, началъ читать взглядъ на исторію Аравитянъ. Лекція была блестящая, въ такомъ же родѣ, какъ и первая. Она вся изъ слова-въ-слово напечатана въ »Арабескахъ«. Видно, что Гоголь зналъ заранѣе о намѣреніи поэтовъ пріѣхать къ нему на лекцію, и потому приготовился угостить ихъ поэтически. Послѣ лекціи Пушкинъ заговорилъ о чемъ-то съ Гоголемъ, но я слышалъ одно только слово: »увлекательно«....

»Всѣ слѣдующія лекціи Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событіе, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и

одушевленную .... Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и его слушателямъ. Бывало, пріѣдетъ, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ, да ужь и не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ, и опять та же исторія. Такъ прошло время до мая.

»Наступилъ экзаменъ. Гоголь пріѣхалъ, подвязанный чернымъ платкомъ: не знаю ужь, зубы у него болѣли, что ли. Вопросы предлагалъ бывшій ректоръ И. П. Ш. Гоголь сидѣлъ въ сторонѣ и ни во что не вступался. Мы слышали ужь тогда, что онъ оставляетъ Университетъ и ѣдетъ на Кавказъ. Послѣ экзамена мы окружили его и изъявили сожалѣніе, что должны разстаться съ нимъ. Гоголь отвѣчалъ, что здоровье его разстроено и что онъ долженъ перемѣнить климатъ.

»Теперь я ѣду на Кавказъ: мнѣ хочется застать тамъ еще свѣжую зелень; но я надѣюсь, господа, что мы когда нибудь еще встрѣтимся.

»Поѣздка эта, однакожь, не состоялась, не знаю почему.«

Это — воспоминаніе студента о Гоголѣ-профессорѣ. А вотъ что́ говоритъ одинъ изъ его товарищей по службѣ въ Университетѣ.

»Я познакомился съ Гоголемъ тогда, какъ онъ былъ сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ, гдѣ я тоже былъ адъюнктъ-профессоромъ. Гоголь сошелся съ нами хорошо, какъ съ новыми товарищами; но мы встрѣтили его холодно. Не знаю, какъ кто, но я только по одному: я смотрѣлъ на науку черезъ-чуръ лирически, видѣлъ въ ней высокое, чуть-чуть не священное дѣло, и потому отъ человѣка, бравшагося быть преподавателемъ, требовалъ полнаго и безусловнаго посвященія себя ей. Самъ я занимался сильно, но избралъ для преподаванія искусство, мастерство [начертательную геометрію], не смѣя взяться за науку высшаго анализа, которую мнѣ тогда предлагали. Къ тому же Гоголь тогда, какъ писатель-художникъ, едва показался; мы, большинство, толпа, не обращали еще дѣльнаго вниманія на его »Вечера на Хуторѣ«; наконецъ и самое вступленіе его въ Университетъ путемъ окольнымъ отдаляло насъ отъ него, какъ отъ человѣка. По всему этому сношенія съ нимъ у меня были весьма форменныя, и то весьма рѣдкія.«

Таково было положеніе Гоголя въ Университетѣ. Понятно, что онъ не очень былъ привязанъ къ своему мѣсту и оставилъ его, конечно, безъ сожалѣнія.

Въ перепискѣ Гоголя съ А. С. Данилевскимъ и извѣстнымъ писателемъ М. А. Максимовичемъ открываются новыя черты юношескаго періода его жизни.

Г. Данилевскій былъ близкій родственникъ и сосѣдъ Гоголя по имѣнію. Они вмѣстѣ воспитывались въ нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ и вмѣстѣ искали служебнаго поприща въ Петербургѣ. Проживъ нѣсколько времени въ столицѣ, г. Данилевскій опредѣлился въ одинъ изъ кавказскихъ полковъ и жилъ въ Пятигорскѣ въ то время, когда Гоголь дѣлалъ свои первыя литературныя попытки. Эта разлука была поводомъ къ перепискѣ между ними, изъ которой читатель узнаетъ много интереснаго.

Первое письмо Гоголя къ другу его дѣтства написано было между изданіемъ первой и приготовленіемъ къ печати (а можетъ быть и сочиненіемъ) второй книжки »Вечеровъ на Хуторѣ«, которые онъ называетъ своимъ поросенкомъ. Тутъ, между прочимъ, уже открываются его близкія отношенія къ Пушкину и Жуковскому, которые въ то время работали въ полнотѣ силъ и возбуждали молодого поэта къ дѣятельности. Тогда еще крѣпка была цѣпь литературнаго преемства; еще свѣжи были преданія о Державинѣ; еще недавно умолкнулъ Карамзинъ, а между тѣмъ Пушкинъ и Жуковскій стояли уже на высшихъ ступеняхъ своего развитія. И въ такую-то эпоху развернулись первые цвѣты гоголева таланта. Письма къ г. Данилевскому, которыя сейчасъ будутъ мною приведены, можно сказать согрѣты огнемъ жертвенника, у котораго молодой поэтъ присутствовалъ въ благоговѣйномъ восхищеніи. Къ сожалѣнію, онъ мало высказывалъ того, что проникало глубоко въ его душу. Письма его изображаютъ внѣшнюю жизнь, которая его окружала.

1.

»Ноября 2 (1831), Спб.

»Вотъ оно какъ! пятой мѣсяцъ на Кавказѣ и, можетъ быть, еще бы столько прошло до первой вѣсти, еслибы *Купидо сердца не подогнало лозою*. ([1]) Впустили молодца на Кавказъ —

»Ой лыхо закаблукамъ, достанеццд й передамъ!«

»Знаешь ли, сколько разъ ты въ письмѣ своемъ просилъ меня не забыть прислать нотъ? Шесть разъ: два раза съ начала, два въ срединѣ да два при концѣ. Ге, ге, ге! дѣло далеко зашло! Я, однакожъ, тотъ же часъ рѣшился исполнить твою просьбу. Для этого довольно бы тебѣ разъ упомянуть. Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти ([2]) требовали непремѣнно, что(бъ) я поименовалъ великодушную смертную, для которой такъ хлопочу. Какъ мнѣ поименовать, когда я самъ не знаю, кто она? Я сказалъ только, что средоточіе любви моей согрѣваетъ ледовитый Кавказъ и бросаетъ на меня лучи косвеннѣе сѣвернаго солнца. Какъ бы то ни было, только забралъ все, что было лучшаго въ здѣшнихъ магазинахъ. Французскія кадрили въ большой модѣ здѣсь Титова. Однакожъ я посыл(аю) тебѣ и Россини нѣсколько французск(ихъ) романсовъ, русскихъ новыхъ пѣсень, всего на тридцать рублей. Да что за вздоръ такой ты мелешь, что пришлешь мнѣ деньги послѣ? Кчему это? Я тебѣ и безъ того долженъ 65 рублей. Я думалъ было и на остальные набрать тебѣ всякой всячины — конфектъ и прочаго, да раздумалъ: можетъ быть, тебѣ что нужнѣе будетъ. Ты пожалуста безъ церемоніи напиши, что прислать тебѣ на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. Въ здѣшнихъ магазинахъ получено изза моря столько дамскихъ вещей и прочаго, и все совершенное объѣденіе!

([1]) Изъ комедіи Княжнина, «Кутерьма».
«Купидо сердце мое яко гоня лозою, подстрекаетъ». Н. М.

([2]) Имена актрисъ. Н. М.

»Пороси мое давно уже вышло въ свѣтъ. Одинъ экземпляръ послалъ я къ тебѣ въ Сорочинцы. Теперь, я думаю, Василій Ивановичъ совокупно съ любезнымъ зятемъ Егоромъ Львовичемъ его почитываютъ. Однакожъ, на всякой случай посылаю тебѣ еще одинъ. Оно успѣло уже заслужить

. . . . славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань.«

Въ Сорочинцы я тебѣ также отправилъ и Ольдекоповъ Словарь. Письмо твое я получилъ сегодня, то есть 2 ноября [писанное тобою 18 октября]. Пишу отвѣтъ сегодня, а отправляю завтра. Кажется, исправно? Зато день хлопотъ. Это я для того тебѣ упоминаю, что бы ты умѣлъ быть благодарнымъ и писалъ въ слѣдующемъ письмѣ подробнѣе. Напиши также, въ который день ты получишь письмо мое вмѣстѣ съ сею посылкою. Мнѣ любопытно знать, сколько времени оно будетъ по почтѣ идти къ тебѣ. Ну, извѣстное лицо города Пятигорска, болѣе сказать мнѣ тебѣ нечего. Вѣдь ты же самъ меня торопишь скорѣе отправлять письмо.

»Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. — — Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изподъ пера сихъ мужей! У Пушкина повѣсть, октавами писанная: »Кухарка«, въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того сказки русскія народныя, — не то что »Русланъ и Людмила«, но совершенно русскія. Одна писана даже безъ размѣра, только съ рифмами, и прелесть невообразимая! У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстопными стихами, и чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русской; ничего германскаго и прежняго. А какая бездна новыхъ балладъ! онѣ на дняхъ выйдутъ.

»Ты мнѣ обѣщалъ описать прибытіе свое домой, пріемъ, встрѣчи и пр. и пр., да мнѣ кажется, что у тебя на квартирѣ и пера чиненнаго нѣтъ; только одинъ карандашъ, въ часы досуга, подмахиваетъ злодѣйское деревцо.

»Прощай; будь здоровъ и любимъ, да незабывай твоего неизмѣннаго

»*Гоголя*.

2.

» 1 генварь, 1832 (изъ Петербурга.)

»Подлинно много чуднаго въ письмѣ твоемъ. Я самъ бы желалъ на время принять твой образъ съ твоими страстишками и взглянуть на другихъ такимъ же взоромъ, исполненнымъ сарказма, какимъ глядишь ты на мышей, выбѣгающихъ на середину твоей комнаты. Право, должно быть что-то не въ шутку чрезвычайное засѣло Кавказской области въ городъ Пятигорскъ. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая въ довольно плохомъ положеніи. Кто это кавказское солнце! Почему оно именно одинъ только Кавказъ освѣщаетъ, а весь міръ оставляетъ въ тѣни, и какимъ образомъ ваша милость сдѣлалась фокусомъ зажигательнаго стекла, то есть, привлекла на себя всѣ лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою или инымъ чѣмъ. Но самъ посуди: если не прикрѣпить красавицу къ землѣ, то черты ея будутъ слишкомъ воздушны, неопредѣленно-общи и потому безхарактерны.

»Посылаю тебѣ все, что только можно было скоро достать: »Сѣверные цвѣты« и »Альціону«. »Невскій Альманахъ« еще не вышелъ, да врядъ ли въ немъ будетъ что-нибудь путнее. Галстуховъ черныхъ не носятъ; вмѣсто нихъ употребляютъ синіе. Я бы тебѣ охотно выслалъ его, но сижу теперь боленъ и не выхожу никуда. Духи же, я думаю, самъ ты знаешь, принадлежатъ къ жидкостямъ; а жидкостей на почтѣ не принимаютъ. Послѣ постараюсь тебѣ и другое прислать, теперь же не хочу задерживать письма. Притомъ же »Сѣверные Цвѣты«, можетъ быть, на первый разъ приведутъ въ забвеніе неисправность въ прочемъ. Тутъ ты найдешь Языкова такъ прелестнымъ, какъ еще никогда, Пушкина чудную піесу »Моцартъ и Саліери«, въ которой, кромѣ яркаго поэтическаго созданія, такое высокое драматическое искусство, — картиннаго »Делибаша«, и все, что ни есть его, чудесно! — Жуковскаго »Змія«. Сюда затесалась и Красненькаго »Полночь«.

»Письма твоего, писаннаго изъ Лубенъ, въ которомъ ты описываешь пріѣздъ свой домой, я, къ величайшему сожалѣнію, не полу-

чалъ. — — Не задолго до твоего, я получилъ письмо отъ Василія Ивановича, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что книги, посланныя мною тебѣ въ Семереньки, онъ получилъ. Не излишнимъ почитаю при семъ привесть его слова, сказанныя въ похвалу моей книги.

»Если выдадите еще книгу въ свѣтъ *Вечера*, то пришлите для лю-»бопытства и прочету. Мы весьма знаемъ, что присланная вами книга »есть сочиненіе ваше. Это есть прекраснѣйшее дѣло, благороднѣйшее »занятіе. Я читалъ и рекомендацію ей отъ Булгарина въ »Сѣверной »Пчелѣ« очень съ хорошей стороны и къ поощренію сочинителя. Это »видѣть пріятно.«

»Видишь, какой я хвастунъ! Читалъ ли ты новыя баллады Жуковскаго? Что за прелесть! Онѣ вышли въ двухъ частяхъ вмѣстѣ съ старыми и стоятъ очень не дорого: десять рублей.

»Что̀ тебѣ сказать о нашихъ? Они всѣ, слава Богу, здоровы, прозябаютъ по прежнему, навѣщаютъ каждую среду и воскресенье меня старика и, къ удивленію, до сихъ поръ еще ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ звѣзды и не директоръ департамента.

»Разсмѣшила меня до крайности твоя приписка или обѣщаніе въ концѣ письма: »Можетъ быть, въ слѣдующую почту напишу къ тебѣ еще, а можетъ быть, нѣтъ.« Кчему такая благородная скромность и сомнѣніе? кчему это: *можетъ быть, нѣтъ?* Какъ будто удивительная твоя аккуратность мало извѣстна!

»Писалъ бы къ тебѣ еще, но болѣзнь моя мѣшаетъ. Отлагаю до удобнѣйшаго времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вмѣстѣ завидую, что ты находишься въ странѣ здравія.

»*Твой Гоголь.*«

»Да, вотъ молодецъ! пишу 1-го генваря и забылъ поздравить съ новымъ годомъ. Желаю тебѣ провесть его въ седьмомъ небѣ блаженства.«

Обращу вниманіе читателя на слѣдующія слова добродушнаго родственника, приводимыя Гоголемъ въ этомъ письмѣ: »Мы *весьма* знаемъ, что присланная вами книга есть сочиненіе ваше«. Они показываютъ, что многія лица и обстоятельства, представленныя Гоголемъ въ »Вечерахъ на Хуторѣ«, были общеизвѣстны въ его родномъ околоткѣ:

иначе какимъ бы образомъ тамъ сдѣлалось такъ рано извѣстно, что подъ псевдонимомъ Рудого Панька скрывается Гоголь? (1)

3.

«Спб. 1832, марта 10.

»Мнѣ бы слѣдовало просто на тебя разсердиться и начхать, какъ говаривалъ Ландраженъ (2), за твои эдакія пакости. Вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ отъ тебя ни двоетоточія ни точки. Даже не извѣстилъ меня, получилъ ли въ исправности посланные мною альманахи. Видно, тебѣ теперь ничего не нужно изъ Петербурга, потому что ты тогда только писалъ ко мнѣ, когда имѣлъ во мнѣ надобность. Эй, не плюй въ колодезь! увидишь, если не доведется изъ него же послѣ напиться. Можетъ быть, ты находишься уже въ седьмомъ небѣ и оттого не пишешь. Чортъ меня возьми, если я самъ теперь не близко седьмого неба! и съ такимъ же сарказмомъ, какъ ты, гляжу на славу и на всё, хотя моя владычица куды суровѣе твоей. Еслибъ я былъ, какъ ты, военный человѣкъ, я бы съ оружіемъ въ рукахъ доказалъ бы тебѣ, что сѣверная повелительница моего южнаго сердца томительнѣе и блистательнѣе твоей кавказской. Ни въ небѣ, ни въ землѣ, нигдѣ ты не встрѣтишь хотя порознь тѣхъ неуловимо-божественныхъ чертъ и роскошныхъ вдохновеній, которыя ensemble дышутъ и умѣстились въ ея, Боже, какъ гармоническомъ лицѣ. Но довольно. Посылаю тебѣ вторую книжку »Вечеровъ« и на удачу »Онѣгина«. Можетъ быть, у васъ въ глуши его еще не читали. Въ такомъ случаѣ ты обомлѣешь отъ радости и, вѣрно, не найдешь словъ, чѣмъ выразить мнѣ свою благодарность.

»Прощай. Если тебѣ что̀ нужно прислать, то пиши смѣло, хотя и не случится у тебя денегъ. Все тебѣ будетъ выслано. Мы люди свои, послѣ сочтемся.

»*Твой Гоголь.*«

---

(1) Извѣстно заподлинно, что въ Миргородѣ дѣйствительно существовали — разумѣется, подъ другими именами — Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, поссорившіеся за гусака. Они впрочемъ ссорились и мирились не однократно и нерѣдко ѣзжали въ одномъ экипажѣ подавать другъ на друга жалобу. Они находили удовольствіе въ томъ, чтобъ ихъ увѣщевали помириться и вовсе были чужды чувства злобы и вражды.

(2) Учитель французскаго языка въ Гимназіи Высшихъ Наукъ К. Б. *Н. М.*

4.

»Спб. Марта 30 (1832).

»Я ни мало не удивляюсь, что мое письмо шло такъ долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагопріятное для почтъ: разлитіе рѣкъ, негодность дороги и проч. Я получилъ твои деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Если бы ты напередъ хорошенько размыслилъ все, то, вѣрно, не прислалъ бы мнѣ теперь денегъ, вѣрно бы вспомнилъ, что за двѣ недѣли до праздника ни одинъ портной не возьмется шить, и потому, въ наказанье, ты будешь ждать три сверхсрочныхъ недѣли своего сюртука, потому что, спустя только недѣлю послѣ праздника, примутся шить его тебѣ. На требованіе же мое поставить тебѣ сукно по 25 р. аршинъ, Ручъ далъ мнѣ одинъ обыкновенный свой отвѣтъ, что онъ низкихъ сортовъ суконъ не держитъ.

»Теперь нѣсколько словъ о твоемъ письмѣ. Съ какой ты стати началъ говорить о шуткахъ, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что̀ ты нашелъ безсмысленнаго въ томъ, что я писалъ къ тебѣ, что ты говоришь только о поэтической сторонѣ, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что̀ значитъ поэтическая сторона? Поэтическая сторона: »Она несравненная, единственная« и проч. Прозаическая: »Она Анна Андреевна такая-то«. Поэтическая: »Она принадлежитъ мнѣ, ея душа моя«. Прозаическая: »Нѣтъ ли какихъ препятствій въ томъ, чтобъ она принадлежала мнѣ не толко душою, но и тѣломъ и всѣмъ; однимъ словомъ — ensemble«? Прекрасна, пламенна, томительна и ничѣмъ не изъяснима любовь до брака; но тотъ только показалъ одинъ порывъ, одну попытку къ любви, кто любилъ до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но за то сильный и свирѣпый энтузіазмъ, потрясающій надолго весь организмъ человѣка. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга — потому что первая только предувѣдомленіе къ ней — спокойна, и цѣлое море тихихъ наслажденій, которыхъ съ каждымъ днемъ открывается болѣе и болѣе, и тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ изумляешься имъ, что они казались совершенно незамѣтными и обыкновенными. Это художникъ, влюбленный въ произведенье великаго мастера, съ котораго уже онъ никогда не от-

рываетъ глазъ своихъ и каждый день открываетъ въ немъ новыя и новыя очаровательныя и полныя обширнаго генія черты, изумляясь самъ себѣ, что онъ не могъ ихъ увидать прежде. Любовь до брака — стихи Языкова: они эффекты, огненны и съ перваго разу уже овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь — это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ насъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и наконецъ превращается въ величавый и обширный океанъ, въ который чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частію, небольшою рѣкою, впадающею въ этотъ океанъ. Видишь, какъ я прекрасно разсказываю! О, съ меня бы былъ славный романистъ, если бы я сталъ писать романы! Впрочемъ это самое я докажу тебѣ примѣромъ, ибо безъ примѣра никакое доказательство не доказательство, и древніе очень хорошо дѣлали, что помѣщали его во всякую хрію. Ты, я думаю, уже прочелъ »Ивана Ѳедоровича Шпоньку«. Онъ до брака удивительно какъ похожъ на стихи Языкова, между тѣмъ какъ послѣ брака сдѣлается совершенно поэзіей Пушкина.

»Хочешь ли ты знать, что̀ дѣлается у насъ въ этомъ водяномъ городѣ? Пріѣхалъ Возвышенный съ паномъ Пла́тономъ и П***. — — Вся эта труппа пробудетъ здѣсь до мая, а можетъ быть и долѣе. Возвышенный всё тотъ же; трагедіи его всё тѣ же. Тассъ его, котораго онъ написалъ уже въ шестой разъ, необыкновенно толстъ, занимаетъ четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья и, въ добавокъ, выведенъ на сцену мальчишка 13 лѣтъ, поэтъ и влюбленный въ Тасса по уши. А сравненьями играетъ, какъ мячиками; небо, землю и адъ потрясаетъ, будто перышко. Довольно, что прежнія: *губы посинѣли у него цвѣтомъ моря*, или: *тростникъ шепчетъ, какъ шепчутъ въ мракѣ цѣпи* — ничто противъ нынѣшнихъ. Пушкина всё по прежнему не любитъ; »Борисъ Годуновъ« ему не нравится. — —

»Красненькой кланяется тебѣ. Онъ еще не актеръ, но скоро будетъ имъ, и можетъ быть, тотчасъ послѣ Святой.

»У васъ, я думаю, уже весна давно. Напиши, съ котораго времени начинается у васъ весна. Я давно уже не нюхалъ этого кушанья.«

5.

»26 апрѣля (1832) Спб.

»Сейчасъ только что принесли мнѣ отъ Руча твой модный сюртукъ. Мѣрка у него твоя была въ сохранности, и онъ увѣряетъ, что совершенно сдѣлалъ по ней. Я замѣчу только то, что я слишкомъ теперь сталъ тебя тонѣе. Теперь если бы ты увидѣлъ меня, то бы вѣрно не узналъ: такъ я похудалъ. Твой сюртукъ на меня такъ широкъ, какъ халатъ. На Кавказѣ, я думаю, ты еще больше разжирѣлъ; а здѣшній проклятый климатъ убійственъ. Очень жалѣю, что не могу прислать, кромѣ жилета, ничего больше: денегъ у меня теперь совершенно нѣтъ, и я не знаю, станетъ ли на пересылку. Меня всё смѣшатъ твои обѣщанія. Къ чему эти увѣренія, что будешь непремѣнно ко мнѣ писать чрезъ каждыя двѣ недѣли. Какъ будто я не знаю тебя! Уже прошло около полтора мѣсяца послѣ того, а ты до сихъ поръ ни строчки. Да врядъ ли напишешь и впредь, покуда какая-нибудь нужда не заставитъ. Однакожъ я прошу тебя, извѣсти меня по крайней мѣрѣ, въ исправности ли ты получилъ прежде посланныя мною книги и теперь посылаемый сюртукъ съ жилетомъ, потому что я до тѣхъ поръ не могу быть спокоенъ, пока не получу твоей росписки въ исправномъ полученіи. Признаюсь, я опасаюсь оттого тебѣ посылать новыхъ книгъ, которыхъ вышло донынѣ не мало, что не знаю, исправно ли ты ихъ получаешь. Спѣшу отправлять и не имѣю больше времени.

»*Твой Гоголь.*«

Слѣдующее письмо, должно быть, написано съ дачи, которую Гоголь нанималъ съ г. Половинкинымъ: въ немъ онъ мечтаетъ о лѣтнихъ удовольствіяхъ въ Малороссіи, которыя-то, вѣроятно, и соблазнили его оставить дачную жизнь со всѣми ея искусственными прелестями.

»1832. Спб. Іюня 15.

»Опять не могу дождаться отъ тебя письма, или хоть даже короткаго извѣщенія о полученіи сюртука и прочаго. Вѣрно, тебя скука

никогда не посѣщаетъ, ибо только въ такомъ расположеніи обыкновенно приходитъ охота писать.

»Счастливъ ты въ прелестныхъ....
Ты Сенпри въ каррикатурахъ«.

Желалось бы мнѣ поглядѣть на тебя. Да нельзя ли это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы мы выѣхали одинъ другому навстрѣчу? Сборное мѣсто положить хотя въ Толстомъ или въ Васильевкѣ. Наши Нѣжинцы почти всѣ потянулись на это лѣто въ Малороссію, даже Красненькой уѣхалъ. А въ іюлѣ мѣсяцѣ если бы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей, или беззаботно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды со льдомъ и проч. Пріѣзжай!

»Твой Гоголь.«

На возвратномъ пути изъ родины, Гоголь отыскалъ въ Москвѣ своего земляка М. А. Максимовича, который былъ тогда профессоромъ ботаники при Московскомъ Университетѣ. Знакомство ихъ началось съ 1829 года, когда г. Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссіянъ. По словамъ его, Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдался изъ круга собесѣдниковъ, и онъ не сохранилъ въ памяти даже наружности будущаго знаменитаго писателя. Гоголь не засталъ г. Максимовича дома, и г. Максимовичъ, узнавъ, что у него былъ авторъ »Вечеровъ на Хуторѣ«, поспѣшилъ къ нему въ гостинницу. Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ стараго знакомаго, видѣвъ его три года тому назадъ не болѣе, какъ въ продолженіе двухъ часовъ, и г. Максимовичу стоило большого труда не дать замѣтить поэту, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ г. Максимовича, Гоголь былъ тогда хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвѣта. Оба они заняты были въ то время Малороссіею: Гоголь готовился писать исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать свои »Украинскія народныя пѣсни« (¹),

(¹) Онѣ вышли въ 1834 году.

и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми. Немного времени провели они вмѣстѣ, но съ этой поры начинается рядъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, въ высшей степени замѣчательныхъ. Вотъ первое.

»Спб. 1832, декабря 12.

»Я думаю, вы земляче, порядочно меня браните за то, что я до сихъ поръ не откликнулся къ вамъ? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тотъ художникъ, Малороссъ въ обоихъ смыслахъ, про котораго я вамъ говорилъ и который одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку, пропалъ какъ въ воду, и я до сихъ поръ не могу его отыскать. Другой, которому я поручилъ, наляпалъ какихъ-то Чухонцевъ, и такъ гадко, что я посовѣстился вамъ посылать. — — Однакожъ жаль, что наши пѣсни будутъ безъ виньетки; еще болѣе жаль, если я васъ задержалъ этимъ. Какъ же вы поживаете? Можно ли надѣяться мнѣ вашего пріѣзду нынѣшней зимой сюда? А это было бы такъ хорошо, какъ нельзя лучше. Я до сихъ поръ не пересталъ досадовать на судьбу, столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ, о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга. Посылаю вамъ виршу, говоренную Запорожцами, и разстаюсь съ вами до слѣдующаго письма.

»Н. Гоголь.«

»Поклонитесь отъ меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклонъ также земляку, живущему съ вами, и желаю ему успѣховъ въ трудахъ, такъ интересныхъ для насъ« (¹).

Это письмо, написанное послѣ перваго знакомства и чуть ли не послѣ одного свиданія съ землякомъ, показываетъ уже, какъ симпатична была натура Гоголя и какъ ошибочны были взводимыя на него нѣкоторыми обвиненія въ холодности къ знакомымъ и друзьямъ. Обширный планъ литературной дѣятельности, начертанный имъ въ третьемъ періодѣ его существованія, поглотилъ всѣ его нравственныя силы, набросилъ на его лицо покровъ холодности и наложилъ печать молчанія на уста его; но были минуты, когда его душевный жаръ къ человѣку вообще и това-

(¹) О. М. Бодянскому, который былъ тогда еще студентомъ Университета. *Н. М.*

ращамъ ранней молодости въ особенности обнаруживался во всей весенней свѣжести, и это подтверждается множествомъ его писемъ.

Слѣдующее письмо къ А. С. Данилевскому говоритъ очень много о рѣдкихъ свойствахъ Гоголевой натуры, въ которой юношеская пылкость соединялась съ удивительнымъ самообладаніемъ. Между прочимъ читатель найдетъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ его сердечнаго романа, о которомъ онъ проговорился въ письмѣ отъ 1-го января, 1832.

»Декабрь, 20-е (1832). Спб.

»Наконецъ я получилъ таки отъ тебя письмо. Я уже думалъ, что ты далъ тягу въ Одессу или въ иное мѣсто. Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю *благодаря*, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновенье. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенью моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ — любовь; а я.... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ.

»Да зачѣмъ ты нападаешь на Пушкина, что онъ прикидывался? Мнѣ кажется, что Байронъ скорѣе. Онъ слишкомъ жарокъ, слишкомъ много говоритъ о любви и почти всегда съ изступленіемъ. Это что-то подозрительно. Сильная, продолжительная любовь проста, какъ голубица, то есть, выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ. Она не выражаетъ, но видно, что хочетъ что-то выразить, чего, однакожъ, нельзя выразить, и этимъ говоритъ сильнѣе всѣхъ пламенныхъ, краснорѣчивыхъ тирадъ. А въ доказательство моей справедливости, прочти тѣ строки, которыя ты велишь мнѣ цѣловать.

»Жаль, что ты не ѣдешь въ Петербургъ; но если ты находишь выгоду въ Одессѣ, то нечего дѣлать. Не забывай только писать. Жаль, намъ дома такъ мало удалось пожить вмѣстѣ. Мнѣ все кажется, что я тебя почти что не видѣлъ.

»Скажу тебѣ, что Красненькой заходился не на шутку жениться

на какой-то актрисѣ съ необыкновеннымъ, говоритъ, талантомъ, — лучше Брянскаго — я ее впрочемъ не видѣлъ — и доказываетъ очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочемъ мнѣ кажется, что этотъ задоръ успѣетъ простыть покамѣстъ. Здѣсь и Драгунъ. Такой молодецъ съ себя! съ страшными бакенбартами и очками. Но необыкновенный флегма. — — —

»Прощай! гдѣ бы ни былъ ты, желаю, чтобы тебя посѣтилъ необыкновенный трудъ и прилежаніе, такое, съ какимъ ты готовился къ школѣ, живя у Іохима. Это — лѣкарство отъ всего. А чтобы положить этому хорошее начало, пиши какъ можно чаще письма ко мнѣ. Это средство очень дѣйствительно.«

Я имѣю еще одно только письмо Гоголя къ А. С. Данилевскому, относящееся ко второму періоду его жизни. Оно очень интересно, между прочимъ, по его замѣткамъ о тогдашнихъ писателяхъ. Пушкинъ здѣсь является вѣрнымъ своему признанію:

»Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума«.

Прочіе обрисованы также вскользь, но мѣткими чертами.

»1833, февраля 8. Спб.

»Я получилъ оба письма твои почти въ одно время и изумился страшнымъ переворотамъ въ нашей сторонѣ. Кто бы могъ подумать, чтобы Соф. В. и М. Ал. выйдутъ въ одно время замужъ, что мыши съѣдятъ живописный потолокъ Юрьева и что голтвянскія балки (1) узрятъ на берегахъ своихъ черниговскаго форшмейстера! Насмѣшилъ ты меня Л*** — — Одинъ Гаврюшка въ барышахъ. Однако я отъ всей души радъ, что Марья Алексѣевна вышла замужъ. Жаль только, что ты не написалъ за кого. Что ты лѣнишься, или скучаешь?

»Мнѣ уже кажется, что время то, когда мы были вмѣстѣ въ Васильевкѣ и въ Толстомъ, чортъ знаетъ какъ отдалилось, — какъ будто ему минуло лѣтъ пять! Оно получило уже для меня прелесть воспоминанія.

---

(1) Мокрыя долины по рѣчкѣ Голтвѣ.

Н. М.

Я вывезъ, однакожъ, изъ дому всю роскошь лѣта и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое.

»И не одинъ я, — все, кажется, дремлетъ. Литература не двигается; пара только вздорныхъ альманаховъ вышла — »Альціона« и »Комета Бѣлы«. Но въ нихъ, можетъ быть, чайная ложка меду, а прочее все деготь. Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой нибудь случай и болѣе необходимость не затащутъ его въ деревню. Одинъ только князь Одоевскій дѣятельнѣе. На дняхъ печатаетъ онъ фантастическія сцены, подъ заглавіемъ: »Пестрыя Сказки«. Рекомендую: очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ. Читаешь ли ты »Иліаду«? Бѣдный Гнѣдичь уже не существуетъ. Какъ мухи, мрутъ люди и поэты. Одинъ Х*** и Ш***, на зло и посмѣяніе вѣкамъ, остаются тверды и переживаютъ всѣхъ — — Поздравляю тебя съ новымъ землякомъ, пріобрѣтеніемъ нашей родинѣ. Это Ѳаддей Бенедиктовичъ Булгаринъ. Вообрази себѣ: уже печатаетъ малороссійскій романъ, подъ названіемъ »Мазепа«. — — Въ альманахѣ «Комета Бѣлы« былъ помѣщенъ его отрывокъ подъ титуломъ: »Походъ Палѣевой вольницы«, гдѣ лица говорятъ даже малороссійскимъ языкомъ. Попотчивать ли тебя чѣмъ нибудь изъ Языкова, чтобы закусить г.... конфектами? Но я похвасталъ, а ничего и не вспомню. Нѣсколько строчекъ, однакожъ приведу.

. — — — — — —
Какъ вино, вольнолюбива,
Какъ вино, она игрива
И блистательно свѣтла.
Какъ вино, ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонитъ
И меня на ложе склонитъ
Беззаботной головой.
Сладки пѣсни распѣваетъ
О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
И стихи мои читаетъ,
И блеститъ въ моихъ очахъ«.

»Красненькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговариваетъ объ этомъ. — —

»Не знаю, врядъ ли тебѣ будетъ хорошо ѣхать теперь. Дорога, говорятъ, мерзкая; снѣгъ то вдугъ нападаетъ, то вдругъ изчезнетъ. Но, какъ бы то ни было, я очень радъ, что ты это вздумалъ и хоть ты и пострадаешь въ дорогѣ, зато я выиграю, тебя прежде увидѣвши. А Тиссонъ какъ? поѣдетъ ли онъ съ тобою, или нѣтъ? Мнѣ Акимъ (1) надоѣлъ [онъ состоитъ въ должности повѣреннаго Аѳанасія и ходитъ здѣсь по дѣламъ его]. Безпрестанно проситъ позволенія итти къ Т***, который употребляетъ Фабіевскія увертки въ промедленіи уплаты 15 руб. съ копѣйками. Это ты можешь передать Аѳанасію.

»Ты меня ужасно какъ ошеломилъ извѣстіемъ, что у васъ снѣгъ таетъ и пахнетъ весною. Что это такое весна? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабылъ совершенно, видѣлъ ли ее когда-нибудь. Это должно быть что-то такое дѣвственное, неизъяснимо упоительное, Элизіумъ. »Счастливецъ«! повторилъ я нѣсколько разъ, когда прочелъ твое письмо. Чего бы я не далъ, чтобы встрѣтить, обнять, поглотить въ себя весну! Весну... какъ странно для меня звучитъ это имя! Я его точно такъ же повторяю, какъ К*** [NB. который находится опять здѣсь и успѣлъ уже написать 7 трагедій] повторялъ — помнишь? — Поза, Поза, Поза. (2)

»Кстати о Возвышенномъ. Онъ нестерпимо скученъ сдѣлался. Тогда, было, соберетъ около себя толпу и толкуетъ или о Моцартѣ и интегралѣ, или движетъ эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсѣмъ не то: не терпитъ людности и выберетъ такое время придти, когда я одинъ, и тогда — или душитъ трагедіей, или говоритъ такъ странно, такъ вяло, такъ непонятно, что я рѣшительно не могу понять, какой онъ секты, и не могу замѣтить никакого направленія въ немъ.

»Зато пріятель твой Василій Игнатьевичъ, о которомъ ты заботишь-

(1) Это тотъ Малороссіянинъ Якимъ, который присутствовалъ при сожженіи »Ганца Кюхельгартена«. *Н. М.*

(2) Маркизъ Поза, пламенный энтузіастъ въ Шиллеровой драмѣ »Донъ Карлосъ«. *Н. М.*

ся, ни на волосъ не перемѣнился съ того времени, какъ ты его оставилъ. Та же ловкость, та же охота забѣгать по дорогѣ къ пріятелямъ за двѣ версты всторону. Кажется, онъ, чѣмъ далѣе, дѣлается легче на подъемъ, такъ что въ глубокой старости улетитъ, я думаю, съ тѣломъ въ поднебесныя страны, отчизну поэтовъ.

»Прощай. Пиши, если успѣешь. Видишь ли ты Ѳедора Акимовича съ новобрачною супругою, или хотя мужественнаго Грыця! Да, что̀ Барановъ? въ нашихъ еще краяхъ? Поклонись ему отъ меня, если увидишь и скажи ему, что я именемъ политики прошу его написать строкъ нѣсколько. Что̀ въ Васильевкѣ дѣлается? Я думаю, Катерина Ивановна ([1]) напѣла тебѣ уши пѣснями про Богрендомъ духтеромъ.«

Слѣдующее изъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, находящихся у меня въ рукахъ, писано черезъ семь мѣсяцевъ послѣ перваго, — именно 2 іюня 1833 года. Въ немъ Гоголь опять жалуется на изнурительный петербургскій климатъ, который прогналъ его впослѣдствіи за границу.

»Спб. Іюля 2 (1833).

»Чувствительно благодарю васъ, земляче, за »Наума« и »Размышленія« ([2]), а также и за приложенное къ нимъ письмо ваше. Все я прочелъ съ большимъ апетитомъ, хотя и получилъ, къ сожалѣнію, поздно, потому что теперь только пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца и засталъ ихъ у Смирдина лежавши(ми) около мѣсяца.

»Жаль мнѣ очень, что вы хвораете. — —Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько. — — Ѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ. Если вы будете въ Кіевѣ, то отъищите экс-профессора Бѣлоусова ([3]): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень по-

---

([1]) Тетка Гоголя по матери, его любимая пѣвица малороссійскихъ пѣсенъ. *Н. М.*

([2]) Сочиненія г. Максимовича: »Книга Наума о великомъ Божіемъ Мірѣ« и »Размышленія о Природѣ«. *Н. М.*

([3]) Бывшій наставникъ Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. *Н. М.*

левенъ во многомъ, и я желаю, чтобъ вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймаете еще въ Малороссіи осень — благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно; а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить. (1) Не знаю, напишу ли я что нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однакожъ, для »Денницы« (2) вашей употреблю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить (3) воображе(ніе). А до того, поручая васъ дѣятельности, молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, что̀ лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣдомьте пожалуста, какую пользу принесетъ вамъ московскій водопой и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дядьковскій отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что̀ говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ моихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ. Хотѣлось бы мнѣ очень вмѣсто пера покалякать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга.... Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка. Прощайте.

»Вашъ Н. Гоголь.«

Въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были непріятности по службѣ

(1) И не удивительно: въ этомъ году Гоголь не жилъ на дачѣ, судя по его словамъ, что онъ »только что пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца«. *Н. М.*

(2) Альманахъ, изданный М. Максимовичемъ въ Москвѣ, въ 1834 году. *Н. М.*

(3) Малороссійское слово; по русски — расшевелить. *Н. М.*

или по предмету его литературныхъ занятій; но, судя по тону его рѣчи, едва ли не будетъ вѣрнѣе, если мы скажемъ, что то была

»Забота юности — любовь.«

Обратите вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга, отъ 9 ноября:

»Я получилъ ваше письмо, любезнѣйшій землякъ, черезъ Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, что́ бы прислать вамъ въ вашу »Денницу«. У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годна(го) для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть ([1]), о которой я совсѣмъ было позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю что́ вы хотите. Но не теперь: *еслибъ вы знали, какіе со мною происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережегъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся*. Теперь я принялся за исторію нашей — — Украины. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

»Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсень и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними — прелесть. Я вамъ ихъ

([1]) То была »Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ«, напечатанная Смирдинымъ въ »Новосельѣ«. *Н. М.*

спишу... ([1]) не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да! я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсень. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсень, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. ([2])

([1]) Это обѣщаніе было исполнено. У М. А. Максимовича хранится тетрадь пѣсень, переписанныхъ Гоголемъ собственноручно. *Н. М.*

([2]) Въ началѣ 1834 года Гоголь напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 34) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 3., стр.523) слѣдующее объявленіе *Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ.*

«До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ, полезныхъ какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, бо́льшею частію неполныхъ и не указавшихъ до нынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получила новыя, въ замѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россіею Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ.» *Н. М.*

даже не историческія, даже п......, онѣ все дадутъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе — — прошедшую жизнь и — — прошедшихъ людей.... велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухсотъ, и что̀ замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

»Прощайте, милый — — землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ.... (1) Лучше вычеркнуть....

»Пишите ко мнѣ.

»Вѣчно вашъ *Н. Гоголь*.«

Читатель теперь видитъ, что я не напрасно распространился о первоначальныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался Гоголь въ родной своей сферѣ; они были могущественны и дали его чувствамъ, мыслямъ и словамъ поэтическій строй, показавшійся столь оригинальнымъ всей Россіи. Письма его, при всей небрежности его языка и изложенія, обнаруживаютъ яснѣе, нежели печатныя сочиненія, изъ какого жерла лился потокъ его вдохновенія и у кого учился онъ дивному своему искусству одной строкой выражать цѣлый образъ. Въ нихъ открывается, съ какой томительной жаждой эта душа вбирала въ себя всё, что̀ было нужно для будущаго ея творчества. И ничто, можетъ быть, не насыщало такъ въ Гоголѣ артистической жажды новыхъ образовъ, свѣжихъ рѣчей, сильно высказанныхъ чувствъ, ничто, можетъ быть, не способствовало до такой степени развитію въ немъ лирическаго настроенія, какъ родныя преданія и родныя пѣсни. Онѣ положили въ основу созданіямъ его кисти горячій, цвѣтистый подмалевокъ, который согрѣваетъ скрытою теплотою самыя холодныя его картины. Въ его Чичиковыхъ, въ его [illegible]шкиныхъ, въ его Маниловыхъ и Собакевичахъ, во всѣхъ этихъ [illegible]анныхъ фигурахъ нашей жизни проглядываютъ, сквозь верхній сѣ[illegible]й тонъ, яркія краски, которыми онъ живописалъ Тараса Бульбу;

---

(1) [illegible]юловиною строки зачеркнуты нѣсколько разъ чернилами, [illegible]ю прочитать только: »шлите мнѣ въ....« *Н. М.*

въ простомъ складѣ его прозы слышится быстрое движеніе пѣсни; въ его изображеніяхъ ничтожества человѣческаго душа чуетъ стремленіе къ высокой трагедіи. Здѣсь-то, можетъ быть, скрывается источникъ необъяснимаго обаянія, въ которомъ онъ постоянно держитъ читателя, какія бы лица ни выводилъ на сцену, какія бы картины ни развернулъ передъ его глазами. Оно сдѣлалось какъ бы врожденнымъ свойствомъ Гоголя вслѣдствіе той »жажды знаній и труда«, тѣхъ чистыхъ стремленій къ прекрасному и возвышенному, которыя пробуждаютъ во глубинѣ души поэта таящіяся въ ней силы, приводятъ ихъ въ дѣйствіе и мало-по-малу обращаютъ ихъ для него въ покорныя орудія. То были цвѣты юности, по которымъ можно было уже заключать, какіе будутъ собраны плоды въ послѣдствіи.... Но возвратимся къ письмамъ.

Въ то время Кіевскій университетъ только что начиналъ организоваться. М. А. Максимовичъ желалъ поступить на каѳедру русской словесности, а къ Гоголю писалъ, чтобъ онъ искалъ для себя каѳедры всеобщей исторіи. (Вспомнимъ, что Гоголь тогда былъ еще старшимъ учителемъ исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ). На это-то письмо Гоголь отвѣчалъ ему, не выставя числа:

»Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда! туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! — — Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей.... Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: »можетъ быть, я не успѣю!« Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но — — климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному соверш(енно), не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! — — Нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о

стихахъ. (1) Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

»Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсень, тѣмъ болѣе, что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ я нетерпѣливѣе тебя, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой вѣрно у тебя нѣтъ.« (2)

Изъ отмѣтки г. Максимовича на этомъ письмѣ видно, что оно было писано въ 1833 году, а предыдущее и послѣдующее за нимъ (по порядку нумераціи) письма — оба съ означеніемъ чиселъ — опредѣляютъ для него промежутокъ между 9 ноября и концомъ года. Гоголь въ это время писалъ или готовилъ къ изданію свои повѣсти и другія пьесы, составившія »Арабески« и »Миргородъ«. До какой степени онъ уже и тогда сознавалъ свои творческія силы, видно изъ слѣдующаго поэтическаго воззванія его къ генію, написаннаго наканунѣ новаго года. (3)

»1834.

»Великая, торжественная минута. Боже (4), какъ слились и столпились около ней волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта! Это (5) та роковая, неотразимая грань между воспоминаніемъ и надеждою. Уже нѣтъ воспоминанія, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда, у ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее, надо мною сквозь туманъ свѣтлѣетъ неразгаданное будущее (6). Молю тебя, жизнь души моей, (7) мой Геній, о, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь (8) этотъ такъ заманчиво наступающій для меня годъ.

---

(1) Для »Денницы«. *Н. М.*

(2) Эта пѣсня начинается такъ

»Наварыла сочевыци,
Поставыла на полыци.« *Н. М.*

(3) Подлинникъ этого воззванія найденъ по смерти Гоголя въ его чемоданѣ, остававшемся въ квартирѣ Жуковскаго, за границею. Онъ написанъ на полулистѣ самой простой писчей бумаги, съ немногими помарками, которыя всѣ и означены мною подъ цифрами, внизу страницъ.

(4) сколько. — (5) Великій. — (6) Како. — (7) хранитель Ангелъ. — (8) годъ. —

Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами? или… о, будь блистательно, будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь передо мною 1834 (годъ)? Будь и ты моимъ ангеломъ (¹). Если лѣнь и безчувственно(сть) хотя на время осмѣлятся коснуться меня (²), о, разбуди меня тогда, не дай имъ овладѣть мною; пусть твои многоговорящія цифры (³), какъ неумолкающіе часы, какъ завѣтъ, стоятъ передо мною; чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слухъ мой, чтобы она, какъ гальваническій прутъ, производила судорожное потрясеніе во всемъ моемъ составѣ. Таинственный, неизъяснимый 1834 (годъ), гдѣ означу я тебя великими труда(ми)? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности, этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ (⁴), увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанно(мъ) моимъ южнымъ прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ горы обсыпаны кустарниками, съ своими (⁵) гармоническими обрывами, и подмывающій (ихъ) (⁶) чистый и быстрый мой Днѣпръ? Тамъ ли? О, я не знаю, какъ назвать тебя, мой Геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донынѣ, зараждавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя лелѣяв(шій) во мнѣ мечты. О, взгляни, прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи! Я на колѣняхъ, я у ногъ твоихъ. О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хотя два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой. Я совершу, я совершу! Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество. Я совершу! О, поцѣлуй и благослови меня!«

(¹) пробу буд. — (²) буди. — (³) стоятъ. — (⁴) среди. — (⁵) какъ. — (⁶) ее.

VII.

Продолженіе переписки съ М. А. Максимовичемъ: объ «Исторіи Малороссіи»; — о малороссійскихъ пѣсняхъ; — о Кіевѣ: — объ «Арабескахъ» и «Исторіи Среднихъ Вѣковъ»; — о «Миргородѣ». — Переписка съ М. П. Погодинымъ: о всеобщей исторіи, о современной литературѣ, объ исторіи Малороссіи. — Переписка съ матерью въ 1833 — 1835 годахъ: практическое направленіе писемъ; — воспоминанія дѣтскихъ впечатлѣній; — сужденіе о литературѣ.

Въ числѣ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу есть письма довольно обыкновенныя; но и въ нихъ мѣстами вспыхиваетъ искра чувства, или ума, или юмора. Притомъ же изъ нихъ видны отношенія нашего поэта къ современнымъ писателямъ, взглядъ его на тогдашнія литературныя явленія; манера его обращаться съ людьми, и т. д. Поэтому я, оставляя въ сторонѣ занимательность или незанимательность ихъ для большинства читателей, помѣщу ихъ всѣ здѣсь, какъ матеріалы для исторіи русской литературы, выключивъ только мѣста, почему либо для кого-нибудь щекотливыя.

»Генварь 7. (1834, изъ С.-Петербурга.)

»Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за »Денницу«, которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что О*** заблагоразсудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу, однакожь, что въ ней есть много хорошаго; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковскій.

»Что жь ты не пишешь ни о чемъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что мы, братецъ, за лѣнтяи съ тобою! Однако, напередъ положить условіе: какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскія Аѳины, Богоспасаемый нашъ городъ! Да! отчего до сихъ поръ не выходитъ ни одинъ изъ московскихъ журналовъ? Скажи Н***, что это нехорошо, если онъ вздумаетъ, по прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣстъ не додастъ старыхъ. Что̀ за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣшна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый годъ на него сердились всѣ. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой. Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣ-

сенъ, выходившихъ въ прошломъ году [довольно толстая книжка in-8]? очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе.

»Когда же погляжу я на пѣсни?«

»Спб. Февраля 12. (1834.)

»Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 26-го генваря, другое отъ 8 февраля, — все это по милости О***, который изволитъ ихъ чортъ знаетъ сколько удерживать у себя. Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ ([1]). Я думаю ѣхать. Дѣла, кажется, мои идутъ на ладъ. — — —

»Ты говоришь, что, если залѣнишься, то тогда, набравши силы, въ Москву. А на что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но зато, если что задолбятъ въ свою голову, то на вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость: разъ начать — и все... Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего жь больше. А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а соняшники! а паслинъ! а цыбуля! ([2]) а *вино хлѣбное*, какъ говоритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, вареники, борщъ, лопухъ.... Это просто роскошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго.

»Запорожской Старины я до сихъ поръ нигдѣ не могу достать. — — — Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель. — Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ (бы), но у меня ихъ ужасная путаница; незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ не болѣе ста, за то извѣстныхъ — вѣроятно, около

([1]) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ полонизмъ.

([2]) Все это лакомства малороссійскихъ простолюдиновъ, кромѣ воздуха и глнвъ (баргамотъ). Гоголь вспомнилъ языкъ диканьскаго пасичника. *Н. М.*

тыся(чи), изъ которыхъ большую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ. — Ну, покамѣсть прощай! а тамъ придетъ время, что будемъ все это говорить, что теперь заставляемъ царапать наши руки, въ Богоспасаемомъ нашемъ градѣ.«

»Марта 12, Спб. 1834.

»Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволилъ писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни гадки (¹) о томъ. А между тѣмъ я почти что не на выѣздѣ уже. Что́ жь, ѣдешь или нѣтъ? влюбился же въ — — Москву! — — Слушай: вѣдь ты посуди самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнѣе, NB, для нездороваго человѣка, каковъ ты да я.

»Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени бы и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свѣтѣ. — — Что́ жь, получу ли обѣщанныя пѣсни?

»Марта 26 (1834). Спб.

»Во первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ и Жуковскій хлопоталъ объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются — — Если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ лискать, но твое здоровье.... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не надобно; какъ разъ какой нибудь олухъ влѣзетъ на твою каѳедру.

(¹) *Ни гадки*, съ малороссійскаго, значитъ — ни помышленія. *Н. М.*

»Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишетъ: посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около недѣли въ Почтамтѣ и у Смирдина, нѣтъ ли посылки ко мнѣ. — Вацлавъ (¹), я тебѣ говорилъ, что отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизнувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города. — Поговоримъ объ объявленіи твоемъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гульливыя, козацкія и любовныя? Развѣ козацкія не гульливыя и гульливыя не всѣ ли козацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова: козацкія. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гульливая. По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія. — Мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ — обрядныя. Много, если на три разряда: 1-й — историческія, 2-й — всѣ; выражающія различныя оттѣнки народнаго духа, и 3-й — обрядныя. Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. Я радъ, что ты уже началъ печатать Еслибы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсенъ, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже нѣсколько помогъ. Но въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно дѣлать комментаріи не зная на что, а если и зная, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь пѣсенъ, то хоть привези съ собою, — да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершено вышло изъ головы. Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно цалую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпхнули въ Украйну.

»1834, Марта 29. Спб.

»Пѣсню твою про Неая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Что ты пишешь про

(¹) Т. е. изданіе пѣсенъ Вацлава зъ Олеска. *Н. М.*

Цыка? (1) развѣ есть какое нибудь оффиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавлива(юсь) затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и — — признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.

Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ изъ галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣненъ на Потоцкаго: даже самыя обстоятельства въ описаніи другія, исключая главнаго.

»Апрѣля 7 (1834). Спб.

»Не безпокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. Третьяго дня я былъ у министра; онъ говорилъ мнѣ такими словами:» Кажется, я Максимовича переведу въ Кіевъ, потому что для русской словесности не находится болѣе достойный его человѣкъ. Хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣетъ даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя впрочемъ онъ теоретическаго никакого не выпустилъ еще сочиненія«. На что я сказалъ, что ты мнѣ показывалъ многія свои сочиненія, обнаруживающія вѣрное познаніе литературы и долгое занятіе ею. Также при этомъ напомнилъ ему о твоихъ трудахъ въ этомъ родѣ, помѣщаемыхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ словъ его, сказанныхъ на это, я увидѣлъ только, что препятствій, слава Богу, никакихъ нѣтъ. Итакъ поздравляю тебя. Я тоже съ своей стороны присовокупилъ, какъ на тебя дѣйствуетъ тамошній климатъ и какъ разстроивается твое здоровье. Видно было, что старанія князя В*** и Жуковскаго не были тщетны. Онъ по крайней мѣрѣ не представлялъ уже никакихъ невозможностей и совершенно согласился съ тѣмъ, что состояніе здоровья твоего должно быть уважено. Для окончательнаго дѣла тебѣ бы весьма не мѣ-

(1) Это — лицо, получившее въ Кіевскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь. *Н. М.*

мало бы предстать самому, потому что, сколько я могъ замѣтить, личное присутствіе ему нравится. Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя и состояніе твоего здоровья не дозволяетъ, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ просить тебя, не смотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что если бы былъ въ состояніи, то весьма бы было нехудо. Но какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое тебя успокоитъ, и потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору. О полученіи его увѣдоми меня немедленно. Прощай; будь здоровъ! цалую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ благихъ силъ.«

»20 апрѣля (1834). Спб.

»Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердилось уже оффиціально. Теперь тебѣ точно не зачѣмъ уже ѣхать въ Петербургъ. Тебя только безпокоятъ дѣла московскія. Смѣлѣе съ ними: одно по боку, другому киселя дай, и все кончено. Изъ необходимаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. Да, кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Б*** чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ? Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу: когда будешь писать къ Б***, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы дескать хорошо сдѣлали, еслибы залучили въ Университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Г*** или Г*** къ романамъ Б*** — — — Тогда бы я скорѣе въ дорогу и, можетъ быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ.

»Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Изданіе хорошо. Примѣчанія съ большимъ толкомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что: иногда нужно отдаляться отъ словъ подлинника нарочно для того, чтобы быть къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, малороссіянамъ, кажутся

очень будутъ понятны на русскомъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ для русскихъ, потому что оно не въ духѣ русскаго языка. И тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его. Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешь еще принаровить къ приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно.... Но, чтобы и къ нему сдѣлать придирку, вотъ тебѣ замѣчаніе на первый случай.... мотай на усъ:

»Ѳедора Безроднаго, атамана куреннаго, пострѣляли, порубили, только не поймали чуры.«

»Во первыхъ, *пострѣляли* не русское слово, оно не по русски спрягнулося и скомпоновалося и вмѣстѣ съ словомъ *порубили* на русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Мнѣ кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать:

»Куреннаго атамана Ѳедора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.«

»Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не влѣпить звонкое словцо въ русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другіе такъ же поймутъ. Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всѣ малороссійскіе обороты рѣчи и конструкцію прочь! Вѣдь ты, вѣрно, не хочешь дѣлать надстрочнаго перевода? Да впрочемъ это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того приложенъ къ каждой пѣснѣ. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо растолковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсню. Я бы тебѣ много кой-чего хотѣлъ еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о томъ, что̀ можно переговорить гораздо съ бо̀льшею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣпи только — и пойдетъ тянуться; въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что вѣрно одна замѣтитъ то, что̀ другая пропуститъ. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ

твой первый листъ и говорю: »Вотъ все, что осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ!« какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому и похвастуюсь Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыя, впрочемъ, войдутъ въ послѣдній развѣ только отдѣлъ твоего перваго тома. За *Пѣснями Люду Галичскаго* я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. — — О*** скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего Наума (¹). Эти дни, можетъ быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что за безалаберщина дѣется у людей на праздникахъ: они всѣ какъ шальные. По улицамъ мечутся шитые мундиры и трехъ-угольныя шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему: да будешь ты здравъ и спокоенъ.«

»Мая 28. (1834, изъ С. Петербурга.)

»Извини меня: точно, я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсенъ, который ты называешь шестымъ, и который, по моему счету, 4-й. О введеніи твоемъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть въ Журналѣ Просвѣщенія, 4-мъ номерѣ, статью мою о малороссійскихъ пѣсняхъ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанной мною очень давно.

»Мои обстоятельства очень странны — — — признаюсь, я брошу все и откланяюсь... Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цыхъ? кажется П-динъ его знаетъ. Нельзя ли какъ нибудь уговорить Цыха, чтобы онъ взялъ себѣ или просилъ, или бы по крайней мѣрѣ соглашался бы взять каѳедру русской исторіи?

(¹) »Книга Наума о великомъ Божіемъ Мірѣ«, изданная около того времени г. Максимовичемъ для простонароднаго чтенія.

»Ты извини меня, что я не толкую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои состоятъ теперь изъ вихря. Когда увижусь съ тобою, то объ этой статъѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а все таки надѣюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши ко мнѣ. Въ эти времена волненія письма все-таки сколько нибудь утишаютъ душу.«

»Мая 29 (1834, изъ Петербурга.)

»Только что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашнее письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10-го мая, другое отъ 19-го мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанію. С*** никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержать у себя больше недѣли. Благодарю, очень благодарю тебя за листки пѣсень. Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній потому, что я ужасно не люблю печатныхъ или письменныхъ критикъ, т. е. не читать ихъ не люблю, но писать. Не давно С. С. получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Чтó жь я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья уже была отпечатана. Такъ какъ не скоро къ вамъ доходятъ петербургскія книги, то посылаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ Исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ на полную исторію Малороссіи, позабывая, что еще впереди 80 главъ они будутъ читать, и что эта глава только фронтисписъ. Я бы, впрочемъ, весьма желалъ видѣть твои замѣчанія, тѣмъ болѣе, что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать

о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и, вѣрно, приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раздѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, чтó сдѣлалось уже нашимъ — и твоимъ и моимъ вмѣстѣ.«

»8 іюня (1834). Спб.

»Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Чтó тебѣ сказать о здоровьѣ?... (¹) мы, братецъ, съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. — — Я имѣю чинъ коллежскаго ассесора, не новичекъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ — — и при всемъ я не могу понять — — — Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно! потому что мнѣ нужно, очень нужно мое здоровье: мое занятіе, мое упрямство требуетъ этого. А между тѣмъ мнѣ не видать его. Пѣсни твои идутъ чѣмъ дальше лучше. Да что ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенія? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введеніи: если ты встрѣтишь что нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему: дискать вотъ что еще объ этомъ говоритъ Гоголь. Да что, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова? — Прощай. Да хранятъ тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызвать мочь души и дѣйствовать крѣпко!

Здѣсь кстати привести разсказъ г. Кулжинскаго о попыткѣ Гоголя перемѣститься на службу въ Кіевъ.

»Вотъ что я слышалъ отъ лица, уполномоченнаго пригласить Гоголя адъюнктомъ въ Кіевъ. Зимою, 1834 года, въ министерствѣ приготовляли уставъ и штаты для Университета Св. Владиміра и заботились о пріисканіи наставниковъ. Воспитанники профессорскаго института тогда еще не возвратились изъ ученаго путешествія по Европѣ, — нужно было запастись домашними средствами. Для всѣхъ каѳедръ были уже

(¹) Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ »крѣпкими«.

Н. М.

въ виду достойные кандидаты, только для русской исторiи не было человѣка. Начальство вспомнило о Гоголѣ и предложило лицу, уполномоченному познакомиться съ нимъ и пригласить его на каѳедру адъюнкта. Гоголю тогда было не болѣе 26 лѣтъ. Пришедши къ лицу, пригласившему его, онъ съ перваго слова очаровалъ его своимъ умнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ. Къ концу бесѣды Гоголю было объявлено, чтобъ онъ принесъ свои документы и прошенiе. Черезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаровалъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни просьбы не принесъ. Когда ему за третьимъ разомъ напомнили объ этомъ, онъ, не безъ нѣкотораго замѣшательства, вынулъ изъ бокового кармана и подалъ свой аттестатъ объ окончанiи курса Гимназiи Высшихъ Наукъ, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса, и прошенiе объ опредѣленiи его ординарнымъ профессоромъ.—»Знаете ли что̀? отвѣчали ему: васъ нельзя вдругъ опредѣлить ординарнымъ при этомъ аттестатѣ. Согласитесь сперва въ адъюнкты«. Гоголь долго упрямился, не соглашался. Дѣло дошло до министра, который и съ своей стороны приказалъ объявить молодому писателю, что онъ охотно опредѣлитъ его адъюнктомъ. Но Гоголь не согласился.«

Слѣдующее письмо замѣчательно по признанiю поэта въ чувствахъ, привязывающихъ его къ Петербургу. Обратите вниманiе на слова, напечатанныя курсивомъ. Гоголь рѣдко, даже и на столько, обнаруживалъ передъ кѣмъ бы то ни было сердечныя дѣла свои. Люди, которыхъ дружба удерживала его на сѣверѣ, безъ сомнѣнiя, были Пушкинъ, Жуковскiй, князь Вяземскiй и П. А. Плетневъ.

10 iюня (1834, изъ С.-Петербурга).

»Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторiя. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желанiе, а у меня нѣтъ. — — Еслибы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ пожалуй два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что̀ я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что̀ дорого, *что было мило моему сердцу*, люди, съ которыми сдружился

и которыхъ алчетъ душа, все, чтò привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивъ все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску. Нужно отдалять всѣми мѣрами то, что можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобъ самая должность была для меня тягостью. Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, чтò для другого кажется своенравіемъ, то есть у меня слѣдствіе дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. —
— Остановка вся за однимъ Б. — — Итакъ, я жду теперь отъ него рѣшенія и по немъ узнаю, велитъ ли мнѣ судьба ѣхать, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько нибудь свою лѣнь, которая уже почула лѣто и становится деспотомъ.«

Далѣе Гоголь является настоящимъ малороссіяниномъ, горячо привязаннымъ къ товарищу по ближайшему къ его душѣ дѣлу, мечтательнымъ и вмѣстѣ шутливымъ. Едва возьметъ онъ, какъ будто невзначай, нѣсколько слишкомъ нѣжныхъ нотъ, говорящихъ звуками его сердца, уже спѣшитъ развлечь вниманіе своего слушателя умышленно грубымъ запорожскимъ комизмомъ и потомъ, самъ того не замѣчая, попадаетъ на идиллію и на торжественный лиризмъ. Для многихъ эти письма будутъ простая будничная проза; мнѣ — въ нихъ на каждомъ шагу чудятся поэтическія мотивы. Это пробы смычка, готовящагося импровизировать симфонію, которая неотступно грезится артисту.

»27 іюня (1834, изъ Петербурга.)

»Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавай(ся) заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя не раннею осенью или зимою; но когда бы то ни было, а я все-таки буду. Я далъ себѣ слово и твердое слово; стало быть все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не проби(ли) человѣческая сила и желаніе.

»Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ

и хладнокровіемъ всё достанешь. — Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами! Чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя къ то(му) только, чтобы отемнить свои мысли! Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои — — Но впрочемъ лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы. Это для нихъ полезнѣе всего; скорѣе разовьетъ ихъ умъ, и тебѣ будетъ пріятно. Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди. Такимъ образомъ поступаетъ и Плетневъ, который нашелъ — и весьма справедливо — что всѣ теоріи — совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ. Онъ теп(ерь) бросилъ всѣ прежде читанныя лекціи и дѣлаетъ съ ними въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ — — на хорошее. Онъ очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и совѣтуетъ съ своей стороны тебѣ работать прямо съ плеча, что̀ придется. Вкусъ у тебя хорошъ, словесность русскую ты знаешь лучше всѣхъ педагоговъ-толмачей; итакъ чего тебѣ больше? Послушай, ради Бога занимайся поменьше это(й) гилью. Лѣто (ты) непремѣнно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ по Пслу, гдѣ бы мы лежали въ натурѣ ([1]), купались, а въ добавокъ бы еще женилъ тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но такъ и быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты съ ними не разминулся, а посылаю прямо въ Кіевъ, гдѣ онѣ будутъ тебя ожидать. Какъ нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому денегъ тебѣ за нихъ платить не нужно. — — — Но во всемъ этомъ ты можешь обойтиться и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бываетъ и не всегда весело,

---

([1]) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича: «Извините, что я передъ вами въ натурѣ.» См. «Сочиненія Н. Гоголя», т. II, стр. 402. Изд. 1-е.

и помнить мудрое правило, что всё на свѣтѣ трынъ-трава и.... (²) Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая. Чортъ возьми! я какъ воображу, что теперь на Кіевскомъ рынкѣ цѣлые рядна вываливаютъ персикъ, абрикосъ, которое все тамъ ни почемъ, что кіево-печерскіе — — уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ доморощеннаго винограду, и что тополи ушпигуютъ скоро весь Кіевъ, — такъ, право, и ра(з)бираетъ ѣхать, бросивши всё; но, впрочемъ, хорошо, что ты ѣдешь впередъ. Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, что̀, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить съ своей стороны. Да, пріѣхавши въ Кіевъ, ты долженъ непремѣнно познакомиться съ эксъ-профессоромъ Бѣлоусовымъ. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ,—на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славцый малой, и тебѣ будетъ пріятно сойтись съ нимъ.

»Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) время, даже въ дорогѣ, то тотчасъ пиши ко мнѣ, меня все интересуетъ о тебѣ... самая дорога и проч. и проч....

»Смотри, пожалуста, не забывай писать мнѣ почаще: ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя письма, я уже скучаю.

»Но да почіетъ надъ тобо(ю) благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчитъ мое сердце.«

Удивляешься на каждомъ шагу, сколько любви было въ нашемъ поэтѣ къ человѣку, съ которымъ, по его собственнымъ словамъ, судьба столкнула его мелькомъ, на короткое время. Мать не могла бы напутствовать своего сына болѣе нѣжными благословеніями, и братъ не предохранялъ бы брата отъ разныхъ непріятностей съ бо̀льшею заботливостью. Все слѣдующее письмо дышетъ идеально-нѣжною дружбою.

(²) Опять крѣпкое, очень крѣпкое словцо. *Н. М.*

»Спб. Іюль 1. (1834.)

»Итакъ посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ, гдѣ, надѣюсь, онѣ тебя уже застанутъ, вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, которыя въ разныя времена списывались. Она замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, но которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего отрыть въ Кіевопечерской Лаврѣ, а для чичерони возьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленіе къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только разпорядить хорошо время, — отдавай все прогулкѣ. Моціонъ тебѣ необходимъ. — Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣпятъ тебя, только занимайся всегда поутру, и ввечеру, а въ полдень Боже тебя сохрани. Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову (держи) въ тѣни; ввечеру гуляй или иди къ кому нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непремѣнно долженъ соблюсти: если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай, да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Кіевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житье; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да, Бога ради, будь поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ (¹). — —«

Слѣдующее письмо представляетъ матеріалъ для собирателя анекдотовъ о поэтической разсѣянности. Гоголь проситъ г. Максимовича замолвить слово попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа объ одномъ господинѣ, о которомъ тотъ впервые слышитъ, — исчисляетъ достоинства этого господина, но не упоминаетъ его имени.

»Спб. Іюля 18. (1834.)

»Я получилъ твои экземпляры пѣсенъ и по принадлежности роздалъ кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей.

(¹) Припоминаю читателю стихъ Пушкина
«Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ....» *Н. М.*

Жуковскій читалъ нѣкот(орыя): онѣ произвели эффектъ. Многія понравились Н***. Я, однакоже, все ожидалъ, что ты еще будешь писать ко мнѣ изъ Москвы. Мнѣ хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣлъ въ бричку и прочее. — Что-то ты теперь подѣлываешь въ Кіевѣ? А къ стати, чтобы не позабыть: къ вамъ, или къ намъ, въ Кіевъ хочетъ ѣхать одинъ преинтереснѣй(шій) и прелюбезнѣйшій человѣкъ, который тебѣ понравится до нельзя, — настоящій землякъ и человѣкъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что̀ требуется для молодости, не смотря на то, что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора гимназіи, если нельзя въ Кіевѣ, то въ какой-нибудь другой Кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный до степей (¹) и Крыма и, наконецъ, служитъ здѣсь въ Почтовомъ Департаментѣ. Извѣсти только, есть ли какое нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Б***, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ каки(мъ) образомъ: что ты знаешь-де человѣка, весьма годнаго занять мѣсто истинно достойнаго, но что не знаешь-де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ; что прежде онъ хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ; то по(про)бовать, можетъ быть онъ согласится, тѣмъ болѣе, что тамъ близко его родина. А съ своей стороны ты очень будешь доволенъ имъ. — Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Л***. Да что̀ ты не прислалъ мнѣ нотъ малороссійскихъ пѣсенъ? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ »Голоса«, а самыхъ-то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ. Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его? Да пиши скорѣе. Что это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно.«

Естественно, г. Максимовичъ спросилъ у него: какъ же я долженъ назвать твоего protegé, котораго ты предлагаешь такъ расхвалить, если попечитель спроситъ его фамилію? Въ письмѣ отъ 14 августа тогоже

(¹) Изъ его разсказовъ Гоголь заимствовалъ много красокъ для своего »Тараса Бульбы«, напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящіе въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки. *Н. М.*

1834 года Гоголь сообщаетъ уже имя, отчество и фамилію человѣка, »съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда!« Но оно замѣчательно не въ этомъ отношеніи, какъ читатель и самъ увидитъ.

»Во первыхъ (пишетъ Гоголь) позволь тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идетъ какъ слѣдуетъ, а онъ еще и киснетъ! Когда я — — плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава... а признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступить ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пидплесня, что она задрала ноги. — — — Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ Гетманщину, какъ здѣшній попечитель князь К*** предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ чрезъ три мѣсяца экстраорд. профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что̀ было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, поживя здѣсь, я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу (1), которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую. Короче, въ эту зиму я столько обдѣлаю, если Богъ поможетъ, дѣлъ, что не буду раскаяваться въ томъ, что остался здѣсь этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украйной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны употребилъ всѣ возможныя силы. — — — Какъ бы то ни было, но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите принять къ себѣ въ Кіевъ, то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ доктора велятъ

(1) Дѣло идетъ о »Ревизорѣ«. Другая пьеса, о которой онъ упоминаетъ дальше, вѣроятно — »Женитьба«.

напрямикъ убираться, да призна(юсь), и самому становится чѣмъ далѣ нестерпимѣе петербургскій воздухъ. Я тебя попрошу, пожалуста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продающіяся мѣста для дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ видѣнъ изъ него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать тебѣ деньги. Хорошо бы, еслибы наши жилища были вмѣстѣ. Пожалуста напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣетъ характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, Поляки, ученый дрязгъ нашъ, перекупки и монахи. Тотъ пріятель нашъ, о которомъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данил. Шаржинскій: воспитыва(лся) въ здѣшнемъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Ѳеодосію, послѣ въ другія мѣста въ южной Россіи, — въ какія, не помню, а спросить его позабылъ, потомъ служилъ въ таможняхъ, наконецъ нахо(ди)тся у Б*** въ Почтовомъ Департаментѣ. Въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что гимназія имѣетъ особенныя права и постановленія. —— Спѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ некогда: сейчасъ ѣду въ Царское, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ.

»Августа 23 (1834, изъ С. Петербурга.)

»Пріятель нашъ Семенъ Данилов. Шаржинскій хочетъ или въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую гимназію, и потому я тебѣ еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста не вакантны теперь, то, можетъ быть тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ пожалуста не прозѣвай. — Пронухай, что̀ есть путняго въ вашей библіотекѣ, относящегося до нашего края; весьма бы было хорошо, еслибы ты поручилъ кому-нибудь составить имъ маленькой реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) замѣчательныхъ вещей. Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что-нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ — — лекціями, которыя у насъ

до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами. На дняхъ С*** и Г*** перегрызлись, какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди скоро помирятся. Наши всѣ почти разъѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмотрѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. — — Прощай. Пиши, что̀ и какъ въ Кіевѣ.«

»Спб. Генваря 22-го, 1835.

»Ну, братъ, я уже не знаю, что̀ и думать о тебѣ. Какъ, ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь или конскій лечебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, кашу, въ которой есть ли масло — суди самъ (¹). За то ты долженъ непремѣнно описать все, что̀ и какъ, начиная съ университета и до послѣдней кіевской букашки. — Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсенъ. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихъ нибудь эдакихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтобъ не позабыть. Есть нѣкто мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ Житомирской гимназіи изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомирѣ. Онъ былъ послѣ и въ Московскомъ университетѣ и тамъ получилъ канди(да)та. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ. — Ну, весною увидимся; нарочно ѣду на Кіевъ для одного тебя.

»Что̀ тебѣ сказать о здѣшнихъ происшествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина »Исторія Пугачевскаго Бунта«, а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковскаго полныя сочиненія и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. — Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9. Авось

(¹) Это были »Арабески«. *Н. М.*

либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, — право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ нибудь хорошимъ. Но...

»Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть двѣ строчки?«

Гоголь хвалится, что пишетъ исторію среднихъ вѣковъ, которой никогда не суждено было быть оконченною, и ни слова не говоритъ о »Тарасѣ Бульбѣ« и прочихъ миргородскихъ повѣстяхъ, которыя занимали его умъ въ это время. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 23 августа 1834 года, онъ говоритъ, что »трудится какъ лошадь надъ собственно своими вещами«: видно, это-то и были миргородскія повѣсти. Онъ до тѣхъ поръ строилъ и перестроивалъ свою »Исторію Малороссіи«, пока изъ мертваго хлама лѣтописныхъ сказаній поднялся живой, буйно-энергическій образъ Тараса Бульбы. Эта размашистая фигура высказала яснѣе всевозможныхъ томовъ, какъ Гоголь понималъ старинную жизнь Малороссіи. Напечатавъ »Тараса Бульбу«, онъ отложилъ попеченіе объ исторіи своей родины и уже никогда къ ней не возвращался.

Слѣдующее письмо выражаетъ ликующее состояніе его души по свершеніи долгаго и, по собственному его признанію, тяжелаго труда. Вѣроятно, такіе судьи, какъ Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Плетневъ, не замедлили увѣнчать чело поэта свѣжими, вполнѣ заслуженными лаврами, и, подъ вліяніемъ восторженнаго сознанія своего успѣха, онъ, вѣроятно, дѣлалъ не разъ то, что́ совѣтуетъ въ этомъ письмѣ г. Максимовичу и что́ потомъ, въ каррикатурномъ видѣ, уступилъ Чичикову. Это — письмо автора »Тараса Бульбы«, еще не совсѣмъ отрѣшившагося отъ своего заунывно-разгульнаго идеала. Уже одно его начало показываетъ, что авторъ только что воротился съ Запорожской Сѣчи.

»Марта 22 (1835, изъ С. Петербурга.)

»Ой чи живи, чи здорови,
»Вси родычи гарбузовы? (¹)

(¹) Изъ народной комической пѣсни:

Ходыть гарбузъ по городу,
Пытаєцця свого роду....

Н. М.

»Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во первыхъ, потому, что не коротко, а во вторыхъ, потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

»Посылаю тебѣ »Миргородъ«. Авось-либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое твое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ [особенно ты] глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ козакъ. Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши по утру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ тропака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что́ такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы расказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми своими друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь проѣхать въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ. Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ все правовѣдцы. — — Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній, ни честолюбія. Если бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы посовѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю

по опыту, что значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка. Но прощай; напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, впиваешь ее, дышешь ею, — и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея. — — Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни.«

Казалось бы, теперь между авторомъ »Миргорода« и профессоромъ русской словесности должна была вновь закипѣть оживленная переписка; но случилось напротивъ. Гоголь написалъ еще только два письма къ г. Максимовичу (одно черезъ четыре мѣсяца, а другое черезъ четыре съ половиною года), и послѣ, до 1849 года, они не писали ни слова другъ къ другу, хотя до конца жизни оставались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Вотъ предпослѣднее письмо Гоголя къ г. Максимовичу.

»Полтава. Іюль, 20 дня, 1835.

»О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шепнула мнѣ лѣнь моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ: ѣхавшему вмѣстѣ со мною нужно было поспѣшать въ срокъ и никакъ нельзя было дѣлать разъѣздовъ, и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ три недѣли ѣду опять въ Петербургъ, — къ 13 или къ 14, впрочемъ, буду непремѣнно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавши 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою. И тогда поговоримъ о томъ и о другомъ и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя; впрочемъ, ты, вѣрно, это и безъ моихъ объявленій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находитъ столбнякъ. А что, какъ ты? Я думаю, такъ дви-

жешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще. Письмо твое успѣетъ застать меня. Право, соскучилъ безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть.«

О послѣднемъ письмѣ Гоголя къ г. Максимовичу я покамѣстъ умолчу: оно относится къ третьему періоду жизни поэта и представляетъ его уже совсѣмъ инымъ человѣкомъ.... Здѣсь я прослѣжу исторію перваго періода его литературной дѣятельности по письмамъ его къ М. П. Погодину. Они не были еще знакомы лично, какъ уже вели между собой дружескую переписку. Отъ 10-го января 1833 года Гоголь писалъ къ г. Погодину:

»Меня изумляетъ ваше молчаніе. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но, зная совершенно вашу душу, я отбрасываю съ негодованьемъ такую мысль. По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій — замѣтьте — и у васъ, и у меня. Главное дѣло — всеобщая исторія, а прочее — стороннее. Словомъ, все меня увѣряетъ, что мы не должны разлучаться на жизненномъ пути«, и проч.

Гоголь такъ же, какъ и Пушкинъ, очень высоко цѣнилъ историческія драмы г. Погодина. Это видно изъ письма его отъ 1-го февраля 1833 года.

»Какъ! (пишетъ онъ) въ такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тѣмъ какъ я сижу, какъ дуракъ, при непостижимой лѣни мыслей! Это ужасно! Но поговоримъ о драмѣ. Я нетерпѣливъ прочесть ее, — тѣмъ болѣе, что въ »Петрѣ« вашемъ драматическое искуство несравненно совершеннѣе, нежели въ »Марѳѣ«: и такъ »Борисъ«, вѣрно, еще ступенькою сталъ выше »Петра«. Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіогноміи. Это необходимо, — такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. — — Какая смѣшная спѣсь во время Петра! — — Одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ сдѣлать новомодный поклонъ и бьется изъ силъ сковеркать ужимку французо-кафтанника. — —

Благословенный вы избрали подвигъ! Вашъ родъ очень хорошъ. Ни у кого столько истины и исторіи въ героѣ піесы. »Бориса« я очень жажду прочесть.«

Продолженіе этого письма показываетъ, что Гоголь занимался отъ всей души дѣломъ образованія молодыхъ умовъ и предначертывалъ себѣ большія работы по этому предмету. Разумѣется, онъ не имѣлъ ни времени, ни силъ выполнить свои предначертанія, тѣмъ болѣе, что его очень часто отвлекали отъ чисто-умственныхъ, строгихъ занятій роскошныя созданія фантазіи.

»Журнальца (писалъ онъ), который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что они [1] очень обезображены посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжонокъ, какія попадутся имъ въ руки. Притомъ же я только такое подносилъ имъ, что̀ можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождите нѣсколько времени; я вамъ пришлю, или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ заглавіемъ: »Земля и Люди«. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ.

»Да (продолжаетъ онъ), я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера. Это точно одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими, и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны, потому что въ исторіи пріобрѣтеніе дѣлается для пользы всѣхъ, и владѣніе ими законно. Но что̀ дѣлать? проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу только въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время. Такъ александрійскій вѣкъ слишкомъ блѣдно и быстро промелькнулъ у него. Греки, въ эпоху національнаго образованнаго величія, у него — звѣзда не больше другихъ, а не солнце древняго міра. Римляне, кажется, уже слишкомъ много внутренними и внѣшними разбоями заняли мѣста противъ

---

(1) Гоголь забылъ, что употребилъ слово *журнальца* въъ единственномъ числѣ. Это показываетъ, что онъ отправлялъ свои письма не перечитывая. *Н. М.*

другихъ. Но это замѣчанія собственно для насъ, а — — для преподаванія это самая золотая книга.«

Интересенъ взглядъ Гоголя, въ ту эпоху, на »Вечера на Хуторѣ«. Ихъ авторъ очень быстро шелъ впередъ.

»Вы спрашиваете объ Вечерахъ Диканскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ. И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ Вечеровъ, и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстными, покамѣсть что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется; великое не выдумывается. — —«

Слѣдующее письмо (отъ 20-го февраля, 1833) ясно показываетъ въ Гоголѣ борьбу двухъ равно сильныхъ стремленій, которыя впослѣдствіи приняли обширные размѣры и въ самой этой обширности заключали непреодолимыя для него препятствія. Одно было желаніе принести *пользу*, другое — создать твореніе, великое въ художественномъ смыслѣ. Здѣсь видно, какъ идея истины и красоты постоянно превышала у него форму и какъ онъ былъ склоненъ уже и тогда оставлять въ пренебреженіи сдѣланное и разрушать недоконченное, чтобы творить вновь, согласно съ высшими понятіями о пользѣ и изяществѣ.

»Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ »Земля и Люди«. Но я не знаю, отъ чего на меня напала тоска... корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается, не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ ист(оріи), уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объему, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что это не нанесетъ пятна мнѣ, что

судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ — другъ; но не могу... Чортъ побери, пока, трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени! Я не знаю, отъ чего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда, пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой, толстой тетради. — — И сколько злости, смѣху, соли! но вдругъ остановился. — — А что̀ изъ того, когда піэса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея, она какъ будто безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самой невинной, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости? Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена; шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей.«

Вотъ сужденіе Гоголя (въ томъ же письмѣ) о современныхъ литераторахъ и литературѣ, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя представлены уже выше.

»Крылова нигдѣ не попалъ, чтобы напомнить ему за портретъ. Этотъ блюдолизъ, не смотря на то, что породою слонъ, летаетъ какъ муха по обѣдамъ. — — Читалъ ли ты Смирдинское »Новоселье«? Книжища ужасная; человѣка можно уколотить. Для меня она замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ — — всего!«

Отъ 8-го мая, 1833. »Пушкинъ ужъ почти кончилъ исторію Пугачева. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! совершенный романъ!«

Отъ 11-го января, 1834. ».... Рука твоя летитъ по бумагѣ;

фельдмаршалъ твой бодрствуетъ надъ ней; подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской »Библіотеки«. Кстати о »Библіотекѣ«. Это довольно смѣшная исторія. С*** очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однакожь, ворвался и бьетъ, очеретя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки; сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ; начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху; офицеры читаютъ и говорятъ: »С** с*, какъ хорошо пишетъ!« помѣщики покупаютъ и подписываются, и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства. Смирдина капиталъ ростетъ. Но это еще все ничего. А вотъ что̀ хорошо. С*** уполномочилъ самъ себя властью рѣшить (и) вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе къ поступающимъ пьесамъ. Натурально, что если всѣ такъ кротки, какъ почтѣннѣйшій Ѳ** В***вичъ [котораго лице очень похоже на лорда Байрона, какъ изъяснялся не шутя одинъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка офицеръ], который объявилъ, что онъ всегда за большую честь для себя почтетъ, если его статьи будутъ исправлены такимъ высокимъ корректоромъ, котораго фантастическія путешествія даже лучше его собственныхъ. Но сомнительно, чтобы всѣ были такъ робки, какъ этотъ почтенный мужъ. — — Но вотъ что̀ плохо: что мы всѣ въ дуракахъ. Въ этомъ и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ и на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела! И вотъ литература наша безъ голоса! а между тѣмъ наѣздники эти дѣйствуютъ на всю Русь: — — а Русь только середи Руси.«

Въ томъ же письмѣ Гоголь говоритъ о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ, которымъ не суждено было осуществиться, къ сожалѣнію любителей малороссійской старины, но къ чести его ума. Онъ убѣдился, что еще слишкомъ мало разработаны источники для исторіи Малороссіи

и что ему придется сочинять, а не писать эту исторію. Всеобщая же исторія была не по его здоровью.

»Я весь теперь (говоритъ онъ), погруженъ въ исторію малороссійскую и всемірную. И та, и другая у меня начинаетъ двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ, сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не-общее во всеобщей исторіи. Малороссійская Исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иною впрочемъ и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, неисторически жгучь и живъ; но что за исторія, если она скучна!«

Въ двухъ послѣднихъ письмахъ 1834 года Гоголь выразилъ свой взглядъ на дѣло историка вообще и на свои лекціи въ Университетѣ. Эти письма дополняютъ понятія наши о немъ, составленныя по печатнымъ историческимъ статьямъ его.

Отъ 2-го ноября. »Охота тебѣ заниматься и возиться около Герена, который далѣе своего нѣмецкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудной человѣкъ: онъ воображаетъ себѣ, что политика — какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ и притомъ совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художествъ, мимо наукъ, мимо людей, мимо жизни, мимо нравовъ, мимо отличій вѣковъ, нестарѣющее, немолодѣющее, ни умное, ни глупое, — чортъ знаетъ что̀ такое! Впрочемъ, если ты займешься Гереномъ съ тѣмъ, чтобъ развить и передѣлать его посвоему, это другое дѣло. Я тогда радъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, какое названіе носитъ книга. Пять-шесть мыслей новыхъ уже для меня искупаютъ все. Ну, а извѣстное дѣло — куда ты сунешь перо свое, то уже, вѣрно, тамъ будетъ новая мысль«.

Отъ 14-го декабря. »Объ Геренѣ я говорилъ тебѣ въ шутку, между нами; но я его при всемъ томъ гораздо болѣе уважаю, нежели многіе, хотя онъ и не имѣетъ такъ глубокаго генія, чтобы стать на ряду съ первоклассными мыслителями, и я бы отъ души радъ былъ, еслибъ намъ подавали побольше Греновъ. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь,

что я отсѣкаю народъ отъ человѣчества, то ты не правъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они молоды, они давно писаны; не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ д-мъ журналѣ. Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что̀ оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ быть, еще малоопытенъ; я молодъ въ мысляхъ; но я буду когда-нибудь старъ. Отъ чего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отъчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ? Знаешь ли ты, что̀ значитъ не встрѣтить сочувствія, — что̀ значитъ не встрѣтить отзыва. Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ; ни на одномъ (лицѣ) ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю въ даль и вижу ее въ той системѣ, въ какой она явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть бы одно студентское существо понимало меня! — —«

Представляю теперь выписки изъ писемъ его къ матери, относящихся къ этому времени. Онъ писалъ къ ней, по обыкновенію, очень часто, но послѣ изданія второй части »Вечеровъ на Хуторѣ« тонъ его семейныхъ писемъ сдѣлался степеннѣе. Въ нихъ преобладаютъ мелочи практической жизни и только изрѣдка прорываются поэтическія воспоминанія дѣтства, или идеи, чисто художественныя. Можетъ быть, это происходило отъ сближенія съ людьми, которые интересовались имъ исключительно какъ литераторомъ и давали ему много случаевъ наговориться объ изящномъ и высокомъ; а можетъ быть, и самыя обстоятельства ввели его больше въ кругъ семейныхъ заботъ и мелочей. Какъ бы то ни было, но авторъ »Вечеровъ на Хуторѣ« очень прилежно занимался въ Петербургѣ составленіемъ узоровъ для ковровъ домашней фабрикаціи и пересылалъ ихъ матери, тщательно освѣдомлялся обо всемъ, что̀ дѣлается въ деревнѣ по предметамъ огородничества, садоводства, земледѣлія и ремеслъ, много хлопоталъ по разнымъ хозяйственнымъ сдѣл-

какъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и въ другихъ мѣстахъ и часто увѣдомлялъ мать объ успѣхахъ двухъ сестеръ, воспитывавшихся въ Патріотическомъ институтѣ. Въ письмахъ его упоминается также и о полученіи изъ Малороссіи національныхъ костюмовъ, о сказкахъ, о пѣсняхъ и т. п., высылаемыхъ ему изъ дому. Онъ былъ всё тотъ же нѣжный, горячо любящій сынъ. Въ письмѣ отъ 20-го Іюня 1833 года, онъ говоритъ ей, въ убѣжденіе не предаваться излишнимъ заботамъ по хозяйству:

»Зачѣмъ намъ деньги, когда онѣ цѣною вашего спокойствія? На эти деньги [если только онѣ будутъ] мнѣ всё кажется, что мы будемъ глядѣть такими глазами, какъ Іуда на серебренники: за нихъ проданы ваша тишина и, можетъ быть, часть самой жизни, потому что заботы коротаютъ вѣкъ.«

Слѣдующее мѣсто въ письмѣ отъ 9-го августа того же года показываетъ, что Гоголь не скоро послѣ первыхъ повѣстей написалъ миргородскія повѣсти (если только понимать это мѣсто въ прямомъ смыслѣ):

»Врядъ ли будетъ что-нибудь у меня въ этомъ, или даже въ слѣдующемъ году. Пошлетъ ли Всемогущій Богъ мнѣ вдохновеніе — не знаю.«

Совѣты, предложенные имъ матери, касательно воспитанія младшей сестры его (въ письмѣ отъ 2-го октября, 1833), дополняютъ и объясняютъ многое въ исторіи его внутренней жизни.

»Отдалите отъ нея дѣвичью, чтобы она никогда туда не заходила. Велите ей быть не отлучно при васъ. Лучше нѣтъ для дѣвицы воспитанія, какъ въ глазахъ матери, а особливо такой, какъ вы. Пусть она спитъ въ вашей комнатѣ. Ввечеру нельзя ли вамъ такъ завесть, чтобы всѣ (сидѣли) за однимъ столомъ: вы, сестра (старшая), Павелъ Осиповичь и она, и каждый занимался бы своимъ? Давайте ей побольше занятій. Пусть она занимается тѣми же дѣлами, что и большіе. Давайте ей шить не лоскутки, а нужныя домашнія вещи. Поручите ей разливать чай. Ради Бога, не пренебрегайте этими мѣлочами. Знаете ли вы, какъ важны впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ? То, что́ въ дѣтствѣ только хорошая привычка и наклонность, превращается въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ добродѣтель. Внушите ей правила религіи: это фундаментъ всего. — — Говорите, что Богъ все видитъ, все знаетъ, что́ она ни дѣлаетъ. Говорите ей поболѣе о будущей жизни; опишите всѣми возможными и пра-

вающимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя, жестокія муки ждутъ грѣшныхъ. Ради Бога, говорите ей почаще объ этомъ при всякомъ ея поступкѣ, худомъ или хорошемъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія. Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства, и тогда они надолго сохранятъ все прекрасное. Я испыталъ это на себѣ. Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. — — Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ. Я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами. Я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня. Я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и — — дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ — я живо, какъ теперь, помню этотъ случай — я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ Судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли. — — — Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе. Въ немногіе годы я много узналъ, особливо по этой части. Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, а между тѣмъ не дѣлаютъ ничего. (¹) Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истинну моихъ словъ«.

(¹) Послѣ этого ясно, съ какимъ чувствомъ Гоголь влагалъ въ уста своему Городничему (въ »Ревизорѣ«) слова: »Зато вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите, а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви«; или: »Что ни говори, а добродѣтель выше всего на свѣтѣ«.

Н. М.

Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1835 года, авторъ »Миргорода« и »Ревизора« говоритъ:

»Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня, добраго, простого человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и называть геніемъ! Нѣтъ, маминька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его: иначе — у насъ столько геніевъ, что и (не) протолпиться.«

Онъ проситъ не хвалиться никому его талантомъ. »Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте. — — Это для меня будетъ лучшая похвала.«

»Я знаю (продолжаетъ онъ) очень много умныхъ людей, которые вовсе не обращаютъ вниманія на литературу, и тѣмъ не менѣе я ихъ уважаю. Литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства, — такимъ самымъ образомъ, какъ и музыка, какъ и живопись. У меня, напримѣръ, нѣтъ уха къ музыкѣ и я не говорю о ней, и меня отъ того никто не презираетъ. Я не знаю ни въ зубъ математики, и надо мною никто не смѣется. — — — Въ Петербургѣ, во всемъ Петербургѣ, можетъ быть, только человѣкъ пять и есть, которые истинно и глубоко понимаютъ искусство, а между тѣмъ въ Петербургѣ есть множество истинно прекрасныхъ, благородныхъ, образованныхъ людей. Я самъ, преданный и погрязшій въ этомъ ремеслѣ, я самъ никогда не смѣю быть такъ дерзокъ, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведеніе. Нѣтъ, можетъ быть, я только десятую долю понимаю.«

VIII.

Книги, въ которыхъ Гоголь писалъ свои сочиненія. — Начатыя повѣсти. — Гоголь посѣщаетъ Кіевъ. — Аналогія между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни.

Въ письмахъ къ г. Максимовичу Гоголь ненарокомъ открываетъ мѣстами, подъ какими впечатлѣніями и вліяніями писалъ онъ свои первыя повѣсти; но по нимъ трудно было бы составить себѣ понятіе о самомъ процессѣ его авторства. Гораздо яснѣе говорятъ объ этомъ его черновыя

книги, въ которыхъ онъ обыкновенно писалъ свои сочиненія. Эти книги, принадлежащія нынѣ одному изъ ближайшихъ друзей Гоголя, К. С. Аксакову, однимъ уже видомъ своимъ даютъ понятіе о простомъ уголкѣ, въ которомъ роилось столько грезъ. Каждый знаетъ переплетенныя тетради изъ простой бумаги, съ кожанными корешками, накрапленными кой-какъ купоросныхъ растворомъ, продающіяся въ бумажныхъ лавкахъ низшаго разряда, въ Петербургѣ, и покупаемыя присутственными мѣстами для записыванія входящихъ и исходящихъ бумагъ. Такія книги служили Гоголю для черновыхъ рукописей его сочиненій. У К. С. Аксакова хранится ихъ шесть, не считая записной книги, переплетенной въ кожу, и отдѣльныхъ листовъ, на которыхъ написаны: »Сорочинская Ярмарка«, »Майская Ночь« и начало комедіи »Женихи« ([1]). Перелистываніе ихъ — я увѣренъ — доставило бы многимъ такое грустное удовольствіе, какое испытывалъ я, когда онѣ очутились у меня въ рукахъ. Содержа въ памяти блестящіе вымыслы поэта и глядя на эти сѣроватые листы бумаги, исписанные мелкимъ, нечеткимъ и несвободнымъ почеркомъ, безъ всякой системы или порядка, безъ всякихъ заглавій и нумераціи, едва вѣришь, что между тѣми и другими есть что-нибудь общаго. Кто бы могъ предположить, что этотъ нетвердый почеркъ, напоминающій почерки женскихъ рукъ, эти неровныя строки, тѣсно прижатыя одна къ другой, эти каракульки, написанныя часто блѣдными или рыжими чернилами, часто заплывшія, часто выдвинувшіяся изъ своей плохо построенной шеренги, выражали душу, столь чисто-возвышенную, и умъ, одаренный благороднѣйшими способностями? Передъ глазами читающаго черновыя книги Гоголя является жалкій призракъ земной формы человѣка, въ которой, на вѣчное удивленіе наше, живетъ безсмертный духъ, неимѣющій съ него ничего общаго. Ихъ видъ раждаетъ въ душѣ такое странное, болѣзненное и вмѣстѣ восхитительное чувство, какое мы испытываемъ, глядя на мертваго, котораго душа живетъ въ душѣ нашей и въ котораго вѣчную, свѣтлую жизнь въ невещественномъ мірѣ мы несомнѣнно вѣруемъ. Между тѣмъ простое, так сказать научное любопытство находитъ въ этихъ видимыхъ слѣдахъ улетѣвшаго отъ насъ духа много для себя пищи.

([1]) Впослѣдствіи эта комедія названа »Женитьбою«.

Гоголь, какъ видно, сперва долго обдумывалъ то, что̀ желаетъ написать, — обдумывалъ до тѣхъ поръ, пока его вымыселъ обращался какъ бы въ сложившуюся пѣсню. Онъ вписывалъ свое сочиненіе въ книгу почти безъ всякихъ помарокъ, и рѣдко можно найти въ его печатныхъ повѣстяхъ какія-нибудь дополненія или передѣлки противъ черновой рукописи. Часто его сочиненія прерываются, чтобъ дать мѣсто другой повѣсти или журнальной статьѣ; потомъ, безъ всякаго обозначенія или пробѣла, продолжается прерванный разсказъ и перемѣшивается съ посторонними замѣтками или выписками изъ книгъ. Это дивное творчество, въ одно и то же время устремленное къ важнымъ созданіямъ и мелкимъ эскизамъ или разсужденіямъ, напоминаетъ дѣятельность природы, которая съ равной любовью и заботливостью образуетъ тысячелѣтній дубъ и однолѣтнюю легкую вѣтку хмѣля, уцѣпившуюся за его низшія вѣтви. Представляю краткое описаніе каждой книги.

Трудно опредѣлить хронологическій порядокъ этихъ книгъ, потому что Гоголь завелъ ихъ, кажется, всѣ въ одномъ году и вписывалъ то въ одну, то въ другую свои замѣтки и сочиненія. Но назовемъ первою книгою ту, которая имѣетъ слѣдующее заглавіе: »Книга для записки книгъ, тетрадей, бѣлья, платьевъ и другихъ вещей, принадлежащихъ Василію Тарновскому. Заведена 1826 года, сентября 24. Москва«.

Подъ этимъ заглавіемъ надпись рукою Гоголя: »Но послѣ переведена въ другую шнуровую, а на мѣсто оной выдана департаментомъ сельскаго хозяйства подъ управленіе голтвянскаго помѣщика Николая Васильева сына Гоголь-Яновскаго« (1).

Послѣ нѣсколькихъ листовъ, занятыхъ реестрами г. Тарновскаго, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ статьи Гоголя:

»О построеніи зданій деревянныхъ изъ мокрой глины. Сочиненіе Карла Штиссера.«

»Дешевый способъ покрывать кровли сельскихъ зданій.«

»Объ индѣйскомъ растеніи Бататасъ.«

»Способъ производить картофельныя сѣмена разныхъ сортовъ.«

»Общія правила содержанія домашняго скота.«

---

(1) Вторая половина фамиліи подскоблена, и осталось только *Гоголь* и тире.

Черезъ десять листовъ, на оборотѣ листа: Начало статьи: »Скульптура, Живопись и Музыка«, прерванное на 7-й строкѣ. Потомъ на новомъ листѣ —

»ПОВѢСТЬ
Изъ книги подъ названіемъ: Лунный Свѣтъ въ разбитомъ окошкѣ чердака на Васильевскомъ Островѣ, въ 16 линіи.

»Было далеко за полночь. Одинъ фонарь только озарялъ неправильную улицу и бросалъ какой-то странный блескъ на каменные дома, и оставлялъ во мракѣ деревянные; изъ сѣрыхъ (они) превращались совершенно въ черные....« И только. Потомъ:

Продолженіе статьи »Скульптура, Живопись и Музыка«.

Повѣсть »Невскій Проспектъ«. (1)

Повѣсть »Ночь передъ Рождествомъ«.

Статья »Нѣсколько Словъ о Пушкинѣ«.

Послѣ этой статьи, на новомъ листѣ, однимъ перомъ написано:

»Обѣты и клятвы внутри души при возведеніи въ высокій санъ«.

А другимъ:

»Я давно уже ничего не разсказывалъ вамъ. Признаться сказать, оно очень пріятно, если кто станетъ что-нибудь разсказывать. Если же выберется человѣкъ небольшого роста, съ сиповатымъ баскомъ, да и говоритъ ни слишкомъ громко, ни слишкомъ тихо, а такъ совершенно, какъ котъ мурчитъ надъ ухомъ, то это такое наслажденіе, что ни перомъ описать, ни другимъ чѣмъ-нибудь не сдѣлать. Это мнѣ лучше нравится, нежели проливной дождикъ, когда сидишь въ сѣняхъ на полу, передъ дверью, поджавши подъ себя ноги, а онъ, голубчикъ, трепаетъ во весь духъ солому на крышѣ, и деревенскія бабы бѣгутъ босыми ногами, (набросивъ) свое рубье на голову и схвативъ подъ руку ч(еревыки). — Вы никогда не слыхали про моего дѣда? Чтó это былъ за человѣкъ! съ ка-

(1) Средніе листы этой повѣсти сперва предназначены были авторомъ для замѣтокъ для какой-то комедіи. На одномъ изъ нихъ написано: »Комед. Матер. общіе. Старое правило: Уже хочетъ достигн. схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство, и отдалены желанные предметы на огромное разстояніе. Какъ игра въ накидку, и вонъ азартная игра«. На другомъ: »Матер. частн. Не понимаетъ и толкуетъ по своему въ родѣ метафизическо-математическомъ«.

кими достоинствами! я вамъ скажу, что такихъ людей я теперь нигдѣ не отыскивалъ.«

Статья »Объ Архитектурѣ«.

Эта статья прервана далеко до окончанія страницы и продолжается на другомъ листѣ, на которомъ весьма торопливымъ почеркомъ наброса-но сперва нѣсколько фразъ, пойманныхъ, видно, въ разговорахъ. Именно:

»Чтó вамъ сталъ вицъ-мундиръ? по чемъ суконце? — Да, да, знаю, понимаю, — да, да! Ну, а разскажите. Да о чемъ бышъ вы говорили? — Подойди, скотина. Вамъ на столѣ краснаго дерева работать и скоблить!«

Далѣе что-то непонятное; можно прочитать только:

»... разговора уменъ видъ кухарка и проч.«

Потомъ:

»Также. Фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосиную; она гораздо лучше фланелевой«.

Статья »Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ«.

На оборотѣ листа, оканчивающаго статью: »Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ«, написано четыре строки изъ конца »Записокъ Сумасшедшаго«:

»Боже! чтó они дѣлаютъ со мною! Они всё льютъ на голову мою страшную воду! Она какъ стрѣла разщеливаетъ черепъ мой. Матушка«, и проч.

Черезъ два листа — продолженіе повѣсти »Портретъ«, со словъ: »Мысли его были заняты этимъ необыкновеннымъ явленіемъ«.

Черезъ четыре листа, на которыхъ двѣ страницы заняты счетами г. Тарновскаго, на оборотѣ чистаго листа — опять продолженіе повѣсти »Портретъ«, со словъ: »Между тѣмъ съ нашимъ художникомъ произошла счастливая перемѣна«.

Статья »Жизнь«, безъ заглавія, какъ и всѣ вообще повѣсти и статьи во всѣхъ книгахъ, кромѣ небольшого начала »Повѣсти изъ Книги: Лунный Свѣтъ« и еще начала одной пьесы, приведеннаго ниже.

Статья: »О Картинѣ Брюлова«.

Повѣсть »Записки Сумасшедшаго«.

Черезъ листъ, статья »Ал-Мамунъ«.

Вторая книга черновыхъ сочиненій Гоголя заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

Пропустя шесть чистыхъ листовъ, разсказъ »Коляска«.

Набросокъ безъименной трагедіи изъ англійской исторіи (1).

Черезъ одинъ листъ, рядъ рецензій, безъ означенія книгъ, на которыя онѣ написаны. Съ пробѣлами, онѣ занимаютъ 13 листовъ. По сдѣланнымъ мною выпискамъ, Н. С. Тихонравовъ, извѣстный публикѣ своими библіографическими трудами, нашелъ, что почти вся статья: »Новыя книги« въ № 1 »Современника« 1836 года принадлежитъ Гоголю, кромѣ замѣтокъ о »Востокѣ« (стр. 303—304) и о »Вечерахъ на Хуторѣ близь Диканьки« (стр. 311—312). Ту и другую статьи г. Анненковъ приписываетъ Пушкину, что̀ весьма вѣроятно, судя по отношеніямъ его къ тѣмъ, которымъ принадлежатъ упомянутыя книги. Кромѣ этихъ двухъ вставокъ, все остальное писано Гоголемъ, т. е. объ »Историческихъ Афоризмахъ« Погодина (стр. 296 — 302), »Походныхъ Запискахъ Артиллериста« (стр. 304 — 305), »Письмахъ Леди Рондо« (стр. 308 — 309), »Путешествіи вокругъ Свѣта« (стр. 309—310). »Атласѣ Космографіи« (стр. 311, двѣ строчки), »Моемъ Новосельѣ« (стр. 313—314) и »Сорокъ одной Повѣсти лучшихъ иностранныхъ Писателей«. Вѣроятно, и заключеніе обзора писано Гоголемъ (стр. 318—319).

Изъ прочихъ рукописныхъ рецензій Гоголя видно, что Гоголь намѣренъ былъ высказать также нѣсколько замѣчаній и о нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, но они или не были окончательно написаны, или остались безъ употребленія. Такъ статейка, начинающаяся словами: »Если воспользоваться всѣми этими рецептами, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь« относится, очевидно, къ упомянутой въ »Современникѣ« »Полной ручной кухмистерской Книгѣ« (т. I, стр. 316), а другая, начинающаяся такъ: »Путешествіе въ Іерусалимъ производитъ дѣйствіе сказочное въ нашъ періодъ. Это одна изъ тѣхъ книгъ, кои больше всего и благоговѣйнѣе всего читаются«, принадлежитъ, кажется, къ »Путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, совершенному въ XVII столѣтіи іеродіакономъ Троицкой Лавры«. Въ »Современникѣ« осталось одно заглавіе этой книги. Г. Анненковъ въ »Матеріалахъ для Біографіи А. С. Пушкина« (т. I. стр. 417—418) ошибочно приписалъ

(1) См. въ приложеніяхъ.

Пушкину статьи о »Походныхъ Запискахъ Артиллериста« и »Моемъ Новосельи«: черновыя книги Гоголя доказываютъ, что онѣ написаны имъ, а не Пушкинымъ.

Послѣ рецензій, черезъ одинъ листъ, четыре листа (съ пробѣлами) заняты первоначальными набросками сценъ комедіи »Женитьба«. Потомъ двѣнадцать листовъ оставлены чистыми, вѣроятно, для ея продолженія, а въ концѣ книги пятнадцать листовъ были заняты какою-то повѣстью, но вырваны почти при самомъ корнѣ книги. Оставшіеся вдоль полей при корнѣ не напоминаютъ ни одной изъ печатныхъ повѣстей Гоголя. Вотъ онѣ:

»Хотѣлось бы что-нибудь эдакого — птицы или раковъ, или кулебяку хорошую...». — »Слегка почесывая правую сторону головы, потому что тамъ показывалось что-то въ родѣ лысины...« — »Чтобы видно было, что какъ будто вы придали мнѣ верхъ«. — »Между деревьями мелькали три трубы, изъ которыхъ одна дымилась«.

Въ третьей черновой книгѣ Гоголя находятся слѣдующія пьесы:

»Взглядъ на Малороссію«.

Пропустя страницу, на оборотѣ листа — начало разсказа: »Носъ«, прерванное на словахъ: «Коллежскій ассессоръ любилъ послѣ обѣда выпить рюмку хорошаго вина«.

Пропустя два листа, начало какой-то повѣсти, за которую Гоголь принимался два раза. Сперва онъ написалъ это начало на одной сторонѣ листа, потомъ переписалъ, въ исправленномъ видѣ, на оборотѣ и продолжилъ нѣсколько строкъ далѣе. Вотъ оно.

»— Мнѣ нужно видѣть полковника, я къ нему имѣю дѣло, говорилъ почти отрокъ 17 лѣтъ.

» — Тебѣ полковника! произнесъ съ разстановкою сторожевой козакъ передъ большою ставкою, разсматривая и переминая на своей ладони, съ какой-то недовѣрчивостью, грубо искрошенный табакъ, это странное растеніе, которое съ такою изумительною быстротою разнесла по всѣмъ концамъ міра вновь открытая часть свѣта. Трубка давно была у него въ зубахъ. — На что̀ тебѣ полковникъ?

»При этомъ взглянулъ на просителя. Это былъ почти отрокъ, готовящійся быть юношею, уже съ мужественными чертами лица, вос-

питаннаго солнцемъ и здоровымъ воздухомъ, въ полотняномъ крашенномъ кунтушѣ и шароварахъ.

»— Съ тобою не станетъ говорить полковникъ, (продолжалъ козакъ, поглядѣвши) на него почти презрительно и закинувъ назадъ алый рукавъ съ золотымъ шнуркомъ.

»— Отъ чего же онъ не станетъ со мною говорить?

»— Кто жъ съ тобою станетъ говорить? ты еще недавно молоко сосалъ. Еслибъ у тебя былъ хотя суконный кунтушъ да пищаль, тогда бы..... Вѣдь ты, вѣрно, поповичъ, или школяръ? Знаешь ли ты этотъ инструментъ? промолвилъ (козакъ) съ видомъ самодовольной гордости и указавъ на трубку.

»— Ты думаешь....

»Но молодой воинъ остановился, увидѣвши, что козакъ вдругъ онѣмѣлъ, потупилъ глаза въ землю и снялъ шапку, до того заломленную на бекрень.

»Двое пожилыхъ мужчинъ, одинъ въ короткомъ плащѣ съ рукавами, выложенными золотомъ, съ узорно вычеканенными пистолетами, другой (¹), одѣт(ый въ) кафтанъ съ серебрянною привязанною къ поясу чернильницею, — прошли мимо и вошли въ ставку. Дрожа и блѣднѣя, шмыгнулъ за ними молодой человѣкъ и вошелъ (также).

»Молодой человѣкъ ударилъ поклонъ въ самую землю, отъ страха, увидѣвши, какъ вошедшіе передъ нимъ богатые кафтаны поклонились въ поясъ и почтительно потупили глаза въ землю съ тѣмъ безграничнымъ повиновеніемъ, которое такъ странно (со)вмѣщалось съ необузданностію, чѣмъ особенно славились козацкія войска.

»На разостланномъ коврѣ сидѣлъ полковникъ. Ему, казалось, на видъ было лѣтъ 50. Волоса у него стали сѣдѣть; бѣлые усы опускались внизъ. Длинный синій рубецъ на щекѣ и лбу придавалъ почти бронзовому его лицу ... (²) нельзя было отыскать никакой рѣзкой характерной черты, но просто выражалась спокойная увѣренность..... Глядя на него можно было узнать, что у него рука желѣзная и.... можетъ управлять.... На немъ были широкіе, синіе, съ серебромъ шаро-

---

(¹) Былъ. — (²) Точки означаютъ непрочитанныя мѣста. *Н. М.*

вары. Верхнее платье небрежно валялось на полу. Нѣсколько пистолетовъ и ружей стояло и висѣло по угламъ ставки, съ уздами; (въ) углу куль соломы. Полковникъ самъ своей рукой чинилъ свое сѣдло, когда вошли къ нему писарь и есаулъ.

— Здравствуйте, панове, мои вѣрные, мои добрые товарищи! Вотъ вамъ приказъ: Не пускать далеко на попасъ, потому что Татарва теперь рыскаетъ по степямъ.... Да чтобъ козаки не стрѣляли по дорогамъ дрофъ и гусей, потому что и порохъ избавятъ даромъ..... Сухари да вода, то козацкая ѣда..... Да смотрите оба, чтобы все было какъ слѣдуетъ.... вчера я видѣлъ, какъ козакъ кланялся что-(то) слишкомъ часто (на) конѣ. Я хотѣлъ было протрезвить его, да жаль было заряда: у меня пистолетъ былъ зараженъ хорошимъ порохомъ.«

Пропустя страницу, на оборотѣ листа, опять начало какого-то разсказа, а именно:

»Я знаю одного чрезвычайно замѣчательнаго человѣка. Фамилія его была Рудокоповъ и дѣйствительно отвѣчала занятіямъ, потому что казалось — къ чему ни притрогивался онъ, все то обращалось въ деньги. Я его еще помню, когда онъ имѣлъ только 20 душъ крестьянъ да сотню десятинъ земли и ничего больше, когда онъ еще принадлежалъ....« И только.

Черезъ листъ, небольшая выписка о Платонѣ, греческомъ философѣ

Черезъ два листа, повѣсть »Старосвѣтскіе Помѣщики«, прерванная на словахъ: »Онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы лились какъ рѣка.« Эскизъ свиданія автора съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ и смерти бѣднаго старика набросанъ, строкахъ въ пятнадцати, на лоскуткѣ бумаги и вложенъ въ книгу.

Далѣе листъ вырванъ, а потомъ: »А поворотись, сынку!« и вся, до конца, повѣсть »Тарасъ Бульба«, какъ она появилась въ первомъ изданіи. Она оканчивается такъ же, какъ и въ печати, но въ черновой рукописи нѣтъ предпослѣдняго періода: »Немалая рѣка Днѣстръ...« Видно, что эта повѣсть-поэма написана Гоголемъ очень быстро. Онъ остановился только на сценѣ свиданія Андрія съ дочерью воеводы въ осажденномъ городѣ. Здѣсь Гоголь запнулся на словахъ: »Клянусь Богомъ и всѣмъ, что̀ есть на небѣ«, потомъ оставилъ полулистъ про-

бѣлу и началъ на оборотѣ слѣдующую за тѣмъ главу. Видно, что эта, слабѣйшая часть повѣсти долго ему не давалась.

На оборотѣ страницы, заключившей »Тараса Бульбу«, начата повѣсть »Вій«. Окончаніемъ ея заняты послѣдніе листы книги. Четвертая книга наполнена съ двухъ концовъ. Съ одного вписаны въ нее статьи: »О Движеніи русской Журналистики«, »Москва и Петербургъ« и нѣсколько рецензій для Пушкинскаго »Современника«; съ другого — комедія »Ревизоръ«.

Чтобы дать понятіе, до какой степени сгущалъ Гоголь строки своего мелкаго почерка въ черновыхъ повѣстяхъ, скажу, что весь »Тарасъ Бульба« помѣстился у него на шестнадцати, а »Старосвѣтскіе Помѣщики«, до упомянутаго выше мѣста — на четырехъ полулистахъ.

Въ одной изъ этихъ черновыхъ книгъ, именно въ первой, остались слѣды вырѣзанныхъ листовъ. Можно догадываться, что на этихъ-то листахъ написано, въ видѣ эскиза, начало историческаго романа, найденное въ чемоданѣ Гоголя, остававшемся съ давнихъ поръ въ квартирѣ Жуковскаго за границею. Въ этомъ убѣждаютъ сходство почерка и бумаги, а всего больше соотвѣтственность краевъ рукописи съ остатками полулистовъ въ корню книги. Судя по неконченнымъ главамъ этого сочиненія и по нѣкоторой безпорядочности повѣствованія, видно, что Гоголь поспѣшилъ набросать только главныя мысли и образы, занявшія его фантазію, оставляя развитіе и связь ихъ до другого времени. Потомъ, видя, вѣроятно, что, безъ хорошо обдуманнаго плана, ему не совладать съ предметомъ, прекратилъ трудъ свой. Однакожъ, въ надеждѣ обработать сюжетъ впослѣдствіи, взялъ съ собою брульонъ за границу, вырѣзавъ его изъ книги для удобнѣйшей перевозки съ мѣста, на мѣсто. Но, какъ »Мертвыя Души«, развиваясь болѣе и болѣе въ умѣ его, поглотили наконецъ всю его дѣятельность, то онъ позабылъ о своемъ эскизѣ, и, можетъ быть, только этому забвенію мы обязаны тѣмъ, что набросокъ начатаго романа, уцѣлѣлъ отъ сожженія, которому авторъ »Мертвыхъ Душъ« предалъ, въ разныя времена, не одну свою рукопись (¹).

(¹) Пьеса эта напечатана въ шестомъ томѣ »Сочиненій Гоголя«, недавно изданномъ Н. П. Трушковскимъ.

Здѣсь кстати упомянуть еще о двухъ отрывкахъ или приступахъ къ повѣстямъ, найденныхъ вмѣстѣ съ этимъ эскизомъ и принадлежащихъ, по всѣмъ признакамъ, къ одной съ нимъ эпохѣ литературной жизни Гоголя. Видно, съ ними связаны были, въ головѣ автора, увлекательные вымыслы, если онъ захватилъ ихъ съ собой за границу, и, вѣроятно, только »Мертвыя Души« не дали ему довести этихъ неясныхъ поэтическихъ грезъ до полныхъ созданій. При всей своей краткости, они живо рисуютъ эпоху петербургской жизни Гоголя; въ нихъ, сквозь вымышленныя обстоятельства, ясно высказывается исторія его тогдашнихъ наблюденій и, можетъ быть, опытовъ. По крайней мѣрѣ мнѣ показалось, что тутъ больше непосредственной копировки съ натуры, нежели художественнаго свода разновременныхъ впечатлѣній, и потому я включаю ихъ въ свой сборникъ, какъ записки Гоголя о самомъ себѣ (1).

1.

»Дождь былъ продолжительный, сырой, когда я вышелъ на улицу. Сѣродымное небо предвѣщало его надолго. Ни одной полосы свѣта. Ни въ одномъ мѣстѣ, нигдѣ не разрывалось сѣрое покрывало. Движущаяся сѣть дождя задернула (2) почти совершенно все, что̀ прежде видѣлъ глазъ, и только одни передніе домы (3) мелькали будто сквозь тонкій газъ (4); еще тусклѣе надъ ними балконъ (5); выше его еще этажъ, наконецъ крыша готова была потеряться въ дождевомъ туманѣ, и только мокрый блескъ ея отличался немного отъ воздуха. Вода урчала съ трубъ; на тротуарахъ лужи....

»Чортъ возьми, люблю я это время! Ни одного зѣваки на улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, что(бъ) посмотрѣть на сапоги ваши, на штаны, на фракъ, или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для того, чтобы осмотрѣть задній фасадъ вашъ. Теперь раздолье мнѣ закутываться крѣпче въ свой плащъ....

---

(1) Внизу страницъ обозначены у меня помарки.

(2) Близь и даль непроницаемымъ полотномъ, между тѣмъ какъ. — (3) обвиты были. — (4) выше ихъ. — (5) еще.

»Какъ удираетъ этотъ (1) любезный молодой человѣкъ, съ личикомъ (2), которое можно упрятать въ дамскій ридикюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и заглядѣнье Невскаго Проспекта. Крѣпче его, крѣпче, дождикъ! пусть онъ вбѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой.

»А! вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ, поднявши платье (3), далѣе чего нельзя поднять, не нарушивъ послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чиновн(икъ) — — запустилъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагѣ трепещущихъ ногъ (4)... О, это таковскій народъ! Они большіе бестіи, эти чиновники, ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ дождь, снѣгъ, ведро, всегда эта амфибія на улицѣ. Его воротникъ, какъ хамелеонъ, мѣняетъ свой цвѣтъ (5) каждую минуту отъ температуры; но онъ самъ неизмѣненъ, какъ его (6) канцелярскій порядокъ (7).

»На встрѣчу русская борода, купецъ въ синемъ, нѣмецкой работы, сюртукѣ, съ таліей на спинѣ, или лучше сказать на шеѣ (8). Съ какою купеческою ловкостью держитъ онъ зонтикъ, надъ своею половиною! Какъ тяжело пыхтитъ эта масса мяса, обернутая въ капотъ и чепчикъ! Ее скорѣе можно причислить къ молюскамъ, нежели къ позвончатымъ животнымъ. Сильнѣе дождикъ, ради Бога, сильнѣе кропи его сюртукъ нѣмецкаго покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиковъ и подушекъ! Боже, какую адскую струю они оставили послѣ себя въ воздухѣ изъ капусты и луку! Кропи ихъ, дождикъ, за все: за (9) наглое безстыдство плутоватой бороды, за жадность къ деньгамъ, за бороду, полную насѣкомыхъ, и сыромятную жизнь сожительницы... Какой вздоръ! ихъ не пройметъ — — что же можетъ сдѣлать дождь?

---

(1) Длинный франтъ. — (2) меньше порядочнаго яблока. — (3) до тѣхъ поръ, какъ. — (4).... выпуклостей ноги (точки здѣсь поставлены на мѣстѣ двухъ не прочитанныхъ словъ, которыя, вмѣстѣ съ двумя прочитанными отнесены, къ помаркамъ, такъ какъ составляютъ ненужное повтореніе). — (5) отъ. — (6) вицмундиръ. — (7) и ловитъ. Но Боже! — (8) Какъ ловко. — (9) мошенничество безстыдной.

»Но какъ бы то ни было, только такого дождя давно не было. Онъ (¹) увеличился и, перемѣни(въ) косвенное свое направленіе, сдѣлался прямой (²), (съ) шумомъ хлынулъ въ крыши, мостовую, какъ (бы) желая вдавить еще ниже этотъ болотный городъ. Окна въ (домахъ) захлопнулись. Головы съ усами и трубкою (³), долѣе всѣхъ глядѣвшія (на улицу), спрятались; даже сѣрый рыцарь, съ алебардою и завязанною щекою, убѣжалъ въ будку.«

2.

»Фонарь умиралъ на одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова (⁴). Одни только бѣлые (⁵) каменные домы кое-гдѣ вызначивались. Деревянные чернѣли и сливались съ густою массою мрака, тяготѣвшаго надъ ними. Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда все чувствуетъ 12 часовъ, когда отдаленный бутошникъ спитъ, когда кошки, однѣ безсмысленныя кошки спѣвываются и бодрствуютъ, но человѣкъ знаетъ, что онѣ не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ атакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулка, который распростеръ къ нему свои мрачныя объятья!

»Но проходившій въ это время пѣшеходъ ничего подобнаго не имѣлъ въ мысляхъ. Это былъ не изъ обыкновенныхъ въ Петербургѣ пѣшеходовъ. Онъ былъ не чиновникъ, не русская борода, не офицеръ и не нѣмецкій ремесленникъ. Существо внѣ гражданства столицы, это былъ пріѣхавшій изъ Дерпта студентъ (⁶), готовый на всѣ должности, но еще (⁷) покамѣсть ничего, кромѣ студентъ, занявшій полъ-угла въ Мѣщанской, у сапожника Нѣмца. Но обо всемъ этомъ послѣ. Студентъ, который въ этомъ чинномъ городѣ былъ тише воды, безъ шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался подъ домами, отбрасывая отъ себя самую огромкую тѣнь, головою терявшуюся въ мракѣ.

»Все, казалось, умерло ночью (безъ) огня. Ставни были закрыты. Наконецъ (⁸), подходя къ Большому Проспекту, особенно остановилось

(¹) къ сталъ. — (²) утрамъ сильно. — (³) спрятались. (⁴) Низенькіе домики, то каменные. — (⁵) то черные. (⁶) на факультеты (это слово: *на факультеты* не зачеркнуто Гоголемъ, но оно лишнее, по смыслу). — (⁷) незанявшій. — (⁸) одинъ.

его вниманіе на одномъ домѣ. Тонкая щель въ ставнѣ, свѣтившаяся огненною чертою, невольно привлекала (его) и заманила заглянуть. Прильнувъ къ ставнѣ и приставивъ глазъ къ тому мѣсту, гдѣ щель была пошире, (онъ засмотрѣлся) и задумался.

»Лампа блистала въ голубой комнатѣ. Вся она была завалена разбросанными штуками матерій. Газъ (1), почти невидимый, безцвѣтный, воздушно висѣлъ на ручкахъ креселъ и тонкими струями, какъ льющійся водопадъ, падалъ на полъ(2). Палевые цвѣта, на бѣлой шелковой, блиставшей блескомъ серебра матеріи, свѣтились изъ-подъ газа. Около дюжины шалей, легкихъ и мягкихъ какъ пуховыя, съ цвѣтами, совершенно живыми, сомятыя, были брошены на полу. Кушаки, золотыя цѣпи висѣли на взбитыхъ до потолка облакахъ батиста. Но болѣе всего занимала студента стоявшая въ углу комнаты стройная женская фигура(3)... Сколько поэзіи для студента въ женскомъ платьи! (4)... Но бѣлый цвѣтъ — (ни) съ чемъ нѣтъ сравненія(5).... Какія искры пролетаютъ по жиламъ, когда блеснетъ среди мрака бѣлое платье! Я говорю среди мрака, потому что все тогда кажется мракомъ (6). Всѣ чувства переселяются тогда въ запахъ, несущійся отъ него, и въ едва слышный, но музыкальный шумъ, производимый имъ. Это самое высшее и самое сладострастнѣйшее сладострастіе. И потому студентъ нашъ, котораго всякая горничная (7), (которая) шла по улицѣ, кидала въ ознобь, который не зналъ прибрать имени женщинѣ, — пожиралъ глазами чудесное видѣніе (8), которое, стоя (9) съ наклоненною на сторону головою, охваченною досад-

(1) самый воздушный. — (2) Оранжевые. — (3) Женская что̀ можетъ быть болѣе имѣть для студента. (Слѣдующихъ словъ Гоголь, вѣроятно, позабылъ зачеркнуть или дополнить такими словами, которыя бы давали имъ связный смыслъ:) Все для студента въ чудесно-очаровательномъ, въ ослѣпительно-божественномъ платьи (зачеркнуто: *костюмъ*), въ самомъ прекраснѣйшемъ бѣломъ, какъ.... Дышетъ это платье (зачеркнуто: *какъ*). — (4) Какой цвѣтъ, что̀ можетъ быть жарче, пронзительнѣе бѣлаго цвѣта? (Слѣдующія далѣе этого слова̀ не зачеркнуты Гоголемъ, но смыслъ ихъ теменъ:) Но бѣлой цвѣтъ съ чѣмъ нѣтъ сравненія. Женщина выше женщины въ бѣломъ (зачеркнуто *платьи*). Она царица. Видѣніе (зачеркнуто: *мечта*) (нѣ)что похоже на смаую гармоническую мечту. Женщины чувствуютъ это, и потому (зачеркнуто: *не всегда*) въ смѣлыя минуты преображаются въ бѣлаго. — (5) Все тогда. — (6) все тогда. — (7) дѣвка. — (8) платье. — (9) въ съ взо поворотя.

ною тѣнью, наконецъ поворотило прямо противъ него ослѣпительную бѣлизну лица и шеи съ китайскою прическою. Глаза, неизяснимые глаза, съ бездною души (¹).... обворожительно- (²) бархатныя брови были невыносимы для студента.

»Онъ задрожалъ и тогда только увидѣлъ другую фигуру, въ черномъ фракѣ, съ самымъ страннымъ профилемъ. Лице, въ которомъ нельзя было замѣтить ни одного угла, но вмѣстѣ съ симъ оно назначалось легкими, округленными чертами. Лобъ не опускался прямо къ носу, но былъ совершенно покатъ, какъ ледяная гора для катанья. Носъ былъ продолженіемъ его — великъ и тупъ. Губы... только верхняя выдвинулась гораздо далѣе. Подбородка совсѣмъ не было. Отъ носа шла діагональная линія до самой шеи. Это былъ треугольникъ, вершина котораго находилась въ носѣ. Лица, которыя болѣе всего выражаютъ глупость.«

Гоголь исполнилъ обѣщаніе, данное земляку и другу въ письмѣ отъ 20 іюля 1835 года: онъ посѣтилъ его въ Кіевѣ, на пути въ столицу, и прожилъ у него около пяти сутокъ. Г. Максимовичъ занималъ тогда квартиру въ домѣ Катеринича, на Печерскѣ (³). Отсюда Гоголь отправлялся въ разныя прогулки по Кіеву и его окресностямъ, въ сопровожденіи г. Максимовича или кого-нибудь изъ товарищей по Нѣжинской Гимназіи, служившихъ съ Кіевѣ. На лаврской колокольнѣ, откуда открывается обширная панорама гористаго Кіева и его окрестностей, можно видѣть собственноручною его надпись. Онъ долго просиживалъ на горѣ у церкви Андрея Первозваннаго и разсматривалъ видъ на Подолъ и на днѣпровскіе луга. Въ то время въ немъ еще не было замѣтно мрачнаго сосредоточенія въ самомъ себѣ и сокрушенія о своихъ грѣхахъ и недостаткахъ; онъ былъ еще живой и даже немножко вѣтренный юноша. У г. Максимовича хранятся циническія пѣсни, записанныя Гоголемъ въ Кіевѣ отъ знакомыхъ и относящія къ нѣкоторымъ кіевскимъ мѣстностямъ. Безотчетная

(¹) надъ стройно поднятыми (сверху надъ этими двумя словами что-то написано, но нельзя прочитать). — (²) (Между словами: *обворожительно* и *бархатныя* не прочитано одно слово.)

(³) Недалеко отъ стараго Никольскаго монастыря съ одной и Царскаго сада съ другой стороны.

склонность его къ юмору, которой онъ только въ послѣдствіи далъ опредѣленное направленіе, ни въ чемъ не находила столько пищи, какъ въ этомъ — весьма обширномъ — отдѣлѣ малороссійской народной поэзіи...

Здѣсь кстати сдѣлать аналогію между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. Никто изъ современныхъ писателей русскихъ и иностранныхъ не бросалъ на жизнь такого груснаго взгляда, какъ Гоголь. Самъ Байронъ слабѣе его чувствовалъ паденіе натуры человѣческой. Гордый своими достоинствами Англичанинъ раздражался ничтожествомъ ближняго или общественными пороками. Гоголь, напротивъ, съ смиреніемъ христіанина, сознавалъ на своей душѣ ужасавшіе его отпечатки соприкосновеній съ людьми, которые его окружали, и страдалъ отъ своего дара измѣрять глубину бездны, въ которую онъ былъ повергнутъ (¹). Его сердечные вопли были вопли души, низринутой въ адъ съ высоты самообольщенія и очнувшейся посреди грѣховныхъ страшилищъ. Невозможно взять ноты, болѣе грустной, какія онъ бралъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрите, съ какимъ дѣтскимъ увлеченіемъ предавался онъ самой беззаботной веселости, даже и не въ первые періоды своей жизни, — даже и тогда, когда онъ смѣялся уже горькимъ смѣхомъ. То не было, однакожъ, въ немъ признакомъ довольства жизнью и собою: онъ никогда не бывалъ доволенъ, ни собой, ни другими вполнѣ; съ школьной скамейки онъ уже возставалъ противъ того, чтò онъ называлъ тогда »корою земности и ничтожнаго самодоволія«, которыя подавляли въ его ближнихъ »высокое назначеніе человѣка«, и это безпокойное чувство было залогомъ постояннаго развитія его духа. То было инстинктивное побужденіе природы — вознаграждать утрату главнаго элемента жизни, сердечной веселости, смѣхомъ, проистекающимъ извнѣ человѣка и замѣняющимъ для нашего сердца только въ слабой степени тотъ животворный смѣхъ, которымъ смѣется

(¹) »Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ — говоритъ онъ въ своемъ »Завѣщаніи« — но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. *Страшна душевная чернота*, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ предъ глазами?« (»Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«, стр. 9.)

ребенокъ, или неопытная дѣвушка, невкусившая въ жизни еще никакой отравы. То была строгая необходимость отдыха и забытья для тяжко напряженной нравственной жизни.

Если мы предложимъ себѣ вопросъ: откуда въ Гоголѣ явился такой оригинальный строй духа; если мы пройдемъ вверхъ по теченію его жизни, станемъ разсматривать всѣ сильныя вліянія, которымъ онъ подвергался въ разные ея моменты; станемъ доискиваться, не встрѣчалъ ли онъ когда либо чего-нибудь однороднаго съ тономъ и складомъ своего творчества: то ни его сближеніе съ такими поэтами, какъ Пушкинъ и Жуковскій, ни изученіе твореній Гомера, Шекспира, Шиллера и Вальтера Скотта, отпечатлѣвшееся на его сочиненіяхъ, ни положеніе его въ школѣ, посреди немногихъ друзей и, такъ называемыхъ имъ, »существователей«, ни домашняя жизнь въ Яновщинѣ, гдѣ онъ, по собственнымъ словамъ, былъ »окруженъ съ утра до вечера веселіемъ«, ни внушенія отца, ни любовь матери, ни неизбѣжное баловство со стороны такихъ »кроткихъ, безхитростныхъ душъ«, каковы были подлинники его Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, — ничто это, по крайнему моему разумѣнію, не должно было назнаменовать въ его душѣ тотъ дивный путь, которымъ пошелъ его природный геній. Гораздо ранѣе разумнаго сознанія своихъ ощущеній подвергнулся онъ вліянію, которое дѣйствуетъ на поэтическую душу сильнѣе, нежели что-либо впослѣдствіи, и даетъ ей неизмѣнное направленіе. То была народная поэзія племени, котораго нравственныя свойства въ такой полнотѣ отразила въ себѣ Гоголева натура.

»Я думаю (говоритъ Вальтеръ Скоттъ, описывая свое дѣтство), что дѣти получаютъ могущественныя и важныя для ихъ послѣдующей жизни побужденія, слушая такія вещи, которыхъ они не въ состояніи вполнѣ понимать« (¹), и оправдываетъ это глубокомысленное замѣчаніе изложеніемъ весьма раннихъ вліяній, которымъ онъ былъ обязанъ господствующимъ направленіемъ своего генія.

Зная, какъ развивался въ дѣтствѣ шотландскій бардъ, зная, что̀ всего прежде, всего рѣшительнѣе и всего могущественнѣе увлекало его

(¹) Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, by Lockhart. Paris, 1838; vol. I, p. 14.

поэтическую душу, и даже находя между нимъ и Гоголемъ много общаго въ энтузіазмѣ, съ которымъ тотъ и другой предавались изученію своей національной поэзіи, въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ [1], я не безъ основанія буду утверждать, что голоса украинскихъ пѣсень, поражавшіе слухъ Гоголя еще въ колыбели, и содержаніе ихъ, рано сдѣлавшееся для него доступнымъ въ общемъ своемъ характерѣ, дали еще неподвижному зародышу его творчества характеръ трагической грусти и лирическаго смѣха, развившійся впослѣдствіи до такой поразительной силы. Ибо ни у одного народа пѣсня не выходитъ изъ такой мрачной душевной глубины, какъ у Малороссіянъ, и ни одно племя на землѣ не способно, послѣ горькаго плача, послѣ разрывающаго сердце отчаянія, смѣяться такимъ всепобѣждающимъ смѣхомъ, какимъ смѣются они въ своихъ комическихъ и саркастическихъ пѣсняхъ. Переходъ отъ горести къ смѣху и отъ смѣха къ горю въ ихъ поэзіи и натурѣ такъ быстръ и такъ естественъ, что вся ихъ жизнь похожа на мрачную ткань, затканную блестящимъ шолкомъ, который, рисуя на одной сторонѣ яркіе цвѣты, тою же ниткою выражаетъ на оборотѣ, по сіяющему полю, траур-

---

[1] Вотъ какъ разсказываетъ Вальтеръ Скоттъ, въ своей автобіографіи, о своей страсти къ народнымъ пѣснямъ:

»Въ числѣ важныхъ умственныхъ пріобрѣтеній этого времени (т. е. когда ему было тринадцать лѣтъ) было то, что я узналъ »Памятники старинной Поэзіи«, епископа Перси. Такъ какъ я съ самого дѣтства пристрастился къ легендному складу идей, и только по скудости матеріаловъ и грубости тѣхъ, которые были у меня въ рукахъ, отрывался отъ легендъ къ другимъ умственнымъ удовольствіямъ, то можно вообразить, но нельзя описать, съ какимъ восторгомъ я увидѣлъ пьесы, подобныя тѣмъ, которыя были забавою моего дѣтства и все еще оставались втайнѣ Далидою моего воображенія.... Лѣтній день проходилъ для меня такъ быстро, что, несмотря на свѣжій аппетитъ тринадцати-лѣтняго возраста, я забылъ объ обѣдѣ; меня принялись искать съ безпокойствомъ и нашли пресыщающагося умственной моей трапезою.... Съ тѣхъ поръ я надоѣлъ своимъ школьнымъ товарищамъ и всѣмъ, кому была охота меня слушать, трагическими выдержками изъ балладъ епископа Перси. Я воспользовался первою возможностью скопить нѣсколько шиллинговъ, которые попадали въ мои руки не очень часто, чтобы пріобрѣсть собственный экземпляръ этой безцѣнной книги, и не думаю, чтобы какую-либо книгу читалъ я въ половину такъ часто и съ такимъ увлеченіемъ.« (Ibid., vol. I, pp. 21 — 22.)

ные узоры. Отсюда происходитъ, что »подъ видимымъ смѣхомъ« у Гоголя всегда »скрываются незримыя, невѣдомыя міру слезы« (¹), а по мрачной ткани его фантазіи вездѣ разсыпаны сверкающіе цвѣты восторга и яснаго, сердечнаго хохота.

X.

Любовь къ Нѣжинскому Лицею (письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому). — Письма къ М. С. Щепкину о постановкѣ »Ревизора«. — Внутреннія страданія комика. — Причины выѣзда за границу.

Странныя бываютъ противорѣчія въ поступкахъ человѣческихъ: не всегда мы дѣлаемъ то, чего слѣдовало бы ожидать отъ главныхъ условій нашей натуры, и часто ничтожныя обстоятельства или препятствія отклоняютъ насъ отъ исполненія драгоцѣнныхъ для сердца намѣреній. Такъ Гоголь, на возвратномъ пути изъ Кіева, хотѣлъ побывать въ Нѣжинскомъ лицеѣ, который былъ дорогъ для него по первымъ дружескимъ связямъ въ жизни, по первымъ, еще темнымъ и неуловимымъ для слова, поэтическимъ понятіямъ, — хотѣлъ, и не побывалъ. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому онъ прекрасно жалуется на самаго себя за этотъ проступокъ сердца и двумя-тремя словами озаряетъ весь моментъ тогдашняго своего существованія.

»21 февраля, 1836. Спб.

»Мы съ вами, Николай Даниловичъ, кажется, рѣшились вовсе прекратить всякія сношенія и переписку. Богъ знаетъ, кто изъ насъ виноватъ. Можетъ быть, и мнѣ прежде слѣдовало писать къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ нужно съ той и другой стороны подобную ошибку всегда поправлять, — тѣмъ болѣе, что между нами, какъ между людьми вовсе не чиновными и не чинящимися, слово *поздо* не имѣетъ въ себѣ никакого неприличія и доказываетъ только благородную нашу наклонность къ лѣни.

(¹) »Мертвыя Души«, стр. 254.

»Прежде всего, каково здоровье ваше? потомъ, какъ ваши обстоятельства? О второмъ вопросѣ я интересуюсь потому, (что) здѣсь пронеслись слухи, которые я желалъ бы со всѣмъ участіемъ моего сердца, чтобы были ложны. Говорятъ, что вашъ домъ сгорѣлъ. Мнѣ очень непріятно было слышать объ этомъ, зная, какъ вамъ дорого отцовское гнѣздо ваше. Вы, сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ. Еще занеслись для меня другія вѣсти, также очень, очень непріятныя для меня, будтобы сгорѣлъ Нѣжинской лицей. Признаюсь, оно такъ меня огорчило, какъ не огорчило бы извѣстіе о сгорѣвшемъ моемъ собственномъ отцовскомъ домѣ. И когда я вспомнилъ, какъ безжалостно поступила со мною судьба, или, можетъ, какое нибудь предопредѣленіе, или, можетъ быть, я самъ, — но не тотъ я, который я есть во глубинѣ души моей, но я, раздосадованный дорожными (непріятностями), разсерженный станціонными смотрителями; то, признаюсь, невыразимый упрекъ кипитъ во мнѣ. И, какъ нарочно, какое было тогда прекрасное утро! одно изъ тѣхъ самыхъ, которыя принадлежатъ невозвратной нашей юности. Я и у васъ былъ послѣ того смутенъ и не съ такою ясностью васъ встрѣтилъ. Вы увѣдомите меня поскорѣе; можетъ быть, это неправда, и страшный Лемносскій пожаръ породилъ всю эту длинную исторію пожаровъ только на словахъ.

»Извѣстите о томъ, чтó новаго въ вашей сторонѣ. Наши всѣ ведутъ себя довольно хорошо и не перемѣнились ни въ чемъ. Божко рѣшился наконецъ совершенно углубиться въ бездну мудрости и солидной, акуратной жизни. Всё проситъ читать книгъ, и хотя еще ничего не прочиталъ, но со временемъ успѣетъ. Картъ совершенно не беретъ въ руки; только два раза, когда я зашелъ къ нему, онъ пунтировалъ, но и то проигралъ не больше, какъ рублей четыреста. Шаржинскій, какъ вамъ извѣстно, навостряетъ лыжи въ Радзивилъ почтмейстеромъ и, вѣроятно, скоро удеретъ оттуда опять въ Петербургъ, если только какая-нибудь Полька не сядетъ верхомъ на его синія очки. Р*** женился на одной вдовѣ, вояжировавшей въ Италію, изъ которой можетъ выйти четыре Р*** и которая едвали не старше еще и его лѣтами. Симоновскій попрежнему обыкновенно рѣшительно недоволенъ всѣмъ. Данилевскій вамъ кланяется; Прокоповичъ то же; нижеподписавшійся то же.

»Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе съиграна, что̀, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Солениkъ. Не имѣете ли вы какихъ-нибудь о немъ извѣстій? и, если вамъ случится встрѣтить его гдѣ-нибудь, нельзя ли какъ-нибудь уговорить его ѣхать сюда? Скажите, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. Рѣшительно комическій талантъ. Если же вамъ не удастся видѣть его, то, можетъ быть, вы получите какое-нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и куда адресовать къ нему.«

Возвратясь осенью 1835 года въ Петербургъ, Гоголь почувствовалъ сильнѣе прежняго необходимость поправить свое здоровье въ тепломъ климатѣ и началъ готовиться къ путешествію на Кавказъ или въ другой подобный край заблаговременно. Второе изданіе »Вечеровъ на Хуторѣ« и постановка на сцену »Ревизора« доставили ему къ тому средства. Но кто бы могъ думать, что авторъ такой смѣшной (я не говорю: веселой) комедіи, какъ »Ревизоръ«, страдалъ отъ нея не только во время ея представленія, но и задолго до него? Причины его страданій объяснить трудно. Довольно, впрочемъ, сказать, что онъ самъ ставилъ на сцену свою комедію и усиливался образовать для нея актеровъ: подвигъ, требующій усилій продолжительныхъ и авторитета непреложнаго. До какой степени удались ему его хлопоты, видно отчасти изъ слѣдующихъ писемъ его къ М. С. Щепкину и изъ »Письма къ одному литератору« (А. С. Пушкину), напечатаннаго имъ впослѣдствіи (съ сокращеніями) въ приложеніяхъ къ »Ревизору«. Помѣщаю ихъ одно за другимъ, въ хронолочическомъ порядкѣ.

1.

»1836, Спб. Апрѣля 29.

»Наконецъ пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаилъ Семеновичъ. Едва ли, сколько мнѣ кажется, это не въ первый разъ происходитъ. Явленіе точно замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ наконецъ рѣшают-

ся изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ »Ревизора«. Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ къ лѣнивцу 1-й гильдіи и безпутнѣйшему человѣку въ мірѣ, П***, чтобы онъ увѣдомилъ васъ; хотѣлъ даже посылать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственногласно, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя — я знаю — чрезвычайно трудно послѣ искоренить, но — — я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо. — — — Мочи нѣтъ. Дѣлайте что̀ хотите съ моею піэсою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піэсу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибы не высокое заступничество Государя, піэса моя не была бы ни за что̀ на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что̀ значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истинны — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что̀ же было бы, еслибы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью.

»Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ, подъ заглавіемъ »Женитьба«, я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путнее. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что̀, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу. Самъ же черезъ мѣсяца полтора, если не раньше, ѣду за границу, и потому совѣтую вамъ, если имѣется ко мнѣ надобность, не медлить вашимъ отвѣтомъ и меньше предаваться нашей общей пріятельницѣ, лѣни.«

2.

»1836, мая 10. Спб.

»Я забылъ вамъ, дорогой Михаилъ Семеновичъ, сообщить кое-какія замѣчанія предварительныя о »Ревизорѣ.« Во первыхъ, вы должны непремѣнно, изъ дружбы ко мнѣ, взять на себя все дѣло постановки ея. Я не знаю никого изъ актеровъ вашихъ, какой и въ чемъ каждый изъ нихъ хорошъ; но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, безъ сомнѣнія, должны взять роль городничаго: иначе она безъ васъ пропадетъ. Есть еще труднѣйшая роль во всей піэсѣ — роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нея артиста. Боже сохрани, (если) ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсъ театральныхъ! Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина. Вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, то есть, фраза или рѣченіе, есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому должны выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало-помалу разбирать; но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и чѣмъ далѣе — громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здѣсь была исполнена плохо, потому что для нея нуженъ рѣшительный талантъ. Жаль, очень жаль, что я никакъ не могъ быть у васъ. Многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ теперь мало спокоенъ духомъ, что врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ. Зато, по возвратѣ изъ-за границы, я намѣренъ основаться у васъ въ Москвѣ. Съ здѣшнимъ климатомъ я совершенно въ раздорѣ. За границей пробуду до весны, а весною къ вамъ. Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ. Я напишу къ нему, что распредѣленіе ролей я послалъ къ вамъ. Вы составьте записочку и подайте ему, какъ сдѣлано мною. Да еще — не одѣвайте Бобчинскаго и Добчинскаго въ томъ костюмѣ, въ какомъ они напечатаны: это ихъ одѣлъ X***. Я мало входилъ въ эти мѣлочи и при-

казалъ напечатать по театральному. Тотъ, который имѣетъ свѣтлые волоса, долженъ быть въ темномъ фракѣ, а брюнетъ, т. е. Бобчинскій, долженъ быть въ свѣтломъ. Нижнее — обоимъ темные брюки. Вообще, чтобы не было форсированья. Но брюшки у обоихъ должны быть непремѣнно, и притомъ остренькія, какъ у беременныхъ женщинъ. Покамѣсть прощайте. Пишите; еще успѣете. Ѣду не раньше 30 мая, или даже, можетъ, въ первыхъ іюня.«

3.

»(1834), Мая 15. Спб.

»Не могу, мой добрый и почтенный землякъ, никакимъ образомъ не могу быть у васъ въ Москвѣ. Отъѣздъ мой уже рѣшенъ. Знаю, что вы всѣ приняли бы меня съ любовью; мое благодарное сердце чувствуетъ это. Не хочу и я тоже съ своей стороны показаться вамъ скучнымъ и нераздѣляющимъ вашего драгоцѣннаго для меня участія. Лучше я съ гордостью понесу въ душѣ своей эту просвѣщенную признательность старой столицы изъ моей родины и сберегу ее какъ святыню въ чужой землѣ. Притомъ, еслибы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ, — во первыхъ, потому, что охладѣлъ къ ней; во вторыхъ, потому, что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики. Я знаю, что вы поймете въ ней все, какъ должно, и въ теперешнихъ обстоятельствахъ поставите ее даже лучше, нежели еслибы я самъ былъ. Я получилъ письмо отъ Сер. Ѳим. Аксакова тремя днями послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ, со вложеніемъ письма къ Загоскину. Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднѣе для васъ тѣмъ, что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противорѣчить, то мнѣ жаль, что я наложилъ на васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, то пусть остается такъ, какъ порѣшено. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Сер. Т., и скажите ему, что я умѣю понимать его радушное ко мнѣ расположеніе. — — Я дорогою буду сильно обдумывать одну замышляемую мною піэсу. Зимою въ Швейцаріи буду писать, а весною

причалю съ нею прямо въ Москву, и Москва первая будетъ ее слышать. — Мнѣ кажется, что вы сдѣлали бы лучше, еслибы піэсу оставили къ осени или зимѣ.«

Приведу теперь выписки изъ »Письма Гоголя къ одному литератору«.

»Ревизоръ съигранъ (говоритъ онъ), и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно.... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое.«

Далѣе:

»Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта? И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно. — Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся — и этотъ судья я былъ самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. — — — Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣла меня тоска. — — — Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего.«

Это было писано 25 мая 1836 года. Прочитавъ этотъ отрывокъ, каждый почувствуетъ, до какой степени душевныя силы поэта были истощены стараніями выразить своею комедіею непонятное для ея исполнителей и непріятными столкновеніями съ людьми, которые не знали цѣны его таланту и не щадили его сердца. Имъ овладѣла тоска, которую

долженъ былъ бы почувствовать каждый художникъ, обманувшійся въ своихъ гордыхъ надеждахъ, и тѣмъ сильнѣе она одолѣла его, что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 года сочиненій, трудами по службѣ и приготовленіями къ такимъ работамъ, какъ »Исторія Малороссіи« въ шести и »Исторія Среднихъ Вѣковъ« въ девяти томахъ. Ему необходимо было вырваться изъ своей сферы и искать спокойствія и исцѣленія вдали отъ отечества, среди нѣмыхъ для него племенъ, среди постороннихъ для него интересовъ, среди памятниковъ минувшаго времени, столь успокоительно говорящихъ поэтической душѣ (1), среди безсмертныхъ созданій кисти и рѣзца, среди вѣчной весны, которой онъ такъ жаждалъ, бывало, въ Петербургѣ и о которой писалъ къ своему другу въ Кіевъ: »Дай мнѣ ее одну, одну — и никого больше я не желаю видѣть!«

Такъ слѣдовало заключить о немъ изъ извѣстныхъ доселѣ внутреннихъ и внѣшнихъ его обстоятельствъ. Но, въ »Авторской Исповѣди« мы находимъ новое объясненіе, почему онъ оставилъ службу и удалился изъ Россіи, — объясненіе, неисключающее, однакожъ, ничего сказаннаго выше. Онъ говоритъ, что причиною этой поѣздки, кромѣ нѣкоторыхъ неріятностей, были задуманныя имъ тогда »Мертвыя Души« и что этотъ трудъ свой онъ считалъ прямою государственною службою (2).

Я увѣренъ, что многимъ, знавшимъ Гоголя лично, покажутся странными слова его. Они приведутъ въ недоумѣніе и тѣхъ, кто будетъ перечитывать заграничныя письма Гоголя, помѣщенныя далѣе въ моемъ »сборникѣ.« Припоминая его обыковенные разговоры, его саркастическія выходки и разные житейскіе дрязги, никто не скажетъ, чтобъ Гоголь въ своей поѣздкѣ за границу управлялся всего болѣе желаніемъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ не въ состояніи былъ показать себя на службѣ, то есть »гражданиномъ земли своей«; ибо онъ не любилъ обнаруживать даже и передъ близкими друзьями сокровеннѣйшихъ движеній души своей, и то, что̀ для него было всего священнѣе, онъ всего глубже таилъ въ сво-

(1) Вспомнимъ слова Гоголя въ письмѣ къ г. Максимовичу отъ 9 ноября 1833 года: »Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія.«

(2) »Авторская Исповѣдь«, стр. 260 — 261.

емъ сердцѣ (¹). Мало того: онъ почти всегда старался отклонить отъ своего тайника пытливый взоръ наблюдателя, посредствомъ одному ему свойственной проказливости. Потому-то многіе, передъ выѣздомъ его за границу, слышали отъ него только жалобы на сѣверный климатъ и на разныя непріятности въ сношеніяхъ съ холодными и тупыми людьми; нѣкоторые объясняли себѣ его удаленіе изъ Россіи неудачною привязанностью къ одной дѣвицѣ, — привязанностью, которая не могла бы ни къ чему привести его. Но никто ни прежде, ни послѣ его отъѣзда не могъ имѣть и въ помышленіи, чтобы на этотъ разъ государственная служба, какъ всегда, стояла впереди всѣхъ его дѣйствій.

Есть люди — и ихъ довольно много — которые, не находя возможности согласить въ умѣ противоположные, по видимому, поступки Гоголя въ разныя эпохи его жизни, полагаютъ, что онъ только впослѣдствіи начерталъ себѣ извѣстный планъ поведенія, и увѣрялъ себя и другихъ, что онъ никогда не чувствовалъ и не дѣйствовалъ иначе. Но вѣдь это же самое говорятъ и относительно его религіозности, опираясь на нѣсколькихъ словахъ, вырывавшихся у него изъ устъ въ минуты беззаботной веселости. А между тѣмъ онъ смертью своею доказалъ, что онъ былъ не только истинный христіанинъ, но и покорнѣйшій сынъ Православной Церкви.

Какъ, однакожъ, объяснить въ его характерѣ кажущіяся противорѣчія? Почему, напримѣръ, онъ, будучи глубоко цѣломудренъ въ душѣ, позволялъ себѣ иногда пѣсни и шутки вовсе нецѣломудренныя? почему, при своемъ уваженіи къ ученію Отцевъ Церкви, онъ иногда, въ припадкѣ веселости, какъ будто забывалъ о немъ? или какимъ образомъ, стоя на высотѣ христіанскаго смиренія, онъ точно подбиралъ себѣ кругъ друзей исключительно между богатыми и знатными?

Я за тѣмъ предлагаю эти вопросы, что они сильно занимали меня, пока я не выяснилъ себѣ личности Гоголя; ибо я не всегда питалъ къ не-

(¹) Это было въ немъ врожденнымъ инстинктомъ. Вспомнимъ отвѣтъ его матери на извѣстіе о смерти отца. «Я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ, однакожъ *не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ;* оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія.»

му тѣ чувства, съ которыми теперь начертываю исторію его внѣшней и внутренней жизни. Сомнѣнія, недоумѣнія, негодованіе на кажущуюся ложность его поступковъ, презрѣніе къ мнимой его надменности и кичливости и другія тягостныя и непріятныя чувства, которыя возбуждалъ Гоголь въ разныя времена своей жизни въ истинныхъ своихъ почитателяхъ, были и моими чувствами; и чѣмъ больше я цѣнилъ талантъ его, тѣмъ сильнѣе возставалъ въ душѣ противъ того, что̀ я называлъ тогда темными сторонами его характера. Даже въ то время, когда надъ его могилой раздавались еще свѣжія сожалѣнія и высказаны были нѣсколькими его друзьями искреннія ихъ убѣжденія касательно его человѣческой личности, духъ сомнѣнія не оставилъ меня, и я, изображая, въ краткомъ очеркѣ, его дѣтство, не хотѣлъ перейти за черту того, что̀ относится собственно къ его таланту, или къ тому возрасту, въ которомъ все извинительно.

Но когда передо мной открылись всѣ матеріалы для его біографіи, которые читатель найдетъ въ этой книгѣ, и я вошелъ въ болѣе близкія отношенія съ душою поэта, мои сомнѣнія и недовѣрчивость къ нему начали уступать мѣсто вѣрѣ въ искренность его убѣжденій и удивленію къ его постояннымъ усиліямъ возвыситься надъ самимъ собою.

Но убѣдятъ ли мои слова читателя, еще незнакомаго со всѣми извѣстными мнѣ обстоятельствами жизни поэта? Нѣтъ; даже объясненія, которыя сдѣлалъ бы я ему теперь на предложенные выше вопросы, не могутъ быть приняты имъ такъ, какъ они составились въ умѣ моемъ. Необходимо самому читателю пройти до конца испытующимъ умомъ всѣ проявленія характера и души Гоголя, сколько сохранено ихъ отъ забвенія въ этомъ сборникѣ, и, по мѣрѣ своей способности, анализировать столь высокій и трудный предметъ, составить себѣ собственныя убѣжденія. Я въ этомъ случаѣ имѣю передъ нимъ только преимущество первенства. Я былъ уже въ этомъ необыкновенномъ тайникѣ, я привелъ въ немъ кое-что въ порядокъ, чтобы каждый предметъ получилъ свою видимость; я составилъ объ немъ кой-какія замѣтки, которыя облегчатъ для другихъ изученіе предмета, и теперь предлагаю каждому войти въ этотъ тайникъ и вынести изъ него что̀ кто можетъ вынести.

Періодъ третій.

XI.

Гоголь за границей. — Письмо къ бывшей ученицѣ (поѣздка изъ Лозанны въ Веве). — Жизнь въ Римѣ. — Письмо къ П. А. Плетневу о римской природѣ. — Второе письмо къ ученицѣ (съ наброскомъ статьи »Римъ«). — Объясненіе побудительныхъ причинъ къ перепискѣ съ женщинами. — Воспоминанія А. О. С—ой о встрѣчѣ съ Гоголемъ за границею. — Чтеніе первыхъ двухъ главъ перваго тома »Мертвыхъ Душъ«. — Смерть Пушкина.

Съ выѣздомъ за границу начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по тѣмъ письмамъ, которыя находятся у меня въ рукахъ, явится читателю сперва дѣтски безпечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ все болѣе и болѣе сумрачнымъ и наконецъ загададно-торжественнымъ.

Мы войдемъ въ этотъ періодъ его жизни посредствомъ одного изъ самыхъ веселыхъ его писемъ, въ которомъ онъ разсказываетъ одной изъ своихъ петербургскихъ ученицъ о своемъ путешествіи изъ Лозанны въ Веве.

»Веве. Октября 12-го 1836.

»Хотя вы, милостивая государыня Марья Петровна, не изволили мнѣ описать вашего путешествія въ Антверпенъ и въ Брюссель, и хотя слѣдовало бы и съ моей стороны сдѣлать то же, но, не смотря на это, я рѣшаюсь описать вамъ путешествіе мое въ Веве, — во первыхъ, потому, что я очень благовоспитанный кавалеръ, а во вторыхъ, что предметы такъ интересны, что мнѣ было бы грѣхъ не писать о нихъ. Простившись съ вами — что̀, какъ вы помните, было въ исходѣ перваго часа — я отправился въ Hôtel du Faucon обѣдать. Обѣдало насъ три человѣка: я посреди; съ одной стороны почтенный старикъ Французъ съ перевязанною рукою и орденомъ, а съ другой стороны почтенная дама, жена его. Подали супъ съ вермишелями. Когда мы всѣ трое супъ откушали, подали намъ вотъ какія блюда: говядину отварную,

котлеты бараньи, вареный картофель, шпинатъ со шпигованной телятиной и рыбу средней величины къ бѣлому соусу. Когда я откушалъ картофель, который я весьма люблю, особливо когда онъ хорошо сваренъ, Французъ, который сидѣлъ возлѣ меня, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

»— Милостивый государь....

» Или нѣтъ, я позабылъ: онъ не говорилъ: »Милостивый государь«; онъ сказалъ:

»— Monsieur, je vous servis этою говядиною. Это очень хорошая говядина.

»На что я сказалъ:

»— Да, дѣйствительно, это очень хорошая говядина.

»Потомъ, когда приняли говядину, я сказалъ:

»— Monsieur, позвольте васъ попотчивать бараньей котлеткой.

»На что онъ сказалъ:

—» Съ большимъ удовольствіемъ. Я возьму котлетку, тѣмъ болѣе, что, кажется, хорошая котлетка.

»Потомъ приняли и котлетку, и поставили вотъ какія блюда: жаркое — цыпленка; потомъ другое жаркое — баранью ногу; потомъ поросенка, потомъ пирожное — компотъ съ грушами, потомъ другое пирожное — съ рисомъ и яблоками. Какъ только мнѣ перемѣнили тарелку и я ее вытеръ салфеткой, Французъ, сосѣдъ мой, попотчивалъ меня цыпленкомъ, сказавъ:

»— Puis-je vous offrir цыпленка?

»На что я сказалъ:

»— Je vous demande pardon. Monsieur, я не хочу цыпленка; я очень огорченъ, что не могу взять цыпленка; я лучше возьму кусокъ бараньей ноги, потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку.

»На что онъ сказалъ, что онъ точно зналъ многихъ людей, которые предпочитали баранью ногу цыпленку.

»Потомъ, когда откушали жаркое, Французъ, сосѣдъ мой, предложилъ мнѣ компотъ изъ грушъ, сказавъ:

»— Я вамъ совѣтую, monsieur, взять этого компота: это очень хорошій компотъ.

»— Да, сказалъ я, это точно очень хорошій капотъ. Но я ѣдалъ,

[продолжалъ я] компотъ, который приготовляли собственныя ручки княжны В* Н* Р*** и котораго можно назвать королемъ компотовъ и главнокомандующимъ всѣхъ пирожныхъ.

»На чтò онъ сказалъ:

»— Я не ѣдалъ этого компота, но сужу по всему, что онъ долженъ быть хорошъ, ибо мой дѣдушка былъ тоже главнокомандующій.

»На чтò я сказалъ:

»— Очень жалѣю, что не былъ знакомъ лично съ вашимъ дѣдушкою.

»На чтò онъ оказалъ:

»— Не стоитъ благодарностью.

»Потомъ приняли блюда и поставили десертъ. Но я, боясь опоздать къ дилижансу, попросилъ позволенія оставить столъ, на чтò Французъ, сосѣдъ мой, отвѣчалъ очень учтиво, что онъ не находитъ съ своей стороны никакого препятствія.

»Тогда я, взваливъ шинель на лѣвую руку, а въ правую взявъ дорожный портфель съ бѣлою бумагою и разною собственноручною дрянью, отправился на почту.

»Дорога отъ Фокона до почты вамъ совершенно извѣстна, и потому я не берусь ее описывать. Притомъ вы сами знаете, что предметовъ, которые бы слишкомъ поразили воображеніе, на ней очень, очень немного. Когда я пришелъ къ дилижансу, то увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что внутри кареты все было почти занято. Оставалось одно только мѣсто въ срединѣ. Сидѣвшіе дамы и мужчины были люди очень почтенные, но нѣсколько толсты, и потому я минуту предавался размышленію. »Хотя — подумалъ я — мнѣ здѣсь не будетъ холодно, если я усядусь »посрединѣ; но, такъ какъ я человѣкъ субтильный и тщедушный, то весьма можетъ быть, что они изъ меня сдѣлаютъ лепешку, покамѣсть я доѣ»ду до Веве.« Это обстоятельство заставило меня взять мѣсто на верху кареты. Мѣсто мое было такъ широко и покойно, что я нашелъ приличнымъ положить вмѣстѣ съ собою и мои ноги, за что, къ величайшему моему изумленію, не взяли съ меня ничего и не прибавили платы, чтò заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Такимъ образомъ помѣстясь лежа на каретѣ, я началъ разсматривать всѣ бывшіе по сторонамъ

виды. Горы чрезвычайно хороши, и почти ни одной не было такой, которая шла внизъ, но всё вверхъ. Это меня такъ изумило, что я ужъ и пересталъ смотрѣть на другіе виды. Но болѣе всего поразилъ меня гороховый фракъ сидѣвшаго со мной кондуктора. Я такъ углубился въ размышленіе, отчего одна половина его была темнѣе, а другая свѣтлѣе, что и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Веве. Мнѣ такъ понравилось мое мѣсто, что я хотѣлъ еще и больше полежать на верху кареты; но кондукторъ сказалъ, что пора сойти, на что̀ я сказалъ, что я готовъ съ большимъ удовольствіемъ.

»— Такъ пожалуйте мнѣ вашу ручку! сказалъ онъ.

»— Извольте, отвѣчалъ я.

»Съ кареты сходилъ я сначала лѣвою ногою, а потомъ правою; но, къ величайшему прискорбію вашему [потому что я знаю, что вы любите подробности], не помню, на которую спицу колеса ступилъ я ногою— на третью, или на четвертую. Если хорошо припомнишь всѣ обстоятельства, то, кажется, на третію; но опять если разсмотрѣть съ другой стороны, то представляется, какъ будто на четвертую. Впрочемъ, я вамъ совѣтую немедленно теперь же послать за кондукторомъ: онъ, вѣрно, долженъ знать; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что, если онъ выспится, то позабудетъ.

»По сошествіи съ кареты, отправился я къ набережной встрѣчать пароходъ. Это путешествіе могло бы доставить очень много пользы, особенно для молодыхъ людей, и, вѣроятно, развило бы прекрасно ихъ способности, еслибъ не было слишкомъ коротко, ибо оно продолжалось никакъ не больше одной минуты съ половиною. Изъ пассажировъ, бывшихъ на пароходѣ, не оказалось ни одной физіономіи русской, даже такой, на которой бы выстроенъ былъ хотя нѣмецкій городъ. Выгрузились три дамы, Богъ знаетъ какого происхожденія, два кельнера и три англиша съ такими длинными ногами, что насилу могли выйти изъ лодки. Вышедши изъ лодки, они сказали »гошъ« и пошли искать table d'hôte. Потомъ я пошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ сначала сидѣлъ на одномъ диванѣ, потомъ пересѣлъ на̀ другой, но нашелъ. что это все равно, — что если два равные дивана, то на нихъ рѣшительно сидѣть одинаково.

»Здѣсь оканчивается путешествіе. Все прочее, что̀ ни было, все

было незамѣчательно. Какъ вы хотите, но отвѣтъ вы непремѣнно должны написать мнѣ. Если вы затрудняетесь, какимъ образомъ писать, то я вамъ могу дать небольшой образецъ. Вы можете написать въ такомъ духѣ:

»Милостивый государь, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!

»Я имѣла честь получить почтеннѣйшее письмо ваше сего октяб-»ря... такого-то числа. Не могу выразить вамъ, милостивый государь, »всѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу. Я проливала слезы въ »сердечномъ умиленіи. Гдѣ обрѣли вы высокое искуество говорить такъ »понятно душѣ и сердцу? Стократъ, стократъ желала бы я имѣть искус-»ное перо, подобное вашему, чтобы быть въ возможности изливать та-»кими же словами признательную и разстроганную благодарность.«

»Потомъ вы можете написать: »Покорная къ услугамъ«, или »Готовая ко услугамъ«, или что-нибудь подобное, и письмо — я васъ увѣряю — будетъ хорошо.

»P. S. Еще одно, не въ штуку, весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу къ моей и упросите вашу маменьку пріѣхать сегодня же или завтра въ Веве, если не состоится ваша поѣздка въ Женеву. При свиданіи съ вами, я былъ глупъ, какъ швейцарскій баранъ, — совершенно позабылъ вамъ сказать о прекрасныхъ видахъ, которые нужно вамъ непремѣнно видѣть. Вы были въ Монтре и въ Шильонѣ, но не были близко. Я вамъ совѣтую непремѣнно сѣсть въ омнибусъ, въ которомъ очень хорошо сидѣть и который отправляется изъ вашей гостинницы въ семь часовъ утра. Вы поспѣете сюда къ завтраку, и я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; съ обѣихъ сторонъ горы, и нигдѣ почти намъ не нужно будетъ подыматься на гору. Мы будемъ идти прекраснѣйшею долиною, которая — я знаю — вамъ очень понравится. Усталости вы не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видомъ. Нужно, чтобы онъ былъ очень хорошъ. Здѣсь пообѣдаемъ, если вамъ будетъ угодно, въ часъ, или можете отправиться къ обѣду въ Лозанну. Во всякомъ случаѣ, если вамъ не противно будетъ, я опять провожу васъ до Лозанны.«

По хронологическому порядку, за этимъ письмомъ слѣдуетъ у меня

первое письмо Гоголя изъ-за границы къ П. А. Плетневу. Содержаніе его представляетъ такой разительный контрастъ съ веселою болтовнею разсѣяннаго путешественника, какъ сердечные крики поэта съ его комическими картинами. Это было письмо по случаю извѣстія о смерти Пушкина. Гоголь лишился въ Пушкинѣ совѣтника и сильнаго помощника въ исполненіи литературныхъ своихъ предпріятій. Мы знаемъ изъ »Переписки съ Друзьями« ([1]), что первыя главы »Мертвыхъ Душъ« читаны были уже Пушкину, а въ »Авторской Исповѣди« ([2]) говорится даже, что сюжеты »Ревизора« и »Мертвыхъ Душъ« даны были Гоголю Пушкинымъ. Слѣдовательно можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ »Тарасъ Бульба«, »Ревизоръ« и первая часть »Мертвыхъ Душъ«, вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что̀ дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина. Пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ ([3]). Я имѣю письмо его, писанное имъ къ П. А. Плетневу, отъ 16 марта 1838 года, изъ Рима, по случаю смерти Пушкина. Вотъ что̀ онъ пишетъ:

([1]) Стр 144. — ([2]) Стр. 258.

([3]) Когда были уже напечатаны (въ »Опытѣ Біографіи Гоголя«) эти строки, С. Т. Аксаковъ позволилъ мнѣ прочесть »Исторію его знакомства съ Гоголемъ«, написанную для храненія въ рукописи, и я, съ удивленіемъ, нашелъ въ ней о смерти Пушкина слѣдующія строки:

»Изъ писемъ самаго Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была для него эта потеря. Гоголь сдѣлался боленъ и духомъ, и тѣломъ. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно и что смерть Пушкина была одною изъ причинъ всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ.«

»Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу.... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!«

Гоголь жалуется въ этомъ письмѣ, что »былъ очень боленъ«, что »начинаетъ немного поправляться«, и говоритъ, что теперь только »установился на мѣстѣ«, а то »все шатался въ дорогѣ«. Изъ этого видно, что жизнь его собственно въ Римѣ началась около половины марта 1837 года. Нѣкоторые изъ русскихъ художниковъ, коротко знавшіе Гоголя въ этомъ городѣ, говорятъ, что онъ былъ скрытенъ и молчаливъ въ высшей степени. »Бывало (разсказываетъ г. Гаевскій (¹) со словъ этихъ художниковъ) отправится съ кѣмъ-нибудь бродить по сожженнымъ лучами солнца полямъ обширной Римской Кампаніи, пригласитъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣнія птицъ и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порывамъ неудержимой веселости и являлся такимъ, какъ представляютъ его себѣ, судя по произведеніямъ, всѣ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острота слѣдовала за остротою, и веселый смѣхъ его слушателей не умолкалъ ни на минуту. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ, онъ особенно любилъ историческаго живописца А. И. Иванова, которому посвятилъ одно изъ писемъ въ своей »Перепискѣ«, и который до сихъ поръ еще живетъ въ Римѣ, — гравера Ѳ. И. Іор-

(¹) Въ »Замѣткахъ для Біографіи Гоголя«.

дана, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ »Завѣщаніи«, и покойнаго скульптора Ставассера.«

Но послушаемъ, что̀ говоритъ о своей римской жизни Гоголь, въ письмѣ къ г. Плетневу. Изъ этого письма мы узнаёмъ, между прочимъ, одно весьма важное и до сихъ поръ неизвѣстное обстоятельство: именно — что въ 1837 году сдѣлано было Гоголю отъ Царскихъ щедротъ единовременное пособіе въ 5,000 рублей ассигнаціями. Поэтъ осчастливленъ былъ столь великодушнымъ вниманіемъ къ его положенію »какъ нельзя больше«, и этому-то празднику его души мы обязаны слѣдующимъ письмомъ, свѣтлымъ какъ итальянское небо.

»Не сердитесь на меня — — — виновникъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣтъ того, о чемъ любитъ изливаться молодая душа путешественника. Теперь, на первый случай, знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ нельзя больше: добрый Государь нашъ [храни его за это Богъ], пожаловавши мнѣ 5000 руб., далъ мнѣ средство по крайней мѣрѣ полтора года прожить безбѣдно въ Италіи.

»Что̀ за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, еслибы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искуства — все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что̀ бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ, или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпопеи. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю

ее, читаю..... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чтеніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для котораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ — и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите — рисуйте, хотите — глядите.... не хотите ни того, ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Проглянетъ солнце [а оно глядитъ каждый день] — и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію. А если случится, что нѣтъ солнца [что̀ бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце], то идите по церквамъ. На каждомъ шагу и въ каждой церкви, чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія. Но небо, небо!... Вообразите, когда проходятъ два-три мѣсяца, и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой-нибудь лоскуточекъ его!

»Но я разучился совсѣмъ писать письма; одно слово толкаетъ другое, я мараю, ставлю ошибки.... но когда-нибудь вы увидите записки, въ которыхъ отразились, можетъ быть, вѣрно впечатлѣнія души моей, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности. Тамъ и тѣ предметы, диво природы и искусства, къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой, въ томъ видѣ, въ какомъ она приняла ихъ.« (¹)

Подъ этимъ-то вѣчно-сіяющимъ небомъ, вдали отъ удовольствій свѣта, которыя сдѣлались теперь для поэта »пошлыми«, въ этомъ городѣ-деревнѣ и деревнѣ-городѣ, на просторѣ и на досугѣ, Гоголь написалъ или докончилъ первую часть »Мертвыхъ Душъ«, въ которой отразилось спокойствіе, лежащее надъ »вѣчнымъ городомъ«, и виденъ ши-

---

(¹) Гоголь тщательно переписалъ это письмо для печатанія, и оно было уже подписано цензоромъ; но, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, печатаніе его было отмѣнено авторомъ.

рокій ходъ эпопеи, забранный поэтомъ въ душу при безконечномъ чтеніи эпопеи Рима. Въ послѣдующихъ письмахъ онъ самъ разскажетъ, почему онъ представлялъ ясно Русь только среди чужого населенія и непохожихъ на нее странъ. Онъ постигнулъ и объяснилъ друзьямъ эту тайну по возвращеніи въ Россію въ 1841 году, съ готовою для печати рукописью »Мертвыхъ Душъ«. Но не будемъ заглядывать впередъ и прослѣдимъ заграничную жизнь его по его письмамъ къ разнымъ особамъ. Всего сильнѣе занялъ нашего поэта »вѣчный городъ«, котораго грандіозный образъ усиливался онъ представить въ своемъ отрывкѣ, подъ заглавіемъ »Римъ«. Слѣдующее письмо его можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ этому отрывку романа, начатаго, какъ видно, на слишкомъ высокій строй и потому оставленнаго безъ продолженія. Оно тѣмъ интереснѣе, что въ немъ ужъ намѣчены мысли и картины, которыя потомъ развиты и обработаны окончательно въ отрывкѣ »Римъ«.

»Римъ, мѣсяцъ апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города. (¹)

»Я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанное вами — — отъ 10 февраля по здѣшнему счету. Оно такъ искренно, такъ показалось мнѣ полно чувства и въ немъ такъ отразилась душа ваша, что я рѣшился идти сегодня же въ одну изъ церквей римскихъ — тѣхъ прекрасныхъ церквей, которыя вы знаете, гдѣ дышетъ священный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышины овальнаго купола, какъ Святой Духъ, какъ вдохновеніе, посѣщаетъ середину ихъ, гдѣ двѣ-три молящіяся на колѣнахъ фигуры не только не отвлекаютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышленію, я — рѣшился тамъ помолиться за васъ. — — Хотя вашу ясную душу слышитъ и безъ меня Богъ и хотя немного толку въ моей грѣшной молитвѣ, но все-таки я молился; я исполнилъ этимъ движеніе души моей; я просилъ, чтобъ послали вамъ высшія силы прекрасныя небеса, солнце и ту живую, юную природу, которая достойна окружать васъ. Вы похожи теперь на картину, въ которой художникъ великій упо-

(¹) Обыкновенно полагаютъ, что Римъ основанъ за 753 года до Р. Х. Если вычесть это число изъ 2588, то выйдетъ, что письмо было писано въ 1835 году, когда Гоголь находился еще въ Россіи; а между тѣмъ оно очевидно относится къ 1837 или къ 1838 году. *Н. М.*

требилъ всѣ свои силы на то, чтобы создать прекрасную фигуру, которую онъ помѣстилъ на первомъ планѣ. Потомъ ему надоѣло заняться прочимъ, второй планъ онъ напачкалъ какъ ни попало, или, лучше, далъ напачкать другимъ. Оттого вышло, что позади васъ находится — — чухонская природа. Я слышу отсюда всѣ ваши чувства, и, зная васъ хорошо, я зналъ, что вы должны быть полны Римомъ, что онъ живетъ еще свѣтлѣе въ вашихъ мысляхъ теперь, чѣмъ прежде.

»Въ самомъ дѣлѣ есть что-то удивительное въ немъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, гдѣ, по причинѣ холеры, я остался гораздо долѣе, нежели сколько думалъ, я не могъ дождаться часа, мунуты ѣхать въ Римъ; и когда я получилъ въ Женевѣ вексель, который доставилъ мнѣ возможность ѣхать туда, я такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что еслибъ въ это время нашелся свидѣтель моей радости, то онъ бы принялъ меня за ужаснаго скрягу и сребролюбца. И когда я увидѣлъ наконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде, чѣмъ я родился на свѣтъ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ любитъ оно показываться сквозь арки Колисея. Опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ сосенъ, которыя кажутся иногда плавающими въ воздухѣ; тотъ же чистый воздухъ; та же ясная даль; тотъ же вѣчный куполъ, такъ величественно круглящійся въ воздухѣ. Нужно вамъ знать, что я пріѣхалъ совершенно одинъ, что въ Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренціи. Но я былъ такъ полонъ въ это время, и мнѣ казалось, что я въ такомъ многолюдномъ обществѣ, что я припоминалъ только, чего бы не забыть, и тотъ же часъ отправился дѣлать визиты всѣмъ своимъ друзьямъ. Былъ у Колисея, и мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, потому что онъ, по своему обыкновенію, былъ величественно милъ и на этотъ разъ особенно разговорчивъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ рождались такія прекрасныя чувства: стало быть, онъ со мною говорилъ. Потомъ я отправился къ Петру и ко всѣмъ другимъ, и мнѣ каза-

лось, они всѣ сдѣлались на этотъ разъ гораздо болѣе со мною разговорчивы. Въ первый разъ нашего знакомства они, казалось, были болѣе молчаливы, дичились и считали меня за форестьера.

»Кстати о форестьерахъ. Всю зиму, прекрасную, удивительную зиму, лучше во сто разъ петербургскаго лѣта — всю эту зиму я, къ величайшему счастію, не видалъ форестьеровъ; но теперь ихъ наѣхала вдругъ куча къ Пасхѣ. — — Что̀ за несносный народъ! пріѣхалъ и сердится, что въ Римѣ нечистыя улицы, нѣтъ никакихъ совершенно развлеченій, много монаховъ, и повторяетъ вытверженныя еще въ прошломъ столѣтіи изъ календарей и старыхъ альманаховъ фразы, что Итальянцы подлецы, обманщики и проч. — — Впрочемъ, они наказаны за глупость своей души уже тѣмъ, что не въ силахъ наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслію въ прекрасное и высокое, — не въ силахъ узнать Италію. Есть еще классъ людей, которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: »Какъ это величаво! какъ хорошо!« словомъ, превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душою. Ихъ не терпитъ то же моя душа, и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на себя маску набожности, лицемѣрія, услужливости для достиженія какой-нибудь своей цѣли, нежели кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ.

»Знаете, что̀ я вамъ скажу теперь о римскомъ народѣ? я теперь занятъ желаніемъ узнать во глубинѣ весь его характеръ, слѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился, и скажу, что, можетъ быть, это первый народъ въ мірѣ, который одаренъ до такой степени эстетическимъ чувствомъ, невольнымъ чувствомъ понимать то, что̀ понимается только пылкою природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейскій умъ не набросилъ своей узды. Какъ показались мнѣ гадки Нѣмцы послѣ Итальянцевъ — Нѣмцы со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ! Но объ этомъ я вамъ, кажется, писалъ. Я думаю, уже вы сами слышали очень многія черты остроумія римскаго народа — того остроумія, которымъ иногда славились древніе Римляне, а еще болѣе — аттическій вкусъ Грековъ. Ни одного происшествія здѣсь не случится безъ того, чтобъ не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма въ народѣ. Во время торжества и праздника по

случаю избранія кардиналовъ, когда городъ былъ иллюминованъ три дня [да, кстати здѣсь сказать, что нашъ пріятель Мецофанти сдѣланъ тоже кардиналомъ и ходитъ въ красныхъ чулочкахъ], во время этого праздника было почти все дурное время; въ первые же дни карнавала, дни были совершенно итальянскіе, — тѣ свѣтлые, безъ малѣйшаго облачка дни, которые вамъ такъ знакомы, когда на голубомъ полѣ неба сверкаютъ стѣны домовъ, всѣ въ солнцѣ, и такимъ блескомъ, какого не вынесетъ сѣверный глазъ; въ народѣ вышелъ вдругъ экспромптъ: I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale — — —

»Знакомы ли были вы съ транстеверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые такъ горды своимъ чистымъ римскимъ происхожденіемъ? Они одни себя считаютъ настоящими Римлянами. Никогда еще транстеверянинъ не женúлся на иностранкѣ [а иностранкой называется всякая, кто только не въ городѣ ихъ], и никогда транстеверянка не выходила замужъ за иностранца. Случалось ли вамъ слышать языкъ il Meo Pataccа, для которой рисунки дѣлалъ Пинелли? Но вамъ, вѣрно, не случалось читать сонетовъ нынѣшнаго римскаго поэта Белли, которые нужно слышать, когда онъ самъ читаетъ. Въ нихъ, въ этихъ сонетахъ, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и такъ вѣрно отражается въ нихъ жизнь нынѣшнихъ транстеверянъ, что вы будете смѣяться, и это тяжелое облако, которое налегаетъ часто на вашу голову, слетитъ прочь вмѣстѣ съ докучливой и несносной вашей головною болью. Они писаны in lingua romanescha; они не напечатаны, но я вамъ ихъ послѣ пришлю.

»Кстати мы начали говорить о литературѣ. Намъ извѣстна только одна эпическая литература Итальянцевъ, то есть литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII вѣка у Итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то нужно ихъ изучать въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собраніе autori burleschi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что

однѣ итальянскія типографіи могутъ печатать ихъ. Во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которы(я) не всякому можно позволить читать. Я вамъ разскажу теперь объ одномъ праздникѣ, ко-рый не знаю, знаете ли вы, или нѣтъ. Это — торжество по случаю построенія Рима, юбилей рожденія, или именины этого чуднаго старца, видѣвшаго въ стѣнахъ своихъ Ромула. Этотъ праздникъ, или, лучше сказать, собраніе академическое, было очень просто; въ немъ не было ничего особеннаго. Но самый предметъ былъ такъ великъ, и душа такъ была настроена къ могучимъ впечатлѣніямъ, что все казалось въ немъ священнымъ, и стихи, которые читались на немъ небольшимъ числомъ римскихъ писателей, больше вашими друзьями аббатами, всѣ безъ изъятія казались прекрасными и величественными и, какъ будто по звуку трубы, воздвигали въ памяти моей древнія стѣны, храмы, колонны и возносили все это подъ самую вершину небесъ. Прекрасно, прекрасно все, что было; но такъ ли оно прекрасно, какъ теперь? Мнѣ кажется, теперь... по крайней мѣрѣ еслибы мнѣ предложил(и) — — что бы я предпочелъ видѣть предъ собою — древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ развалинахъ, — я бы предпочелъ Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ. Онъ прекрасенъ уже тѣмъ, что ему 2588-й годъ, что на одной половинѣ его дышетъ вѣкъ языческій, на другой христіянскій, и тотъ и другой — огромнѣйшія двѣ мысли въ мірѣ.

»Но вы знаете, почему онъ прекрасенъ. Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющемъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежъ деревъ, едва покрывшихся свѣжей, почти жолтой зеленью, и даже темные какъ воронье крыло кипарисы, и еще далѣе голубыя, матовыя какъ бирюза горы Фраскати и Албанскія, и Тиволи. Что за воздухъ! — — Удивительная весна! Гляжу — не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ; но обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться

въ одинъ носъ, чтобы не было ничего больше — ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовонія и весны.

»Но я чуть было не позабылъ, что пора уже мнѣ отвѣчать на сдѣланные вами вопросы и порученія. Первый — поклониться первому аббату, котораго я встрѣчу на улицѣ — я исполнилъ, и вообразите, какая исторія! Вамъ нужно ее разсказать. Выхожу изъ дому [Strada felice, № 126]; иду я дорогою къ Monte Pincio и церкви Trinita; готовъ спуститься лѣстницею внизъ; — внизу подымается на лѣстницу аббатъ. Я, припомнивъ ваше порученіе, снялъ шляпу и сдѣлалъ ему очень вѣжливый поклонъ. Аббатъ, какъ казалось, былъ тронутъ моею вѣжливостью и поклонился еще вѣжливѣе. Его черты мнѣ показались пріятными и исполненными чего-то благороднаго, такъ что я невольно остановился и посмотрѣлъ на него. Смотрю — аббатъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ меня очень учтиво, не имѣетъ ли онъ чести меня знать, и что онъ имѣетъ несчастную память позабывать. Тутъ я не утерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться, и разсказалъ ему, что одна особа, проведшая лучшіе дни своей жизни въ Римѣ, такъ привержена къ нему въ мысляхъ, что просила меня поклониться всему тому, что̀ болѣе всего говоритъ о Римѣ, и между прочимъ, первому аббату, который мнѣ попадется, не разбирая, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы только былъ въ чулочкахъ, очень хорошо натянутыхъ на ноги, и что я радъ, что этотъ поклонъ достался ему. Мы оба посмѣялись и сказали въ одно время, что наше знакомство началось такъ странно, что стоитъ его продолжать. Я спросилъ его имя, и — вообразите — онъ поэтъ, пишетъ очень недурные стихи, очень уменъ, и мы съ нимъ теперь очень подружились. Итакъ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за это пріятное знакомство.

»Съ аббатомъ Lanci я не имѣлъ чести видѣться, а то бы, вѣрно, и ему отдалъ поклонъ.

»На вопросъ вашъ: »Здорова ли Мейерова блуза пыльнаго цвѣта?« имѣю честь отвѣтствовать, что здорова. Я ее еще недавно видѣлъ верхомъ на своемъ господинѣ, а господинъ былъ верхомъ на лошади, и такимъ образомъ, пронеслись всѣ трое вихремъ по Monte Pincio.

»Соломенная шляпа тоже, вѣроятно, здорова. На вопросъ же вашъ: »Боготворитъ ли онъ статуи?« имѣю честь доложить, что онъ, какъ кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія, — по крайней мѣрѣ онъ побольше попадается съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у которыхъ нѣтъ ни шляпокъ, ни лентъ, а одна запыленная драпировка, накинутая какъ ни попало. Впрочемъ, Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна В* Н*, которая подтрунивала надъ нимъ первая, говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тотъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ очень хорошаго очень много.

»Кустодъ Колисея тоже здоровъ, и Англичанъ цѣлыми вязанками тащитъ на лѣстницу Колисея. Каждую ночь почти иллюминація.

»О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ еще не видалъ ни одной, но козловъ множество. Кажется, всѣ римскія деревни рѣшились просвѣтить ихъ и отправили страшныя толпы. Народъ очень умный, но лежатъ совершенно безъ всякаго дѣла, и сомнѣваюсь, чтобы они могли что-нибудь разсказать, прійдя домой, о римскихъ памятникахъ, а тѣмъ болѣе о живописи.

»Вы спрашиваете еще, правда ли, что К*** ѣдетъ въ Петербургъ? Это очень можетъ случиться, и нѣтъ ничего удивительнѣе, страннѣе, еслибы онъ остался въ Италіи. Для этого нужно имѣть душу художника. К*** можетъ нарисовать хорошо портретъ К***, но до художника ему далеко, какъ до небесной звѣзды.

«У англійскихъ скульпторовъ побываю непремѣнно, и очень вамъ благодаренъ за это порученіе: безъ васъ бы мнѣ это не пришло въ голову.

»Трагедію Николини: »Антонію Фоскарини«, купилъ и завтра принимаюсь читать.

»Что́ касается до madamigella Conti, о которой вы интересуетесь, то она не ходитъ въ церковь Петра, ибо madama Conti, узнавъ, что она много глядитъ на форестьеровъ, схватила ее въ охабку и увезла въ деревню Сабины, въ 18 или около миляхъ отъ Рима.

»Вотъ вамъ и все. Кажется, ничего не пропустилъ. Жаль мнѣ, и я золъ до нельзя на головную боль, которая продолжаетъ васъ мучить. Нѣтъ, вамъ нужно подальше изъ Петербурга. Этотъ климатъ живетъ заодно съ этой болѣзнію. Оба они мошенничаютъ вмѣстѣ. Пишите, ко мнѣ

обо всемъ, чтó у васъ ни есть на душѣ и на мысляхъ. Помните, что я вашъ старый другъ, и что я молюсь за васъ здѣсь, гдѣ молитва на своемъ мѣстѣ, то есть въ храмѣ. — — Будьте здоровы. О здоровьѣ только вашемъ молюсь я; чтó же до души вашей и сердца, я не молюсь о нихъ: я знаю, что они не перемѣнятся и останутся вѣчно такими же прекрасными.«

Это письмо писано было къ той же особѣ, чтó и приведенное выше, изъ Веве, отъ 12 октября. Я имѣю шесть писемъ Гоголя къ ней, и всѣ они дышатъ особенною, весеннею теплотою поэтической души его. Справедливо замѣтилъ С. Т. Аксаковъ въ своей статьѣ: »Нѣсколько Словъ о Біографіи Гоголя« ([1]), что Гоголь »съ разными людьми казался разнымъ человѣкомъ«, и что »онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди«. Въ перепискѣ съ своей ученицей онъ подбираетъ только самыя тонкія и чувствительныя струны своей души и съигрывается съ нею въ удивительный ладъ. Не зная, кто была его корреспондентка, каждый составитъ себѣ ясное понятіе о высокихъ свойствахъ души ея. Гоголю нужны были искреннія бесѣды съ такими свѣжими натурами. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ ихъ внутренней и внѣшней жизни, и домогался отъ нихъ полной откровенности. Бесѣды съ ними давали живительную пищу его сердцу и открывали его уму новый міръ, замкнутый для его наблюдательности въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вотъ почему онъ тратилъ столько времени на длинныя письма къ нимъ, въ которыхъ старался и смѣшить, и тронуть ихъ, и вознести ихъ мысли къ возвышенному и прекрасному. Въ то же время онъ увлекался понятнымъ каждому чувствомъ, которое я назову молодостью сердца и которое заставляетъ насъ симпатизировать движеніямъ каждой прекрасной и юной души, прислушиваться къ ея трепету и впивать въ себя ея благоуханіе. Чувство это долговѣчнѣе всѣхъ въ нашемъ сердцѣ; но ни въ комъ оно не сохраняется въ такой свѣжести до конца жизни, какъ въ истинныхъ поэтахъ, такъ что поэзія и сердечная молодость могутъ взаимно быть признаками одна другой въ

([1]) »Московскія Вѣдомости« 1853 года, № 36.

каждой высокой личности, и одна безъ другой никогда не существуютъ. Отсюда можно вывести объясненіе, почему Гоголь, въ последнее десятилетіе своей жизни, когда, говоря словами упомянутаго выше автора, »его христіянство становилось всё чище и строже, высокое значеніе цели писателя яснее и судъ надъ собою суровее«, — почему Гоголь не изменился нисколько въ своихъ отношеніяхъ къ несколькимъ избраннымъ своего сердца и жаждалъ ихъ беседы и откровенности такъ же сильно, какъ и

»Во дни утехъ и сновъ первоначальныхъ.«

Симпатія къ тому, что́ молодо, что́ свежо, что̀ не тронуто нравственною порчею и обещаетъ въ будущемъ роскошные цветы и плоды, сохранилась въ немъ до конца жизни. Въ то время, когда многіе привыкли называть его молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ, онъ былъ любимъ въ несколькихъ детскихъ кружкахъ, онъ владелъ искреннею привязанностью другого рода детей, простосердечныхъ поселянъ, у себя на родине, и пользовался самою нежною дружбою несколькихъ весьма достойныхъ матерей семействъ и христіански-образованныхъ девицъ. Даже на смертномъ одре своемъ, когда весь міръ сделался для него »закрытъ и немъ«, когда онъ виделъ въ своемъ воображеніи только Бога и передъ Нимъ свою душу, — даже и тогда представленіе святости детства, этого дивнаго возраста, передъ которымъ открыто столь обширное поприще *возможности* совершенства, не оставило ума его, и онъ написалъ дрожащею рукою на лоскутке бумаги:

»Аще не будете яко дети, не внидете въ царство небесное«. (¹)

Изъ всехъ женщинъ, которыхъ онъ уважалъ, которымъ открывалъ свою душу и въ дружбе которыхъ искалъ освеженія после суроваго своего одиночества, онъ всего сильнее и постояннее былъ привязанъ къ А. О. С—ой. Его переписка съ нею не вся помещена въ этой книге по случайнымъ обстоятельствамъ, но я имею позволеніе представить здесь, съ ея словъ, некоторыя ея воспоминанія о Гоголе.

Знакомство ихъ началось такъ давно и такимъ обыкновеннымъ образомъ, что А. О. не можетъ даже припомнить времени, когда она увиде-

(¹) Матѳ. XVIII, 3.

ла Гоголя въ первый разъ. Въ годъ его смерти она спрашивала его объ этомъ.

— Неужели вы не помните? отвѣчалъ Гоголь. — Вотъ прекрасно! Такъ я же вамъ и не скажу. Это, впрочемъ, тѣмъ лучше: это значитъ, что мы всегда были съ вами знакомы.

Сколько разъ она ни повторяла потомъ свой вопросъ, онъ отвѣчалъ: — Когда не знаете, такъ не скажу жъ. Мы всегда были знакомы.

Въ 1837 году А. О. проводила зиму въ Парижѣ, и Гоголь ходилъ къ ней довольно часто въ Rue du Mont Blanc, № 21. Въ то время она обходилась уже съ нимъ, какъ съ человѣкомъ коротко знакомымъ. Разговоръ у нихъ часто шелъ о Малороссіи, о высокомъ камышѣ, о бурьянѣ, объ аистахъ, о галушкахъ, варенивахъ и сѣренькомъ дымѣ, вылетающемъ изъ деревянныхъ трубъ и стелющемся по голубому небу. Она пѣла ему извѣстную пѣсню:

Ой не ходы́, Гры́цю, на вечорны́ци.

Онъ больше слушалъ ее, нежели говорилъ самъ; однакожъ описалъ ей однажды малороссійскій вечеръ, когда солнце садится, табуны несутся съ поля къ водопою, подымая копытами пыль, а за ними скачутъ пастухи съ развѣвающимися чубами и пугами (нагайками) въ рукахъ. Обо всемъ этомъ говорилъ онъ очень живо, съ любовью, но прерывисто и въ короткихъ словахъ. О Парижѣ мало было у нихъ рѣчи. Повидимому, онъ ужъ и тогда не любилъ его. Онъ посѣщалъ, однакожъ, камеры и театры и часто разсказывалъ, какъ входятъ въ театръ à la file (т. е. гуськомъ) и покупаютъ право на *хвостъ*. Дѣло въ томъ, что задній театралъ кричитъ которому нибудь изъ переднихъ, чтобъ онъ уступилъ ему свое мѣсто, торгуется съ нимъ и наконецъ мѣняется мѣстами; но часто купленное такимъ образомъ мѣсто бывало захватываемо другимъ, и это служило поводомъ къ брани и ссорамъ. Гоголь, съ свойственной ему способностью замѣчать то, что̀ другимъ казалось несмѣшнымъ и незамѣчательнымъ, представлялъ сцены при покупкѣ, какъ онъ называлъ, »права на хвостъ« въ самыхъ характеристическихъ и забавныхъ разсказахъ.

Однажды разговоръ зашелъ о разныхъ конфортахъ въ путешествіи, и Гоголь сказалъ, что хуже всего на этотъ счетъ въ Португаліи.

— А вы какъ это знаете, Николай Васильевичъ? спросили его.

— Я тамъ былъ, отвѣчалъ онъ: — я пробрался въ Лисабонъ изъ Испаніи, гдѣ также прегадко въ трактирахъ. Особенно хороша прислуга. Однажды мнѣ подали котлету совсѣмъ холодную. Я замѣтилъ объ этомъ слугѣ. Но онъ очень хладнокровно пощупалъ котлету рукою и объявилъ, что нѣтъ, что котлета достаточно тепла.

Такъ какъ Гоголь до тѣхъ поръ ни разу не упомянулъ объ Испаніи, то А. О. начала утверждать, что онъ никогда не былъ въ этой странѣ и не могъ тамъ быть, потому что тамъ вѣчные разбои, дерутся на всякомъ перекресткѣ, и т. п.

Гоголь на все это отвѣчалъ очень хладнокровно:

— На что̀ жъ все разсказывать и занимать собою публику? Вы привыкли, чтобъ вамъ человѣкъ съ перваго разу все выхлесталъ, что̀ знаетъ и чего не знаетъ, даже и то, что̀ у него на душѣ.

Это, однакожъ, не убѣдило его собесѣдницы, и она осталась при своемъ мнѣніи, что Гоголь въ Испаніи не былъ. Съ того времени между ними образовалась шутка: »Это было тогда, когда вы были въ Испаніи«, и самъ Гоголь говаривалъ: »Это было тогда, когда я былъ въ Испаніи«. А. О. часто надъ нимъ смѣялась и выговаривала, какъ ему не стыдно лгать, и т. п. Гоголь все переносилъ съ хладнокровіемъ стоика. Будучи въ Римѣ, уже въ 1843 году, онъ опять началъ что-то разказывать объ Испаніи. Это было въ присутствіи В. А. П***, Я. В. Х*** и А. О. Р****. А. О. С—ва замѣтила, что Николай Васильевичъ мастеръ очень серьезно солгать. На это онъ сказалъ:

— Такъ если жъ вы хотите знать правду, я никогда не былъ въ Испаніи, но зато я былъ въ Константинополѣ, а вы этого и не знаете.

Тутъ онъ началъ описывать во всѣхъ подробностяхъ Константинополь: называлъ улицы, рисовалъ мѣстности, разсказывалъ о собакахъ, упоминая даже какого они цвѣта и о томъ, какъ тамъ подаютъ кофе въ маленькихъ чашкахъ съ гущею. Рѣчь его была наполнена множествомъ мелочей, которые могъ знать только очевидецъ и заняла всѣхъ слушателей на цѣлые полъ-часа или около того.

— Вотъ сейчасъ и видно, сказала тогда ему А. О.: — что вы были въ Константинополѣ.

А онъ отвѣчалъ:

— Видите, какъ легко васъ обмануть. Вотъ же я не былъ въ Константинополѣ, а въ Испаніи и Португаліи былъ.

Дѣйствительно онъ провелъ въ Испаніи и Португаліи съ недѣлю въ первую свою поѣздку за границею. Если же не говорилъ объ испанской живописи и вообще о памятникахъ искусствъ въ этихъ странахъ, то это, кромѣ его привычки о многомъ умалчивать, происходило оттого, что онъ въ то время находился уже подъ сильнымъ вліяніемъ Рима. Испанская школа, въ отношеніи красокъ и въ особенности рисунка, сливалась для него съ Венеціянскою и Болонскою, которыхъ онъ не любилъ, особенно Болонской. Такой художникъ, какъ Гоголь, познакомясь съ Микель-Анджело и Рафаелемъ, не могъ слишкомъ увлекаться другими живописцами. »У него, по словамъ А. О. С—ой, была какая-то трезвость въ оцѣнкѣ произведеній искусства; онъ тогда только называлъ созданіе рѣзца и кисти прекраснымъ, когда оно затрогивало струны его души.«

Въ 1837 лѣтомъ А. О. С — ва жила въ Баденѣ. Гоголь пріѣхалъ туда больной, но не лѣчился. Онъ только пилъ воды въ Лихтентальской аллеѣ и ходилъ, или, лучше сказать, бродилъ одинъ по лугу зигзаками, возлѣ Стефанибада. Часто онъ бывалъ такъ задумчивъ, что его звали и не могли дозваться. Если же это и удавалось, то онъ отказывался гулять вмѣстѣ, приводя самыя странныя причины. Изъ Русскихъ, кромѣ покойнаго А. Н. Карамзина, его никто тогда не зналъ, а одинъ господинъ изъ высшаго круга даже упрекалъ А. О., что она гуляетъ съ mauvais genre.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Гоголь объявилъ ей, что пишетъ романъ подъ заглавіемъ »Мертвыя Души« и желаетъ прочитать вечеромъ ей и ея небольшому кружку. Она пригласила къ себѣ покойныхъ А. Н. Карамзина и графа Л. Салогуба и В. П. Платонова. День былъ очень знойный. Въ 7 часовъ вечера небольшое общество усѣлось вокругъ стола, и Гоголь началъ чтеніе. Вдругъ началась страшная гроза. Надобно было затворить окна. Хлынулъ такой дождь, какого никто не запомнилъ. Въ одну минуту пейзажъ перемѣнился: съ противоположной горы полился каскадъ, а маленькая рѣчка вздулась и закипѣла. Гоголь посматривалъ сквозь стекла и сперва казался смущеннымъ, но потомъ успокоился и продолжалъ чтеніе. Онъ прочелъ двѣ первыя главы »Мертвыхъ Душъ«,

въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣ явились въ печати. Всѣ очень много смѣялись, и были въ восторгѣ. Послѣ того онъ просилъ Карамзина проводить его на Грабенъ, говоря, что тамъ много собакъ, а съ нимъ нѣтъ палки. На Грабенѣ, однакожъ, собакъ не было; но Гоголь отъ грозы и чтенія пришелъ въ такое нервическое состояніе, что не могъ идти одинъ. На другой день А. О. просила его повторить чтеніе, но онъ отказался рѣшительно и даже просилъ не просить его никогда объ этомъ.

Изъ Бадена Гоголь ѣздилъ съ А. О. С—ой и ея братомъ на три дня въ Страсбургъ. Тамъ въ каѳедральной церкви онъ срисовывалъ карандашемъ на бумажкѣ орнаменты надъ готическими колоннами, дивясь изобрѣтательности старинныхъ мастеровъ, которые надъ каждой колонной дѣлали отмѣнныя отъ другихъ украшенія. А. О. взглянула на его работу и удивилась, какъ онъ отчетливо и красиво срисовывалъ.

— Какъ вы хорошо рисуете! сказала она.

— А вы этого и не знали? отвѣчалъ Гоголь.

Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ ей нарисованную перомъ часть церкви очень искусно. Она любовалась его рисункомъ, но онъ сказалъ, что нарисуетъ для нея что-нибудь лучше, а этотъ рисунокъ тотчасъ изорвалъ.

Въ половинѣ августа А. О. и ея братъ оставили Баденъ. Гоголь проводилъ ихъ до Карлсруэ, гдѣ переночевалъ съ ними въ гостинницѣ и былъ всю ночь боленъ. На другой день онъ возвратился въ Баденъ.

Послѣ этого личныя и письменныя сношенія между ними прекратились до 1841 года.

XII.

Два письма къ сестрамъ о Римѣ. — Третье письмо къ ученицѣ: о Германіи, о Петербургѣ, о римскихъ древностяхъ, о романическихъ происшествіяхъ въ Римѣ. — Четвертое письмо къ ученицѣ: о болѣзни графа Іосифа Вьельгорскаго, опять о Германіи, о Гамлетѣ и Каратыгинѣ. — Отрывокъ изъ дневника Гоголя: «Ночи на Виллѣ». — Письма къ сестрамъ о матери, о воспитаніи характера, о жизни въ деревнѣ, обѣщаніе пріѣхать къ выпуску изъ Института. — Анекдоты о Гоголѣ.

Жизнь Гоголя въ Римѣ и исторія его наблюденій надъ римскою природою и надъ вѣчнымъ городомъ дорисованы имъ въ слѣдующихъ четырехъ

письмахъ къ сестрамъ, воспитывавшимся тогда въ Патріотическомъ Институтѣ (куда онѣ были помѣщены его стараніями), и къ бывшей ученицѣ. Здѣсь кстати сдѣлать замѣчаніе, что письма Гоголя вообще выражаютъ не только его личный характеръ, но, болѣе или менѣе, и характеръ лицъ, къ которымъ онъ писалъ ихъ. Въ этихъ четырехъ письмахъ онъ часто говоритъ одно и то же, но съ молоденькими институтками бесѣдуетъ онъ языкомъ, какимъ и онѣ, вѣроятно, къ нему писали, а съ ученицей своей ведетъ уже рѣчь, какъ романистъ и философъ. Здѣсь онъ является передъ нами, съ своей мечтательностью, съ своей обычной легкой грустью, этимъ волшебнымъ покровомъ, возвышающимъ для насъ прелесть ума его, и съ своей вѣчной улыбкой, бросающей мягкій отсвѣтъ на самыя суровыя его истины, — является фантастическимъ и благоговѣйнымъ, суетнымъ и торжественнымъ, кроткимъ въ душѣ и безпощаднымъ въ своей насмѣшкѣ.

Къ сестрамъ Аннѣ Васильевнѣ и Елисаветѣ Васильевнѣ.

»Римъ 1838, апрѣля 28.

»Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, мои милыя сестрицы. Изъ него я узналъ, что вы меня любите. Мнѣ было пріятно также замѣтить изъ этого письма вашего, что вы уже не дѣти, что вы уже чувствуете глубже, понимаете и мыслите. Теперь мы съ вами ровны совершенно. Мы можемъ говорить между собою обо всемъ и разсуждать обо всемъ. Конечно, лучше говорить, чѣмъ писать: сказать можно гораздо больше, нежели написать, и я бы далъ много, много за то, чтобъ васъ и увидѣть и наговориться съ вами; но... мы съ вами не дѣти, мы должны доказать, что мы имѣемъ характеръ. Итакъ будемъ писать обо всемъ, что ни случается съ нами: что̀ мы дѣлали, съ кѣмъ говорили и объ чемъ говорили; все это мы будемъ теперь класть на бумагу и повѣрять другъ другу всѣ малѣйшія тайны сердца. Я теперь устроилъ такимъ образомъ, что намъ переписка не будетъ стоить ничего. Отвѣтъ на это письмо вы дадите Прокоповичу, а слѣдующія письма вы будете отдавать вотъ какимъ образомъ.

»Теперь у васъ будетъ много знакомыхъ, меня знающихъ, съ которыми вы должны будете познакомиться и подружиться какъ можно покороче, потому что они всѣ мои друзья. Еслибы вы знали, какія они всѣ добрыя, какія милыя дамы! Первая, которая къ вамъ пріѣдетъ, будетъ графиня К***. Она такая добрая и такая хорошенькая собой! Съ ней вы можете говорить все, что вамъ ни вздумается, все равно какъ со мною. Потомъ будетъ у васъ А***, то же очень добрая. Еще будетъ у васъ К***, такая премиленькая! Она васъ очень полюбитъ. Она воспит. въ Екатеринин. Институтѣ. Только вы будьте съ ними какъ можно проще и старайтесь говорить обо всемъ, обо всемъ. Менѣе всего избѣгайте быть застѣнчивыми, какъ бываютъ дѣвочки, которыя ростутъ по деревнямъ и никогда не воспитывались въ институтахъ. Но вы уже большія, вы знаете все это сами. Вы должны помнить, что всѣ эти дамы мои друзья, и, стало быть, вы должны съ ними быть, какъ съ вашими сестрами. — — — Но съ дамами вы должны не только говорить, но распрашивать, шутить, смѣяться и дѣлать все, что вамъ ни приходитъ на умъ, — быть болѣе даже развязными, чѣмъ со мной. Но я знаю, что вамъ онѣ очень понравятся, вы ихъ очень полюбите. Вы ихъ спросите, когда онѣ будутъ писать въ Италію и, узнавши когда, вы къ тому времени приготовьте ваши письма, а онѣ мнѣ ихъ перешлютъ вмѣстѣ съ своими. Да кстати, не забудьте поклониться отъ меня г-мъ К*** — ему и ей. Скажите имъ, что я очень, очень благодаренъ имъ за то, что они васъ иногда навѣщаютъ, и что благодарность эту чувствую въ сердцѣ, а не на словахъ. Итакъ вы будете имѣть очень часто оказіи писать ко мнѣ, не платя ничего на почту. Смотрите же, не лѣнитесь.

»Теперь вамъ скажу о себѣ. Мое здоровье немного лучше. Мнѣ помогло хорошее время, которое стояло всю зиму. Вообразите, что здѣсь зима гораздо и теплѣе и лучше весны. Здѣсь никто не топитъ комнатъ. Дни были такіе солнечные, такіе свѣтлые! Ни одного облачка; а сводъ неба весь синій, какъ не бываетъ у насъ. Но вы, вѣрно, еще не знаете, что такое Римъ, и вы очень ошибетесь, если подумаете, что онъ похожъ сколько-нибудь на Петербургъ. Это городъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Петербургъ самой новой изъ всѣхъ городовъ, а Римъ самой старой. Въ Петербургѣ все убрано, все чистенько, стѣны выбѣлены; а здѣсь все

напротивъ: стѣны домовъ совсѣмъ темныя, похожія на Зимній или на нашъ Мраморный дворецъ, и иногда возлѣ новаго дому стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибубь колонна, которая еще была сдѣлана при римскомъ императорѣ Августѣ, — вся почернѣвшая отъ времени. Иногда — цѣлая площадь вся покрытая развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющемъ, и на нихъ ростутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны. Въ другомъ мѣстѣ Тритоны, поднявши вверхъ раковину, бьютъ высоко вверхъ воду. Можетъ, вы не знаете, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько церквей, какъ въ Римѣ, и внутри онѣ такъ украшены, какъ не бываетъ ни (въ) одномъ дворцѣ. Колонны изъ мрамора, изъ порфира, изъ рѣдкаго голубого камня, котораго называютъ лаписомъ. Слоновая кость, статуи, словомъ — все великолѣпно. А что еще больше украшаетъ ихъ, такъ это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитыхъ живописцевъ Рафаеля, Микель-Анджела, Кореджія, Тиціана и проч. и проч., которыхъ картины теперь стоятъ милліоны и которыхъ даже нельзя купить. Вообразите, что здѣсь всѣ эти картины. Кромѣ церквей, въ здѣшнихъ дворцахъ, которыхъ тутъ много и которые принадлежатъ лучшимъ римскимъ фамиліямъ, есть цѣлыя картинныя галереи, наполненныя произведеньями лучшихъ мастеровъ; такъ что хотя нѣсколько лѣтъ оставайся въ Римѣ, всегда останется что-нибудь смотрѣть. Ватиканъ [гдѣ живутъ папы] есть очень большой дворецъ, и въ немъ бездна комнатъ и галерей, и всѣ эти галереи наполнены статуями, тѣми статуями, которыя сдѣланы еще во времена древнихъ Грековъ и Римлянъ знаменитыми скульпторами, которыхъ имена вы, я думаю, читали въ исторіи. Словомъ — все то, что вы читаете въ книгахъ, вы видите здѣсь передъ собою.

»Я не знаю, писалъ ли я вамъ что-нибудь о карнавалѣ, — то, что называется у насъ масляницею. Это очень замѣчательное явленіе. Вообразите, что въ продолженіе всей недѣли всѣ ходятъ и ѣздятъ замаскированные по улицамъ во всѣхъ костюмахъ и маскахъ. Иной одѣтъ адвокатомъ — съ носомъ, величиною черезъ всю улицу; другой Туркомъ,

третій лягушкой, паяцемъ и чѣмъ ни попало. Кучера даже на козлахъ одѣты женщинами въ чепчикахъ. Всякой старается одѣться во что можетъ; кому не во что, тотъ просто вымачкаетъ себѣ рожу, а мальчишки выворотятъ свои куртки и изодранные плащи. У каждаго въ рукахъ по цѣлому мѣшку шариковъ, сдѣланныхъ изъ муки. Этими шариками они бросаютъ другъ въ друга и засыпаютъ совершенно всего мукою. Всѣ смѣются и хохочутъ. Иногда вмѣсто муки бросаютъ конфекты. Въ послѣдній вечеръ, который называется moccholetti, гасятъ масляницу, т. е. вездѣ, во всѣхъ окнахъ, показываются огни. Всѣ, которые ни ѣдутъ въ колясках [а въ колясках сидитъ человѣкъ по 12], всѣ держутъ на длинныхъ шестахъ огни, а другіе бѣгутъ за ними то же съ шестами, на которыхъ навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свѣчи. Если имъ удастся это сдѣлать, тогда они смѣются отъ всей души. Во все продолженіе этого все сливается въ одинъ гулъ; всѣ до одного кричатъ: Senza moccolo, senza moccolo! Иные прибавляютъ: O che oscurita! т. е. »Какая темнота«! Дамы между тѣмъ изъ балконовъ домовъ протягиваютъ тоже длинные шесты съ огнями и зажигаютъ тѣ, у которыхъ погасли. Это продолжается до 11 часовъ ночи, и такимъ образомъ оканчивается карнавалъ. Но для этого, чтобы знать, нужно видѣть. Можетъ быть, когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ непохожей на всѣ другія.

»Хотя въ Италіи обыкновенно всѣ иностранцы проводятъ зиму, но мнѣ лучше нравится въ Италіи лѣто. Это правда, что очень жарко; но зато природа въ Италіи въ это время во всемъ блескѣ. Два-три мѣсяца иногда продолжается, что небо ясное во весь день, и вы проснетесь и видите передъ собою небесный сводъ чистый, чистый — хоть бы лоскуточекъ облачка; такъ что вы позабудете, есть ли на свѣтѣ облака. Въ это время города и деревни около Рима чудо, какъ хороши. А еслибы вы увидѣли, какъ здѣсь одѣваюся крестьянки, обитательницы большихъ деревень и городовъ! Чудо, чудо! Иныя изъ нихъ есть совершенныя красавицы. Но я вамъ разскажу въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ быть, я найду случай прислать вамъ что-нибудь изъ Италіи италіянское. Цѣлую васъ много, много.«

Къ нимъ же.

»Римъ. 15 октября.

»Я получилъ твое письмо, душенька моя Анетъ, чрезъ кн. В***. При немъ была маленькая приписочка отъ Лизы, которая полѣнилась написать ко мнѣ подлиннѣе. Не грусти, моя милая; я прiѣду, я постараюсь прiѣхать къ вашему выпуску. Вы знаете, что я васъ очень люблю. Я васъ люблю столько, сколько вы себѣ не можете представить. Здоровье мое будетъ лучше — я въ этомъ увѣренъ; но я васъ прошу только не писать маминькѣ ничего о томъ, что я бывалъ иногда немного боленъ. Это ее слишкомъ огорчитъ. Душеньки мои, я о васъ очень часто вспоминаю и хотѣлъ бы васъ перецѣловать много разъ. Помните ли, какъ мы видѣлись съ вами въ этой узенькой, маленькой комнатѣ въ институтѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно фортепiано и гдѣ г. Высоцкiй съ нетерпѣнiемъ ожидалъ своихъ ученицъ? Я помню, какъ теперь, какъ Лиза проситъ меня не позабыть о томъ, что скоро ея имянины и что нужно купить орѣховъ 4 фунта, конфектовъ два фунта, варенья двѣ банки, желе банку, пряниковъ, яблокъ, изюму и проч. и проч.; и все это не только на словахъ, но даже было написано съ чрезвычайною акуратностью на запискѣ; и все это сопровождается словами: »Да смотрите, не позабудьте; за день прежде купите и пришлите«. И въ слѣдъ за симъ ты, Лиза, бывало разскажешь — — — какой у тебя новый другъ, и о томъ, какъ у тебя хорошо въ пульпитрѣ — въ какомъ порядкѣ лежатъ книги, тетрадки и бонбоньерки, и какъ ты на дняхъ помѣнялась съ той-то, или другой. И при этомъ у тебя, Лиза, пальцы были въ чернилѣ, и на передникѣ было чернильное пятно, величиною въ мѣсяцъ. Все это я помню, и помню даже, какъ Анетъ была больна и лежала въ лазаретѣ, и я у васъ былъ; и потомъ помню, помню еще объ одномъ, но не хочу говорить....о, я все помню!

»Да скажите мнѣ, т. е. напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писалъ къ вамъ чрезъ Данилевскаго Александра Семенов., вашего кузена, которому уже теперь пора быть въ Петербургѣ, и навѣщали ли васъ нѣкоторые мои знакомые, которыхъ я просилъ навѣщать

васъ, и кто именно. Напишите мнѣ объ этомъ всемъ. Я теперь представляю вамъ случай познакомиться и знаю, что вы очень рады будете знакомству съ Б*** М. П., молоденькой, почти однихъ лѣтъ съ вами, такой милой, такой доброй! Вамъ она очень, очень понравится. Я это знаю напередъ. Мнѣ сказывала княжна В***, что она васъ рекомендовала одной пріятельницѣ своей. Была ли она у васъ, или нѣтъ? напишите. Да вы мнѣ ничего не разсказываете о томъ, что̀ у васъ дѣлается. Вѣдь у васъ много перемѣнъ — не правда ли? Я думаю, новые учителя. Да разскажите мнѣ что-нибудь о Плетневѣ. Такъ же ли онъ бываетъ у васъ часто, и по прежнему ли любимъ всѣми?

»Мнѣ вамъ уже, вѣрно, нечего разсказывать о Римѣ. Вы все, я думаю, о немъ уже узнали отъ Посникова. Вѣдь вы, я думаю, прошли давно уже Италію. Вы, я думаю, уже знаете, что Римъ — самый старинный городъ въ Европѣ, что построенъ онъ на семи холмахъ, что домы самые неровные между собою. Великолѣпные дворцы, и рядомъ съ ними почернѣвшіе запачканные домы. О, Петербургъ покажется вамъ щеголемъ послѣ Рима, покажется гладенькимъ, чистымъ, опрятнымъ, вымытымъ, вытертымъ! Зато въ Петербургѣ нѣтъ такихъ развалинъ, покрытыхъ плющемъ и цвѣтами, — самыхъ живописныхъ, какія только случалось видѣть (вамъ) на картинкахъ. Зато въ Петербургѣ нѣтъ кипарисовъ; зато въ Петербургѣ небо сѣрое и туманное, а здѣсь оно ясное и синее, и солнце обливаетъ все своимъ сіяніемъ такъ пріятно! Зато въ Петербургѣ вы уже мерзнете и топите печи, а здѣсь не закрываются никогда окна, и въ этотъ же самый день, въ который я пишу къ вамъ, тепло, какъ лѣтомъ.

»Случалось ли вамъ когда-нибудь глядѣть на улицу? Кого вы встрѣчали больше всего на улицѣ? Не правда ли — военныхъ и иногда чиновниковъ? Сколько въ Петербургѣ попадется на улицѣ офицеровъ военныхъ, столько въ Римѣ аббатовъ, поповъ и монаховъ. Видѣли ли вы, какъ одѣвается католическое духовенство? Священники и аббаты въ треугольныхъ шляпахъ, во фракахъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Или монахи? Но монаховъ здѣсь множество разныхъ орденовъ. Одни Доминиканцы, совершенно одѣваются, какъ женщины, особливо старушки: въ темныхъ и черныхъ капотахъ, изъ-подъ которыхъ видно ис-

подпее бѣлое платье, то же женское. Иные носятъ совершенныя ваши пелеринки. Самъ папа очень похожъ на старуху. Если вы увидите его лицо на портретѣ, то подумаете, что это портретъ женщины.

»Я не знаю, писалъ ли я вамъ про церкви въ Римѣ. Онѣ очень богаты. Такихъ у насъ нѣтъ совсѣмъ церквей. Внутри все мраморъ разныхъ цвѣтовъ; цѣлыя колонны изъ порфира, изъ голубого, изъ желтаго камня. Живопись, архитектура — все это удивительно. Но вы еще ничего не знаете этого. Вы не знаете, что̀ такое живопись. Вы думаете, что это просто рисованіе и больше ничего. Вы еще не можете отличить, что̀ хорошо, что̀ дурно. Вы не знаете, что̀ такое картина Рафаеля, или Тиціана, или Кореджія. О, какъ много есть того, чего вы не видали! Впрочемъ нельзя никакъ все видѣть и знать: для это(го) не достанетъ нашей жизни. Мнѣ бы теперь болѣе всего знаете ли, что желалось бы увидѣть? Вы, вѣрно, никакъ не догадаетесь, что̀ бы это было такое! Мнѣ бы хотѣлось теперь увидѣть васъ, поцѣловать васъ и поговорить съ вами. Пишите ко мнѣ чаще. Когда вамъ сдѣлается очень грустно на душѣ, сейчасъ берите въ руки перо и пишите ко мнѣ. Если вы на кого разсердитесь, или будетъ вамъ досадно — въ ту же минуту за перо и въ ту же минуту разскажите мнѣ. Пожалуйста, не думайте объ томъ, чтобы написать мнѣ хорошо письмо; пишите какъ попало. Я терпѣть не могу хорошихъ писемъ. Чѣмъ хуже письмо, чѣмъ болѣе чернильныхъ пятенъ и ошибокъ, тѣмъ для меня лучше. Я лучше люблю такія письма. Прощайте, мои миленькія.«

Къ ученицѣ.

»Римъ, 7 ноября 1838.

»Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрезъ Mr Паве. Я вамъ за него очень много благодаренъ. Вы мнѣ живо напоминаете все — и вашъ Петербургъ, и мой Римъ, то есть мои первыя впечатлѣнія и ваши первыя впечатлѣнія. Помните, во время первыхъ дней нашихъ въ Римѣ, когда съ Нибіемъ въ рукахъ, и проч. и проч.... То время уже далеко; уже другія впечатлѣнія объемлютъ мою душу; уже весьма часто прохожу я мимо тѣхъ памятниковъ и сѣ-

дыхъ, дряхлыхъ чудесъ, передъ которыми зѣвалъ по нѣскольку безмолвныхъ часовъ. Уже не съ готовымъ удивленіемъ новичка и чужестранца ищу ихъ.... Но до сихъ поръ какъ прекрасное сновидѣніе посѣщаетъ меня иногда воспоминаніе обо всемъ этомъ, и я тогда жажду повторить этотъ сонъ: спѣшу увидѣть вновь, что̀ видѣлъ прежде, и на минуту становлюсь опять новичкомъ. Опять мои чувства живы. Вы ихъ разбудили вашимъ письмомъ, вы ихъ пріятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя въ нихъ надежи бываютъ иногда большіе либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда такъ выражена счастливо, что я завидую вамъ. Уже два мѣста, два цѣлыхъ періода я укралъ изъ нихъ, — какіе именно, я вамъ не скажу, потому что намѣренъ совершенно завладѣть ими.... Потому еще я люблю ваши письма, что въ нихъ мало того, что̀ бываетъ обыкновенно въ петербургскихъ письмахъ.

»Но обратимся къ первому пункту вашего письма. Вы мнѣ показались теперь очень привязанными къ Германіи. Конечно, не спорю, иногда находятъ минуты, когда хотѣлось бы изъ среды табачнаго дыма и нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ нѣмецкаго студента, какъ кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я по крайней мѣрѣ въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и тоже лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, изчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приблизимся къ ней близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отъискивать эту дорогу. Ахъ, Марья Петровна! что̀ это вы дѣлаете? Я не узнаю васъ. Не вы ли еще такъ недавно отвергали все то, что̀ иногда неугомонно бродитъ въ нашемъ воображеніи и увлекаетъ его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумагѣ, ясно — что первое занятіе человѣка на

землѣ есть свинки? (1) Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали? Но, мнѣ кажется, этихъ животныхъ въ Петербургѣ весьма [увы!] достаточно. Тамъ же есть чухонцы, которые особенно славятся смотрѣніемъ за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и вѣрная истина. Трудно, трудно удержать средину, трудно изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда они существуютъ въ головѣ нашей; трудно вдругъ и совершенно обратиться къ настоящей прозѣ; но труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ — жить вдругъ и въ томъ, и другомъ мірѣ. — — —

»Я радъ очень, что Петербургъ для васъ становится сносенъ; по крайней мѣрѣ вы находите теперь развлеченія, которыя васъ занимаютъ. Ваше описаніе желѣзной дороги и поѣздки по ней очень живо; стало быть, вамъ очень весело; стало быть, вы были довольны, и признаюсь, сказать вамъ нужно втайнѣ и по секрету, я крѣпко завидовалъ вамъ. Все-таки сердце у меня русское. Хотя при видѣ, то есть при мыслѣ о Петербургѣ, морозъ проходитъ по моей кожѣ и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотѣлось бы мнѣ сильно прокатиться по желѣзной дорогѣ и услышать это смѣшеніе словъ и рѣчей нашего вавилонскаго народонаселенія въ вагонахъ. Здѣсь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь бы, можетъ быть, я бы разсердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россію, къ которой гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать, а безъ гнѣва — вы знаете — немного можно сказать: только разсердившись говорится правда. Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ [не въ томъ смыслѣ самолюбивъ]; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что́ обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что́ мнѣ говорили, было

(1) Намекъ на матеріяльную жизнь, которой лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смѣяться надъ попираніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему.

Н. М.

не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ. Но въ сторону все прочее; поговоримъ о нашемъ любезномъ Римѣ. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о немъ до сихъ поръ. Вы читаете теперь исторію Мишле: это страшный вздоръ; это совершнно русской Полевой. Но, къ счастію, вы не читали Полевого. Мишле какъ попугай повторяетъ Нибура; обокралъ оттуда и оттуда, у того и другого, умничаетъ не кстати, разсуждаетъ Богъ знаетъ какъ, и модный педантъ, всѣ какъ Французы.

»Вы спрашиваете на счетъ новооткрытыхъ мозаикъ въ катакомбахъ, чудесныхъ, какъ говорятъ газеты; однакожъ, вовсе нѣтъ. Отъискали мозаикъ, и очень много, но всѣ очень повреждены; даже не знаютъ до сихъ поръ, къ какому времени отнести. Антикваріи раздѣлились на двѣ партіи: одни относятъ къ временамъ христіянства, другіе — къ язычеству. Но найдена у Porta Maggiore гробница булочника, которую, [какъ объявляетъ самъ булочникъ въ надписи, имъ же сдѣланной], онъ воздвигъ себѣ и своей женѣ. Монументъ очень великъ [булочникъ былъ очень тщестлавенъ]. На немъ барельефъ; на барельефѣ изображено печеніе хлѣба, гдѣ супруга его мѣситъ тѣсто. Прошлый годъ.... но, можетъ быть, вы слышали объ этомъ?... нашелся одинъ спекуляторъ, который взялся рыть, съ тѣмъ, чтобы найденными вещами дѣлиться пополамъ съ правительствомъ, а остальныя ему продавать. Онъ вырылъ нѣсколько гробницъ, множество золотыхъ и бронзовыхъ вещей; въ числѣ ихъ статуи четыре, скульптуры перваго и лучшаго вкуса. Они раздѣлились. Нашедшій взялъ на свою долю мало, но самыхъ отличныхъ. Правительство взяло много, но достоинствомъ хуже. Остальныя правительство оцѣнило и готовилось заплатить 5000 скуди; но когда пришло дѣло до платежа, сколько ни рылось оно по своимъ старымъ карманамъ, ничего не могло найти, кромѣ нѣсколькихъ медзопаоловъ, говорятъ, очень истертыхъ, и нашедшій продалъ почти все въ Англію, а лучшую изъ статуй купилъ король баварскій за нѣсколько сотъ тысячь и перевезъ въ Мюнхенъ.

»Но довольно о старинѣ. Въ Римѣ завелось очень много новостей.

Здѣсь происходятъ совершенные романы, и совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ Италіи. Первый романъ... но героини его вамъ извѣстны. Это ваши пріятельницы, дѣвицы Конти, которыя, какъ вамъ извѣстно, очень плотны и толсты, и потому не любятъ ходить совершенно alla moda, и которыя всегда жаловались на самовластіе своей матушки, не пускавшей ихъ всякій день въ церковь Св. Петра, когда очень много форестьеровъ. Эти дѣвицы Конти влюбились страшнымъ образомъ въ двухъ жандармовъ; но такъ какъ, по причинѣ того же самаго самовластнаго правленія своей матушки, онѣ не могли видѣть часто своихъ любовниковъ, то [средство, какъ вы увидите, очень оригинальное] онѣ рѣшились задавать матушкѣ каждый день въ извѣстное время добрый пріемъ опіума и въ продолженіе того времени, какъ матушка спала, впускали къ себѣ своихъ жанрдармовъ. Одинъ разъ, когда матушка еще не успѣла совершенно вздремнуть, одна изъ этихъ героинь — которая именно, не помню — сгарая нетерпѣніемъ видѣть своего жандарма, полѣзла къ ней подъ подушку доставать ключи. Мать проснулась и съ этихъ поръ усилила присмотръ, а дочки рѣшились усилить пріемъ опіума. Старуха никакъ не могла понять, отъ чего у ней кружится голова. Пріемы опіума, видно, были довольно велики. Она уже давно подозрѣвала, что дочери что-то съ ней дѣлаютъ, и рѣшилась одинъ разъ прикинуться спящею. Дочери вели преспокойно въ своей комнатѣ бесѣду съ своими любовниками, какъ вдругъ стучатъ въ дверь, и голосъ матери приказываетъ имъ отворить. Дочери спрятали ихъ какъ могли; но, по разстроенному и испуганному ихъ виду, мать догадалась, что въ комнатѣ что-нибудь есть, начала искать, искать, и выташила изъ шкафа обоихъ жандармовъ. Выгнавши жандармовъ, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убѣжали въ монастырь. Оттуда онѣ написали письмо къ одному монсиньору, ихъ опекуну, жалуясь на деспотизмъ своей матери и требуя, чтобъ ихъ выдали замужъ за жандармовъ. Монсиньоръ изъявилъ свое разрѣшеніе, и теперь обѣ Конти — супруги; живутъ и питаются рѣшительно одною любовью, потому что у жандармовъ нѣтъ ни копѣйки, а мать съ своей стороны не хочетъ дать ни меццобайока.

»Другой романъ. Одинъ изъ фамиліи Доріевъ влюбился до безумія въ одну дѣвушку сироту, хорошей, впрочемъ, фамиліи, а главное — пре-

красную собою. Все дѣло было между ними улажено, и черезъ недѣлю свадьба, какъ вдругъ Дорія получаетъ извѣстія, заставляющія его ѣхать въ Геную. Онъ проситъ свою невѣсту переѣхать на время въ монастырь, потому что онъ не желалъ бы ее видѣть до тѣхъ поръ въ свѣтѣ. Уѣзжаетъ въ Геную; оттуда пишетъ письмо довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которыя заставляютъ его пробыть немного долѣе; описываетъ ей великолѣпіе своего генуэзскаго дворца и приуготовленія, которыя онъ дѣлаетъ къ принятію ея. Изъ Генуи Дорій поѣхалъ въ Парижъ и оттуда написалъ письмо, менѣе страстное, а наконецъ увѣдомилъ ее, что свадьба не можетъ между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этотъ союзъ. Бѣдная невѣста не сказала ни слова на это, никакихъ укоризнъ, но черезъ пять дней умерла. Тѣло ея было выставлено въ одной изъ римскихъ церквей. Она и мертвая была прекрасна.

»Третій романъ тоже съ Доріемъ, другимъ. Но не хочу болѣе сплетничать. Вы знаете о немъ, безъ сомнѣнія, изъ газетъ, потому что онъ былъ публикованъ. Въ Римѣ шумно, болѣе, нежели сколько бы желалось. Форестьеровъ гибель. Русскихъ, Энглишей, Французовъ — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Римъ мнѣ кажется теперь похожимъ на домъ, въ которомъ мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и въ который теперь пріѣзжаемъ, и находимъ, что домъ проданъ; изъ оконъ выглядываютъ какія-то глупыя лица новыхъ хозяевъ.... словомъ, грустно. Пишите ко мнѣ, не забывайте вашего обѣщанія. Пишите ко мнѣ не тогда, когда вамъ будетъ весело, но тогда, когда вамъ сдѣлается скучно, или, лучше, когда душа ваша пожелаетъ съ кѣмъ-нибудь раздѣлиться, когда вы почувствуете потребность передать именно кому-нибудь мысли. Будь онѣ самыя сокровенныя, пишите ихъ смѣло: я ихъ сохраню, какъ секретъ. Еще одна просьба къ вамъ, и я васъ попрошу, чтобы (вы) попросили отъ меня тоже вашу маменьку: будьте такъ добры, навѣстите когда-нибудь моихъ сестеръ въ Патріотическомъ институтѣ. Вы этимъ сдѣлаете имъ большое благодѣяніе. Можетъ быть, онѣ украдутъ что-нибудь изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ; а это можетъ доставить имъ много радости въ жизни. Мнѣ часто становится грустно при мысли, что у нихъ никого нѣтъ изъ родныхъ близко.

Если жъ вамъ не будетъ времени и вы будете заняты, то отправьте имъ это письмо, которое я при семъ прилагаю.«

Къ ней же.

»Май 30, 1839. Римъ.

»Я получилъ ваше письмо и, распечатавъ, долго не вѣрилъ, ваше ли это письмо, вы ли пишете ко мнѣ. Какъ вы перемѣнились! Уже годъ, какъ я не получалъ отъ васъ писемъ, и вы въ этотъ одинъ годъ такъ выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрѣлость и быстрый ходъ! Даже почеркъ письма вашего измѣнился; даже русскій языкъ и падежи васъ слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что дѣвушка на 18-мъ году въ одинъ годъ проходитъ тотъ курсъ, который нашему брату едва дается въ нѣсколько лѣтъ. Вы писали ваше письмо, какъ сами говорите, подъ вліяніемъ записокъ Александрова, или Дуровой, которыя вы въ то время читали. Ваши сужденія объ этой книгѣ оригинальны и вмѣстѣ тонки и вѣрны. Ваши мысли тѣ же, какія я зналъ въ васъ и встрѣчалъ прежде. То же въ нихъ своебразное выраженіе вашего характера, и я бы угадалъ ихъ, зная хорошо васъ, еще прежде, чѣмъ вы бы ихъ сказали. Но онѣ получили здѣсь такую зрѣлую оболочку, такую точность, такъ выразились ясно, отчетливо, что я вижу: это и вы, и не вы вмѣстѣ. Еслибы ваше письмо пришло нѣсколькими мѣсяцами раньше, я бы съ готовностію и живою, многорѣчивою охотою пустился бы соглашаться съ вами и поперечить вамъ, и судить, и спорить обо всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы пишите; но чувствую, что теперь буду и тупъ, и вялъ, и глупъ. Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы; другія, совершенно непризванныя, являются на мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ то же подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, но другой и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-краснорѣчивы ея страницы. Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Вьельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали, можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его

сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновеннаго, основательнаго ума его. И все это — добыча неумолимой смерти. И не спасутъ его ни молодыя лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную. Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ. Итакъ не вините меня, если я глупъ и не умѣю къ вамъ написать письмо такъ же умно, какъ вы написали его ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ, одинъ единственно прекрасный и возвышенно благородный изъ вашихъ петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ.... Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошаго (на землѣ)! Едва только оно успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что́ прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы. »Оно на краткій мигъ«, шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. »Оно дается для того, чтобы существовала по немъ вѣчная тоска »сожалѣнія, чтобы глубоко и болѣзненно крушилась по немъ душа.« — —

»Зачѣмъ вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ здоровьи, о его подробномъ, то есть, состояніи? Я бы вамъ далъ совѣтъ очень не хуже докторскаго. Знайте же: ваша болѣзнь излѣчима совершенно, и со мною согласны всѣ тѣ, которымъ я давалъ идею о вашей болѣзни. Вы должны лѣчиться холодною водою въ Грефенбергѣ. Слышали ли вы о чудесахъ, производимыхъ тамъ медикомъ, воспитаннымъ одною натурою, безъ помощи медицинскихъ академій и проч. и проч.? Я одинъ изъ числа самыхъ невѣрующихъ, какъ вы сами знаете, и всегда сомнительно качалъ головою, когда слышалъ, какъ вы внимали вздорамъ Фишера, или глотали ваши гомеопатическіе порошки и аллопатическія гадости въ видѣ микстуръ. Но, клянусь, я самъ своими глазами видѣлъ такія чудеса! Нѣтъ, я умоляю вашу маменьку всѣми силами небесными испытать это средство. Холодной водой лѣчатъ всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, но болѣе всего лѣчатъ болѣзни вашего рода. — — — Если ваша болѣзнь даже просто только головной ревматизмъ, то ревматизмы цѣлятся удивительно. Словомъ, послушайте слова истины и поѣзжайте.

»Кстати о здоровьѣ и болѣзняхъ, если о нихъ уже мы заговорили.

Говорятъ, для больного нѣтъ большаго наслажденія, какъ встрѣтиться то же съ больнымъ и наговориться съ нимъ досыта о своихъ болѣзняхъ. Они говорятъ объ этомъ съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ говорятъ только обжоры о съѣденныхъ ими блюдахъ. Итакъ, вслѣдствіи этого, скажу вамъ о своемъ то же здоровьи. Здоровье мое non vale un fico (¹), какъ говорятъ Итальянцы, — хуже нынѣшней русской литературы, о которой вы мнѣ доставили въ вашемъ письмѣ извѣстія. Лѣтомъ ѣду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ. Вы не повѣрите, какъ грустно оставить на одинъ мѣсяцъ Римъ и мои ясныя, мои чистыя небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту Германію, гадкую, запачканную и закопченную табачищемъ.... Но я забылъ, что вы ее такъ любите, и чуть было не сказалъ еще нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ. Впрочемъ, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша. И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которыя такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, чтó составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о нѣмецкой дымной путаницѣ! И можете ли сказать, что всякій Нѣмецъ есть Шиллеръ? Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, но только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда-нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть: »Невскій проспектъ«. По мнѣ, Германія есть не чтó другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленькую неопрятность этого выраженія. Чтó жъ дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, не смотря на то, что Нѣмцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужаснымъ образомъ и, можетъ быть, даже имѣете маленькое желаніе поджарить меня за это на медленномъ огнѣ. Но полно! больше не буду васъ сердить.

»Вы меня очень заинтересовали новымъ романомъ, который вы читали и который вамъ понравился. Я вѣрю, онъ долженъ быть очень хорошъ, ибо всѣ ваши сужденія въ этомъ вашемъ послѣднемъ письмѣ такъ

(¹) Т. е. не стоитъ фиги. *Н. М.*

основательны, что я никакъ не смѣю имъ не вѣрить [отсюда исключается словъ нѣсколько о Нѣмцахъ]. Я говорю о романѣ Миклашевичевой(1), о которомъ вы пишете. Онъ точно рѣдкость у насъ на Руси. Порядочный романъ.... что-то очень....(2). У меня на языкѣ вертѣлось вставить здѣсь одно слово, которое чрезвычайно просилось на языкъ, но лучше повоздержаться. Не все то можно, что̀ хочется, особливо въ письмѣ; ибо есть очень много такихъ почтенныхъ людей, которые чрезвычайно любятъ [можетъ быть, даже изъ любви къ просвѣщенію] читать чужія письма и доставлять такимъ образомъ невинное утѣшеніе добродушной душѣ своей, а иногда выводить даже изъ этого невинныя сплетни. Въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, еще теплятся слѣды восторга, чувствованнаго вами при представленіи »Гамлета«. Вы имъ полны. Впечатлѣнія ваши живы и сильны. Такъ они и должны быть. Вы его смотрѣли въ первый разъ, и актеръ, исполнявшій роль его, долженъ былъ вамъ нравиться безусловно, совершенно. Таковъ законъ, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потомъ вы будете тоже восхищаться, но будете болѣе находить большихъ промаховъ въ актерѣ. Каратыгинъ есть одинъ изъ тѣхъ актеровъ, который вдругъ и съ перваго раза влечетъ къ себѣ, схватываетъ васъ въ охапку насильно и уноситъ съ собой, такъ что вы не имѣете даже времени очнуться и придти въ себя. Эти роли совершенно въ его родѣ. Но большая часть ролей, созданныхъ Шекспиромъ, и въ томъ числѣ Гамлетъ, требуютъ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ недостаетъ въ Каратыгинѣ. Вы можете это увидать только послѣ, по долгомъ соображеніи и долгомъ изученіи характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ, и потому я не хочу говорить вамъ объ этомъ. Лучше, если вы дойдете къ этому сами.

»Вы спрашиваете меня о новостяхъ: что̀ происходитъ новаго среди вѣчныхъ древностей? Все прекрасно, чудесно. Больше ничего не могу сказать. Цвѣтутъ розы, темнѣютъ кипарисы, ослѣпительно сіяетъ синій небесный сводъ, убраны по праздничному всѣ развалины и вашъ другъ Колизей. Но вы все это знаете и безъ моихъ словъ. Картина

(1) Онъ не былъ напечатанъ.

(2) Здѣсь слова два вырвано облаткою. *Н. М.*

Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоить на томъ же, на чемъ стояла. Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ разъ Италію, и, дохнувъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою. Бруни какъ-будтобы прихватило петербургскимъ морозомъ; по крайней мѣрѣ кисть его скользитъ лѣниво, а не работаетъ. Объ аббатѣ Ланчи не имѣю ни какого свѣдѣнія.

»Вы пишете и спрашиваете, когда я буду къ вамъ. Это задача для меня самаго, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрѣшать. Притомъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату такой, который и мнѣ можетъ пригодиться. Прощайте. Будьте здоровы. Не оставьте совершенно безъ вниманія поданный мною вамъ совѣтъ на счетъ здоровья вашего; я имѣю хорошее предчувствіе, — и не сердитесь за глупость письма моего. Право, еслибы вы знали положеніе души моей, — о, вы бы извинили меня!«

Во время болѣзни графа Іосифа Вьельгорскаго, о которой упоминается въ этомъ письмѣ, Гоголь велъ родъ дневника, котораго сохранилось только двѣ осьмушки. Существовало ли продолженіе — не извѣстно; но въ этихъ листкахъ не достаетъ средины, какъ видно изъ того, что на одномъ листкѣ написано: »Ночь 1-ая«, а на другомъ: »Ночь 8-я«. Можетъ быть, это отрывокъ тѣхъ записокъ, о которыхъ упоминается въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 2 ноября 1837 года. Какъ бы то ни было, но этотъ отрывокъ интересенъ въ высшей степени, какъ изліяніе нѣжной, можно сказать ангельской души поэта. Вотъ онъ.

»НОЧИ НА ВИЛЛѢ.

»Ночь 1-ая.

»Онѣ были сладки и томительны эти безсонныя ночи. Онъ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онъ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночного бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него! Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу *ты*. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ! Онъ сидѣлъ все тотъ же кроткій, тихій, покорный. Боже, съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь, еслибъ моя

смерть могла возвратить его къ здоровью! съ какою готовностью я бы кинулся тогда къ ней!

»Я не былъ у него въ эту ночь; я рѣшился наконецъ заснуть ее у себя. О, какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ! Я дурно спалъ ее, не смотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ; мнѣ онъ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ къ нему, какъ преступникъ. Онъ увидѣлъ меня, лежащій въ постелѣ. Онъ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онъ далъ мнѣ руку, пожалъ ее любовно.

»— Измѣнникъ«! сказалъ онъ мнѣ: — ты измѣнилъ мнѣ.

»— Ангелъ мой! сказалъ я ему: — прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданьемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ. Прости меня!

»Кроткій! онъ пожалъ мою руку. Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенныя мнѣ моею глупо проведенною ночью!

»— Голова моя тяжела, сказалъ онъ.

»Я сталъ его обмахивать вѣткою лавра.

»— Ахъ, какъ свѣжо и хорошо! говоритъ онъ.

»Его слова были тогда... что они были!... что̀ бы я далъ тогда, какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ...! нѣтъ, о нихъ не стоитъ говорить. Ты, кому попадутся — если только попадутся — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ, — ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебѣ. Ты поймешь, какъ гадка вся груда сокровищъ и почестей, эта звенящая приманка деревянныхъ куколъ, названныхъ людьми. О, какъ бы тогда весело, съ какою бъ злостью растопталъ и подавилъ все — — — еслибы только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе на лицѣ его!

»— Что̀ ты приготовилъ для меня такой дурной май? сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій по стекламъ оконъ вѣтеръ, срывавшій благовонія съ цвѣвшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій и клубившій ихъ вмѣстѣ съ листками розъ.

»Въ 10 часовъ я сошелъ къ нему. Я его оставилъ за 3 часа до этого времени, чтобъ отдохнуть немного и приготовить ему... чтобъ доставить какое-нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе, скука выражались на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ; слегка махнулъ рукой.

»— Спаситель ты мой! сказалъ онъ мнѣ. Они еще донынѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова.

»— Ангелъ ты мой! ты скучалъ?

»— О, какъ скучалъ« ! отвѣчалъ онъ мнѣ.

»Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались. Онъ все еще жалъ мою руку.

»Ночь 8-ая.

»Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидячее положеніе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шелъ къ своей постелѣ. Душенька мой! его уставшій взглядъ, его теплый пестрый сертукъ, медленное движеніе шаговъ его... все это я вижу, все это предо мною. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и взглянувши на постель:

»— Теперь я пропавшій человѣкъ.

»Мы всего только полчаса останемся въ постелѣ, сказалъ я ему: потомъ перейдемъ вновь въ твои кресла.

»Я глядѣлъ на тебя, мой милый, нѣжный цвѣтъ, во все то время, какъ ты спалъ или только дремалъ на постелѣ и въ креслахъ; я слѣдилъ твои движенія и твои мановенья, прикованный непостижимою къ тебѣ силою.

»Какъ странно нова была тогда моя жизнь, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я читалъ въ ней повтореніе чего-то отдаленнаго, когда-то давно бывшаго! Но мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками, и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ

мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности, когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя.... И всѣ эти чувства, сладкія, молодыя, свѣжія, увы, жители невозвратимаго міра, всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ большую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безнадежнѣе увидѣлъ изчезающую мою жизнь. Такъ угаснувшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобъ потомъ скрыться на вѣки.«

Здѣсь я долженъ нарушить хронологическій порядокъ, чтобы дать мѣсто письму Гоголя къ князю В. Ѳ. О***, въ которомъ выражается тоска по родинѣ или по тѣмъ лицамъ, которыя служатъ представителями милой родины для души одиноко странствующаго путешественника.

»Римъ. 1838 года, марта 15.

»Любитъ ли меня князь О**ій такъ же, какъ прежде? вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ? Я его люблю и вспоминаю. Воспоминаніе заключается въ талисманѣ, который ношу на груди своей. Талисманъ составленъ изъ немногихъ сладкихъ для сердца именъ, — именъ, унесенныхъ изъ родины. Но, переселенцы, они дышутъ тамъ не такъ, какъ цвѣты; нѣтъ, они живутъ живѣе, чѣмъ жили прежде. Талисманъ этотъ хранитъ отъ невзгодъ, и когда нечистое подобіе тоски или скуки подступитъ ко мнѣ, я ухожу въ мой талисманъ, и въ кругу, мнѣ сладкомъ, заочныхъ и вмѣстѣ присутствующихъ друзей нахожу свой якорь и пристань.

»Помнятъ ли меня мои родные, соединенные со мною святымъ союзомъ музъ? Никто ко мнѣ не пишетъ. Я не знаю, что̀ они дѣлаютъ, надъ чѣмъ трудятся. Но мое сердце всё еще болитъ донынѣ. Когда занесется сюда газетный листокъ, я напрасно силюсь отыскать въ немъ знакомое душѣ имя или что-нибудь, на чемъ бы можно остановиться.

»Все рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли, до ничтоже-

ства! Доселѣ всё жила надежда, что снидетъ Іисусъ, гнѣвный и неумолимый, и безпощаднымъ бичомъ изгонитъ и очиститъ святой храмъ отъ торга и продажи, да свободнѣе возносится святая молитва.«

Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ не имѣю въ своихъ рукахъ писемъ Гоголя къ Жуковскому и еще къ двумъ-тремъ лицамъ, съ которыми онъ переписывался, живя за границею, и потому долженъ дѣлать пробѣлы въ его біографіи, которые надѣюсь, наполнить въ свое время. Теперь, чтобъ показать отношенія Гоголя къ Жуковскому, разскажу одинъ характеристическій анекдотъ, въ которомъ Гоголь является такимъ же баловнемъ маститаго поэта, какимъ былъ въ свое время и Пушкинъ. Когда Жуковскій жилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Гоголь прогостилъ у него довольно долго. Однажды — это было въ присутствіи графа А. К. Т*** — Гоголь пришелъ въ кабинетъ Жуковскаго и, разговаривая съ своимъ другомъ, обратилъ вниманіе на карманные часы съ золотой цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Чьи это часы? спросилъ онъ.

— Мои, отвѣчалъ Жуковскій.

— Ахъ, часы Жуковскаго! никогда съ ними не разстанусь!

Съ этими словами, Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій, восхищаясь его проказливостью, долженъ былъ отказаться отъ своей собственности.

Написавъ слово »проказливость«, я вспомнилъ слова С. Т. Аксакова объ этой чертѣ характера Гоголя, въ болѣе обширномъ смыслѣ. Съ его позволенія, я приведу здѣсь отрывокъ изъ письма его ко мнѣ.

»Въ натурѣ Гоголя была проказливость, шутка: онъ любилъ спроказить, подшутить, любилъ пуфъ. Онъ былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобъ отдѣлаться какъ-нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ. По тѣмъ же причинамъ, онъ часто давалъ обѣщанія, которыя и не думалъ исполнять. Изъ множества примѣровъ, я разскажу вамъ два.

»Гоголь вздумалъ попробовать, можно ли путешествовать въ чужихъ краяхъ, не имѣя паспорта, и выдумалъ слѣдующую штуку. Когда на-

добно было предъявлять гдѣ-нибудь паспорты, Гоголь отбиралъ ихъ отъ пассажировъ и очень обязательно принималъ на себя хлопоты представить, кому слѣдуетъ. Собственнаго паспорта онъ не отдавалъ, а оставлялъ у себя въ карманѣ. Когда помѣченные паспорты возвращали Гоголю, онъ принималъ ихъ, разсматривалъ и вдругъ восклицалъ: »Да гдѣ же мой паспортъ? Я вамъ его отдалъ вмѣстѣ съ другими!« Начинали искать, но паспорта не находили. Тотъ, кто ихъ записывалъ, совѣстился, извинялся, а Гоголь мастерски разъигрывалъ сконфуженнаго путешественника. Между тѣмъ надобно было ѣхать, и Гоголь уѣзжалъ съ незаписаннымъ паспортомъ. Разумѣется онъ разнообразилъ свои выдумки. Дѣло только въ томъ,что я и другіе видѣли его паспортъ, возвратившимся изъ за границы почти бѣлымъ; а извѣстно, какъ бываютъ измараны замѣтками заграничные паспорты.

»Вотъ другой случай. Гоголь ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву въ дилижансѣ и сидѣлъ въ одномъ купе съ моимъ знакомымъ, прекраснымъ человѣкомъ, П. И. П***. Замѣтя, что товарищъ очень обрадовался сосѣдству извѣстнаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не Гоголь, а *Гогель,* прикинулся смиреннымъ простачкомъ, и П*** оставилъ сосѣда въ покоѣ. Пріѣхавъ въ Москву, П*** немедленно посѣтилъ насъ. Рѣчь зашла о Гоголѣ, и петербургскій гость изъявилъ горячее желаніе его видѣть. Я сказалъ, что это очень немудрено, потому что Гоголь бываетъ у насъ почти каждый день. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Гоголь, своей тогда еще живой и бодрою походкой. Я познакомилъ его съ моимъ гостемъ, и что́ же? П*** узнаетъ въ Гоголѣ своего сосѣда Гогеля! Мы не могли удержаться отъ смѣха. Но П*** осердился. Онъ былъ правъ: за что̀ Гоголь дурачилъ его трое сутокъ? Между тѣмъ Гоголь сдѣлалъ это рѣшительно для того, чтобы избавиться отъ докучныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ обыкновенно писателю: »Что̀ вы теперь пишете? когда подарите насъ новымъ произведеніемъ? для чего вы не напишите того-то?« и проч. и проч. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который такъ любилъ уединеніе дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу, и онъ, поднявъ воротникъ шинели выше своей головы [это была его любимая поза], всю дорогу читалъ потихоньку Шекспира или предавался своимъ творческимъ фантазіямъ.«

Дорожныя приключенія Гоголя — еслибъ собрать ихъ побольше — представили бы очень занимательное чтеніе, потому что Гоголь во всемъ, что съ нимъ случалось, выказывалъ часть своего оригинальнаго и разнообразнаго характера. Напримѣръ, однажды, остановясь во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ гостинницѣ »Der weisse Schwan«, онъ вздумалъ ѣхать куда-то далѣе и, чтобы не встрѣтить остановки по случаю отправки вещей, велѣлъ наканунѣ отъѣзда гаускнехту (то, что у насъ въ трактирахъ половой), уложить всѣ вещи въ чемоданъ, когда еще онъ будетъ спать, и отправить туда-то. Утромъ, на другой день послѣ этого распоряженія, посѣтилъ Гоголя графъ А. К. Т***, и Гоголь принялъ своего гостя въ самомъ странномъ нарядѣ — въ простынѣ и одѣялѣ. Гаускнехтъ исполнилъ приказаніе поэта съ такимъ усердіемъ, что не оставилъ ему даже во что одѣться. Но Гоголь, кажется, былъ доволенъ своимъ положеніемъ и цѣлый день принималъ гостей въ своей пестрой мантіи, до тѣхъ поръ, пока знакомые собрали для него полный костюмъ и дали ему возможность уѣхать изъ Франкфурта.

XIII.

Письма Гоголя къ А. С. Данилевскому: о кофейныхъ домахъ по марсельской дорогѣ; — о разныхъ интересовавшихъ его пьесахъ и книгахъ; — о петербургскихъ пріятеляхъ; — о юбилеѣ Крылова; — о чайныхъ вечерахъ въ Римѣ; — о современномъ воспитаніи; — утѣшенія другу въ его потерѣ; — о разстройствѣ здоровья и порядкѣ жизни въ Римѣ: — о представленіи »Ревизора« въ Полтавѣ и нерасположеніи Полтавцевъ къ его автору; — объ утратѣ юношеской свѣжести чувствъ; — объ изученіи Рима съ Жуковскимъ; — о смерти графа Іосифа Вьельгорскаго. — Письма къ матери о замѣчательныхъ предметахъ за границею.

Каковы бы ни были письма Гоголя къ бывшей ученицѣ и къ сестрамъ, по своей полнотѣ и занимательности, но въ нихъ онъ не могъ высказаться со всѣхъ сторонъ своихъ. Переписка его съ другомъ дѣтства и товарищемъ по воспитанію А. С. Данилевскимъ заключаетъ въ себѣ новыя страницы изъ исторіи его заграничной жизни. Я не хотѣлъ, для соблюденія хронологическаго порядка, мѣшать ихъ съ предыдущими письмами: мнѣ кажется, что они больше скажутъ о Гоголѣ, будучи прочитаны безъ перемежки.

1.

»Lion. 28, воскресенье (1838).

»Хотябы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона, этого не извѣстно почему неприличнаго мѣста, но, покорный произнесенному слову въ минуту разставанья нашего, о мой добрый братъ и племянникъ! пишу. Хотя совсѣмъ нечего писать, но да будетъ это между нами обычаемъ извѣщать другъ друга даже о томъ, что не имѣется матеріи для письма. Я много, много кратъ досадов(алъ) на то, что взялъ эту подлую дорогу на Марсель. Ничего родного до самаго Рима — это, право, тоска. Тамъ хоть Женева съ мамзелями Фабръ и Каламъ, съ чаемъ въ Коронованной гостинницѣ и наконецъ съ вдохновеннымъ М***; что̀ мнѣ предоставляло не мало удовольствія. А здѣсь, вмѣсто всего этого, день безцвѣтный, тоскливой въ этомъ безличномъ Ліонѣ. Какъ я завидовалъ тебѣ всю дорогу, тебѣ, сѣдоку въ этомъ солнцѣ великолѣпія, въ Парижѣ! Вообрази, что по всей дорогѣ, по всѣмъ городамъ (caffés) бѣдные, (...) служеніе то же, жрецы невѣжи и неопрятно; благородная форма чашки въ видѣ круглаго колодца совершенно изчезла и мѣсто ея занѣ(ни)ла подлѣйшая форма суповой чашки, которая, къ тому же, показываетъ довольно скоро неопрятное дно свое. О вкусѣ и благоуханіи жертвъ нечего и говорить: на дубовые желуди похожъ и дѣлается изъ чистой цыкоріи; такъ что, признаюсь, по неволѣ находятъ вольнодушныя — — мысли, и чувствую, что ежеминутно слабѣютъ мои — — правила — — такъ что, еслибъ только нашлась другая съ искусными жрецами, а особенно жертвами, какъ напр. чай, или шеколадъ, то прощай и послѣдняя (ревность)! Счастливы монмартрскіе богомольцы! Много еще мнѣ предстоитъ пути. Ни Лафитъ, (н)и Notre Dame не имѣютъ тутъ своихъ дилижансовъ, и меня сдали такъ же, какъ назадъ тому было два года, какой-то преподлой компаніи. Ничего не случилось въ дорогѣ, кромѣ того только, что сегодня поутру — — на дорогѣ — — позабылъ — — моего итальянскаго Курганова, котораго купилъ случайно въ Парижѣ и который мнѣ до сихъ поръ служилъ въ дорогѣ утѣшеніемъ, и спохватился скоро, но безжалостный кондукторъ, который, впрочемъ, очень похожъ былъ лицомъ на Сосницкаго, никакъ не хотѣлъ подождать двухъ минутъ.

»Мнѣ кажется, я позабылъ мелкі(е) стихи Касти. Маленькая книжка. Ежели ее отыщешь, то перешли съ тѣмъ, кто поѣдетъ въ Италію прежде, — съ Квиткой, или съ кѣмъ другимъ.

»Если увидишь (А. И) Тургенева, то скажи ему, что я никакъ не успѣлъ передъ выѣздомъ отвѣчать на его записку, но что изъ Рима, тотчасъ по пріѣздѣ, пишу къ нему и пришлю требуемые имъ стихи *на пожаръ Зимняго Дворца.*«

2.

»Римъ. Апрѣля 2 (1838).

»Я пишу и отвѣчаю на твое письмо немножко позже, чѣмъ думалъ, — все оттого, что хотѣлъ писать къ тебѣ съ оказіей черезъ Ч***, котораго, безъ сомнѣнія, ты встрѣтишь въ Парижѣ, въ родѣ тѣхъ офицеровъ-лихачей, которые водятся только у насъ на Руси. Но такъ какъ Ч*** меня надулъ и, вмѣсто назначеннаго дня, уѣхалъ раньше, то я наконецъ долженъ писать по почтѣ.

»Письмо твое привезли довольно исправно и скоро пріятели твои Бодиско и Исаевъ и потомъ ушли, и, куда дѣлись, я никакъ не могъ догадаться. Въ первый разъ они меня не застали дома. Я вхожу къ себѣ и вижу — на столѣ лежитъ знакомая мнѣ палка. Этотъ сюрпризъ меня очень обрадовалъ: мнѣ показалось, какъ будто бы я увидѣлъ часть тебя самаго. Краски я тоже получилъ, хотя не всѣ изъ тѣхъ самыхъ колеровъ, которые я тебѣ назначилъ. Я не просилъ ни jaune d'or, ни карминy; но дареному коню въ зубы не смотрятъ. Благодарю тебя очень за все. Я хотѣлъ было просить....

»Въ эту самую минуту высунулся ко мнѣ въ дверь почталіонъ и подалъ мнѣ отъ тебя письмо новое. Это обстоятельство и чтеніе его совершенно выбили изъ головы моей, о чемъ я хотѣлъ было просить тебя. Да, письмо твое нѣсколько грустновато. Мнѣ самому даже будущность твоя не представляется въ заманчивомъ видѣ. Я бы тебѣ даже не совѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ. Чортъ возьми! холодно и для тѣла, и для души. Мнѣ кажется, лучше было бы для тебя поселиться въ Москвѣ. Тамъ жить дешевле, люди привѣтливѣй; тамъ живутъ мои пріятели, которые любятъ меня непритворно, искренно: они полюбятъ то же тебя. Тамъ те-

бѣ будетъ радушнѣе. Мы объ этомъ поговоримъ съ тобою въ Маріенбадѣ, куда, я надѣюсь, будешь и ты. Я думаю даже, что въ Москвѣ ты скорѣе можешь найти какую-нибудь службу, или — пора тебѣ попробовать себя. Не будь упрямъ: можетъ быть, тебѣ Богъ далъ расположеніе и талантъ, котораго ты еще не знаешь. Примись за что-нибудь, пиши! Хоть изъ любви ко мнѣ, если не хочешь изъ любви къ себѣ. Тебѣ, вѣрно, пріятно исполнить мое приказаніе, такъ какъ мнѣ пріятно исполнять твое. Пиши, или переводи. Ты теперь языкъ французскій знаешь хорошо; безъ сомнѣнія, и италіянскій также. Или веди просто записки. Матеріалу у тебя для этого понабралось. Ты не мало уже видѣлъ и слышалъ: и хлопочущій Парижъ, и карнавальная Италія; право, много всего... и русскій человѣкъ въ серединѣ. Погодинъ и Шевыревъ примутся не шутя издавать настояще дѣльной журналъ; ты бы могъ трудиться для него то же. Съ первымъ днемъ 1840 года, кажется, должна выдти первая книжка. — — —«

3.

(23 апрѣля, 1838. Римъ). (¹)

»Уже хотѣлъ я грянуть на тебя третьимъ и послѣднимъ письмомъ, исполненнымъ тѣхъ громовъ, которыми нѣкогда разилъ Ватиканъ коронованныхъ ослушниковъ; уже рука моя начертала даже нѣсколько тѣхъ привѣтствій, послѣ которыхъ дѣлается несвареніе въ желудкѣ и прочіе разные accidente, какъ вдругъ предсталъ передъ меня Золотаревъ съ веселымъ лицомъ и письмомъ въ рукѣ. Это появленіе его и это письмо въ рукѣ въ одну минуту ослабило мои перуны.

»Я получилъ твое письмо вчера, т. е. 10 апрѣля и пишу къ тебѣ сегодня, 11-го. Прежде всего тебѣ выговоръ, потому что въ самомъ дѣлѣ подозрѣнія твои непростительны. Ты ужъ, слава Богу, великъ, выросъ на красоту и на зависть мнѣ приземистому и невзрачному; тебѣ пора знать, что подобные фокусы, какъ-то: выставленіе писемъ заднимъ числомъ, просрочки, ложь и прочее и прочее употребляются только съ

(¹) Эта дата взята изъ штемпеля, на внѣшней сторонѣ письма. *Н. М.*

людьми почтенными, которыхъ мы обязаны любить и почитать, и съ Рождествомъ ихъ поздравлять,

»Чтобъ остальное время года
О насъ не думали они.«

Итакъ ты самъ могъ бы знать, что это было бы очень смѣшно, еслибы что-нибудь тому подобное могло случиться между нами. Я къ тебѣ писалъ, пріѣхавши ту же минуту въ Римъ; и вижу, что на этотъ разъ дѣйствительно виновата почта, и я иду сей же часъ бранить почтмейстера сильно, на италіянскомъ діалектѣ, если только онъ пойметъ его, за то, что онъ жидовскимъ образомъ воспользовался пятью байоками. Второе же письмо я точно отдалъ на почту позже, нежели написалъ, но позже только тремя днями, и потому что хотѣлъ дождаться карнавала, чтобы написать тебѣ что-нибудь о немъ. Изъ всего этого я вижу, что есть на свѣтѣ одна только почта неисправная — наша римская.

»Ты спрашиваешь меня, куда я лѣтомъ. Никуда, никуда, кромѣ Рима. Посохъ мой страннический уже не существуетъ. Ты помнишь, что моя палка унеслася волнами Женевскаго озера. Я теперь сижу дома; никакихъ мучительныхъ желаній, влекущихъ вдаль, нѣтъ, развѣ проѣздиться въ Семереньки, то есть, въ Неаполь, и въ Толстое, то есть, во Фраскати, или въ Альбани.

»Я бы совѣтовалъ тебѣ отложить всякую идею о Нѣмеціи, гдѣ ты, Боже святой, какъ соскучишься! и объ этихъ мерзкихъ водахъ, которыя только разстроиваютъ желудки и приводятъ въ такое положеніе бѣдныя наши филейныя части, что впослѣдствіи не на чемъ сидѣть.

»Досадую на тебя очень, что не догадался списать для меня ни »Египетскихъ Ночей«, (н)и »Галуба«. Ни того, ни другого здѣсь нѣтъ. »Современникъ« въ Римѣ не получается, и даже ничего современнаго. Если »Современникъ« находится у Тургенева, то попроси у него моимъ именемъ. Если можно, привези весь; а не то — перешли стихи. Еще пожалуста купи для (меня) новую Поэму М***, — удивительную вещь: »П* Т***«. Она продается въ польской лавкѣ. Гдѣ эта польская лавка, ты можешь узнать у другихъ книгопродавцевъ. Еще: не отыщешь ли гдѣ-нибудь перваго тома Шекспира, — того изданія, которое въ

двухъ столбцахъ и въ двухъ томахъ? Я думаю въ тѣхъ лавочкахъ, что... въ Палерояле, весьма легко можно отыскать его. Еслибы былъ Ноэль, онъ славно исполнилъ бы эту комиссію. За него можно дать до 10 франковъ, ибо я за оба тома далъ 13 фран.

»Кстати о томъ, что въ Парижѣ лѣзутъ деньги. Я наконецъ совершенно начинаю понимать науку экономіи. Прошедшій мѣсяцъ былъ для меня верхъ торжества: я успѣлъ возвести издержки во все продолженіе его до 160 рублей нашими деньгами, включая въ это число плату за квартиру, жалованье учителю, bon gout, кафе grée и даже книги, купленныя на аукціонѣ.

»Дни чудные! на небѣ лучшихъ нѣтъ. Садись скорѣе въ дилижансъ и правь путь къ Средиземному морю. Да не смущаетъ зрѣнія твоего ни Рейнъ съ Кобленцами, Биберихами и Крейценахами, ни да поражаетъ ушей твоихъ языкъ, на которомъ изъясняются враги христіянскаго рода. Обнимаю тебя и ожидаю.«

4.

»Римъ. 2588-й годъ отъ основанія города. 13 мая (1838).

»Я получилъ письмо твое вчера. Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе вмѣсто него увидѣть высунувшееся изъ за дверей, улыбающееся лицо твое; но судьбамъ вышнимъ такъ угодно. Будь такъ, какъ должно быть лучше! Мысль твоя объ женѣ и свекловичномъ сахарѣ меня поразила. Если это намѣреніе обдуманное, крѣпкое, то оно конечно хорошо, потому что всякое *твердое* намѣреніе хорошо и достигаетъ непремѣнно своей цѣли. Существо, встрѣтившее тебя на лѣстницѣ, заставило меня задуматься. — — Но въ сторону такія смутныя мысли! О тебѣ въ моемъ сердцѣ живетъ какое-то пророческое, счастливое предвѣстіе.

»Я пишу къ тебѣ письмо, сидя въ гротѣ на виллѣ у кн. З. Волконской, и въ эту минуту грянулъ прекрасный проливной, лѣтній, роскошный дождь — на жизнь и на радость розамъ и всему пестрѣющему около мени прозябенію. Освѣжительный холодъ проникъ въ мои члены, утомленные утреннею, немного душною прогулкою. Бѣлая шляпа уже давно носится на головѣ моей, но блуза еще не надѣвалась. Прошлое вос-

кресеніе ей хотѣлось очень немного порисоваться на моихъ широкихъ и вмѣстѣ щедушныхъ плечахъ, по случаю предположенной было поѣздки въ Тиволи; но эта поѣздка не состоялась. Завтра же, если погода [а она теперь постоянно прекрасна], то блуза въ дѣло; ибо питторія вся отправляется, и ослы уже издали весело помаваютъ мнѣ. Да, я слышу носомъ ихъ. Все это заманчиво для тебя, и признаюсь, я бы много далъ за то, чтобы имѣть тебя выѣзжающаго объ руку мою на ослѣ. Но будь такъ, какъ угодно высшимъ судьбамъ! Отправляюсь помолиться за тебя въ одну изъ этихъ темныхъ, дышущихъ свѣжестью и молитвою церквей....

»Вообрази, что я получилъ недавно [мѣсяцъ назадъ; нѣтъ, три недѣли] письмо отъ Прокоповича съ деньгами, которыя я просилъ у него въ Женевѣ. Письмо это отправилось въ Женеву, тамъ пролежало мѣсяца два и оттуда, какимъ образомъ, ужъ, право, не могу дознаться, отправлено было къ Валентини; у Валентини оно пролежало то же мѣсяца два, пока наконецъ извѣстили объ этомъ меня. Прокоповичъ пишетъ, что онъ моей библіотеки не продалъ, потому что никто не хотѣлъ купить, но что онъ занялъ для меня деньги 1500 р. и проситъ ихъ возвратить ему по возможности скорѣе. Я этихъ денегъ не отсылалъ, ожидая тебя и думая, не понадобятся ли они тебѣ; но наконецъ, видя, что не ѣдешь, и разсудивши, что Прокоповичъ нашъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ стѣсненъ немного, я отправилъ ихъ къ нему чрезъ Валентини. Это мнѣ стало все около 20 скудъ почти издержки. Золотареву я заплатилъ не двѣстѣ франковъ, какъ ты писалъ, а только 150, потому что онъ сказалъ мнѣ, что вы какъ-то съ нимъ сдѣлались въ остальной суммѣ. Ты пожалуста теперь не затрудняйся высылать мнѣ твоего долга, потому что тебѣ деньги — я знаю — будутъ нужны слишкомъ на путь твой, но въ концѣ года или даже въ началѣ будущаго, когда ты пріѣдешь въ Петербургъ.

»Прокоповича письмо очень, очень коротенькое. Говоритъ, что онъ совершенно сжился съ своею незамѣтною и скромною жизнью, что педагогическія холодныя заботы ему даже какъ-то нравятся, что даже ему скучно, когда придутъ праздники, и что онъ теперь постигнулъ все значеніе словъ:

»Привычка свыше намъ дана —
Замѣна счастія она.«

Говоритъ, что на вопросъ твой о томъ, чтó дѣлаетъ кругъ нашъ, или его, можетъ отвѣчать только: что онъ — сокъ умной молодежи, и больше ничего; что новостей совершенно нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что обламался какой-то мостъ, начали ходить паровозы въ Царское Село и К*** пьетъ мертвую. Отчего произошло послѣднее, я никакъ не могу догадаться. Я съ своей стороны могу допустить только то, что Б** — извѣстный пьяница, а К***, вѣроятно, желая тверже упрочить свой союзъ съ нимъ, ему началъ подтягивать, и, такъ какъ онъ натуры нѣсколько слабой, то, можетъ быть, и черезъ чуръ перелилъ.

»На дняхъ я получилъ письмо отъ С***. Онъ упоминаетъ, между прочимъ, объ обѣдѣ, данномъ Крылову по случаю его пятидесятилѣтней литературной жизни. Я думаю, уже тебѣ извѣстно, что Государь, узнавши объ этомъ обѣдѣ, прислалъ на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замѣчательно то, что Г* и Б*** отказались быть на этомъ обѣдѣ; но когда узнали, что Государь интересуется Самъ, прислали тотчасъ просить себѣ билетовъ. Но О***, одинъ изъ директоровъ, имъ отказалъ. Тогда они нагло пришли сами, говоря, что имъ приказано быть на обѣдѣ; но билетовъ больше не было, и они не могли быть и не были. С** прибавляетъ, что Б***, на возвратномъ пути въ Дерптъ, былъ кѣмъ-то, вѣроятно, изъ дерптскихъ студентовъ, такъ исправно поколоченъ, что недѣли двѣ пролежалъ въ постелѣ. Этого наслажденія я не понимаю; по мнѣ, поколотить Б**** такъ же гадко, какъ и поцѣловать его. — По случаю этого празденства, были написаны и читаны на немъ же стихи — одни Бенедиктова, незамѣчательны; другіе кн. Вяземскаго, очень милы, и очень умны, и остроумны. Они были пѣты. Музыку написалъ Вьельгорскій. (¹)

»Ну, что еще тебѣ сказать? Только и хочется говорить о небѣ да о Римѣ. Золотаревъ пробылъ только полторы недѣли въ Римѣ и, осмотрѣвши, какъ папа моетъ ноги и благословляетъ народъ, отправился въ Неаполь осмотрѣть наскоро все, чтó можно осмотрѣть. Въ двѣ недѣли онъ хотѣлъ совершить все это и возвратиться въ Римъ досмотрѣть все

(¹) Слѣдуетъ извѣстное стихотвореніе кн. Вяземскаго. *Н. М.*

прочее, что ускользнуло отъ его неутомимыхъ глазъ: но вотъ уже больше двухъ недѣль, а его все еще нѣтъ.

»Чтò дѣлаютъ русскіе питторы, ты знаешь самъ: къ 12 и 2 часамъ къ Лепре, потомъ кафе грекъ, потомъ на Монте Пинчіо, потомъ къ bon goût, потомъ опять къ Лепре, потомъ на биліардъ. Зимою заводились было русскіе чаи и карты, но, къ счастію, то и другое прекратилось. Здѣсь — чай что-то страшное, что-то похожее на привидѣніе, приходящее пугать насъ. И притомъ мнѣ было грустно это подобіе вечèровъ, потому что оно напоминало наши вечера и другихъ людей, и другіе разговоры. Иногда бываетъ дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружаетъ. Художники наши, особливо пріѣзжающіе вновь, что-то такое.... Какое несносное теперь у насъ воспитаніе! Дерзость и судить объ всемъ — это сдѣлалось девизомъ всѣхъ средственно воспитанныхъ у насъ теперь людей, а такихъ людей теперь множество. А судить и рядить о литературѣ — считается чѣмъ-то необходимымъ и патентомъ на образованнаго человѣка. Ты можешь судить, каковы сужденія литературныя людей, окончившихъ свое воспитаніе въ Академіи Художествъ и слушавшихъ П***. — Д** мнѣ надоѣлъ страшнымъ образомъ тѣмъ, что ругаетъ совершенно наповалъ все, чтò ни находится въ Римѣ. Но довольно взглянуть на небо и на Римъ, чтобы позабыть все это.

»Но чтò ты пишешь мнѣ мало о Парижѣ? Хоть напиши, по крайней мѣрѣ, какіе халаты теперь выставлены въ Passage Colbert, или въ Орлеанской Галереѣ, и здоровъ ли тотъ dindeaux въ 400 р., который нѣкогда насъ совершенно оболванилъ въ Rue Vivienne. Если, на случай, кто изъ Русскихъ или не-Русскихъ будетъ ѣхать въ Римъ, перешли мнѣ вмѣстѣ съ Тадеушемъ М****, коробочку съ pilules stomachiques, которую возьми въ аптекѣ Колберта, и вмѣстѣ съ нею возьми еще другую, подъ названіемъ pilules indiennes.«

5.

»Римъ. 30 іюня (1838).

»Я получилъ твое письмо отъ 4 іюня. Да, я знаю силу твоей потери У меня самаго, еслибы я имѣлъ болѣе надежды на жизнь, у меня самаго

это печальное событіе омрачило бы много, много свѣтлыхъ воспоминаній. Я почти такимъ же образомъ получилъ объ этомъ извѣстіе, какъ и ты. Въ тотъ самый день, какъ я тебѣ написалъ письмо, которое ты получилъ, въ тотъ самый день уже лежало на почтѣ это извѣстіе. Маменька, вслѣдъ за письмомъ своимъ ко мнѣ, отправила на другой день другое, содержавшее эту вѣсть. Она только что ее услышала и также никакъ еще не успѣла узнать подробностей. Я къ тебѣ отправилъ объ этомъ письмо съ однимъ моимъ знакомымъ, который ѣхалъ въ Парижъ и, безъ сомнѣнія, туда прибылъ уже послѣ твоего отъѣзда. Вижу, что ты долженъ теперь дѣйствовать, идти рѣшительною и твердою походкою по дорогѣ жизни. Можетъ быть, это тотъ страшный переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души. Во всякомъ случаѣ, твой старый, вѣрный, неразлучный съ тобою отъ временъ первой молодости другъ, съ которымъ, можетъ быть, ты не увидишься болѣе, заклинаетъ тебя такъ думать и поступать согласно съ этой мыслью. Эти слова мои должны для тебя быть священны и имѣть силу завѣщанія. По крайней мѣрѣ знай, что, если придется мнѣ разстаться съ этимъ міромъ, гдѣ такъ много довелось вкусить прекрасныхъ, божественныхъ минутъ, и болѣе половины съ тобою вмѣстѣ, то это будутъ послѣднія мои слова къ тебѣ.

»Въ эту минуту я болѣе, нежели когда-либо, жалѣлъ о томъ, что не имѣю никакихъ связей въ Петербургѣ, которыя могли бы быть совершенно полезны. Даю тебѣ письма къ тѣмъ, которые были полезны мнѣ въ другомъ отношеніи, менѣе существенномъ. Если они любятъ меня и если имъ сколько-нибудь дорога память о мнѣ, они, вѣрно, для тебя, сдѣлаютъ что̀ могутъ. Я написалъ къ Жуковскому, В**** и О****. Съ Плетневымъ ты самъ будешь знать объясниться. Еще отнеси это письмо къ Б***. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты познакомился съ этимъ домомъ. Пользы прозаической ты не извлечешь тамъ никакой, но ты найдешь ту простоту, ту непринужденность, ту прелесть и пріятность во всемъ.... Я много провелъ тамъ свѣтлыхъ минутъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы и ты наслѣдовалъ ихъ также. Отнеси маленькую эту записочку моимъ сестрамъ въ институтъ, а также и одной изъ классныхъ дамъ, Mlle M***, которая

введетъ тебя къ нимъ. Тебѣ довольно сказать только, что ты братъ мнѣ. Не совѣтую тебѣ хватать первую должность представившуюся; разсмотри прежде внимательно свои силы и попробуй еще, попытай себя въ другихъ занятіяхъ. Можетъ быть, настало время проснуться въ тебѣ способностямъ, о которыхъ ты прежде думалъ мало. Но во всякомъ случаѣ, руководи высшая сила тобою! Она, вѣрно, знаетъ лучше насъ и на этотъ разъ, вѣрно, укажетъ тебѣ опредѣлительнѣе путь. Только пожалуста не вздумай еще испытать себя на педагогическомъ поприщѣ: это, право, не идетъ тебѣ къ лицу. Я много себѣ повредилъ во всемъ, вступивши на него.

»Напиши мнѣ вѣрно и обстоятельно о пріемѣ, который тебѣ сдѣлаетъ родина, о чувствахъ, которыя пробудятся въ тебѣ при видѣ Петербурга, и обо всемъ томъ, что̀ намъ еще дорого съ тобою. Что̀ касается до меня — здоровье мое плохо. Мнѣ бы нужно было оставить Римъ мѣсяца три тому назадъ. Дорога мнѣ необходима: она одна развлекала и доставляла пользу моему бренному организму. На одномъ мѣстѣ мнѣ не слѣдовало бы оставаться такъ долго. Но Римъ, нашъ чудесный Римъ, рай, въ которомъ, я думаю, и ты живешь мысленно въ лучшія минуты твоихъ мыслей, этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня. Не могу да и только изъ него вырваться. Другая причина есть существенная невозможность. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы меня какой-нибудь (духъ) пронесъ черезъ подлую Германію, Швейцарію, горы, степи и потомъ, черезъ три-четыре мѣсяца, возвратилъ опять въ Римъ! Донынѣ вспоминаю мое возвращеніе въ Римъ. Какъ оно было прекрасно! какъ чудесна была Италія послѣ Сен-Плона! какъ прекрасенъ былъ италіянскій городъ Domo d'Onola!

»Прощай, мой милый, мой добрый! Цѣлую тебя безсчетныя количества, шлю о тебѣ нескончаемыя молитвы. Не забывай меня. Какъ мнѣ теперь прекрасно представляется пребываніе наше въ Женевѣ! Какъ умѣла судьба располагать наше путешествіе, доставляя намъ многія прекрасныя минуты даже въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы вовсе объ нихъ не думали! — —

»Прощай, мой ближайшій мнѣ! Не забывай меня; пиши ко мнѣ.«

6.

»31 декабря (1838). Римъ.

»Наконецъ, слава Богу, я получилъ твое письмо. Ну, ты, по крайней мѣрѣ, живъ. Трогаетъ меня сильно твое положеніе. Видитъ Богъ, съ какою готовностью и радостью помогъ бы тебѣ, и радость эта была бы мое большое счастіе, но, увы!... что̀ дѣлать? Дѣлюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что̀ есть: посылаю тебѣ билетъ въ 100 франковъ, который у меня долго хранился. Я не трогалъ его никогда, какъ будто зналъ его пріятное для меня назначеніе. На дняхъ я перешлю тебѣ черезъ Валентини франковъ, можетъ быть, 200. Ты, по полученіи этого письма, навѣдайся къ банкиру Ружемонту; отъ него ихъ получишь. Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2000 франковъ отъ добраго моего Погодина, который, не знаю, какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ, и прислалъ мнѣ ихъ. Они мнѣ были очень кстати, — тѣмъ болѣе, что дали возможность уплатить долгъ Валентини, который лежалъ у меня на душѣ, и переслать эту бездѣлицу къ тебѣ.

»Что̀ тебѣ сказать о Римѣ? Онъ такъ же прекрасенъ, обширенъ, такое же роскошное обиліе предметовъ для жизни духовной и всяко(й). Но, увы! притупляются мои чувства, не такъ живы мои... Здѣсь теперь гибель, толпа страшная иностранцевъ, и между ними немало Русскихъ. Изъ моихъ знакомыхъ здѣсь Шевыревъ, Чертковъ; прочіе незначительные, т. е для меня. На дняхъ пріѣхалъ Н***, а съ нимъ вмѣстѣ Жуковскій. Онъ всё такъ же добръ, такъ же любитъ меня. Свиданье наше было трогательно: онъ весь полонъ Пушкинымъ. Н***, какъ извѣстно тебѣ, имѣетъ добрую душу — — — Всѣ Русскіе были приглашены къ его столу на второй день его пріѣзда.

»Ты спрашиваешь о моемъ здоровьи — — Плохо, братъ, плохо; всё хуже, — чѣмъ дальше, всё хуже. Таковъ законъ природы. Болѣзненное мое расположеніе рѣшительно мѣшаетъ мнѣ заниматься. Я ничего не дѣлаю и часто не знаю, что̀ дѣлать съ временемъ. Я бы могъ проводить теперь время весело, но я отсталъ отъ всего и самимъ моимъ знакомымъ скучно со мною, и мнѣ тоже часто не о чемъ говорить съ ними. Въ брюхѣ, кажется, сидитъ какой-то дьяволъ, который рѣ-

шительно мѣшаетъ всему, то рисуя какую-нибудь соблазнительную картину неудобосваримаго обѣда, то.... Ты спрашиваешь, что̀ я такое завтракаю. Вообрази, что ничего. Никакого не имѣю апетита по утрамъ, и только тогда, когда обѣдаю, въ 5 часовъ, пью чай, сдѣланный у себя дома, совершенно на манеръ того, какой мы пивали въ кафе Anglais, съ масломъ и прочими атрибутами. Обѣдаю же я не въ Лепре, гдѣ не всегда бываетъ самый отличный матеріалъ, но у Фалкона, — знаешь, что у Пантеона? гдѣ жаренные бараны поспорятъ, безъ сомнѣнія, съ кавказскими, телятина болѣе сыта, а какая-то crostata съ вишнями способна произвесть на три дни слюнотеченіе у самаго отъявленнаго объѣдала. Но, увы! не съ кѣмъ дѣлить подобнаго обѣда. Боже мой! еслибы я былъ богатъ, я бы желалъ... чего бы я желалъ? чтобъ остальные дни мои я провелъ съ тобою вмѣстѣ, чтобы приносить въ одномъ храмѣ жертвы, чтобы сразиться иногда въ биліардъ послѣ чаю, какъ — помнишь? — мы игрывали не такъ давно.. и какое между нами вдругъ разстояніе! Я игралъ потомъ въ биліардъ здѣсь, но какъ-то не клеится, и я бросилъ. Ни съ кѣмъ не хочется, какъ только съ тобой. Чувствую, что ты бы наполнилъ дни мои, которые теперь кажутся пусты. Но зачѣмъ отчаяваться? Вѣдь мы сколько разъ почти прощались навсегда, а между тѣмъ встрѣчались таки и благодарили Бога. Богъ дастъ, еще встрѣтимся и еще проживемъ вмѣстѣ.

»Филинъ, брошенный тобою невзначай въ твоемъ письмѣ, выглядываетъ оттуда очень пріятно Но adieu великолѣпнѣйшій кафе въ необъятныхъ чашкахъ! Къ madame Hochard я рекомендовалъ многимъ Русскимъ. Одинъ изъ нихъ, Межаковъ, я думаю, уже вручилъ тебѣ мое письмо, исполненное самыхъ сильныхъ укоризнъ, которыхъ, впрочемъ, ты стоилъ, какъ и самъ сознался.

»Я получилъ письмо отъ маменьки. Она пишетъ — — что въ Полтавѣ дожидалась очень долго, съ тѣмъ чтобы дождаться, какъ будутъ давать »Ревизора« на какомъ-то тамошнемъ театрѣ, и что крѣпостный олухъ, посланный объ этомъ освѣдомиться, переврал и перепуталъ и ничего не добился, и что онѣ, вмѣсто этого, попали на Шекспирова Гамлета, котораго выслушали всего, и на другой день, къ несказанному удовольствію ихъ, т. е. маменьки и сестры, узнали,

что будутъ играть »Ревизора«, и отправились тотъ же вечеръ. Воображаю, что »Ревизоръ« долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ игранъ злодѣйскимъ образомъ, потому что даже сама маменька, женщина, какъ тебѣ извѣстно, очень снисходительная, говоритъ, что слугу играли изрядно, а прочіе, по способностямъ, какъ могли, чѣмъ богаты, тѣмъ были и рады. По нѣсколь(имъ) нечаянно сказаннымъ словамъ въ письмѣ маменьки, я могъ также замѣтить, что мои соотечественники, т. е. Полтавской губерніи, терпѣть меня не могутъ.

»Но прощай. Цѣлую тебя несчетное множество разъ. Пожалуйста не забывай писать почаще. Кланяйся К*** и скажи однакожъ, что это неблагородно съ его стороны: я его просилъ, садясь въ дилижансъ, такъ убѣдительно, такъ сильно, и онъ мнѣ далъ слово провесть ту ночь въ моей комнатѣ и не оставлять тебя во весь тотъ вечеръ, а онъ... мелкая душонка, отправился къ себѣ, изъ мужицкаго чувства быть болѣе à son aise. Какъ въ одной чертѣ можетъ отразиться ничтожность характера и недостатокъ чувствъ, сколько-нибудь глубокихъ!«

7.

»5 февраля (1839). Римъ.

»Я получилъ письмо твое. Оно, по обыкновенію, принесло мнѣ много радости, потому что письма отъ тебя всегда приносятъ мнѣ радость. Но я вспоминаю и думаю чаще о тебѣ, нежели ты (о) мнѣ. Твое письмо начинается такъ: »Четыре или пять дней, какъ я получилъ письмо твое и деньги«, и проч. Я не такъ дѣлаю: я положилъ навсегда для себя правиломъ писать къ тебѣ того же дня по полученіи твоего письма, какія бы ни были препятствія. Нѣтъ нужды, что не наберется еще матеріаловъ для наполненія страницы. Она не должна наполняться вовсе, если только нужно искать, чѣмъ бы ее наполнить. Лучше пять или шесть строкъ, но именно тѣ, которыя родилились чтеніемъ письма. А главное — не нужно запускать. Это вѣрно. Въ первую минуту, покамѣсть горячо, всегда больше и лучше, и путнѣе напишешь. Мы приближаемся съ тобою [высшія силы! какая это тоска!] къ тѣмъ лѣтамъ, когда уходятъ на дно глубже наши живыя впечатлѣнія и когда наши осла-

бѣвающія, деревянѣющія силы, увы! часто не въ силахъ вызвать ихъ наружу такъ же легко, какъ они прежде всплывали сами, почти безъ зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, насъ облекающая, не окрѣпла и не обратилась наконецъ въ такую толщу, сквозь которую имъ въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя будетъ пробиться. Употребимъ же, по крайней мѣрѣ, все, (чтобы) спасти ихъ хотя бѣдный остатокъ. Пусть мы будемъ имѣть хотя нѣсколько минутъ, въ которыя будемъ свѣжи и молоды. Пусть же мы встрѣтимъ нашу юность, наши живыя, молодыя лѣта, наши прежнія чувства, нашу прежную жизнь, — пусть же все это мы встрѣтимъ въ нашихъ письмахъ! Пусть хотя тамъ мы предадимся лирическому сердечному изліянію, котораго бѣднаго гонятъ, которому заклятые враги пошлость глупѣйшаго препровожденія времени, презрѣнная идея обѣда, рисующаяся со времени поднятія съ постели, роковые 30 лѣтъ, гнусный желудокъ и всѣ гадости потухающаго черстваго разсудка. Итакъ вотъ ужъ причина, по которой мы должны писать скоро, вдругъ свои письма, покамѣсть не простыла рысь.

»Я радъ, очень радъ, что тебѣ присланная мною небольшая помощь пришлась въ пору. Я точно въ разсужденіи этого всегда бывалъ счастливъ. Ко мнѣ Богъ бывалъ всегда особенно милостивъ и давалъ мнѣ чувствовать большія наслажденія. Сколько припомню, все посылаемое мною бывало какъ-то тебѣ кстати. Я радъ еще больше, что процессъ наконецъ выигранъ и что мерзавецъ Жидъ наконецъ таки наказанъ достойнымъ образомъ, и такимъ образомъ всё таки вышло на старый манеръ, что порокъ попранъ, а добродѣтель восторжествовала. Но дурно, что ты не пишешь, что̀ теперь предпринимаешь дѣлать, когда и въ какое время собираешься ѣхать; безъ сомнѣнія, не иначе какъ весною. Не встрѣтимся ли мы опять гдѣ-нибудь съ тобою? Я думаю ѣхать на воды въ Маріенбадъ. Еще одинъ разъ хочу попытаться. Желудокъ мой наконецъ меня совершенно вывелъ изъ терпѣнія. Право, нѣтъ мочи наконецъ. И теперь онъ наконецъ въ такомъ дурномъ состояніи, какъ никогда. Даже досадно, право: для Рима, для этого прекраснаго Рима, и вдругъ пріѣхать съ такимъ гнусным желудкомъ! Слышишь, видишь, какъ вызываетъ все на жизнь, на чудное наслажденіе, а между тѣмъ у тебя

въ брюхѣ сидитъ дьяволъ. Римъ! прекрасный Римъ!... Ты помнишь ли его знойную Piazza di Spagna, кипарисы, сосны, Петра и дубъ Тасса, гдѣ мы простились, и тво(е) purificatione? Я начинаю теперь вновь чтенie Рима, и, Боже! сколько новаго для меня, который уже въ четвертый разъ читаетъ его! Это чтенie имѣетъ двойное наслажденie, оттого, что у меня теперь прекрасный товарищъ. Мы ѣздимъ каждый день съ Жуковскимъ, который весь влюбился въ него и который, увы! черезъ два дни долженъ уже оставить его. Пусто мнѣ сдѣлается безъ него! Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшiй къ узнику, хотя Римъ ни въ какую минуту горя нельзя назвать темницею, хотябы бѣдствовать въ немъ въ томъ состоянiи, какъ ты бѣдствовалъ въ Парижѣ, не имѣть байока въ карманѣ и имѣть процессъ за перехваченныя деньги съ Жидомъ. До сихъ поръ я больше держалъ въ рукѣ кисть, чѣмъ перо. Мы съ Жуковскимъ рисовали на лету лучшiе виды Рима. Онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо.

»Я живу, какъ ты, вѣрно, знаешь, въ томъ же домѣ и той же улицѣ, via Eelice, № 126. Тѣ же самыя знакомыя лица вокругъ меня; тѣ же нѣмецкiе художники, съ узеньки(ми) рыженькими бородками, и тѣ же козлы, тоже съ узенькими бородками; тѣ же разговоры и о томъ(же) говорятъ, высунувшись изъ оконъ, мои сосѣдки. Такъ же раздаются крики и лепетанiя Аннунцiатъ, Розъ, Дындъ, Наннъ и другихъ, въ шерстяныхъ капотахъ и притоптанныхъ башмакахъ, не смотря на холодное время. Зима въ Римѣ холодна, какъ никогда; по утрамъ морозы, но днемъ солнце, и морозъ бѣжитъ прочь, какъ бѣжитъ отъ свѣта тьма. Я, однакожъ, теперь совершенно привыкъ къ холоду и даже въ комнатѣ не ставлю скальдины. Одно солнце ее нагрѣваетъ. Теперь начался карнавалъ; шумно, весело. Нашъ Е* В**** доволенъ чрезвычайно и, разъѣзжая въ блузахъ — — бросаетъ муку въ народъ корзинами и мѣшками, и во что ни попало.«

8.

»Римъ. Iюнь 5 (1839).

»Письмо твое пахнетъ унынiемъ, даже чтобы не сказать отчаянiемъ и припадками рѣшительной безнадежности. Мнѣ кажется только, что

послѣднимъ двумъ слишкомъ рано предаваться. Неужели тебѣ уже рѣшительно ничего не остается на свѣтѣ, которое бы тебя привязывало? Погоди, по крайней мѣрѣ, покамѣсть я умру; тогда уже можешь предаться имъ, — по крайней мѣрѣ, искать какой-нибудь предлогъ для нихъ, если они тебѣ такъ нравятся; а до того времени Богъ знаетъ.... Конечно я не имѣю теперь отъ себя никакихъ средствъ тебѣ помочь; но вѣдь я еще живу, стало быть я на что-нибудь тебѣ нуженъ. Впрочемъ я состояніе твое совершенно понимаю. Одиночество въ этомъ пустынно-многолюдномъ Парижѣ, и притомъ еще въ это время года, время томительныхъ жаровъ, которые вездѣ томительны, кромѣ Италіи, — это конечно страшно! Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ грустно покидать на два мѣсяца Римъ! Почти также грустно, какъ тебѣ оставаться въ Парижѣ. Я недавно еще чувствовалъ одну сильную, почти незнакомую для меня въ эти лѣта грусть, — грусть, живую грусть прекрасныхъ лѣтъ юношества, если не отрочества души. Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю объ моемъ Іосифѣ Вьельгорскомъ. Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени была это благородно-высокая, младенчески-ясная душа. Выскочки ума и таланта мы видимъ часто у людей; но умъ и талантъ и вкусъ, соединенные съ такою строгою основательностью, съ такимъ твердымъ, мужественнымъ характеромъ, — это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми. И все было у него на 23 году возраста. И при твердости характера, при стремленіи дѣйствовать полезно и великодушно, такая дѣвственная чистота чувствъ! Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича. — — И прекрасное должно было погибнуть, какъ гибнетъ все прекрасное у насъ — —

»Ты опять сидишь безъ вѣстей о домѣ. — — — тебѣ средства есть. Нельзя, чтобы ихъ не было. На то данъ человѣку умъ и даже простой инстинктъ. Но на тебя странно дѣйствуетъ нужда. Она тебя не подстрекаетъ на изобрѣтеніе, какъ обыкновенно бываетъ, а подавляетъ тебя всего собою. Твой умъ меньше всего — я замѣчалъ —

дѣйствуетъ въ это время; на него находитъ летаргическое усыпленіе, и ты самъ идешь навстрѣчу отчаянію, съ распростертыми руками и объятіями, тогда какъ ему слѣдовало бы иногда вмѣсто этого дать под(затыльника).

»Но довольно объ этомъ предметѣ. Мнѣ очень жаль, что ты мало сошелся и сблизился съ своими гостями. Впрочемъ, и то сказать, что пріѣхавшій въ Парижъ новичекъ худой товарищъ обжившемуся Парижанину. Первый еще жаждетъ и ищетъ; другой уже усталъ и утомленъ. Имъ трудно сойтиться, и особливо, когда времени всего только одинъ мѣсяцъ. Жаль! они были бы для тебя полезны. Впрочемъ, я надѣюсь, они будутъ еще полезны тебѣ послѣ.

»О, какъ бы я желалъ быть сію же минуту въ состояніи... впрочемъ, напиши по крайней мѣрѣ, сколько тебѣ нужно, что бы уѣхать изъ Парижа и переѣхать на воды, чтобы (ничто) тебя не задерживало. Я не потому спрашиваю тебя, чтобъ имѣлъ возможность тебѣ сейчасъ помочь, но потому, чтобы знать, чтобы имѣть въ виду, чтобы вѣдать, какъ при случаѣ нужно иногда дѣйствовать, чтобы иногда хоть по крайней мѣрѣ жестомъ помочь тебѣ, или выраженіемъ рожи, какъ дѣлаетъ человѣкъ, когда видитъ, что другому больно.«

Письма Гоголя къ матери изъ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи отличаются простотою языка и изложенія, которая у другого писателя была бы сухостью. Онъ, можно сказать, только называетъ, а не рисуетъ, предметы, но воображеніе читателя возбуждается и самою его номенклатурою: въ ней слышна сдержанная сила изобразительности. Этихъ писемъ очень много. Я приведу изъ нихъ только тѣ мѣста, которыя по чему-либо выдаются сильнѣе прочихъ.

Іюля 5-го, 1836, изъ Ахена. »Изъ Кельна предстоитъ мнѣ самое пріятное путешествіе на пароходѣ по рѣкѣ Рейну. Это — совершенная картинная галерея: съ обѣихъ сторонъ города, горы, утесы, деревни, словомъ — виды, которые вы рѣдко даже на эстампахъ встрѣчали. Очень жаль, что вы не можете видѣть всего этого. Когда-нибудь, подъ старость лѣтъ, когда поправятся ваши и мои обстоятельства, отправимся мы поглядѣть на это.«

Августа 11-го, 1836, изъ Женевы. »Альпійскія горы вездѣ почти сопровождали меня. Ничего лучшаго я не видывалъ. Изъ-за сихъ горъ вдали показываются ледяныя и снѣговыя вершины Альпъ. Во время захожденія солнца, снѣга Альпъ покрываются тонкимъ, розовымъ и огненнымъ свѣтомъ. Часто, когда солнце уже совсѣмъ скроется и все уже темно — — Альпы однѣ сіяютъ на небѣ, какъ будто транспарантныя.«

Оттуда же, сентября 24. ».... Наконецъ, когда поднимешься еще выше, — одинъ мохъ, и потомъ прекращаются всѣ произрастенія, начинаются снѣга, и вы совершенно очутитесь среди зимы. Передъ вами снѣга, надъ вами снѣга, вокругъ васъ снѣга. Внизу земли нѣтъ; вы видите, вмѣсто нея, въ нѣсколько рядовъ облака. Цѣлыя ледяныя стѣны сквозь которыя просвѣчиваетъ солнце, висятъ вокругъ....«

Марта 16-го, 1837, изъ Рима. »Вся земля пахнетъ и дышетъ художниками и картинами.«

XIV.

Записки С. Т. Аксакова о Гоголѣ: возвращеніе въ Москву; перемѣна въ наружности; поѣздка въ Петербургъ; повѣсть «Аннунціата»; выѣздъ за границу. — Заботы о семействѣ. — Письма: къ П. И. Р—ой о приготовленіи сестры къ жизни; къ А. С. Данилевскому о домашнихъ обстоятельствахъ и пріѣздѣ матери въ Москву; къ матери объ архимандритѣ Макаріи; къ С. Т. Аксакову объ удобствахъ лѣченія; къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ о переводахъ съ иностранныхъ языковъ; къ М. С. Щепкину о передѣлкѣ итальянской комедіи для русской сцены.

Гоголь въ первую (не-фантастическую) свою поѣздку за границу прожилъ въ Италіи, и большею частью въ Римѣ, съ мая 1836 по 27 сентября 1839 года. Въ 1839 году онъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ М. П. Погодинымъ, въ домѣ котораго остановился и жилъ до новаго выѣзда заграницу, въ 1840 году.

Объ этомъ и дальнѣйшихъ временахъ его жизни въ Москвѣ С. Т. Аксаковъ сообщилъ мнѣ »Краткія Свѣдѣнія и Выписки для Біографіи Гоголя«, извлеченныя изъ подробной исторіи его знакомства съ поэтомъ,

написанной не для печати. Принося ему за это глубокую благодарность, я буду вносить въ мое повѣствованіе мѣста изъ его рукописи, безъ всякой перемѣны.

»Здоровье Гоголя (говоритъ почтенный авторъ упомянутыхъ записокъ) поправилось послѣ перваго его путешествія въ чужихъ краяхъ; онъ былъ очень веселъ и шутливъ. Тутъ (въ Москвѣ) составились его близкія дружескія связи съ людьми, съ которыми прежде онъ не былъ знакомъ коротко. Объ »Мертвыхъ Душахъ« онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и на вопросы о нихъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что »у него ничего готового нѣтъ«. 26 октября того же года онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ близкимъ ему семействомъ въ Петербургъ, для того, чтобъ взять двухъ своихъ сестеръ изъ Патріотическаго института. Въ Петербургѣ онъ остановился сначала у Плетнева, а черезъ двѣ недѣли переѣхалъ къ Жуковскому, который жилъ тогда во дворцѣ. Въ продолженіи дороги въ Петербургъ, Гоголь былъ очень веселъ и заставлялъ хохотать своихъ спутниковъ, но въ Петербургѣ совершенно перемѣнился, встрѣтивъ какія-то неудачи, которыя привели его опять въ затруднительное положеніе на счетъ денегъ. 22 декабря, вмѣстѣ съ тѣмъ же семействомъ и двумя своими сестрами, возвратился онъ въ Москву.

»Въ Петербургѣ онъ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что, кромѣ труда, завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, то есть, »Мертвыхъ Душъ«, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ, — что это его давнишнее, любимое дитя, — что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ, и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу.

»Я забылъ вамъ сказать (продолжаетъ С. Т. Аксаковъ), что въ 1839 году Гоголь воротился совсѣмъ уже не тѣмъ франтикомъ, какимъ уѣхалъ за границу въ 1836 году и какимъ изображенъ на портретѣ, рисованномъ Венеціановымъ. Наружность Гоголя такъ перемѣнилась, что его можно было не узнать: прекрасные бѣлокурые густые волосы лежали у него почти по плечамъ, красивые усы, эспаньолка довершали перемѣну; черты лица получили совсѣмъ другое значеніе. Когда онъ

говорилъ, въ глазахъ выражалась доброта и такъ сказать благорасположенность ко всѣмъ ([1]); когда же онъ задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему-то высокому. Сюртукъ въ родѣ пальто замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ крайности: вся фигура его, въ сюртукѣ, сдѣлалась благообразнѣе.

»По возвращеніи, Гоголь началъ читать у насъ »Мертвыя Души« и въ разное время прочелъ шесть главъ. Читалъ также отрывки изъ комедіи »Тяжба« и начало итальянской повѣсти »Аннуціанта«, которое потомъ было нѣсколько передѣлано и составило статью »Римъ« ([2]), напе-

---

([1]) Эти слова напомнили мнѣ, что на одной изъ рукописей Гоголя, найденныхъ въ чемоданѣ за границею, написано его рукою въ разныхъ мѣстахъ: »Благорасположеніе. Благодарность всѣмъ и всему за все. Благодарность всѣмъ и всему за все«. Рукопись относится еще ко времени петербургской его жизни. Въ первой книгѣ черновыхъ сочиненій также написано, на листѣ, предшествующемъ повѣсти »Ночь передъ Рождествомъ«: »благорасполож.« *Н. М.*

([2]) Намѣреніе написать повѣсть »Аннуціата« было брошено. Вѣроятно, къ этой повѣсти относится слѣдующій отрывокъ, написанный на одной сторонѣ осьмушки почтовой бумаги и найденный въ чемоданѣ Гоголя, оставшемся въ квартирѣ Жуковскаго за границею.

»Клянусь, этакихъ очей нельзя представить и вообразить! Ихъ тоже немощна предать кисть художника: такъ они черны; а изъ нихъ льются молніи. А чело, плечи.... это солнечное сіяніе, облившее бѣлыя стѣны каменныхъ домовъ. А волосы, Боже, какіе волосы! темная громовая ночь, и всѣ въ лоскѣ. О, нѣтъ! такой женщины не сыскать въ Европѣ; объ нихъ только живутъ преданія, да блѣдные, безчувственные портреты ихъ иногда являются въ правильныхъ созданіяхъ художниковъ. У, какъ смѣло, какъ ловко обхватило платье ея могучіе, прекрасные члены! Но лучше, еслибъ оно не обхватило ея вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидѣли всѣ, что это богиня. А попробуйте покровы прочь съ Нѣмки, или Англичанки, или Француженки, и выйдетъ чортъ знаетъ чтò: цыпленокъ! Вотъ повернулась картинная голова. Коса кольцомъ. Сверкнулъ затылокъ и тонкая снѣжная шея. Еще движеніе, и уже видны благородная прямая линія носа, тонкій конецъ брови и три длинныя иглы рѣсницъ. А чтò же далѣе?.... Но нѣтъ, не гляди, не наноси своихъ моній....«

Въ 1839 году у него, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, была новая комедія: »Владиміръ 3-й Степени«, но онъ не дописалъ ея, признавая ее, вѣроятно, въ полномъ составѣ неудобною для печати, а можетъ быть, онъ былъ недоволенъ ею, какъ взыскательный художникъ.

чатанную въ »Москвитянинѣ«. Великимъ постомъ пріѣхала къ Гоголю мать и жила вмѣстѣ съ нимъ и дочерьми также у Погодина. 9 мая, въ день именинъ Гоголя, обѣдали у него всѣ его пріятели и знакомые въ саду, что̀ повторялось всякій разъ, когда Гоголю случалось проводить этотъ день въ Москвѣ. Гоголь уже собирался ѣхать въ Римъ, откуда обѣщалъ непремѣнно черезъ годъ воротиться. Онъ не любилъ быть въ дорогѣ одинъ и искалъ себѣ спутника, котораго на ту пору не было. Одинъ молодой человѣкъ изъ числа нашихъ пріятелей, только что кончившій курсъ въ университетѣ, В. А. Пановъ, который хотѣлъ ѣхать за границу года черезъ два, рѣшился перемѣнить всѣ свои планы и вызвался ѣхать съ Гоголемъ. Послѣдній отъ этого былъ въ восхищеніи. 18 числа (1840) я, сынъ мой Константинъ, М. П. Погодинъ, М. С. Щепкинъ и еще двое друзей Гоголя проводили ихъ до первой станціи. Пановъ умеръ въ 1849 году. Это былъ достойнѣйшій и наидобрѣйшій изъ людей.«

«Гоголь прощался съ нами нѣжно, особенно со мной и съ моимъ сыномъ Константиномъ, былъ очень разстроенъ, но не хотѣлъ этого показать. Онъ сѣлъ въ тарантасъ съ нашимъ добрымъ Пановымъ, и мы стояли на улицѣ до тѣхъ поръ, пока тарантасъ не пропалъ изъ глазъ.

»Я, Щепкинъ, Погодинъ и Константинъ сѣли въ коляску, а прочіе— на дрожки. На половинѣ дороги вдругъ откуда ни взялись, потянулись съ сѣверовостока черныя, страшныя тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западнаго горизонта. Сдѣлалось очень темно, и какое-то зловѣщее чувство нашло на насъ. Мы грустно разговаривали, примѣняя къ будущей судьбѣ Гоголя мрачныя тучи, потемнившія солнце. Но не болѣе, какъ черезъ полъ-часа, мы были поражены внезапною перемѣною горизонта. Сильный сѣверозападный вѣтеръ рвалъ на клочки и разгонялъ черныя тучи; въ четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всемъ блескѣ своихъ лучей и великолѣпно склонялось къ западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Не трудно было составить благопріятное толкованіе небеснаго знаменья. Какихъ блистательныхъ успѣховъ, какихъ великихъ созданій и какого полнаго торжества его славы мы не могли ожидать въ будущемъ! Это явленіе произвело на насъ съ Константиномъ, особенно на меня, такое сильное впечатлѣніе, что я во всю остальную

жизнь Гоголя никогда не смущался черными тучами, которыя не только затемняли его путь, но даже грозили пересѣчь его существованіе, не давъ ему кончить великаго труда. До самаго послѣдняго, страшнаго извѣстія, я былъ убѣжденъ, что Гоголь не можетъ умереть, не совершивъ дѣла, свыше ему предназначеннаго.«

Во время пребыванія Гоголя въ Москвѣ, судьба сестеръ и матери, занимала его, можетъ быть, сильнѣе прежняго, по многимъ причинамъ, которыя отчасти высказаны уже въ помѣщенныхъ выше его письмахъ. Но его сердечныя заботы были облегчены сближеніемъ съ одной добродѣтельной женщиной, которая предложила ему свои труды для дальнѣйшаго воспитанія его сестры Елисаветы Васильевны и приняла ее на извѣстное время къ себѣ въ домъ. Прилагаю письмо къ ней по этому случаю, писанное изъ-за границы.

»Вѣна. 25 іюня (1840).

»Еслибы вы знали, какъ грустно мнѣ, что такъ поздно сблизился съ вами и узналъ васъ, Парасковія Ивановна! Въ душѣ моей какое-то неполное, странное чувство; я теперь нѣсколько похожъ на того путешественника, которому случай, играющій надъ людьми, судилъ встрѣтиться нечаянно на дорогѣ съ старымъ другомъ, давнимъ товарищемъ; они вскрикнули, подняли шапки и промчались быстро одинъ мимо другого, не успѣвши сказать другъ другу ни одного слова. Послѣ уже одинъ изъ нихъ опомнился и, полный грустью, произноситъ самому себѣ пѣни: зачѣмъ онъ не остановилъ своей походной телеги? Зачѣмъ не пожертвовалъ временемъ, зачѣмъ не бросилъ въ сторону свои важныя дѣла? Почти такое же положеніе души моей. Вы повѣрите моимъ искреннимъ чувствамъ. Неправда ли? Я не умѣю лгать. И вѣкъ бы ни простилъ себѣ, еслибы въ чемъ-нибудь солгалъ передъ вами. Но интересна ли для васъ любовь человѣка, котораго вы едва знаете? Много, слишкомъ много времени нужно для того, чтобы узнать человѣка и полюбить его, и не всякому посланъ даръ узнавать вдругъ. Сколько было людей обманувшихся! А сколько, можетъ быть, изчезло съ лица земли такихъ, которые таили въ душѣ прекрасныя чувства, но они не знали ихъ высказать; на ихъ лицахъ не выражались эти чувства, и жребій ихъ былъ умереть

неузнанными. Много печальнаго заключено для меня въ этой истинѣ. И только, какъ воображу себѣ вашъ тихій, свѣтлый, весь проникнутый душевною добротою взглядъ, мнѣ становиться легче. Ни слова не скажу вамъ о своей благодарности: здѣсь мы совершенно понимаемъ другъ друга, и вы можете знать, какъ она велика. Положеніе сестры моей было для меня невыносимою тяжестью. И сколько ни прибиралъ я въ умѣ своемъ, гдѣ бы найти ей уголъ такой, гдѣ бы характеръ ея нашелъ хорошую дорогу и укрѣпился на ней, я не могъ, однакоже, и потерялся было совершенно. И вдругъ Богъ ниспослалъ мнѣ болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Въ вашемъ домѣ я нашелъ все. Первое и самое главное — вы и, что̀ уже рѣдкость неслыханная, все окружающее васъ. Точно я никого вокругъ васъ не видѣлъ, кто бы не былъ совершенно доброе существо и на лицѣ котораго не отражалась бы душа. Отъ васъ ли это все сообщилось, или они заключали все это въ себѣ. Во всякомъ случаѣ, это изумительно. Я поздравилъ себя внутренно, и душа моя нашла успокоеніе. Вотъ почему, когда вы меня спросили, какъ я хочу, чтобы была ведена и къ чему готовлена сестра моя, я не сказалъ ничего, потому что главное было найдено. Если она утвердится въ одномъ хорошемъ и душа ея пріобрѣтаетъ хоть часть того, что находится въ окружающемъ ее обществѣ, то вездѣ, гдѣ бы она потомъ ни была, куда бы ни бросила судьба ее, она будетъ вездѣ счастлива. Къ тому же, что̀ бы я могъ вамъ сказать? Вы, женщины, лучше можете знать, что̀ нужно женщинѣ. Съ моей стороны, я бы пожелалъ, чтобы моя сестра выучилась вотъ чему: 1-е, умѣть быть довольной совершенно всѣмъ; 2-е, быть знакомой болѣе съ нуждою, нежели съ обиліемъ; 3-е, знать, что̀ такое терпѣніе и находить наслажденіе въ трудѣ. Собственно же къ какому званію ее готовить, я объ этомъ не заботился, — это временное; я думалъ болѣе о вѣчномъ. Притомъ, гувернанткой ли, или чѣмъ другимъ быть, все это односторонне и можетъ научить только одному чему-нибудь. Я видѣлъ много гувернантокъ, выходившихъ замужъ, которыя, казалось, какъ-будто только что вышли изъ института, также невинны и также мало знакомы съ тѣмъ, что̀ мы называемъ прозой жизни, и безъ которой прозы нельзя, однакожь, жить. Гувернанткой можно сдѣлаться всегда, или лучше, никогда, если нѣтъ для этого особенныхъ способ-

ностей природныхъ. Назначеніе женщины — семейная жизнь, а въ ней много обязанностей разнородныхъ. Здѣсь женщина является гувернанткою и нянькою, и домоводкою, и казначейшею, и распорядительницею, и рабою, и повелительницею: словомъ, обязанности, которыхъ съ перваго разу покажется невозможно всѣхъ узнать, но которыя узнаются нечувствительно нами собою, безъ всякой системы. Вы же имѣете къ тому всѣ средства. Напримѣръ, вы можете поручать ей иногда какія-нибудь отдѣльныя части домашняго хозяйства, особенно что-нибудь такое, что̀ бы доставляло моціонъ, потому что по своей волѣ и прогуливаться для того, чтобы прогуливаться, молодыя дѣвушки не любятъ; да оно впрочемъ и лучше. Вы, вѣрно, проживете лѣто въ деревнѣ, а въ деревнѣ столько разныхъ хозяйственныхъ занятій, требующихъ и бѣготни, и хлопотъ. Мое всегдашнее желаніе было, чтобы у нея былъ одинъ какой-нибудь трудъ постоянный, который бы занималъ у нея часа полтора, но рѣшительно всякій день и въ одно и то же время. Это — переводить: занятіе, которое въ будущемъ ей можетъ очень прислужиться и даже дать средства жить, если другихъ не найдется. Я же, по своему отношенію литературному, могу нѣкоторымъ образомъ доставить ей выгодный сбытъ и приличную цѣну. Нѣтъ нужды, что она теперь переведетъ еще плохо; нужно, чтобы переводила, и переводила рѣшительно всякій день. Переводъ не требуетъ большого таланта: это дѣло привычки и навыка. Кто сначала переводитъ дурно, тотъ послѣ будетъ переводить хорошо. Еще необходимо нужно разнообразить занятіе. Это оживляетъ трудъ, не даетъ мѣста скукѣ, а между тѣмъ очень полезно для здоровья. Окончивши, напримѣръ, переводъ свой, она не должна заниматься заботой, тоже требующей сидѣнія. Ей, напротивъ, нужно дать послѣ этого такое занятіе, чтобы она вставала съ своего мѣста, побѣжала и опять бы возвратилась, и опять побѣжала, — словомъ, находилась бы безпрерывно на ногахъ. Тогда ей послѣ этого опять покажется пріятною работа, требующая сидѣнія, и будетъ ей уже не работою, а отдохновеніемъ. Кромѣ возложенной на нее одной какой-нибудь части домашняго хозяйства, не мѣшало бы ей давать разныя порученія: купить что-нибудь, расплатиться, или расчитаться, свести приходъ и расходъ. Она дѣвушка бѣдная, у ней нѣтъ ничего. Если она выйдетъ замужъ, то это ей будетъ

вмѣсто приданаго, и, вѣрно, мужъ ея, если только онъ будетъ человѣкъ не глупой, будетъ за него больше благодарить, чѣмъ за денежной капиталъ. Но еслибы даже сестра моя не была дѣвушка бѣдная и ей бы предстояла блистательная участь, то и тогда къ воспитанію ея я бы, можетъ быть, прибавилъ одинъ, или два языка лишнихъ, да кое-что для гостинныхъ, но, вѣрно бы, не выключилъ ни одной изъ означенныхъ статей. Въ состояніи богатомъ онѣ такъ же нужны, какъ и въ бѣдномъ, и сохранить пріобрѣтенное едвали не труднѣе, чѣмъ пріобрѣсть.

»Но мнѣ смѣшно, что я пустился въ такія длинныя инструкціи и говорю вамъ то, что̀ вы знаете въ двадцать разъ лучше меня. Но васъ не огорчитъ это, я знаю. Вы выслушаете меня съ тою же снисходительностью, которой такъ исполнена кроткая ваша душа. Вы не укорите меня въ моемъ маломъ познаніи, но поправите великодушно, въ чемъ я ошибся; ибо человѣку суждено ошибаться, и совершенство ему дается для того только, чтобы онъ яснѣе видѣлъ свое несовершенство.«

Въ дополненіе этого письма, сдѣлаю выписки изъ письма къ А. С. Данилевскому, отъ 29-го декабря 1839-го года.

»Да, я въ Россіи. Послѣднюю нужно принести жертву. Присутствіе мое было необходимо. Мнѣ нужно было обстроить дѣло хотя одно изъ всѣхъ нашихъ семейственныхъ — — Я былъ въ Петербургѣ и взялъ оттуда сестеръ. Онѣ будутъ жить въ Москвѣ; гдѣ-нибудь я ихъ пристрою, хотя у кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ — — — Имѣніе наше во всякомъ отношеніи можно назвать хорошимъ. Мужики богаты; земли довольно; въ годъ четыре ярмарки, изъ которыхъ скотная, въ мартѣ, одна изъ важнѣйшихъ въ нашей губерніи. Всѣ средства для сбыта. Купцы платятъ мужикамъ за наемъ загоновъ, хлѣвовъ и ночлеговъ, не говоря уже о мелочахъ за доски, за лѣсъ для постройки и наконецъ за всѣ тѣ потребности, которыя раждаетъ стеченіе народа. Все это, не говоря уже о выгодахъ экономическихъ и удобствѣ сбывать на мѣстѣ хозяйственныя произведенія, доставляетъ возможность крестьянину быть болѣе состоятельнымъ, нежели въ другомъ мѣстѣ, и съ крестьянъ же ничего не берется за это — никакихъ пошлинъ, и вообще нигдѣ такъ не облегчены крестьяне, какъ у насъ. — — —

»Я не буду въ Малороссіи и не имѣю никакой возможности (это) сдѣлать; но, желая исполнить сыновній долгъ, то есть, доставить случай маменькѣ меня видѣть, приглашаю ее въ Москву, на двѣ недѣли. Мнѣ же предстоитъ, какъ самъ знаешь, путь немалый въ мой любезный Римъ; тамъ только найду успокоеніе. Духъ мой страдаетъ. — — Еще лучше ты сдѣлаешь, если пріѣдешь вмѣстѣ съ маменькой моей въ Москву: и ей въ дорогѣ будетъ лучше, и тебѣ дешевле, и мнѣ пріятнѣе, потому что я буду имѣть случай тебя еще разъ обнять. Въ деревнѣ тебѣ жить не вижу необходимости. Ужъ тебѣ врядъ ли поправить хозяйство.«

Письмо о сестрахъ къ матери изъ Москвы (отъ 25-го января, 1840) заключаетъ въ себѣ нѣсколько строкъ, показывающихъ, какъ уже и въ то время душа Гоголя была расположена къ религіозному самоуглубленію, которое въ послѣдствіи сдѣлалось главною чертою его нравственнаго образа. Вотъ эти строки:

»Къ счастію моему, сюда пріѣхалъ архимандритъ Макарій, мужъ, извѣстный своею святою жизнью, рѣдкими добродѣтелями и пламенною ревностью къ вѣрѣ. Я просилъ его, и онъ такъ добръ, что, не смотря на неимѣнье времени и кучу дѣлъ, пріѣзжаетъ къ намъ и научаетъ сестеръ моихъ великимъ истинамъ христіянскимъ. Я самъ по нѣскольку часамъ останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышалъ я, чтобы пастырь такъ глубоко, съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою мудростью и простотою говорилъ.«

Младшая изъ сестеръ Гоголя, воспитывавшихся въ Патріотическомъ институтѣ, возвратилась съ матерью въ деревню. Гоголь заботился о ней столько же, какъ и о старшей, и писалъ къ ней большія письма, изъ которыхъ, однакожъ, я могу помѣстить здѣсь только немногія, и то съ большими пропусками.

Первыя письма Гоголя къ друзьямъ его, изъ Варшавы, Вѣны и Венеціи, были такъ же веселы и шутливы, какъ и его разговоры во

время пребыванія его въ Москвѣ. Вотъ выписки изъ одного письма къ С. Т. Аксакову изъ Вѣны, отъ 7 іюля, 1840.

»— — — Въ Вѣнѣ еще надѣюсь пробыть мѣсяца полтора, попить водъ и отдохнуть. Здѣсь спокойнѣе, чѣмъ на водахъ, куда съѣзжается слишкомъ скучный для меня свѣтъ. Тутъ все ближе, подъ рукой, и свобода во всемъ. Нужно знать, что послѣдняя давно убѣжала изъ деревень и маленькихъ городовъ Европы, гдѣ существуютъ воды и съѣзды. Парадно — мочи нѣтъ! Къ тому жъ у меня такая скверная натура, что, при взглядѣ на эту толпу, пріѣхавшую со всѣхъ сторонъ лѣчиться, уже нѣсколько тошнитъ; а на водахъ это не идетъ, нужно напротивъ — — Какъ вспомню Маріенбадъ и лица, изъ которыхъ каждое насильно и нахально влѣзло въ память, попадаясь разъ по сорока на день, и несносныхъ Русскихъ, съ вѣчнымъ и непреложнымъ вопросомъ: »А который стаканъ вы пьете?« вопросъ, отъ котораго я улепетывалъ по проселочнымъ дорожкамъ. Этотъ вопросъ мнѣ казался на ту пору роднымъ братцомъ другого извѣстнаго вопроса: »Чѣмъ вы подарите насъ новенькимъ?« Ибо всякое слово, само по себѣ невинное, но повторенное двадцать разъ, дѣлается пошлѣе добродѣтельнаго Ц*** или романовъ Б****, что̀ все одно и то же.... Я замѣчаю, что я, кажется, не кончилъ періода. Но вонъ его! Былъ ли когда-нибудь какой толкъ въ періодахъ? Я только вижу и слышу толкъ въ чувствахъ и душѣ. Итакъ я на водахъ въ Вѣнѣ: и дешевле, и покойнѣе, и веселѣе. Я здѣсь одинъ; меня не смущаетъ никто. На̀ Нѣмцевъ я гляжу, какъ на необходимыхъ насѣкомыхъ во всякой русской избѣ. Они вокругъ меня бѣгаютъ, лазятъ, но мнѣ не мѣшаютъ; а если который изъ нихъ взлѣзетъ мнѣ на носъ, то щелчокъ — и былъ таковъ.

»Вѣна приняла меня царскимъ образомъ. Только теперь всего два дни, прекратилась опера чудная, невиданная. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль, первые пѣвцы Италіи мощно возмущали, двигали и производили благодѣтельное потрясеніе въ моихъ чувствахъ. Велики милости Бога! Я живу еще — —«

По хронологическому порядку, слѣдуетъ теперь помѣстить письмо Гоголя къ А. П. Е—ой, съ которой онъ сблизился всего больше по слу-

чаю помѣщенія сестры его къ П. И. Р—ой. Интересенъ разсказъ ея о нерѣшимости, овладѣвшей Гоголемъ (это была одна изъ слабостей его характера), когда нужно было ѣхать къ А. П. Р—ой съ матерью, чтобы поблагодарить ее за доброе дѣло, которое она для него сдѣлала. Заѣхавъ къ А. П. Е—ой на минуту, онъ долго медлилъ у нея, не смотря на напоминанія матери, что пора ѣхать; наконецъ положилъ руки на столъ, оперся на нихъ головою и предался раздумью. »Не поѣхать ли мнѣ за васъ, Николай Васильевичъ?« сказала тогда А. П. Е—на. Гоголь съ радостью на это согласился. Вотъ его письмо къ этой особѣ, показывающее, какъ онъ высоко цѣнилъ ея вниманіе.

»Вѣна. Іюнь 28.

»Никакимъ образомъ не могу понять, какъ это случилось, что я не былъ у васъ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ. Не понимаю, не понимаю, клянусь — не понимаю! Каждый день я навѣдывался къ Араба(тскимъ) воротамъ, къ дому, внизу котораго живетъ башмашникъ, носящій такую граціозную фамилію, не пріѣхали ли вы и когда вы будете въ городъ, и всякій разъ слуга, выходившій отворять мнѣ дверь, встрѣчалъ меня тѣмъ же отвѣтомъ, что вы не пріѣхали и что не извѣстно, когда вы будете въ городъ. Этотъ слуга и сертукъ его выучены мною наизусть, такъ что я знаю даже, гдѣ пятно на немъ и которой пуговицы недостаетъ. Три или четыре раза я спросилъ у него обстоятельно вашъ адресъ, все это я передалъ очень обстоятельно моему кучеру и, при всемъ томъ, я у васъ не былъ. Дорогою только я щупалъ безпрестанно у себя во всѣхъ карманахъ. Мнѣ казалось все, что я позабылъ какую-то самую нужную вещь, но какую именно — не могъ припомнить, и только на другой день я вспомнилъ, что я лошадь, и хватилъ себя по лбу; но это рѣшительно ничего не помогло. Поправить дѣла нельзя было: повозка, въ которой я сидѣлъ, уже добиралась до Вязьмы. Что вы, можетъ быть, не сердитесь на меня за это — этимъ я могу еще потѣшить себя: отъ вашей доброты можно всего ожидать. Но мнѣ нужно было васъ видѣть, мнѣ хотѣлось, чтобы вы видѣли меня отъѣзжающаго, — меня, у котораго на душѣ легко. У васъ, въ вашихъ мысляхъ, я остался съ черствою физіогноміей, съ скучнымъ выраженіемъ лица. Еще мнѣ нужно было вамъ сказать многое,

очень многое, — что такое, не знаю, но знаю, что я сказалъ бы его вамъ и что мнѣ было бы пріятно. Словомъ, мнѣ сдѣлалось такъ досадно, что я готовъ былъ тогда вытереть рожу свою самою гадкою тряпкою и публично при всѣхъ поднести себѣ кукишъ, примолвивъ: »Вотъ, на̀ тебѣ, дуракъ!« Но всей публики былъ на ту пору станціонный смотритель, который бы, вѣроятно, принялъ это на свой счетъ, да котъ, который сидѣлъ въ его шапкѣ и который, безъ всякаго сомнѣнія, не обратилъ бы на это никакого вниманія. Утѣшительно въ этомъ непрощаніи моемъ съ вами, натурально, то, что мы увидимся скоро; по крайней мѣрѣ нужно вывести это заключеніе. Но Бога ради, будьте здоровы! Что̀ вамъ за охота забаливать такъ часто? Еслибъ вы знали, какъ мнѣ это грустно! Мнѣ такъ и представляетесь вы сидящей на диванѣ, съ вашимъ ангельскимъ терпѣніемъ, старающеюся не подать виду, что у васъ какое-нибудь страданіе. Исполните же мою просьбу, если меня хоть каплю любите; а не то — вѣдь я опять вытру себѣ рожу гадкою тряпкою, то есть, до такой степени гадкою, что буду чихать до самаго Рима. Кстати на счетъ послѣдняго обстоятельства. Я распростился съ предметами, возбуждающими чиханіе, на русской границѣ. Какой воздухъ! святые небеса, какой воздухъ! Въ немъ есть что-то принесшееся изъ Италіи. Носъ мой слышитъ даже хвостикъ широкка. И откуда это? Какіе благодатные вѣтры принесли? Мнѣ ли нарочно навстрѣчу? Если мнѣ, то, право, стоитъ. Конечно, я не генералъ, но кто же можетъ такъ любить?.... Такъ и упиваешься, и жмуришь глаза, и только жалѣешь на то, что носъ всё еще малъ и коротокъ. Что̀ бы хотя крошку подлиннѣе!

»Къ вамъ одна маленкая просьба. Я послалъ сестрѣ въ деревню Шиллера и сказалъ ей, что это вы посылаете. Почему я это сказалъ, вы догадаетесь. — — И потому вы не удивитесь, если Annette вздумаетъ васъ благодарить, а примите на свой счетъ.«

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

»Вѣна. Августъ 7 (1840).

»Я получилъ твое письмо отъ 12 іюля вмѣстѣ съ маменькинымъ, адресован(нымъ) прямо ко мнѣ въ Вѣну. Неужели это первое твое письмо

изъ дому? Итакъ ты мнѣ ни слова не сказала о томъ, какъ ты пріѣхала, какъ и гдѣ была въ Полтавѣ, какъ наконецъ увидѣла свою деревню, и кто тебя встрѣтилъ, и какъ тебя встрѣтили, и кто тебя узналъ, и кого ты узнала, и какія были твои первыя впечатлѣнія, словомъ — ничего изъ того, что̀ прежде всего должно занять. — — — И французской переводъ и нѣмецкой, тотъ и другойнуженъ, но нѣмецкой нужнѣе, ибо нужно, чтобъ къ новому году перевести полторы книжки маленькія, которыя я тебѣ купилъ. —— Заведи непремѣнно, какъ часы — въ извѣстный часъ утра за переводъ. Посиди за нимъ всего только часъ, меньше даже, но чтобы это было регулярно. Ты увидишь, какъ это раздѣлитъ хорошо твой день, и тебѣ не будетъ скучно никогда, если у тебя время будетъ размѣренно. — — Не лѣнись; помни, что это одно можетъ доставить тебѣ деньги и дастъ со временемъ возможность помогать даже маменькѣ. — — —

»Сей часъ только я получилъ второе твое письмо и спѣшу попросить у тебя извиненія за выговоръ. Этимъ письмомъ я доволенъ вполнѣ. Ты пишешь довольно подробно и какъ слѣдуетъ. Ну, слава Богу, ты здорова; это главное. Потомъ я очень радъ, что тебѣ не скучно. Впрочемъ человѣку, который сколько-нибудь уменъ, никогда не можетъ быть скучно. Нужно только имѣть побольше занятій, и будетъ все хорошо. Только совершенно глупые скучаютъ.«

Въ первое время новаго своего путешествія по Европѣ, Гоголь занятъ былъ, между прочимъ, передѣлкой для русской сцены комедіи Джіованни Жиро: »Дядька въ затруднительномъ Положеніи« (l' Ajo nell' Imbarazzo). Изъ Венеціи онъ написалъ о ней къ М. С. Щепкину письмо, въ которомъ является художникомъ, страстно привязаннымъ къ своему искусству, какъ это читатель увидитъ самъ. Вотъ оно:

»Ну, Михаилъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина заклада выиграна: комедія готова. Въ нѣсколько дней русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добросовѣстно! Всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою. — Въ афишкѣ вы должны выставить два заглавія: русское и итальянское

Можете даже прибавить тотчасъ послѣ фамиліи автора: »перваго итальянскаго комика нашего времени«. Первое дѣйствіе я прилагаю при письмѣ вашемъ, второе будетъ въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправьтесь къ Погодину. Велите ее тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ, съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листковъ: другого экземпляра нѣтъ: черновой исчезъ. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ въ итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ блестящій. Вы, какъ человѣкъ, имѣющій тонкое чутье, тотчасъ постигните комическое положеніе вашей роли. Нечего вамъ и говорить, что ваша роль — самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи. Роль ажитаціи сильной. Человѣкъ, который совершенно потерялъ голову: тутъ сколько есть комическихъ и истинныхъ сторонъ! Я видѣлъ въ ней актера съ большимъ талантомъ, который, между прочимъ, далеко ниже васъ. Онъ былъ прекрасенъ, и такъ въ немъ все было натурально и истинно. Слышенъ былъ человѣкъ, не рожденный для интриги, а попавшій невольно въ оную, — и сколько натурально комическаго! Этотъ гувернёръ, котораго я назвалъ дядькой, потому что первое, кажется, не совсѣмъ точно, да и не русское, долженъ быть одѣтъ весь въ черномъ, какъ одѣваются въ Италіи донынѣ всѣ эти люди: аббаты, ученые и проч.: въ черномъ фракѣ не совсѣмъ по модѣ, а такъ, какъ у стариковъ, въ черныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, въ черномъ суконномъ жилетѣ, застегнутомъ плотно снизу до верху, и въ черной пуховой шляпѣ, трехъ-угольной, — не той, чтò носятъ у насъ, а въ той, въ какой нарисованъ блудный сынъ, пасущій стада, то есть, съ пригнутыми немного полями на три стороны. — Два молодые маркиза точно также должны быть одѣты въ черныхъ фракахъ, только помоднѣе, и шляпы вмѣсто трехъ-угольныхъ, круглыя, черныя пуховыя, или шолковыя, какъ носимъ мы всѣ, грѣшные люди; черные чулки, башмаки и панталоны короткіе. Вотъ все, чтò вамъ нужно замѣтить о костюмахъ. Прочія лица одѣты, какъ ходитъ весь свѣтъ.

»Но о самихъ роляхъ нужно кое-что. Роль Джильды лучше всего, если вы дадите которой-нибудь изъ вашихъ дочерей. Вы можете тогда болѣе дать ее почувствовать во всѣхъ ея тонкостахъ. Если же кому дру-

гому, то, ради Бога, слишкомъ хорошей актрисѣ. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если жъ притворяется, то это притворное у ней становится уже истиннымъ. Она произноситъ свои монологи, которые, говоритъ, набрала изъ романовъ, съ одушевленіемъ истиннымъ; а когда въ самомъ дѣлѣ проснулось въ ней чувство матери, тутъ она не глядитъ ни на что̀ и вся женщина. Ея движенія просты и развязны, а въ минуты одушевленія картины она становится какъ-то вдругъ выше обыкновенной женщины, что̀ удивительно хорошо исполняютъ Итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видѣлъ, была свѣжая, молодая, проста и очаровательна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, забывалась и одушевлялась, какъ природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, какъ-будто нужна воспитанная свѣжимъ воздухомъ деревни и степей.

»Играющему роль Пиппето никакъ не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповатъ: онъ тотчасъ будетъ выполнять съ претензіями. Онъ долженъ выполнить ее совершенно невинно, какъ роль молодого, довольно неопытнаго человѣка; а глупость явится сама собою, такъ, какъ у многихъ людей, которыхъ вовсе никто не называетъ глупыми.

»Больше, кажется, не нужно говорить ничего... Да! маркиза дайте какому-нибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бѣшенный, взбалмошный старикъ, неслушающій никакихъ резоновъ. Я думаю, коли нѣтъ другого, отдайте Мочалову; его же имя имѣетъ магическое дѣйствіе на московскую публику. Да не судите по первому впечатлѣнію и прочитайте нѣсколько разъ эту пьесу, — непремѣнно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ имѣть успѣхъ.«

XV.

Болѣзнь Гоголя въ Римѣ. — Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ и къ П. А. Плетневу. — Взглядъ на натуру Гоголя. — Письмо къ С. Т. Аксакову въ новомъ тонѣ. — Замѣчаніе С. Т. Аксакова по поводу этого письма. — Другое письмо къ С. Т. Аксакову: высокое мнѣніе Гоголя о »Мертвыхъ Душахъ«. — Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ. — Письма къ Н. Н. Ш****.

Осенью 1840 года Гоголь сдѣлался очень боленъ, но трудно опредѣлить время его болѣзни по тѣмъ письмамъ, которыя находятся въ мо-

емъ распоряженіи. Отъ 13-го октября (1840) онъ пишетъ изъ Рима къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ еще какъ человѣкъ здоровый, а отъ 30-го того же мѣсяца увѣдомляетъ П. А. Плетнева о перенесенной имъ опасной болѣзни. Остается думать, что болѣзнь его была сильна, но кратковременна. Помѣщаю оба упомянутыя письма.

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

»Римъ. Октября 13. (1840.)

«Я вчера получилъ твое письмо. Что я былъ ему радъ, объ этомъ нечего и говорить. Ты этому, безъ сомнѣнія, повѣришь, потому что знаешь, что я тебя люблю. Я былъ радъ, что ты совершенно здорова [такъ по крайней мѣрѣ стоитъ въ письмѣ твоемъ]. Я совершенно радъ, что у тебя завелась охота бѣгать. Даже радъ тому, что ты теперь ничего не дѣлаешь и ничѣмъ не занимаешься, потому что придетъ зима, и ты, вѣрно, присядешь и вознаградишь за все. Но... теперь наконецъ приходится сказать, чему я не былъ радъ. — — Ты, приводя причины, отвлекающія тебя отъ занятій — — сказала, что у васъ было много праздниковъ и что приняться за иглу въ праздникъ здѣсь [т. е. въ Васильевкѣ] считается за ужасный грѣхъ. — — — А для чего дается человѣку характеръ? Чтобы онъ могъ презрѣть толки и пересуды, слѣдовалъ тому, что велитъ ему благоразуміе, и, какъ сказалъ самъ Спаситель, не глядѣть на людей. Люди суетны. Нужно въ примѣръ себѣ брать прекрасный, святой образецъ, высшую натуру человѣка, а не обыкновенныхъ людей. Итакъ я тебѣ приказываю работать и заниматься именно въ праздникъ, натурально только не въ тѣ часы, которые посвящены Богу. И если кто-нибудь станетъ тебѣ замѣчать, что это не хорошо, ты не входи ни въ какія разсужденія и не старайся даже убѣждать въ противномъ, а скажи прямо коротко и твердо: »*Это желаніе моего брата. Я люблю своего брата, и потому всякое малѣйшее его желаніе для меня законъ*«. И послѣ этого, вѣрно, тебѣ не станутъ докучать. И такимъ образомъ поступай и въ другомъ случаѣ, гдѣ только собственное твое благоразуміе чего-нибудь не одобритъ. Нужно быть тверду и непреклонну. Безъ твердости характеръ человѣка — нуль. И

признаюсь, грусть бы, сильная грусть обняла бы мою душу, еслибы я увѣрился, что у сестры моей нѣтъ ни характера, ни великодушія. — — —

»Наконецъ поговоримъ еще объ одномъ довольно важномъ предметѣ. — — Слушай, моя душа. Тебя должно непремѣнно тронуть положеніе маменьки, на которой лежитъ столько заботъ и такая сильная обуза, что весьма немудрено, если и у человѣка сильнаго закружится голова и кончится тѣмъ, что онъ наконецъ ничего не будетъ дѣлать. Слушай. Нужно, чтобъ и ты, и Оля взяли на долю свою какія-нибудь маленькія части хозяйства и чтобы уже аккуратно вели дѣла свои. Напримѣръ, ты возьми на долю свою молошню, то есть, смотри, чтобъ при тебѣ набиралось молоко, дѣлалось масло, сыръ, и замѣчай внимательно, сколько чего должно быть, чтобы потомъ не могли тебя ни обмануть, ни украсть. Натурально, этого еще немного для тебя. Ты возьми на свою долю еще овецъ. Пусть къ тебѣ приходитъ каждый день овчаръ и рапортуетъ тебѣ подробно. Ты отправляйся почаще туда сама, лучше, если пѣшкомъ, и повѣряй почаще все на дѣлѣ. Нѣсколько разъ заставь, чтобы доили при тебѣ, чтобы знать, сколько навѣрное могутъ давать молока. Записывай родившихся вновь, отправленныхъ на столъ, прибывшихъ и убывшихъ. Послѣ того, когда ты увидишь, что съ этимъ всѣмъ управляешься хорошо, можешь присоединить къ этому и что-нибудь другое. Безъ этого никогда не будетъ никакого толка въ хозяйствѣ, если сами хозяева не будутъ входить во все. А такъ какъ одному человѣку нельзя входить во все, то по этому самому и должно непремѣнно раздѣлить труды. Иначе — ключницы, домоводки и управители, хоть какъ бы ни казались надежны съ виду, всегда кончится тѣмъ, что будутъ наконецъ обкрадывать, или, еще хуже, нерадѣть и неглижировать. Олинькѣ тоже выбери на долю какую-нибудь часть по силамъ. Ты увидишь потомъ, какую окажешь этимъ пользу хозяйству и какъ облегчишь труды маменьки, — тѣмъ болѣе, что у ней столько главныхъ статей хозяйства: уборка и посѣвъ хлѣба, льну, гумно, винокурня и мало ли чего еще? Страшно и подумать даже. Желалъ бы я очень знать, что̀ ты на это скажешь и какое это произведетъ на тебя дѣйствіе; и потому жду не.....« (1)

(1) Конецъ письма потерянъ. *Н. М.*

Къ П. А. Плетневу.

»30 октября. Римъ.

»Здраствуйте, безцѣнный Петръ Александровичъ! Напишите мнѣ хоть одну строчку. Я не имѣю никакихъ, совершенно никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Пишу къ вамъ потому, что я васъ видѣлъ третьяго-дня во снѣ въ такомъ необыкновенномъ и грустномъ положеніи, что испугался и не могу быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не услышу чего-нибудь о васъ.

»Увѣдомьте меня также, какъ мое дѣло. Можно ли мнѣ подняться на то мѣсто въ Римѣ, о которомъ я писалъ къ вамъ? Мнѣ нужно теперь знать это, и тѣмъ болѣе теперь. Я заболѣлъ жестоко, и, Боже, какъ заболѣлъ! Я самъ виноватъ. Я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешеств(ія), и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ. Я перешелъ черезъ край и за напряженіе не во время, когда мнѣ нужно было отдохновеніе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и разсказывать, какъ была опасна болѣзнь моя. Геморроидъ мнѣ бросился на грудь, и нервическое раздраженіе, котораго я въ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики было махнули рукой: но одно лѣкарство меня спасло неожиданно. Я велѣлъ себя положить ветурину въ дорожную коляску, — дорога спасла меня. Три дни, которые я провелъ въ дорогѣ, меня нѣсколько возстановили. Но я самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности. Малѣйшее какое-нибудь движеніе, незначащее усиліе, и со мной дѣлается не знаю что̀. Страшно, просто страшно! Я боюсь. И такъ было хорошо началось дѣло. Я началъ такую вещь, какой, вѣрно, у меня до сихъ поръ не было, — и теперь изъ-подъ самыхъ облаковъ да въ грязь!

»Медику натурально простительно меня успокоивать и говорить, что это совершенно пройдетъ, и что мнѣ нужно только успокоить(ся). Но мнѣ весьма простительно тоже не вѣрить этому, и мое положеніе вовсе не такого рода, чтобы оставаться, тѣмъ больше, что вотъ мѣсяцъ, и я не чуть не лучше. Еслибъ я зналъ, что изъ меня рѣшительно ничего не можетъ быть [страшнѣе чего конечно ничего не можетъ быть на

свѣтѣ], тогда бы, натурально, дѣло кончено. У меня нѣтъ никакой охоты увеличивать всемірное населеніе своею жалкою фигурою, и за жизнь свою я не далъ бы гроша и не сталъ бы изъ-за нея биться. Но, клянусь, мое положеніе слишкомъ, если даже не черезъ-чуръ. Больной, разстроенный душей и тѣломъ, и никакихъ средствъ... Увѣдомьте меня. Можетъ быть, можно какъ-нибудь узнать одно изъ этихъ двухъ словъ: *да* или *нѣтъ*?

»Но, клянусь, мнѣ такъ же, если даже не больше, теперь хочется имѣть извѣтія о васъ самихъ. Послѣ видѣннаго мною сна, я не могу успокоиться о васъ. Теперь въ моемъ больномъ, грустномъ, часто лишенномъ надежды душевномъ состояніи у меня единствен(но), что̀ доставляетъ мнѣ похожее на радость, это — перебирать въ мысляхъ моихъ немногихъ, но любящихъ, прекрасныхъ друзей, вычислять всѣ случаи въ жизни, гдѣ дружба ихъ обнаруживалась ко мнѣ, и сердце у меня тогда такъ начинаетъ сильно биться, какъ можетъ только у ребенка, который не изумляется отъ радости, но остается какъ-будто перепуганъ радостью. Знаю, что это происходитъ отъ моего нервическаго разстройства и что движеніе потрясаетъ меня, но всё какъ это сладко! И я тогда едва дышу. — Римъ Via Felice. № 126.«

Въ этой-то Via Felice (счастливая улица) поэтъ нашъ велъ такую несчастную жизнь! »Изъ подъ самихъ облаковъ да въ грязь!« Слабое тѣло его не выносило порывовъ духа: это былъ сильный аэростатъ изъ тонкой и бренной ткани. Общество, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и юношескіе годы, заключая въ себѣ много пищи для его таланта, всё, однако же, не могло вполнѣ организовать поэта съ такимъ огромнымъ запасомъ природныхъ началъ творчества, какимъ одаренъ былъ Гоголь. Достигнувъ той эпохи умственнаго развитія, когда передъ писателемъ открывается самый обширный горизонтъ духовнаго міра, онъ долженъ былъ дѣлать надъ собой усилія сверхъ-естественныя, чтобы создать выраженіе для отвлеченныхъ рѣчей своихъ, и изнемогалъ подъ бременемъ непомѣрнаго труда. Потому-то умственное »напряженіе«, производящее въ другомъ только усталость и отвращеніе къ работѣ, въ немъ разрушало почти въ конецъ хилый организмъ и рождало одно сожалѣніе о той высотѣ, на которой онъ не въ силахъ былъ удержаться.

»Первое письмо Гоголя въ Москву послѣ болѣзни, отъ 28 декабря (говоритъ въ своихъ запискахъ С. Т. Аксаковъ) поразило всѣхъ серьезностью, торжественностью тона и открытымъ выраженіемъ религіознаго направленія, которое было въ Гоголѣ всегда, но о которомъ онъ прежде не говорилъ и даже скрывалъ. Этотъ тонъ продолжался до его смерти. Вотъ выписки изъ этого письма:

»Декабря 28 (1840). Римъ.

»Я много передъ вами виноватъ, другъ души моей С. Т., что не писалъ къ вамъ тотчасъ послѣ вашего мнѣ такъ всегда пріятнаго письма. Я былъ тогда боленъ. О моей болѣзни мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ, потому что это бы васъ огорчило — — —

»Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни! Вы, въ вашемъ письмѣ, сказали, что вѣрите въ то, что мы увидимся опять. Какъ угодно будетъ всевышней силѣ! Можетъ быть, это желаніе, желаніе сердецъ нашихъ сильное обоюдно, исполнится. По крайней мѣрѣ обстоятельства идутъ какъ-будтобы къ тому. Я, кажется, не получу мѣста, о которомъ, помните, мы хлопотали и которое могло бы обезпечить мое пребываніе въ Римѣ. — — —

»Но Богъ съ нимъ: я радъ всему, всему, что̀ ни случается со мною въ жизни и, какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благамъ веле меня то, что̀ называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить невидимую руку, ведущую меня. — — —

»Другое обстоятельство, которое можетъ дать надежду на возвратъ мой — мои занятья. Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первой томъ »Мертвыхъ Душъ«. Перемѣняю, перечищаю, много переработываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колосальное, если только позволятъ слабыя

мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знають, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной водѣ, которую я сталъ пить по совѣту доктора, котораго за это благослови Богъ и который думаетъ, что мнѣ холодное лѣченіе должно помочь. Воздухъ теперь чудный въ Римѣ, свѣтлый. Но лѣто, лѣто — это я ужъ испыталъ, — мнѣ непремѣнно нужно провести въ дорогѣ. Я повредилъ себѣ много, что зажился въ душной Вѣнѣ. Но что̀ жъ было дѣлать? признаюсь, у меня не было средствъ тогда предпринять путешествіе; у меня слишкомъ было все расчитано. О, еслибъ я имѣлъ возможность всякое лѣто сдѣлать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня, Но обратимся къ началу. Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ (¹), котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключалось много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое, что̀ казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать близко къ сердцу. — — —

»Но довольно; сокровенныя чувства какъ-то становятся пошлыми, когда облекаются въ слова. Я хотѣлъ было обождать (съ) этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ нимъ перемѣненныя страницы въ »Ревизорѣ« и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ, и не успѣлъ. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что̀ нужно къ спѣху, а всё бы хотѣлось заняться тѣмъ, что̀ не къ спѣху. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. — — —

»Пановъ молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, и Италія ему много принесла пользы, какой бы онъ никогда не пріобрѣлъ въ Германіи, въ чемъ онъ совершенно убѣдился. Это не мѣшаетъ довести, между прочимъ, до свѣдѣнія кое-кого. А впрочемъ, если разсудить по правдѣ, то я не

(¹) То есть, въ Москву. *Н. М.*

знаю, почему вообще молодымъ людямъ не развернуться въ полнотѣ силъ и въ Русской землѣ. Но почему, — можетъ увлечь въ длинное разсужденіе. Покамѣсть, прощайте.«

»Очевидно, (продолжаетъ С. Т. Аксаковъ), что это письмо написано уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предъидущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что *много чуднаго совершилось* съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго въ послѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлеснымъ организмомъ человѣка. Я не спрашивалъ Гоголя въ подробности, что̀ съ нимъ случилось, частью изъ деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрогиваться до такихъ предметовъ и явленій, о которыхъ одно воспоминаніе могло его разстроить. Слова самаго Гоголя въ этомъ письмѣ утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать »Мертвыя Души«, какъ любопытный и забавный анекдотъ, — что только впослѣдствіи онъ узналъ, говоря его словами, »на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ«, — что впослѣдствіи мало-по-малу составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни, — что впослѣдствіи почувствовалъ онъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость примиренія...... Возможно ли было исполненіе этой задачи и могъ ли ее исполнить Гоголь? это вопросъ другой.

»Отъ 5 марта 1841 года я получилъ отъ него письмо, изъ котораго дѣлаю выписки:

»Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю

дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета. О, еслибы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе: они одни, какъ я уже говорилъ, возстановляютъ меня — —

»Теперь я вашъ; Москва моя родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено высшею волею — и мой пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ, все было благо. Никому не говорите ничего ни о томъ, что я буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь, словомъ, ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что: пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ и Константинъ Сергѣевичъ: имъ же нужно, — Михаилу Семеновичу для здоровья, Конст. Сергѣевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться. А милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого. Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ. Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище. Стало быть, ее нужно беречь. Жду вашего отвѣта; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Еслибы вы знали, какъ я теперь жажду обнять васъ! До свиданья. Какъ прекрасно это слово!«

»Это письмо (замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ) привело въ восхищеніе всѣхъ друзей Гоголя: изъ него можно было заключить, что Гоголь переѣзжалъ въ Москву навсегда, о чемъ онъ и самъ говорилъ въ первое

время по возвращеніи своемъ изъ Рима. Какъ слышна искренность убѣжденія Гоголя въ великость своего труда, какъ въ благую, свыше назначенную цѣль всей его жизни! Поѣхать къ Гоголю, такъ сказать, навстрѣчу, чтобы привезть его въ Москву, никто не могъ. Сыну моему Константину нельзя было ѣхать по особеннымъ семейнымъ обстоятельствамъ, а Щепкинъ не имѣлъ никакихъ средствъ для этого путешествія, да и получить заграничный отпускъ было бы для него затруднительно.

»Послѣднее письмо ко мнѣ отъ Гоголя изъ Рима, въ 1841 году, не имѣетъ числа, но по содержанію можно догадаться, что оно написано довольно скоро послѣ предыдущаго письма отъ 5-го марта. Вотъ изъ него выписки:

»Едва только я успѣлъ отправить письмо мое къ вамъ, съ приложеньями къ »Ревизору«, какъ получилъ вслѣдъ за тѣмъ ваше. Оно было для меня тѣмъ пріятнѣе, что мнѣ казалось уже, будто я отъ васъ Богъ знаетъ когда не получалъ вѣсти. Цѣлую васъ нѣсколько разъ, въ задатокъ поцѣлуевъ личныхъ. »Ревизора«, я полагаю, не отложить ли до осени? Время близится къ лѣту; въ это время книги сбываются плохо и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпускомъ повременить до осени. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ благоразуміе и опытность — —

»Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого труда своего для меня уже бѣда — — Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочного — — Богъ милостивъ. Дорога, дорога! Я сильно надѣюсь на дорогу. Она же такъ теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна. Я увижу моихъ друзей, моихъ родныхъ друзей. Не говорите о моемъ пріѣздѣ никому, и Погодину скажите, чтобъ онъ также не говорилъ; если же прежде объ этомъ проговорились, то теперь говорите, что это не вѣрно еще. Ничего также не сказывайте о моемъ трудѣ — —

»Вы, можетъ быть, дивитесь, что я вызываю Константина Сер. и Михаила Семеновича, но я дѣлалъ это въ томъ предположеніи, что Конст. Серг. нужно было и безъ того ѣхать, а Мих. Сем. тоже хотѣлъ ѣхать къ водамъ, что̀ ему принесло бы значительную пользу. Я бы ихъ

ожидалъ хоть въ самомъ первомъ за нашею границею нѣмецкомъ городѣ. Вы знаете этому причины изъ письма моего, которое вы уже получили — —

»Въ маѣ мѣсяцѣ я полагаю выѣхать изъ Рима, мѣсяцы жаркіе провесть гдѣ-нибудь въ холодныхъ углахъ Европы, — можетъ быть, въ Швейцаріи, и къ началу сентября въ Москву обнять и прижать васъ сильно.«

»Желаніе Гоголя (пишетъ С. Т. Аксаковъ) не исполнилось. Я давно уже не занимался никакими дѣлами, и »Ревизоръ« былъ напечатанъ Погодинымъ со всѣми приложеніями, которыя, кажется, предварительно были помѣщены въ »Москвитянинѣ«.

Домашнихъ своихъ Гоголь не увѣдомлялъ о своей опасной болѣзни, не желая, вѣроятно, тревожить ихъ безполезно. Онъ продолжалъ преподавать своимъ сестрамъ науку жизни, стараясь сдѣлать ихъ какъ можно довольнѣе ихъ положеніемъ. Помѣщаю здѣсь три письма къ старшей сестрѣ, Аннѣ Васильевнѣ.

1.

»Мартъ 25. Римъ. (1841.)

»— — —Я тебѣ благодаренъ за письмо, благодаренъ именно за (то), что оно написано такъ, а не иначе, — что ты написала его прямо, въ первомъ движеніи души, и сказала все, что̀ чувствовала въ это время. И по этому одному оно для меня дороже всѣхъ другихъ твоихъ писемъ. Никогда и никакъ не удерживайся въ письмахъ твоихъ отъ тѣхъ выраженій и мыслей, которыя почему-нибудь тебѣ покажутся, что огорчатъ меня, или не понравятся. Ихъ-то именно скорѣе на бумагу, ихъ я желаю знать. Какъ духовнику мы желаемъ прежде всего объявить то, что̀ тягостнѣе лежитъ на душѣ нашей, такъ и мнѣ прежде всего ты должна сказать то, что̀ почему-либо тебѣ покажется тягостно говорить мнѣ. Ты должна помнить, что сердечное изліяніе ты передаешь другу, который придумаетъ средство, какъ поправить, а не станетъ расточать суровые и жестокіе упреки. — —

»Ты описала мнѣ день своихъ занятій. Имъ я не совершенно доволенъ. — — Я не хочу, чтобы ты переводила болѣе часу въ день. Луч-

ше оставлять работу тогда, когда еще хочется немного заняться, а не тогда, когда уже вовсе не хочется. Потомъ ты принимаешься сейчасъ за работу, за вышиваніе. Это тоже и рѣшительно не хорошо. Я желалъ бы, напротивъ, чтобъ ты по крайней мѣрѣ часъ дѣлала движеніе и была безпрестанно на ногахъ, — если даже не цѣлыхъ два. Вотъ для чего еще я хотѣлъ вселить въ тебѣ расположеніе къ домашнему хозяйству. Я зналъ, что трудно для тебя придумать какое-нибудь движеніе, особенно зимою, — что ты непремѣнно будешь сидѣть на одномъ мѣстѣ, а насильно трудно заставить себя бѣгать по комнатѣ. Я думалъ, что хлопоты и заботы заставятъ тебя перейти изъ комнаты въ кладовую, изъ кладовой въ какое-нибудь другое мѣсто, словомъ — что ты невольно такимъ образомъ будешь дѣлать движеніе, которое бы тягостно было тебѣ дѣлать нарочно. — — Итакъ ты видишь, что все, что̀ ни требовалъ я, когда-либо отъ тебя, все это обдумывалось къ добру твоему. Я даже немножко далѣе вижу въ душу твою, чѣмъ ты думаешь, но не хочу иногда показать тебѣ этого. Я хочу, чтобъ ты сама обнаружила всѣ движенья ея простодушно, съ чистосердечьемъ ребенка, и въ этомъ есть тоже цѣль моя, которую ты узнаешь, можетъ, и сама послѣ, и возблагодаришь того, который думалъ о тебѣ и почти невидимо устраивалъ и дѣйствовалъ для тебя. Я желаю также, чтобы и письма твои писались ко мнѣ только тогда, когда тебѣ слишкомъ захочется писать ко мнѣ, а не тогда, когда тебѣ придется придумывать, о чемъ бы писать ко мнѣ.«

2.

»Христосъ воскресе!

»Твои чувства, временами тобою ощущаемыя, довольно вѣрны, милая сестра Анна. Что тебѣ кажется, будто *ты здѣсь мимоѣздомъ*, это такъ. Мы всѣ здѣсь мимоѣздомъ, и всѣ не долго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь мимоѣздомъ не по своенравному случаю, не для какого-либо пустяка. У Бога нѣтъ пустяковъ. Мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученье, возложенное на насъ Пославшимъ, безъ чего не можемъ получить ни награды, ни права на будущую жизнь. Только на слова твои, что *тебѣ не хочется даже выкладываться,* замѣчу, что это даже не въ нашей волѣ. И хотѣлъ бы выложить все

изъ своего дорожнаго экипажа, но какъ это сдѣлать, когда и самъ не знаешь, что̀ въ тебѣ положено и гдѣ. Несчастія, скорби, потрясенья, удары всякаго рода, вотъ что̀ заставляетъ иногда выступить изъ насъ то, что̀ дремлетъ въ душевномъ хранилищѣ нашемъ. На нихъ, какъ на оселкѣ, мы пробуемся, испытываемся, обнаруживаемъ себя самимъ себѣ и наконецъ узнаемъ, что̀ лежитъ въ насъ. Но блаженъ тотъ, кто, не дожидаясь скорбей (и) испытаній, исполняетъ просто заповѣдь, данную Богомъ по изгнаньи изъ рая: въ трудѣ и въ потѣ снѣсть хлѣбъ свой. Его отъ многаго спасетъ эта заповѣдь. Его силы укрѣпятся, его способности разовьются. Дѣятельность покажетъ ему, что̀ дѣйствительно лежитъ въ немъ; ибо только на дѣлѣ можетъ узнать человѣкъ свои дѣйствительныя силы. Безъ него и мысли о самомъ себѣ мечтательны и ошибочны. Воображеніе же такъ любитъ поддѣвать насъ!... Что *тебѣ жаль самой себя*, это такъ же понятно, равно какъ и *хотѣнье быть счастливой*. Мы всѣ должны хотѣть этого. Счастье отъ насъ. Насъ Богъ зоветъ къ счастью ежеминутно, но мы сами счастье отталкиваемъ. Вотъ мой совѣтъ. Молись Ему о томъ, чтобъ Онъ самъ внушилъ тебѣ совѣтъ. Онъ милосердъ; Онъ сказалъ: »Толците, и отверзется вамъ«. А покуда, займись огородомъ. Въ приложенной книжкѣ найдешь полное наставленье для всякой зелени порознь. Учись всякую порученность исполнять добросовѣстно и честно, даже самую ничтожную, такъ какъ-бы на тебя возложилъ ее самъ Богъ и ты Ему должна дать отвѣтъ. Тогда и большія обязанности станутъ тебѣ легки и удобоисполнительны. Помни, что для твоего здоровья нужно быть безпрестанно на воздухѣ. Прогулка еще не такъ полезна, какъ занятье на воздухѣ, особенно руками. Отъ этого кровь обращается правильнѣй и въ тѣлѣ устанавливается равновѣсіе. Пріучайся понемногу копать заступомъ легенькимъ на рыхлой землѣ, чтобъ не очень уставать. Земля, которая идетъ у васъ подъ огородъ, въ мѣстахъ, гдѣ были прежде скотный дворъ и конюшня, слишкомъ жирна отъ множества навозу. Понемножку можно подмѣшивать песку, но очень немного. Не забывай сама съ лейкой, до восхожденья солнца и по захожденьи его, ходить къ пруду за водой и поливать. Въ это время можешь прочитать свои утреннія и вечернія молитвы. Богъ какъ-то особенно любитъ молитвы во время труда, и потому особенно

успѣвается во всемъ и удается, кто во всякомъ дѣлѣ ограждаетъ себя крестомъ и говоритъ внутренно: »Господи, помоги!« Но довольно съ тебя. Гони прочь уныніе, которое есть грѣхъ, и будь весела.«

3.

»Франкфуртъ. 16 іюня.

»Куражъ! впередъ! и никакъ не терять присутствія духа! Письмо твое — добрый знакъ. Прежде всего ты должна поблагодарить Бога за ту тоску, которая на тебя находитъ. Это предвѣстникъ скораго прихода веселья въ душу твою. Тоска эта — слѣдствіе пустоты, слѣдствіе безплодности твоего прежняго веселья. Веселье лучшее, веселье полное, вовсе незнакомое тебѣ доселѣ, ждетъ тебя. Письма твои будутъ выражать теперь всю твою душу, и все, что̀ хотѣло прежде высказаться и не умѣло, изольется теперь свободно. Я думаю, ты уже прочла и вникнула въ длинное письмо мое, которое я послалъ вамъ три дни тому назадъ. Пойми его хорошенько. Если ты поймешь его, то бодрость почувствуешь въ душѣ. Если не поймешь, то предашься унынію, и въ такомъ случаѣ сильно согрѣшишь; потому что болѣе всего грѣшитъ предъ Богомъ тотъ, кто предается унынію: онъ, значитъ, не вѣритъ ни милосердію Божію, ни любви Его, ни самому Богу. И потому веселѣй и отважнѣй за дѣло! Брось всѣ тѣ занятія, которыя заставляютъ тебя сидѣть на мѣстѣ и въ комнатѣ. Это занятія *мертвыя*. Они еще болѣе способны усилить только скучное расположеніе духа. Замѣни ихъ занятіями *живыми*. Дѣлай частыя прогулки, но старайся, чтобы имъ назначить какую-нибудь цѣль. Безъ того онѣ наскучатъ тебѣ и будутъ похожи на что-нибудь заказное и принужденное. Употребляй піеніе воды, но только прежде ходьбы, а не послѣ. Не пренебрегай даже и прежними увеселеніями, но взгляни на нихъ съ лучшей точки. Старайся какъ ихъ, такъ и все, что̀ ни дѣлаешь, обратить въ какую-нибудь пользу, потому что все создано на то, чтобъ употреблять его въ пользу. Заведи такъ, чтобъ въ разныхъ мѣстахъ были у тебя дѣла, чтобы нужно было проходить большія разстоянія, чтобы живо и дѣятельно отъ одного дѣла приниматься за другое. Займись хозяйствомъ не вещественнымъ, но хозяйствомъ души человѣческой. Тамъ только найдешь счастіе. Но ты не

безъ ума и смекнешь сама собою многое. Въ письмѣ твоемъ я вижу счастливые признаки и повторяю тебѣ вновь: Впередъ! все будетъ хорошо.

»Олинькѣ скажи, чтобъ она написала мнѣ, что̀ такое въ самомъ дѣлѣ есть дочь Катерины Ивановны, Марья Николаевна — какихъ качествъ. Пусть она также напишетъ, какъ проводила у нея время всякой день, каковъ ея мужъ и какъ вообще идутъ у нихъ дѣла хозяйственныя и всякія. Прибавь къ этому и свое мнѣніе. Если ей чрезъ-чуръ хочется имѣть какое-нибудь мое письмо, то отдайте ей то, гдѣ я вамъ писалъ, что нужно повсюду вносить примиреніе? Если жъ вамъ оно будетъ по чему-либо (нужно), то можете для себя оставить съ него копію. Съ тѣмъ, однакожъ, ей отдайте, чтобъ она никому его не показывала.«

Помѣщу теперь девять писемъ Гоголя къ Н. Н. Ш*****, старушкѣ, отличавшейся высокимъ христіянскимъ благочестіемъ. Такъ какъ она перешла уже въ иную жизнь, то мы можемъ, не оскорбляя ея добродѣтельной скромности, обнаружить передъ свѣтомъ ея духовное общеніе съ авторомъ »Мертвыхъ Душъ«. Эти письма не нуждаются въ объясненіяхъ: содержаніе ихъ составляютъ чувства и помыслы, обнявшіе душу Гоголя послѣ произшедшаго съ нимъ таинственнаго пересозданія, о которомъ онъ ни одному изъ друзей своихъ не могъ разсказать вполнѣ удовлетворительно. Предварю только читателя, что въ нихъ онъ долженъ видѣть не только Гоголя, но и его корреспондентку. Да не сольетъ читатель этихъ двухъ личностей въ одну и не приметъ Гоголя въ частности за Гоголя вообще. Онъ и самъ иногда, кажется, этого опасался и просилъ нѣкоторыхъ изъ искреннѣйшихъ друзей своихъ не показывать его писемъ никому. »Они будутъ чужды для всякаго (говорилъ онъ), ибо *писаны на языкѣ того, къ кому относятся.*« Замѣчу еще, что, независимо отъ влеченія доброй и благочестивой души къ другой подобной душѣ, Гоголю нужны были короткія отношенія со всякаго рода людьми, имѣющими нравственное вліяніе на общество, какъ это онъ и самъ обнаруживаетъ въ просьбахъ своихъ къ Н. Н. Ш***** — извѣщать его о всѣхъ христіянскихъ подвигахъ, кѣмъ бы они ни были совершены. Кромѣ того — и это, можетъ быть, было главною причиной сближенія поэта съ

благочестивой старушкой — извѣстно, что Гоголь участвовалъ денежными пожертвованіями въ христіянскихъ попеченіяхъ покойной Ш***** о бѣдныхъ и нуждающихся. Въ письмахъ его къ ней объ этомъ не упоминяется, но я слыхалъ отъ людей, достойныхъ вѣры, что онъ не разъ ввѣрялъ въ ея распоряженіе деньги, откладываемыя имъ для помощи бѣднымъ.

1. (1)

»Благодарю васъ за ваши три письма. Мы должны были сойтись и сблизиться душой. Въ томъ высшая воля Бога. Самое это ваше участье и влеченье ко мнѣ, и молитвы обо мнѣ — все говоритъ о сей волѣ. Не стану вамъ говорить ничего болѣе. Вы чувствуете въ глубинѣ вашей души, каковы должны быть отношенія мои къ вамъ. Въ минуты торжественныхъ минутъ моихъ я вспомню о васъ! А вы — вы помолитесь обо мнѣ... не объ удачахъ и временныхъ успѣхахъ молитесь [мы не можемъ судить, что̀ удача, или неудача, счастье, или несчастье], но молитесь о томъ, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ, и минутой была чище и чище душа моя. Мнѣ нужно быть слишкомъ чисту душой. Долгое воспитанье еще предстоитъ мнѣ, великая, трудная лѣстница. Молитесь же о томъ, да ниспошлются съ небесъ мнѣ неслабнущія силы. Посылаю вамъ душевное объятіе мое.«

2.

»Письмо ваше, добрый другъ мой Надежда Николаевна, я получилъ уже въ Петербургѣ. Въ Москвѣ я ожидалъ вашего пріѣзда или отвѣта отъ васъ, потому что Шевыревъ посылалъ вамъ дать знать о моемъ пріѣздѣ. Мнѣ было жалко выѣхать изъ Москвы, васъ не видавши, но такъ какъ я надѣялся чрезъ три недѣли возвратиться назадъ, то и не предпринялъ поѣздки въ Рузу для свиданія съ вами. Душевно благодарю за строки письма вашего, исполненныя по прежнему любви и участія. Скоро надѣюсь поблагодарить васъ лично за все.«

---

(1) Точнаго порядка этихъ писемъ я немогъ опредѣлить. Они относятся, вѣроятно, къ разнымъ годамъ.

3.

»Апрѣля $\frac{15}{3}$.

»Сію минуту получилъ я ваше письмо отъ 13-го марта, безцѣнный другъ мой, и отвѣчаю на него сію минуту. Благодарю васъ за него. Оно такъ же было пріятно душѣ моей, какъ и всѣ другія ваши письма, и, кажется, даже больше, чѣмъ другія. Благодарю васъ за ваши поздравленія съ грядущимъ прекраснымъ праздникомъ для всѣхъ насъ. Вы не обманулись, вы первыя поздравили меня съ имъ. Еще недѣля остается до него, но душа моя жаждетъ мысленно похристосоваться съ вами первыми въ ту высокую минуту, когда произнесется: »Христосъ воскресе!« Итакъ будьте увѣренны, что поздравленіе мое понесется навстрѣчу вашему, и встрѣча эта во Христѣ будетъ глубоко радостна душамъ нашимъ. Прощайте, будьте свѣтлы этимъ свѣтлымъ воскресеньемъ весь годъ до новаго свѣтлаго воскресенья. Я говѣлъ на первой недѣлѣ еще поста, и это было прекрасное время. Богъ неисчетно, сугубо награждаетъ насъ за самое даже мгновенное пребываніе въ Немъ. И много новаго излилось съ тѣхъ поръ въ мою душу, за что̀ несу Ему вѣчное благодареніе.«

4.

»Гастейнъ, 18 мая.

»Всѣ ваши письма были получаемы мною въ исправности, почтенный другъ мой Надежда Николаевна. Но теперь на нѣсколько времени мы должны прекратить переписку, — во первыхъ, потому, что у меня начинается впродолженіи лѣта разъѣздная жизнь, и я не могу еще сказать навѣрно, гдѣ доведется мнѣ провести какое время, а во вторыхъ, потому, что скоро приближается время, когда я засяду крѣпко за работу, а въ то время я ни къ кому не пишу. И потому не дивитесь, если получите отъ меня иногда одну только строчку впродолженіи какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ. Да и что̀ въ словахъ, когда мы уже знаемъ другъ о другѣ во всякую душевную минуту?«

5.

»Благодарю васъ отъ всего сердца за память обо мнѣ, и за молитвы. Здоровье мое, слава Богу, кое-какъ плетется. Тружусь, работаю съ мо-

литвою и стараюсь не быть свободнымъ ни минуты. Испытавъ на опытѣ, что въ праздныя минуты къ намъ ближе искуситель, а Богъ далѣе, я теперь занятъ такъ, что не бываетъ даже времени написать письмо къ близкому человѣку. Знаю, что близкій человѣкъ проститъ, потому и не извиняюсь. Работать нужно много, особенно тому, кто пропустилъ лучшее время своей юности и мало сдѣлалъ запасовъ на старость. Богъ да хранитъ васъ и да наградитъ васъ за то, что не забываете меня своими молитвами.«

6.

»Дюссельдорфъ. Сентябрь.

»Благодарю васъ, Надежда Николаевна, за ваше рукописаніе, которое всегда пріятно душѣ моей, и за вашъ шнурокъ, который вы послали съ Валуевымъ. Онъ будетъ у меня храниться и береженъ въ цѣлости. Носить его не буду, потому что ношу прежній, который вы сами лично мнѣ дали. Онъ хотя и *заносился*, но не *износился* и, вѣроятно, будетъ носиться долго, пока не изорвется вовсе. Что̀ же касается до образа, которымъ вы хотите надѣлить меня, то я не совѣтую вамъ посылать его по почтѣ.«

7.

»26 октября.

»Не сѣтуйте на меня, добрый другъ мой, за то, что давно не писалъ къ вамъ. Ко мнѣ также долго не пишутъ. Вотъ уже больше полугода, какъ я не получалъ писемъ отъ Аксаковыхъ. Отъ другихъ также давно не имѣю извѣстій, хотя вообще моимъ пріятелямъ слѣдовало бы больше писать писемъ, чѣмъ мнѣ, по многимъ причинамъ, — во первыхъ, уже потому, что у нихъ меньше переписки, чѣмъ у меня. Вы одни меня не оставляете и не считаетесь со мной письмами. Виноватъ: мой добрый Языковъ умѣетъ также быть великодушнымъ, и, послѣ васъ, онъ одинъ пишетъ, не останавливаясь тѣмъ, что на иное письмо нѣтъ отвѣта. Образа вашего я не получилъ. Б**** мнѣ его не доставилъ, и его самаго я не видалъ и не знаю, гдѣ онъ. Но этимъ нечего сокрушаться. Не въ видимой вещи дѣло. Образъ вашъ я возложилъ мысленно на грудь

свою, принялъ благодарно ваше благословеніе и помолился Богу, да и возложенный мысленно, онъ возымѣетъ ту силу, какъ-бы возложенъ былъ видимымъ образомъ. А васъ прошу, безцѣнный другъ мой, помолиться о мнѣ сильно и слезно, помолиться о томъ, чтобы ниспослалъ Онъ, милосердый Отецъ нашъ, освѣженье моимъ силамъ, которое мнѣ очень нужно для нынѣшняго труда моего и котораго не достаетъ у меня, и святое вдохновенье на то, чтобы совершить его такимъ образомъ, чтобы онъ доставилъ не минутное удовольствіе нѣкоторымъ, но душевное удовольствіе многимъ, и чтобы всѣхъ равно болѣе приблизилъ къ тому, къ чему мы всѣ ежеминутно должны болѣе и болѣе приближаться, то есть, къ Нему самому, небесному Творцу нашему. Объ этомъ молю Его теперь безпрестанно и прошу васъ, какъ братъ проситъ брата, соединить ваши молитвы съ моими и силою вашихъ моленій помочь безсилію моихъ.«

8.

»Благодарю васъ, добрый другъ мой Надежда Николаевна, за вашу посылку. Образъ и молитвы я наконецъ получилъ. То и другое пришло весьма кстати наканунѣ великаго поста, наканунѣ моего говѣнья. Богъ удостоилъ меня пріобщиться святыхъ таинъ. Хотябы и лучше мнѣ хотѣлось говѣть, хотябы и болѣе хотѣлось выполнить высокій обрядъ, хотябы, наконецъ, желалось и сколько-нибудь болѣе быть достойнымъ Его милостей; но благодареніе и за то, что помогъ привести духъ мой даже и въ такое состояніе. Безъ Его милости и того бы нельзя было мнѣ сдѣлать, и я въ нѣсколько разъ былъ бы недостойнѣе. О, молитесь обо мнѣ! Молитесь обо мнѣ, другъ мой, да поможетъ Онъ мнѣ избавиться отъ всей мерзости душевной, да поможетъ мнѣ избавиться отъ низкаго малодушія, отъ недостатка твердой вѣры въ Него, да проститъ мнѣ за все ея безсиліе и не отвратитъ лице Свое отъ меня, чтобъ не одолѣла моя худость и злоба Его небеснаго милосердія. Молитесь о томъ, чтобы Онъ все простилъ мнѣ, сподобилъ бы меня послужить Ему такъ, какъ стремится и хочетъ душа моя. Но для такого подвига, увы! надобно быть слишкомъ чисту и слишкомъ прекрасну. Другъ мой, молитесь о томъ. Молитесь также о томъ, чтобъ Онъ далъ силы мнѣ великодушно перено-

сить мои недуги тѣлесные и, все побѣждая — всю боль и страданія, возноситься еще выше отъ того душой и пріобрѣтать еще больше способностей для совершенія труда моего, который да потечетъ отнынѣ успѣшно, разумно и быстро. Другъ мой, молитесь объ этомъ. Богъ да спасетъ васъ! Возношу и о васъ молитву моими грѣшными устами.«

9.

»Октября 30.

»Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Надежда Николаевна, что я пріѣхалъ въ Римъ благополучно. Молитвы молившихся обо мнѣ услышаны милосердымъ Богомъ: мнѣ гораздо лучше, и не нахожу словъ, чѣмъ выразить Ему благодарность. Все было во благо, и страданіе, и болѣзни. А васъ благодарю также: своихъ грѣшныхъ молитвъ не достало бы. Молитесь же, другъ мой, теперь о томъ, чтобы вся жизнь моя была Ему служеніе, чтобы дана была мнѣ высокая радость служить Ему и чтобы воздвигнуты были Его всемогущею десницею во мнѣ силы на такое дѣло.«

Читатель сохранилъ въ памяти характеръ переписки Гоголя съ его »ближайшимъ«, какъ онъ самъ называлъ А. С. Данилевскаго. Въ ней Гоголь является юношею, жаднымъ прекрасныхъ впечатлѣній, предающимся влеченію полнаго любви сердца и ужасающимся, подобно Пушкину, рокового перевала за тридцать лѣтъ, за эту дѣйствительно страшную грань, отдѣляющую насъ отъ самодѣятельнаго развитія въ насъ нравственныхъ силъ, и за которою мы остаемся внѣ попеченій матери-природы и должны сами, собственными усиліями идти къ совершенству. Слѣдующее письмо къ тому же другу, писанное съ небольшимъ черезъ два года послѣ послѣдняго (намъ извѣстнаго) отклика къ нему изъ Рима, поражаетъ высотою воззрѣнія поэта на жизнь и на собственный путь жизни. Гоголю было тогда отъ роду немного менѣе тридцати лѣтъ съ половиною.

»Римъ. Via Felice. 1841, авг. 7.

Письмо твое попалось наконецъ въ мои руки вчера ровно три мѣсяца послѣ написанія. Гдѣ оно странствовало, подобно многимъ другимъ письмамъ, изрѣдка получаемымъ мною изъ Россіи, это извѣстно Богу.

»Какъ ни пріятно было мнѣ получить его, но я читалъ его болѣзненно. Въ его лѣниво влекущихся строкахъ присутствуютъ хандра и скука. Ты все еще не схватилъ въ руки кормила своей жизни, все еще носится она безцѣльно и праздно, ибо о другомъ грезитъ дремлющій кормчій: не глядитъ онъ внимательными и ясными глазами на плывущія мимо и вокругъ его берега, острова и земли, и всё еще стремитъ усталый, безсмысленный взоръ на то, что̀ мерещится въ туманной дали, хотя давно уже потерялъ вѣру въ обманчивую даль. Оглянись вокругъ себя и протри глаза: все лучшее, что̀ ни есть, все вокругъ тебя, какъ оно находится вездѣ вокругъ человѣка и какъ одинъ мудрый узнаетъ это, и часто слишкомъ поздно. Неужели до сихъ поръ не видишь ты, во сколько разъ кругъ дѣйствія въ Семеренькахъ можетъ быть выше всякой должностной и ничтожно видной жизни, со всѣми удобствами, блестящими комфортами, и проч. и проч., — даже жизни, невозмущенно-праздно протекшей въ пресмыканьяхъ по великолѣпнымъ парижскимъ кафе! Неужели до сихъ поръ ни разу не пришло тебѣ въ умъ, что у тебя цѣлая область въ управленіи, что здѣсь, имѣя одну только крупицу, ничтожную крупицу ума и сколько-нибудь занявшись, можно произвесть много для себя-внѣшняго и еще болѣе для себя-внутренняго? и неужели до сихъ поръ страшатъ тебя дѣтски повторяемыя мысли на счетъ мелюзги, ничтожности занятій, неспособности приспособить, примѣнить, завести что-нибудь хорошее, и проч. и проч., — все, что̀ повторяется безпрестанно людьми, кидающимися съ жаромъ за хозяйство, за улучшенія и перемѣны и притомъ плохо видящими, въ чемъ дѣло? Но слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы то ни было неслушающему моего слова! Оставь на время все, все, что̀ ни шевелитъ иногда въ праздныя минуты мысли, какъ бы ни заманчиво и ни пріятно оно шевелило ихъ. Покорись и займись годъ, одинъ только годъ своею деревней. Не заводи, не усовершенствуй, даже не поддерживай, а войди во все — слѣдуй за мужиками, за прикащикомъ, за работниками, за плутнями, за ходомъ дѣлъ, хотя-бы для того только, чтобы увидѣть и узнать, что все въ неисправимомъ безпорядкѣ, — одинъ годъ! и этотъ годъ будетъ вѣчно памятенъ въ твоей жизни. Клянусь, съ него начнется заря твоего счастья! Итакъ

безропотно и безпрекословно исполни сію мою просьбу. Не для себя одного, — ты сдѣлаешь для меня великую, великую пользу. Не старайся узнать, въ чемъ заключена именно эта польза: тебѣ не узнать ее, но, когда придетъ время, возблагодаришь ты Провидѣнье, давшее тебѣ возможность оказать мнѣ услугу. Ибо первое благо въ жизни есть возможность оказать услугу. И это первая услуга, которую я требую отъ тебя — не ради чего-либо: ты самъ знаешь, что я ничего не сдѣлалъ для тебя, но ради любви моей къ тебѣ, которая много, много можетъ сдѣлать. О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово.

»Прощай! Шлю тебѣ братской поцѣлуй мой и молю Бога, да снидетъ вмѣстѣ съ нимъ на тебя хотя часть той свѣжести, которою объемлется нынѣ душа моя, восторжествовавшая надъ болѣзнями хвораго моего тѣла.

»Ничего не пишу къ тебѣ о римскихъ происшествіяхъ, о которыхъ ты меня спрашиваешь. Я уже ничего не вижу передъ собою, и во взорѣ моемъ нѣтъ животворящей внимательности новичка. Все, чтò мнѣ нужно было, я забралъ и заключилъ въ себѣ въ глубину души моей. Тамъ Римъ, какъ святыня, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершившихся надо мною, пребываетъ вѣченъ. И, какъ путешественникъ, который уложилъ уже всѣ свои вещи въ чемоданъ и, усталый, но спокойный, ожидаетъ только подъѣзда кареты, понесущей его въ далекій, вѣрный, желанный путь, такъ я, перетерпѣвъ урочное время своихъ испытаній, изготовясь внутреннею, удаленною отъ міра жизнью, покойно, неторопливо по пути, начертанному свыше, готовъ идти, укрѣпленный и мыслью, и духомъ.«

XVI.

Второй пріѣздъ Гоголя въ Москву. — Еще большая перемѣна въ немъ. — Чтеніе «Мертвыхъ Душъ». — Статья «Римъ». — Грустное письмо къ М. А. Максимовичу. — Мрачно-шутливое письмо къ ученицѣ. — Безпокойства и переписка по случаю изданія «Мертвыхъ Душъ». — Гоголь опредѣляетъ самъ себя, какъ писателя. — Письмо къ ученицѣ о его болѣзненномъ состояніи. — Продолженіе записокъ С. Т. Аксакова: Гоголь объявляетъ, что ѣдетъ ко Гробу Господню; — прощальный обѣдъ; — отъѣздъ изъ Москвы. — Воспоминанія А. О. С—ой. — Чтеніе отрывковъ изъ печатныхъ «Мертвыхъ Душъ» и комедіи «Женидьба».

Обращаюсь опять къ запискамъ С. Т. Аксакова.

«Гоголя мы уже давно ждали (говоритъ онъ) и даже ждать перестали. Наконецъ 18 октября 1841 года внезапно Гоголь явился у насъ въ домѣ. Въ этотъ годъ послѣдовала новая, бо́льшая перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ-будто никогда и не бывало. Иногда — очевидно, безъ намѣренія — слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде непротивный ему или незамѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора.

«Покуда переписывались первыя шесть главъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь прочелъ мнѣ, моему сыну Константину и М. П. Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, т. е. въ домѣ Погодина, и ни за что не согласился, чтобъ кто-нибудь слышалъ ихъ, кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній. Я не могъ ихъ дѣлать и сказалъ Гоголю, что, слушая «Мертвыя Души» въ первый разъ, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать недостатковъ его поэмы; — что, если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочелъ ее, и, можетъ быть, не одинъ разъ. Тогда дѣло другое. Но Гоголь не могъ этого сдѣлать. Рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру, въ Петербургъ.

»Въ 3-мъ нумерѣ »Москвитянина« 1842 года была напечатана большая статья Гоголя, подъ названіемъ »Римъ«. Предварительно онъ прочелъ ее у меня въ домѣ, а потомъ на литературномъ вечерѣ у князя Дм. Вл. Галицына, который просилъ объ этомъ Гоголя, но черезъ кого — не помню. У Гоголя не было фрака, и онъ долженъ былъ надѣть чужой.«

Къ этому времени относится послѣднее письмо Гоголя къ М. А. Максимовичу. Въ то время г. Максимовичъ надѣялся основать въ Кіевѣ родъ періодическаго изданія, подъ заглавіемъ »Кіевлянинъ«, и просилъ Гоголя украсить это изданіе своимъ именемъ. Отвѣчая на эту просьбу, поэтъ нашъ высказалъ своему старинному другу жалкое разстройство своего здоровья и глубокую скорбь объ утратѣ лучшей поры жизни и лучшихъ душевныхъ силъ. Вотъ его письмо:

»Москва. Генваря 10 (1840).

»Письмо твое металось и мыкалось по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, и наконецъ нашло меня здѣсь. Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. Погодинъ слилъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ, изъ котораго я не хочу ничего объявлять до времени его появленія въ свѣтъ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ, а цѣльнаго ничего нѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣзло изъ нея. Она у меня одеревянѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать, — не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Еслибъ ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь въ моемъ отечествѣ. Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь.... О! много, много пропало, много уплыло. Напиши мнѣ, что̀ ты дѣлаешь и что̀ хочешь дѣлать; потомъ, когда сбросишь съ плечь все то, что̀ тяжело лежало на нихъ, пріѣзжай когда-нибудь, хоть подъ закатъ дней въ Римъ, на мою могилу, если не станетъ уже меня въ живыхъ. Боже, какая земля! какая земля чудесъ! и какъ тамъ свѣжо душѣ!...«

Коротенькое письмо его къ ученицѣ, съ которою онъ переписывался въ первую поѣздку за границу покажетъ еще яснѣе, въ какомъ болѣзненномъ расположеніи духа былъ онъ въ это время.

»Хотя нѣсколько строкъ напишу къ вамъ. А не хотѣлъ, — право, не хотѣлъ браться за перо. Изъ этой ли снѣжной берлоги выставлять носъ, и еще писать? Медвѣди обыкновенно въ это время заворачиваютъ свой носъ поглубже въ шубу и спятъ. Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю, за что̀ попалъ. Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ-будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что̀ ужасно — что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку, или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ. Вы на меня можете надѣть и шлякпу, и все, что̀ хотите, и можете сметать съ меня пыль, мести у меня подъ носомъ щеткой, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь.«

Можетъ быть, это мрачное расположеніе духа происходило въ немъ отчасти потому, что спокойствіе его было нарушено нѣкоторыми обстоятельствами при изданіи »Мертвыхъ Душъ«. Еще въ январѣ 1842 года получено въ Москвѣ извѣстіе, что изъ Петербурга первый томъ »Мертвыхъ Душъ«, одобренный къ напечатанію, отправленъ въ Москву; но Гоголь не получалъ его цѣлый мѣсяцъ, — почему? до сихъ поръ остается тайною. Это странное обстоятельство такъ его встревожило, что онъ готовъ былъ самъ ѣхать въ Петербургъ. Но это, по разнымъ причинамъ, было не возможно. Онъ ограничился письмами къ своимъ повѣреннымъ, въ которыхъ безпрестанно выражалъ новыя жалобы и новыя безпокойства. Въ изнуреніи отъ долгихъ ожиданій и тайной скорби, Гоголь ужъ самъ готовъ отложить печатаніе задушевнаго труда своего, находя, что уже прошло къ тому время и что его твореніе еще не

совсѣмъ обработано. Онъ ограничивается желаніемъ представить его на судъ публики, состоящей изъ пяти преданныхъ ему друзей, и готовъ снова уѣхать въ Римъ и снова приняться за отдѣлку своего великаго созданія. Но лучше заставимъ его самаго говорить объ этомъ.

Вотъ что писалъ онъ къ П. А. Плетневу, отъ 6 Февраля 1842 года, еще не зная о разнесшемся въ Москвѣ слухѣ, что »Мертвыя Души« пропущены цензурою.

»Февраля 6-го (1840, изъ Москвы).

»Изъ письма Прокоповича я узналъ, между прочимъ, что вы хотите отдать У***; отсовѣтуйте это дѣлать. У*** былъ всегда противъ меня, хотя я совершенно не знаю, чѣмъ возбудилъ его нерасположеніе. Оно, казалось, началось со временъ »Ревизора«. Иначе дѣйствовать при теперешнихъ обстоятельствахъ тоже, кажется, нельзя; и потому прекратите это дѣло. Я вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому, прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть. А ваше великодушное участье не потеряло чрезъ то ни мало цѣны; скажите это всѣмъ: Александрѣ Осиповнѣ (¹), графу В****, кн. О****, князю В****. Я умчу это движенье душъ ихъ въ нѣдрѣ моего признательнаго сердца всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будетъ вѣчно свѣжить меня и пробуждать любовь къ прекраснымъ сокровищамъ, хранящимся въ Россіи. Нѣтъ, отчаянье не взойдетъ въ мою душу. Непостижимъ вышній произволъ для человѣка, и то, что кажется намъ гибелью, есть уже наше спасенье. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего. И теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить. О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненья! Но что жъ дѣлать? У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь дѣла и могу возвратиться; вышло не такъ. Но я твердъ. Пере-

---

(¹) Г-жѣ С—ой. *Н. М.*

силиваю, сколько могу, и себя, и болѣзнь свою. Неотразима вѣра моя въ свѣтлое будущее, и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой. Передайте мою признательность, мою сильную признательность всѣмъ. Успокойте ихъ, скажите имъ, что они уже много сдѣлали для меня. Клянусь, это знаетъ и чувствуетъ одно только мое сердце. Ихъ великодушіе, можетъ быть, мнѣ понадобится еще впереди. Ради Бога, успокойте ихъ, а рукопись возвратите мнѣ. Но прежде — самое главное — прочтите ее вмѣстѣ, т. е. впятеромъ, и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашемъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанія, отмѣтитъ всѣ погрѣшности и несообразности. Грѣхъ будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ. Мнѣ все должно говорить; мнѣ больше, нежели кому другому, нужно указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять все это. Пусть всѣ эти лоскуточки они передадутъ вамъ, а вы ихъ немедленно препроводите ко мнѣ. Эту небольшую записку вручите Александрѣ Осиповнѣ. Да хранитъ васъ всѣхъ небо! Оно сохранитъ васъ за благородную прелесть вашихъ душъ.

»*P. S.* Будетъ ли въ »Современникѣ« мѣсто для статьи около семи печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки — выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. е. къ празднику? Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте.«

Это письмо написано сгоряча, но потомъ удержано у себя Гоголемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго посланія:

»Февраля 17 (1842, изъ Москвы).

»Я получилъ ваше увѣдомленіе о томъ, что дѣло идетъ на ладъ. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, но я еще не получилъ рукописи, хотя три дни уже прошло послѣ полученья вашего письма. Я — — — не смѣю еще предаваться надеждѣ, пока вовсе не окончится дѣло. Дай Богъ, чтобъ оно было хорошо. Я уже ко всему приготовился и чуть не послалъ было къ вамъ письма, которое нарочно прилагаю вамъ при семъ. Вы можете во всякомъ случаѣ прочесть его всѣмъ, къ кому

оно имѣетъ отношеніе. — — — Добрый графъ В***! какъ я понимаю его душу. Но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои — было бы смѣшно и глупо съ моей стороны. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что̀ я долженъ чувствовать. Хорошо бы было, еслибъ на дняхъ я получилъ мою поэму. Время уходитъ. Въ другомъ письмѣ моемъ вы начитаете просьбу о позволеніи въѣхать въ вашъ »Современникъ«. Извините, что такъ дурно пишу; перо подчинено ножницами, а не ножикомъ, который неизвѣстно куда запропастился.«

Извиненіе Гоголя въ томъ, что онъ пишетъ небрежнымъ почеркомъ, показалось мнѣ сперва очень страннымъ. Онъ вообще не отличался тогда каллиграфическимъ искусствомъ, и всѣ письма его (кромѣ одного или двухъ, которыя онъ переписалъ по особеннымъ причинамъ набѣло) писаны крайне небрежно, чѣмъ бы перо ни было очинено, ножикомъ или ножницами. Но потомъ смыслъ этихъ словъ объяснился для меня какъ нельзя удовлетворительнѣе. Трудясь надъ своимъ перевоспитаніемъ, онъ не оставилъ безъ вниманія и своего почерка. Послѣднія письма его къ П. А. Плетневу и другимъ лицамъ, обнаруживаютъ уже явное подраженіе почерку прописей и даже попытку на щеголеватость буквъ, и кромѣ того въ его бумагахъ найдено множество выписокъ изъ разныхъ книгъ, изумляющихъ терпѣливою тщательностью почерка.

Но обращаюсь къ его перепискѣ по поводу изданія первой части »Мертвыхъ душъ«.

Вотъ что писалъ онъ, въ порывѣ раздраженнаго нетерпѣнія къ С. С. У—ву, не означивъ, въ разсѣянности, а можетъ быть, и по какой-нибудь другой причинѣ, ни года, ни числа, ни города, изъ котораго писано письмо.

»— — — Все мое имущество и состояніе заключено въ трудѣ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ, сколько могъ, свои болѣзненные недуги, въ надеждѣ, что, когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники приклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій Русскій принести своей отчизнѣ — — — И между

тѣмъ никто не хочетъ взглянуть на мое положеніе, никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, что проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и что такимъ образомъ я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ? Неужели и вы откажете мнѣ въ вашемъ покровительствѣ? Подумайте: я не предпринимаю дерзости просить вспомоществованія и милости; я прошу правосудія, я своего прошу. — — Почему знать, можетъ быть, не смотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги — — скажетъ въ тоже время, что вы были равнодушны къ созданьямъ русскаго слова и не тронулись положеньемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями писателя, немогшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ? Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы будете великодушны: у русскаго вельможи должна быть русская душа. Вы дадите мнѣ рѣшительный отвѣтъ на сіе письмо, излившееся прямо изъ глубины сердца.«

Въ письмѣ къ князю М. А. Д.—К—ву онъ еще сильнѣе выражаетъ болѣзненность своего нетерпѣнія:

»Къ величайшему сожалѣнію, мнѣ не удалось быть у васъ въ бытность вашего сіятельства въ Москвѣ. Одинъ разъ Ч** Александр. Ди., съ которымъ мы условились ѣхать вмѣстѣ, не заѣхалъ за мною по причинѣ какого-то помѣшательства, а потомъ овладѣла мною моя обыкновенная періодическая болѣзнь, во время которой я остаюсь почти въ неподвижномъ состояніи въ своей комнатѣ иногда въ продолженіи двухъ-трехъ недѣль. Впрочемъ, какъ я разсудилъ потомъ, пріѣздъ мой къ вамъ былъ бы лишнимъ. Дѣло мое уже вамъ извѣстно. Я знаю, душа у васъ благородна, и вы, вѣрно, будете руководствоваться однимъ глубокимъ чувствомъ справедливости; дѣло мое право, и вы никогда не захотите обидѣть человѣка, который въ чистомъ порывѣ души сидѣлъ нѣсколько лѣтъ

за своимъ трудомъ, для него пожертвовалъ всѣмъ, терпѣлъ и перенесъ много нужды и горя и который ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему. Итакъ, и теперь я не прилагаю къ вамъ никакихъ просьбъ моихъ; но если дѣло уже кончено, моя рукопись послана ко мнѣ и вы были моимъ справедливымъ и вмѣстѣ великодушнымъ заступникомъ, то много, много благодарю васъ. Вы не можете взвѣсить всей моей благодарности къ вамъ; но еслибы вы снизошли въ глубину моей души, еслибы вы увидѣли тамъ всѣ томленія — — тогда бы вы поняли, какъ велика (моя) благодарность. Это чувство всегда глубже всѣхъ другихъ я чувствовалъ въ моемъ сердцѣ, а теперь болѣе нежели когда-либо.«

Перечитывая эти письма, значительно мною сокращенныя, удивляешься простодушію поэта и его незнанію самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ въ сношеніяхъ съ людьми такого рода, по такому дѣлу и при такихъ обстоятельствахъ. Не думаю, однакожъ, чтобы эти недостатки понижали Гоголя хотя однимъ градусомъ во мнѣніи истинно благородномыслящаго человѣка. Нѣтъ, зная ничтожество его въ жизни практической, неловкости въ сношеніяхъ съ людьми, мелочные причуды характера, или какіе бы то ни было нравственные недостатки, мы тѣмъ больше должны почитать пламень его таланта. Глядя такимъ образомъ на поэта, мы не оскорбимъ его памяти своимъ любопытствомъ, доискивающимся его высокихъ поступковъ, или мыслей и самыхъ мелкихъ его слабостей. Въ слѣдующемъ письмѣ къ П. А. Плетневу высказываются, въ дивномъ смѣшеніи, тѣ и другіе.

»17 марта (1842). Москва.

»Вотъ уже вновь прошло три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершённомъ окончаніи дѣла, а рукописи нѣтъ какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посылаю каждый день освѣдомиться на почту, въ университетъ, и во всѣ мѣста, куда бы только она могла быть адресована, — и нигдѣ никакихъ слуховъ. Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и

тревоги! А время уходитъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что̀ случилось, чтобы я хотя по крайней мѣрѣ зналъ, что она не пропала на почтѣ, чтобы зналъ, что̀ мнѣ предпринять.

»Я силился написать для »Современника« статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякій день, и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою »Портретъ«. Она была напечатана въ »Арабескахъ«, но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній. Вы, можетъ быть, даже увидите, что она болѣе, чѣмъ какая другая, соотвѣтствуетъ скромному направленію вашего журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся, шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая: это — благоуханье цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ нему дороги; съ нея довольно славнаго имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руку и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію. Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнья. Нѣтъ! у меня нѣтъ для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналистъ такъ же не могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, какъ не могутъ соединить(ся) теоретикъ и практикъ. Притомъ, каждый писатель уже означенъ своеобразнымъ выраженіемъ таланта, и потому никакъ нельзя для нихъ вывести общаго правила. Одному данъ умъ быстрый схватывать мгновенно всѣ предметы міра въ минуту ихъ представленія; другой можетъ сказать свое слово, только глубоко обдумавъ: иначе — его слово будетъ глупѣе всякаго обыкновеннаго слова, произнесеннаго самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь

предстать на свѣтъ [если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію]. Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего. и оторваться отъ него на минуту — есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдѣльно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, потому что заняться чѣмъ-нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло напротивъ: я даже не въ силахъ собрать себя.

»Притомъ уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ предо мною. Притомъ здѣсь, кромѣ могущихъ смутить меня внѣшнихъ причинъ, я чувствую физическое препятствіе писать. Голова моя страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этотъ искуственный жаръ меня душитъ совершенно; малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ-будтобы она хотѣла треснуть. Въ Римѣ я писалъ предъ открытымъ окномъ, обвѣваемый благотворнымъ и чудотворнымъ для меня воздухомъ. Но вы сами въ душѣ вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывъ и угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе выше всѣхъ мирскихъ несчастій. Участіе ваше мнѣ дорого: не оставьте письма моего безъ отвѣта, напишите сейчасъ вашу строчку.

»Повѣсти не раздѣляйте на два нумера, но помѣстите ее всю въ одной книжкѣ и отпечатайте для меня десятокъ экземпляровъ. Скажите, какъ вы нашли ее? [мнѣ нужно говорить откровенно.] Если встрѣтите погрѣшности въ слогѣ, поправьте. Я не въ силахъ былъ прочесть ее

теперь внимательно. Голова моя глуна, душа не спокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ пріѣздъ мой въ Россію!«

Немного раньше этого времени, Гоголь писалъ о себѣ изъ Москвы къ своей ученицѣ, о которой было говорено выше. Какъ непохоже это письмо на его прежнія къ ней письма! Но въ біографіи оно тѣмъ не менѣе интересно:

»Мнѣ Плетневъ сдѣлалъ за васъ выговоръ, что̀ я не отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Но я вамъ писалъ. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка; но другого я ничего не въ силахъ былъ тогда сдѣлать: я былъ тогда боленъ и слишкомъ разстроенъ. Но господинъ, съ которымъ я послалъ ее въ Петербургъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь плотно пообѣдавши, выронилъ ее на улицѣ и не посмѣлъ предстать къ вамъ съ извиненіемъ. Иначе я не могу себѣ изъяснить, почему вы ея не получили. Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими странными припадками, какихъ никогда со мною еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно сомнамбулистическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще непріятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающи! Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣплюсь, сколько могу; выѣзжаю даже изъ дому, не жалуюсь и никому не показываю, что я боленъ, хотя часто, часто бываетъ не подъ силу. Теперь я вижу, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать къ вамъ, что почти не нужно было моего личнаго присутствія: и безъ меня вѣрно бы все такъже было; а главное — что̀ хуже всего — я не въ силахъ здѣсь за-

ниматься трудомъ, который для меня есть все. Зато съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю весны! Но, однакожъ, до отъѣзда моего я буду у васъ, буду веселѣе, лучше, нежели былъ у васъ въ прошломъ году, — не такъ безтолковъ, не такъ страненъ, не такъ глупъ. Но покамѣсть я все еще нездоровъ. Меня томитъ и душитъ все, и самый воздухъ. Я былъ такъ здоровъ, когда ѣхалъ въ Россію; думалъ, что теперь удастся прожить въ ней поболѣе, узнать тѣ стороны ея, которыя были доселѣ мнѣ не такъ коротко знакомы. Все пошло какъ кривое колесо, по словамъ пословицы. Скажите вашей маменькѣ, что мнѣ было передано ея участіе, изъявленное ею въ письмѣ къ одной пріятельницѣ, что оно было мнѣ очень кстати: оно пролило какое-то тихое утѣшеніе въ мои трудныя минуты; оно мнѣ показалось чѣмъ-то похожимъ на свѣтлое предвѣстіе яснаго будущаго. Я очень, очень много благодаренъ за него. Можетъ быть, самое длинное письмо ко мнѣ не было бы мнѣ такъ утѣшительно тогда, какъ тѣ коротенькія слова. Итакъ вотъ вамъ покамѣсть извѣстіе обо мнѣ и о припадкахъ моей болѣзни, вѣроятно, не похожей на вашу, если только вы до сихъ поръ хвораете, отъ чего да избавитъ васъ Богъ. Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу васъ застать не за Жанъ-Поль-Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа. Но эту пѣсню, я думаю, вы слышите часто и безъ меня. Я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ: приходило ли вамъ когда-нибудь желаніе, непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе? Я не разумѣю то желаніе, которое похоже на долгъ и которое всякій положилъ себѣ имѣть, — нѣтъ, сердечный порывъ...? Но оставляю неоконченною мною рѣчь. Есть чувства, о которыхъ не слѣдуетъ говорить, и произносить о нихъ что-нибудь уже значитъ профанировать ихъ.

»Посовѣтуйте вашему брату В. П. не оставлять живописи. У него есть рѣшительный талантъ. Талантъ есть Божій даръ, и горе тому, кто пренебрежетъ имъ! Посовѣтуйте ему, непремѣнно сдѣлать копіи съ Каналета, находящагося въ Эрмитажѣ, а потомъ и съ Клодъ-Лоррена, если будетъ возможность. Эти двѣ противоположности сильно разовьютъ его и введутъ его во многія тайны искусства. Извините, что я рѣшаюсь перенесть строки письма моего съ этой почтительной четвертушки на

сію короткую и дружескую осьмушку. Впрочемъ, мы съ вами, кажется, очень коротки, то есть, я разумѣю — оба невысокаго роста. Надобно вамъ сказать, что начало письма этого писалось совершенно въ другомъ расположеніи духа и начато было уже недѣлю назадъ. Теперь, сегодня я получилъ письмо отъ Плетнева, съ извѣстіемъ, что дѣло мое идетъ, кажется, лучше. Дай Богъ! Но я уже былъ ко всему приготовленъ — и къ удачѣ, и къ неудачѣ, благодаря Провидѣнію, ниспославшему мнѣ чудную силу и твердость.«

Еще и еще одна жалоба бѣднаго поэта.

»27 марта (1842, изъ Москвы).

»Голова моя совершенно пошла кругомъ. Вчера я получилъ письмо отъ Прокоповича, которымъ онъ увѣдомляетъ меня, что вы получили рукопись еще четвертаго марта, въ среду на первой недѣлѣ поста. Ради Бога, увѣдомьте, съ кѣмъ вы послали ее, и точно ли она была принята на почту и кѣмъ. Боже, какая странная участь! Думалъ ли я, что буду такимъ образомъ оставленъ безъ всего? Время ушло, и я безъ копѣйки, безъ состоянія выплатить самые необходимые долги, которыхъ не выплатить безчестно, безъ возможности собрать сколько-нибудь на дорогу. Непостижимое стеченіе бѣдъ! Я не знаю даже, гдѣ отъискивать слѣды моей рукописи. Разрѣшите хотя это по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ навѣрное, пропала ли она, или нѣтъ.«

Наконецъ Гоголь получилъ рукопись.... Но здѣсь я опять уступаю мѣсто драгоцѣннымъ запискамъ С. Т. Аксакова.

»По полученіи рукописи, немедленно приступили къ печатанію 2500 экземпляровъ. Обертка была нарисована самимъ Гоголемъ.

»Не смотря на то, что Гоголь былъ сильно занятъ изданіемъ »Мертвыхъ Душъ«, очевидно было, что онъ часъ отъ часу болѣе разстроивался духомъ и даже тѣломъ: онъ почувствовалъ головокруженіе, и одинъ разъ впалъ въ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ чувствъ и безъ всякой помощи, потому что это случилось на верху, въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ у него на ту пору никого не было. Вдругъ дошли

до насъ слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Мы сначала не повѣрили и спросили самаго Гоголя, который отвѣчалъ неопредѣленно: »Можетъ быть«; но вскорѣ сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться, потому что не можетъ писать и потому что такое положеніе разрушаютъ его здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, часовъ въ 7 послѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ Гоголь, съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ и просвѣтленнымъ лицомъ. Онъ сказалъ: »Я всё ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко Гробу Господню.« Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія, и тотъ на прощаніе благословилъ его образомъ. Иннокентію, какъ архіерею, весьма естественно было такъ поступить, но Гоголь видѣлъ въ этомъ указаніе свыше. Всѣ распросы объ отъѣздѣ за границу были Гоголю непріятны. Одинъ разъ спросили его: »Съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію: съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда, или съ тѣмъ, чтобъ скоро уѣхать?« Гоголь съ досадою отвѣчалъ: »Съ тѣмъ, чтобъ проститься.« Но это была не правда: и письменно, и словесно онъ высказывалъ прежде совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ: »На долго ли онъ ѣдетъ?« Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ — на шесть лѣтъ, а одинъ разъ сказалъ, что ѣдетъ на десять лѣтъ. Послѣдній отвѣтъ, вѣроятно, вырвался у него въ досадѣ на скучные вопросы. Одна пожилая женщина, любимая и уважаемая Гоголемъ, сказала ему, что она будетъ ожидать отъ него описанія Святыхъ Мѣстъ. Гоголь отвѣчалъ: »Да, я опишу вамъ ихъ, но для этого мнѣ надобно очиститься и быть достойнымъ«.

»Въ первыхъ числахъ мая пріѣхала мать Гоголя съ его сестрой Анной Васильевной, чтобы взять съ собой Елисавету Васильевну, которая почти два года жила у г-жи Р***, и чтобъ проститься съ сыномъ, который, вѣроятно, увѣдомилъ ее, что уѣзжаетъ надолго. Она остановилась также у М. П. Погодина.

»9-го мая сдѣлалъ Гоголь такой же обѣдъ для своихъ друзей въ саду у Погодина, какъ и въ 1840 году. Погода стояла прекрасная. Я былъ

здоровъ, а потому присутствовалъ, вмѣстѣ со всѣми, на этомъ обѣдѣ. На немъ были нѣкоторые изъ московскихъ профессоровъ и много другихъ литераторовъ. Обѣдъ былъ шумный и веселый, и Гоголь самъ казался оживленнымъ.

»Печатанье »Мертвыхъ Душъ« приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплести десятк адва экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить въ Москвѣ и взять съ собою въ Петербургъ. Первые совсѣмъ готовые экземпляры были получены 21-го мая прямо къ намъ въ домъ, къ обѣду. У насъ было довольно гостей, по слуаю имянинъ моего сына Константина, и всѣ обѣдали въ саду. Это былъ въ то же время прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, вдвое толще перваго, но пріѣхать для его напечатанія уже не обѣщалъ. 23-го мая, въ полдень, послѣ завтрака, Гоголь уѣхалъ изъ нашего дома. Кромѣ нашихъ семействъ, была на этомъ прощаньи одна достопочтенная старушка Н. Н. Ш*****, которую Гоголь очень любилъ. Я съ сыновьями и М. С. Щепкинъ съ сыномъ провожали его до первой станціи, т. е. до Химокъ, гдѣ расположились отобѣдать и дожидаться дилижанса, въ которомъ Гоголь долженъ былъ отправиться въ Петербургъ и мѣсто въ которомъ было взято имъ заранѣ. Гоголь убѣдительно просилъ меня старательно вслушиваться во всѣ сужденія и отзывы о »Мертвыхъ Душахъ«, предпочтительно дурныя записывать изъ слова въ слово и всѣ безъ исключенія сообщать ему въ Италію. Онъ увѣрялъ меня, что это для него необходимо, просилъ, чтобы я не пренебрегалъ мнѣніями и замѣчаніями людей, самыхъ глупыхъ и ничтожныхъ, особенно людей, расположенныхъ къ нему враждебно. Онъ думалъ, что злость, напрягая и изощряя умъ самаго пошлаго человѣка, можетъ открыть въ сочиненіи такія недостатки, которые ускользали не только отъ пристрастныхъ друзей, но и отъ людей, равнодушныхъ къ личности автора, хотя бы они были очень умные и образованные. Мы сидѣли еще за столомъ, хотя уже давно отобѣдали, когда пріѣхалъ дилижансъ. Увидавъ его, Гоголь торопливо всталъ, началъ собираться и простился съ нами не съ такимъ чувствомъ, какого можно было ожидать.

»Товарищемъ Гоголя въ купе случился военный съ иностранной фа-

миліей, кажется, нѣмецкой, — человѣкъ, замѣчательный по необыкновенной толщинѣ. Гоголь и тутъ, для предупрежденія разныхъ объясненій и любопытства, назвалъ себя *Гоноленъ* и даже записался такъ въ конторѣ дилижансовъ, предполагая, что не будутъ справляться съ его паспортомъ.«

Слѣдуя вновь за Гоголемъ въ далекій и нескончаемый путь, оглянемся здѣсь назадъ, чтобъ не потерять изъ виду его сношеній съ его »ближайшимъ«, къ которому онъ не писалъ семь мѣсяцевъ послѣ торжественнаго своего письма отъ 7-го августа 1841-го года. Вотъ его письмо къ нему изъ Москвы, отъ 4-го апрѣля 1842-го.

»Прости меня! я не писалъ къ тебѣ. Не въ силахъ. Ничего я не могу дѣлать. Еслибы ты зналъ, какъ тяжело здѣсь мое существованіе! Я ужъ нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ: Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, и не надѣлалъ ли я въ двадцать разъ хуже, желая поправить дѣло и сдѣлать лучше. Покоя нѣтъ въ душѣ моей. Я не знаю даже, обрадовался ли бы я тебѣ.

»Я толковалъ здѣсь объ твоихъ дѣлахъ, и всѣ говорятъ въ одно: что за глаза это не дѣлается, что для этого нужно тебѣ пріѣхать и жить здѣсь, и мнѣ кажется, ты сдѣлалъ точно дурно, что не пріѣхалъ; но лѣтомъ нельзя этого сдѣлать — нужно ожидать зимы. Я былъ бы уже много счастливъ, еслибы по крайней мѣрѣ ты былъ счастливъ.«

Въ 1841 году Гоголь пріѣхалъ изъ-за границы въ Москву черезъ Петербургъ. Онъ сперва намѣренъ былъ печатать »Мертвыя Души« здѣсь, но потомъ раздумалъ. Въ этотъ пріѣздъ, онъ, между прочимъ, явился у А. О. С—ой, въ собственномъ домѣ ея на Мойкѣ; былъ въ хорошемъ расположеніи духа, но о »Мертвыхъ Душахъ« не было и помину. Тутъ она узнала, что онъ находится въ короткихъ отношеніяхъ съ семействомъ графовъ В—хъ: это, впрочемъ, было для нея понятнымъ: ибо она знала о его тѣсной дружбѣ съ покойнымъ графомъ Іосифомъ. Весной она получила отъ него изъ Москвы очень длинное письмо, съ горькими жалобами на его неудачи въ Москвѣ по предмету

изданія »Мертвыхъ Душъ«. Къ письму была приложена просьба къ въ Бозѣ почивающему Государю Императору, которую А. О. должна была подать, въ случаѣ надобности. Просьба была коротка, но написана съ полнымъ довѣріемъ къ милостивому вниманію Государя и къ Его высокому разуму. Она, впрочемъ, была удержана графомъ М. Ю. В—мъ, который горячо взялся за дѣло изданія »Мертвыхъ Душъ« и устроилъ его къ удовольствію автора вмѣстѣ съ попечителемъ С. Петербургскаго учебнаго округа княземъ Д— К—мъ.

Во время обратнаго переѣзда черезъ Петербургъ, Гоголь останавливался у. П. А. Плетнева, часто бывалъ у. А. О. С—ой и очень сблизился съ ея братомъ А. О. Р—и. Онъ читалъ имъ тогда у князя П. А. В—го отрывки изъ напечатанныхъ »Мертвыхъ Душъ«, и особенно хорошъ выходилъ въ его чтеніи разговоръ двухъ дамъ. Но, по словамъ А. О., никто тогда не подозрѣвалъ еще тайнаго смысла поэмы; самъ же Гоголь не обнаруживалъ ничего.

Послѣ этого онъ предложилъ А. О. прочитать ей комедію »Женитьба«. Она пригласила къ обѣду, по назначенію Гоголя, князя П. А. В—го, П. А. Плетнева, А. Н. и В. Н. К—хъ и брата своего А. О. Р—и. Послѣ обѣда всѣ собрались въ кабинетѣ. Швейцару приказано было никого не принимать. Гоголь началъ чтеніе. Вдругъ неожиданно взошелъ князь М. А. Г—нъ, который долго жилъ за границею, почти тамъ воспитывался и мало зналъ русскій языкъ. Съ Гоголемъ онъ былъ почти незнакомъ. Это появленіе смутило хозяйку. Она подошла къ князю и разсказала, въ чемъ дѣло. Онъ извинялся и убѣдительно просилъ позволенія остаться. Къ счастью, Гоголь не обратилъ на помѣху никакого вниманія и продолжалъ чтеніе. Послѣ чтенія всѣ его благодарили, и въ особенности князь Г—нъ, который сознавался, что никогда не испытывалъ такого удовольствія. Гоголь казался очень доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ, былъ веселъ и ушелъ домой.

Тутъ кстати замѣтить, что смѣхъ, возбужденный чтеніемъ »Мертвыхъ Душъ« производилъ на него совсѣмъ не то впечатлѣніе, какъ смѣхъ во время чтенія комедіи. Ему, очевидно, дѣлалось грустно.

XVII.

Письмо къ С. Т. Аксакову изъ Петербурга. — Заботы о матери (Письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому). — Письма къ С. Т. Аксакову о пособіяхъ для продолженія »Мертвыхъ Душъ«; — о первомъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«; — о побужденіяхъ къ задуманному путешествію въ Іерусалимъ. — Письмо къ матери о томъ, какая молитва дѣйствительна.

Гоголь пробылъ въ Петербургѣ не долго. Онъ такъ торопился отъѣздомъ, что нѣкоторыя дѣла свои оставилъ некончеными, какъ это видно отчасти изъ слѣдующаго письма его къ С. Т. Аксакову.

»Спб. Іюня 4 (1842).

»Я получилъ ваше письмо еще въ началѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, милый другъ мой. Теперь пишу къ вамъ нѣсколько строкъ передъ выѣздомъ. Хлопотъ было у меня довольно. Никакъ нельзя было на здѣшнемъ безтолковьи сдѣлать всего вдругъ. Кое-что я оставилъ оканчивать Прокоповичу. Онъ уже занялся печатаніемъ (¹). Дѣло, кажется, пойдетъ живо. Типографіи здѣшнія набираютъ въ день до шести листовъ. Всѣ четыре тома къ октябрю выйдутъ непремѣнно. Экземпляръ »М. Д.« еще не поднесенъ Ц**. Все это уже будетъ сдѣлано по моемъ отъѣздѣ. Обнимаю васъ нѣсколько разъ. Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу. Вѣрующіе во свѣтлое увидятъ свѣтлое; темное существуетъ только для невѣрующихъ.«

Оставляя снова отечество, Гоголь позаботился, какъ умѣлъ, о спокойствіи своей матери. Письмо его, по этому случаю, къ Н. Д. Бѣлозерскому, еще изъ Москвы, исполнено трогательнаго интереса; но я долженъ былъ выключить изъ него нѣкоторыя подробности, неважныя для читателя.

(Апрѣля 12, 1842,)

»Благодарю васъ, добрый другъ мой Николай Даниловичъ, за ваше письмо. Я его вовсе не ожидалъ. Объ васъ я нигдѣ не могъ узнать,

(¹) Говорится о »Сочиненіяхъ Н. Гоголя«, въ четырехъ томахъ. *Н. М.*

что вы и гдѣ вы. Словомъ, ваше письмо меня обрадовало. Все въ немъ относившееся до васъ было прочтено съ участіемъ; но въ этомъ вы не сомнѣваетесь. Благодарю васъ также за выписку о раздачѣ земель (¹). Мнѣ бы очень хотѣлось обнять васъ, но нѣтъ для этого мнѣ возможности. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской. Вы въ письмѣ вашемъ сказали, хотя вскользь и хотя не иначе, какъ на условіяхъ, что, можетъ быть, когда-нибудь побываете въ моей родинѣ, то есть, въ деревнѣ. Теперь я буду васъ просить объ этомъ серьёзно. Ради Бога, если случиться вамъ быть въ Полтавѣ, пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню Васильевку, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Полтавы. Вы мнѣ сдѣлаете великую услугу и благодѣяніе. Вотъ въ чемъ дѣло: разсмотрите ее и положеніе, въ какомъ она находится, и напишите объ этомъ мнѣ, а также и чѣмъ можно поправить обстоятельства. Дѣла запущены мною. — — Вы человѣкъ умный и знающій: вы замѣтите тотчасъ то, чего я самъ никакъ не замѣчу, ибо я, признаюсь, теперь едва даже могу замѣтить, что существую. Сдѣлайте мнѣ эту милость. Въ Полтавѣ вы узнаете, гдѣ наша деревня и какъ до нея доѣхать, отъ Ивана Васильевича Капниста, который живетъ постоянно въ Полтавѣ. Маменька нѣсколько разъ слышала объ васъ отъ меня и будетъ рада вамъ несказанно. Сестры мои, изъ которыхъ двѣ на дняхъ вышли изъ института и вамъ нѣсколько знакомы, предобрыя дѣвушки и еще, безъ сомнѣнія, не успѣли выучиться ничему дурному. Вы поживите денька два или три, что́ васъ заставятъ сдѣлать непременно. Если вы не хотите дать виду, или вамъ покажется неловкимъ показать маменькѣ, что вы ревизуете имѣніе, то скажите, пожалуй, что я васъ просилъ осо-

---

(¹) Раздача земель въ Южной Россіи началась въ началѣ 1764 года, по плану о заселеніи Новороссійскаго края, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы земли не были раздаваемы свыше 12,000 десятинъ одному лицу, и проч. Г. Бѣлозерскій доставилъ Гоголю записку, подъ заглавіемъ: «Историко-статистическія Свѣдѣнія о Раздачѣ Земель въ Южной Россіи», составленную Н. Д. Мизко. *Н. М.*

бенно изслѣдовать почву земли и годность ея для саду, а маменька знаетъ, что я всегда хотѣлъ развести садъ. Это ее обрадуетъ, какъ знакъ, что я, безъ сомнѣнія, собираюсь самъ пожить скоро въ деревнѣ. А потомъ, между прочимъ, рѣчь и о хозяйствѣ и о любопытствѣ вашемъ все видѣть, что́ все очень натурально, а я, между прочимъ, отъ себя предувѣдомилъ маменьку, что вы большой охотникъ до саду и большой охотникъ хозяйничать и знатокъ. Итакъ, не откажите въ этой просьбѣ, которою вы не можете себѣ представить, какъ меня обяжете. Вамъ, вѣрно, выберется время по уборкѣ хлѣба и окончаніи работъ, прекраснымъ сентябремъ, осенью, или, еще лучше, прежде. Впрочемъ, какъ вамъ удобнѣе. — — Я не извиняюсь передъ вами въ томъ, что налагаю на васъ такую коммиссію. Я знаю ваше доброе сердце и дружбу нашу.«

Удалясь изъ Россіи, Гоголь былъ полонъ думами о Россіи. Еще не добравшись до своего »тихаго угла« въ Римѣ, онъ ужъ просилъ матеріаловъ для продолженія своей работы. Очень любопытно знать, въ какихъ пособіяхъ нуждался Гоголь для созданія въ умѣ своемъ второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Вотъ письмо его къ С. Т. Аксакову, съ просьбами объ этихъ пособіяхъ.

»Гастейнъ. Іюля $\frac{27}{15}$ (1842).

»Здоровы ли вы, и что́ дѣлаете со всѣми вашими? Напишите мнѣ объ этомъ двѣ-три строчки. Это мнѣ нужно. Вѣрно, знаете и чувствуете, что я объ васъ думаю часто. Изъ Москвы никто не догадался написать въ Гастейнъ, и я слышу черезъ то какую-то пустоту, которая мнѣ нѣсколько мѣшаетъ вдыхать въ себя полную жизнь. Я пробуду въ Гастейнѣ вмѣстѣ съ Языковымъ еще недѣли три, а въ концѣ августа хотимъ ѣхать въ Венецію, гдѣ пробудемъ недѣли двѣ, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желаніе писать, прямо въ Венецію, poste restante. Напишите мнѣ все, какъ вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля, веселы ли какъ слѣдуетъ ваши дѣти. О* С* скажу, что буду писать къ ней, что предметъ письма очень свѣтелъ, и потому прошу ее быть какъ можно свѣтлѣе до самого полученія письма. Да, кстати о письмахъ. Пошлите кого-нибудь на квартиру

Нащокина [у Стараго Пимена, въ домѣ Ивановой] узнать, получено ли имъ письмо мое. Письмо это очень нужно и касается прямо его дѣла, а потому мнѣ хотѣлось бы, что-бы оно было получено во всей исправности. А моему милому Константину Сергѣевичу напишу тоже письмо, нѣсколько нужное для насъ обоихъ. Сдѣлайте милость обнимите всѣхъ, кого увидите изъ моихъ знакомыхъ. Если точно ѣдутъ, то вы мнѣ сдѣлаете большую услугу присланьемъ черезъ нихъ нѣкоторыхъ книгъ, а именно: »Памятникъ Вѣры«, такой совершенно, какъ у О* С* и »Статистику Россіи« Андросова, и еще, если есть какое-нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще, или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ, то хорошо бы очень присовокупить его къ нимъ. Кажется, вышелъ какой-то толстый томъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. А Григорія Сергѣевича попрошу присылать мнѣ реестръ всѣхъ сенатскихъ дѣлъ за прошлый годъ, съ одной простой отмѣткой, между какими лицами завязалось дѣло и о чемъ дѣло. Тотъ реестръ можно присылать частями при письмахъ вашихъ. Это мнѣ очень нужно. Да чуть было не позабылъ еще попросить о книгѣ Кошихина, при Ц. Алексѣ Михайловичѣ.«

»Надобно признаться (замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ запискахъ), что почти всѣ порученія Гоголя на счетъ присылки статистическихъ и другихъ книгъ, а также выписокъ изъ дѣлъ и дѣловыхъ регистровъ, исполнялись очень плохо; а между тѣмъ очевидно, что все это было ему очень нужно для второго тома »Мертвыхъ Душъ«. П—вы не поѣхали за границу, да и не думали ѣхать, а Гоголь счелъ ихъ слова за настоящее намѣреніе. Конечно отъѣзжающихъ за границу и кромѣ ихъ было довольно; но мы плохо вѣрили ихъ акуратности. Не помню, съ кѣмъ-то были посланы одинъ разъ бумаги и книги, но онѣ совсѣмъ не дошли до Гоголя и пропали. Не смотря на такія уважительныя причины, должно сознаться, что всѣ мы безъ исключенья были недовольно внимательны къ просьбамъ Гоголя. Я долженъ къ этому присовокупить, что такого рода свѣдѣнія, какихъ требовалъ Гоголь, мнѣ казались не только недостаточными для узнанія настоящаго дѣла, но даже вредными, потому что сообщали невѣрныя понятія.«

Теперь слѣдуетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и длинныхъ пи-

семъ Гоголя. Гоголь отвѣчалъ этимъ письмомъ на вопросъ С. Т. Аксакова: зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Іерусалимъ?

»Гастейнъ $\frac{18}{6}$ августа (1842).

»Я получилъ ваше милое письмо и уже нѣсколько разъ перечиталъ его. Вы уже знаете, что я уже было соскучилъ, не имѣя отъ васъ никакой вѣсти, и написалъ вамъ формальный запросъ; но теперь, слава Богу, письмо ваше въ моихъ рукахъ. Что же сдѣлалось съ тѣмъ, что писала, какъ видно изъ словъ вашихъ, О* С* — я никакъ не могу понять; оно не дошло ко мнѣ. Всѣ ваши извѣстія, все, чтó ни заключалось въ письмѣ вашемъ, все до послѣдняго слова и строчки, было для меня любопытно и равно пріятно, начиная съ вашего препровожденія времени, уженья въ прудахъ и рѣкахъ, и до извѣстій вашихъ о »Мертвыхъ Душахъ«. Первое впечатлѣніе ихъ на публику совершенно то, какое подозрѣвалъ я заранѣ. Неопредѣленные толки; поспѣшность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота послѣ прочтенья; досада на видимую безпрерывную мелочь событій жизни, которая становится невольно насмѣшкой и упрекомъ; — все это я зналъ заранѣ. Бѣдный читатель съ жадностью схватилъ въ руки книгу, чтобы прочесть ее, какъ занимательный, увлекательный романъ и, утомленный, опустилъ руки и голову, встрѣтивши никакъ непредвидѣнную скуку. Все это я зналъ. Но при всемъ этомъ подробныя извѣстія обо всемъ этомъ мнѣ всегда слишкомъ интересно слышать. Многія замѣчанія, вами приведенныя, были сдѣланы не безъ основанія тѣми, которые ихъ сдѣлали. Продолжайте сообщать и впредь, какъ бы они ни казались ничтожны. Мнѣ все это очень нужно. Само по себѣ разумѣется, что пріятнѣе всего было мнѣ читать отчетъ вашихъ собственныхъ впечатлѣній, хотя они были мнѣ отчасти извѣстны. Богъ одарилъ меня проницательностью, и я прочелъ въ лицѣ вашемъ во время чтенія почти все, чтó мнѣ было нужно. Я не разсердился на васъ за неоткровенность (1). Я зналъ, что у всякаго человѣка есть внутренняя нѣжная застѣнчивость, воспрещающая ему сдѣлать за-

(1) Гоголь рѣшительно ошибался. При первыхъ чтеніяхъ, я не былъ еще способенъ замѣчать недостатки »Мертвыхъ Душъ«. *Примѣч. С. Т. Аксакова.*

мѣчанія на счетъ того, что̀, по мнѣнію его, касается слишкомъ тонкихъ чувствительныхъ струнъ, прикосновеніе къ которымъ, какъ бы то ни было, но все же сколько-нибудь раздражаетъ самое простительное самолюбіе. Самая искренняя дружба не можетъ совершенно изгладить этой застѣнчивости. Я знаю, что много еще протечетъ времени, пока узнаютъ меня совершенно, пока узнаютъ, что мнѣ можно все говорить и болѣе всего то, что̀ болѣе всего трогаетъ чувствительныя струны, — такъ же какъ я знаю и то, что придетъ наконецъ такое время, когда всѣ почуютъ, что нужно мнѣ сказать и то, что (заключается) въ собственныхъ душахъ, не скрывая ни одного изъ движеній, хотя эти движенія не ко мнѣ относятся. Но отнесемъ будущее къ будущему и будемъ говорить о настоящемъ. Вы говорите, что молодое поколѣніе лучше и скорѣе пойметъ. Но горе, еслибы не было стариковъ! У молодого слишкомъ много любви къ тому, что̀ восхитило его; а гдѣ жаркая и сильная любовь, тамъ уже невольное пристрастіе. Старикъ прежде глядитъ очами разсудка, чѣмъ чувства, и чѣмъ меньше подвигнуто его чувство, тѣмъ яснѣй его разсудокъ, и можетъ сказать всегда частную, по видимому маловажную и простую, но тѣмъ не менѣе истинную правду. Еслибы сочиненье мое произвело равный успѣхъ и эффектъ на всѣхъ, въ этомъ была бы бѣда. Толковъ бы не было. Всякой, увлеченный важнѣйшимъ и главнымъ, считалъ бы неприличнымъ говорить о мелочахъ, считалъ бы мелочами замѣчанія о незначительныхъ уклоненіяхъ, о всѣхъ проступкахъ, повидимому ничтожныхъ. Но теперь, когда еще не раскусили, въ чемъ дѣло, когда не узнали важнаго и главнѣйшаго, когда сочиненіе не получило опредѣленнаго, недвижнаго опредѣленія, теперь нужно ловить толки и замѣчанія: послѣ ихъ не будетъ. Я знаю, что самые близкіе люди, которые болѣе другихъ чувствуютъ мои сочиненія, я знаю, что и они всѣ почти ощутятъ разныя впечатлѣнія. Вотъ почему прежде всего я положилъ прочесть вамъ, Погодину и Константину, какъ тремъ различнымъ характерамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія. То, что̀ я увидѣлъ въ замѣчаніи ихъ, въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеньи недоумѣнья, ненарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ уже на другой день пользу, хотябы оно принесло мнѣ несравненно большую пользу, еслибы застѣнчивость не помѣшала каждому расказать вполнѣ характеръ

своего впечатлѣнья. Человѣкъ, который отвѣчаетъ на вопросъ ограждающими словами: »Не смѣю сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлѣнію«, дѣлаетъ хорошо: такъ предписываетъ правдивая скромность; но человѣкъ, который высказываетъ въ первую минуту свое первое впечатлѣніе, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нѣжной разборчивости и чувствительныхъ струнъ друга, тотъ человѣкъ великодушенъ. Такой подвигъ есть верхъ довѣрія къ тому, которому онъ ввѣряетъ свои сужденія и которому вмѣстѣ съ тѣмъ (ввѣряетъ), такъ сказать, самого себя. Иными людьми овладѣваетъ просто боязнь показаться глупѣе; но мы позабыли, что человѣкъ уже такъ созданъ, чтобы требовать вѣчной помощи другихъ. У всякаго есть что-то, чего нѣтъ у другого. У всякаго чувствительнѣе не та нерва, чѣмъ у другого, и только дружный размѣнъ и взаимная помощь могутъ дать возможность всѣмъ увидѣть съ равной ясностью и со всѣхъ сторонъ предметъ. Я былъ увѣренъ, что Кон. С. глубже и прежде пойметъ, и увѣренъ, что критика его точно опредѣлитъ значеніе поэмы. Но, съ другой стороны, чувствую заочно, что Погодинъ былъ отчасти правъ, не помѣстивъ ее. Не смотря на несправедливость этого дѣла, я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человѣкъ можетъ встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ старыхъ. Уже вопросъ: почему многіе не могутъ понять »Мертвыхъ Душъ« съ перваго раза? оскорбитъ многихъ. Мой совѣтъ напечатать ее зимою, послѣ двухъ или трехъ ктритикъ [1]. Недурно также разсмотрѣть, не слышится ли явно: *Я первый понялъ*. Этого слова не любятъ, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на сторонѣ прежде понявшихъ. Люди не понимаютъ, что въ этомъ нѣтъ никакого грѣха, что это можетъ случиться съ самымъ глубоко образованнымъ человѣкомъ, какъ случается всякому, въ минуты хлопотъ и мыслей о другомъ, подслушать замѣчательное слово. Лучше всего, еслибы Кон. Сер. прислалъ эту критику мнѣ въ Римъ, переписавши ее на тоненькой бумажкѣ для удобнаго вложенія въ письмѣ. Я слишкомъ любопытенъ читать ее. Ваше мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго разу »Мертвыя Души«, совершенно справедливо,

---

(1) Критика была уже напечатана отдѣльно. *Н. М.*

и должно распространиться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ. Не пугайтесь даже вашего перваго впечатлѣнія, что восторженность во многихъ мѣстахъ казалась вамъ доходившею до смѣшного излишества (1). Это правда, потому что полное значеніе лирическихъ намековъ можетъ изъясниться только тогда, когда выйдетъ послѣдняя часть. — — —

»Васъ устрашаетъ мое длинное и трудное путешествіе. Вы говорите, что не можете понять ему причины, вы говорите, что нѣсколько разъ хотѣли спросить меня и всё останавливались, не рѣшаясь навязываться самому на довѣренность. Зачѣмъ же вы не спросили? Никогда душевная жажда вопросить не должна оставаться въ груди. Никогда сердечный вопросъ не можетъ быть докученъ, или не у мѣста. Самое большее было бы то, что я отвѣчалъ бы вамъ на это молчаніемъ. Но, если молчаніе это свѣтло и выражаетъ спокойствіе душевное, то стало быть оно уже отвѣтъ и ничѣмъ другимъ не могъ выразиться этотъ отвѣтъ. А вопросъ вашъ всё-таки былъ бы мнѣ пріятенъ, потому что онъ вопросъ друга. И что̀ бы могъ я вамъ отвѣчать? развѣ произнесъ бы слова только: »Такъ должно быть«. Разсмотрите меня и мою жизнь среди васъ. Что̀ вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу, или хотя на это простодушное богомольство, или набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею? Развѣ нашли вы во мнѣ слѣпую вѣру во всѣ безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи, или на правдѣ они основаны, или увлеченье новизной, соблазнительной для многихъ современностью и модой? Развѣ вы замѣтили во мнѣ юношескую незрѣлость, или живость въ мысляхъ? Развѣ открыли во мнѣ что-нибудь похожее на фанатизмъ и жаркое, вдругъ раждающееся увлеченіе чѣмъ-нибудь? И если въ душѣ такого человѣка, уже по самой природѣ своей болѣе медлительнаго и обдумывающаго, чѣмъ быстраго и торопящагося, который притомъ хоть сколько-нибудь умудренъ и опытомъ, и жизнью, и познаньемъ людей и свѣта, если въ душѣ такого

(1) Не понимаю, какъ пришла въ голову Гоголю эта мысль! Никогда лирическія мѣста не казались мнѣ смѣшными. Это недоразумѣніе. *Прим. С. Т. Аксакова.*

человѣка родилась подобная мысль предпринять это отдаленное путешествіе, то, вѣрно, она уже не есть слѣдствіе мгновеннаго порыва, вѣрно, уже слишкомъ благодѣтельна она, вѣрно, далеко оглянута она, вѣрно, и умъ, и душа, и сердце соединились въ одно, чтобы послужить такой мысли. Но еслибъ даже и не могло заключиться въ ней никакой обширной цѣли, никакого подвига во имя любви къ братьямъ, никакого дѣла во имя Христа; то развѣ вся жизнь моя не стóитъ благодарности? развѣ небесныя минуты тѣхъ радостей, которыя я слышу, не вызываютъ благодарности? развѣ прекрасная жизнь тѣхъ прекрасныхъ душъ, съ которыми встрѣтилась душа моя, не вызываетъ благодарности? развѣ любовь, обнявшая мою душу и возвращающаяся въ ней болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, не стоитъ благодарности? Развѣ въ сихъ небесныхъ торжественныхъ минутахъ не присутствуетъ Христосъ? Развѣ эта любовь не есть уже самъ Христосъ? Развѣ все, чтò отрывается отъ земли и земного, не есть уже Христосъ? Развѣ въ любви, сколько-нибудь отдѣлившейся отъ чувственной любви, уже не слышится мелькнувшій край божественной одежды Христа? И сіе высокое стремленіе, которымъ стремятся прекрасныя души одна къ другой, влюбленныя въ одни свои божественныя качества, а не земныя, не есть ли уже стремленіе ко Христу? »Гдѣ васъ двое, тамъ и церковь моя« ([1]). Или никто не слышитъ сихъ божественныхъ словъ? Только любовь, рожденная землей и привязанная къ землѣ, только чувственная любовь, привязанная къ óбразамъ человѣка, къ лицу, къ видимому, стоящему передъ нами человѣку, та любовь только не зритъ Христа. Зато она временна, подвержена страшнымъ несчастьямъ и утратамъ. И да молится вѣчно человѣкъ, чтобы спасли его небесныя силы отъ сей ложной, превратной любви. Но любовь душъ — это вѣчная любовь. Тутъ нѣтъ утраты, нѣтъ разлуки, нѣтъ несчастій, нѣтъ смерти. Прекрасный образъ, встрѣченный на землѣ, тутъ утверждается вѣчно; все, чтò на землѣ умираетъ, то живетъ здѣсь вѣчно, то воскрешается ею, сей любовью, въ ней же, въ любви, и она безконечна, какъ безконечно небесное блаженство. Какъ же вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жи-

---

([1]) Матѳ. XVIII, 20.

зни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слова любви сей человѣкамъ, откуда истекла она на міръ? Мы движемся благодарностью къ поэту, подарившему намъ наслажденья души своими произведеніями, мы спѣшимъ принесть ему дань уваженія, спѣшимъ посѣтить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стóитъ уваженія и самый великій прахъ его. Сынъ спѣшитъ на могилу отца, и никто не спрашиваетъ его о причинѣ, чувствуя, что дарованіе жизни и воспитанье стóятъ благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвелъ на землю, Кто виной всѣхъ высокихъ движеній, Тому только считается какъ-то страннымъ поклониться въ самомъ мѣстѣ Его земного странствія. По крайней мѣрѣ, если кто изъ среди насъ предприметъ такое путешествіе, мы уже какъ-то съ изумленіемъ таращимъ на него глаза, мѣряемъ его съ ногъ до головы, какъ-будтобы спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ? Признайтесь: вамъ странно показалось, когда я въ первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и рѣчей, и жизни, однимъ словомъ — всему тому, чтò составляетъ мою природу, кажется неприличнымъ такое дѣло. Человѣку, неносящему ни клобука, ни митры, смѣшливому и смѣшащему людей, считающему и донынѣ важнымъ дѣломъ выставить неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку — неправда ли? — странно предпринять такое путешествіе. Но развѣ не бываетъ въ природѣ странностей? Развѣ вамъ не странно было въ сочиненіи, подобномъ »Мертвымъ Душамъ«, встрѣтить лирическую восторженность? не смѣшною ли она вамъ показалась вначалѣ, и потомъ не примирились ли вы съ нею, хотя не вполнѣ еще узнали (ея) значеніе? Такъ, можетъ быть, вы примиритесь потомъ и съ симъ лирическимъ движеніемъ самого автора. И какъ мы можемъ сказать, чтобы то, которое кажется намъ минутнымъ вдохновеніемъ, нежданно налетѣвшимъ съ небесъ откровеньемъ, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже въ самую природу нашу и не зрѣло бы въ насъ невидимо для другихъ? Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ, которое съ такими погремушками вышло на свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ, въ

сопровожденіи трубнаго грома и торжественныхъ звуковъ, и между сим отдаленнымъ моимъ путешествіемъ? И почему знать, что нѣтъ глубокой и чудной связи между всѣмъ этимъ и всей моей жизнью, и будущимъ, которое незримо грядетъ къ нимъ и котораго никто не слышитъ? Благоговѣнье же къ Промыслу! Это говоритъ вамъ вся глубина души моей. Помните, что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все и никто не вѣритъ чудесамъ, — въ то время именно можетъ совершиться чудо, чудеснѣе всѣхъ чудесъ. Подобно какъ буря самая сильная настаетъ только тогда, когда тише обыкновеннаго станетъ морская поверхность. Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленья нашего къ нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось въ наши души. Итакъ свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой ваши мысли, и свѣтлѣй всего да будутъ неотразимая вѣра ваша въ Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничѣмъ, чтó безумно называетъ человѣкъ несчастіемъ. Вотъ что вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей. Прощайте, это письмо пусть будетъ для васъ и для О* С* вмѣстѣ, но не показывайте его другимъ. Лирическіе движенія души нашей!... неразумно ихъ сообщить кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питаетъ къ нимъ тихую вѣру и умѣетъ беречь какъ святыню во глубинѣ души душевное слово любящаго человѣка. Впрочемъ помните, что путешествіе мое еще далеко. Раньше окончанія моего труда оно не можетъ быть предпринято ни въ какомъ случаѣ, и душа моя для него не въ силахъ быть готова. А до того времени нѣтъ никакой причины думать, чтобы не увидѣлись опять, если только это будетъ нужно. Пишите мнѣ все, чтó ни дѣлается съ вами и чтó ни дѣлается вокругъ васъ. Все, чтò ни касается жизни, уже жизнь моя. Толковъ объ »Мертвыхъ Душахъ«, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если, на случай, кто-нибудь будетъ вамъ писать объ нихъ, вы выпишите эти строки въ письмѣ ко мнѣ.«

Чтобъ показать постепенность развитія въ душѣ Гоголя религіозныхъ убѣжденій, помѣщаю здѣсь выписку изъ письма его къ матери, отъ 19-го августа 1842 года, изъ Гастейна:

»Молитва — святое дѣло, но помните, что она ничтожна, если не сопровождена святыми дѣлами. Молитвы дѣлъ, а не молитвы словъ требуетъ отъ насъ Іисусъ. Не думайте, чтобы вы были бѣдны для того, чтобы помогать другимъ. Для этого не можетъ быть бѣденъ человѣкъ. Не богатствомъ, не деньгами мы можемъ помогать другимъ, но гораздо болѣе, мы можемъ помогать сердечнымъ участьемъ, душевнымъ словомъ, воздвигая, ободряя падшій духъ. И потому, если вы услышите, что гдѣ-нибудь страждетъ благородный душою человѣкъ, терпитъ горе жизни и готовъ предаться отчаянью, то спѣшите къ нему первыя на помощь. Скажите ему прежде всего: Онъ долженъ благословить свою бѣдность и несчастья; они ставятъ человѣка ближе къ Богу; они доставляютъ ему случай совершить тѣ подвиги добродѣтели, которыя рѣдко доводится совершать человѣку; ибо среди бѣдности, среди угнетеній стать твердо, не упасть и совершить благородный подвигъ — несравненно выше, чѣмъ совершить таковый же подвигъ среди богатства и довольства, хотябы для этого вздумалъ даже человѣкъ истратить все свое богатство. Пусть и въ мысль не приходитъ ему, что подвигъ его можетъ быть безотвѣтенъ и не найдетъ отголоска. Вездѣ найдется благородная душа, которая откликнется ему и освѣтится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много тайнъ въ глубинѣ души нашей, которыхъ еще не открылъ человѣкъ, и которыя могутъ подарить ему чудныя блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступъ къ сердцу страждущаго душою, тогда идите съ нимъ прямо въ церковь и выслушайте божественную литургію. Какъ прохладный лѣсъ среди палящихъ степей, тогда приметъ его молитва подъ сѣнь свою, и *Тотъ*, Кто умѣлъ все въ жизни претерпѣть за насъ, Тотъ вооружитъ твердостью и силой его душу, о которыя разлетятся земныя несчастія. — Сдѣлавши такое дѣло, укрѣпивши изнемогшаго и обративши его къ Богу, вы возсылайте смѣло ваши молитвы. Онѣ будутъ крылаты и возлетятъ прямо на небо.«

XVIII.

Письмо къ А. С. Данилевскому о »Мертвыхъ Душахъ. — Продолженіе переписи съ М. С. Щепкинымъ о постановкѣ на сцену пьесъ: »Утро Дѣлового Человѣка«, »Тяжба«, »Игроки«, »Лакейская« и »Ревизоръ съ Развязкой«. — Письма къ П. А. Плетневу о денежныхъ дѣлахъ, о критикѣ »Мертвыхъ Душъ« и о запрещеніи брать изъ нихъ для передѣлки на сцену. — Письмо къ бывшей ученицѣ о сообщеніи толковъ касательно »Мертвыхъ Душъ«.

Въ самомъ концѣ сентября 1842 года Гоголь былъ опять въ Римѣ, и опять поселился въ Via Felice, № 126, 3 piano, гдѣ онъ, какъ мы знаемъ изъ одного письма его къ А. С. Данилевскому, былъ окруженъ идиллическими сценами, изображенными имъ въ статьѣ »Римъ«. Читатель, конечно, помнитъ »Ecco Peppe! ecco Peppe!« и проч.... Вотъ его письма изъ этого уголка, въ который, какъ думалъ онъ въ Россіи, »до него не доходили волненія.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Римъ. Октября $\frac{23}{11}$ (1842).

»Наконецъ я дождался отъ тебя письма. Двѣ недѣли, какъ живу уже въ Римѣ, всякій день навѣдываюсь на почту, и только вчера получилъ первое письмо изъ Россіи. Это письмо было отъ тебя. Благодарю тебя за него. Благодарю также за твой отзывъ о моей поэмѣ. Онъ былъ мнѣ очень пріятенъ, хотя въ немъ слишкомъ много благосклонности, точно какъ-будто бы ты боялся тронуть какую-нибудь чувствительную струну. Еще прежде позволительно было щадить меня, но теперь это грѣшно: мнѣ нужно скорѣй указать всѣ мои слабыя стороны; это(го) я требую больше всего отъ друзей моихъ.

»Но въ сторону все это, и поговоримъ прежде всего о тебѣ. — — Тебя Петербургъ манитъ прошедшими воспоминаніями. Но развѣ ты не чувствуешь, что чрезъ это самое онъ станетъ теперь еще печальнѣе въ глазахъ твоихъ? Прежній кругъ довольно разсѣялся; остальные от-

дѣлились другъ отъ друга и уже предались скучному уединенію. Новый нынѣшній петербургскій людъ слишкомъ отзывается эгоизмомъ, пустымъ стремленіемъ. Тебѣ холодно, черство покажется въ Петербургѣ. Послѣ пятилѣтняго твоего скитанія по міру и невольно чрезъ то пріобрѣтенной независимой жизни, тебѣ будетъ труднѣе привыкнуть къ Петербургу, чѣмъ къ другому мѣсту. Притомъ ядовитый климатъ его — не будетъ ли онъ теперь чувствительнѣй для тебя, чѣмъ прежде, когда ты и въ Малороссіи болѣешь? Я думалъ обо всемъ этомъ, и мнѣ приходило на мысль, не лучше ли тебѣ будетъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ? Тамъ болѣе теплоты и въ климатѣ, и въ людяхъ. Тамъ живутъ большею частью такіе друзья мои, которые примутъ тебя радушно и съ открытыми объятіями. Тамъ меньше разсчетовъ и денежныхъ вычисленій.—— Но, ради Бога, будь свѣтлѣй душой. Въ минуты грустныя припоминай себѣ всегда, что я живу еще на свѣтѣ, что Богъ бережетъ жизнь мою, стало быть, она, вѣрно, нужна друзьямъ души и сердца моего, и потому гони прочь уныніе и не думай никогда, чтобы безъ руля и вѣтрила неслася жизнь твоя. Все, что̀ ни дается намъ, дается въ благо: и самые безплодные роздыхи въ нашей жизни, можетъ быть, уже суть сѣмена плодороднаго въ будущемъ.

»Увѣдоми меня сколько-нибудь о толкахъ, которые тебѣ случится слышать о »Мертвыхъ Душахъ«, какъ бы они пусты и незначительны ни были, съ означеніемъ, изъ какихъ устъ истекли они. Ты не можешь вообразить себѣ, какъ все это полезно мнѣ и нужно и какъ для меня важны всѣ мнѣнія, начиная отъ самыхъ необразованныхъ до самыхъ образованныхъ.«

М. С. Щепкину.

»Михаилъ Семеновичъ! пишу къ вамъ это письмо нарочно для того, чтобы оно служило документомъ въ томъ, что всѣ мои драматическія сцены и отрывки, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ сочиненій, принадлежатъ вамъ, и вы можете давать ихъ, по усмотрѣнію вашему, въ свои бенефисы. Относительно же комедіи »Женитьба«, вы устройте, по взаимному соглашенію, съ Сосницкимъ такимъ образомъ, чтобы она

шла въ одинъ и тотъ же день въ бенефисы вамъ обоимъ, на петербургскомъ и на московскомъ театрахъ. — Римъ. Ноября 26, 1842 года.«

Къ нему же.

»Римъ. Ноября 28 (1842).

»Здравствуйте, Михаилъ Семеновичъ! Послѣ надлежащаго лобзанія, поведемъ вотъ какую рѣчь. Вы уже имѣете »Женитьбу«; не довольно ли этого на одинъ спектакль? Я говорю это въ разсужденіи того, что мнѣ хочется, чтобы вамъ что-нибудь осталось на будущіе разы; а впрочемъ вы разпоряжайтесь, какъ вамъ лучше. Вы тутъ полный господинъ. Всѣ драматическіе отрывки и сцены, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ сочиненій [ихъ числомъ пять], всѣ исключительно принадлежатъ вамъ. Объ этомъ я уже написалъ къ издателю моихъ сочиненій, Прокоповичу, и просилъ Плетнева объявить Гедеонову, а вамъ прилагаю нарочно при семъ письмецо, которое бы вы могли показать всякому, кто вздумаетъ оспаривать ваше право. Только послѣдняя пьеса: »Театральный Разъѣздъ«, остается неприкосновенною, потому что ей не прилично предстать на сценѣ. Сосницкому вы напишите, что вслѣдствіе моего прежняго желанія, »Женитьба«, вамъ идетъ обоимъ, но съ тѣмъ только, чтобы въ одинъ день былъ бенефисъ обоихъ васъ. А между тѣмъ, займитесь серьезно постановкою »Ревизора«. Живокини, за похвальное поведеніе, можно будетъ уступить который-нибудь изъ драматическихъ кусочковъ. Впрочемъ, объ этомъ всемъ вы потолкуйте прежде съ Сергѣемъ Тимофѣевичемъ и поступите, какъ найдете приличнымъ. Для успѣшнаго произведенія нѣмой сцены, въ концѣ »Ревизора«, одинъ изъ актеровъ долженъ скомандовать, невидимо для зрителя. Это долженъ сдѣлать Жандармъ, произнеся, по окончаніи рѣчи, тотъ самый звукъ, который издается женщинами, — натурально, не открывая рта; попросту — икнуть. Это будетъ сигналъ для всѣхъ. »Женитьбу«, я думаю, вы уже знаете, какъ повести; потому что, слава Богу, человѣкъ вы не холостой; а Живокини, который будетъ женить васъ, вы можете внушить все, что̀ слѣдуетъ, — тѣмъ болѣе, что вы слышали меня, читавшаго эту роль. Да, вотъ исправьте одну ошибку въ словахъ Кочкарева, гдѣ говоритъ онъ о плеваніи: »Значится такъ, какъ-будто бы ему

»плевали въ лицо«. Это ошибка, происшедшая отъ нерасторопности писца, перепутавшаго строки и пропустившаго. Монологъ долженъ начаться вотъ какъ:

»Да что жъ за бѣда? вѣдь инымъ нѣсколько разъ плевали, ей Богу! »Я знаю, тоже одного... прекраснѣйшій собою мужчина; румянецъ во »всю щеку; егозилъ онъ и надоѣдалъ онъ до тѣхъ поръ своему началь»нику, покамѣсть тотъ не вынесъ и плюнулъ ему въ самое лицо.« и т. д.

»Напишите Сосницкому, что я очень просилъ его, чтобы онъ пріискалъ хорошаго Жениха, потому что эта роль, хотя не такъ, по видимому, значительна, какъ Кочкарева, но требуетъ таланта, и скажите ему, что мнѣ бы очень желалось, чтобы вы съиграли вмѣстѣ въ этой піесѣ: онъ Кочкарева, а вы Подколесина; тогда будетъ славный спектакль.«

Къ нему же.

»Только что получилъ ваше письмо, Михаилъ Семеновичъ, отъ 24 октября. Отвѣчать мнѣ теперь на него нечего, потому что вы уже знаете мои распоряженія. Три дни тому назадъ, я отправилъ къ вамъ письмо, которое вы уже, безъ сомнѣнія, получили. Не стыдно ли вамъ быть такъ неблагоразумну! вы хотите все повѣсить на одномъ гвоздѣ, прося на пристяжку къ »Женитьбѣ«, новую, какъ вы называете, комедію »Игроки«. Во первыхъ, она не новая, потому что написана давно; во вторыхъ, не комедія, а просто комическая сцена; а въ третьихъ, для васъ даже тамъ нѣтъ роли. И кто васъ толкаетъ непремѣнно наполнить бенефисъ моими піэсами? Какъ не подумать хотя сколько-нибудь о будущемъ, которое сидитъ у васъ почти на самомъ носу, — напримѣръ, хоть бы о спектаклѣ вашемъ, по случаю исполненія вамъ двадцатилѣтней службы? Развѣ вы не чувствуете, что теперь вамъ стоитъ одинъ только какой-нибудь клочекъ мой дать въ свой бенефисъ, да пристегнуть двѣ-три самыя изношенныя піэсы, и театръ уже будетъ биткомъ набитъ. Понимаете ли вы это, понимаете ли вы, что имя мое въ модѣ, что я сдѣлался теперь моднымъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ, покамѣсть меня не сгонитъ съ моднаго поприща какой-нибудь

Боско, Тальони, а, можетъ быть, и новая нѣмецкая опера съ машинами и нѣмецкими пѣвцами. Помните себѣ хорошенько, что ужъ отъ меня больше ничего не дождетесь. Я не могу и не буду писать ничего для театра. И такъ распорядитесь поумнѣе. Это я вамъ такъ совѣтую: возьмите на первый разъ изъ моихъ только »Женитьбу« и »Утро Дѣлового Человѣка«, а на другой разъ, у васъ остается вотъ что: »Тяжба«, въ которой вы должны играть роль тяжущагося (¹); »Игроки« и »Лакейская«, гдѣ вамъ предстоитъ Дворецкій, — роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большое значеніе. Все это вы можете перемѣшивать другими піэсами, которыя вамъ Богъ пошлетъ. Старайтесь только, чтобы піэсы мои не слѣдовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежутокъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь инымъ. Вотъ какъ я думаю и какъ бы, мнѣ казалось, надлежало поступить сообразно съ благоразуміемъ; а впрочемъ ваша воля. За письмо ваше всё-таки много васъ благодарю, потому что оно письмо отъ васъ. А на театральную дирекцію не сѣтуйте. Она дѣло свое хорошо дѣлаетъ. Москву потчивали уже всякимъ добромъ; почему жъ не попотчивать ее нѣмецкими пѣвцами? Чтó же до того, что вамъ-де нѣтъ работы, это стыдно вамъ говорить. Развѣ вы позабыли, что есть старыя заигранныя, заброшенныя пьесы? Развѣ вы забыли, что для актера нѣтъ старой роли, — что онъ новъ вѣчно? Теперь-то именно, въ минуту, когда горько душѣ, теперь-то вы должны показать въ лицѣ свѣту, чтò такое актеръ. Переберите-ка въ памяти вашей старый репертуаръ да взгляните свѣжими и нынѣшними очами, собравши въ душу всю силу оскорбленнаго достоинства. Заманить же публику на старыя пьесы вамъ теперь легко. У васъ есть приманка, — именно, мои клочки. Смѣшно думать, чтобы вы могли быть у кого нибудь во власти. Дирекція всё таки правится публикою, а публикою правитъ актеръ. Вы помните, что публика почти то же, чтó застѣнчивая и неопытная кошка, которая до тѣхъ поръ, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою въ соусъ и покамѣстъ этотъ соусъ не вымазалъ ей и

(¹) «Помните, что онъ нѣсколько похожъ на охотника, атукающаго на зайца, что, при разсказѣ дѣла, его мечется изъ угла въ уголъ, потому что дѣло слишкомъ близко къ его рубашкѣ, или тѣлу.» *Примѣч. Гоголя.*

носа и губъ, она до тѣхъ поръ не станетъ ѣсть соуса, какихъ ни читай ей наставленій. Смѣшно думать, чтобъ нельзя было наконецъ заставить ее войти глубже въ искуство комическаго актера, — искуство, такое сильное и такъ ярко говорящее всѣмъ въ очи. Вамъ предстоитъ долгъ заставить, чтобъ не для автора піэсы и не для піэсы, а для актера-автора ѣздили въ театръ. Вы спрашиваете въ письмѣ о костюмахъ. Но вѣдь клочки мои не изъ среднихъ же вѣковъ. Одѣньже ихъ прилично, сообразно и чтобы ничего не было каррикатурнаго — вотъ и все. Но объ этомъ въ сторону. Позаботьтесь больше всего о хорошей постановкѣ »Ревизора«. Слышите ли? я говорю вамъ это очень сурьезно. У васъ, съ позволенія вашего, ни въ комъ ни на копѣйку нѣтъ чутья. Да, еслибы Ж***** былъ крошку поумнѣй, онъ бы у меня выманилъ на бенефисъ себѣ »Ревизора«, и ничего бы другого вмѣстѣ съ нимъ не давалъ, а объявилъ бы только, что будетъ »Ревизоръ« въ новомъ видѣ, совершенно передѣланный, съ перемѣнами, прибавленіями, новыми сценами, а роль Хлестакова будетъ играть самъ бенефиціантъ. Да у него биткомъ бы набилось народу въ театръ. Вотъ же я вамъ говорю — и вы вспомните потомъ мое слово, что на возобновленнаго Ревизора гораздо будутъ ѣздить больше, чѣмъ на прежняго. И зарубите еще одно мое слово, что въ этомъ году, именно въ нынѣшнюю зиму, гораздо болѣе разнюхаютъ и почувствуютъ значеніе истиннаго комическаго актера. Еще вотъ вамъ слово. Вы напрасно говорите въ письмѣ, что старѣетесь: вашъ талантъ не такого рода, чтобы старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только что отняли часть того жару, котораго у васъ было слишкомъ много и который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалъ взглянуть вамъ ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ теперь есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было; вы теперь можете царствовать въ вашей ролѣ, тогда какъ прежде вы все еще какъ-то метались. Если вы этого не слышите и не замѣчаете сами, то повѣрьте же сколько-нибудь мнѣ, согласясь, что я могу знать сколько-нибудь въ этомъ толкѣ. И еще вотъ вамъ слово. Благодарите Бога за всякія препятствія: они необыкновенному человѣку необходимы. Вотъ тебѣ бревно подъ ноги — прыгай, а не то — подумаютъ, что у тебя куриный шагъ и не могутъ вовсе растопыриться ноги.

Увидите, что для васъ настанетъ еще такое время, когда будутъ ѣздить въ театръ для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесеннаго вами, и когда будутъ взвѣшивать это слово. Итакъ съ Богомъ за дѣло. Прощайте и будьте здоровы. Обнимаю васъ. За репетиціями хорошо смотрите и все-таки что-нибудь напишите мнѣ о томъ, что́ первое скажется у васъ на сердцѣ.«

Опять Гоголь въ Римѣ, и снова проза жизни отвлекаетъ его мысли отъ предметовъ его творчества. Вотъ его письмо къ П. А. Плетневу, отъ 2 ноября 1842 года:

»Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой, другъ души моей Петръ Александровичъ! Узнайте, что́ дѣлаютъ экземпляры »Мертвыхъ Душъ«, назначенные мною къ представленію Г****, Г****** и Н****, и оставленные мною для этого у гр. В****. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что-нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно. Я сижу на совершенномъ безденежьи. Всѣ выручаемыя деньги за продажу книги идутъ до сихъ поръ на уплату долговъ моихъ. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, какъ вы знаете, кромѣ меня, есть кое-какія довольно сильныя обязанности. Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого-нибудь великодушія, а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно, я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать вспоможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъявляется Царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участье. Теперь другая просьба, также корыстолюбивая. Вы, вѣрно, будете писать разборъ »Мертвыхъ Душъ«; по крайней мѣрѣ мнѣ бъ этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше, чѣмъ когда-либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно, и постарайтесь отыскать во мнѣ побольше недостатковъ, хотябы даже они вамъ самимъ каза-

лись неважными. Не думайте, чтобъ это могло повредить мнѣ въ общемъ мнѣніи. Я не хочу мгновеннаго мнѣнія. Напротивъ, я бы желалъ теперь отъ души, чтобъ мнѣ указали сколько можно болѣе моихъ слабыхъ сторонъ. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ предъ всѣмъ свѣтомъ. Безъ этого сознанья, не можетъ быть исправленья. Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное безстрастіе воцаряется въ душу и когда возгласы, шевелящіе юность и честолюбіе, не имѣютъ власти надъ душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни.«

Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же лицу представлены довольно интересныя мелочи изъ матеріальнаго быта Гоголя.

»Римъ, 28 ноября (1842).

»Въ догонку за первымъ моимъ письмомъ, пишу къ вамъ другое. Если вы еще не употребляли вашего участія и заботъ относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дѣло можно оставить, — во первыхъ, уже потому, что съ моей стороны какъ-то неприлично это все же нѣсколько корыстное исканье, а во вторыхъ — зачѣмъ тормошить бѣднаго В****, которому, можетъ быть, вовсе неловко? Яже, пока, занялъ денегъ у Языкова, которому прислали. А въ началѣ будущаго года авось Богъ дастъ мнѣ извоpотиться, очиститься отъ долговъ вовсе и получить кое-что для себя. И потому, вмѣсто прежней моей просьбы, исполните вотъ какую просьбу. До меня дошли слухи, что изъ »Мертвыхъ Душъ« таскаютъ цѣлыми страницами на театръ. Я едва могъ вѣрить. Ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ не водится, чтобы кто осмѣлился, не испрося позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. [А я тысячи имѣю, какъ нарочно, причинъ не желать, чтобы изъ Мертвыхъ Душъ«, что-либо было переведено на сцену.] Сдѣлайте милость, постарайтесь какъ-нибудь увидѣться съ Г***** и объясните ему,

что я не давалъ никакого позволенія этому корсару, котораго я даже не знаю и имени. Это очень нужно сдѣлать, потому что въ выходящемъ изданіи моихъ сочиненій (1) есть нѣсколько драматическихъ отрывковъ, которые какъ разъ могутъ очутиться на сценѣ, тогда какъ на нихъ законное право имѣетъ одинъ только Щепкинъ. Сдѣлайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидѣтель, что находящееся у Щепкина письмо, которымъ я передаю ему право на постановку этихъ пьесъ на сцену, писано именно мною и есть неподдѣльное. Что́ я, въ самомъ дѣлѣ, за беззащитное лицо, котораго можно обижать всякому? Ради Бога, вступитесь за это дѣло: оно слишкомъ близко моему сердцу. Прощайте. Я слышалъ, что въ »Современникѣ« есть очень дѣльная статья о »Мертвыхъ Душахъ« (2). Нельзя ли какимъ-нибудь образомъ переслать мнѣ ее? я бы страшно хотѣлъ прочесть.

П. А. Плетневъ писалъ къ директору Императорскихъ театровъ о томъ, что̀ такъ непріятно было для Гоголя, и получилъ отъ него, отъ 11 декабря 1842 года, отвѣтъ, что дѣйствительно сцены изъ »Мертвыхъ Душъ« поступили въ Санктпетербургскую Дирекцію отъ режиссёра Куликова, а въ Московскую — отъ актера Самарина, и были играны въ ихъ бенефисы, но что не удержались больше на репертуарѣ. При этомъ онъ прибавляетъ:

»Самъ не могу я къ нему писать, потому что на дняхъ дана была его комедія »Женитьба«, и ежелибы пришлось упомянуть объ ней, то, къ сожалѣнію, ничего не могъ бы сообщить ему удовлетворительнаго.«

---

(1) Въ четырехъ томахъ. С. П.-б. 1842.

(2) Гоголь не зналъ, что эта статья принадлежитъ самому г. Плетневу. Имѣя нѣсколько закоренѣлыхъ антагонистовъ между пишущею братіею, г. Плетневъ не хотѣлъ вводить ихъ въ искушеніе — искать въ его обширной критической статьѣ однихъ недостатковъ и подписалъ подъ нею буквы *С. Ш.* и городъ *Житомиръ*. Этими буквами онъ намекнулъ нѣкоторымъ изъ нихъ на человѣка, о которомъ Гоголь писалъ, что съ нимъ никогда не бываетъ скучно, никогда! и который служилъ тогда въ Житомирѣ. Въ литературныхъ кружкахъ статью прочитали безъ предубѣжденія, и въ самыхъ непріязненныхъ къ г. Плетневу журналахъ отозвались о ней съ большими похвалами. А статья-то написана была тѣмъ, въ комъ они не хотѣли признавать ни изящнаго вкуса, ни свѣтлаго ума.

Н. М.

Гоголь остался неизмѣннымъ къ прежнимъ друзьямъ своимъ, но уже не могъ удѣлять много времени на письма къ нимъ. Его занимали новые душевные вопросы, для разрѣшенія которыхъ онъ не щадилъ ни труда, ни времени. Въ прочихъ своихъ сношеніяхъ съ людьми онъ замѣтно старался быть какъ можно короче, какъ это покажетъ слѣдующее письмо его къ одной изъ любимѣйшихъ женщинъ, къ которой онъ, бывало, писалъ такъ много и такъ охотно.

»Римъ. Ноября 2-го 1842.

»Я къ вамъ пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобъ я былъ лѣнивъ. Это правда, мнѣ тяжело бываетъ приняться за письмо; но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не откладываю. Послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, при разставаньи съ вами, я замѣтилъ, что душа ваша сильнѣй развилась и глубже чувствуетъ, чѣмъ когда-либо прежде, и потому вы теперь не имѣете никакого права не быть со мной вполнѣ откровенны и не передавать мнѣ все. Вспомните, что вы пишете вашему искреннѣйшему другу, который въ силахъ оцѣнить и понять васъ и который награжденъ отъ Бога даромъ живо чувствовать въ собственной душѣ радости и горе, чувствуемыя другими, чтò другіе чувствуютъ только вслѣдствіе одного тяжелаго опыта. Прежде всего извѣстите меня о состояніи вашего здоровья и помогло ли вамъ холодное лѣченіе; потомъ извѣстите меня о состояніи души вашей: чтò вы думаете теперь и чувствуете, и какъ все, чтò ни есть вокругъ васъ, вамъ кажется. Это первая половина вашего письма. Теперь слѣдуетъ вторая. Извѣстите меня обо мнѣ: записывайте все, чтò когда-либо вамъ случится услышать обо мнѣ, — всѣ мнѣнія и толки обо мнѣ и объ моихъ сочиненіяхъ, и особенно, когда бранятъ и осуждаютъ меня. Послѣднее мнѣ слишкомъ нужно знать. Хула и осужденія для меня слишкомъ полезны. Послѣ нихъ мнѣ всегда открывался яснѣе какой-нибудь мой недостатокъ, дотолѣ мною незамѣченный; а увидѣть свой недостатокъ — это уже много значитъ: это значитъ — почти исправить его. Итакъ, не позабудьте записывать все. Просите также вашихъ братцевъ — въ ту же минуту, какъ только они услышатъ какое-нибудь сужденіе обо мнѣ, справедливое, или несправедливое, дѣльное, или ничтожное, въ ту

же минуту его на лоскуточекъ бумажки, покаместь оно еще не простыло, и этотъ лоскуточекъ вложите въ ваше письмо. Не скрывайте отъ меня также имени того, который произнесъ его; знайте, что я не въ силахъ ни на кого въ мірѣ теперь разсердиться, и скорѣй обниму его, чѣмъ разсержусь.«

XIX.

1843-й годъ. — Воспоминанія Θ. В. Чижова. — Письма къ Н. Н. Ш*****, къ С. Т. Аксакову — о »Мертвыхъ Душахъ«, къ Н Д. Бѣлозерскому — о сообщеніи свѣдѣній для продолженія »Мертвыхъ Душъ« и къ П. А. Плетневу — о внутреннемъ актѣ творчества.

О заграничной жизни Гоголя въ 1843 году, кромѣ его писемъ, я имѣю прекрасный мемуаръ одного изъ его товарищей по службѣ въ университетѣ, Θ. В. Чижова.

»Разставшись съ Гоголемъ въ университетѣ, (говоритъ г. Чижовъ), мы встрѣтились съ нимъ въ Римѣ въ 1843 году и прожили здѣсь цѣлую зиму въ одномъ домѣ, на Via Felice, № 126. Во второмъ этажѣ жилъ покойный Языковъ, въ третьемъ Гоголь, въ четвертомъ я. Видались мы едвали не ежедневно. Съ Языковымъ мы жили совершенно побратски, какъ говорится, душа въ душу, и остались истинными братьями до послѣдней минуты его; съ Гоголемъ никакъ не сходились. Почему? я себѣ опредѣлить не могъ. Я его глубоко уважалъ, и какъ художника, и какъ человѣка. Передъ пріѣздомъ въ Римъ, я много говорилъ объ немъ съ Жуковскимъ и отъ него отъ перваго получилъ »Мертвыя Души«. Вечера наши въ Римѣ сначала проходили въ довольно натянутыхъ разговорахъ. Не помню, какъ-то мы заговоривши о М—вѣ, написавшемъ »Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ« и проч. Гоголь отзывался объ немъ рѣзко, не признавалъ въ немъ рѣшительно никакихъ достоинствъ и находилъ въ немъ отсутствіе языка. Съ большею частію этого я внутренно соглашался, но странно рѣзкій тонъ заставилъ меня съ нимъ спорить. Оставшись потомъ наединѣ съ Языковымъ, я началъ говорить, что нельзя не отдать справедливости М—ву за то, что онъ познакомилъ нашъ читающій людъ

со многимъ въ нашемъ богослуженіи и вообще въ нашей церкви. Языковъ отвѣчалъ:

»— М—ва терпѣть не могъ Пушкинъ. Ну, а чего не любилъ Пушкинъ, то у Гоголя дѣлается уже заповѣднею и едва только не ненавистью.

»Не смотря, однакожъ, на наши довольно сухія столкновенія, Гоголь очень часто показывалъ ко мнѣ много расположенія. Тутъ, по какому-то непонятному для самого меня внутреннему упрямству, я, въ свою очередь, отталкивалъ Гоголя. Все это, разумѣется, было въ мелочахъ. Напримѣръ, бывало онъ чуть не насильно тащитъ меня къ С—ой; но я не иду и не познакомился съ нею [о чемъ теперь искренно сожалѣю] именне потому, что ему хотѣлось меня познакомить. Такимъ образомъ мы съ нимъ не сходились. Это, пожалуй, могло случиться очень просто: Гоголь могъ не полюбить меня, да и все тутъ. Такъ нѣтъ же: едва бывало мы разъѣдемся, не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ Гоголь пишетъ ко мнѣ и довольно настойчиво проситъ съѣхаться, чтобъ потолковать со мной о многомъ... Сходились мы въ Римѣ по вечерамъ постоянно у Языкова, тогда уже очень больного,—Гоголь, Ивановъ и я. Наши вечера были очень молчаливы. Обыкновенно кто-нибудь изъ насъ троихъ — чаще всего Ивановъ — приносилъ въ карманѣ горячихъ каштановъ; у Языкова стояла бутылка алеатико, и мы начинали вечеръ каштанами, съ прихлебками вина. Большею частью содержаніемъ разговоровъ Гоголя были анекдоты, почти всегда довольно сальные. Молчаливость Гоголя и странный выборъ его анекдотовъ не согласовались съ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ Иванову и Языкову и съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ удостоивалъ меня, зазывая на свои вечернія сходки, если я не являлся безъ зову. Но это можно объяснить тѣмъ, что тогда въ душѣ Гоголя была сильная внутренняя работа, поглотившая его совершено и овладѣвшая имъ самимъ. Въ обществѣ, которое онъ, кромѣ нашего, посѣщалъ изрѣдка, онъ былъ молчаливъ до послѣдней степени. Не знаю впрочемъ, каковъ онъ былъ у А. О. С—ой, которую онъ очень любилъ и о которой говаривалъ всегда съ своимъ Гоголевскимъ восхищеніемъ: »Я вамъ совѣтую пойти къ ней: она очень милая женщина«. Съ художниками онъ совершенно разошелся. Всѣ они припоминали, какъ Гоголь бывалъ въ ихъ

обществѣ, какъ смѣшилъ ихъ анекдотами; но теперь онъ ни съ кѣмъ не видался. Впрочемъ онъ очень любилъ Ѳ. И. І—на и часто, на нашихъ сходкахъ, сожалѣлъ, что его не было съ нами. А надобно замѣтить, что І—нъ очень умный человѣкъ, много испытавшій и отличающійся большою наблюдательностію и еще бо́льшею оригинальностью въ выраженіяхъ. Однажды я тащилъ его почти насильно къ Языкову.

»— Нѣтъ: душа моя, говорилъ мнѣ І—нъ: — не пойду, тамъ Николай Васильевичъ. Онъ сильно скупъ, а мы всё народъ бѣдный, день деньской трудился, работаемъ, — давать намъ не изъ чего. Намъ хорошо бы такъ вечерокъ провести, чтобъ дать и взять, а онъ всё только брать хочетъ.

«Я былъ очень занятъ въ Римѣ и смотрѣлъ на вечернюю бесѣду, какъ на истинный отдыхъ. Поэтому у меня почти ничего не осталось въ памяти отъ нашихъ разговоровъ. Помню я только два случая, показавшіе мнѣ пріемъ художественныхъ работъ Гоголя и понятіе его о работѣ художника. Однажды, передъ самимъ его отъѣздомъ изъ Рима, я собирался ѣхать въ Альбано. Онъ мнѣ сказалъ:

»— Сдѣлайте одолженіе, поищите тамъ моей записной книжки, въ родѣ истасканнаго простого альбома; только я просилъ бы васъ не читать.

»Я отвѣчалъ: — Однакожъ, чтобъ увѣриться, что точно это ваша книжка, я долженъ буду взглянуть въ нее. Вѣдь вы сказали, что сверху на переплетѣ нѣтъ на ней надписи.

»— Пожалуй, посмотрите. Въ ней нѣтъ секретовъ; только мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ кто-нибудь читалъ. Тамъ у меня записано все, что̀ я подмѣчалъ гдѣ-нибудь въ обществѣ.

»Въ другой разъ, когда мы заговорили о писателяхъ, онъ сказалъ:

»— Человѣкъ пишущій такъ же не долженъ оставлять пера, какъ живописецъ кисти. Пусть что-нибудь пишетъ непремѣнно каждый день. Надобно, чтобъ рука пріучилась совершенно повиноваться мысли.

»Въ Римѣ онъ, какъ и всѣ мы, велъ жизнь совершенно студентскую: жилъ безъ слуги, только обѣдалъ всегда вмѣстѣ съ Языковымъ, а мы всѣ въ трактирѣ. Мы съ Ивановымъ всегда неразлучно ходили обѣдать въ тотъ трактиръ, куда прежде ходилъ часто и Гоголь, именно, какъ

мы говорили, къ Фалькону [al Falcone]. Тамъ его любили, и лакей [camerière] намъ разсказывалъ, какъ часто signor Niccolo надувалъ ихъ. Въ великой постъ до Ave Maria, т. е. до вечерни, начиная съ полудня, всѣ трактиры заперты. Ave Maria бываетъ около шести часовъ вечера. Вотъ, когда случалось, что Гоголю сильно захочется ѣсть, онъ и стучитъ въ двери. Ему обыкновенно отвѣчаютъ: »Нельзя отпереть«. Но Гоголь не слушается и гогоритъ, что забылъ платокъ, или табакерку, или что-нибудь другое. Ему отворяютъ, а онъ тамъ уже остается и обѣдаетъ.

»Въ какомъ сильномъ религіозномъ напряженіи была тогда душа Гоголя, покажетъ слѣдующее. Въ то время одна дама, съ которою я былъ очень друженъ, сдѣлалась сильно больна. Я посѣщалъ ее иногда по нѣскольку разъ на день и обыкновенно приносилъ извѣстія о ней въ нашу бесѣду, въ которой всѣ ее знали — Ивановъ лично, Языковъ но знакомству ея съ его родными, Гоголь по наслышкѣ. Однажды, когда я опасался, чтобъ у нея не было антонова огня въ ногѣ, Гоголь просилъ меня зайти къ нему. Я захожу, и онъ, послѣ коротенькаго разговора, спрашиваетъ:

»— Была ли она у Святителя Митрофана?

»Я отвѣчалъ: — Не знаю.

»— Если не была, скажите ей, чтобъ она дала обѣтъ помолиться у его гроба. Сегодняшнюю ночь за нее здѣсь сильно молился одинъ человѣкъ, и передайте ей его убѣжденіе, что она будетъ здорова. Только пожалуста не говорите, что это отъ меня.

»По моимъ соображеніямъ, этотъ человѣкъ, должно было, былъ самъ Гоголь, потому что изъ всѣхъ знакомыхъ больной, тогда былъ въ Римѣ кромѣ меня, еще одинъ только Р—нъ, человѣкъ весьма добрый, благородный, но, кажется, не изъ молящихся. Онъ очень любилъ эту даму; но все-таки не до такой степени, чтобъ за нее усердно молиться.

»Вотъ все, что̀ могу на этотъ разъ припомнить о нашей римской жизни. Общій характеръ бесѣдъ нашихъ съ Гоголемъ можетъ обрисоваться изъ слѣдующаго воспоминанія. Однажды мы собрались, по обыкновенію, у Языкова. Языковъ, больной, молча, повѣсивъ голову и опустивъ ее почти на грудь, сидѣлъ въ своихъ креслахъ; Ивановъ

дремалъ, подперши голову руками; Гоголь лежалъ на одномъ диванѣ, я полулежалъ на другомъ. Молчаніе продолжалось едвали не съ часъ времени. Гоголь первый прервалъ его.

»— Вотъ, говоритъ: — съ насъ можно сдѣлать этюдъ воиновъ, спящихъ при Гробѣ Господнемъ.

»И послѣ, когда уже намъ казалось, что время расходиться, онъ всегда говаривалъ:

»— Что, господа? не пора ли намъ окончить нашу шумную бесѣду?

»Жуковскій, какъ извѣстно, очень любилъ Гоголя, но журилъ его за небрежность въ языкѣ; а уважая и высоко цѣня его талантъ, никакъ не былъ его поклонникомъ. Проживая въ Дюссельдорфѣ, я бывалъ у Жуковскаго раза три-четыре въ недѣлю, часто у него обѣдалъ, и мнѣ не разъ случалось говорить съ нимъ о Гоголѣ. Прочтя наскоро »Мертвыя Души«, я пришелъ къ Жуковскому. Признаюсь, съ перваго разу я очень мало раскусилъ ихъ. Я былъ восхищенъ художническимъ талантомъ Гоголя, лѣпкою лицъ, но, какъ я ожидалъ содержанія въ самомъ событіи, то, на первый разъ, въ рядѣ лицъ, для которыхъ разсказъ о мертвыхъ душахъ былъ только внѣшнимъ соединеніемъ, видѣлъ какое-то отсутствіе внутренней драмы. Я объ этомъ сообщилъ Жуковскому и изъ словъ его увидѣлъ, что ему не былъ извѣстенъ полный планъ Гоголя. На замѣчаніе мое объ отсутствіи драмы въ »Мертвыхъ Душахъ«, Жуковскій отвѣчалъ мнѣ:

»— Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ. Знаете ли, что онъ написалъ было трагедію? [Не могу утверждать, сказалъ ли мнѣ Жуковскій ея имя, содержаніе и изъ какого быта она была взята; только, какъ-то при воспоминаніи объ этомъ, мнѣ представляется, что она была изъ русской исторіи] (¹). Читалъ онъ мнѣ ее во Франкфуртѣ. Сначала я

(¹) Вѣроятно, это была та драма, которою онъ хвалился С. Т. Аксакову въ 1839 году. Послѣ онъ не хотѣлъ слышать отъ него и напоминанія о ней. Въ первый пріѣздъ свой въ Москву, Гоголь сказалъ однажды М. С. Щепкину: »Ну, М. С., будетъ вамъ славная работа. У меня есть драма за выбритый усъ, въ родѣ »Тараса Бульбы«. Я скоро ее окончу«. М. С. имѣлъ неосторожность спросить у Гоголя объ этой драмѣ при свидѣтеляхъ. Гоголь отперся и отвѣчалъ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго; но, выходя изъ комнаты, шепнулъ г. Щепкину на ухо: »Болтунъ! ничего больше не скажу.« *Н. М.*

слушалъ; сильно было скучно; потомъ рѣшительно не могъ удержаться и задремалъ. Когда Гоголь кончилъ и спросилъ, какъ я нахожу, я говорю: »Ну, братъ Николай Васильевичъ, прости, мнѣ сильно спать захотѣлось«. — »А когда спать захотѣлось, тогда можно и сжечь ее«, отвѣчалъ онъ, и тутъ же бросилъ въ каминъ. Я говорю: »И хорошо братъ, сдѣлалъ«.

Помѣщу теперь письма, отражающія внѣшнюю и внутреннюю жизнь Гоголя въ 1843 году.

*Къ Н. Н. Ш*****.*

Генваря 5 / Декабря 24 Римъ.

»Я вамъ не могу выразить всей моей благодарности за ваше благодатное письмо отъ 21 октября. Скажу только, великодушный и добрый другъ мой, что всякій разъ благодарю Небо за нашу встрѣчу и что письмо это будетъ вѣчно неразлучно со мною. Аксаковы сказали вамъ не совсѣмъ справедливо. Я писалъ имъ въ отвѣтъ на ихъ безпокойства, что долго меня не увидятъ и что мнѣ предстоитъ такое длинное, и по мнѣнію ихъ, соединенное съ такими опасностями путешествіе. Я писалъ имъ въ отвѣтъ на это, чтобъ ихъ нѣсколько успокоить, что не нужно предаваться заранѣе безпокойствамъ, что путешествіе мое предпримется еще не скоро и что нѣтъ причинъ думать, чтобы до того времени мы какъ-нибудь не увидѣлись; но я не писалъ ни слова о томъ, что я буду, или имѣю желаніе быть въ Москвѣ. И признаюсь, только чрезъ Іерусалимъ желаю я возвратиться въ Россію, и сего желанія не измѣнялъ. А что я не отправляюсь теперь въ путь, то это не потому, чтобы считалъ себя до того недостойнымъ. Такая мысль была бы вполнѣ безумна, ибо человѣку не только невозможно быть достойнымъ вполнѣ, но даже невозможно знать мѣру и степень своего достоинства. Но я потому не отправляюсь теперь въ путь, что не приспѣло еще для того время, мною же самимъ въ глубинѣ души моей опредѣленное. Только по совершенномъ окончаніи труда моего, могу я предпринять этотъ путь. Такъ мнѣ сказало чувство души моей, такъ говоритъ мнѣ

внутренній голосъ, смыслъ и разумъ, Его же милосердымъ всемогуществомъ мнѣ внушеные. Окончаніе труда моего предъ путешествіемъ моимъ такъ необходимо мнѣ, какъ необходима душевная исповѣдь предъ святымъ причащеніемъ. Вотъ вамъ въ немногихъ словахъ все. Не думайте же, великодушный другъ мой, чтобы вы меня не увидѣли, какъ вы упомянули въ письмѣ вашемъ. Еслибъ вы вдвое были старѣе теперешняго, то и тогда вы не могли бы сказать этого. Все отъ Бога. Вы проводили меня за Московскую заставу, вы, вѣрно, и встрѣтите меня у Московской заставы. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ хочется вѣрить, такъ мнѣ сладко вѣрить, и о томъ я возсылаю всегдашнія мои молитвы.«.

Къ С. Т. Аксакову.

»Баденъ. 24 іюля.

»Благодарю васъ за книги, которыя я получилъ отъ кн. Мещер. въ исправности. Мнѣ жаль, что не дали знать Шевыреву: онъ бы тоже прислалъ мнѣ свою рѣчь о воспитаніи и взглядъ на русскую словесность за прошлый годъ. Можетъ быть, даже накопились и кой-какіе критики и разборы моихъ сочиненій. — — —

»Слухи, которые дошли до васъ о »М. Д.«, все ложь и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ, и, вѣрно, нѣтъ такого человѣка, который бы сказалъ, что я читалъ ему что-нибудь вамъ неизвѣстное. Прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, еслибъ что-нибудь было готоваго. Но, увы, ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немного умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову. Дѣла, о которыхъ я писалъ къ вамъ и которыя просилъ васъ взять на себя, слишкомъ много у меня отняли времени (1) — — — Но, вѣрно, такъ было нужно, чтобъ время было употреблено на другое. Можетъ быть, и болѣзненное мое расположеніе во всю зиму и мерзѣйшее время, которое стояло въ Римѣ во время моего пребыванія тамъ, нарочно отдалили отъ меня трудъ, для того, чтобы я взглянулъ на дѣло свое съ дальнаго разстоянія и почти чужими глазами.«

(1) Дѣла денежныя. *Н. М.*

Слѣдующее письмо къ Н. Д. Бѣлозерскому замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Гоголь допытывался у своихъ корреспондентовъ различныхъ мелочей практической жизни, изъ которыхъ потомъ строилъ свой громадный »дворецъ«, какъ называетъ онъ продолженіе своего сочиненія. Надобно полагать, что онъ писалъ множество подобныхъ писемъ, къ кому только могъ. Помѣщаю это письмо здѣсь безъ сокращеній.

»Августа 30. Дюссельдорфъ. 1843.

»Мнѣ хочется знать, что̀ съ вами дѣлается, мой добрый Николай Даниловичъ. Отвѣчайте мнѣ на всѣ слѣдующіе вопросы. Я ихъ всѣ занумеровываю, потому, что у людей есть всегда охота увиливать и не отвѣчать на все. 1) Какъ ваше здоровье и всѣхъ васъ, то есть, вашего брата и проч.? 2) Отправляете ли вы донынѣ судейскую вашу должность, и что̀ удалось вамъ въ ней сдѣлать хорошаго и полезнаго? 3) На сколько вообще уѣздный судья можетъ сдѣлать добраго и на сколько дурного? 4) Какъ идетъ ваше хозяйство? 5) Сколько, получаете доходовъ, за уплатой всякихъ повинностей? 6) Какія главныя и доходливыя статьи вашего хозяйства? 7) Что̀ вамъ удалось, или вашему брату, сдѣлать хорошаго по этой части въ продолженіе вашей жизни въ деревнѣ? 8) Каковы ваши сосѣди и кто замѣчательнѣе вообще изъ борзенскаго дворянства и чѣмъ? 9) Чѣмъ каждый среди ихъ полезенъ себѣ и другимъ и чѣмъ вреденъ себѣ, или другимъ? 10) Что̀ говорятъ у васъ о »Мертвыхъ Душахъ« и о моихъ сочиненіяхъ? [экземпляра я вамъ не послалъ потому, что съ трудомъ даже получилъ для себя.] Не пренебрегайте въ этомъ дѣлѣ ни чьимъ мнѣніемъ и кто какъ ни говоритъ, напишите мнѣ, хотябы это были совершенныя глупости. Итакъ, вотъ вамъ запросы! Ихъ всѣхъ числомъ десять. Я ихъ нарочно записалъ у себя въ книгѣ, чтобы вы котораго-нибудь изъ нихъ не пропустили. Хоть коротко, но на каждый вы должны отвѣчать понумерно.«

Къ П. А. Плетневу Гоголь писалъ о прозаичекихъ дѣлахъ, но незамѣтно перешелъ отъ нихъ къ высшимъ понятіямъ о художествѣ и къ душевнымъ признаніямъ.

»Октября 6. Дюссельдорфъ. 1843.

»Началомъ письма уже просьба. Шевыревъ изъ Москвы извѣстилъ

меня — — что Прокоповичу предстоитъ тяжба [Прокоповичъ не далъ мнѣ до сихъ поръ никакого обстоятельнаго увѣдомленія о положеніи дѣлъ моихъ], и потому я прошу васъ помочь, сколько можно, вашимъ участьемъ, если точно дѣло въ плохомъ положеніи. Денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за »М. Д.« пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ — — типографію, взявшую страшно дорого за напечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ видно, тупо. Если придется къ тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоитъ никакой возможности на пропитаніе тщедушныхъ дней моихъ. И потому, что̀ можно сдѣлать — сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспомоществованіе — — Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому. — — Впрочемъ, вы сдѣлаете, что̀ только будетъ въ вашей возможности, потому что видите сами мое положеніе, и потому, что раздѣляете его душевно. Важность всего этого тѣмъ болѣе значительна, что нескоро придется мнѣ выдать что-нибудь въ свѣтъ. Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отъ чего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая обо мнѣ, говоритъ: »Ну, что̀ бы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, еслибы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ »Мертвыя Души«, — онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячь годового дохода.« А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, сто̀итъ почти пятилѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и по̀томъ. *Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще нескоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени*

вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, *что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій*. Признайтесь: не показался ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, неоткровеннымъ и необщительнымъ, —словомъ, страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслію объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестись — иначе какъ разъ очутишься въ ихъ власти — занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это принадлежности безмятежной души. А моей душѣ еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотѣлъ говорить, но потому молчу, что не умѣю говорить, и не нашелъ бы словъ даже, какъ разсказать то, что̀ захотѣлъ бы разсказать. Но я заговорился, кажется.... Впрочемъ это слово изъ моей душевной исповѣди. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга.«

Приписка на сторонѣ:

»Получили ли »Матео Фальконе« отъ Жуковскаго? я интересуюсь знать о немъ; хоть это и не мое дитя, но я его воспринималъ отъ купѣли и торопилъ къ появленію въ свѣтъ. Вы замѣтили, я думаю, что онъ переписанъ моею рукою.«

Это черта совершенно художническая: артистъ, изъ любви къ искусству, принимаетъ на себя смиренный трудъ переписчика, для того только, чтобы поскорѣе сдѣлать доступнымъ для другихъ произведеніе, которое восхитило его.

Слова, напечатанныя мною въ этомъ письмѣ курсивомъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ нихъ заключается зерно одного изъ интереснѣйшихъ психологическихъ вопросовъ: какимъ образомъ литературный геній, освободясь изподъ опеки вдохновляющей на творчество природы, становится самъ на ея мѣсто и образуетъ изъ себя свободно творящую и сомообладающую силу? Внимательный читатель встрѣтитъ эту тему во многихъ письмахъ Гоголя, въ болѣе, или менѣе

полномъ ея развитіи; но здѣсь она высказана впервые, и мы остановимся надъ нею, для того, чтобы подвести одинъ знаменатель во всѣмъ раздробленьямъ великой мысли, которая обняла, съ нѣкотораго времени, духъ Гоголя и до тѣхъ поръ держала его въ своихъ предѣлахъ, пока онъ не пріобрѣлъ высшихъ силъ творчества, или — сказать проще — для того, чтобы потомъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ читатель въ письмахъ Гоголя строки и страницы, выражающія эту мысль, онъ бы соединялъ ихъ въ умѣ своемъ подъ одной общей замѣткой.

Переходное время отъ естественнаго вдохновенія къ творчеству — къ творчеству самоизвлекаемому — бываетъ въ жизни каждаго литературнаго таланта, но только не каждый талантъ просвѣтляетъ, подобно Гоголю, свою оболочку, скрывающую отъ насъ его внутреннюю переработку. Притомъ же каждый писатель одаренъ своеобразнымъ способомъ самовоспитанія, и отъ этого — замѣчу мимоходомъ — геній на генія такъ не похожъ въ своихъ внѣшнихъ чертахъ, хотя между ихъ натурами существуетъ глубоко скрытое внутреннее сходство. У однихъ самовоспитаніе совершается столь послѣдовательно и спокойно, что извнѣ почти незамѣтны признаки переворотовъ, совершающихся во внутреннемъ строеніи геніальной натуры; другіе, напротивъ, подобно образующимся планетамъ, ясно обнаруживаютъ кажущійся безпорядокъ, или волненіе своихъ стихій, въ ихъ смутной для самого генія борьбѣ между собою; наконецъ, нѣкоторые впадаютъ, по видимому, въ летаргическое состояніе, относительно творчества, — отвращаютъ глаза отъ внѣшняго міра и живутъ долгое время внутри себя. Но какимъ бы превращеніямъ ни подвергалась геніальная натура, въ какія бы отступленія отъ общихъ, извѣстныхъ каждому законовъ жизни ни впадала она, путь ея всё одинъ и тотъ же, дѣло ея всё одно и то же, какъ говоритъ о себѣ Гоголь. И напрасно мы стали бы опредѣлять относительныя достоинства талантовъ по гармоническому, или безпорядочному, быстрому, или медленному ихъ самоорганизованію. Каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно, представитъ проницательному наблюдателю міръ чудесъ, устремляющій душу къ ихъ источнику; и всѣ они вмѣстѣ, сколько ни внесло ихъ человѣчество въ книгу своего разумѣнія, творятъ всё болѣе и болѣе увлекательную исторію духа, — исторію, которой конца не предвидится, но которая

каждой новой своей страницей дѣлается для насъ еще драгоцѣннѣе. Здѣсь-то скрывается причина, почему сборникъ писемъ поэта, безъ всякаго даже объяснительнаго текста, равняется по своему интересу съ лучшими созданіями его таланта, и почему мы, сколько бы ни говорили о геніальныхъ натурахъ, никогда не можемъ достаточно наговориться. Все въ нихъ, уже извѣстное и поступившее въ сумму нашихъ знаній, кажется свѣжимъ и обѣщаетъ для мысли новые пути, отъ одного поворота ихъ въ ту, или въ другую сторону; отъ сравненія ихъ между собою и объясненія одного другимъ. Напримѣръ, возьмите вы эти немногія курсивныя строки, надъ которыми мы остановились, и поставьте ихъ рядомъ съ тѣмъ, что было высказано Шиллеромъ по тому же психологическому вопросу: они засіяютъ новымъ свѣтомъ, и самъ Шиллеръ какъ-будто скажетъ вамъ что-то еще несказанное.

»Критика теперь сама должна отплатить мнѣ за все, что̀ я потерялъ черезъ нее. А потерялъ я очень многое; ибо бойкость и оживленный огонь, которые были во мнѣ, прежде нежели мнѣ было извѣстно хоть одно правило искусства, уже нѣсколько лѣтъ ко мнѣ болѣе не являлись. Теперь я самъ присутствую при рожденіи и развитіи моихъ созданій, самъ наблюдаю въ себѣ игру одушевленія, и моя фантазія дѣйствуетъ не такъ свободно съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ, что у нея есть свидѣтели. Но, какъ скоро я дойду до того, что соблюденіе законовъ искусства сдѣлается моей природой, какъ воспитаніе дѣлается природой образованнаго человѣка, то и фантазія моя обрѣтетъ свою прежнюю свободу и будетъ стѣсняться только произвольными узами.«

Въ тѣхъ же словахъ Гоголя, кромѣ эстетическаго смысла, заключается другой, чисто человѣческій смыслъ. Гоголя не могло удовлетворить развитіе въ себѣ одного художественнаго таланта, что̀ для многихъ геніевъ служитъ конечною цѣлью всѣхъ стремленій. Въ его натурѣ заключена была особенная тоска по иной жизни, никогда недававшая ему успокоиться надолго. Эту тоску онъ чувствовалъ, не зная ей имени, уже въ четырехъ-лѣтнемъ возрастѣ, и она же томила его душу потомъ, въ минуты высочайшихъ художественныхъ созерцаній. Изъ этихъ двухъ началъ — ясновидѣнія земной жизни и стремленія къ жизни лучшей — развивается вся исторія существованія Гоголя. Здѣсь скрывается причи-

на задачъ, на разрѣшеніе которыхъ онъ потратилъ лучшіе свои годы, годы успѣховъ литературныхъ, годы любви и дружбы. И чѣмъ выше становился взглядъ его на искусство, тѣмъ строже былъ онъ къ себѣ, какъ къ человѣку; ибо искусство было для него только средствомъ къ устремленію ближняго туда, куда онъ самъ стремился. Потому-то онъ часто, сознавая всю силу своего таланта, оставлялъ его надолго въ бездѣйствіи и, вмѣсто творческой работы, воспитывалъ свою душу въ любви и разумѣ христіанскомъ. Никто не подозрѣвалъ, съ какого юнаго возраста пробудилось въ немъ сознаніе высшаго его назначенія. Въ своей »Авторской Исповѣди« онъ говоритъ, что »задумываться о будущемъ онъ началъ рано, — въ ту пору, когда всѣ его сверстники думали еще объ играхъ«, и ему »всегда казалось, что его ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что онъ сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра«. Въ бесѣдахъ съ своей матерью, еще задолго до переѣзда въ Петербургъ, онъ объявилъ ей однажды, что »не будетъ жить для себя, а для страждущихъ ближнихъ, и если удостоитъ его Богъ быть полезнымъ своему отечеству, то почтетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ; но если вообразитъ, что, можетъ быть, не допустятъ его къ тому обстоятельства, то чувствуетъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу«. Конечно, не одинъ Гоголь имѣлъ въ отрочествѣ такіе страстные порывы къ добру и благу ближняго, но многіе ли остались вѣрны имъ до конца? Въ то время, когда въ Петербургѣ никто еще его не зналъ и ему предстояло пробивать себѣ дорогу въ жизни собственными, неиспытанными еще силами, онъ отказался, въ пользу своего семейства, отъ наслѣдственнаго имѣнія. »Я сдѣлалъ все, что́ могъ« (для сестеръ), писалъ онъ къ друзьямъ своимъ въ 1843 году, отвѣчая на упрекъ одного изъ нихъ: »отдалъ имъ свою половину имѣнья, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ и не получая достаточнаго для своего собственнаго пропитанья. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишествъ, а занимая и надѣлавъ долговъ, которые долженъ уплачивать.« Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ, что уже давно все его состояніе заключается въ крохотномъ чемоданѣ и четырехъ парахъ бѣлья. Дальнѣйшее обнаруженіе его поступковъ, изъ его переписки, покажетъ, какъ искренни были слова его, что онъ »возлюбилъ свою бѣдность«, и какъ

мало душа его склонялась къ земному. Гоголь, какъ писатель, имѣетъ достоинства и значеніе, которыя каждый цѣнитъ сообразно съ своимъ вкусомъ и понятіями о литературѣ; но тотъ еще немного узналъ, кто изучилъ его, какъ писателя. Человѣкъ въ немъ былъ выше всего, и дѣйствіе его, какъ человѣка, на общество — когда онъ объяснится весь, когда онъ дастъ себя почувствовать каждому свѣжему сердцу — будетъ, можетъ быть, несравненно важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, нежели дѣйствіе его литературныхъ произведеній. »Значенье писемъ моихъ (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ матери) (¹), можетъ быть, узнается послѣ. — Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіянина и человѣка (писалъ онъ къ ней же) (²), чѣмъ литератора«.

(¹) Отъ 6-го апрѣля, 1844.
(²) Отъ 15-го іюня, 1844.

Конецъ перваго тома.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ*
18	14	рѣчи	рѣчки
22	30	Васильевскѣ	Васильевкѣ
36	24	дома; въ это время	дома въ это время:
55	6	Скалозубу	Салогубу
56	21	сице намъ	легце нашъ
—	25	пакетъ	паки
99	9	совершенный	современный
133	31	Неая	Нечая.
189	13	загададно	загадочно
207	16	говоритъ	говорилъ
212	8	премеленькая	премиленькая
234	20	вольнодушныя	вольнодумныя
248	18	Eelice	Felice

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича

ГОГОЛЯ,

СОСТАВЛЕННЫЯ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕГО ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХЪ И ИЗЪ ЕГО СОБСТВЕННЫХЪ ПИСЕМЪ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ Н. В. Гоголя.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Юліуса Штауфа.
1856.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

XX.

Воспоминаніе А.О.С—ой о жизни Гоголя въ Римѣ и въ Ниццѣ;—Переписка съ С. Т. Аксаковымъ и съ Н. Н. Ш***.

Осенью 1842 года А.О.С—ва поѣхала въ Италію и остановилась, въ ноябрѣ, во Флоренціи. Неожиданно получила она отъ Гоголя письмо, въ которомъ онъ писалъ, что его удерживаетъ въ Римѣ больной Языковъ, и просилъ ее пріѣхать въ Римъ. »Увидѣть васъ (заключилъ онъ) у меня душевная потребность«. Черезъ нѣсколько времени она получила отъ него другое письмо, которое оканчивалось такъ: »Упросите себя ускорить пріѣздъ свой: увидите, какъ этимъ себя самихъ обяжете«.

Въ концѣ декабря братъ г-жи С—ой, А.О.Р***, поѣхалъ въ Римъ, для пріисканія ей тамъ жилья, а въ концѣ генваря 1843 года она отправилась туда сама и пріѣхала на Piazza Troiana, въ Palazzetto Valentini. Верхній этажъ былъ освѣщенъ. На лѣстницу выбѣжалъ Гоголь, съ протянутыми руками и съ лицомъ, сіяющимъ радостью.

— Все готово! сказалъ онъ. — Обѣдъ васъ ожидаетъ, и мы съ А.О. (имя брата г-жи С—ой) уже распорядились. Квартиру эту *я* нашелъ. Воздухъ будетъ хорошъ; Корсо подъ рукою, а чтó всего лучше—вы близко отъ Колизея и Fora Boario.

Поговоривъ немного, онъ отправился домой, съ обѣщаніемъ придти на другой день. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ пришелъ въ часъ, спросилъ карандашъ и лоскутокъ бумаги и началъ писать:

»Куда слѣдуетъ А.О. навѣдываться между дѣломъ и бездѣльемъ, между визитами, и проч. и проч.«

Въ этотъ день Гоголь былъ съ г-жей С—ой во многихъ мѣстахъ и кончилъ обозрѣніе Рима церковью св. Петра. Онъ возилъ съ собой бумажку и вездѣ что-нибудь отмѣчалъ; наконецъ написалъ:

»Петромъ осталась А.О. довольна«.

Такія прогулки продолжались ежедневно въ теченіе недѣли, и Гоголь направлялъ ихъ такъ, что онѣ кончались всякой разъ Петромъ.

— Это такъ слѣдуетъ, говоритъ онъ: — на Петра никакъ не наглядишься, хотя фасадъ у него и комодомъ.

Однажды онъ повезъ г-жу С—ву и ея брата въ San Pietro in Vinculi, гдѣ стоитъ статуя Моисея, работы Микель-Анджело. Онъ просилъ своихъ спутниковъ идти за собою и не смотрѣть въ правую сторону; потомъ привелъ ихъ къ одной колоннѣ и вдругъ велѣлъ обернуться. Они ахнули отъ удивленія и восторга, увидѣвъ передъ собой сидящаго Моисея, съ длинной бородой.

— Вотъ вамъ и Микель-Анджело! сказалъ Гоголь.—Каковъ?

Самъ онъ такъ радовался восторгу спутниковъ, какъ будто *онъ* сдѣлалъ эту статую. »Вообще (говоритъ А.О.С—ва) онъ хвасталъ передъ нами Римомъ такъ, какъ будто это его открытіе«.

Въ особенности онъ заглядывался на древнія статуи и на Рафаеля. Однажды, когда его спутница не столько восхищалась, сколько бы онъ желалъ, Рафаелевой Психеею въ Фарнезинѣ, онъ очень серьезно на нее разсердился. Для него Рафаель-архитекторъ былъ столь же великъ, какъ и Рафаель-живописецъ, и, чтобъ доказать это, онъ возилъ своихъ гостей на виллу Madama, построенную по рисункамъ Рафаеля. А.О.С—ва всходила съ Гоголемъ на Петра, и когда сказала ему, что ни за чтó не рѣшилась бы идти по внутреннему

карнизу церкви (который такъ широкъ, что по немъ могла бы проѣхать карета въ четыре лошади), онъ отвѣчалъ:

— Теперь и я не рѣшился бы, потому что нервы у меня разстроены; но прежде я по цѣлымъ часамъ лежалъ на этомъ карнизѣ, и верхній слой Петра мнѣ такъ извѣстенъ, какъ едва ли кому другому. Когда вглядишься въ Петра и въ пропорціи его частей, нельзя надивиться довольно генію Микель-Анджело.

Гоголь ѣздилъ съ А.О.С—ой и въ Альбано. Тамъ онъ сначала казался очень веселъ, потомъ вдругъ почувствовалъ скуку и томленіе. Вечеромъ всѣ спутники Гоголя собрались вмѣстѣ, и одинъ изъ нихъ началъ читать Lettres d'un Voyageur, par George Sand. Гоголь былъ необыкновенно тревоженъ, ломалъ руки, не говоря ни слова, когда другіе восхищались нѣкоторыми мѣстами, и смотрѣлъ какъ-то пасмурно; наконецъ ушелъ къ себѣ. Все небольшое общество его спутниковъ ночевало въ Альбано. На другой день, когда А. О.С—ова спрашивала, зачѣмъ онъ ушелъ, онъ сказалъ:

— Любите ли вы скрипку?

— Да, отвѣчали ему.

— А любите ли вы, когда на скрипкѣ фальшиво играютъ?

— Да что́ же это значитъ?

— Такъ ваша Жоржъ Зандъ видитъ и изображаетъ природу. Я не могъ видѣть, какъ вы ею восхищаетесь. Я удивляюсь, какъ вамъ вообще нравится все это растрепанное.

Въ тонѣ, которымъ онъ говорилъ эти слова, выражалось искреннее сожалѣніе, что люди ему близкіе могутъ восхищаться подобными произведеніями. Во весь тотъ день онъ былъ пасмуренъ и казался озабоченнымъ. Онъ условился провести въ Альбано вмѣстѣ съ г-жею С—ой и ея спутниками трое сутокъ; но, возвратясь вечеромъ изъ гулянья, она съ удивленіемъ узнала, что онъ уѣхалъ въ Римъ. Въ оправданіе этого страннаго поступка онъ приводилъ потомъ такія причины, которыя показывали, что онъ желалъ только отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Во время прогулокъ по Риму, его особенно забавляли ослы, на которыхъ онъ ѣхалъ съ своими спутниками. Онъ находилъ ихъ очень умными и пріятными животными и увѣрялъ, что они ни на

какомъ языкѣ не называются такъ пріятно, какъ на итальянскомъ (i ciueci). Послѣ ословъ его занимали растенія, которыхъ обращики онъ срывалъ и привозилъ домой. Подъ весну, когда уже въ полѣ сдѣлалось веселѣе, онъ выѣзжалъ для прогулокъ въ Кампанію. Особенно любилъ онъ Ponte Numentano и Aqua Accittosa. Тамъ онъ ложился на спинѣ и не говорилъ ни слова. Когда его спрашивали, отчего онъ молчитъ, онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ говорить? тутъ надобно дышать, дышать, втягивать носомъ этотъ живительный воздухъ и благодарить Бога, что столько прекраснаго на свѣтѣ.

На страстной недѣлѣ Гоголь говѣлъ, и тутъ А.О.С—ва замѣтила уже его религіозное расположеніе. Онъ становился обыкновенно поодаль отъ другихъ и до такой степени бывалъ погруженъ въ молитву, что, казалось, не замѣчалъ никого вокругъ себя.

А.О.С—ва уѣхала изъ Рима въ маѣ и до іюля не имѣла никакого извѣстія о Гоголѣ; наконецъ узнала, что онъ въ Эмсѣ у Жуковскаго, къ которому она намѣревалась ѣхать. Пріѣхавъ туда изъ Бадена, она узнала, что Гоголь выѣхалъ въ Баденъ къ ней навстрѣчу, и скоро получила отъ него шутливое письмо, которое начиналось такъ:

»Каша безъ масла гораздо вкуснѣе, нежели Баденъ безъ васъ. Кашу безъ масла всё-таки можно какъ-нибудь ѣсть, хоть на голодные зубы, а Баденъ безъ васъ просто не йдетъ въ горло«.

Проведя въ Эмсѣ три дня, она выѣхала въ Баденъ и нашла тамъ Гоголя. Онъ почти всякой день у нея обѣдалъ, исключая тѣхъ дней, когда онъ говорилъ:

— Пойду полюбоваться, чтó тамъ Русскіе дѣлаютъ за табльдотомъ.

Онъ ходилъ въ гостинницы и другія публичныя мѣста, какъ ходятъ въ кунсткамеру. Не будучи почти ни съ кѣмъ знакомъ, Гоголь зналъ почти всѣ отношенія между пріѣзжими и угадывалъ многое очень вѣрно. Всякій день послѣ обѣда онъ читалъ г-жѣ См—ой »Иліаду«, въ переводѣ Гнѣдича, и когда она говорила, что эта книга ей надоѣдаетъ, онъ оскорблялся, сердился и писалъ къ Жуковскому, что А.О. »и на Иліаду топаетъ ногами«. Въ это время онъ ужъ былъ очень извѣстенъ русской заграничной публикѣ по своимъ сочи-

неніямъ, и князь Д*** просилъ А.О.С—ву показать ему автора »Мертвыхъ душъ«. Гоголь уже простился тогда съ нею и долженъ былъ черезъ минуту проѣхать мимо въ дилижансѣ. Но сколько она ни звала его, чтобъ обернулся къ ней, Гоголь, замѣтивши, видно, съ нею князя, сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и такимъ образомъ проѣхалъ мимо нея и уѣхалъ во Франкфуртъ къ Жуковскому.

Она не условилась съ нимъ, гдѣ имъ увидѣться въ будущую зиму, и просила его письменно пріѣхать въ Ниццу. Онъ отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ, что слишкомъ привязывается къ семейству графа С*** и къ ней, а ему не слѣдуетъ этого дѣлать, чтобъ не связывать своихъ дѣйствій никакими узами. Живя въ Ниццѣ, А.О. С—ва долго не получала отъ него писемъ, какъ однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, возвратясь изъ прогулки, нашла въ своей квартирѣ Гоголя.

— Вотъ видите, сказалъ онъ,—вотъ и я теперь съ вами, и поселился очень близко къ вамъ. Я распоряжусь такъ, что буду дѣлить свое время между вами и В—ми.

Квартира его, однакожъ, оказалась неудобною, и онъ переѣхалъ къ В—мъ, въ домъ г-жи Паради.

Въ Ниццѣ Гоголь также почти ежедневно обѣдалъ у А.О.С—ой, но ужъ не читалъ больше послѣ обѣда »Иліады«, а вытаскивалъ вмѣсто нея изъ кармана толстую тетрадь выписокъ изъ Святыхъ Отцовъ. Иногда онъ читалъ сочиненія Марка-Аврелія и съ умиленіемъ говорилъ:

— Божусь Богомъ, что ему недостаетъ только быть христіаниномъ!

О своихъ обстоятельствахъ онъ говорилъ очень мало; но такъ какъ было извѣстно, что его способы существованія очень скудны, то его собесѣдница желала хотя шуткой выпытать, что́ у него есть. Одинъ разъ она начала его экзаминовать, сколько у него бѣлья и платья, и старалась отгадать, чего у него больше.

— Я вижу, что вы просто совсѣмъ не умѣете отгадывать, отвѣчалъ онъ.—Я большой франтъ на галстухи и жилеты. У меня три галстуха: одинъ парадный, другой повседневный, а третій дорожній, потеплѣе.

Изъ распросовъ оказалось, что у него было только необходимое для того, чтобъ быть чистымъ.

— Это мнѣ такъ слѣдуетъ, говорилъ онъ.—Всѣмъ такъ слѣдуетъ, и вы будете жить, какъ я, и, можетъ быть, я увижу то время,

когда у васъ будетъ только двѣ пары платья: одно для праздниковъ, другое для будней. А лишняя мебель и всякіе комфорты въ комнатѣ вамъ такъ надоѣдятъ, что вы сами понемногу станете избавляться отъ нихъ. Я вижу, что это время придетъ для васъ. Вотъ я замѣтилъ, что у меня въ чемоданѣ завелась ненужная вещь; я вамъ ее подарю.

И на другой день принесъ А.О.С—ой рисунокъ Иванова.

Въ то время на нее иногда находила непонятная тоска. Гоголь списалъ собственноручно четырнадцать псалмовъ и заставлялъ ее учить ихъ наизусть. Послѣ обѣда онъ спрашивалъ у нея урокъ, какъ спрашиваютъ у дѣтей, и лишь только она хоть немножко запиналась на словѣ, онъ говорилъ: »Не твердо!« и отсрочивалъ урокъ до другого дня.

Все утро онъ обыкновенно работалъ у себя въ комнатѣ и только въ три часа выходилъ гулять, или одинъ, или съ графомъ М. М. В***. Г-жа С—ва часто встрѣчала его на берегу моря. Если его внезапно поражало какое-нибудь освѣщеніе на утесахъ или на зелени, онъ не говорилъ ни слова, а только останавливался, указывалъ и улыбался. Въ Ниццѣ онъ былъ по большей части очень веселъ, представлялъ своихъ гимназическихъ учителей, разсказывалъ анекдоты и между прочимъ прочиталъ своему небольшому обществу »Тараса Бульбу«. Здоровье его, однакожъ, не было въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ разсказывалъ, что, ѣдучи въ Ниццу, заболѣлъ въ Марсели ночью такъ ужасно, что не надѣялся дожить до утра и съ покорностью ожидалъ смерти. Онъ чувствовалъ, какъ смерть къ нему приближалась, и встрѣчалъ ее молитвами. Утромъ онъ чувствовалъ большую слабость, однакожъ сѣлъ въ дилижансъ и пріѣхалъ въ Ниццу.

Весною 1844 года А.О.С—ва уѣхала говѣть въ Парижъ, а Гоголь въ Штутгардтъ, но вмѣсто Штутгардта попалъ въ Дармштадтъ. Въ іюнѣ она пріѣхала во Франкфуртъ и нашла Гоголя въ Hôtel de Russie. Она провела тамъ двѣ недѣли, видаясь каждый день съ Гоголемъ и Жуковскимъ. Гоголь былъ беззаботно веселъ и не жаловался на свое здоровье.

Въ томъ же году она возвратилась въ Россію и вела съ Гоголемъ дѣятельную переписку, о которой мнѣ извѣстно только, что она была нравственно-религіознаго содержанія.

Слѣдующія письма Гоголя могутъ служить продолженіемъ переданнаго мною разсказа А.О.С—ой.

Къ С. Т. Аксакову.

»1844 г. Ницца. Февраля 10, 30 генв.

»Я очень поздно отвѣчаю на письмо ваше, милый другъ мой. Причин(ою) этого было отчасти физическое болѣзненное расположеніе, содержавшее духъ мой въ какомъ-то безчувственно-сонномъ положеніи, съ которымъ я боролся безпрестанно, желая побѣдить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокоивала съ этой стороны увѣренность, что друзья мои, то есть тѣ, которые вѣрятъ душѣ моей, не припишутъ моего молчанія забвенію о нихъ. Все, что̀ ни разсудили вы на счетъ моего письма къ N*. N*., я нахожу совершенно благоразумнымъ, такъ же какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ, къ тому относящіяся. Одно мнѣ было только грустно читать, это то, что ваше собственное душевное расположеніе не спокойно и тревожно. Я придумывалъ всѣ средства, какія могли только внушить мнѣ небольшое познаніе и нѣкоторые внутренніе душевные опыты — — «

*Къ Н. Н. Ш***.*

»Ницца. Марта, 1844.

»Хотя до праздника Воскресенья Христова остается еще три съ половиною недѣли, но я заранѣе васъ поздравляю, добрый и почтенный другъ мой Надежда Николаевна. На дняхъ я ѣду отсюда въ Штутгардтъ, съ тѣмъ чтобъ тамъ въ русской церквѣ нашей говѣть и встрѣтить Пасху. Вы можете быть увѣрены, что я буду молиться и за васъ, какъ, безъ сомнѣнія, вы будете молиться обо мнѣ, и что послѣ провозглашенія »Христосъ воскресе« пошлемъ взаимно другъ другу наши душевныя и братскія лобзанія. Я получилъ отъ васъ два письма съ того времени, какъ писалъ къ вамъ въ послѣдній разъ: одно назадъ тому мѣсяцъ [писанное вамъ отъ 20 генваря], другое гораздо прежде. Не сердитесь на меня за большіе промежут-

ки. Писать письма вообще мнѣ всегда было очень трудно; я это говорилъ впередъ всякому, съ кѣмъ только мнѣ предстояла продолжительная переписка. Теперь же писать мнѣ еще труднѣй, чѣмъ когда либо прежде, потому что всякій разъ возникаетъ въ душѣ вопросъ: будетъ ли отъ письма моего какая-нибудь существенная польза и что-нибудь спасительное для брата? не обратится ли оно въ болтовню или въ повтореніе того, что̀ уже было сказано? Вамъ дѣло другое: вы имѣете болѣе времени, и притомъ вы можете болѣе сказать полезнаго. А мнѣ иногда дорога̀ всякая минута, мнѣ слишкомъ еще много предстоитъ узнать и научиться самому, для того, чтобы сказать потомъ что-нибудь полезное другому. Не забывайте, что кромѣ того мнѣ иногда предстоитъ страшная переписка и отвѣчать приходится на всѣ стороны, и почти всегда такими письмами, которыя требуютъ долгаго обдуманія. И потому я уже давно положилъ писать только въ случаѣ самой сильной душевной нужды. Все это я считаю нужнымъ сказать вамъ, потому что вы уже, какъ мнѣ показалось изъ письма вашего, начали было приписывать другую причину моему рѣдкописанію. Прежде я бы на васъ посердился за такое обо мнѣ заключеніе, какъ сердился нѣкогда на друзей моихъ, толковавшихъ во мнѣ иное превратно. Но теперь не сержусь ни на что и скажу вамъ вмѣсто того вотъ что: друзьямъ моимъ случалось перемѣнять обо мнѣ мнѣніе, но мнѣ еще ни разу не случилось перемѣнить мнѣніе ни объ одномъ близкомъ мнѣ человѣкѣ. Меня не смутятъ не только какіе-нибудь слухи и толки, но даже, еслибы самъ человѣкъ, уже извѣстный мнѣ по душѣ своей, сталъ бы клеветать на себя, я бы и этому не повѣрилъ, ибо *я умѣю вѣрить душѣ человѣка*. Отсюда перейдемъ весьма кстати къ толкамъ обо мнѣ. Сказавши вамъ въ письмѣ, что нѣкоторые толки дошли до меня, я, признаюсь, разумѣю толки, возникшіе вслѣдствіе литературныхъ отношеній и нѣкоторыхъ недоразумѣній, произшедшихъ еще въ пребываніе мое въ Москвѣ. Но какіе могутъ (быть) обо мнѣ теперь толки такого рода, которые могли бы опечалить друзей моихъ — этого я не могу понять. Вы говорите, что васъ смущалъ одинъ слухъ, и не сказываете даже, какой слухъ. Какъ же я могу и оправдаться, еслибы захотѣлъ, когда даже не знаю, въ чемъ

меня обвиняютъ? Зачѣмъ вы, почтенный другъ, употребляете такую загадочность со мною? Неужели опасаетесь тронуть во мнѣ какую либо щекотливую или чувствительную струну? Но на эту-то именно струну и слѣдуетъ нападать. Я почиталъ, что вы хотя въ этомъ отношеніи знаете меня лучше. Вы разсудите сами: стремлюсь я къ тому, къ чему и вы стремитесь и къ чему всякой изъ насъ долженъ стремиться, именно: *быть лучше, чѣмъ есть.* Какъ же вы скрываете и не говорите, когда, можетъ быть, во мнѣ есть дурное съ такой стороны, съ какой я еще и не подозрѣвалъ? Сами знаете также, что съ тѣмъ, который хочетъ быть лучше, не слѣдуетъ употреблять никакой осторожности. Еслибы вы, вмѣсто того, чтобы напрасно смущаться въ душѣ вашей, написали бы просто: »Вотъ какой слухъ до меня дошелъ; нужно ли ему вѣрить?« я бы вамъ тогда прямо, какъ самому Богу, сказалъ бы, правда ли это, или нѣтъ. И такъ впередъ поступайте со мной справедливѣй и притомъ достойнѣй и васъ, и меня. Еще одно слово скажу вамъ о вашихъ письмахъ. Какъ они ни пріятны были мнѣ всегда, но когда я соображался, что̀ вамъ стояла почта, то я желалъ, чтобъ они были рѣже, и отчасти въ этомъ смыслѣ сказалъ вамъ, что, по причинѣ частыхъ разъѣздовъ, переписка частая бываетъ невозможна. Я очень хорошо знаю, что вы помогаете многимъ бѣднымъ, и что у васъ всякая копѣйка пристроена. Зачѣмъ же вы не хотите быть экономны и не поступаете такъ, какъ я васъ просилъ? то есть, отдавайте половину писемъ Аксакову и Языкову. Они мнѣ пишутъ очень мало, иногда я просто получаю одинъ пустой пакетъ; стало быть они и за свое, и за ваше письмо заплатятъ то же самое, что̀ за одно свое.

»Вотъ вамъ все, почтенный другъ мой, что̀ хотѣлъ сказать вамъ. Благодарю васъ за присланную въ письмѣ выписочку, но еще болѣе благодарю, что вы обѣщаетесь послать съ Бабарыкиными молитвы св. Дм. Ростовскаго. Душѣ моей нужнѣй теперь то, что̀ писано Святителями нашей Церкви, чѣмъ то, что̀ можно читать на французскомъ языкѣ. Это я уже испыталъ. Пишите проще какъ можно и называйте всякую вещь своимъ именемъ безъ обиняковъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ,—иначе я не пойму вашего письма.«

Къ ней же (1844).

»Благодарю васъ за письмецо и въ немъ особенно за желаніе, чтобъ Богъ благословилъ трудъ мой на пользу ближняго. Ничего бы такъ не хотѣлось, какъ этого. О, еслибы Богъ, не глядя на мерзость и недостоинство мое, но, внявъ единственно молитвамъ добрыхъ душъ, обо мнѣ молящихся, удостоилъ бы меня счастія этого и не отлучался бы отъ меня во все время моей жизни, не смотря на всю мою низость и неблагодарность!«

Къ ней же.

»Благодарю васъ, добрый, великодушный другъ мой Надежда Николаевна, за ваши письма. Я ихъ часто перечитываю. Въ мои болѣзненныя минуты, въ минуты, когда падаетъ духъ мой, я всегда нахожу въ нихъ утѣшеніе и благодарю всякую минуту руку Промысла за встрѣчу мою съ вами. Не забывайте же меня, молитесь обо мнѣ, пишите ко мнѣ. Еще одна душевная просьба. Ваша жизнь такъ прекрасна, она отдана вся благодѣяніямъ, вы бываете часто свидѣтелемъ многихъ прекрасныхъ движеній человѣка: извѣщайте же меня обо всѣхъ христіанскихъ подвигахъ, высокихъ душевныхъ подвигахъ, кѣмъ бы они ни были произведены. Разсказъ о прекрасныхъ движеньяхъ нашего ближняго и брата вливаетъ всегда чудную силу и бодрость въ нашу душу и стремитъ ее новою освѣженною молитвою къ Богу.«

Къ С. Т. Аксакову (¹).

»16 мая (1844). Франкфуртъ.

»Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно васъ обнялъ и поцаловалъ, а потомъ засмѣялся.— — —

»Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего,

(¹) Въ этомъ письмѣ Гоголь старался быть шутливымъ, съ цѣлью разсѣять грустное расположеніе души своего друга.

какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Изъ чего вы вообразили, что вамъ нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, такъ безукоризненна, прекрасна и благородна, какъ дай Богъ всѣмъ подобную. — — —

»Одинъ упрекъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать—въ излишествѣ страстнаго увлеченія во всемъ: какъ въ самой дружеской привязанности и сношеніяхъ вашихъ, такъ и во всемъ благородномъ и прекрасномъ, что̀ ни исходитъ отъ васъ. Итакъ глядите твердо впередъ и не смущайтесь тѣмъ, если въ жизни вашей есть пустые и бездѣйственные годы. Отдохновеніе намъ нужно. Такіе годы бываютъ въ жизни всѣхъ людей, хоть бы они были самые святые. А если вы отыскиваете въ себѣ какія-нибудь гадости, то этимъ слѣдуетъ не то чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что они въ насъ есть. Не будь въ насъ этихъ гадостей, мы бы занеслись Богъ знаетъ какъ, и гордость наша заставила бы насъ надѣлать множество гадостей, несравненно важнѣйшихъ. — — —

»Итакъ ваше волненіе есть просто дѣло чорта. Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ—точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится. Сто̀итъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ-то дѣлѣ онъ *чортъ знаетъ что*. Пословица не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *Хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти*. Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя ли какъ-нибудь привести въ уныніе; шепчетъ: »*Смотри, какъ у тебя много мерзостей,—пробуждайся*!« когда не зачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а просто не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе—это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ, невѣрующій

въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало просто, не глядя на него, выполнить буквально предписанье (¹), руководствуясь только тѣмъ, что даренному коню въ зубы не глядятъ. Вы бы, можетъ быть, нашли тамъ только подтвержденіе тому, чему вы вѣруете и что въ васъ есть, и тогда остановилось бы все яснѣе и утвердительнѣй на своихъ мѣстахъ, воцаривъ чрезъ то строгій порядокъ въ самую душу.

»О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнья произошли отъ того, что я слишкомъ рано вздумалъ было заговорить о томъ, чтó слишкомъ ясно было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами (²), въ чемъ сильно раскаяваюсь, даже и за печатныя мѣста. Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колебаясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое и, если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: »Объяснится потомъ«, шелъ далѣе своей дорогой; и точно Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же, хотя, можетъ быть, избавился только отъ многаго мѣшавшаго мнѣ на моемъ пути и стало быть чрезъ то сдѣлался нѣсколько умнѣй, вижу яснѣй многія вещи и называю ихъ прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма à la Байронъ и знаю, что онъ ходитъ во фракѣ — —

»Спросите у Языкова, послалъ ли онъ книги мнѣ и съ кѣмъ именно. Я еще не получилъ, а между тѣмъ онъ мнѣ обѣщалъ слѣдующія: 1) »Добротолюбіе«, 2) Лѣтописи, 3) Иннокентія и 4) Сочиненія Святыхъ Отцевъ. Теперь, безъ сомнѣнія, удобно послать, потому что изъ Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу

(¹) Это относится къ книгѣ, которую Гоголь подарилъ своему другу и совѣтовалъ читать. *Н. М.*

(²) Относится къ письмамъ религіознаго настроенія, которыя Гоголь писалъ къ С. Т. Аксакову, Погодину и Шевыреву. *Н. М.*

васъ, если нельзя прислать »Москвитянина« всего за прошлый годъ 1843, то хотя критики Шевырева; а Михаилу Семеновичу скажите, что онъ *надуватель*, а деткамъ его скажите, что *яблоко отъ яблони недалеко падаетъ*. Онъ самъ вызвался доставить мнѣ критики Сенковскаго и невинныя замѣчанія, напечатанныя въ »Сынѣ Отечества«. Времени было довольно, а случая и оказіи для пересылки не нужно, потому что, писавши на тонкой бумагѣ, можно было легко послать во всякое время, раздѣливъ на два или на три письма, какъ я сдѣлалъ съ моими статьями, гораздо побольшими, которыя ему же пригодились въ бенефисъ. Онъ меня привелъ въ непріятное и затруднительное положеніе писать къ Сенковскому и просить его о присылкѣ статей, потому что во многихъ вещахъ на близкихъ людей никакъ нельзя полагаться и лучше писать къ первому незнакомому лицу. Незнакомому человѣку бываетъ иногда совѣстно показать себя въ первый разъ ненадежнымъ человѣкомъ, а пріятелямъ никогда не бываетъ совѣстно пустить дѣло въ затяжку.

»Прилагаемое письмо прошу васъ доставить Над. Ник. Въ немъ содержится объясненіе на счетъ одного слуха, распущеннаго обо мнѣ въ Москвѣ. Объясненія объ этомъ предметѣ я бъ не сдѣлалъ никому, потому что лѣнивъ на подобныя вещи; но, такъ какъ она прямо и безхитростно сдѣлала мнѣ запросъ, то мнѣ показалось совѣстно не дать ей отвѣта. А съ вами о семъ тратить словъ не слѣдуетъ. Вы *человѣкъ-небаба*. *Человѣкъ-небаба* вѣритъ болѣе самому *человѣку*, чѣмъ *слуху о человѣкѣ*; а *человѣкъ-баба* вѣритъ болѣе слуху о человѣкѣ, чѣмъ самому человѣку. Впрочемъ, вы не загордитесь тѣмъ, что вы *человѣкъ-небаба*. Тутъ вашей заслуги никакой нѣтъ, ниже пріобрѣтенія. Такъ Богъ велѣлъ, чтобъ вы были *человѣкъ-небаба*. Не унижайте также *человѣка-бабу*, потому что *человѣкъ-баба* можетъ быть, кромѣ этого свойства, даже совершеннѣйшимъ человѣкомъ и имѣть много такихъ свойствъ, которыхъ не удастся пріобрѣсти *человѣку-небаба* — — — К. С., напримѣръ... но объ этихъ господахъ не слѣдуетъ говорить: они совершенно въ *руцѣ будущаго*. Въ русской природѣ то по крайней мѣрѣ хорошо, что если Нѣмецъ, напримѣръ, *человѣкъ-баба*, то онъ останется *человѣкъ-баба* на вѣки вѣковъ. Но рус-

ской человѣкъ можетъ иногда вдругъ превратиться въ *человѣка-небабу*. Выходитъ онъ изъ бабства тогда, когда торжественно, въ виду всѣхъ, скажетъ, что онъ больше ничего, какъ *человѣкъ-баба*, и симъ только поступкомъ поступаетъ въ рыцарство, скидаетъ съ себя при всѣхъ бабью юбку и одѣвается въ панталоны.«

Къ нему же.

»Франкфуртъ, декабря 21.(1844)

»Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой. Между многими причинами вашего молчанія, съ которыми почти со всѣми я согласенъ, зная самъ, какъ трудно вдругъ заговорить, когда не знаешь даже, съ котораго конца прежде начать, одна мнѣ показалась такою, которую я бы никакъ не допустилъ въ дѣло и никакъ бы не уважилъ, — именно, что состояніе грустное души уже потому не должно быть передаваемо, что можетъ возмутить спокойствіе отсутствующаго друга. Но для чего же тогда и другъ? Онъ именно и дается намъ для трудныхъ минутъ, а въ минуты веселыя и всякой человѣкъ можетъ быть для насъ хорошъ. Богъ вѣсть, можетъ быть, именно въ такія минуты я бы и пригодился. Что я написалъ глуповатое письмо, это ничего не значитъ: письмо было писано въ сырую погоду, когда я и самъ былъ въ состояніи полухандры, въ сѣромъ расположеніи духа, что́, какъ извѣстно, еще глупѣе чернаго, и когда мнѣ показалось, что и вы тоже находитесь въ состояніи полухандры, желая ободрить и васъ и съ тѣмъ вмѣстѣ и себя, я попалъ въ фальшивую ноту, взялъ невѣрно и замѣтилъ это уже по отправленіи письма. Впрочемъ, вы не смущайтесь, еслибъ даже и 10 получили глуповатыхъ писемъ [на такія письма человѣкъ, какъ извѣстно, всегда гораздъ]: иногда между ними попадется и умное. Да и глупыя письма, даромъ, что они глупы, а ихъ иногда бываетъ полезно прочесть и другой и третій разъ, чтобы видѣть, какимъ образомъ человѣкъ, хотѣвши сдѣлать умную вещь, сдѣлалъ глупость. А потому о вашихъ грустныхъ минутахъ вы прежде всего мнѣ говорите, ставьте ихъ всегда впередъ всякихъ другихъ новостей и помните только, что никакъ нельзя сказать впередъ, что·

бы такой-то человѣкъ не могъ сказать утѣшительнаго слова, хотябы онъ былъ и вовсе не умный. Много уже значитъ хотѣть сказать утѣшительное слово. И, если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стоитъ только разинуть ротъ, а помогаетъ уже Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное.

»Вы меня извѣстили вдругъ о разныхъ утратахъ. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава Богу, меньше. Во первыхъ потому, что я вижу со дня на день яснѣе, что смерть не можетъ отъ насъ оторвать человѣка, котораго мы любили, а во вторыхъ потому, что некогда и грустить: жизнь такъ коротка, работы вокругъ такъ много, что дай Богъ поскорѣй запастись сколько-нибудь тѣмъ въ этой жизни, безъ чего нельзя явиться въ будущую. А потому поблагодаримъ покойниковъ за жизнь и за добрый примѣръ, намъ данный, помолимся о нихъ и скажемъ Богу за все спасибо, а сами за дѣло. Извѣстіемъ о смерти Ел. В. П***ой я опечалился только въ началѣ, но потомъ возсвѣтлѣлъ духомъ, когда узналъ, что П*** перенесъ великодушно и твердо, какъ христіанинъ, такую утрату. Такой подвигъ есть краса человѣческихъ подвиговъ, и Богъ, вѣрно, наградилъ его за это такими высокими благами, какія рѣдко удается вкушать на землѣ человѣку.

»Обратимся же отъ П***, который подалъ намъ всѣмъ такой прекрасный примѣръ, и къ прочимъ живущимъ. Вы меня очень порадовали благопріятными извѣстіями о вашихъ сыновьяхъ. — — — Если К.С. сколько-нибудь вѣритъ тому, что я могу иногда слышать природу человѣка и знаю сколько-нибудь законъ состояній, переходовъ, перемѣнъ и движеній въ душѣ человѣческой, какъ наблюдавшій пристально даже за своей собственной душою, что вообще рѣдко дѣлается другими, то да послѣдуетъ онъ хотя разъ моему совѣту, и именно слѣдующему: не думать хотя два-три года о полнотѣ, цѣлости и постепенномъ логическомъ развитіи идей въ статьяхъ своихъ большихъ, какія случится писать ему. Повѣрьте, это не дается въ такіе годы и въ такой порѣ душевнаго состоянія. У него отразится повсюду только одно неясное стремленіе къ нимъ, а ихъ самихъ не будетъ.

»Живой ему примѣръ я. Я старѣе годами, умѣю болѣе себя обуздывать, а при всемъ—сколько я натворилъ глупостей въ моихъ сочиненіяхъ, именно стремясь къ той полнотѣ, которой во мнѣ самомъ еще не было, хотя мнѣ и казалось, что я очень уже созрѣлъ. И надъ многими мѣстами въ моихъ сочиненіяхъ, которыя даже были похвалены одними, другіе очень справедливо посмѣялись. Тамъ есть очень много того, что́ похоже на короткую ногу въ большомъ сапогѣ; а всего смѣшнѣе въ нихъ претензія на то, чего въ нихъ покамѣстъ нѣтъ.

»Итакъ да прислушается К.С.къ моему совѣту. Это не совѣтъ, а скорѣе братское увѣщаніе человѣка, уже искусившагося и который хотѣлъ бы сколько-нибудь помочь своею собственною бѣдою, обративъ ее не въ бѣду, а въ пользу другому. — — К.С. может множество приготовить прекрасныхъ филологическихъ статей. Онѣ будутъ интересны для всѣхъ. Это я могу сказать впередъ, потому что я самъ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, когда онъ изъяснялъ мнѣ производство многихъ словъ. Но нужно, чтобы онѣ писаны были слишкомъ просто и въ такомъ же порядкѣ, какъ у него выходили изустно въ разговорѣ, безъ всякой мысли о томъ, чтобы дать имъ цѣлость и полноту. То и другое выльется само собою гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ тогда, еслибы онъ о нихъ думалъ. Онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы статья была какъ можно короче. Русской умъ не любитъ, когда ему изъясняютъ что нибудь слишкомъ долго. Статья его чѣмъ короче и сжатѣй, тѣмъ будетъ занимательнѣй. Не брать въ началѣ большихъ филологическихъ вопросовъ, то есть такихъ, въ которыхъ бы было развѣтвленіе на многіе другіе, но раздробить ихъ на отдѣльные вопросы, которые бы имѣли въ себѣ нераздѣляемую цѣлость, и заняться каждымъ отдѣльно, взявъ его въ предметъ статьи; словомъ, какъ дѣлалъ Пушкинъ, который, нарѣзавши изъ бумаги ярлыковъ, писалъ на каждомъ по заглавію, о чемъ когда-либо потомъ ему хотѣлось припомнить. На одномъ писалъ: »Русская изба«, на другомъ: »Державинъ«, на третьемъ имя тоже какого-нибудь замѣчательнаго предмета, и такъ далѣе. Всѣ эти ярлыки накладывалъ онъ цѣлою кучею въ вазу, которая стояла на его рабочемъ столѣ, и потомъ, когда

случалось ему свободное время, онъ вынималъ на удачу первый билетъ; при имени, на немъ написанномъ, онъ вспоминалъ вдругъ все, чтò у него соединялось въ памяти съ этимъ именемъ, и записывалъ о немъ тутъ же, на томъ же билетѣ, все, чтó зналъ. Изъ этого составились тѣ статьи, которыя напечатались потомъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій и которыя такъ интересны именно тѣмъ, что всякая мысль его тамъ осталась живьемъ, какъ вышла изъ головы. [Изъ этихъ записокъ многія, еще интереснѣйшія, нé напечатаны потому, что относились къ современнымъ лицамъ.] Такимъ образомъ и Конст. Сер. да напишетъ себѣ на бумажкѣ всякое русское замѣчательное слово и потомъ тутъ же кратко и ясно его производство — — —«

XXI.

Какимъ казался Гоголь для незнавшихъ и чѣмъ онъ былъ для знавшихъ его.— Переписка по поводу его желанія пожертвовать частью своихъ доходовъ для помощи бѣднымъ талантливымъ людямъ.

Здоровье Гоголя въ продолженіе 1844 года (кромѣ начала года) вообще находилось въ лучшемъ состояніи, и онъ дѣятельно трудился надъ вторымъ томомъ »Мертвыхъ Душъ«. По приведеннымъ здѣсь письмамъ, мы находимъ его весною въ Ниццѣ, потомъ во Франкфуртѣ и наконецъ, зимою, опять во Франкфуртѣ. Изъ писемъ къ нему разныхъ особъ видно, что онъ провелъ мѣсяцъ или больше въ Остенде, гдѣ купался въ морѣ. Одинъ изъ его друзей, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 6 ноября 1844 года, такъ вспоминалъ это время: »Письма ваши очень порадовали бы меня, ècлибъ не замѣтно было въ нихъ отсутствія той бодрости, которою въ Остенде вы и *насъ* и *всѣхъ* оживляли«. Это показываетъ, что онъ провелъ время своего купанья въ морѣ не безъ друзей и знакомыхъ, и что только для людей, знавшихъ его издали, онъ казался въ Остенде несчастнымъ ипохондрикомъ или мизантропомъ, вѣчно одинокимъ и задумчивымъ.

Дѣйствительно, онъ любилъ уединенныя прогулки, и его видали каждый день, въ извѣстные часы, въ черномъ пальто и въ сѣрой шляпѣ, бродящимъ взадъ и впередъ по морской плотинѣ, съ наружнымъ выраженіемъ глубокой грусти. Но что наполняло тогда его душу, это было извѣстно только немногимъ друзьямъ его и открывается теперь изъ его переписки. Еще въ юности, онъ писалъ къ своей матери: »Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ и угрюмымъ,* таилось желаніе веселости [разумѣется, не буйной], и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни«... Такъ и теперь, для постороннихъ онъ могъ казаться человѣкомъ, убѣгающимъ людского общества, а между тѣмъ его непосредственныя и письменныя сношенія съ людьми разносили вездѣ свѣтъ и утѣшеніе. Приведу отрывки изъ писемъ къ нему одной особы, чтобъ показать, какое вліяніе имѣли письма Гоголя на его корреспондентовъ.

»*** уже съ мѣсяцъ запирается, никого не принимаетъ, въ сильной тоскѣ и примѣтнымъ образомъ худѣетъ. Письмо же, о которомъ я вамъ говорила, которое меня такъ огорчило и встревожило, было отъ него. Вы должны вспомнить, что я въ Ниццѣ съ вами говорила, что онъ четыре раза сряду прочелъ Евангеліе и мнѣ дѣлалъ разные запросы. Въ письмѣ своемъ онъ мнѣ говоритъ: »Вся жизнь моя предстала теперь предъ моею совѣстью, какъ предъ судьею строгимъ и ужаснымъ, и душа моя содрогается при мысли, что, можетъ быть, уже поздно. Я бы далъ до послѣдней капли крови, чтобы искупить мое прошедшее«. Далѣе столько грустнаго, тяжкаго и вмѣстѣ раздраженнаго, и ни слова о Богѣ, такъ что я три дня плакала и писала ему, но чувствую, что слабо и дурно. На такой подвигъ надобна душа выше моей.——Спасите его. Вамъ надо сейчасъ, не медля, помолясь Богу, ему писать.«

Это было писано 14 апрѣля, 1844. Въ письмѣ той же особы

отъ 6 Мая сказано: »Благодарю васъ за письмо къ *** —— Ему лучше. Это я узнала чрезъ третье лицо. Онъ говѣлъ съ большимъ раскаяньемъ и успокоился, совершивъ этотъ подвигъ послѣ весьма долгаго забытья. Вы справедливо говорите, что нечего бояться тамъ, куда взошелъ Богъ. У *** все чисто духовное, а не умственное. *Совѣсть заговорила*: это его собственныя слова.«

Отъ 28 августа 1844 года, та же особа пишетъ о дѣйствіи Гоголева письма на нее самое:

»Сегодня я получила ваше письмо. Благодарю васъ за него. Оно мнѣ было очень, очень нужно и пришло какъ нельзя болѣе кстати. Въ душѣ моей разгорался уже извѣстный вамъ гнѣвъ, и гнѣвъ несправедливый. Да врядъ ли бываетъ когда-либо гнѣвъ справедливъ. Ваши слова успокоили и вразумили меня. Не скрою отъ васъ, что первое впечатлѣніе вашего письма было непріятное. Упреки не легко выносить, наипаче, когда чувствуется сильно, что гласъ народа справедливъ. Но нѣсколько минутъ размышленія уже заставили меня васъ благодарить чистосердечно.«

Сутей, въ »Жизнеописаніи Коупера« (Life of Cowper) справедливо замѣчаетъ, что часто характеръ человѣка мы можемъ узнать вѣрнѣе изъ писемъ, писанныхъ къ нему, нежели изъ его собственныхъ писемъ. На этомъ-то основаніи, я пользуюсь всякимъ случаемъ показать читателямъ отраженіе личности Гоголя въ сердцахъ и умахъ его друзей и знакомыхъ, посредствомъ извлеченій изъ ихъ писемъ къ нему. До сихъ поръ этотъ біографическій источникъ очень скуденъ у меня; но я надѣюсь, что придетъ время, когда для меня откроется теперь недоступное и устранятся препятствія къ тому, чтобы воспользоваться имъ.

Продолжаю выписки изъ писемъ (1844 года) той же особы, что̀ и прежнія.

Сентября 23-го »...Дай Богъ, чтобы я только такъ жила, какъ въ Ниццѣ; тогда я могла бы имъ и многимъ быть полезною. Но въ Ниццѣ были вы, были чтенія, была жизнь спокойная, регулярная, а здѣсь... о Боже! что̀ за разница!... Какая превратность, даже раз-

вращенность въ мысляхъ и понятіяхъ! Меня ужасаетъ то, что тому назадъ два года я точно такъ же чувствовала и говорила.«

Октября 1-го. »...Да услышитъ меня ваша душа и помолится о моей, ей братской и всегда открытой.«

Октября 7-го. »Что̀ значитъ иногда слово! На дняхъ сказалъ мнѣ ***, что вы меня любить не можете, что я вашей дружбы недостойна, что во мнѣ нѣтъ того элемента душевнаго, который могъ бы насъ сблизить, а что вы меня изучаете только, что я для васъ предметъ наблюденій, потому что вы артистъ. И я огорчилась, и я повѣрила этому, потому что должна была сознаться, что я точно недостойна вашей дружбы. А вы мнѣ такъ нужны и такъ благодѣтельно на меня дѣйствовали и будете еще дѣйствовать! На дняхъ прочла я слѣдующія слова и тотчасъ вспомнила объ васъ: Ayez beaucoup d'amis, qui vivent en paix avec vous; mais choisissez vous pour conseil un homme entre mille.—L'ami fidèle est un remède, qui procure la vie et l'immortalité; et ceux qui craignent le Seigneur honorent cet ami.«

Октября 22-го. »...Да благословитъ васъ Богъ! вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь, этотъ путь такъ разукрасили, что другимъ идти не хочется и невозможно. На немъ ростутъ прекрасныя розы, благоуханныя, сладко душу успокоивающія.——Еслибы мы всѣ вполнѣ понимали, что душа сокровище, мы бы берегли ее больше глазъ, больше жизни; но не всякому дано почувствовать это самому, и не всякой такъ счастливо нападаетъ на друга, какъ я.«

Декабря 30-го. »...Вы одни мнѣ остались всегда вѣрными; вы одни меня полюбили не за то внѣшнее и блестящее, которое мнѣ причинило уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы же дружбой своей раздули и согрѣли. На васъ однихъ я могу положиться, тогда какъ вокругъ себя нахожу только расчетъ, обманъ или прекрасный призракъ любви и преданности. Къ вамъ теперь стремится страждущая душа моя.«

Сдѣлаю теперь нѣсколько извлеченій изъ писемъ другой особы, находившейся совсѣмъ въ иныхъ обстоятельствахъ, но для душевнаго спо-

койствія [illegible]

[illegible]ностью.

Сентября [illegible]

ній за все добро, [illegible]

Апрѣля 15-го, 1855. »...[illegible]

любезный Николай Васильевичъ, [illegible]

надѣюсь на помощь Всевышняго.»

Августа 6-го, 1845. »...Что же, если бы вы [illegible]

матушку Россію? вы здѣсь найдете [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

не было у нея постоянныхъ часовъ для занятія — — — Я вамъ все это пишу потому, что, зная ваше вліяніе на N*N*, я увѣрена, что вы можете дать ей хорошій совѣтъ.«

Ноября 7-го, 1845. »...Мнѣ такъ часто хотѣлось бы puiser courage et de l'espoir dans votre inébranlable fois et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir.«

Генваря 7-го, 1846. »...Любезный Николай Васильевичъ, браните меня пожалуйста. Ваши упреки для меня пріятны; я ихъ люблю.«

Я позволяю себѣ дѣлать небольшія отступленія отъ хронологическаго порядка, дабы цѣльнѣе показать значеніе Гоголя въ обыкновенной жизни для друзей его. Далѣе будутъ слѣдовать выписки изъ писемъ нѣсколькихъ его пріятелей, болѣе или менѣе къ нему близкихъ. Я отдѣлю ихъ одного отъ другого цифрами.

1.

Марта 20-го, 1845. »...Благодарю васъ тысячекратно за то, что вы наткнули меня на мысль—обратить вниманіе на наши православныя священнодѣйствія, которыя возвышаютъ мысль, услаждаютъ сердце, умиляютъ душу, и проч. и проч. Безъ васъ, я бы не былъ дѣятельнымъ въ подобномъ чтеніи, а, имѣя его только въ виду, всё бы откладывалъ, по моему обыкновенію, въ дальній ящикъ... Это чтеніе есть истинная манна, манна вышенебесная!«

2.

Іюля 18-го, 1844. »...Вы вызываете меня на исповѣдь. Я не отказался бы отъ нея изустно: такъ увѣренъ въ вашихъ чувствахъ, и особенно въ тѣхъ, кои побудили васъ обратиться ко мнѣ съ запросомъ; но исповѣдь заочная, письменная не только затруднительна, но и невозможна.«

3.

Декабря 12-го, 1844. »...Я, по вашимъ совѣтамъ, читаю «Подражаніе І. Х.« и буду постоянно продолжать, *хотя не дается мнѣ живой молитвы.*«

Мая 27-го, 1845. »... Между тѣмъ напалъ случайно на старинную фр. книгу Eloquence des Auteurs Sacrés, въ которой многое какъ будто нарочно для моего положенія написано. Но, увы! никакія слова, самыя сильныя, не проникаютъ въ глубину прескверной моей души.«

4.

Февраля 12-го, 1845. »Горячими слезами облилъ я письмо твое, любезный другъ! Благодарю, благодарю тебя за твое благодѣяніе. И всякій разъ плачу, какъ его перечитываю...«

1844-й годъ Гоголь завершилъ прекраснымъ планомъ, которому, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться, по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Онъ опредѣлилъ, чтобы часть суммы, выручаемой отъ продажи его сочиненій, обращаема была для помощи молодымъ талантливымъ людямъ, воспитывающимся въ С. Петербургскомъ университетѣ. Объ этомъ онъ написалъ къ одному изъ петербургскихъ друзей своихъ, прося его взять на себя обязанность раздавать, по усмотрѣнію, деньги, но сохранить въ глубокой тайнѣ, отъ кого они жертвуются. Это письмо, покамѣстъ, еще не отыскано, но содержаніе его ясно изъ письма къ Гоголю (отъ 18-го декабря, 1844) отъ одной особы, которой сдѣлалось извѣстнымъ его порученіе. Вотъ оно.

»Вчера утромъ пришелъ ко мнѣ N* N* съ вашимъ письмомъ, и мнѣ открылась загадка вашего молчанія: на такое письмо надобно время, и вы хорошо сдѣлали, что сперва ему отвѣчали. Я говѣю, слѣдовательно очищаю душу отъ грѣховъ, готовлю ее на обновленіе, на преумноженіе, любви, страха Божія. Теперь я вижу уже глазами, болѣе свѣтлыми, нежели тому назадъ шесть мѣсяцевъ; знаю и то, что совѣсть мнѣ гласитъ; знаю и то, что искренняя дружба вынуждаетъ меня вамъ сказать, безъ всякихъ лишнихъ свѣтскихъ обиняковъ. На N* N* вы не пѣняйте за то, что онъ почувствовалъ нужду показать мнѣ ваше письмо. — — — Онъ не увѣренъ въ васъ, и при томъ, ему кажется, что въ васъ нѣтъ простоты. N* N* нужно было со мною переговорить, чтобы рѣшить недоумѣніе на многія слова ваши. По-

тому не сердитесь на него; а, напротивъ, сознайтесь, что онъ поступилъ благоразумно. — — Во-первыхъ онъ васъ упрекаетъ въ недостаткѣ простоты, и я съ нимъ тоже согласна. Этотъ недостатокъ для меня уже проявился въ Ниццѣ, когда съ такимъ упорствомъ вы отказывались жить у В*** и не хотѣли изъяснить мнѣ причинъ этого отклоненія. Проявился позже этотъ недостатокъ въ болѣе мелочныхъ вещахъ. — — — Вы же сами мнѣ говорили, что мы здѣсь тѣсно связаны другъ съ другомъ. Это правда не въ одномъ отношеніи отвлеченномъ, но и въ матеріальномъ. Такъ тѣсно связаны души наши съ тѣлами нашими, что это повторяется и въ общественности нашей. Мы, спасая души близкихъ намъ, не можемъ и не должны пренебречь и о ихъ тѣлѣ. Вѣдь *** умеръ бы съ голоду, если бы *** ему только Библію посылала. У васъ на рукахъ старая мать и сестры. — — — Знаете ли, что St. François de Sales говоритъ: »Nous nous amusons souvent à être tous anges, et nous oublions qu'il faut avant tout être bons hommes« ? Итакъ будьте проще, удобопонятнѣе всѣмъ тѣмъ, которые ниже васъ на ступени духовной; не скрывайтесь и не закрывайтесь безпрестанно. Зачѣмъ вы такъ тайно хотите помогать другимъ? Тутъ особенно должна быть большая простота; этому дѣлу не надобно придавать никакой важности. Не помогать— просто мерзость, когда есть на то способы; и когда помогаешь, то на это надобно смотрѣть такъ, какъ на всякое житейское дѣло. Чтобы избѣгнуть упрека, что одни фарисеи раздаютъ на перекресткахъ, и выполнить буквально предписаніе: *дабы лѣвая рука не вѣдала, что̀ дѣлаетъ правая* (¹), вы забываете: *да свѣтятъ дѣла ваши добрыя предъ людьми во славу Божію* (²). Кто знаетъ? можетъ быть, узнавъ, что вы своей лептой помогаете брату, и у другихъ явится охота помогать. Такимъ образомъ, вы поможете большему числу людей. Конечно, ни N* N*, ни я объ этомъ публиковать не будемъ, а если оно узнается, то бѣда не большая, что васъ назовутъ. — — Мнѣ даже все равно, если скажутъ, что я ханжа. Богу одному извѣстно, что̀ въ глубинѣ души моей. Другое дѣло, еслибы

(¹) Матѳ. VI, 3.
(²) Матѳ V, 16.

друзья мои меня начали упрекать въ лицемѣрствѣ. Имъ бы я открыла свою душу, а не запирала бы, какъ вы, ее на три замка. Признайтесь, что всѣ ваши недоразумѣнія произошли отъ вашей молчаливой гордости. Вотъ вамъ, кажется, упреки и правда,—т. е. правда по моимъ понятіямъ. Вы просили упрековъ, какъ живой воды. Вотъ вамъ и отъ меня посыпались...

»Теперь перейдемъ опять къ дѣлу положительному. Я человѣкъ практическій; меня Жуковскій всегда называлъ *честнымъ человѣкомъ*, платящимъ свои долги и считающимъ всякую копейку. Вотъ что. Прежде полученія еще вашего письма, мы — а кто именно, не нужно вамъ знать — имѣли обѣщаніе получить ихъ, и оставимъ ихъ у себя впредь до вашего приказанія. — — Когда Прокоповичъ отдастъ отчетъ и буде у него что-нибудь накопилось, оно также намъ не помѣшаетъ. Вы тогда должны себя и своихъ близкихъ обезпечить прежде всего. Такъ требуетъ благоразуміе, и вы не въ правѣ налагать на себя наказаніе за свои литературные грѣхи голодомъ. Эти грѣхи уже тѣмъ наказаны, что васъ препорядочно ругаютъ, и что вы сами чувствуете, сколько мерзостей вы перомъ написали. Во вторыхъ, вѣдь деньги только у васъ въ воображеніи: ихъ, можетъ быть, нѣтъ да и не будетъ [и вы мнѣ напомнили »Perrotte sur sa tête ayant un pot à lait«], а вы уже ими и пожертвовали, несообразно ни съ какимъ порядочнымъ понятіямъ о милостынѣ и подаяніи.

»Вотъ вамъ все, что́ для васъ придумала. Извините меня, если я слишкомъ рѣзко выразилась. У меня таки есть рѣзкость въ выраженіяхъ; да притомъ я порусски пишу съ трудомъ. Пофранцузски можно дѣлать упреки съ комплиментами, а порусски никакъ нельзя.«

На это письмо Гоголь отвѣчалъ уже въ 1845 году цѣлою тетрадью, изъ которой, по необходимости, я долженъ былъ сдѣлать большія исключенія; но и изъ того, что́ оставлено, читатель увидитъ философію дружбы и любви къ ближнему, по которой онъ дѣйствовалъ въ жизни и старался заставить дѣйствовать друзей своихъ. Между прочимъ, въ этомъ письмѣ Гоголь объясняетъ свои литературныя отношенія къ нѣкоторымъ друзьямъ своимъ, доселѣ бывшія для нихъ и для всѣхъ насъ загадкою.

»Письмо ваше, добрѣйшая N* N*, меня нѣсколько огорчило. N* N* поступилъ не хорошо, потому что разсказалъ то, въ чемъ требовалась тайна во имя дружбы; вы поступили не хорошо, потому что согласились выслушать то, что вамъ не слѣдовало, тогда, когда бы вамъ слѣдовало въ самомъ началѣ остановить его такими словами: »Хотя я и близка къ этому человѣку, но если онъ скрылъ отъ меня, то неблагоразумно будетъ съ моей стороны проникнуть въ это«. Вы могли бы прибавить, что этотъ человѣкъ достоинъ нѣсколько довѣрія: онъ не совсѣмъ способенъ на необдуманныя дѣла и даже, »сколько я могла замѣтить, онъ довольно осмотрителенъ относительно всякаго рода добрыхъ дѣлъ и не отваживается ни на что безъ какихъ нибудь своихъ соображеній. А потому окажемъ ему довѣріе, особливо когда онъ опирается на слова: »воля друга должна быть святою«. Но вы такъ не поступили, моя добрая N* N*. Напротивъ, вы взяли даже на себя отвагу перерѣшить все дѣло, объявить мнѣ, что я дѣлаю глупость, что дѣлу слѣдуетъ быть вотъ какъ, и что вы, не спрашивая даже согласія моего, даете ему другой оборотъ и приступаете по этому поводу къ нужнымъ распоряженіямъ, позабывши между прочимъ то, что это дѣло было послано не на усмотрѣніе, не на совѣщаніе, не на скрѣпленіе и подписаніе, но, какъ рѣшенное, послано было на исполненіе, и во имя всего святого, во имя дружбы, молилъ (васъ) его исполнить. Точно ли вы поступили справедливо и хорошо, и справедливо ли было съ вашей стороны такъ скоро причислить мой поступокъ къ *донкишотскимъ*? — — — Еще скажу вамъ, что мнѣ показалась слишкомъ рѣзкою увѣренность, когда вы твердо называете желаніе мое помочь бѣднымъ *студентамъ* безразсуднымъ. Не бѣднымъ студентамъ хочу помогать я, но *бѣднымъ талантамъ*, — не чужимъ, но роднымъ и кровнымъ. Я самъ терпѣлъ и знаю нѣкоторыя тѣ страданія, которыхъ не знаютъ другіе, и о которыхъ даже и не догадываются, а потому и помочь не въ состояніи. Несправедливъ также вашъ упрекъ и въ желаніи моемъ помочь тайно, а не явно. Повѣрьте, что дѣлающій добро долженъ соображаться съ тѣмъ, когда оно должно быть явно и когда тайно; а потому и сія тайная помощь бѣднымъ талантамъ основана на посильномъ знаніи моемъ человѣческаго сердца. Талантамъ дается слишкомъ нѣжная, слишкомъ

чуткая, тонкая природа; много, много их можно оскорбить грубым прикосновеніемъ, какъ нѣжное растеніе, перенесенное съ юга въ суровый климатъ, можетъ погибнуть отъ неумѣлаго съ нимъ обхожденія непріобыкшаго къ нему садовника. Трудно бываетъ таланту, пока онъ молодъ, или еще справедливѣе, пока онъ не вполнѣ христіанинъ. Иногда и близкій другъ можетъ оскорбить и, оказавъ ему радушную помощь, можетъ потомъ попрекнуть въ неблагодарности, что̀ часто въ свѣтѣ дѣлается, иногда даже безъ строгаго размышленія, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ. Но когда дающій скрылъ свое имя—значитъ онъ, вѣрно, не требуетъ никакой благодарности. Такая помощь пріемлется твердо и непоколебимо, и будьте увѣрены, что незримыя и прекрасныя моленья будутъ совершаться въ тишинѣ о душѣ незримаго благотворителя вѣчно, и сладко будетъ получившему даже и при концѣ дней вспомнить о помощи, присланной неизвѣстно откуда. Итакъ оставимте эти строгія взвѣшиванья благодѣтельныхъ дѣлъ нашихъ: мы не судьи. Если судить, то нужно собрать всѣ доказательства. Не тяжело ли будетъ для васъ, еслибы я, увидя кого-нибудь изъ вашихъ братьевъ, нуждающагося и сидящаго безъ денегъ, сталъ бы укорять васъ въ томъ, что вы помогаете постороннимъ бѣднымъ, даже изъявляете готовность помочь мнѣ? Свѣтъ вѣдь обыкновенно такъ судитъ. Не будьте же похожи и вы на свѣтъ. Оставимъ эти деньги на то, на что они опредѣлены. Эти деньги *выстраданныя* и *святыя*, и грѣшно ихъ употреблять на что-либо другое. Еслибы добрая мать моя знала, съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ; напротивъ, продала бы (что-нибудь) изъ своей собственности и приложила бы отъ себя еще къ нимъ; а потому и вы не касайтесь къ нимъ съ намѣреніемъ употребить на другое дѣло, какъ бы оно вамъ благоразумно ни казалось. Да и что толковать объ этомъ дальше? Обѣтъ, который дается Богу, соединяется всегда съ пожертвованіемъ; ни самъ дающій, ни родные не возстаютъ противъ такого дѣла. А потому я не думаю, чтобы вы или N* N* вооружили бы себя уполномочіемъ разрѣшить меня отъ моего обѣта и взять на свою душу всю отвѣтственность. Итакъ оставимъ въ покоѣ дѣло рѣшенное и конченное. Назначенныя на благое

дѣло въ помощь тѣмъ, которымъ рѣдко помогаютъ, они не пропадутъ. Къ тому же, сами знаете, молодые люди съ дарованіями рѣдко появляются; а потому сумма успѣетъ накопиться, и что бы мнѣ приходилось бездѣлицами въ раздробѣ, то придетъ имъ цѣликомъ и въ значительной суммѣ. Притомъ сами распорядители, подвигнутые большимъ рвеніемъ и зная, что жертвуетъ не богачь, а бѣднякъ, который едва самъ имѣетъ чѣмъ существовать, употребятъ эти деньги такъ хорошо, какъ бы не употребили денегъ богача. Но довольно. Еще разъ прошу, молю и требую именемъ дружбы исполнить мою просьбу: нечестно разглашаемая тайна должна быть возстановлена. N* N* пусть пошлетъ двѣ тысячи моей матушкѣ; мы съ нимъ послѣ сочтемся. Всѣ объясненія по этому дѣлу со мной должны быть кончены. Вы также должны отступиться отъ этого дѣла; мнѣ непріятно, что вы въ него вмѣшались — — —

»О себѣ самомъ, относительно моего душевнаго внутренняго состоянія, не говорилъ я ни съ кѣмъ. Никто изъ нихъ меня не зналъ. По моимъ литературнымъ разговорамъ, всякой былъ увѣренъ, что меня занимаетъ одна только литература и что все прочее ровно не существуетъ для меня на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Россію, произошла во мнѣ великая перемѣна. Душа заняла меня всего, и я увидѣлъ ясно, что безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству, не въ силахъ я былъ двинуться ни одной моей способностію, ни одной стороной моего ума во благо и въ пользу моимъ собратіямъ; а безъ этого воспитанія душевнаго, всякій трудъ мой будетъ только временно блестящій, но суетенъ въ существѣ своемъ. Какъ Богъ довелъ меня до этого, какъ воспитывалась незримо отъ всѣхъ душа моя, это извѣстно вполнѣ Богу; объ этомъ не разскажешь; для этого потребовались бы томы, а эти томы все бы не сказали всего. Скажу только то, что милосердіе Божіе помогло мнѣ въ стремленіи моемъ и что теперь, какимъ я ни есмь, хотя вижу ясно неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня отъ совершенства, но вмѣстѣ вижу, что я далеко отъ того, какимъ былъ прежде. Но всего этого, что произошло во мнѣ, не могли узнать мои литературные пріятели. Въ продолженіи странствованія, моего внутренняго душевнаго воспитанія, я сходился и встрѣчался съ другими родственнѣе и бли-

же, потому что уже душа слышала душу, а потому и знакомство завязывалось прочнѣе прежняго. Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ. Вы были знакомы со мной прежде и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, но какая разница между тѣмъ знакомствомъ и вторичнымъ въ Ниццѣ! Не кажется ли вамъ самимъ, что мы другъ друга какъ будто только теперь узнали? Въ послѣднее время у меня произошли такія знакомства, что съ одного, другаго разговора уже обоимъ казалось, какъ будто вѣкъ знали другъ друга; и уже отъ такихъ людей я не слыхалъ упрековъ въ недостаткѣ простоты или скрытности: все само собой казалось ясно, сама душа выказывалась, сами рѣчи говорили. Если что не обнаруживалось и почиталось ему до времени лучшимъ пребывать въ сокровенности, то уважалась даже и самая причина такой скрытности, и, съ полнымъ чувствомъ обоюднаго довѣрія другъ къ другу, каждый даже утверждаетъ другого хранить то, о чемъ собственной разумъ его и совѣсть считаетъ ненужнымъ говорить до времени, изгоняя великодушно изъ себя даже и тѣнь какого-либо подозрѣнія или пустого любопытства. Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ не могли знать мои прежніе пріятели. Не мудрено: они всѣ познакомились со мной тогда, когда я былъ инымъ человѣкомъ,—даже и тогда знали меня плохо. Въ пріѣздъ мой въ Россію они встрѣтили меня съ съ разверстыми объятіями. Всякой изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ, кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ и встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу, защищу его противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая, что требованія были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли,—во вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное свое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ моими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ. Всѣ эти бездѣлицы ушли у нихъ изъ виду, какъ многое уходитъ изъ виду (у) людей, которые не любятъ разбирать въ тонкости об-

стоятельствъ и положенія другого, а любятъ быстро заключать о человѣкѣ, а потому на всякомъ шагу дѣлаютъ ошибки,—прекрасные душой дѣлаютъ дурныя вещи, великодушные сердцемъ поступаютъ безчеловѣчно, не вѣдая того сами. Холодность мою къ ихъ литературнымъ интересамъ они почли за холодность къ нимъ самимъ, не призадумавшись составили изъ меня эгоиста, которому общее благо не близко, а дорога только своя собственная литературная слава. Притомъ каждый изъ нихъ былъ до того увѣренъ въ справедливости своихъ идей, что всякаго съ нимъ несоглашавшагося считалъ не иначе, какъ отступникомъ отъ истины. Предоставляю вамъ самимъ судить, каково было мое положение среди такого рода людей! Но врядъ ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутреннія страданія — — Скажу вамъ только, что между моими литературными пріятелями началось что-то въ родѣ ревности: всякой изъ нихъ сталъ подозрѣвать меня, что я промѣнялъ его на другого, и, слыша издали о моихъ новыхъ знакомыхъ и о томъ, что меня стали хвалить люди имъ неизвѣстные, усилилъ еще болѣе свои требованія, основываясь на давности своего знакомства. Я получалъ престранныя письма, въ которыхъ каждый выставлялъ впередъ себя и, увѣряя меня въ чистотѣ своихъ отношеній ко мнѣ, порочилъ и почти неблагородно клеветалъ на другихъ, увѣряя, что они меня не знаютъ вовсе, любятъ меня по моимъ сочиненіямъ, а не меня самого [всѣ жъ они до сихъ поръ еще увѣрены, что я люблю всякаго рода фиміамъ] и упрекая меня въ то же время такими вещами, обвиняя такими низкими обвиненіями, какія, клянусь, я бы не приписалъ никому, потому что это просто безумно! Однимъ словомъ, они наконецъ вовсе запутались и сбились со всякаго толку. Каждый изъ нихъ на мѣсто меня составилъ себѣ свой собственный идеалъ, имъ же сочиненный образъ и характеръ, и сражался съ собственнымъ своимъ сочиненіемъ, въ полной увѣренности, что сражается со мною. Теперь конечно все это смѣшно, и я могу сказать: »Дѣти, дѣти! обратитесь попрежнему къ своему дѣлу.« Но тогда мнѣ невозможно было того сдѣлать. Недоразумѣнія доходили до такихъ оскорбительныхъ подозрѣній, такіе грубые наносились удары и притомъ по такимъ тонкимъ и чувствительнымъ струнамъ, о существѣ которыхъ не могли даже и подозрѣвать наносившіе удары,

что изныла и настрадалась вся моя душа, и мнѣ слишкомъ было трудно, что и оправдаться мнѣ не было возможности, потому что слишкомъ многому мнѣ надобно было вразумлять ихъ, слишкомъ во многомъ мнѣ нужно было раскрывать имъ мою внутреннюю исторію, а при мысли о такомъ трудѣ, и самая мысль моя приходила въ отчаяніе, видя предъ собою безконечныя страницы. Притомъ всякое оправданіе мое было бы имъ въ обвиненіе, а они еще не довольно созрѣли душою и не довольно христіяне, чтобы выслушать такія обвиненія. Мнѣ оставалось одно — обвинять до времени себя, чтобы какъ-нибудь до времени ихъ успокоить, и, выждавъ время, когда души ихъ будутъ болѣе размягчены, открывать имъ постепенно, исподоволь и понемногу настоящее дѣло. Вотъ легкое понятіе о моихъ соотношеніяхъ съ моими литературными пріятелями, изъ которыхъ вы сами можете вывести и соотношенія мои съ N* N* — — — Я избѣгалъ съ нимъ всякихъ рѣчей о подобныхъ предметахъ, что повергало его въ совершенное недоумѣніе; ибо онъ считаетъ, что я живу и дышу литературою. Я очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что онъ терялся обо мнѣ въ догадкахъ и путался въ предположеніяхъ. Онъ мнѣ не давалъ этого замѣтить и изрѣдка въ разговорахъ съ другими выражалъ неясно свое неудовольствіе на меня. Мнѣ хотѣлось узнать, въ какомъ состояніи онъ находится теперь относительно себя и меня, и съ этой цѣлью я наконецъ заставилъ его написать откровенное письмо. — — Письмо это мнѣ нужно было, потому что, кромѣ сужденія о мнѣ, показало отчасти его душевное состояніе. Но, при всемъ томъ, я былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, какъ отвѣчать. — — Я ограничился тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему сколько-нибудь яснымъ, что можно ошибиться въ человѣкѣ, что нужно быть смиреннѣе въ разсужденіи узнанія человѣка, не предаваться скорымъ заключеніямъ, — — не выводить по нѣкоторымъ поступкамъ, которыхъ даже и причинъ мы не знаемъ. Мнѣ хотѣлось сколько-нибудь возбудить въ немъ состраданіе къ положенію другого, который можетъ сильно страдать тогда, какъ другіе даже и не подозрѣваютъ. — — — Христіанинъ не станетъ такъ отыскивать дружества, стараясь такъ деспотически подчинить своего друга своимъ любимымъ идеямъ и называя его только потому своимъ

другомъ, что онъ раздѣляетъ наше мнѣніе и мысли. — — Христосъ не повелѣвалъ какъ быть друзьями, но повелѣвалъ быть братьями. Да и можно ли сравнить гордое дружество, подчиненное законамъ, которое начертываетъ самъ человѣкъ, съ тѣмъ небеснымъ братствомъ, котораго законы начертаны на небесахъ? Тѣ, которыхъ души уже загорѣлись такою любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя другъ отъ друга, никакихъ не произносятъ клятвъ и увѣреній, чувствуя, что связь такая уже вѣчная, что разсердиться они не могутъ, потому что все простится, и трудно бы имъ было выдумать, чѣмъ оскорбить другого. Есть много достойныхъ людей, которые думаютъ, что они христіяне; но (они) христіяне только *въ мысляхъ, но не въ жизни и не въ дѣлѣ*; они не внесли еще Христа въ самое сердце своей жизни, во всѣ дѣйствія свои и поступки. Есть также и такіе, которые потому только считаютъ себя христіянами, что отыскали въ евангельскихъ истинахъ кое-что такое, что показалось имъ подкрѣпляющимъ любимыя ихъ идеи. А потому вы испробуйте сами N* N*, заговорите съ нимъ о такихъ пунктахъ, на которыхъ узнается, какъ далеко ушелъ человѣкъ въ христіянствѣ, испробуйте его мнѣніе о другихъ христіянахъ: отзывается ли онъ о нихъ такъ, какъ христіянинъ; и, если, по словамъ вашимъ, *онъ въ васъ имѣетъ такую же нужду, какъ вы во мнѣ*, то сдѣлайте для него то, что предписываетъ вамъ истинная братская любовь, уврачуйте, что найдете въ болѣзненномъ состояніи; умягчите съ небесною кротостью, что зачерствѣло; не показывайте (моихъ писемъ) ни ему, никому. Повѣрьте, что они будутъ чужды для всякаго, ибо писаны на языкѣ того, къ кому относятся. — — —

»Сужденія (ваши) кромѣ того, что не впопадъ,—они лишены силы сердечнаго убѣжденія; въ нихъ отсутствіе того, что можетъ тронуть душу. Прежде, нежели писать, помолитесь Богу, чтобы Онъ вамъ далъ слово убѣжденія, взгляните также на самихъ себя; имѣйте для этого на столѣ духовное зеркало, т. е. какую-нибудь духовную книгу, въ которую можетъ смотрѣться душа ваша. Всѣ мы вообще слишкомъ привыкли къ рѣзкости и мало глядимъ на себя въ то время, когда даемъ другому упреки. Очень чувствую, что и я говорю вамъ въ этомъ письмѣ, можетъ быть, слишкомъ дерзко и самоу-

вѣренно. Такова природа человѣческая; повсюду перельетъ и все доведетъ до излишества; даже, защищая самое святое, она покажетъ въ словахъ своихъ увлеченіе человѣческое, стало быть, низкое и недостойное предмета. Другъ мой добрый, будемъ смиренны въ упрекахъ относительно другихъ, но не относительно насъ съ вами. Мы люди свои.«

Въ то же время Гоголь сдѣлалъ такое же предложеніе одному изъ московскихъ своихъ друзей, и также встрѣтилъ представленія что невозможно исполнить—по крайней мѣрѣ до времени—его желанія. Въ Москвѣ, однакожъ, великодушное предпріятіе поэта осуществилось, и до сихъ поръ у одного его друга хранятся банковые билеты на 2,500 рублей серебромъ, положенныхъ въ ростъ для помощи бѣднымъ талантливымъ студентамъ Московскаго университета. Вотъ отрывки изъ письма Гоголя къ С.Т. Аксакову, написаннаго по этому поводу:

«Римъ. 25 ноября (1845).

« — — — Вы меня всё таки больше знаете, вы утвердили обо мнѣ свое мнѣніе не изъ дѣлъ моихъ и поступковъ, а благородно повѣрили мнѣ въ душѣ своей, почувствовали той же душой, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а дѣйствовать иначе. Словомъ, вы меня всё-таки больше знаете, а потому объясните N* N*, что все то, что̀ я уже положилъ и опредѣлилъ въ душѣ своей и произношу твердо, то уже не перемѣняется мною. Это не упрямство, но то рѣшеніе, которое дѣлается у меня вслѣдствіе многихъ обдумываній. Если же онъ найдетъ исполненіе моей просьбы несообразнымъ своимъ правиламъ, то пусть передастъ все въ ваши руки. А васъ прошу тогда выполнить, какъ святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительностью: Богъ вамъ поможетъ. Помните только, что деньги не для бѣдныхъ студентовъ, но для бѣдныхъ, слишкомъ хорошо учащихся студентовъ, для талантовъ. Имя дающаго должно быть навсегда скрыто, потому что у талантовъ чувствительнѣй и нѣжнѣй природа, чѣмъ у другихъ людей. Многое можетъ оскорбить ихъ, хотя и не кажется другимъ оскорбительнымъ. Когда

же дающій скрылъ свое имя — даръ его примется твердо и смѣло; благословится, въ глубинѣ благодарной души, его неизвѣстное имя, ибо тотъ, кто скрылъ свое имя, вѣрно, не попрекнетъ никогда своимъ благодѣяніемъ и не напомнитъ о немъ. Не заботьтесь о томъ, что книга (¹) идетъ тупо; не хлопочите о ея распространеніи и берегите только экземпляры. Она пойдетъ потомъ вдругъ. Деньги тоже пока ненужны: таланты рѣдки и не скоро одинъ послѣ другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копѣйка не издержалась на что-нибудь другое, а собиралась бы и хранилась бы, какъ святая: обѣтъ этотъ данъ Богу. — — —

«Здоровье мое, хотя и стало лучше, но все еще какъ-то не хочетъ совершенно устанавливаться; чувствую слабость и, что̀ всего непонятнѣе, до такой степени зябкость, что не имѣю времени сидѣть въ комнатѣ: долженъ ежеминутно бѣгать согрѣваться; едва же согрѣюсь и приду, какъ въ мигъ остываю, хотя комната и тепла, и долженъ вновь бѣжать согрѣваться. Въ такой бѣготнѣ проходитъ почти весь день, такъ что не имѣется времени даже написать письма, не только чего другого. Но о недугахъ не стоитъ, да и грѣхъ, говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь — — и всѣ, кто ни молитесь обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтеръ моему дѣлу и труду.«

XXII.

Переписка съ поэтомъ Языковымъ и А.О.С—ой: шутка рядомъ съ высокими предметами;—взглядъ Гоголя на самаго себя;—актъ творчества, совершающійся посредствомъ молитвы;—опровержение обвиненій въ двуличности;—артистъ и христіянинъ;—отзывъ Гоголя на вопросъ: Русской онъ, или Малороссіянинъ?—общій смыслъ «Мертвыхъ Душъ.»

Съ 1842 года завязывается у Гоголя весьма интересная переписка съ поэтомъ Языковымъ и А.О.С**ой, выражающая самую

(¹) «Сочиненія Николая Гоголя», въ 4 томахъ. *Н. М.*

нѣжную и искреннюю дружбу къ обоимъ этимъ лицамъ, и въ то же время—высшую степень его религіозной настроенности. Въ письмахъ къ Языкову онъ часто принимаетъ тонъ слѣдующихъ отрывковъ.

«Комната у меня великолѣпна, голубецъ неподдѣльный; но солнце тревожитъ меня все утро. Табльдотъ для нѣмецкихъ табльдотовъ королевскій, но кофій смотритъ подлецомъ. — — — Общество здѣсь почти то же, чтó и въ Гастейнѣ, но какъ-то не такъ обходительно. Полежаевъ, Храповицкій, Сопиковъ, хотя и принимаютъ, но не съ такимъ радушіемъ; нѣтъ той непринужденности въ оборотахъ и поступкахъ. Ходаковскій тоже, хотя и навѣдывается чаще, но есть въ немъ что-то черствое, городское: слишкомъ щеголеватъ, не такъ нараспашку, какъ въ Гастейнѣ, и еще бѣда: завелъ онъ дружбу страшную съ помѣщикомъ, котораго мы въ Гастейнѣ никогда не видали, и я самъ даже не помню хорошо его фамиліи. Пыляковъ кажется, или Пыльницкій. Подлецъ, какого только ты можешь себѣ представить. Подобнаго нахальства въ поступкахъ и наглости я не видалъ давно; лѣзетъ въ самый ротъ. Тепляковъ здѣсь тоже несносенъ: его бы слѣдовало назвать Донекаевымъ.«

Или: (¹)

»Выѣхавши изъ Ганау, мы на второй станціи подсадили къ себѣ въ коляску двухъ нашихъ земляковъ, русскихъ помѣщиковъ Сопикова и Храповицкаго, и провели съ ними время до зари. Петръ Михайловичъ даже и по зарѣ перекинулся двумя, тремя фразами съ Храповицкимъ.«

Въ томъ же самомъ письмѣ Гоголь мало-помалу переходитъ въ такой тонъ:

«Твердъ путь твой, и залогомъ словъ сихъ не даромъ оставленъ тебѣ посохъ. О, вѣрь словамъ моимъ!... Ничего не въ силахъ я тебѣ болѣе сказать, какъ только: вѣрь словамъ моимъ! Я самъ не

(¹) Изъ письма отъ 27-го сентября, 1842, изъ Дрездена.
(¹) Изъ письма отъ 5-го августа, 1842. изъ Мюнхена.

сиѣю не вѣрить словамъ моимъ. Есть чудное и непостижимое... Но рыданія и слезы глубоко вдохновенной, благодарной души помѣшали бы мнѣ вѣчно досказать... и онѣмѣли бы уста мои. Никакая мысль человѣческая не въ силахъ себѣ представить сотой доли той необъятной любви, какую содержитъ Богъ къ человѣку!... Вотъ все. Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ. Для сего была наша встрѣча.«

Слѣдующая выписка (изъ письма отъ 10 февраля, 1842) показываетъ самымъ опредѣлительнымъ образомъ, какъ смотрѣлъ на себя Гоголь.

»Меня мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска, и, какъ ни уединенно я здѣсь живу, но меня все тяготитъ — и здѣшніе пересуды, и толки, и сплетни. Я чувствую, что разорвались послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ. Мнѣ нужно уединеніе, рѣшительное уединеніе. О, какъ бы весело провели мы съ тобой дни вдвоемъ за нашимъ чуднымъ кофіемъ по утрамъ, расходясь на легкій тихій трудъ и сходясь на тихую бесѣду за трапезой и ввечеру! Я не рожденъ для треволненій и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха (¹).«

Взглядъ автора »Мертвыхъ Душъ« на вдохновеніе обнаруживаетъ отчасти актъ собственнаго его творчества. Вотъ что́ писалъ онъ объ этомъ предметѣ къ Языкову (отъ 4-го ноября, кажется, 1843).

»... отъ тебя не такъ далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенья. Какъ это сдѣлать? Нужно послать изъ души нашей къ Нему стремленіе. Чего не поищешь, того не найдешь, говоритъ пословица. Стремленіе есть молитва. Молитва не есть сло-

(¹) Вспомнимъ, что онъ писалъ около этого же времени (отъ 12 апрѣля, 1842) къ Н. Д. Бѣлозерскому:

»Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата; а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской.«

весное дѣло; она должна быть отъ всѣхъ силъ души и всѣми силами души; безъ того она не возьметъ. Молитва есть восторгъ. Если она дошла до степени восторга, то она уже проситъ о томъ, чего Богъ хочетъ, а не о томъ, чего мы хотимъ. Какъ узнать хотѣніе Божіе? Для этого нужно взглянуть разумными очами на себя й изслѣдовать себя: какія способности, данныя намъ отъ рожденія, выше и благороднѣе другихъ, тѣми способностями мы должны работать преимущественно, и въ сей работѣ заключено хотѣніе Бога: иначе — онѣ не были бы намъ даны. Итакъ, прося о пробужденіи ихъ, мы будемъ просить о томъ, чтó согласно съ Его волею. Стало быть, молитва наша прямо будетъ услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была отъ всѣхъ силъ души нашей. Если такое постоянное напряженіе хотя на двѣ минуты въ день соблюсти въ продолженіе одной, или двухъ недѣль, то увидишь ея дѣйствіе непремѣнно. Къ концу этого времени въ молитвѣ окажутся прибавленія. Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей; ты просишь просто вдохновенія. На другой, или на третій день ты будешь говорить просто: »Дай произвести мнѣ въ *такомъ-то* духѣ.« Потомъ на четвертый, или пятый: »съ *такою-то* силою«. Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: Какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія, и къ чему могутъ послужить? И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ, и къ концу какой-нибудь другой недѣли увидишь, что уже все составилось, чтó нужно: и предметъ, и значенье его, и сила, и глубокій внутренній смыслъ, словомъ—все; стóитъ только взять въ руки перо да и писать. Но повторяю вновь: Молитва должна быть отъ всѣхъ силъ души. Естествоиспытатели скажутъ, что это не мудрено, что постоянное напряженіе можетъ разбудить силы человѣка. Но пусть будетъ по ихнему, пусть это произошло именно отъ того, что одна нерва толкнула другую, какъ оно впрочемъ и справедливо; но когда дойдетъ наконецъ до результата, тогда увидишь ясно, какъ и въ силу чего это возникло. А извѣстное дѣло, что теоріи тѣ только неложны, которыя возникли изъ опыта. Для меня удивительнѣе всего то, что тѣ именно люди, которые при-

знаютъ Бога только въ порядкѣ и гармоніи вселенной и отвергаютъ всякія внезапныя чудеса, хотятъ непремѣнно, чтобы тутъ совершилось чудо, чтобы Богъ вошелъ вдругъ въ нашу душу, какъ въ комнату, отворивши тѣлесною рукою дверь и произнесши слово во всеуслышанье всѣмъ. А позабыли то, что Богъ никуда не входитъ незаконно; всюду несетъ онъ съ собой гармонію и законъ. Нѣтъ и явленья безпричиннаго; все обмыслено и есть уже самая мысль. Чудеса, по видимому безпричинныя, не случались съ умными людьми. Они случались съ простыми людьми, съ тѣми людьми, у которыхъ сила вѣры перелетѣла черезъ всѣ границы и чрезъ всѣ ихъ невеликія способности. За такую вѣру низпосланы были и явленія имъ, перешедшія всѣ естественныя границы. Но и тутъ, всмотрѣвшись, можно толковать естественнымъ образомъ: тоже одна нерва толкнула другую и вызвала видѣніе. Но въ томъ-то и дѣло, что одно мановеніе сверху— и тысячи колесъ уже толкнули одно другое, и пришелъ въ движеніе весь безгранично-сложный механизмъ; а намъ видно одно мановеніе. Такъ, взглянувъ на часовой циферблятъ, видишь, что одна только стрѣлка едва примѣтно двинулась; но для того, чтобы произвести это едва примѣтное движеніе, нужно было нѣсколько разъ оборотиться колесамъ. Умный человѣкъ хочетъ, чтобы и съ нимъ такъ же случилось чудо, какъ съ другимъ; но уже за одно это безразсудное желаніе онъ достоинъ наказанія. Ему скажется: »Тебѣ данъ умъ. »Зачѣмъ онъ тебѣ данъ? Затѣмъ ли, чтобы ты съ нимъ вмѣстѣ дре»малъ? Тотъ, какъ трудолюбивый крестьянинъ, работалъ отъ всѣхъ »силъ своихъ и выработалъ потомъ и слезами хлѣбъ свой, а ты, »могши наполнить ими цѣлые магазины, лежалъ на боку, и еще хочешь, »чтобы тебѣ бросилась такая же горсть, какая дана ему.« Что̀ на это придется отвѣчать умному человѣку? Развѣ отвѣчать такими словами: »Но я былъ какъ въ лѣсу, я не зналъ даже, какъ и за что̀ »приняться. Еслибы кто подалъ мнѣ руку, я бы пошелъ«. Но такіе отвѣты можетъ уничтожить одно слово: »А зачѣмъ существуетъ »молитва?« Еслибы и тутъ нашелся умный человѣкъ сказать: »Но »мнѣ не молилось; я не зналъ даже, какъ молиться«,—отвѣтъ будетъ одинъ и тотъ же: »А на что̀ молитва? Молись о томъ, чтобы »умѣть молиться.« Но если умный человѣкъ былъ еще поэтъ—не-

вольный страхъ обнимаетъ душу, и я сейчасъ изъясню тебѣ, почему. Святые молчальники, которые уже все нашли для себя лишнимъ въ мірѣ и слѣдили только одни внутреннія явленія души, на глубокую науку будущему человѣчеству, говорятъ вотъ что: Приходъ Бога въ душу узнается потому, когда душа почувствуетъ иногда вдругъ умиленіе и сладкія слезы, безпричинныя слезы, произшедшія не отъ грусти или безпокойства, но которыхъ изъяснить не могутъ слова. До такого состоянія [говорятъ они же] дойти человѣку возможно только тогда, когда онъ освободится отъ всѣхъ страстей совершенно. Но есть, однакоже, такіе избранники, которыхъ Богъ возлюбилъ отъ дѣтства, для благихъ и великихъ своихъ намѣреній, и посѣщаетъ невидимо; доказательствомъ чего служитъ внезапно находящій на нихъ восторгъ и тихія слезы. Свидѣтельство это такого рода, что во всякую минуту жизни надъ нимъ задумаешься. Вопроси себя въ душѣ своей и добейся отъ нея, что̀ она скажетъ на это. Мнѣ бы хотѣлось сильно знать это, потому что полезно было бы и для меня. А до того времени мнѣ кажется вотъ что. Если подвергнется сильному отвѣту тотъ, кто не искалъ Бога, то еще сильнѣйшему тотъ, кто убѣгалъ отъ Бога.

»Скажу тебѣ еще объ одномъ душевномъ открытіи, которое подтверждается болѣе и болѣе, чѣмъ болѣе живешь на свѣтѣ, хотя въ началѣ оно было просто предположеніе, или справедливѣе—предслышаніе. Это то, что въ душѣ у поэта силъ бездна. Ежели простой человѣкъ борется съ неслыханными несчастіями и побѣждаетъ ихъ, то поэтъ непремѣнно долженъ побѣждать большія и сильнѣйшія. Разсматривая въ существѣ тѣ орудія, которыми простые люди побѣждали несчастія, видишь съ трепетомъ, что такихъ орудій цѣлый арсеналъ вложилъ Богъ въ душу поэта. Но ихъ большею частію и не знаетъ поэтъ, и не прибѣгаетъ къ узнанію. Разбросанныхъ силъ никто не знаетъ и не видитъ, и никогда не можетъ сказать навѣрно, въ какомъ онѣ количествѣ. Когда они собраны вмѣстѣ, тогда только ихъ узнаешь. А собрать силы можетъ одна молитва.«

»Мертвыя Души« были читаны нѣсколькимъ лицамъ авторомъ, но никто не зналъ конца ихъ, который долженъ былъ увѣнчать дѣло и

всему дать смыслъ, таимый авторомъ про себя. Вотъ, однакоже, нѣсколько словъ, намекающихъ на то, чѣмъ должны были быть »Мертвыя Души«, — изъ письма къ Языкову отъ 5-го мая 1846 года.

»...крайне непріятно, что »Мертвыя Души« переведены (на нѣмецкій языкъ). Впрочемъ, что̀ случилось, то случилось не безъ воли Божіей. Дай только Богъ силы отработать и выпустить второй томъ. Узнаютъ они (Нѣмцы) тогда, что у насъ много того, о чемъ они никогда не догадывались и чего мы сами не хотимъ знать.«

Переходя къ извлеченіямъ изъ писемъ Гоголя къ А.О.С—ой, я считаю нужнымъ привести сперва мнѣніе его о ней, высказанное Языкову въ письмѣ отъ 5-го іюня 1845 года. Оно покажетъ, какъ велико должно было быть вліяніе на него этого друга, при всей его способности подчинять другихъ своему вліянію.

»Въ Москвѣ будетъ вѣроятно на дняхъ См**ва. Ты долженъ съ ней познакомиться непремѣнно. Это же посовѣтуй С. Т. Аксакову и Н. Н. Ш****ой. Это перлъ всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать, прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ ли кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее. И самъ я, какъ ни уважалъ ее всегда и какъ ни былъ друженъ съ ней, но только въ однѣ истинно страждущія минуты и ея, и мои узналъ ее. Она являлась истиннымъ моимъ утѣшителемъ, тогда какъ врядъ ли чье-либо слово могло меня утѣшить. И подобно двумъ близнецамъ-братьямъ бывали сходны наши души между собою.«

Письма Гоголя къ А.О.С—ой вообще отличаются догматическимъ характеромъ, но мѣстами исполнены глубокой грусти, сквозь которую прорывается не рѣдко врожденный ему юморъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ мѣстѣ:

»Что̀ же касается до сплетней, то не позабывайте, что ихъ распускаетъ чортъ, а не люди, затѣмъ чтобы смутить и низвести съ того высокаго спокойствія, которое намъ необходимо для житія жизнью высшею, стало быть, той, какой слѣдуетъ жить человѣку. Эта длиннохвостая бестія какъ только примѣтитъ, что человѣкъ сталъ остороженъ и неподатливъ на большіе соблазны, тотчасъ спрячетъ свое

рыло и начинаетъ заѣзжать съ *мелочей*, очень хорошо зная, что и безстрашный левъ долженъ наконецъ взревѣть, когда нападутъ на него безсильные комары со всѣхъ сторонъ и кучею,« и т. д. (¹).

Извѣстно, что при жизни Гоголя искренность его убѣжденій и прямота дѣйствій многими изъ его знакомыхъ были сильно заподозрѣны. Вотъ что́ пишетъ объ этомъ Гоголь къ А. О. С—ой (отъ 24-го октября, 1844).

»Это до сихъ поръ неразрѣшимая загадка, какъ для нихъ, такъ равно и для меня. Знаю только, что меня подозрѣваютъ въ двуличности, или какой-то макіавелевской штукѣ. Но настоящаго свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ не дала мнѣ до сихъ поръ ни одна живая душа. Вотъ уже два года я получаю такіе странные и неудовлетворительные намеки и такъ противорѣчащіе другъ другу, что у меня просто голова идетъ кругомъ. Всѣ точно боятся меня. Никто не имѣетъ духу сказать мнѣ, что я сдѣлалъ подлое дѣло, и въ чемъ состоитъ именно его подлость. А между тѣмъ мнѣ все, что́ ни есть худшаго, было бы легче понести этой странной неизвѣстности. Скажу вамъ только, что самое ядро этого дѣла, самое дѣтское, это — почти ребяческая безразсудность выведеннаго изъ терпѣнья человѣка; но около ядра этого накопилось то, о чемъ я только теперь въ догадкахъ, но чего на самомъ дѣлѣ до́ сихъ поръ не знаю. Но скажу вамъ также, что съ этимъ дѣломъ соединялся большій грѣхъ, чѣмъ двуличность: все это дѣло есть дѣйствіе гнѣва и тѣхъ тонкихъ оскорбленій, которыя грубо были нанесены мнѣ добрымъ человѣкомъ, немогшимъ и въ половину понять великости нанесеннаго оскорбленія; но оно тронуло такія щекотливыя струны, что ихъ перенести развѣ могла бы одна душа истинно святого человѣка. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что гнѣвъ мой совершенно изчезъ, но потомъ однако же я чувствовалъ пробужденье его въ желаніи нестерпимомъ оправдаться. А оправдаться я не могъ, потому что не имѣлъ въ рукахъ обвиненій. Этотъ гнѣвъ стоилъ вашего гнѣва, хотя я за него сильно наказалъ себя. Теперь я положилъ [и уже давно] никакъ не оправдываться. Пусть все дѣло объ-

(¹) Отъ 6-го декабря, 1849.

яснится само собою. Но мнѣ теперь нужно знать во всей ясности обвиненія, для того чтобы обвинить лучше и справедливѣй себя, а не кого другого.———Души моей никто не можетъ знать; она доступна еще меньше вашей, потому что я даже и не говорливъ. Въ послѣднее время, когда я ни бывалъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, я избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ. Мнѣ нуженъ былъ душевный монастырь. Вамъ это теперь понятно, потому что мы сошлись съ вами вслѣдствіе взаимной душевной нужды и помощи, и потому имѣли случай хотя съ нѣкоторыхъ сторонъ узнать другъ друга; но они этого не могли понять. Изъ нихъ — вы сами знаете — никто не воспитывается; стало быть, всякой поступокъ они могли истолковать посвоему. Отчужденіе мое отъ нихъ они приняли за нелюбовь и охлажденье, тогда какъ любовь моя возрастала. Да и не могло быть иначе, потому что я, слава Богу, ихъ больше знаю, чѣмъ они меня; и еслибы они, вслѣдствіе превратности человѣческой, сдѣлали бы точно что-нибудь дурное, или измѣнились даже въ характерахъ, я бы всё не измѣнился въ любви, и, можетъ, Богъ бы помогъ мнѣ тогда-то именно и возчувствовать нѣжнѣйшую любовь, когда бы они очутились въ крайности запятнать или погубить свою душу. Это впрочемъ такъ и быть должно у всѣхъ насъ. Когда мы видимъ въ болѣзни, или даже при смерти намъ близкаго человѣка, тогда только оказывается, какъ велика любовь наша къ нему. Мы не жалѣемъ ни денегъ, ни собственнаго попеченія, готовы все, что̀ имѣемъ, отдать доктору и сильно молимся Богу о его выздоровленіи.«

Борьба артиста съ христіаниномъ въ Гоголѣ давно уже сдѣлалась очевидною для каждаго. Самъ Гоголь соглашалъ оба разнородныя стремленія свои такимъ образомъ (¹):

»Какъ умный человѣкъ, онъ (С—нъ) правъ тѣмъ, что взглянулъ на меня со стороны артиста, но онъ пропустилъ не бездѣлицу: онъ пропустилъ ту высшую любовь, которая гораздо выше всякихъ артистовъ и талантовъ, и можетъ быть равно доступна какъ умнѣйшему,

(¹) Въ письмѣ отъ 3-го ноября, 1844.

такъ и простѣйшему человѣку. Онъ не можетъ также знать того, что я уже давно гляжу на человѣка не какъ артистъ, но милосердіе Бога помогло мнѣ глядѣть на него иначе: я гляжу на него, какъ на брата, и это чувство въ нѣсколько разъ небеснѣе и лучше. Ремесло артиста мнѣ пригодилось теперь только въ помочь; имъ мнѣ доведется только доказать на дѣлѣ мою любовь, о чемъ молю Бога безпрестанно и о чемъ прошу васъ также помолиться.«

Вотъ еще интересный вопросъ, возникающій нерѣдко въ бесѣдахъ о Гоголѣ и рѣшенный имъ посвоему въ письмѣ къ А. О. С—ой, отъ 24-го Декабря 1844 года.

»Скажу вамъ одно слово на счетъ того, какая у меня душа, хохлацкая, или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая, или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни Малороссіянину передъ Русскимъ, ни Русскому передъ Малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой. Явный знакъ, что онѣ должны наполнить одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ слившись во едино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже несовсѣмъ заслуженными порицаньями, и въ нихъ видѣнъ покамѣстъ писатель, еще неутвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ точно есть кое-гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но, безъ моего собственнаго признанія, ихъ никто и не замѣтитъ и не увидитъ.«

Въ числѣ причинъ, удерживавшихъ Гоголя за границею, одна выражена имъ въ письмѣ къ искреннему его другу, А. О. С—ой, отъ 2-го апрѣля 1845 года.

».... пріѣздъ мой мнѣ былъ бы не въ радость. Одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я на всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками,—которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать.«

Вотъ еще нѣсколько намековъ на общій смыслъ »Мертвыхъ Душъ« (въ письмѣ къ А. О. С—ой, отъ 25-го іюня, 1845).

»Вы коснулись »Мертвыхъ Душъ« и просите меня не сердиться за правду, говоря, что исполнились сожалѣніемъ къ тому, надъ чѣмъ прежде смѣялись. Другъ мой, я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно »Мертвыхъ Душъ«; но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за каррикатуру, за насмѣшку надъ губерніями, такъ же, какъ были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, чтò имъ приписываютъ, есть предметъ »Мертвыхъ Душъ«. Это покамѣсть еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, [ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась] раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, еслибы Богу было угодно продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ. Повторяю вамъ вновь, что это тайна, и ключъ отъ нея покамѣсть въ душѣ у одного только автора. Многое, многое даже изъ того, чтò по видимому, было обращено ко мнѣ самому, было принято вовсе въ другомъ смыслѣ. Была у меня точно гордость, но не моимъ *настоящимъ*, не тѣми свойствами, которыми владѣлъ я, гордость *будущимъ* шевелилась въ груди,—тѣмъ, чтò представлялось мнѣ впереди, счастливымъ открытіемъ,—которымъ угодно было, вслѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу,—открытіемъ, что можно быть далеко *лучше* того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и что для любви.... Но не кстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ. Повѣрьте, что я хорошо знаю, что я слишкомъ дрянь, и всегда чувствовалъ болѣе или менѣе, что въ *настоящемъ* состояніи моемъ я дрянь и все дрянь, чтò ни дѣлается мною, кромѣ того, чтò Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать, да и то было сдѣлано мною далеко не такъ, какъ слѣдуетъ.«

XXIII.

1845-й годъ.—Гоголь болѣнъ.—Письма о болѣзни къ Н. Н. Ш*** и С. Т. Аксакову. — Высочайшее пожалованіе Гоголю по 1000 рублей серебромъ на три года.—Письмо къ министру народнаго просвѣщенія.—Лѣченіе холодною водою въ Грефенбергѣ. — Гоголь въ Прагѣ. — Письма изъ Рима и изъ другихъ городовъ, выражающія физическое и душевное состояніе Гоголя, предшествовавшее появленію »Переписки съ Друзьями«.—Первое впечатлѣніе, произведенное »Перепискою«.

Въ началѣ 1845 года Гоголь сдѣлался очень боленъ. Слѣдующее письмо къ Н. Н. Ш***показываетъ, какъ онъ бросался въ разныя стороны, ища въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое облегченія приступившихъ къ нему недуговъ тѣлесныхъ и, кажется, также душевныхъ.

»1845. Франкфуртъ, 14 февраля.

»Благодарю васъ, добрый другъ, за ваше письмо, писанное ко мнѣ. Въ Парижъ я ѣздилъ единственно затѣмъ, чтобы сдѣлать куда-нибудь дорогу, и покамѣсть былъ въ дорогѣ, по тѣхъ поръ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ во Франкфуртѣ. Пріѣхавши въ Парижъ, началъ опять прихварывать. Впрочемъ, я провелъ время хорошо, былъ почти каждый день въ нашей церкви, которая хороша и доставила мнѣ много утѣшенія, и видѣлся только съ одними близкими, немногими, но прекраснѣйшими душами. Дорогой изъ Парижа во Франкфуртъ я опять чувствовалъ себя хорошо, а пріѣхавши воФранкфуртъ—дурно. Другъ мой, помолитесь какъ обо мнѣ, такъ и о бѣдномъ моемъ здоровьи. Я же покамѣсть вывожу то заключеніе, что мнѣ нужна дальняя дорога, и не есть ли это знакъ, что пора наконецъ отправится въ тотъ путь, ради котораго я выѣхалъ изъ Москвы и простился съ вами, о которомъ и первоначальная мысль была, безъ сомнѣнія, Божьимъ внушеніемъ. А потому помолитесь прежде всего, другъ мой, о моемъ здоровьи, ибо, какъ только поможетъ Богъ мнѣ дотянуться до будущаго года, то въ началѣ его и не откладывая уже на дальнѣйшее время, отправлюсь въ Іерусалимъ. Съ нынѣшняго лѣта или осени, отправлюсь въ Италію, съ тѣмъ чтобы,

оттуда быть наготовѣ сѣсть на корабль. А вы молите Бога, чтобы ниспослалъ мнѣ силы совершить это путешествіе такъ, какъ слѣдуетъ, какъ долженъ совершить его истинный христіянинъ. Молитесь объ этомъ заранѣ, чтобы Богъ приготовилъ къ тому мою душу и чтобы не оставлялъ меня отнынѣ ни на мигъ. Такъ нужно мнѣ Его безпрерывное присутствіе — да и кому оно не нужно? И помолитесь о моемъ здоровьи, которое такъ плохо, какъ я давно не помню. А я за васъ молюсь, и молюсь о томъ, чтобы Богъ услышалъ всѣ ваши молитвы«.

Собственныя немощи до того занимали его вниманіе, что, получивъ отъ С.Т.Аксакова письмо съ горестнымъ извѣстіемъ, что онъ терялъ одинъ глазъ и опасался за другой, Гоголь отвѣчалъ ему холодными утѣшеніями, въ которыхъ, по видимому, мало участвовало сердце,—именно:

»Франкфуртъ. 2 мая (1845).

»И вы больны, и я боленъ. Покоримся же Тому, Кто лучше знаетъ, что̀ намъ нужно и что̀ для насъ лучше, и помолимся Ему о томъ, чтобы помогъ намъ умѣть Ему покориться. Вспомнимъ только одно то, что въ Его власти *все* и *все* Ему *возможно*. Возможно все отнять у насъ, что̀ считаемъ мы лучшимъ, и въ награду за то дать лучшее намъ всего того, чѣмъ мы дотолѣ владѣли. Отнимая мудрость *земную*, даетъ Онъ мудрость *небесную;* отнимая зрѣнье *чувственное,* даетъ зрѣнье *духовное,* съ которымъ видишь тѣ вещи, передъ которыми пыль всѣ вещи земныя; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, даетъ намъ жизнь *вѣчную*, которая передъ временной то же, что *все* передъ *ничто*. Вотъ что̀ мы должны ежеминутно говорить другъ другу. Мы, еще доселѣ непривыкнувшіе къ вѣчному закону дѣйствій, который совершается для всѣхъ непреложно въ мірѣ, и желающіе для себя непрерывныхъ исключеній, мы, малодушные, способны позабывать на всякомъ шагу то, что̀ должны вѣчно помнить, наконецъ мы, неимѣющіе даже благородства духа ввѣриться Тому, Кто стоитъ того, чтобы на Него положиться. Простому человѣку мы даже ввѣряемся, который даже намъ не пока-

таяхъ и знаковъ достаточныхъ для довѣрія, а Тому, Кто окружилъ насъ вѣчными свидѣтельствами любви своей, Тому только не вѣримъ, взвѣшивая подозрительно всякое Его слово. Вотъ что мы должны говорить ежеминутно другъ другу, о чемъ я вамъ теперь напоминаю и о чемъ вы мнѣ напоминайте.

Вѣроятно къ этому же времени, если не къ самому началу года относится слѣдующее, полное воплей души письмо къ Н.Н.Ш***.

»5 Іюля.

»Молитесь, другъ мой, обо мнѣ. Ваши молитвы мнѣ были нужны всегда, а теперь нужнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснутъ, отъ врачей и отъ искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но отъ Бога все возможно. Молитесь, да поможетъ Онъ мнѣ умѣть терпѣть, переносить, умѣть покоряться, умѣть молить Его и умѣть благословлять Его въ самыхъ страданіяхъ. Я слишкомъ знаю, что нельзя зажечь уже свѣтильникъ, если не стало масла; но знаю, что есть Сила, Которая и въ мертвомъ воздвигнетъ духъ жизни, если восхочетъ, и что молитва угодныхъ Богу душъ велика предъ Богомъ. Молитесь, другъ мой, да не оставляетъ меня въ минутахъ невыносимой скорби и унынія, которыя я уже чувствую и которыхъ, можетъ быть, цѣлый рядъ предстоитъ мнѣ впередъ, въ степени сильнѣйшей. Молитесь, да укрѣпитъ меня и спасетъ меня.«

При такихъ обстоятельствахъ, для Гоголя было особенно пріятно получить извѣстіе о томъ, что́ для него было въ это время сдѣлано. Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, поощряя, съ свойственнымъ Ему великодушіемъ, труды каждаго высокаго таланта, благоволилъ пожаловать Гоголю по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ (¹).

(¹) Эти деньги поручено было получать изъ Главнаго Казначейства П. А. Плетневу, для пересылки Гоголю.

На оффиціальное увѣдомленіе объ этомъ министра народнаго просвѣщенія (*), Гоголь отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ.

»Милостивый Государь
»Сергій Семеновичъ,

»Письмо ваше мною получено. Благодарю васъ много за ваше ходатайство и участіе. О благодарности Государю ничего не говорю: она въ душѣ моей; выразить же ее могу развѣ одной только молитвой о Немъ. Но мнѣ сдѣлалось въ то же время грустно. Грустно, вопервыхъ, потому, что все доселѣ мною сдѣланное не стоитъ большого вниманія. Хоть въ основаніи его и легла добрая мысль, но выражено все такъ дурно, ничтожно, незрѣло, и притомъ въ такой степени; *не такъ бы слѣдовало*: не даромъ большинство приписываетъ имъ скорѣе дурной смыслъ, чѣмъ хорошій, и соотечественники мои скорѣй извлекаютъ изъ нихъ извлеченье *не въ пользу* души своей, чѣмъ въ пользу. Во вторыхъ, грустно потому, что и за прежнее я въ неоплатномъ долгу предъ Государемъ. Клянусь, я и не помышлялъ даже просить о чемъ-либо у Государя! Въ тишинѣ только готовилъ я трудъ, который точно былъ бы полезнѣе моимъ соотечественникамъ моихъ прежнихъ мараній,—за который и вы сказали бы мнѣ, можетъ быть, спасибо, если будетъ выполненъ добросовѣстно, потому что предметъ его не чуждъ былъ и вашихъ собственныхъ помышленій. Меня утѣшала доселѣ мысль, что Государь, которому, какъ я знаю истинно, дорого благо душевное его подданныхъ, сказалъ бы, можетъ быть, о мнѣ со временемъ: »Этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать Мнѣ свою признательность.« Теперь я обремененъ новымъ благодѣяніемъ. Въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ сдѣлано для меня, трудъ мой покажется бѣднѣй и незначительнѣй, чѣмъ прежде. Разстроенное здоровье можетъ отнять у меня возможность сдѣлать его и такимъ, какъ бы я хотѣлъ. И вотъ почему мнѣ грустно. Грустно вмѣстѣ съ этимъ и то, что нынѣшнимъ письмомъ вашимъ вы отняли у меня право сказать вамъ то, что̀ я хотѣлъ сказать. А я хотѣлъ васъ благодарить

(*) Отъ 27-го Марта, 1845, за № 449.

за многое сдѣланное вами въ пользу наукъ и отечественной старины, и еще болѣе — за пробужденіе, въ духѣ просвѣщенія нашего, твердаго русскаго начала. Благодарить васъ за это я имѣлъ право, какъ сынъ той же земли и какъ братъ того же чувства, въ которомъ мы всѣ должны быть братья, и какъ необязанный вамъ за личное добро. Теперь вы отняли у меня это право, и то, что было тогда законнымъ дѣломъ, будетъ походить на комплиментъ. Примите жъ лучше, вмѣсто его, это искренное изложеніе моего состоянія душевнаго. Другого ничего не могу сказать вамъ; не прибавляю даже и почтительнаго окончанія, завершающаго свѣтскія письма, потому что, давно живя въ удаленіи отъ него, я позабылъ ихъ вовсе, а остаюсь просто

«Вамъ обязанный и признательный искренно

»*Н. Гоголь.*«

По совѣту своихъ друзей, извѣдавшихъ на себѣ пользу Присницева леченія холодною водою, Гоголь отправился въ Гефенбергъ, но не выдержалъ полнаго курса и уѣхалъ отъ Присница полувыздоровѣвшій. Во время послѣдняго своего пребыванія въ Москвѣ, увидя у О.М.Бодянскаго на стѣнѣ портретъ знаменитаго гидропата, онъ вспомнилъ о Грефенбергѣ.

— Почему же вы не кончили курса? спросилъ О.М.

— Холодно! отвѣчалъ однимъ словомъ Гоголь.

Вотъ его письма изъ Грефенберга.

Къ С. Т. Аксакову.

»Благодарю васъ, безцѣнный Сергѣй Тимофѣевичъ, за ваши два письма. Они мнѣ были очень пріятны. Здоровье мое, кажется, какъ будто немного лучше отъ купаній въ холодной водѣ, но не могу и не смѣю еще предаться вполнѣ надеждѣ. Пишите въ Римъ, куда я отправляюсь. Отъ Языкова узнаете подробнѣе. Не имѣю ни минуты свободной.«

*Къ Н.Н.Ш****

»Благодарю васъ, добрый другъ мой, за ваши письма, которыя

меня утѣшали въ моемъ болѣзненномъ состояніи, и всегда утѣшали. Не могу сказать еще ничего рѣшительнаго о моемъ здоровьи. Твердо вѣрю, что, если милость Божія захочетъ, то оно вдругъ воздвигнется. Нынѣшнее лѣченіе холодной водою по крайней мѣрѣ освѣжаетъ и прогоняетъ печальныя мысли. Я чувствую себя какъ будто крѣпче. Черезъ недѣлю, а можетъ и раньше, пущусь, перекрестившись и помолившись, въ дорогу: въ Римъ на всю зиму. Тамъ я чувствовалъ себя всегда хорошо; переѣздъ тоже мнѣ помогалъ и возстановлялъ. Богъ милостивъ и обратитъ, можетъ быть, то и другое въ мое излѣченіе. Знаю, что я самъ по себѣ далеко того недостоинъ, и не ради моихъ молитвъ, но ради молитвъ тѣхъ, которые обо мнѣ молятся, въ числѣ которыхъ одна изъ первыхъ вы, мнѣ ниспошлется облегченіе, а что̀ еще выше — умѣнье покоряться радостно Его святой волѣ. Итакъ не переставайте обо мнѣ молиться.«

Проѣзжая изъ Грефенберга черезъ чешскую Прагу, Гоголь обратилъ особенное вниманіе на національный музей, завѣдываемый извѣстнымъ антикваріемъ Ганкою, приходилъ туда нѣсколько разъ и разсматривалъ хранящіяся въ немъ сокровища славянской старины. Ганка никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, котораго сочиненія онъ изучалъ съ такою любовью (такъ наружность Гоголя, его пріемы и разговоръ мало выказывали того, что̀ было заключено въ душѣ его); наконецъ спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненій.

— И, оставьте это! сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

— Ваши сочиненія, продолжалъ Ганка,—составляютъ украшеніе славянскихъ литературъ (или что-нибудь въ этомъ родѣ).

— Оставьте, оставьте! повторялъ Гоголь, махая рукою, и ушелъ изъ музея.

Но Ганка не таковскій человѣкъ, чтобъ разойтись съ подобнымъ путешественникомъ, не взявъ съ него контрибуціи. Въ альманахѣ, изданномъ въ Прагѣ Павломъ Кларомъ, подъ заглавіемъ: »Libussa Taschenbuch für's Jahr 1852«, въ жизнеописаніи Ганки, гдѣ приведены выписки изъ его альбома, на стр. 368 мы читаемъ:

»Желаю (вамъ) еще сорокъ-шесть лѣтъ ровно здравствовать, рабо-

тать, печатать и издавать во славу Славянъ. Дня 5 [17] августа 1845. Гоголь.«

Не извѣстно, когда Гоголь возвратился въ Римъ; но отъ 29 октября онъ ужъ писалъ къ С.Т.Аксакову:

»Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ, что я въ Римѣ. Переѣздъ и дорога значительно помогли; мнѣ лучше. Климатъ римскій подѣйствуетъ, если угодно Богу, такъ же благосклонно, какъ и прежде. А потому вы обо мнѣ не смущайтесь и молитесь. Увѣдомьте объ этомъ также и маменьку мою. Я хотя и написалъ письмо сей же часъ по пріѣздѣ въ Римъ къ ней первой, но вообще за письма мои къ ней я сильно безпокоюсь. Двухъ или трехъ писемъ моихъ *сряду* она не получила. Два изъ этихъ писемъ были очень *нужны*. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почтѣ, пожалуй, еще можетъ одно письмо; но *сряду* писанныя одно за другимъ—это странно. У маменьки есть неблагопріятели, которые уже не разъ ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мнѣ, зная, что этимъ болѣе всего можно огорчить ее. Подозрѣвать кого бы то ни было грѣшно, но все не худо бы объ этомъ развѣдать какимъ-нибудь образомъ, дабы знать, какъ руководствоваться впередъ. Послѣднія письма я даже не смѣлъ адресовать прямо на имя маменьки, но адресовалъ на имя одной ея знакомой, С. В. К***. Письмо, однакоже, изъ Рима было послано на ея собственное имя. Оно отдано мною здѣсь на почту 25 октября здѣшняго штиля. Объ этомъ прошу васъ, другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ, увѣдомить маменьку немедленно, или поручить кому-нибудь изъ вашихъ, кто съ ней въ перепискѣ.

»О себѣ, относительно моего здоровья, скажу вамъ, что холодное лѣченье мнѣ помогло и заставило меня наконецъ увѣриться лучше всѣхъ докторовъ въ томъ, что главное дѣло въ моей болѣзни были нервы, которые, будучи приведены въ совершенное разстройство, обманули самихъ докторовъ и привели было меня въ самое опасное положеніе, заставившее не въ шутку опасаться за самую жизнь мою. Но Богъ спасъ. Послѣ Грефенберга, я съѣздилъ въ Берлинъ, нарочно съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Шоплейномъ, съ которымъ прежде не удалось посовѣтоваться и который особенно талантливъ въ опре-

дѣленіи болѣзней. Шоплейнъ утвердилъ меня еще болѣе въ семъ мнѣніи, но дивился докторамъ, пославшимъ меня въ Карлсбадъ и Гастейнъ. По его мнѣнію, сильнѣй всего у меня поражены были нервы въ желудочной области, такъ называемой системѣ nervoso fascoloso, одобрилъ поѣздку въ Римъ, предписалъ вытиранье мокрою простыней всего тѣла по утрамъ, всякой вечеръ пилюлю, двѣ какія-то гомеопатическія капли поутру, а съ началомъ лѣта и даже весною—ѣхать непремѣнно на море, преимущественно сѣверное, и пробыть тамъ, купаясь и двигаясь на морскомъ воздухѣ, сколько возможно болѣе времени,—ни въ какомъ случаѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ.«

1845 годъ былъ замѣчателенъ въ жизни Гоголя по какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не совсѣмъ ясно упоминаетъ онъ въ короткомъ письмѣ къ г. Плетневу, написанномъ по выздоровленіи отъ опасной болѣзни. Вотъ это письмо:

»Римъ. 18 ноября (1845).

»Посылаю тебѣ свидѣтельство о моемъ существованіи на свѣтѣ. Существованіе мое точно было въ продолженіе нѣкотораго времени въ сомнительномъ состояніи. Я едва было не откланялся; но Богъ милостивъ: я вновь почти оправился, хотя остались слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовалъ доселѣ. Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ только согрѣюсь и сяду отдохнуть, остываю въ нѣсколько минутъ, хотябы комната была тепла, и вновь принужденъ бѣжать согрѣваться. Положеніе тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу, или, лучше, мнѣ некогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чувствую въ себѣ и голову, и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу тебѣ только то, что много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля пославшаго мнѣ скорби и все то, чтó мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія! Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя какъ слѣдуетъ для труда моего; мертво и хо-

людно было-бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама *правда.*«

Въ слѣдующемъ письмѣ къ г. Плетневу Гоголь яснѣе раскрываетъ свое душевное состояніе.

»Римъ. 20/8 февраля, 1846.

»Я не отвѣчалъ тебѣ вдругъ на твое милое письмо [отъ 2/14 Ноября 1845 г., С.-Петербургъ] потому, что, во первыхъ, тяжкое болѣзненное состояніе овладѣло было мною съ новою силою и привело меня въ такое странное состояніе, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое-нибудь сказать о себѣ слово; во вторыхъ, я ожидалъ, не дождусь ли отвѣта на мое письмо, отправленное къ тебѣ еще въ прошломъ году, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о моемъ существованіи, которое я взялъ изъ здѣшней миссіи. Увѣдомь меня теперь объ этомъ поскорѣе и пришли всѣ деньги, какія мнѣ слѣдуютъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Съ С***ой уравняемся послѣ. Мнѣ нужно теперь сдѣлать ѣзды и путешествія какъ можно больше. Изъ всѣхъ средствъ, какія я ни предпринималъ для моей странной болѣзни, донынѣ это одно мнѣ помогало. Тяжки и тяжки мнѣ были послѣднія времена, и весь минувшій годъ такъ былъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. Болѣзненныя состоянія до такой степени [въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго] были невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе. А между тѣмъ Богъ такъ былъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться. И тѣ душевныя страданія, которыхъ доселѣ я испыталъ много и много, замолкнули вовсе, и среди страданій тѣлесныхъ выработались въ умѣ моемъ (?) ...такъ что во время дороги и предстоящаго путешествія я примусь съ Божьимъ благословеніемъ писать, потому что духъ мой становится въ такое время свѣжимъ и расположен(нымъ) къ дѣлу. О, какъ премудръ въ Своихъ дѣлахъ Управляющій нами! Когда я разскажу тебѣ потомъ всю чудную

судьбу мою и внутреннюю жизнь мою [когда мы встрѣтимся у родного очага] и всю открою тебѣ душу, все поймешь ты тогда до единаго во мнѣ движенья и не будешь изумляться ничему тому, что теперь такъ тебя останавливаетъ и изумляетъ во мнѣ. Другъ мой, повторяю вновь тебѣ, люби меня, люби на вѣру. Вотъ тебѣ мое честное слово, что ты былъ во многомъ заблужденіи на счетъ многаго во мнѣ, и многое принято тобою въ превратномъ смыслѣ и вовсе въ другомъ значеніи, и горько мнѣ, горько было отъ того въ одно время, такъ горько, какъ ты даже и представить себѣ не можешь. Скажу также тебѣ, что не дѣло литературы и не слава меня занимала въ то время, какъ ты думалъ, что они только и составляютъ жизнь мою. Ты принялъ платье за то тѣло, которое должно было облекать платье. *Душа и дѣло душевное* меня занимали, и трудную задачу нужно было разрѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставлялъ на видъ. Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя и всякія горькія и трудныя минуты, и всякія недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, и все на то, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во вѣки. Вотъ все, что могу тебѣ сказать впередъ: остальное все договоритъ тебѣ мое же твореніе, если угодно будетъ святой волѣ ускорить его.«

Въ трехъ слѣдующихъ письмахъ Гоголя къ П. А. Плетневу, сквозь болѣзненные стоны немощной его физической природы, слышно торжество души, увѣренной, что близко время, когда она совершитъ нѣчто истинно полезное ближнимъ. Теперь понятны намъ всѣ намеки этихъ писемъ, но я помню, въ какое недоумѣніе поставлялъ Гоголь своего корреспондента своими загадочными обѣщаніями. Не было тогда и предчувствія, чтобы авторъ »Мертвыхъ Душъ« пожелалъ явиться передъ публикой безъ всякаго художественнаго покрова...

1.

«21 мая, 1846 г.

Пишу къ тебѣ на выѣздѣ изъ Рима и посылаю свидѣтельство о моей жизни. Деньги присылай во Франкфуртъ на имя Жуковскаго.

У него я пробуду съ недѣлю, можетъ быть, и потомъ вновь въ дорогу по сѣверной Европѣ. Перемежевываю сіи разъѣзды холоднымъ купаньемъ въ Грефенбергѣ и купаньемъ въ морѣ: два средства, которыя и по докторскому отзыву, и по моему собственному опыту, мнѣ можно только употреблять. Какъ я ни слабъ и хилъ, но чувствую, что въ дорогѣ буду лучше, и вѣрю, что Богъ воздвигнетъ мой духъ до надлежащей свѣжести совершить мою работу всюду, на всякомъ мѣстѣ и въ какомъ бы ни было тяжкомъ состояніи тѣла: лежа, сидя или даже не двигая руками. О комфортахъ не думаю. Жизнь наша—трактиръ и временная станція: это уже давно сказано. О всемъ прочемъ скоро увѣдомлю. Мнѣ настоитъ о многомъ съ тобою поговорить.«

2.

»Карлсбадъ. Іюля 4, 1846 г.

»Не знаю, получилъ ли ты мое послѣднее письмо изъ Рима со вложеніемъ свидѣтельства о моей жизни. По крайней мѣрѣ твоего отвѣта я еще не нашелъ, бывши во Франкфуртѣ назадъ тому мѣсяцъ. Теперь я заѣзжалъ въ Грефенбергъ, чтобы вновь нѣсколько освѣжиться холодною водою, но это лѣченіе уже не принесло той пользы, какъ въ прошломъ году. Дорога дѣйствуетъ лучше. Видно, на то воля Божія, и мнѣ нужно болѣе чѣмъ кому-либо считать свою жизнь безпрерывной дорогой и не останавливаться ни въ какомъ мѣстѣ иначе, какъ на временный ночлегъ и минутное отдохновеніе. Головѣ моей и мыслямъ лучше въ дорогѣ; даже я зябну меньше въ дорогѣ, и сердце мое слышитъ, что Богъ мнѣ поможетъ совершить въ дорогѣ все то, для чего орудія и силы во мнѣ доселѣ созрѣвали.

»Покамѣстъ тебѣ маленькая просьба [предвѣстіе большой, которая послѣдуетъ въ слѣдующемъ письмѣ]. Жуковскому нужно, чтобы публика была нѣсколько приготовлена къ принятію »Одиссеи«. Въ прошломъ году я писалъ къ Языкову о томъ, чѣмъ именно нужна и полезна въ наше время »Одиссея« и что̀ такое переводъ Жуковскаго. Теперь я выправилъ это письмо и посылаю его для напечатанія въ началѣ въ твоемъ журналѣ, а потомъ во всѣхъ тѣхъ журналахъ, которые больше расходятся въ публикѣ, въ видѣ статьи, заим-

ствованной изъ »Современника«, съ оговоркой въ родѣ слѣдующей: »*Зная, какъ всѣмъ въ Россіи любопытно узнать что-либо о важномъ трудѣ Жуковскаго, выписываемъ письмо о ней Н. Гоголя, помѣщенное въ такомъ-то номерѣ Современника*«. Нужно особенно, чтобы въ провинціяхъ всякое простое читающее сословіе знало хоть что-нибудь объ этомъ и ждало бы съ повсемѣстнымъ нетерпѣніемъ; а потому сообщи немедленно потомъ и въ »Пчелу«, и въ »Инвалидъ«, и въ »О. З.« и даже въ «Б. для Ч.«, если примутъ. Въ Москву я самъ пошлю экземпляръ того же письма.

»Недѣли черезъ двѣ жди отъ меня просьбы другой, которую я знаю, что ты выполнишь охотно, а до того не негодуй на меня ни за что̀ прежнее, что̀ приводило тебя въ недоумѣніе. Приходитъ уже то время, въ которое все объяснится. Обнимаю тебя впередъ, слыша сердцемъ, что ты меня обнимешь такъ, какъ еще не обнималъ дотолѣ.«

3.

»Іюля 20 (1846) Швальбахъ.

»Отъ Жуковскаго я получилъ вексель. Ожидалъ отъ тебя письма съ увѣдомленіемъ о томъ, останешься ли ты на лѣто въ Петербургѣ, или ѣдешь куда, что̀ мнѣ было весьма нужно знать для моихъ соображеній; но письма не было. На мѣсто его записка къ Жуковскому, гдѣ, какъ мнѣ показалось, есть даже маленькое неудовольствіе на меня. По крайней мѣрѣ ты выразился такъ: »Гоголь не выставилъ даже, по обыкновенію своему, числа«. Другъ мой, у нѣкоторыхъ людей составилось обо мнѣ мнѣніе, какъ о какомъ-то вѣтренникѣ, или человѣкѣ, пребывающемъ гдѣ-то въ пустыхъ мечтахъ. Не стыдно ли и тебѣ туда же? Одинъ, можетъ быть, человѣкъ нашелся на всей Руси, который именно подумалъ болѣе всѣхъ о самомъ *существенномъ*, заставилъ себя серьезно подумать о томъ, чѣмъ прежде всего слѣдовало бы каждому заняться изъ насъ, и этому человѣку не хотятъ простить мелкой оплошности и пропуска въ пустякахъ, человѣку притомъ еще больному и страждущему, у котораго бываютъ такія минуты, что не въ силахъ и руки поднять, не только мысли,—не хотятъ извинять! Ну, что̀ тебѣ въ числѣ на верху письма, когда въ свидѣтельствѣ о жизни моей, при немъ приложенномъ, было выставлено число, и я сказалъ,

что, сейчасъ его получивши, сейчасъ спѣшу отправить на почту, а самъ отправиться съ дилижансомъ изъ Рима?

»Но отъ твоего увѣдомленія о мѣстѣ твоего пребыванія теперь у меня многое зависитъ. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, мои вопросы считаются за пустяки, считается ненужнымъ даже и отвѣчать на нихъ, а запросы, мнѣ дѣланные, считаются важными? скажешь: я не отвѣчалъ на многіе мнѣ дѣланные запросы? А что̀ если я докажу, что отвѣчалъ, но отвѣта моего не съумѣли услышать? Другъ мой, тяжело! Знаешь ли, какъ трудно мнѣ писать къ тебѣ? Или ты думаешь, я не слышу духа недовѣрчивости ко мнѣ, думаешь, нечувствую того, что тебѣ всякое слово мое кажется неискреннимъ и чудится тебѣ, будто я играю какую-то комедію? Другъ мой, смотри, чтобы потомъ, какъ все объяснится, не разорвалось бы отъ жалости твое сердце. Я съ своей стороны употреблялъ по крайней мѣрѣ все, что̀ могъ: просилъ повѣрить мнѣ на честное слово, но моему честному слову не повѣрили. Что̀ мнѣ было больше сказать? Что̀ другое могъ сказать тотъ, кто не могъ себя высказать? А говорилъ давно: »У меня другое дѣло, у меня душевное дѣло; не требуйте покуда »отъ меня ничего, не создавайте изъ меня своего идеала, не застав»ляйте меня работать по какимъ-нибудь планамъ, отъ васъ начертан»нымъ. Жизнь моя другая, жизнь моя внутренняя, жизнь моя покуда »вамъ недовѣдомая. Потерпите, и все объяснится. Каплю терпѣнія...« Но терпѣнія никто не хотѣлъ взять, и всякъ слова мои считалъ за фантазіи. Другъ мой, не думай, чтобы здѣсь какой-нибудь былъ упрекъ тебѣ. Крѣпко, крѣпко тебя цѣлую! вотъ все, что̀ могу сказать, потому что ты обвинишь себя потомъ гораздо больше, чѣмъ ты виноватъ въ самомъ дѣлѣ. Вины твоей нѣтъ никакой. Великъ Богъ, все совершающій въ насъ для насъ же. Ты выполнишь какъ вѣрный другъ ту просьбу, которую я тебѣ изложу въ слѣдующемъ письмѣ, которую, я знаю, тебѣ будетъ пріятно выполнить, и послѣ ней все объяснится.

»Здоровье то тяжело, то вдругъ легко—душа слышитъ свѣтъ. Свѣтло будетъ и во всѣхъ душахъ, омрачаемыхъ сомнѣніями и недоразумѣніями!

»Недавно я встрѣтивъ одного петербургскаго моего знакомаго,

по фамиліи А***, который вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ и съ Прокоповичемъ. Онъ мнѣ объявилъ, что Прокоповичъ послалъ мнѣ въ началѣ прошлаго 1845 г. четыре тысячи руб. ассигн. во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго. Этихъ денегъ я не видалъ и въ глаза (¹); но еслибы получилъ ихъ, то отправилъ бы немедленно къ тебѣ. Упоминаю объ этомъ вовсе не для того, чтобы тебя вновь чѣмъ-нибудь затруднить по этому дѣлу, но единственно затѣмъ, чтобы довести это къ твоему свѣдѣнію. Въ дѣлѣ этомъ судья и господинъ Богъ, а ты исполнилъ съ своей стороны все, что только можно было требовать отъ благороднаго человѣка.«

Для московскихъ друзей Гоголя изготовляемая имъ къ печати книга оставалась совершенною тайною. Въ письмахъ къ нимъ замѣтно было только ненормальное внутреннее состояніе его и самый почеркъ его обнаруживалъ какое-то волненіе. Вотъ одно изъ такихъ писемъ къ Т.С. Аксакову.

»1846. Римъ 23 марта.

»Письмо ваше отъ 23 генваря я получилъ. Благодарю васъ много за присылку стиховъ Ивана Сергѣевича. Въ нихъ много таланта, особенно въ первомъ, т. е. въ стихахъ, начинающихся такъ:

»Среди удобныхъ и лѣнивыхъ
Упорно медленныхъ работъ...

Я удивляюсь только, почему они лучше послѣднихъ, тогда какъ бы слѣдовало быть послѣднимъ лучше первыхъ: человѣкъ долженъ идти впередъ. Прежнихъ стиховъ, вами посланныхъ къ Жуковскому, я не получалъ. Жуковскій не упоминаетъ даже ни слова въ письмахъ своихъ, была ли какая-нибудь къ нему посылка на мое имя. Я послалъ, однакожъ, къ нему запросъ, на который доседѣ еще нѣтъ отвѣта. Благодарю также О*С* за сообщеніе прекрасной проповѣди Филарета, которую я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ.

(¹) Причина пропажи этихъ денегъ объяснится въ дальнѣйшихъ письмахъ. *Н.М.*

»На счетъ недуговъ нашихъ скажу вамъ только то, что, видно, они нужны и намъ всѣмъ необходимы. А потому, какъ ни тяжко переносить ихъ, но, скрѣпя сердце, возблагодаримъ за нихъ впередъ Бога. Никогда такъ трудно не приходилось мнѣ, какъ теперь, никогда такъ болѣзненно не было еще мое тѣло. Но Богъ милостивъ и даетъ мнѣ силу переносить, даетъ силу отгонять отъ души хандру, даетъ минуты, за которыя не знаю и не нахожу словъ, какъ благодарить. Итакъ все нужно терпѣть, все переносить и всякую минуту повторять: »Да будетъ и да со вершится Его святая воля надъ нами!

»Покамѣсть прощайте до слѣдующаго письма. Зябкость и усталость мѣшаютъ мнѣ продолжать, хотя и желалъ бы вамъ писать болѣе. Доселѣ изо всѣхъ средствъ, болѣе мнѣ помогавшихъ, была ѣзда и дорожная тряска; а потому весь этотъ годъ обрекаю себя на скитаніе, считая это необходимымъ и, видно, законнымъ опредѣленіемъ свыше. Лѣтомъ полагаю объѣздить мѣста, въ которыхъ не былъ въ Европѣ сѣверной, на осень въ южную, на зиму въ Палестину, а весной, если будетъ на то воля Божія, въ Москву; а потому слѣдующія письма адресуйте къ Жуковскому. А всѣхъ вообще просите молиться обо мнѣ, да путешествіе мое будетъ мнѣ во спасеніе душевное и тѣлесное и да успѣю хотя во время его, хотя въ дорогѣ, совершить тотъ трудъ, который лежитъ на душѣ. Пусть О*С* объ этомъ помолится и всѣ тѣ, которые любятъ молиться и находятъ усладу въ молитвахъ.«

Слѣдующее небольшое письмецо къ тому же другу, писанное въ концѣ 1846 года, показываетъ, въ какомъ торжествующемъ состояніи духа былъ Гоголь, ожидавшій появленія своей книги въ печати.

»Что̀ вы, добрый мой, замолчали, и никто изъ васъ не напишетъ мнѣ ни словечка? Я, однакожъ, знаю почти все, что̀ съ вами ни дѣлается; чего не дослышалъ слухомъ, дослышала душа. Принимайте покорно все, что̀ ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, Который насъ создалъ и знаетъ лучше, что̀ намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро! Не вслѣдствіе какой-либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ, и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы

я, чтобы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣвамъ умъ, (какъ) помочь. Ради самаго Христа, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ.«

Въ 1846 года одинъ изъ петербургскихъ художниковъ просилъ у Гоголя, чрезъ посредство П. А. Плетнева, позволенія напечатать вторымъ изданіемъ первый томъ »Мертвыхъ Душъ«, съ политипажами, въ числѣ 3,600 экземпляровъ. Онъ желалъ пользоваться этимъ правомъ въ теченіе трехъ лѣтъ и предлагалъ за него Гоголю 1,500 рублей серебромъ наличными деньгами. Отвѣтъ Гоголя, въ письмѣ его изъ Рима, отъ 20 марта 1846 года, придаетъ новую черту его строго-художническому характеру. Вотъ это письмо:

»....Художнику Б*** объяви отказъ. Есть много причинъ, вслѣдствіе которыхъ не могу покамѣсть входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда она выправится и явится въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ явиться; во вторыхъ, потому, что, по странной участи, постигавшей изданіе моихъ сочиненій, выходила всегда какая-нибудь путаница или безтолковщина, если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ. А въ третьихъ, я врагъ всякихъ политипажей и модныхъ выдумокъ. Товаръ долженъ продаваться лицомъ, и нечего его подслащивать этимъ кандитерствомъ. Можно было бы допустить излишество этихъ родовъ только въ такомъ случаѣ, когда оно слишкомъ художественно. Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь; да притомъ нужно, чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ, пріобрѣтшимъ полную извѣстность, вычищеннымъ, конченнымъ и ненаполненнымъ кучею такихъ грѣховъ, какъ мое.«

Выше было упомянуто, да и изъ самихъ писемъ видно, что Гоголь, въ 1845 году, былъ опасно боленъ. Однажды онъ ужъ касался черты, отдѣляющей человѣка отъ жизни съ ея очарованіями и заблужденіями и въ это время все, что̀ напечаталъ онъ, естественно, представилось ему слишкомъ ничтожнымъ, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была полна душа его, проникнутая высшимъ безстрастіемъ и

великими предчувствіями иной жизни. Обозрѣвая съ духовной высоты своей все пройденное поприще, онъ находилъ только свои письма къ друзьямъ произведеніями, обѣщающими пользу ближнему, и потому составилъ завѣщаніе—издать выборъ изъ нихъ послѣ смерти. Но здоровье и употребленіе моральныхъ силъ возвратились къ нему еще одинъ разъ. Тогда, не теряя времени, онъ собралъ у своихъ друзей лучшія свои письма и выбралъ изъ нихъ то, что̀, по его мнѣнію, должно было »искупить безполезность всего дотолѣ имъ напечатаннаго.«

Между тѣмъ въ обществѣ еще не было извѣстно, что̀ произошло въ душѣ Гоголя, ибо онъ только изрѣдка, и то передъ ближайшими друзьями, приподнималъ покровъ съ души своей. Всѣ считали Гоголя еще прежнимъ Гоголемъ, всѣ ожидали отъ него втораго тома »Мертвыхъ Душъ«, въ мыслѣ произведенія юмористическаго, и, можетъ быть, немногіе только помнили его намекъ на »незримыя, невѣдомыя міру слезы«...

Въ это время вдругъ падаетъ на столъ къ г. Плетневу его рукопись, исполненная странныхъ признаній, воплей души, томящейся въ ея грѣховной тѣснотѣ, проповѣдей, облеченныхъ всею грозою красноречія, указующаго прямо на болящія раны сердецъ, полу-дозрѣлыхъ убѣжденій и горькаго сарказма. То была извѣстная теперь каждому »Переписка съ Друзьями«. Она произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его введутъ въ огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны; пламя хлещетъ въ гортань печей, утоляя неутолимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ, всепожигающимъ потопомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и шипѣнье; вездѣ загадочное, по видимому, безпорядочное и зловѣщее движеніе. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшеюся фабрикою. Такъ именно — по крайней мѣрѣ на пишущаго эти строки — подѣйствовала »Переписка съ

Друзьями«. Это была распахнутая внезапно дверь во внутреннюю мастерскую Гоголя, въ тотъ моментъ, когда въ ней кипѣла самая жаркая работа и когда онъ находился въ напряженномъ, трепетномъ и вмѣстѣ энергически-восторженномъ состоянiи духа, подобно тому, какъ Бенвенуто Челлини при отлитiи колоссальной статуи Персея. Но тутъ работа была громаднѣе и опасность больше. Еслибы не направилъ Гоголь куда слѣдуетъ потоковъ души своей, расплавленной высшимъ поэтическимъ огнемъ, собственный пламень сжегъ бы его и собственный приливъ мыслей, чувствъ и глубокихъ душевныхъ сокрушенiй уничтожилъ бы его въ минуту высочайшихъ поэтическихъ предчувствiй. Вотъ почему такъ сжалось за него сердце у каждаго истиннаго цѣнителя его таланта, хотя никто не могъ тогда объяснить себѣ, чего именно надо опасаться. Книга вышла въ свѣтъ во всей странности новаго покроя своихъ мыслей, и всюду повторились разнообразно ощущенія, испытанныя въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ Гоголева друга.

Прежде, однакожъ, нежели представлю, какъ эти ощущенія выразились печатно и письменно и каковы были послѣдствiя того, считаю нужнымъ помѣстить письма Гоголя къ П. А. Плетневу по поводу изданiя «Переписки съ Друзьями.«

XXIV.

Письма къ П. А. Плетневу по поводу изданія »Переписки съ Друзьями«: тайна, въ которой должно было быть сохранено дѣло;—расчеты на большой сбытъ экземпляровъ;—поправки;—высокое мнѣніе автора о значенiи книги;—искренняя преданность къ Царствующему Дому;—о нуждающихся въ помощи;—кому послать экземпляры;—объ изданiи »Ревизора съ Развязкой«;—сожалѣніе о перемѣнѣ редакцiи »Современника«;—о сообщенiи толковъ и критическихъ статей;—о второмъ изданiи »Переписки съ Друзьями«;—о малодушiи въ стремленiи къ добру;—взглядъ Гоголя на самого себя и на дружескія связи съ знатными людьми;—отношеніе »Переписки съ Друзьями« къ »Мертвымъ Душамъ«.

1.

»Iюля 30 (1846). Швальбахъ.

»Наконецъ моя просьба! Ее ты долженъ выполнить, какъ наи-

вѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги, подъ названіемъ: *Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями*. Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ—вотъ что̀ покамѣсть могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга. Къ концу ея печатанія, все станетъ ясно, и недоразумѣнія, тебя доселѣ тревожившія, изчезнутъ сами собою. Здѣсь посылается начало. Продолженіе будетъ посылаться немедленно. Жду возвратно нѣкоторыхъ писемъ еще, но за этимъ остановки не будетъ, потому что достаточно даже и тѣхъ, которыя мнѣ возвращены. Печатаніе должно происходить въ тишинѣ: нужно, чтобы, кромѣ ценсора и тебя, никто не зналъ. — — Возьми съ него также слово никому не сказывать о томъ, что выйдетъ моя книга. Ее нужно отпечатать въ мѣсяцъ, чтобы къ половинѣ сентября она могла уже выйдти. Печатать на хорошей бумагѣ, въ 8 долю листа средн. формата, буквами четкими и легкими для чтенія; размѣщеніе строкъ такое, какъ нужно для того, чтобы книга наиудобнѣйшимъ образомъ читалась. Ни виньетокъ, ни бордюровъ никакихъ; сохранить во всемъ благородную простоту. Фальшивыхъ титуловъ передъ каждою статьею не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой страницѣ, и былъ бы просторный пробѣлъ отъ заглавія до текста. Печатай два завода и готовь бумагу для второго изданія, которое, по моему соображенію, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга. Вслѣдъ за прилагаемою при семъ тетрадью будешь получать безостановочно другія. Надѣюсь на Бога, что онъ подкрѣпитъ меня въ сей работѣ. Прилагаемая тетрадь занумерована № 1; въ ней предисловіе и шесть статей, и того семь; да включая сюда еще статью объ »Одиссеѣ«, посланную мною къ тебѣ за мѣсяцъ передъ симъ, которая въ печатаніи должна слѣдовать непосредственно за ними,—всего восемь. Страницъ въ прилагаемой тетради двадцать.«

2.

»Остенде $^{12}/_{25}$ августа (1846).

»Посылаю тебѣ вторую тетрадь. Въ ней отдѣльно отъ первой

27 страницъ, а въ совокупности съ нею 47, что̀ значится по выставленнымъ цифрамъ на каждой страницѣ. Статей же въ обѣихъ тетрадяхъ, вмѣстѣ съ прежде посланной отдѣльно объ »Одиссеѣ«, четырнадцать, а съ предисловіемъ пятнадцать. Это составитъ почти половину книги. Увѣдоми покамѣсть, на сколькихъ печатныхъ страницахъ все это размѣщается. Остальныя тетради будутъ высылаться немедленно; по крайней мѣрѣ со стороны моей лѣности не будетъ никакого помѣшательства. Работаю отъ всѣхъ силъ надъ перечисткой, передѣлкой и переписк ой. Море, въ которомъ я теперь купаюсь, благодаря Бога, освѣжаетъ и даетъ силы меньше уставать и изнуряться. Молю и тебя не уставать и не пренебрегать наидобросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ этого дѣла. Вновь повторяю просьбу, чтобы, до времени выпуска въ свѣтъ книги, никто о ней, кромѣ тебя и цензора Никитенка, свѣдѣнія не имѣлъ. Типографію избери менѣе шумную, въ которую вхожъ былъ бы ты одинъ и которую почти вовсе не посѣщали бы литераторы-щелкоперы. Въ прежнемъ письмѣ я уже просилъ о томъ, чтобы печатать не слишкомъ разгонисто, не слишкомъ тѣсно, но именно такъ, чтобы книга легко и удобно читалась. Бумагу поставить лучшаго сорта, но не до такой степени тонкую, чтобы строки сквозили насквозь. Это и скверно для глазъ, и неудобно для чтенія. О полученіи этой тетради увѣдоми немедленно, адресуя по прежнему на имя Жуковскаго. Я забылъ въ статьѣ: *О помощи Бѣднымъ* сдѣлать поправку, — именно: середина этой статьи послѣ словъ: *туда несите помощь*, слѣдуетъ поставить такъ: »но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно христіянскимъ образомъ; »если же она будетъ состоять въ одной только выдачѣ денегъ, она »ровно ничего не будетъ значить и не обратится въ добро.« И потомъ въ той же статьѣ, немного повыше, поставлено, кажется, неправильно слово *расхлестывается*. Лучше поставить: *расхлещется*. Впрочемъ, ты самъ не пренебреги исправить ошибки въ слогѣ, какія тебѣ ни попадутся. У меня и всегда слогъ бывалъ нещегольской, даже и въ болѣе обработанныхъ вещахъ, а тѣмъ пуще въ такихъ письмахъ, которыя въ началѣ вовсе не готовились для печати.«

3.

»Сентября 12 нов. ст. (1846) Остенде.

»Посылаю тебѣ третью тетрадь. Въ ней семь статей, а съ прежними 21; страницъ тридцать двѣ, а съ прежними 80. Не сердись, если не такъ скоро высылаю. Вины моей нѣтъ: тружусь отъ всѣхъ силъ. Нѣкоторыя письма нужно было совсѣмъ передѣлать: такъ они оказались неопрятны. Еще двѣ небольшія тетреди, и все будетъ кончено. Не лѣнюсь ни капли; даже черезъ это не выполняю какъ слѣдуетъ лѣченія на морскихъ водахъ, гдѣ до сихъ поръ еще пребываю. Прощай. Увѣдоми о полученіи этой тетради, адресуя къ Жуковскому. Въ мѣсяцъ, надѣюсь на Бога, все будетъ кончено. Книжка выйдетъ въ свѣтъ немного позднѣй, но зато дѣло будетъ прочнѣй. Не скучай за работой и будь бодръ.«

4.

»Остенде. Сентября 26 (1846).

»Посылаю тебѣ четвертую тетрадь. Еще маленькая тетрадка, и конецъ дѣлу. Она будетъ выслана уже изъ Франкфурта, куда теперь ѣду, и будетъ заключать двѣ заключительныя статейки о поэзіи, поэтахъ и еще кое-что, относящееся до собственной души изъ насъ каждаго, безъ чего книга была бы безъ хвоста. О полученіи же четвертой, нынѣ посылаемой тетради увѣдоми меня сей часъ же, адресуя по прежнему на имя Жуковскаго. Это необходимо для моего успокоенія. Въ ней 32 страницы, а считая съ прежними 112; статей 9, а считая съ прежними тридцать. Слогъ изравняй; гдѣ встрѣтишь грамматическія ошибки, поправь. Не скучай за работой. Мужествуй и гляди твердо впередъ. Все будетъ свѣтло. Говорю тебѣ это во имя Бога и обнимаю тебя крѣпко.«

5.

»Франкфуртъ. 3 окт. нов. ст. (1846).

»Письмо твое отъ 27 авг. стар. стиля получилъ. Ничего не успѣваю тебѣ на этотъ разъ сказать. Посылаю только предисловіе ко второму изданію »Мертв. Душъ«, которое дай Никитенкѣ под-

писать и отправь немедленно Шевыреву. О прочемъ въ слѣдующемъ. Спѣшу не опоздать съ почтой.

»Четвертую тетрадь, высланную на прошлой недѣлѣ изъ Остенде, ты, вѣроятно, получилъ. Занятъ пятою, которая будетъ готова съ небольшимъ черезъ недѣлю«.

»Переворота страницу: тамъ есть поправки одного мѣста въ четвертой тетради.

»*Поправки въ статьѣ*: »*Занимающему важное Мѣсто.*«

»Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о дворянствѣ сказано такъ:

»Сословіе это въ своемъ ядрѣ прекрасно, не смотря на шелуху, его облекающую.«

»Нужно такъ:

»Сословіе это въ своемъ истинно русскомъ ядрѣ прекрасно, не смотря на временно наросшую чужеземную шелуху.«

»Въ серединѣ тогоже мѣста о дворянствѣ сказано такъ:

»Государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ въ его истинномъ видѣ.«

»Нужно такъ:

»Государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ въ его истинно русскомъ значеніи, — въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ оно должно быть по духу самой земли нашей.«

6.

»Окт. 16 (1846). Франкфуртъ.

»Тороплюсь отправить тебѣ пятую заключительную тетрадь. Такъ усталъ, что нѣтъ мочи: въ силу сладилъ, особенно со статьей о поэзіи, которую въ три эпохи мои писалъ и вновь сожигалъ, и наконецъ теперь написалъ, потому именно, что она необходима моей книгѣ въ объясненіе элементовъ русскаго человѣка. Безъ этого она бы никогда не написалась, такъ мнѣ трудно писать что-нибудь о литературѣ. Самъ я не вижу, какой стороной она можетъ быть близка къ тому дѣлу, которое есть мое кровное дѣло. Скорбно мнѣ слышать происшедшія неустройства отъ медленности Н****. Но чѣмъ же виноватъ я, добрый другъ мой? я выбралъ его потому, что зналъ его все-таки за лучшаго изъ другихъ — — Н **** лѣнивъ, даже до

невѣроятности: это я зналъ; но у него добрая душа, и на него особенно слѣдуетъ насѣдать лично. Говори ему безпрерывно то, о чемъ и я хочу съ своей стороны ему хорошенько растолковать: что съ книгой не нужно мѣшкать, потому что мнѣ нужно прежде новаго года собрать деньги за ея распродажу, съ тѣмъ чтобы пуститься въ дальнюю дорогу. Путешествіе на Востокъ не то, что по Европѣ. Удобствъ никакихъ, издержекъ множество; а мнѣ нужно сверхъ этого еще и помочь тѣмъ людямъ, которымъ кромѣ меня никто не поможетъ. — — — Извини, что такъ дурно пишу. Усталъ въ полномъ смыслѣ и разболѣлся вновь всѣмъ тѣломъ. Черезъ два дни получишь другое письмо, съ подробнѣйшимъ распоряженіемъ относительно книги, ея выпуска, продажи и прочаго. А между тѣмъ тутъ, въ этой тетради, найдешь вставку и перемѣну къ письму: *О Лиризмѣ нашихъ Поэтовъ.* Нужно выбросить все то мѣсто, гдѣ говорится о значеніи власти Монарха, въ какомъ она должна явиться въ мірѣ. Это не будетъ понятно и примется въ другомъ смыслѣ. Къ тому же сказано нѣсколько нелѣпо. О немъ послѣ когда-нибудь можно составить умную статью. Теперь выбросить нужно ее непремѣнно, хотя бы статья была и напечатана, и на мѣсто ея вставить то, что написано на послѣдней страницѣ тетради.

»Кусокъ, который слѣдуетъ выбросить, начинается словами: »Значеніе полномочной власти Монарха возвысится еще« и проч. и оканчивается словами: »Такое опредѣленіе не проходило еще европейскимъ правовѣдцамъ.«

7.

»Франкфуртъ, 20 окт. (1846.)

»Назадъ тому два дни, отправилъ къ тебѣ пятую и послѣднюю тетрадь. Отъ усталости и отъ возвращенія вновь многихъ болѣзненныхъ недуговъ, не въ силахъ былъ написать объ окончательныхъ распоряженіяхъ. Пишу теперь. Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанію книги. Это нужно, нужно и для меня, и для другихъ; словомъ—нужно для общаго добра. Мнѣ говоритъ (это) мое сердце и необыкновенная милость Божія, давшая мнѣ силы потрудиться тогда, когда я не смѣлъ уже и думать о томъ, не

смѣлъ и ожидать потребной для того свѣжести душевной. И все мнѣ далось вдругъ на то время: вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ, и продолжалось все это по тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка труда. Это просто чудо и милость Божія, и мнѣ будетъ грѣхъ тяжкій, если стану жаловаться на возвращеніе трудныхъ болѣзненныхъ моихъ (припадковъ). Другъ мой, я дѣйствовалъ твердо во имя Бога, когда, составлялъ мою книгу; во славу Его святаго имени взялъ перо; а потому и разступились передо мною всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка. Дѣйствуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мою, какъ бы дѣлалъ симъ дѣло на прославленіе имени Его, позабывши всѣ свои личныя отношенія къ кому бы то ни было, имѣя въ виду одно только общее добро, — и передъ тобой разступятся также всѣ препятствія.

«Съ Н**** можно ладить, но съ нимъ необходимо нужно имѣть дѣло лично. Письмомъ и запиской ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Въ немъ не то главное, что онъ лѣнивъ, но то, что онъ не видитъ и не чувствуетъ самъ, что онъ лѣнивъ. Я это испыталъ въ бытность мою въ Петербургѣ. Я его заставилъ въ три дни прочесть то, чтó онъ не прочелъ бы самъ по себѣ (въ) два мѣсяца. А послѣ моего отъѣзда, всякая небольшая статья залеживалась у него по мѣсяцу. На него нужно серьезно насѣсть, и на всѣ приводимыя имъ причины отвѣчать одними и тѣми же словами: »Послушайте, все это, чтó вы »говорите, такъ, и могло бы имѣть мѣсто въ другомъ дѣлѣ, но вспом»ните, что всякая минута замедлѣнія разстроиваетъ совершенно всѣ »обстоятельства автора книги. Вы человѣкъ умный и можете видѣть »сами, что въ книгѣ содержится дѣло и предпринята она именно за»тѣмъ, чтобы возбудить благоговѣніе ко всему тому, чтò поставляет»ся намъ всѣмъ въ законъ нашей же Церковью и нашимъ Правитель»ствомъ«. — — Если же имъ одолѣютъ какія-нибудь нерѣшительности отъ всякаго рода нелѣпыхъ слуховъ, которые сопровождаютъ всякій разъ печатанье моей книги, какого бы ни была она рода, то обо всемъ переговори, какъ я уже писалъ въ первомъ письмѣ, съ Алекс. Осиповной и, наперекоръ всѣмъ помѣшательствамъ, ускори выходъ книги.

Какъ кремень, крѣпись, вѣрь въ Бога и двигайся впередъ, и все тебѣ уступитъ!

»По выходѣ книги приготовь экземпляры и поднеси всему Царскому Дому до единаго, не выключая и малолѣтнихъ: всѣмъ Великимъ Князьямъ, дѣтямъ Н***, дѣтямъ М*** Н***, всему семейству М*** П***. Ни отъ кого не бери подарковъ и постарайся отъ этого вывернуться: скажи, что поднесеніе этой книги есть выраженіе того чувства, котораго я самъ не умѣю себѣ объяснить, которое стало въ послѣднее (время) еще сильнѣе, чѣмъ было прежде, въ слѣдствіе котораго все относящееся къ ихъ Дому стало близко моей душѣ, даже со всѣмъ тѣмъ, что̀ ни окружаетъ ихъ, и что поднесеніемъ этой книги имъ я уже доставляю удовольствіе себѣ совершенно полное и достаточное; что въ слѣдствіе и болѣзненнаго своего состоянія, и внутренняго состоянія душевнаго, меня не занимаетъ все то, что̀ можетъ еще шевелить и занимать человѣка, живущаго въ свѣтѣ. Но если кто изъ нихъ предложитъ отъ себя деньги на вспомоществованіе многимъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчу идущихъ на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ, то эти деньги бери смѣло.

»Другъ, много есть людей, требующихъ помощи, о которыхъ мы и не знаемъ и не подозрѣваемъ, но которыхъ страдальческую повѣсть еслибы услышало какое сердце, хотябы самое безчувственное, заныло бы оно отъ скорби. Многимъ художникамъ, многимъ, многимъ талантамъ слѣдуетъ хотя нищенское вспомоществованіе, чтобы не погибнули съ голода, въ буквальномъ смыслѣ. Есть многіе, которые постигнули уже высшую тайну искусства и его высшее призваніе, и для нихъ такъ нужны Святыя Мѣста и евангелическая земля, какъ народу Еврейскому была нужна манна въ пустынѣ. Много есть также людей и на другихъ поприщахъ, которые принесутъ пользу истинную отечеству и все выплатятъ съ избыткомъ, на нихъ употребленное, и которые влекутся непостижимой душевной потребностью на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, именно въ наступающемъ году; а потому, еслибы кто предложилъ изъ постороннихъ для этого деньги, бери и посылай ко мнѣ. Дамъ отчетъ во всякой копѣйкѣ и не брошу никому незаслуженно, если только Богъ не оставитъ вразумленіемъ умъ мой, какъ не оставлялъ доселѣ. Нужно слишкомъ сообра-

жать и взвѣшивать положеніе тѣхъ, которымъ стремишься подать помощь, а особливо если располагаешь не своими, но чужими деньгами.

»Шесть экземпляровъ отдай [тотъ же часъ по выходѣ книги, Софьѣ Мих. С*** съ присоединеніемъ прилагаемаго письма. Шесть экземпляровъ и седьмой, съ подписаніемъ цензора на второе изданіе, отправь немедленно въ Москву къ Шевыреву. Второе изданіе должно быть напечатано въ Москвѣ ради несравненно большей дешевизны и ради отдыха тебѣ. Шесть экземпляровъ отправь моей матери, съ надписаніемъ: »Ея Высокоб. Марьи Ивановнѣ Гоголь, въ Полтаву.« Одинъ экземпляръ въ Харьковъ Иннокентію, съ присоединеніемъ при семъ слѣдующаго письмеца. Два экземпляра въ Ржевъ Тверской губ. священнику Матвѣю Александровичу. Экземпляра же три, а если можно болѣе, отправь немедленно мнѣ съ курьеромъ. Попроси отъ меня лично графиню Н***, давши ей отъ имени моего экземпляръ, скажи ей, что она очень, очень большое сдѣлаетъ мнѣ одолженіе, если устроитъ такъ, что я получу эту книгу въ Неаполѣ найскорѣйшимъ порядкомъ, и попроси ее тоже отъ меня отправить немедленно въ Парижъ два экземпляра графу А.П.Т***. Но не забудь и Жуковскаго. Отдай еще Арк. Р*** три экземпляра съ письмомъ. Вотъ тебѣ все. Кажется, больше никому. Прочіе купятъ.

»Ты спрашивалъ, когда же я въ Россію. Знаетъ это Тотъ, Кто правитъ всѣми нашими обстоятельствами. Что́ касается до меня, то скажу тебѣ, что еще никогда не было во мнѣ желанія такого сильнаго ѣхать въ Россію, и я думаю изъ Іерусалима послѣ свѣтлаго праздника первымъ весеннимъ путемъ на Константинополь и Одессу направить паруса къ берегамъ ея. Хочется очень обнять все близкое душѣ моей, а въ томъ числѣ и тебя «

7.

»Ницца. Ноября 2, 1846.

»Уже долженъ до сихъ поръ ты получить три письма моихъ изъ Франкфурта: одно съ присовокупленіемъ предисловія ко второму изданію »М. Д.«; другое со вложеніемъ пятой и окончательной тетради; третье съ приложеніемъ писемъ къ тѣмъ, которымъ должны быть

и
е.
лѣ
на-
ать
чтó
что
? мы
Отъ
визо-
адле-
ь имъ
арахъ,
ву для
Іосквѣ.
, Хри-
дѣла съ
деньги
раздава-
ымъ въ
во всемъ
ченѣютъ

иски съ
же, ко-
ь, одна-

6).

ь и пред-
которымъ

деньги присылай немедленно на имя посольства въ Неаполь. Жуковскій, вѣроятно послалъ тебѣ изъ Франкфурта свидѣтельство о жизни, вслѣдствіе котораго взявши изъ казначейства всѣ слѣдуемыя мнѣ по означенный день деньги, перешли въ Неаполь. Не позабудь переслать экземпляровъ книги ко всѣмъ тѣмъ, которые поименованы въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Напоминаю еще разъ, кому именно. Царскому Дому всему до единаго,—вели переплетчику переплести для того заблаговременно въ приличные переплеты; Софьѣ Михайловнѣ [прежде всѣхъ] 6 экземпляровъ; Шевыреву въ Москву [со включеніемъ процензурованнаго] 8 экз.; Марьи Ив. Гоголь въ Полтаву 6; Арк. Р*** 3; въ Харьковъ Иннокентію 1; въ Ржевъ священнику Матвѣю Алекс. 2; Жуковскому во Франкфуртъ 1; Гр. А.П.Т*** въ Парижъ 2; мнѣ въ Неаполь сколько можетъ взять курьеръ — отъ трехъ до пяти экз.

»Объ отправкѣ безостаноночной и поспѣшной за границу попроси отъ меня покрѣпче графиню Н***. Скажи, что этимъ она меня крѣпко обяжетъ. Ей дай отъ имени моего экземпляръ; всѣ прочіе купятъ. Вотъ, кажется, все, что относится до окончательныхъ распоряженій по дѣлу книги: »Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«.

»Теперь другая просьба. Въ Петербургъ пріѣдетъ Щепкинъ хлопотать о постановкѣ »Ревизора« въ настоящемъ видѣ ко дню его бенефиса, съ присоединеніемъ доселѣ неиграннаго и неизвѣстнаго публикѣ окончанія піэсы, подъ именемъ »Развязки Ревизора«. Прими Щепкина какъ можно получше, потому что онъ стоитъ того во всѣхъ отношеніяхъ, и окажи ему покровительство и посредничество свое во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ сможешь, какъ относительно театральнаго цензора, такъ и прочаго. А »Ревизора«, вырвавши изъ собранія моихъ сочиненій, гдѣ онъ напечатанъ въ полнѣйшемъ видѣ противу двухъ прежнихъ отдѣльныхъ изданій, поднеси его на процензурованіе Н *** или другому цензору, какому найдешь приличнѣе, присоединивши къ тому и »Развязку Ревизора«, которая находится въ рукописи у Щепкина и которую, разумѣется, нужно переписать. Все это нужно произвести въ двухъ экземплярахъ, потому что »Ревизоръ« долженъ выйти вдругъ разомъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, въ двухъ изданіяхъ [на московскомъ выставить *четвертое*, на петербургскомъ *пятое*].

Выйти онъ долженъ ко дню бенефисовъ обоихъ актеровъ: въ Петербургѣ Сосницкаго, въ Москвѣ Щепкина, такъ чтобы въ день самаго представленія могъ бы тутъ же въ большомъ количествѣ распродаться. Заглавіе ему: *Ревизоръ съ Развязкой, Комедія въ пяти Дѣйствіяхъ съ Заключеніемъ. Соч. Н. Гоголя. Изданіе пятое. Продается въ пользу бѣдныхъ.* Цѣна 1 р. сер. Корректуру его, мнѣ кажется, можно поручить Арк. Р***. Онъ человѣкъ степенный, надежный и дѣло это пойметъ, если ты не откажешься растолковать его и поучить. На его же можешь, я думаю, возложить многое, что̀ будетъ тебѣ тяжело и неудобно. Мнѣ становится уже и скорбно, что я на тебя вдругъ навьючилъ столько дѣлъ, но что̀ жъ дѣлать? мы всѣ труженики. Ты видишь, что я работаю тоже не для себя. Отъ Графини А.М. В*** ты получишь »Предувѣдомленіе къ Ревизору«, изъ котораго узнаешь, какимъ бѣднымъ собственно принадлежатъ деньги за »Ревизора« и какимъ образомъ должна быть имъ произведена раздача. Предувѣдомленіе это, въ двухъ экземплярахъ, поднеси на процензерованіе цензора и отправь одно въ Москву для напечатанія къ Шевыреву, который издастъ »Ревизора« въ Москвѣ. Въ Петербургѣ же долженъ взять это попеченіе на себя ты, Христа ради, а не ради меня. Прими хотя главный надсмотръ и дѣла съ книгопродавцами. Собравши отъ нихъ деньги, ты раздѣли эти деньги поровну между тѣми, на которыхъ возложилъ я обузу быть раздавателями вспомоществованій, какъ все это увидишь изложеннымъ въ предувѣдомленіи. Затѣмъ обнимаю тебя. Крѣпись и мужайся во всемъ и не негодуй на меня. Едва успѣваю писать. Руки мои коченѣютъ и леденѣютъ, хотя въ комнатѣ теплота юга.«

Прерываю рядъ писемъ Гоголя по поводу изданія »Переписки съ Друзьями«, чтобы дать мѣсто письму къ П. А. Плетневу же, которое, хотя трактуетъ о постороннемъ предметѣ, но служитъ, однакожъ, какъ бы продолженіемъ 8-го письма.

»Неаполь. Декабря 8 (1846).

»Ревизора« надобно пріостановить, какъ печатанье, такъ и представленье. Судя по тѣмъ вѣстямъ, которыя имѣю и по нѣкоторымъ

препятствіямъ и наконецъ принимая къ свѣдѣнію нѣкоторыя замѣчанія Шевырева, изложенныя имъ въ письмѣ, которое я сей часъ получилъ, я вижу, что »Ревизоръ съ Развязкой« будетъ имѣть гораздо больше успѣха, если будетъ данъ чрезъ годъ отъ нынѣшняго времени. Къ тому времени я и самъ буду имѣть время получше оглянуть это дѣло, выправить піэсу и приспособить болѣе къ понятіямъ зрителей. Теперь же »Развязка Ревизора«, въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйдти просто смѣшной сценой. А потому, если, къ счастью, еще не отдана въ цензуру рукопись, то удержи ее подъ спудомъ у себя. Если же отдана, то, взявши ее немедленно какъ бы для нѣкоторой поспѣшной перемѣны, положи подъ спудъ, употребивъ елико возможныя мѣры къ тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку.

»Отъ Шевырева я, между прочимъ, узналъ новость, о которой ты меня совсѣмъ не извѣстилъ, а именно: что »Современникъ« уже не въ твоихъ рукахъ — — А я послалъ [ничего объ этомъ не вѣдая], на прошлой недѣлѣ, тебѣ статью *О Современникѣ*, которую ты, вѣроятно, имѣешь уже въ рукахъ и прочелъ. Не смѣю теперь никакихъ дѣлать тебѣ замѣчаній. Онѣ могутъ быть и ошибочны, и не кстати; скажу тебѣ только то, что мнѣ кажется, что теперь, именно въ нынѣшнее время, именно съ наступающаго 1847 года, твое участіе въ литературѣ гораздо нужнѣе, чѣмъ до этого времени; во все же минувшее время оно мнѣ казалось совершенно безплоднымъ; такъ что мнѣ кажется, еслибы ты даже вмѣсто »Современника« сталъ издавать »Сѣверные Цвѣты«, то и это было бы полезно. А впрочемъ да вразумитъ тебя во всемъ Богъ и наведетъ сдѣлать то, что̀ тебѣ слѣдуетъ, что́, вѣроятно, тебѣ извѣстно лучше, чѣмъ кому другому, а въ томъ числѣ и мнѣ. Что̀ же касается до статьи моей, то поступи съ ней, какъ найдешь приличнѣй.«

9.

»Неаполь. Декабря 4 (1846).

»Долго, долго нѣтъ отъ тебя отвѣта. Дѣло, какъ видно, затянулось. Всё бы, однакоже, тебѣ слѣдовало меня увѣдомить хотя

двумя строчками объ исправномъ полученіи моихъ писемъ, съ приложеніями, какъ пятой тетради, такъ и поправокъ, посланныхъ вслѣдъ за нею, писемъ къ Щепкину, В**** и пр. Но не смѣю, впрочемъ, винить тебя, зная, какъ много зависитъ не отъ насъ. Даже не смущаюсь и не безпокоюсь долгимъ молчаніемъ твоимъ. Сердце мое вѣритъ, что все будетъ хорошо и будетъ такъ, какъ быть должно; стало быть, еще лучше, чѣмъ намъ хочется.

»Посылаю тебѣ при семъ прилагаемую статью, которую ты прочти внимательно и дай на нее чистосердечный и немедленный отвѣтъ. Я буду безпокоиться, если не получу его. Сверхъ означеннаго мною числа экземпляровъ книги для посылокъ кому слѣдуетъ, пришли мнѣ еще три, или четыре экземпляра. Къ тебѣ явится Л*** за ними. Ему можешь также поручить и другія присылки ко мнѣ посредствомъ курьеровъ, если тебѣ будетъ хлопотливо и скучно трактовать объ этомъ съ графиней Н***. Впрочемъ она добрая женщина, и я увѣренъ, что она постарается о томъ, чтобы все дошло поскорѣе въ мои руки. Не поскучай также немедленной отправкой ко мнѣ [также посредствомъ курьера] всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя получились отъ разныхъ лицъ съ замѣчаніями на »М. Души«. Эти письма мнѣ очень, очень нужны,—однимъ словомъ, такъ нужны, какъ никто не можетъ знать, кромѣ развѣ одного меня.«

10.

»Неаполь. 1846 г. декабр. 12.

»Мнѣ пришло въ мысль: не пропадаютъ ли твои письма. Иначе ничѣмъ другимъ я не могу себѣ объяснить твоего молчанія. Во всякомъ стучаѣ вексель съ деньгами, слѣдуемый мнѣ изъ казначейства, долженъ бы быть уже здѣсь, по моему расчету, мѣсяцъ назадъ тому. Или Жуковскій позабылъ тебѣ послать свидѣтельство о моей жизни? Я взялъ здѣсь вновь свидѣтельство и посылаю его на всякій случай. Хорошо, что я здѣсь встрѣтилъ знакомыхъ и могъ занять у нихъ. Не то, была бы бѣда. Въ чужой землѣ, знаешь самъ, не весьма весело сидѣть безъ денегъ. Я безпокоюсь не шутя на счетъ пропажи. Зная тебя за человѣка акуратнаго, не могу никакъ допустить, чтобы ты могъ позабыть. Странно, что эти денежныя за-

медлѣнія случились именно въ это время, когда деньги, такъ сказать, лежатъ въ моемъ собственномъ сундукѣ, и нужно только протянуть руку, чтобы оттуда достать ихъ. Нужно теперь особенно такъ распорядиться намъ, чтобы этого не случалось въ наступающемъ году, которой доведется мнѣ изъѣздить по незнакомымъ землямъ, гдѣ не легко будетъ изворачиваться, не имѣя въ рукахъ наличныхъ денегъ. А потому ты присылай впередъ, не дожидаясь моихъ извѣщеній, въ неаполитанское посольство съ курьерами всякую тысячу рублей, по мѣрѣ того, какъ она накопится отъ продажи книги. Лучше мнѣ въ рукахъ имѣть лишнее, чѣмъ рисковать встрѣтить подобный случай, который, какъ ты самъ видишь, можетъ случиться всегда. Увѣдоми, что̀ стало печатанье книги. Я полагалъ приблизительно около 3000 р. Не позабудь также прилагать записку, кому именно изъ книгопродавцевъ и сколько отпущено экземпляровъ, чтобы я могъ держать весь счетъ всегда въ головѣ и не могъ надѣлать, отъ невѣдѣнія его, глупостей и неосмотрительностей. Думаю, что тебѣ не слѣдуетъ говорить о томъ, чтобы не давать безъ денегъ никому изъ книгопродавцевъ. Это ты самъ знаешь, потому что и меня тому выучилъ. По твоей милости, я въ Петербургѣ такъ расторопно распоряжался съ печатаньемъ книгъ своихъ, какъ не знаю, распоряжается ли теперь кто изъ литераторовъ. Книгу мою я, бывало, отпечатаю въ мѣсяцъ тихомолкомъ, такъ что появленіе ея бывало сюрпризомъ даже и для самыхъ близкихъ знакомыхъ. Никогда у меня не бывало никакихъ непріятныхъ возней ни съ типографіями, ни съ книгопродавцами, какъ случилось у Прокоповича. Денежки мнѣ, бывало, принесутъ сполна всѣ напередъ; все это, бывало, у меня тотъ же часъ записано и занесено въ книгу, и сверхъ того весь мой книжный счетъ я носилъ всегда въ головѣ такъ обстоятельно, что могъ наизусть его разсказать весь. Не смотря на то, что я считаюсь, въ глазахъ многихъ, человѣкомъ безпутнымъ и то, что̀ называется поэтомъ, живущимъ въ какомъ-то тридевятомъ государствѣ, я родился быть хозяиномъ и даже всегда чувствовалъ любовь къ хозяйству, и даже, невидимо отъ всѣхъ, пріобрѣталъ весьма многія качества хозяйственныя, и даже много кое-чего укралъ у тебя самаго, хотя этого и не показалъ въ себѣ. Мнѣ слѣдовало до времени, бросивши всю житейскую заботу,

поработать внутренно надъ тѣмъ хозяйствомъ, которое прежде всего долженъ устроить человѣкъ и безъ котораго не пойдутъ никакія житейскія заботы. Но теперь, слава Богу, самое трудное устроется; теперь могу приняться и за житейскія заботы и, можетъ быть, съ такимъ успѣхомъ займусь ими, что даже изумишься, откуда взялся во мнѣ такой положительный и обстоятельный человѣкъ. Когда приведетъ насъ Богъ увидѣться, и усядемся мы въ уютной твоей комнаткѣ, другъ противъ друга, и поведемъ простыя рѣчи, понятныя ребенку, отъ которыхъ будетъ тепло душамъ нашимъ, ты подивишься и возблагоговѣешь передъ путями, которыми ведетъ Богъ человѣка, затѣмъ чтобы привести его къ нему же самому и сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ долженъ онъ быть, вслѣдствіе способностей и даровъ, выпавшихъ на его долю. Но это еще не близко. Обратимся къ дѣлу. Шевыреву ты можешь послать экземпляровъ, сколько онъ ни востребуетъ, для продажи въ Москвѣ. На этого человѣка можно положиться. У него точность, какъ у банкира. Онъ такъ выгодно выпродалъ всѣ мои находившіяся у него книги, такъ изворотливо выплатилъ всѣ мои долги, не оставивъ меня въ невѣдѣніи даже въ послѣдней копѣйкѣ моихъ денегъ, что наиакуратнѣйшій банкиръ ему бы подивился. Тысячу рублей отложи на уплату за письма ко мнѣ, на журналы и на книги, какія выйдутъ позамѣчательнѣй въ этомъ году. Я просилъ Аркадія Р***. заняться пересылкой ихъ, если это окажется тебѣ обременительнымъ и хлопотливымъ. Въ этомъ году мнѣ будетъ особенно нужно читать почти все, что̀ ни будетъ выходить у насъ,—особенно журналы и всякіе журнальные толки и мнѣнія. То, что̀ почти не имѣетъ никакой цѣны для литератора, какъ свидѣтельство бездарности, безвкусія, или пристрастія и неблагородства человѣческаго, для меня имѣетъ цѣну, какъ свидѣтельство о состояніи умственномъ и душевномъ человѣка. Мнѣ нужно знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло; мнѣ всякая строка, какъ притворная, такъ и непритворная, открываетъ часть души человѣка; мнѣ нужно чувствовать и слышать тѣхъ, кому говорю; мнѣ нужно видѣть *личность* публики; а безъ того у меня все выходитъ глупо и непонятно. А потому все, на чемъ ни отпечаталось выраженіе современнаго духа русскаго въ прямыхъ и косыхъ его направленіяхъ, для меня равно нужно; то самое,

что я прежде бросилъ бы съ отвращеніемъ, я теперь долженъ читать. А потому не изумляйся, если я потребую присылать ко мнѣ всѣ газеты и журналы литературные, въ которые тебя не влечетъ даже и заглянуть.«

11.

»Неаполь 1847 г., генв. 5, нов. ст.

»Письмо твое [отъ $\frac{21 \text{ ноя.}}{3 \text{ дек.}}$] получилъ; вексель полученъ за четыре дня прежде. Долгое молчаніе твое я приписывалъ именно не чему другому, какъ затяжкѣ дѣла и препятствіямъ — — Ты свое дѣло сдѣлалъ, хлопоталъ и старался изо всѣхъ силъ; но я своего дѣла не сдѣлалъ — — Если я, благословясь и молясь Богу, составлялъ книгу, взвѣшивая потребности современныя жаждущаго общества и многаго того, чтó покамѣсть не видно поверхностнымъ и ничего нехотящимъ знать людямъ; если я до сихъ поръ нахожусь въ твердомъ убѣжденіи, что книга моя полезна: то будетъ малодушно съ моей стороны остановиться при началѣ и не употребить всѣхъ силъ для того, чтобы довести къ концу дѣло. Если у насъ не будетъ столько любви къ доброму дѣлу, чтобы умѣть бороться изза него съ препятствіями; если мы не станемъ употреблять хотя столько постоянства и настойчивости въ благихъ и добрыхъ подвигахъ, сколько человѣкъ низкій употребляетъ въ низкихъ, въ стремленіи къ своей своекорыстной и низкой цѣли: то гдѣ же тогда заслуга наша передъ добромъ? И чѣмъ же мы тогда доказали нашу любовь къ добру, когда изза него не выдержали даже столько битвъ, сколько выдерживаетъ гадкой человѣкъ изъ своей привязанности къ гадкому? Итакъ, повторяю тебѣ, ты все почти сдѣлалъ, чтó тебѣ казалось очевидно возможно; но я долженъ сдѣлать также отъ себя, чтó мнѣ кажется очевидно возможнымъ — — Если книга уже вышла въ свѣтъ безъ этихъ писемъ, это ничего не значитъ. Это даже еще лучше — — — Какъ только же онѣ будутъ разрѣшены къ печатанію, ты ихъ тотчасъ же отправь въ Москву къ Шевыреву, чтобы онъ ихъ вмѣстилъ во *второе* изданіе, долженствующее печататься въ Москвѣ, прибавивъ къ слову »изданіе« *пополненное и умноженное* — — — По крайней мѣрѣ совѣсть моя тогда будетъ спокойна, и на душѣ моей не останется тогда упре-

ка, что я былъ лѣнивъ и недѣятеленъ въ дѣлѣ, требовавшемъ дѣятельности и благородной устойчивости характера; а безъ того я не могу успокоиться.

»Относительно »Ревизора« ты уже, вѣрно, знаешь мое рѣшеніе— отложить до слѣдующаго 1848 года — — — Я и прежде предполагалъ дать ее (') на театрѣ только въ такомъ разѣ, еслибы протекло значительное разстояніе времени отъ появленія въ свѣтъ моей »Переписки«, чтобы многія мысли успѣли обойтись въ свѣтѣ и въ публикѣ; иначе, все покажется дико и странно. Что же касается до напечатанія, Ревизора« отдѣльно, то это имѣло бы смыслъ и расходъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ піэса возымѣла въ представленіи большой успѣхъ и произвела сильное впечатлѣніе, а безъ этого нечего объ этомъ и думать. »Развязку Ревизора« положи до времени подъ спудъ. Мнѣ нужно будетъ потомъ и самому ее хорошенько пересмотрѣть. Многое нужно будетъ сказать гораздо умнѣе и понятнѣй, чѣмъ тамъ сказано. Да и всего »Ревизора« нужно будетъ хорошенько пообчиститши, дать совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ дается нынѣ на театрѣ. Теперь же на него гадко и противно глядѣть; изъ него актеры сдѣлали такую тривьяльность, что, я думаю, нѣтъ человѣка, которому бы пріятно было на него поглядѣть.

»На счетъ акуратности денежной не безпокойся. Счетъ векселямъ я веду и, кромѣ того, что у меня добрая память, не позабываю все записывать. Все приходится такъ, какъ слѣдуетъ; нигдѣ не проронено ни копѣйки: рубль въ рубль и копѣйка въ копѣйку.

»Не гнѣвайся на меня за то, что я послалъ тебя къ графинѣ Н***. Если найдешь другую скорую оказію переслать мнѣ книги,— конечно хорошо. А если не найдешь, почему не обратиться къ ней, хоть, положимъ, для того, чтобы попробовать? Вѣдь она же не съѣстъ тебя за это! А мнѣ простительно это покушеніе, потому что она исполнила уже одну коммиссію мою въ то время, когда еще не знала меня вовсе лично,—и сама даже вызвалась. Почему жъ мнѣ не подумать, что она и теперь можетъ для меня сдѣлать одолженіе,

---

(') »Развязку Ревизора«. *Н. М.*

уже узнавши меня лично? Вообще, я долженъ тебѣ замѣтить, что ты напрасно считаешь меня человѣкомъ, довѣрчиво предающимся людямъ и полагающимся на всякія сладкія обѣщанія. Въ твоихъ глазахъ, я какой-то прыткій юноша, довольно самолюбивый, котораго можно усластить похвалами и всякими вѣжливыми обхожденіями, со стороны всякаго рода значительныхъ людей; а мнѣ, говорю тебѣ не въ шутку, это приторно, и я чаще знакомлюсь даже съ такими людьми, отъ которыхъ надѣюсь получить именно черствый пріемъ. Мнѣ это нужно для многихъ, многихъ, слишкомъ многихъ причинъ, которыя я бы не умѣлъ даже и повѣдать, и которыхъ ты, можетъ быть, не понялъ бы даже и тогда, еслибы я умѣлъ повѣдать ихъ. Скажу тебѣ только, что настаетъ наконецъ такое время, когда упреки, жесткія слова и даже несправедливые поступки отъ другихъ становятся жизнью и потребностью душевною, и отъ нихъ удивительно уясняется глазъ, ростетъ умъ, силы и—словомъ—ростетъ все въ человѣкѣ... Но чувствую, что это не можетъ быть тебѣ понятно. Ты меня не знаешь. Я думалъ, что многое объяснитъ тебѣ моя книга; но, кажется, ты считаешь ее за маску, которую я только надѣлъ для публики. Иначе, ты не сдѣлалъ бы мнѣ напоминанія во второй разъ, въ концѣ письма твоего — — — Я бы этихъ словъ не сказалъ бы и тому, который еще недавно началъ узнавать людей. Изъ всего того, что́ мною написано, не смотря на все несовершенство написаннаго, можно, однако же, видѣть, что авторъ знаетъ, что́ такое люди, и умѣетъ слышать, что́ такое душа человѣка; а потому не можетъ такъ грубо ошибиться, какъ можетъ ошибиться иной; а потому можетъ даже лучше другого взвѣшивать и свѣтскія отношенія людей къ себѣ, и отношенія людей вообще между собою. Чтобы разъ навсегда было тебѣ, хотя отчасти, понятно, какого рода у меня нынѣшнія отношенія къ людямъ, скажу тебѣ, что не безъ воли Промысла высшаго опредѣлено было мнѣ въ послѣднее время сталкиваться съ человѣкомъ въ его трудныя минуты и въ самыя тяжелыя состоянія душевныя, въ какія только и обнажается передо мною душа человѣка. Вотъ почему мнѣ случилось узнать насквозь многихъ такихъ людей, которыхъ никогда не узнать свѣтскому человѣку со всѣхъ сторонъ. Еслибы случилось мнѣ познакомиться съ тобою

теперь, именно въ последнее время, а не прежде, между нами бы вдругъ завязалась дружба навсегда, между нами никогда не произошло бы никакихъ недоразумѣній. Но я не введенъ былъ никогда вполнѣ въ твою душу. Твоя душа не занемогла тогда никакою скорбью, а потому и не могла обнаружить себя передо мною, да и я не въ силахъ былъ бы тогда ее услышать. Вотъ почему мы, умѣя цѣнить другъ друга, однакоже не знали другъ друга, и не было между нами истинно родного голоса, по которому человѣкъ человѣку въ нѣсколько разъ ближе, чѣмъ братъ брату.

»Еще тебѣ скажу: не думай, что бы я когда либо обольщался словами человѣка даже и тогда, когда меньше зналъ свѣтъ и былъ далеко невоспитаннѣе теперешняго. Драгоцѣнный даръ слышать душу человѣка мнѣ уже былъ издавна дарованъ Богомъ, и въ неразвитомъ своемъ состояніи онъ ужс руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми, и передо мной сами собой отдѣлялись звуки истинные словъ отъ звуковъ фальшивыхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Поэтому я весьма рано сталъ примѣчать, что́ есть дурного въ хорошемъ человѣкѣ и что́ есть хорошаго въ дурномъ человѣкѣ. Ко мнѣ становился человѣкъ вовсе не тою стороною, какою онъ самъ хотѣлъ стать предо мною; онъ становился противувольно той стороной своей, которую мнѣ любопытно было узнать въ немъ; такъ что онъ иногда, самъ не зная какъ, обнаруживалъ себя передо мною больше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ. Итакъ слова твои и предостереженіе, изъявленныя тобою въ концѣ письма, которыя ты даже совѣтуешь мнѣ записать себѣ въ книгу, напрасны: ты ихъ сказалъ въ слѣдствіе того, что поторопился вывести заключеніе изъ дѣлъ, повидимому похожихъ на тѣ, изъ которыхъ выводятся подобныя заключенія, но въ самомъ дѣлѣ не тѣхъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться сдѣланнымъ мнѣ твоимъ замѣчаніемъ, я сдѣлаю тебѣ нѣсколько своихъ замѣчаній и попрошу ихъ записать себѣ разъ навсегда въ свою памятную книжку.

»1) Что люди знатные и вообще находящіеся въ высшихъ кругахъ имѣютъ горькія и скорбныя душевныя минуты и не находятъ даже и средства показать себя съ настоящей и съ лучшей стороны своей, и положенія ихъ, если разсмотришь внимательно все обстана-

вливающія ихъ обстоятельства, такъ бываютъ трудны, что не бываетъ рѣшительно средствъ выйдти изъ необходимости быть въ черствыхъ и холодныхъ сношеніяхъ съ людьми.

»2) Что всѣ живущіе въ Петербургѣ, хорошіе и дурные безъ исключенія, болѣе или менѣе, покрываются, сами не слыша, наружною [очевидною для другихъ и незамѣтною для себя] обмазкою эгоизма,—и, повѣрь, она у всѣхъ насъ. Разсмотри себя построже: ты и въ себѣ отыщешь признаки того. Вопроси построже свою душу, не ближе ли къ ней свои собственныя дѣла и страданія, чѣмъ дѣла и страданія другихъ, не боишься ли (ты) во всякомъ, даже великодушномъ дѣлѣ компрометировать прежде себя, и не отказался ли ты изза этой причины уже отъ многихъ добрыхъ дѣлъ, полезныхъ другимъ?

»3) Что, если мы будемъ смотрѣть на холодный пріемъ, намъ оказанный, и остановимся какой-нибудь невнимательностью къ намъ, которая покажется намъ или пренебреженіемъ къ нашему званію, или неуваженіямъ къ нашимъ достоинствамъ, то никогда не сойдемся мы съ человѣкомъ и никогда не придемъ къ душѣ его, и будемъ вѣчно играть въ жмурки между собою. Но если, не смутясь никакимъ наружнымъ холодомъ, сдѣлаешь прямо приступъ къ душѣ его и скажешь ему открыто: »Я, мимо всѣхъ приличій, пришелъ къ вамъ, въ увѣрен»ности, что благородна душа ваша и свято вамъ чувство добра, и въ »слѣдствіе этого я твердо говорю вамъ: вы должны сдѣлать такое-то »дѣло!« Повѣрь, что тотъ же холодный человѣкъ окажется другимъ послѣ такихъ словъ. Я по крайней мѣрѣ уже испыталъ это.

»Скажу тебѣ, что есть у меня знакомства, которыя начались съ перваго раза даже упреками съ моей стороны, и отъ меня приняты были благодарно такія замѣчанія, которыя отъ другого не были бы приняты и за которыя бы даже на другихъ разсердились. И эти люди сдѣлались вдругъ мнѣ близкими людьми. Нѣтъ, напрасно ты думаешь, что ты знаешь людей, а я ихъ не знаю. Ты знаешь ихъ подъ свѣтской ихъ маской. Я очень понимаю, что на твоемъ мѣстѣ и при твоихъ отношеніяхъ съ ними, нельзя и узнать ихъ иначе. Даже тотъ человѣкъ, который изворотливѣй тебя и болѣе навыкся съ людьми и болѣе твоего одаренъ способностями слышать разнообразныя силы

и способности человѣка, какъ открытыя, такъ и сокровенныя, даже и тотъ по тѣхъ поръ не узнаетъ вполнѣ человѣка, покуда не загорится весь любовью къ человѣку и покуда человѣкъ не сдѣлается его наукою и единственнымъ занятіемъ, а душа человѣческая единственнымъ его помышленіемъ. Если хотя часть такой любви поселится въ душѣ, тогда все простишь человѣку, не оскорбишься никакимъ его пріемомъ; напротивъ, съ любопытствомъ ожидаешь отъ него всего, чтобы видѣть, въ какомъ состояніи душа его и какъ ему помочь потомъ освободиться отъ того, что́ мѣшаетъ оказаться его достоинствамъ въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Даже я, получившій теперь, можетъ быть, одну только песчинку этой любви, уже не могу теперь поссориться ни съ однимъ человѣкомъ, какъ бы онъ несправедливо ни поступалъ со мною. Несправедливый поступокъ мнѣ только даетъ новую власть надъ нимъ: я терпѣливъ, я дождусь своего времени и потомъ выставлю передъ нимъ такъ несправедливость его поступка, что онъ увидитъ самъ эту несправедливость [половина несправедливостей дѣлается отъ невѣдѣнія]; ему сдѣлается совѣстно и, желая загладить вину свою передо мною, онъ уже сдѣлаетъ тогда все, что́ ни прикажу ему, какъ послушный рабъ для господина.

»Другъ мой, не пропусти этихъ словъ. Прочитай письмо мое два, или три раза въ разныя расположенія духа твоего. Почему знать? можетъ быть, въ нихъ заключена правда, именно въ это время нужная душѣ твоей. Не мы управляемъ своими дѣйствіями; незримо правитъ ими Богъ; мы только орудія Его воли, и нами же Онъ говоритъ намъ; а потому не нужно пропускать ничьихъ словъ безъ того, чтобы не разсмотрѣть, что́ изъ нихъ нужно взять въ примѣненье къ самому себѣ.

»Но я заговорился; обращаюсь къ письму твоему. Ты говоришь, чтобы я издательскія распоряженія ограничилъ тобой и Шевыревымъ и не вмѣшивалъ сюда никого. Но я никого и не вмѣшивалъ: по поводу »Развязки Ревизора«, Шевыревъ написалъ безъ моего вѣдома письма къ В*** и В***; онъ позволилъ себѣ распорядиться такъ по случаю болѣзни Щепкина, которому поручено было лично хлопотать объ этомъ. Слово *лично* особенно подтвердилъ Шевыреву потому, что я боюсь переписки и хлопотъ письменныхъ, какъ огня: отъ нихъ

только безтолковщина и недоразумѣнія. А.М.В*** назначена была часть вовсе не издательская: ей поручалась просто раздача суммъ бѣднымъ, въ случаѣ еслибы былъ изданъ »Ревизоръ« и выпроданъ. Этого дѣла никто бы умнѣе ея не могъ произвесть. Я тебѣ особенно совѣтую съ ней познакомиться. У ней есть то, чего я не знаю ни у одной изъ женщинъ: не умъ, а разумъ; но ее не скоро узнаешь: она вся внутри. Р*** я тебѣ совѣтовалъ имѣть въ виду только въ такомъ случаѣ, когда не позволятъ твои собственныя дѣла заняться изданіемъ »Ревизора«, которыхъ я предполагалъ у тебя довольно; теперь же, какъ вижу изъ письма твоего, ихъ даже болѣе, чѣмъ я предполагалъ.

»Р*** я поручалъ еще заняться пересылкою и покупкою мнѣ нововыходящихъ журналовъ и книгъ тоже въ такомъ случаѣ, еслибы тебѣ невозможно и затруднительно было этимъ заняться. Я, признаюсь, думалъ, что ты не повѣришь, чтобы мнѣ такъ нужны были новыя книги, и особенно всякая журнальная дрянь, которая дѣйствительно для многихъ, и особенно для людей умныхъ, есть дрянь, но которая для меня теперь слишкомъ нужна, равно какъ всякое вообще литературное движеніе и голосъ, въ какомъ углу ни раздающійся, истинный, или притворный. Я думалъ, что ты все это примешь за одинъ капризъ и не уважишь такой моей просьбы, и вотъ почему я просилъ Р***, хорошенько узнавши отъ тебя, возможно ли, или невозможно, тебѣ затрудняться самому такими мелочами, взять часть этого дѣла на себя. Много уже моихъ просьбъ, слишкомъ для меня значительныхъ, и вопросовъ, слишкомъ для меня важныхъ, оставлено безъ отвѣта и удовлетворенія, именно потому, что они показались маловажными въ глазахъ тѣхъ людей, къ которымъ были обращены. Итакъ мнѣ извинительно питать въ этомъ отношеніи нѣкоторое недовѣріе вообще ко всѣмъ; мнѣ извинительно думать уже впередъ, что всякое мое слово будетъ принято за капризъ избалованнаго дитяти: такъ не похожи теперь надобности и потребности мои на потребности и надобности другихъ людей. Я очень знаю, что, еслибы я изъяснилъ свою надобность не отрывчатымъ требованіемъ, но изложеніемъ подробнымъ всѣхъ причинъ, было бы ясно какъ день, почему я прошу чего-нибудь; но для всего этого требуется исписывать

кругомъ листы, а для этого у меня нѣтъ времени. А потому я прошу тебя относительно всякаго рода просьбъ и требованій моихъ, поступать такимъ образомъ: всѣ тѣ, которыя покажутся въ твоихъ глазахъ важными, исполнять самому, прочія же передавать другимъ, по усмотрѣнію, кого найдешь изъ нихъ старательнѣй, добрѣй и готовѣй на услугу, сопровождая такими словами: »Не смотрите на то, что предметъ просьбы самъ по себѣ маловаженъ; исполненіемъ такой просьбы вы сдѣлаете большую услугу этому человѣку, которой онъ не позабудетъ во вѣкъ, и, если только вы терпѣливы и можете ожидать конца всякому дѣлу, увидите, что я не лгу и что онъ съумѣетъ потомъ отслужить вамъ.« На счетъ отправки мнѣ литературныхъ новостей, поручи и другимъ узнавать обо всѣхъ ѣдущихъ за границу, чтобы не пропускать никакихъ случаевъ пересылать мнѣ. Я бы совѣтовалъ тебѣ особенно посовѣтоваться съ кн. В*** и Р***, какимъ бы образомъ устроить такъ, чтобы курьеры могли брать мнѣ всѣ новые журналы. Кн. В**** очень хорошъ съ гр. Н***, а Р*** можетъ подвигнуть В.П*** похлопотать, который, по своему доброму расположенію ко мнѣ и вообще по своей доброй душѣ, сдѣлаетъ отъ себя, что́ сможетъ. Кн. В*** ты можешь дать, если онъ того пожелаетъ, просмотрѣть мои письма — — — Онъ человѣкъ умный, и его замѣчанія мнѣ будутъ особенно важны. Кромѣ того, что его умъ способенъ соображать многое и видѣть степень полезности у насъ многихъ вещей, онъ, я думаю, еще болѣе пополнѣлъ и сталъ многостороннѣй и осмотрительнѣй со времени разныхъ внутреннихъ событій и тяжелыхъ душевныхъ потрясеній, проясняющихъ взглядъ человѣка, которыя случились къ кн. В*** въ послѣднее время. Вообще я бы совѣтовалъ тебѣ сойтись съ нимъ теперь поближе; мнѣ кажется, вы теперь болѣе другъ друга оцѣните и поймете, и мое дѣло, или лучше дѣло моей книги, будетъ хорошимъ для того предлогомъ.«

12.

»Неаполь. Февраля 6 (1847).

»Я получилъ твое письмо, съ извѣстіемъ о выходѣ моей книги. Зачѣмъ ты называешь великимъ дѣломъ появленіе моей книги? Это

и неумѣренно, и несправедливо. Появленіе моей книги было бы дѣломъ не великимъ, но точно полезнымъ, еслибы все уладилось и устроилось, какъ слѣдуетъ. Теперь же — — — ужъ лучше было бы придержать книгу. На книгу мою ты глядишь, какъ литераторъ, съ литературной стороны; тебѣ важно дѣло собственно литературное. Мнѣ важно то дѣло, которое больше всего щемитъ и болитъ въ эту минуту. Ты не знаешь, что̀ дѣлается на Руси внутри, какой болѣзнью тамъ изнываетъ человѣкъ, гдѣ и какіе вопли раздаются и въ какихъ мѣстахъ. Тепло, живя въ Петербургѣ, наслаждаться съ друзьями разговорами объ искуствѣ и о всякихъ высшихъ наслажденіяхъ. Но когда узнаешь, что есть такія страданія человѣка, отъ которыхъ и безчувственная душа разорвется; когда узнаешь, что одна капля, одна росинка помощи въ силахъ пролить освѣженіе и воздвигнуть духъ падшаго, тогда попробуй перенести равнодушно это — — — Ты не знаешь того, какой именно стороной были полезны мои письма тѣмъ, къ которымъ они писались; ты души человѣка не изслѣдовалъ, не разоблачалъ какъ слѣдуетъ ни другихъ, ни себя самаго передъ самимъ собою; а потому тебѣ и невозможно всего того почувствовать, что̀ чувствую я. Странны тебѣ покажутся и самыя слова эти. — — — Въ безтолковщинѣ этого дѣла — — — конечно я виноватъ, а не кто другой. Мнѣ бы слѣдовало ввести съ самаго начала въ подробное свѣдѣніе всего этого графа М.Ю.В****. — — Это добрая и великодушная душа; не говорю уже о томъ, что онъ мнѣ родственно близокъ по душевымъ отношеніямъ ко мнѣ всего семейства своего. Онъ, назадъ тому еще мѣсяцъ, изъяснилъ Государю такую мою просьбу, которой, вѣрно, никто бы другой не отважился представить; просьба эта была гораздо самонадѣяннѣе нынѣшней, и ее бы вправѣ былъ сдѣлать уже одинъ слишкомъ заслуженный государственный человѣкъ, а не я. И добрый Государь припялъ ее милостиво, расспрашивалъ съ трогательнымъ участіемъ обо мнѣ и далъ повелѣніе канцлеру написать во всѣ мѣста, начальства и посольства за границей, чтобы оказывали мнѣ чрезвычайное и особенное покровительство повсюду, гдѣ буду ѣздить, или проходить въ моемъ путешествіи — — —

»Какія вдругъ два сильныя испытанія! Съ одной стороны нынѣшнее письмо отъ тебя; съ другой стороны письмо отъ Шевырева, съ

извѣстіемъ о смерти Языкова. И все это случилось именно въ то время, когда и безъ того изнурились мои силы вновь приступившими недугами и безсонницами въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ, которыхъ причинъ не могу постигнуть. Но велика милость Божія, поддерживающая меня даже и въ эти горькія минуты несомнѣнной надеждой въ томъ, что все устроится какъ ему слѣдуетъ быть. Какъ только статьи будутъ пропущены, тотчасъ же отправь ихъ къ Шевыреву для напечатанія во второмъ изданіи въ Москвѣ, которое, мнѣ кажется, удобнѣе произвести тамъ, какъ по причинѣ дешевизны бумаги и типографіи, такъ равно и потому, что онъ менѣе твоего загроможденъ всякаго рода дѣлами и изданіями. На это письмо дай немедленный отвѣтъ. Обнимаю тебя отъ всей души.

»Если же ты не будешь занять никакимъ другимъ дѣломъ и время у тебя будетъ совершенно свободное, и будетъ предстоять возможность отпечатать весьма скоро книгу хорошо и безъ большихъ издержекъ, тогда приступи самъ. Пожалуста ничего не пропусти и статьи — — вели лучше переписать всѣ цѣликомъ, а не вставками. Онѣ у меня писаны послѣдовательно и въ связи, и я помню мѣсто почти всякой мысли и фразѣ. Особенно чтобы статья о лиризмѣ нашихъ поэтовъ не была перепутана; разумѣю, чтобы большая вставка, присланная мною при пятой тетради, вставлена была какъ слѣдуетъ, намѣсто страницъ уничтоженныхъ. Порядокъ статей нужно, чтобы былъ именно такой, какой у меня.«

13.

»Неаполь. Февраля 11 (1847).

»Я пишу къ тебѣ эту маленькую записочку только затѣмъ, чтобы увѣдомить тебя, что письмо твое, со вложеніемъ векселя, мною получено. Книга до меня не дошла, чему я отчасти даже радъ, потому что, признаюся, мнѣ бы тяжело было на нее глядѣть. — — Ты, вѣроятно, теперь уже получилъ три письма мои, съ распоряженіями по части второго изданія ея въ полномъ видѣ, со включеніемъ всѣхъ мѣстъ и приведеніемъ всего въ полный порядокъ. Первое письмо, весьма длинное, писанное тотъ-часъ по извѣщеніи твоемъ о произ-

шедшей безтолковщинѣ; второе, посланное съ А***, съ приложеніемъ копіи съ письма къ Г***; третье отправленное, назадъ тому нѣсколько дней, въ отвѣтъ на увѣдомленіе о выпускѣ въ свѣтъ обгрызеннаго Н**** оглодка. Я предполагалъ прежде второе изданіе печатать въ Москвѣ, разсчитывая на меньшія издержки и на доставленіе отдыха тебѣ; но вижу, что весьма легко можетъ случиться отъ этого какая-нибудь новая безтолковщина и во всякомъ случаѣ замедленіе. А книгѣ слѣдуетъ быть выпущенной къ свѣтлому воскресенію, ибо послѣ этого времени, какъ самъ знаешь, все книжное останавливается. Возьми въ помощь Р***. Онъ человѣкъ весьма аккуратный, и, если его немножко введешь въ это дѣло, онъ съумѣетъ хорошо держать корректуру. Впрочемъ самъ смекни, какъ уладить. Если же прежде пропуска статей окажется сильная потребность второго изданія книги даже въ нынѣшнемъ ея видѣ, то отпечатай наскоро, елико возможно, еще заводъ, если не два, и печатай полное изданіе третіе, не заботясь о томъ, что не разошлось второе. Не позабудь того, что я прошу читателей покупать не только для себя, но и для тѣхъ, которые не въ силахъ сами купить; а для раздачи людямъ простымъ, я думаю, даже лучше придется книга въ ея нынѣшнемъ видѣ. Цѣну можешь положить меньшую; впрочемъ это зависитъ отъ твоего соображенія. Что́ касается до книги въ ея полномъ видѣ, то ей цѣна три руб. сер., не меньше. Какъ бы то ни было, но въ ней должно быть около 600 страницъ. Денегъ мнѣ больше не присылай, потому что поѣздка моя, вслѣдствіе этихъ смутъ и хлопотъ, равно какъ и самаго моего здоровья, нынѣ вновь ослабѣвшаго, равно какъ и неполученіе тоже до сихъ поръ паспорта, отодвинута далѣе; а отправь покуда двѣ тысячи моей матери, если удосужишься и если деньги накопились. Не благодарю тебя покамѣсть еще ни за что́,—ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣламъ моимъ. Что́ же дѣлать? Есть дѣла, которыя должны быть впереди нашихъ личныхъ дѣлъ, а такимъ я почитаю пропускъ именно тѣхъ самыхъ статей, которыя не показались тебѣ важными и на счетъ которыхъ ты согласился, что ихъ лучше не печатать.«

14.

»23 Февраля / 6 марта, н. с. 1847 г.

»Прости меня, добрый другъ, за тѣ большія непріятности, которыя я, можетъ быть, нанесъ тебѣ моими нескромными просьбами о возстановленіи моей книги въ ея прежнемъ видѣ. Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, въ томъ письмѣ моемъ, въ которомъ вложено было письмо къ доброй А.О. Ишимовой. Думаю такъ потому, что писалъ его въ тревожномъ состояніи, среди одолѣвшихъ меня недуговъ и печальныхъ извѣстій. Одолѣлъ меня также и страхъ за мою книгу, которая могла быть непонята отъ выпуска многихъ статей, потому что въ ней было все въ связи и послѣдовательности, въ которой, только опираясь на предыдущее, я позволялъ себѣ сказать послѣдующее. — — — Не ради достоинства самихъ статей, но ради важности самаго предмета, мнѣ хотѣлось, чтобы по поводу ихъ было сказано другими умнѣе и лучше моего и отъ этого распространилось бы у насъ большее знаніе земли своей и народа своего. Я былъ увѣренъ, и теперь въ этомъ увѣренъ, что статьи мои не могли напечататься отъ неприличія тона рѣчи, что, облегчивши и уничтоживши многое, онѣ придутъ въ такой видъ, въ какомъ могутъ быть пропущены. Я писалъ къ кн. В**** и Гр. М.Ю.В**** разсмотрѣть строго мою книгу. Кн. В**** писалъ потомъ еще письмо, умоляя уничтожить сначала заносчивыя выходки, неприличныя выраженія, всѣ мѣста, показывающія самонадѣянность, самоувѣренность и гордость того, кто писалъ ихъ, и попробовать прочитать всю книгу сплошь въ исправленномъ видѣ, чтобы увидѣть еще разъ, можно ли ее представить. Я не упрямъ. Я вѣрю, что они лучше знаютъ меня многія вещи и приличія, и если скажутъ, что и тогда нельзя, то ни слова не скажу и покорюсь. Но, другъ мой, мнѣ бы хотѣлось, чтобы хотя два-три человѣка прочли мою книгу въ связи, всю сплошь. Это мнѣ очень нужно потому, что этими статьями я хотѣлъ не столько учить другихъ, но самому многому учиться, потому что—говорю тебѣ не ложь—мнѣ нужно слишкомъ много набраться отъ умныхъ людей, чтобы написать какъ слѣдуетъ мои »Мертвыя Души«, которыя, право, могутъ быть очень нужная у насъ вещь, и притомъ дѣль-

ная вещь. Мнѣ нужно много практическихъ и положительныхъ свѣдѣній, которыя я думалъ вызвать этими статьями,—именно затѣмъ, чтобы быть также ясну и просту въ »М. Д.«, какъ неясенъ и загадоченъ въ этой книгѣ моей. Нужно взять изъ нашей же земли людей, изъ нашего же собственнаго тѣла, такъ чтобы читатель почувствовалъ, что это именно взято изъ того самаго матеріала, изъ котораго и онъ самъ состатленъ. Иначе не будутъ живы образы и не произведутъ благотворнаго дѣйствія. А потому, Богъ вѣсть, можетъ, по прочтеніи моей книги сплошь, придетъ кн. В**** благая мысль подарить и русскую литературу, и меня такими письмами, которыя, разумѣется, въ нѣсколько разъ будутъ лучше моихъ, прямѣй и ближе къ дѣлу, и могутъ быть напечатаны отдѣльной книгой. Можетъ быть, и дорбѣйшій гр. М.Ю.В*** снабдитъ меня такими закими замѣчаніями, за которыя всю жизнь мою буду ему благодаренъ. Я не знаю, какъ передъ нимъ извиняться, не смѣю даже и писать къ нему. Я думаю, что я его слишкомъ огорчилъ моими всѣми докуками. Покажи имъ лучше это письмо мое, то есть, и ему, и кн В****. Можетъ быть, они, прочитавши его, сколько-нибудь извинятъ меня и простятъ меня. Мнѣ кажется, что все семейство его, мною нѣжно любимое, мною недовольно, потому что, съ появленія моей книги, никто изъ нихъ не писалъ ко мнѣ. Скажи, имъ, что всѣ мои проступки, въ которыхъ видятъ и самонадѣянность, и самолюбіе, и самоослѣпленіе происходятъ просто отъ глупости, отъ нетерпѣнія переждать немного, пока придешь въ такое состояніе, что можешь заговорить просто и безъ напыщенности о томъ, что́ теперь выражается грубо, неотесанно и напыщенно. Такъ бываетъ со всякимъ юношей, который не созрѣлъ: онъ всегда хватитъ нотой ниже, или выше того, чѣмъ нужно. Итакъ желаніе мое, чтобы гр. М.Ю.В***, кн. В*** и даже В.А.П***, если захотятъ, были моими судьями, и для этого мнѣ бы хотѣлось, чтобы вся книга была переписана сплошь, со включеніемъ всего [кромѣ двухъ статей »Къ близорукому Пріятелю« и »Страхъ и Ужасъ«, которыя совсѣмъ не для печати и намѣсто которыхъ у меня готовились другія, подъ тѣмъ же заглавіемъ]. Скажи, что никакое рѣшеніе ихъ не огорчитъ меня, что увидать свѣтъ эти статьи должны были только затѣмъ, чтобы доставить мнѣ замѣча-

нія [если я вмѣстѣ съ тѣмъ и питалъ сокровенное желаніе доставить имъ пользу]; что, если мнѣ сдѣлаютъ они замѣчанія и побранятъ меня, я тогда помирюсь совершенно съ судьбой моихъ писемъ. Другъ мой, не сердись на меня и ты ни за что̀ и употреби съ своей стороны все, чтобы подвигнуть ихъ къ сему послѣднему дѣлу. Дѣло это будетъ истинно христіянское, потому что обратится въ добро.

»Увѣдомляю тебя, что отъѣздъ мой на Востокъ, по случаю расклеившагося моего здоровья, поздняго полученія пашпорта [его получилъ только вчера, стало, я бы не поспѣлъ въ Іерусалимъ къ свѣтлому празднику, еслибы и могъ ѣхать] и наконецъ по случаю всякаго рода препятствій, случившихся съ тѣми моими пріятелями, которые должны были также ѣхать въ Іерусалимъ [я же одинъ, по немощи душевной и тѣлесной, не могъ пуститься въ такую дорогу],—итакъ, по случаю всего этаго и вмѣстѣ съ тѣмъ по случаю надобности ѣхать на желѣзныя воды и на морское купанье, отъѣздъ мой отодвинутъ. А потому мнѣ всякія письма слѣдуетъ, до мая первыхъ чиселъ, отправлять еще въ Неаполь, а отъ мая до сентября во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго, и съ сентября вновь въ Неаполь, откуда, если Богъ благословитъ, на Востокъ, а съ Востока на нашу Русскую сторону.

»Увѣдомляю также тебя, что книгъ я до сихъ поръ не получилъ ни одной. Я полагаю, это отъ того, что, вѣроятно, онѣ были адресованы на мое имя; а такъ какъ самъ по себѣ я человѣкъ не великъ, не смотря на великую возню, которая идетъ обо мнѣ теперь въ литературѣ, то курьеръ ихъ и оставилъ въ какой-нибудь канцеляріи по дорогѣ. Всего бы лучше адресовать или на имя посланника, или по крайней мѣрѣ секретаря посольства. Что̀ касается до векселя Прокоповича, то онъ, вѣроятно, полученъ кѣмъ-нибудь другимъ. Надобно тебѣ знать, что во Франкфуртѣ, во время нашего пребыванія вмѣстѣ съ Жуковскимъ, завелся другой Жуковскій и другой Гоголь. Эти господа весьма часто̀ получали наши письма. Какого бы рода ни былъ этотъ другой Гоголь, или не-Гоголь, воспользовавшійся деньгами, но онъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ безпутный и безденежный, стало быть, и теперь остался безпутнымъ и безденежнымъ; а потому взы-

скивать пришлось бы или съ несчастной семьи, или съ родственниковъ, чего Боже сохрани. Жуковскаго я просилъ разузнать, если можно, но не взыскивать. Ты видишь самъ: деньги эти были посланы противъ моего желанія, когда уже было сдѣлано имъ другое распоряженіе, а потому и не судьба была прійти имъ въ мои руки. Прокоповичу скажи, чтобы онъ объ этомъ не сокрушался: что̀ случилось, то случилось. Скажи ему также, что у меня на душѣ не только нѣтъ противъ него какого-нибудь неудовольствія, но, напротивъ того, самое дружески-товарищественное расположеніе; потому грѣхъ будетъ ему, если онъ питаетъ противъ меня какое-нибудь неудовольствіе.

»Прошу тебя также сдѣлать мнѣ истинно дружескую услугу: посылать прямо по почтѣ въ письмѣ, вырвавши изъ журналовъ, листки, гдѣ говорится о моей книгѣ въ какомъ бы ни было смыслѣ и кѣмъ бы ни были они сказаны. Я хочу лучше заплатить подороже за пересылку, чѣмъ совсѣмъ не получить ихъ, или получить тогда, когда они не будутъ мнѣ нужны. Деньги, я полагаю, у тебя для этого будутъ отъ второго изданія, которое я просилъ [въ письмѣ, вѣроятно, доставленномъ уже тебѣ отъ Ар. Р***] напечатать, сходно съ первымъ, какъ можно поскорѣе, если настоятъ требованія отъ книгопродавцевъ. Жуковскій, который получилъ мою книгу, пишетъ, что въ ней множество опечатокъ. Пожалуйста похлопочи объ исправленія.«

15.

»Марта 10/22 (1847). Неаполь.

»Давно не имѣю отъ тебя извѣстія, добрый другъ мой. [Я писалъ къ тебѣ еще не такъ давно, именно 6 марта.] Если тебя затруднили дѣла по моей книгѣ, то, повторяю тебѣ вновь, торопиться съ представленіемъ рукописныхъ статей не нужно, тѣмъ болѣе, что, во всякомъ случаѣ, полное изданіе книги не поспѣло бы прежде лѣта. Лучше получше выправить эти статьи, выбросить изъ нихъ все рѣзкое и оскорбляющее. Я просилъ кн. В**** въ письмѣ къ нему, которое, вѣроятно, вручилъ ему Р*** [оно было отъ 28 февр.], чтобы онъ, читая эти статьи, имѣлъ неотлучно въ своихъ мысляхъ то,

что писавшій ихъ есть не болѣе, какъ чиновникъ 8 класса, чтобы черезъ то видѣть лучше, гдѣ нужно облегчить жесткое выраженіе помѣщеніемъ необходимой оговорки, а гдѣ уничтожить вовсе иное заносчивое, ни въ какомъ случаѣ неприличное. Все можно сказать, что̀ есть правда, и тѣмъ болѣе та правда, которую я хочу сказать, но нужно созрѣть для того, чтобы умѣть ее сказать. И настоящей виной того, что̀ вооружаетъ противъ меня людей, есть не другое что̀, какъ незрѣлость моя.

»Я получилъ отъ Жуковскаго секунду векселя и въ то же время отъ нашего посланника изъ Франкфурта, Убриля, извѣстіе, что мнѣ будутъ выданы по немъ отъ здѣшняго банкира Ротшильда всѣ деньги, вслѣдствіе его переговоровъ съ его братомъ, франкфуртскимъ Ротшильдомъ. Но какъ странно и какъ видно, что мнѣ не судьба получить эти деньги! Ротшильдомъ здѣшнимъ овладѣло вдругъ сомнѣніе [хотя онъ уже приказалъ было мнѣ выдать деньги]. Всѣ справки, сдѣланныя во Франкфуртѣ и въ Гамбургѣ относительно незаплаты по первому векселю, показались ему недостаточны, и онъ попросилъ у меня времени вновь списаться съ Гамбургомъ: въ слѣдствіе чего я и просилъ его распорядиться такъ, чтобы этотъ вексель былъ изъ Гамбурга препровожденъ обратно къ Штиглицу, а Штиглицъ выдалъ бы деньги эти тебѣ. Ты ихъ держи у себя. У Прокоповича денегъ моихъ достаточно. Но объ этомъ дѣлѣ мы поговоримъ съ тобой потомъ.

»Дѣло, которое должно остаться между нами, совсѣмъ не такъ глупо, какъ кажется съ виду; но я надлежащимъ образомъ объяснилъ свою мысль.

»Не могу постигнуть, почему я до сихъ поръ не получилъ ни одной книги, ни моей, ни чужихъ, тогда какъ въ прошломъ году мнѣ случилось получить нѣсколько книгъ весьма скоро. Я помню, что получилъ чрезъ Л*** на имя А*** нѣсколько книжекъ въ полтора мѣсяца изворота. Теперь пишетъ Л*** А***ой, что онъ былъ у тебя именно съ тѣмъ, чтобы взять книги для меня, но я не получилъ ихъ. Видно, не судьба, мнѣ видѣть мою книгу и вообще читать вышедшія теперь у насъ книги. Пожалуйста посылай хотя въ письмѣ листки тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о чемъ-нибудь по поводу моей

книги. Не жалѣй на это денегъ: онѣ скоро должны у тебя вновь накопиться отъ второго изданія книги, которое я просилъ тебя произвести въ скорости по первому изданію, если проволочка по поводу включенныхъ и невключенныхъ статей окажется долгой, и которое просилъ тебя возложить на Р***, если тебѣ окажется невозможность заняться имъ самому. Но удивляетъ меня то, что ни отъ Р***, ни отъ всѣхъ тѣхъ людей и друзей, которые обѣщали мнѣ сообщать все, что̀ ни услышатъ изъ толковъ о моей книгѣ, не получилъ почти ни строки. Маршрутъ мой тебѣ уже извѣстенъ изъ письма моего отъ 6-го марта. Все, что̀ ни будетъ высылаться ко мнѣ съ первыхъ чиселъ мая, слѣдуетъ адресовать во Франкфуртъ на имя посольства, или Жуковскаго.

»Кстати: совѣтуй тѣмъ, которые страдаютъ нервами, ѣхать на морское купанье въ Остенде, которое рѣшительно лучшее изъ всѣхъ прочихъ и помогаетъ чудесно, а самая поѣздка туда необыкновенно легка. Изъ Петербурга можно прямо моремъ, не бравши съ собою экипажа, въ одну недѣлю достигнуть Остенде, или вплоть моремъ, или съ пересѣстомъ на желѣзную дорогу, что̀ не требуетъ тоже экипажа и хлопотъ. Изъ Остенде день ѣзды въ Парижъ по желѣзной дорогѣ и день ѣзды въ Лондонъ съ пароходомъ. А мнѣ бы хотѣлось очень переговорить, будучи въ Остенде, со многими изъ Русскихъ, и особенно съ тѣми, которые поумнѣй и могли бы мнѣ сообщить многое интересное. Прежняя моя дикость исчезла, и мнѣ теперь не трудно разговариваться.«

XXV.

Переписка Гоголя съ С.Т.Аксаковымъ по поводу »Переписки съ Друзьями«.— Суровый пріемъ книги.—Жалобы и оправданія Гоголя. — Письма къ критику.

Когда достигли слухи въ Москву о томъ, какая книга печатается въ Петербургѣ подъ именемъ автора »Мертвыхъ Душъ«, многіе

были изумлены, опечалены, раздражены въ высшей степени. Вотъ чтò разсказываетъ о себѣ С.Т.Аксаковъ:

»Въ концѣ 1846 года, во время жестокой моей болѣзни, дошли до меня слухи, что въ Петербургѣ печатается »Переписка съ Друзьями«; мнѣ даже сообщили по нѣскольку строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмое, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени. На это письмо я получилъ отъ Гоголя отвѣтъ уже въ 1847 году. Вотъ онъ:

»Неаполь. 1847, генварь 20, нов. ст.

»Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ. Благодарю васъ за него. Все, чтò нужно взять изъ него къ соображенію, взято. Симъ бы слѣдовало и ограничиться, но, такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ—вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ и заключеній обо мнѣ [сдѣланныхъ, какъ вами, такъ и другими] было то, что я, понадѣявшись на свои силы и на [будто бы] совершившуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторія моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, чтò слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на чтò, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на счетъ сочиненій моихъ. Отчасти неблагоразумныя подталкиванья со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанья нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божіей. Появленіе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Рос-

сіи [съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, если-бы жилъ самъ въ Россіи и оставался въ Москвѣ] нужно будетъ многимъ, не смотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно существенныхъ отношеніяхъ. А еще болѣе будетъ нужно для меня самаго. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самаго* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ* то есть *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что̀ такое въ настоящую минуту я самъ и что̀ такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ покуда не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто не простыло, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего; я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе и искреннѣе, тѣмъ въ большихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почетче и побойчѣе пишетъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ— — —

»Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самаго Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія. Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе— во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано.

»Но довольно съ васъ. Не позабудьте же: откровенность во всемъ, что̀ ни относится въ мысляхъ вашихъ до меня.«

»Изъ этого отвѣта видно (говоритъ С.Т.Аксаковъ), что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отмѣненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ изданіемъ »Ревизора съ

Развязкой«. На нихъ я нападалъ всего болѣе, но объ этомъ говорить еще рано. Между тѣмъ мнѣ прочли кое-какъ два раза его книгу [я былъ еще боленъ и ужасно страдалъ]. Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія и продиктовалъ къ Гоголю другое, небольшое, но жестокое письмо. Въ это время N*N*, въ письмѣ ко мнѣ, сдѣлалъ нѣсколько очень справедливыхъ замѣчаній. Я послалъ и его письмо вмѣстѣ съ своимъ къ Гоголю. Вотъ его отвѣтъ на оба письма:

»1847 г., 6 марта. Неаполь.

»Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки; отъ нихъ хоть и чихнулось, но чихнулось во здравіе. Поблагодарите также добраго N*N* и скажите ему, что я всегда дорожу замѣчаньями умнаго человѣка, высказанными откровенно. Онъ правъ, что обратился къ вамъ, а не ко мнѣ. Въ письмѣ его есть точно нѣкоторая жесткость, которая была бы неприлична въ объясненіяхъ съ человѣкомъ, не очень коротко знакомымъ. Но этимъ самимъ письмомъ *къ вамъ* онъ открылъ себѣ теперь дорогу высказывать съ подобной откровенностью мнѣ самому все то, что̀ высказалъ вамъ. Поблагодарите также и милую супругу его за ея письмецо. Скажите имъ, что многое изъ ихъ словъ взято въ соображеніе и заставило меня лишній разъ построже взглянуть на самаго себя. Мы уже такъ странно устроены, что до тѣхъ поръ не увидимъ ничего въ себѣ, покуда другіе не наведутъ насъ на это. Замѣчу только, что одно обстоятельство не принято ими въ соображеніе, которое, можетъ быть, иное показало бы имъ въ другомъ видѣ; а именно: что человѣкъ, который съ такой жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловитъ всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ *полномъ* и *совершенномъ* самоослѣпленіи. А вамъ, другъ мой, сдѣлаю я маленькой упрекъ. Не сердитесь: уговоръ былъ принимать не сердясь взаимно другъ отъ друга упреки. Не слишкомъ ли вы уже положились на вашъ умъ и непогрѣшительность его выводовъ? Дѣлать *замѣчанія*—это другое дѣло; это имѣетъ право дѣлать всякой умной человѣкъ и даже просто вся-

кой человѣкъ. Но выводить изъ своихъ замѣчаній *заключеніе* обо всемъ человѣкѣ,—это есть уже нѣкотораго рода *самоувѣренность*. Это значитъ признать свой умъ вознесшимся на ту высоту, съ которой онъ можетъ обозрѣвать *со всѣхъ сторонъ* предметъ. Ну, что если я вамъ разскажу слѣдующую повѣсть?

»Поваръ вызвался угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался; ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: »Подавай обѣдъ!« Поваръ говоритъ: »Это физически невозможно, потому что обѣдъ мой »совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды: для этого нужно »поднимать такую возню на кухнѣ, о которой вы и подумать не можете.« Ему въ отвѣтъ: »Врешь, братъ!« Поваръ видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился наконецъ привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить кастрюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобъ изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кастрюль и наконецъ такихъ орудій, о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для пріуготовленія обѣда, что у нихъ закружилась голова.

»Ну, что, если въ этой повѣсти есть маленькая частица правды? Другъ мой, вы видите, что дѣло покуда еще темно. Хорошо дѣлаетъ тотъ, кто снабжаетъ меня своими замѣчаніями, все доводитъ до ушей моихъ, упрекаетъ и склоняетъ другихъ упрекать, но самъ въ то же время не смущается обо мнѣ, а вмѣсто того тихо молится въ душѣ своей, да спасетъ меня Богъ отъ всѣхъ обольщеній и самоослѣпленій, погубляющихъ душу человѣка. Это лучше всего, что онъ можетъ для меня сдѣлать и, вѣрю, Богъ, за такія чистыя и жаркія молитвы, которыя суть лучшее благодѣяніе, какое можетъ сдѣлать на землѣ братъ брату, спасетъ мою душу даже и тогда, еслибъ невозвратно одолѣли ее всякія обольщенія.

»Но, покуда, прощайте. Передавайте мнѣ всѣ толки и сужденія,

какія откуда ни услышите — и свои, и чужіе — первыя, вторыя, третьи и четвертыя впечатлѣнія.«

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, послѣ этого письма, Гоголь получалъ ударъ за ударомъ отъ своихъ друзей и знакомыхъ. Долго онъ крѣпился и мужествовалъ; наконецъ силы его изнемогли, и вотъ одно изъ писемъ, выражающихъ крайнюю степень его изнеможенія. Оно было адресовано къ С. Т. Аксакову.

»1847. Франкфуртъ. Іюля 10-го.

»— — — Я къ вамъ не писалъ потому, что, во-первыхъ, вы сами не отвѣчали мнѣ на послѣднее письмо мое, а во-вторыхъ, потому, что вы, какъ я слышалъ, на меня за него разсердились. Ради самаго Христа, войдите въ мое положеніе, почувствуйте трудность его и скажите мнѣ сами, какъ мнѣ быть, какъ, о чемъ и что̀ я могу теперь писать? Еслибъ я и въ силахъ былъ сказать слово искреннее—у меня языкъ не поворотится. Искреннимъ языкомъ можно говорить только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности. Но если знаешь, что передъ тобою стоитъ человѣкъ, уже составившій о тебѣ свое понятіе и въ немъ утвердившійся, тутъ у наиискреннѣйшаго человѣка онѣмѣетъ слово, не только у меня, человѣка, какъ вы знаете, скрытнаго, котораго и скрытность произошла отъ неумѣнья объясниться. Ради самаго Христа, прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадущей душѣ,—изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины, этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями. Тутъ все изнеможетъ, что̀ ни есть въ тебѣ. Другъ мой, я изнемогъ,—вотъ все, что̀ могу

вамъ сказать теперь. Чтó же касается до неизмѣнности моихъ сердечныхъ отношеній, то скажу вамъ, что любовь, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, теперь доступнѣе душѣ. Если я люблю и хочу любить даже тѣхъ, которые меня не любятъ, то какъ я могу не любить тѣхъ, которые меня любятъ? Но я прошу васъ теперь не о любви. Не имѣйте ко мнѣ любви, но имѣйте хотя каплю милосердія, потому что положеніе мое, повторяю вамъ вновь, тяжело. Еслибы вы вошли въ него хорошенько, вы бы увидѣли, что мнѣ труднѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, которыхъ я оскорбилъ. Другъ мой, я говорю вамъ правду.«

Чтó же касается до печатныхъ отзывовъ о »Перепискѣ съ Друзьями«, то ихъ появилось множество, и почти всѣ они строго осудили писателя, который до тѣхъ поръ былъ осыпаемъ самыми восторженными похвалами. Гоголь въ своей »Перепискѣ« такъ круто повернулъ въ сторону съ своей прежней литературной дороги, что всѣ считали себя вправѣ—хотя это очень странно—кричать ему изо всей силы, чтобъ онъ остановился и воротился на прежній путь. Неумѣренность тона критикъ глубоко оскорбила поэта, которому уже одинъ почти единодушный восторгъ, съ которымъ публика встрѣчала прежнія его сочиненія, давалъ право на почтительное съ нимъ обращеніе. Онъ горько на нихъ жаловался въ своей безыменной запискѣ 1847 года или—какъ она названа при изданіи—въ »Авторской Исповѣди,« и эти жалобы стоятъ того, чтобъ повторить ихъ.

»... предметомъ толковъ и критикъ стала не книга, а самъ авторъ. Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ...... Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ, совершенно яснымъ, и, остановившись надъ двумя-тремя словами, стали выводить заключенія, совершенно противуположныя духу всего сочиненія. Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народ-

наго! Это показалось мнѣ странно,—тѣмъ болѣе, что я всю жизнь думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что̀ прежде нужно подать народу. А покуда нѣтъ такихъ умныхъ книгъ, мнѣ казалось, что слово устное пастырей Церкви полезнѣй и нужнѣе для мужиковъ всего того, что̀ можетъ сказать ему нашъ братъ, писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщеніе народное, но мнѣ казалось, что еще прежде, чѣмъ просвѣщеніе самаго народа, полезнѣй просвѣщеніе тѣхъ, которые имѣютъ ближайшее столкновеніе съ народомъ от которыхъ часто терпитъ народъ. Мнѣ казалось, наконецъ, гораздо болѣе требовавшимъ вниманія къ себѣ не сословіе земледѣльцевъ, но то мелкое сословіе, нынѣ увеличивающееся, которое вышло изъ земледѣльцевъ, которое занимаетъ разныя мелкія мѣста и, не имѣя никакой нравственности, не смотря на небольшую грамотность, вредитъ всѣмъ, затѣмъ чтобы жить на счетъ бѣдныхъ. Для этого-то сословія мнѣ казались наиболѣе необходимы книги умныхъ писателей, которые, почувствовавши сами ихъ долгъ, съумѣли бы имъ ихъ объяснить. А землепашецъ нашъ мнѣ всегда казался нравственнѣе всѣхъ другихъ и менѣе другихъ нуждающимся въ наставленіяхъ писателя. Тоже не менѣе страннымъ показалось мнѣ, когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ критикахъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливаго, вывели заключеніе, что я отвергаю всѣ достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу (¹) . . . . . неловко же мнѣ самому говорить о своихъ достоинствахъ, да и съ какой стати? О недостаткахъ моихъ литературныхъ я заговорилъ потому, что пришлось кстати, по поводу психологическаго вопроса, который есть главный предметъ всей моей книги. Какъ же не соображать этихъ вещей? Не менѣе странно также изъ того, что я выставилъ ярко на видъ наши русскіе элементы, дѣлать выводъ,

(¹) »На »Завѣщаніе« не слѣдовало опираться. Въ немъ судишь себя строго, потому что готовишься предстать на судъ предъ Того, предъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ.« *Прим. Гоголя.*

будто я отвергаю потребность просвѣщенія европейскаго и считаю ненужнымъ для Русскаго знать весь трудный путь совершенствованія человѣческаго. И прежде, и теперь мнѣ казалось, что русской гражданинъ долженъ знать дѣла Европы. Но я былъ убѣжденъ всегда, что, если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустимъ изъ виду свои русскія начала, то знанія эти не принесутъ добра, собьютъ, спутаютъ и разбросаютъ мысли, на мѣсто того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. И прежде и теперь я былъ увѣренъ въ томъ, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только съ помощію этого знанія можно почувствовать, что̀ именно слѣдуетъ намъ брать и заимствовать изъ Европы, которая сама этого не говоритъ. Мнѣ казалось всегда, что прежде, чѣмъ вводить что-либо новое, нужно не какъ-нибудь, но въ корнѣ узнать старое; иначе—примѣненіе самаго благодѣтельнѣйшаго въ наукѣ открытія не будетъ успѣшно. Съ этой цѣлью я и заговорилъ преимущественно о старомъ.

»Словомъ — всѣ эти одностороннія выводы людей умныхъ и притомъ такихъ, которыхъ я вовсе не считалъ односторонними, всѣ эти придирки къ словамъ, а не къ смыслу и духу сочиненія, показываютъ мнѣ то, что никто не былъ въ спокойномъ расположеніи духа, когда читалъ мою книгу, что уже впередъ установилось какое-то предубѣжденіе, прежде чѣмъ она явилась въ свѣтъ, и всякой глядѣлъ на нее вслѣдствіе уже заготовленнаго впередъ взгляда, останавливаясь только надъ тѣмъ, что̀ укрѣпляло его въ предубѣжденіи и проходя мимо все то, что̀ способно опровергнуть предубѣжденія, а самаго читателя успокоить. Сила этого страннаго раздраженія была такъ велика, что даже разрушила всѣ тѣ приличія, которыя доселѣ еще сохранялись относительно писателя. Почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума, и прописывали ему рецепты отъ умственнаго разстройства. Не могу скрыть, что меня еще болѣе опечалило, когда люди, также умные и притомъ нераздраженные, провозгласили печатно, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего новаго, что̀ же и ново въ ней, то ложь, а не истина. Это показалось мнѣ жестоко. Какъ бы то ни было, но въ ней есть моя собственная исповѣдь, въ ней есть изліяніе и души, и сердца моего. Я еще не призналъ публично безчестнымъ

человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать. Я могу ошибаться, могу попасть въ заблужденіе, какъ и всякой человѣкъ; могу сказать ложь, въ томъ смыслѣ, какъ и всякъ человѣкъ есть ложь; но назвать все, что излилось изъ души и сердца моего, ложью—это жестоко. Это несправедливо такъ же, какъ несправедливо и то, что въ книгѣ моей ничего нѣтъ новаго. Исповѣдь человѣка, который провелъ нѣсколько лѣтъ внутри себя, который воспитывалъ себя, какъ ученикъ, желая вознаградить хотя поздно за время, потерянное въ юности, и который притомъ не во всемъ похожъ на другихъ и имѣетъ нѣкоторыя свойства, ему одному принадлежащія, исповѣдь такого человѣка не можетъ не представить чего-нибудь новаго. Какъ бы то ни было, но въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшалась душа, нельзя такъ рѣшительно возвѣщать приговоръ. Тутъ и наиглубокомысленнѣйшій душевѣдецъ призадумается. Въ душевномъ дѣлѣ трудно и надъ человѣкомъ обыкновеннымъ произнести судъ свой. Есть такія вещи, которыя не подвластны холодному разсужденію, какъ бы уменъ ни былъ разсуждающій, — которыя постигаются только въ минуты тѣхъ душевныхъ настроеній, когда собственная душа наша расположена къ исповѣди, къ обращенію на себя, къ охужденію себя, а не другихъ. Словомъ, въ этой рѣшительности, съ какою былъ произнесенъ этотъ приговоръ, мнѣ показалась больше самоувѣренность судившаго — въ умѣ своемъ и въ верховности своей точки воззрѣнія. . . . . .

»Въ заключеніе всего, я долженъ замѣтить, (что) сужденія большею частію были слишкомъ уже рѣшительны, слишкомъ рѣзки, и всякъ, укорявшій меня въ недостаткѣ смиренія истиннаго, не показалъ смиренія относительно самаго себя. Положимъ, я въ гордости своей, основавшись на многихъ достоинствахъ, мнѣ приписанныхъ всѣми, могъ подумать, что я стою выше всѣхъ и имѣю право произносить судъ надъ другими. Но, на чемъ основываясь, могъ судить меня рѣшительно тотъ, кто не почувствовалъ, что онъ стоитъ выше меня? Какъ бы это ни было, но, чтобы произнести полный судъ надъ кѣмъ бы то ни было, нужно быть выше того, котораго судишь. Можно дѣлать замѣчанія по частямъ на то и на другое, можно давать и мнѣнія, и совѣты, но выводы основывать на этихъ мнѣніяхъ обо

всемъ человѣкѣ, объявлять его рѣшительно помѣшавшимся, сошедшимъ съ ума, называть лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывать подлыя и низкія цѣли, — это такого рода обвиненія, которыхъ я бы не въ силахъ былъ взвести даже на отъявленнаго мерзавца, заклейменнаго клеймомъ всеобщаго презрѣнія. Мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ произносить такія обвиненія, слѣдовало бы хотя сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о томъ, каково было бы намъ самимъ, еслибы такія обвиненія обрушились на насъ публично, въ виду всего свѣта. Не мѣшало бы подумать, прежде, чѣмъ произносить такія обвиненія: не ошибаюсь ли я самъ? вѣдь я тоже человѣкъ. Дѣло тутъ душевное. Душа человѣка — кладязь, не для всѣхъ доступный, и на видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ признаковъ нельзя основываться. Часто и найискуснѣйшіе врачи принимали одну болѣзнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрывали уже мертвый трупъ.....

Не могу не признаться, что вся эта путаница и недоразумѣнія были для меня очень тяжелы, — тѣмъ болѣе, что я думалъ, что въ книгѣ моей скорѣе зерно примиренія, а не раздора. Душа моя изнемогала отъ множества упрековъ: изъ нихъ многіе были такъ страшны, что не дай ихъ Богъ никому получать. Не могу не изъявить также и благодарности тѣмъ, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали меня, повелѣвая ободриться. Богъ да вознаградитъ ихъ: я не знаю выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ.«

Такъ дорого обошлась Гоголю его »Переписка съ Друзьями», эта книга, въ которой онъ, изъ любви къ ближнимъ, рѣшился показать себя имъ безъ театральной одежды лиричечкаго и комическаго писателя! И кто, читая замогильныя жалобы Гоголя, не »содрогнется«, какъ онъ говорилъ, »душою«? Многіе ли изъ насъ, подобно издателю »Переписки съ Друзьями«, остались, при ея появленіи, въ почтительномъ молчаніи касательно внутреннѣйшаго ея смысла? Намъ теперь грустно за тогдашнее время, и, въ грусти своей, мы готовы по-

вторять то, что было высказано съ благородною искренностію С. Т. Аксаковымъ:

»Поразили меня эти двѣ статьи (»Предисловіе« и »Завѣщаніе« въ »Перепискѣ съ Друзьями«). Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно, такое дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые такъ же, какъ и я, были недовольны этою книгою, и особенно печатнымъ завѣщаніемъ живого человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе.« (¹)

Живя за границею, Гоголь не могъ читать всѣхъ русскихъ газетъ и журналовъ; но онъ просилъ своихъ корреспондентовъ вырѣзывать изъ книгъ и газетныхъ листовъ все, что о немъ печатается, и высылать ему. Онъ не пренебрегалъ критикою и самаго ничтожнаго газетнаго щелкопера, особенно если она была направлена противъ него. Онъ говорилъ, что злость заставляетъ человѣка напрягать весь свой умъ, чтобъ отыскать въ сочиненіи какой-нибудь недостатокъ, и что по этому критика озлобленнаго человѣка бываетъ иногда для автора полезнѣе похвалъ. Въ чемоданѣ Гоголя, остававшемся за границей въ квартирѣ Жуковскаго, найдена цѣлая кипа рецензій, вырѣзанныхъ изъ разныхъ періодическихъ изданій. Онъ не только находилъ время читать ихъ, но нѣкоторыя даже списывалъ собственною рукою очень тщательно (²).

Одна журнальная рецензія на »Переписку съ Друзьями« заняла его умъ больше другихъ. Онъ, кажется, былъ знакомъ съ критикомъ лично, былъ даже съ нимъ нѣкоторое время въ перепискѣ; ему стало жаль, что человѣкъ, который могъ бы приносить пользу, занявшись своимъ прямымъ дѣломъ,—сбивается съ дороги отъ излиш-

(¹) »Московскія Вѣдомости« 1852 года, № 32, »Письмо къ Друзьямъ Гоголя«.

(²) Такъ списанъ имъ разборъ »Мертвыхъ Душъ« П. А. Плетнева о которомъ онъ освѣдомлялся у него, въ письмѣ отъ 28-о ноября, 1842.

наго увлеченія идеями, невходившими въ область нашщаго, — и онъ написалъ къ нему слѣдующее письмо.

»Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ — — не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотѣли меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ немъ слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, даже нелюбящаго меня, тѣмъ болѣе васъ, который — думалъ я—любилъ меня. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги. Какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до единаго въ Россіи? Этого, покуда, я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные — всѣ огорчились. Это правда, я имѣлъ въ виду небольшой щелчокъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, испытавши надобность его на собственной кожѣ [всѣмъ намъ нужно побольше смиренія]; но я не думалъ, чтобъ щелчокъ мой вышелъ такъ грубо неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ все это и что въ книгѣ моей зародышъ примиренія всеобщаго, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами человѣка разсерженнаго, а потому почти все приняли въ другомъ видѣ. Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя, покамѣсть, еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ, и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и вы увидите, что вы ошиблись во многомъ.

»Я не даромъ молилъ всѣхъ прочесть мою книгу нѣсколько разъ, предугадывая впередъ всѣ недоразумѣнія. Повѣрьте, что не легко судить о книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія автора, скрытно и долго жившаго въ самомъ себѣ и страдавшаго неумѣньемъ выразиться. Не легко также было и рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и посмѣяніе, выставивши часть той внутренней своей исторіи, настоящій смыслъ которой не скоро почувствуется. Уже одинъ такой подвигъ долженъ былъ бы заставить мыслящаго человѣка задуматься и, не торопясь подачею своего голоса о ней, прочесть ее въ различные часы душевнаго расположенія, болѣе спокойнаго и болѣе настроеннаго къ собственной исповѣди, потому что только въ такія минуты душа способна понимать душу, а

въ книгѣ моей дѣло души. Вы бы не сдѣлали тогда тѣхъ опкошныхъ выводовъ, которыми наполнена ваша статья. Какъ можно, на примѣръ, изъ того, что я сказалъ, что въ критикахъ, говорившихъ о недостаткахъ моихъ, есть много справедливого, вывести заключеніе, что критики, говорившія о достоинствахъ моихъ, несправедливы? Такая логика можетъ присутствовать только въ головѣ разсерженнаго человѣка, ищущаго только того, что̀ способно раздражать его, а не оглядывающаго предметъ спокойно со всѣхъ сторонъ. Я долго носилъ въ головѣ, какъ заговорить о критикахъ, которые говорили о достоинствахъ моихъ и которые, по поводу моихъ сочиненій, распространили много прекрасныхъ мыслей объ искуствѣ; я безпристрастно хотѣлъ опредѣлить достоинство каждаго и оттѣнки эстетическаго чутья, которымъ болѣе или менѣе одаренъ былъ каждый; я выжидалъ только времени, когда мнѣ можно будетъ сказать объ этомъ, или, справедливѣе, когда мнѣ прилично будетъ сказать объ этомъ, чтобы не говорили потомъ, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной цѣлью, а не чувствомъ безпристрастія и справедливости. Пишите критики самыя жестокія, прибирайте всѣ слова, какія знаете, на то, чтобъ унизить человѣка, способствуйте къ осмѣянію меня въ глазахъ вашихъ читателей, не пожалѣвъ самыхъ чувствительныхъ струнъ, можетъ быть, нѣжнѣйшаго сердца,—все это вынесетъ душа моя, хотя и не безъ боли и не безъ скорбныхъ потрясеній; но мнѣ тяжело, очень тяжело—говорю вамъ это искренно — когда противъ меня питаетъ личное озлобленіе даже и злой человѣкъ. А васъ я считалъ за добраго человѣка. Вотъ вамъ искреннее изліяніе моихъ чувствъ.«

Но критикъ, видно, далекъ былъ отъ »кроткой мудрости«, которая, по Апостолу, доказывается »на самомъ дѣлѣ, добрымъ поведеніемъ« ([1]). Онъ отвѣчалъ Гоголю въ выраженіяхъ, на которыя ничто не давало ему права. Это видно изъ возраженій Гоголя, сохранившихся между его бумагами въ мелкихъ клочкахъ, изъ которыхъ,

([1]) Іоак. III, 13.

многіе потеряны, такъ что изъ нихъ съ трудомъ можно было составить только нѣсколько отрывковъ. Эти отрывки изъ письма, написаннаго Гоголемъ начерно, потомъ изорваннаго и уцѣлѣвшаго только случайно (и то, какъ уже сказано, не вполнѣ), показываютъ, что Гоголь намѣренъ былъ сперва оправдываться передъ однимъ человѣкомъ въ обидныхъ обвиненіяхъ, которыя посылались на него со всѣхъ сторонъ, но потомъ, разсудивъ, вѣроятно, что этимъ принесетъ мало пользы своему дѣлу, перемѣнилъ форму своихъ »оправдательныхъ статей« и изложилъ ихъ въ особой запискѣ, которой не успѣлъ еще дать заглавія ([1]). Таково происхожденіе этого важнаго источника для составленія коментаріевъ къ произведеніямъ Гоголя, для составленія его задушевной его характеристики и его литературнаго образа. Сложенные и прочитанные мною лоскутки изорваннаго Гоголемъ письма къ критику интересны для насъ еще въ томъ отношеніи, что представляютъ много новыхъ мыслей и намековъ на мысли, невошедшихъ въ »Авторскую Исповѣдь«, и служатъ объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея. Помѣщаю здѣсь отрывки изъ этого письма.

»Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: »Опомнитесь, вы стоите на краю бездны«! Какъ далеко вы сбились съ прямаго пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!.. О, да внесутъ святыя силы миръ въ вашу страждущую душу! Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу? Чтò могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманья всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью

([1]) Вѣроятно онъ, откладывалъ на дальнѣйшее время окончательную ея редакцію. См. объ этой запискѣ ниже, въ письмѣ отъ 10 іюня, 1847.

и ненавистью.... Зачѣмъ вамъ, вамъ, съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической (жизни) въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго (ума) теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ какъ порохъ умомъ, уже вспыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, что истина, а что (ложь), какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка и другихъ сожжете..... О, какъ сердце мое ноетъ въ эту минуту за васъ! Что, если и я виноватъ? что, если и мои сочиненія послужили вамъ къ заблужденію? Но нѣтъ, какъ ни разсмотрю всѣ прежнія сочиненія (мои), вижу что они не могли (соблазнить васъ).— — Когда я писалъ ихъ, я благоговѣлъ передъ (всѣмъ, передъ) чѣмъ человѣкъ долженъ благоговѣть. Насмѣшки и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства, но надъ извращеньемъ, надъ уклоненьемъ, надъ неправильными толкованьями, надъ дурнымъ (приложеніемъ ихъ). Нигдѣ не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что составляетъ основанье русскаго ~~характера и его~~ великія силы. Насмѣшка была ~~только надъ мелочью, несвойственной~~ его характеру. Моя ошибка въ ~~томъ, что я мало обнаружилъ русскаго~~ человѣка, я не развергнулъ его, не обнажилъ до тѣхъ великихъ родниковъ, которые хранятся въ его душѣ. Но это не легкое дѣло. Хотя я и больше наблюдалъ за русскимъ человѣкомъ, хотя мнѣ могъ помогать нѣкоторый даръ ясновидѣнья, но я не былъ ослѣпленъ собой, глаза у меня были ясны. Я видѣлъ, что я еще не зрѣлъ для того, чтобы бороться съ событьями выше тѣхъ, какія доселѣ были въ моихъ сочиненіяхъ, и съ характерами сильнѣйшими. Все могло показаться преувеличеннымъ и напряженнымъ. Такъ и случилось съ этой моей книгой, на которую вы такъ напали. Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вамъ представилось въ ней въ другомъ видѣ. Вы ее не узнали. Не стану защищать мою книгу. Я самъ на нее напалъ и нападаю. Она была издана въ торопливой посиѣшности, несвойственной моему характеру, разсудительному и осмотрительному. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ его польстить, или покадить. Я хотѣлъ только остановить нѣсколько пылкихъ головъ, готовыхъ закружиться и потеряться въ этомъ омутѣ и безпорядкѣ, въ

какомъ вдругъ очутились всѣ вещи міра, когда внутренній духъ сталъ померкать, какъ-бы готовый погаснуть. Я попалъ въ излишества, но—говорю вамъ—я этого даже не замѣтилъ. Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь, когда мнѣ) пора подумать о смерти...... Ничего не хотѣлъ (я) ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными. Вспомнили бъ вы по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобъ легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца..... Вы извиняете себя (тѣмъ, что вы писали) въ гнѣвномъ расположеніи духа. Но въ какомъ же (расположеніи духа) вы рѣшаетесь говорить (неуважительно о такихъ) важныхъ предметахъ (какъ)...?— — —

»Какъ странно мое положеніе, что я долженъ защищаться противъ тѣхъ нападеній, которыя всѣ направлены не противъ меня и не противъ моей книги. Вы говорите, что вы прочли будто сто разъ мою книгу, тогда какъ ваши же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ. Блуждаютъ кое-гдѣ блестки правды посреди огромной кучи софизмовъ и необдуманныхъ юношескихъ увлеченій. Но какое невѣжество!— — ту самую церковь (и тѣхъ самыхъ) пастырей, которые мученичествомъ своей смерти запечатлѣли истину всякаго слова Христова, которые тысячами гибли подъ ножами и мечами убійцъ, молясь о нихъ, и наконецъ утомили самихъ палачей, такъ что побѣдители упали къ ногамъ побѣжденныхъ, и весь міръ исповѣдалъ.... И этихъ самыхъ пастырей, этихъ мучениковъ епископовъ, (которые) вынесли на плечахъ святыню Церкви, вы — —? Опомнитесь, куда вы зашли?— — Да я, когда былъ еще въ гимназіи, я и тогда не восхищался Вольтеромъ. У меня тогда было на столько ума, чтобъ видѣть въ Вольтерѣ ловкаго остроумца, но далеко не глубокаго человѣка. Вольтеромъ не могли восхищаться

ни Пушкинъ, ни Суворовъ, ни всѣ сколько-нибудь полные умы. Вольтеръ, не смотря на всѣ блестящія замѣтки, остался тотъ же Французъ, который увѣренъ, что можно говорить обо всѣхъ предметахъ высокихъ шутя и легко.— — —

»Нельзя, получа легкое журнальное образованіе, (судить) о такихъ предметахъ. Нужно для этого изучить исторію Церкви. Нужно сызнова прочитать съ размышленіемъ всю исторію человѣчества въ источникахъ, а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, (написанныхъ) Богъ вѣсть кѣмъ. Эти поверхностныя (энциклопед)ическія свѣдѣнія разбрасываютъ умъ, а не сосредоточиваютъ его.

»Что мнѣ сказать вамъ на рѣзкое замѣчаніе (о) русско(мъ) мужик(ѣ)— — замѣчаніе, которое вы съ такою самоувѣренностію произносите, какъ-будто вѣкъ обращались съ русскимъ мужикомъ? Что мнѣ тутъ говорить, когда такъ краснорѣчиво говорятъ тысячи церквей и монастырей, покрывающихъ..... которые они строятъ не дарами богатыхъ, но бѣдными лептами неимущихъ?— — Нѣтъ, нельзя судить о Русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными (статейками) тѣхъ французскихъ..... такъ пристрастно — — Позвольте также сказать, что я болѣе предъ вами имѣю права заговорить (о Русскомъ) народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка, (какъ въ писателѣ), который былъ съ народомъ наблюд(ателенъ и, можетъ) быть, уже имѣетъ даръ входить..... что подтвердили (и вы) въ вашихъ критикахъ. А что же *вы* представите въ доказательство вашего знанія..... природы Русскаго народа? Что вы произвели такого, въ которомъ видно......? Предметъ (этотъ) великъ, и объ этомъ я могъ бы вамъ (написать цѣлыя) книги. Вы бы устыдились сами того грубаго смысла, который вы придали совѣтамъ моимъ помѣщику. Какъ эти совѣты ни..... но въ нихъ нѣтъ протеста противу грамотности..... развѣ протестъ противъ развращенія (народа Русск)аго грамотою, на мѣсто того, что грамата вамъ дана, чтобъ стремить къ высшему свѣту человѣка. Отзывы ваши о помѣщикѣ вообще отзываются временами фонъ-Визина. Съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и теперь показалось многое другое. — — Не стыдно ли вамъ, въ уменьшительныхъ именахъ нашихъ, которыя

даемъ мы иногда и товарищамъ, видѣть.....? Вотъ до какихъ ребяческихъ выводовъ доводитъ невѣрный взглядъ на главный предметъ!

»Еще изумила меня эта отважная самонадѣянность, съ которою вы говорите, что »Я знаю общество наше и духъ его«. Какъ можно ручаться за этотъ ежеминутно мѣняющійся хамелеонъ? Какими данными вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали ли вы гдѣ-нибудь въ сочиненьяхъ своихъ, что вы глубокій вѣдатель души человѣка? Живя почти безъ прикосновенья съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника, во всегдашнихъ занятіяхъ фельетонными статьями, какъ вамъ имѣть понятіе объ этомъ громадномъ страшилищѣ, которое..... данными явленіями..... въ ту ловушку, въ которую (попадаютъ) всѣ молодые писатели (разсуждающіе обо) всемъ мірѣ и человѣчествѣ, тогда какъ (довольно) заботъ намъ и вокругъ себя. Нужно (прежде всего) ихъ исполнить; тогда общество (само) собою пойдетъ хорошо. А если (пренебрежемъ) свои обязанности относительно лицъ..... за обществомъ..... такъ же точно. Я (встрѣчалъ) въ послѣднее время много прекрасныхъ людей (которые) совершенно сбились на этомъ........

»Многіе, видя, что общество идетъ дур(ной дорогой), что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованьями и реформами, обращеньемъ на такой и на другой ладъ можно поправить міръ. Другіе думаютъ, что посредствомъ какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подѣйствовать на воспитаніе общества. Мечты! кромѣ того, что прочитанная книга лежитъ........ Плоды если происходятъ, то вовсе не тѣ, о которыхъ думаетъ авторъ, а чаще такіе, отъ которыхъ онъ съ испугомъ отскакиваетъ самъ...... Общество образуется само собою, слагается изъ единицъ...... единица исполнила долж.... (Пускай) вспомнитъ человѣкъ, (что) онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда (каждый) сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство.

»(Вы) говорите— — Нѣтъ, Россія... помолилась въ 1612, и спас-

ла отъ Поляковъ; она помолилась въ 1812, и спасла отъ Французовъ. Или это вы называете молитвою, что одна тысячная молится, а всѣ прочіе кутятъ..... съ утра до вечера на всякихъ зрѣлищахъ, закладывая послѣднее свое имущество, чтобы насладиться всѣмъ комфортомъ, которымъ надѣлила насъ эта б.... европейской цивилизаціи...

»Нѣтъ, оставимъ..... Будемъ исполнять (свое) дѣло честно. (Будемъ) стараться, чтобъ не зарыть въ землю талантовъ. Будемъ отправлять свое ремесло. Тогда все будетъ хорошо, и состоянье (общества) поправится само собою. — — — Владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ. Чиновники увидятъ что не нужно жить богато, перестанутъ..... А честолюбецъ, увидя, что важныя мѣста не награждаютъ ни деньгами и богатымъ жалованьемъ..... ни вы, ни я не рождены..... Позвольте мнѣ напомнить (вамъ) прежнюю вашу дорогу. Литераторъ сущ..... Онъ долженъ служить искусству... вносить въ души міра примиреніе... а не вражду... Начните ученье. Примиритесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете наконецъ пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое-какъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите (это) чтеньемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ..... совращающимъ съ прямого взгляда.

» . . . .
. . . . «

XXVI.

Благосклонные отзывы о »Перепискѣ съ Друзьями«.—Письма о ней Гоголя къ Ф.Ф.В***, Н.Н.Ш***, А. С. Данилевскому, князю В.П.Л**, П. А. Плетневу и отцу Матвѣю.

Не одни, однакожъ, порицанія встрѣтилъ Гоголь на новомъ литературномъ пути своемъ. Кромѣ печатныхъ благосклонныхъ отзывовъ о »Перепискѣ съ Друзьями«, онъ получалъ письма отъ незнакомыхъ съ нимъ лично людей, съ привѣтствіями и выраженіями глубокаго уча-

стія. Объ нихъ-то, вѣроятно, говоритъ онъ , что они »приподымали его рукой скорбящаго брата« и »подавали руку изнемогшему духомъ.« Вотъ что писалъ къ автору »Переписки съ Друзьями« Ф.Ф.В**:

»— — Не могу описать восторговъ, съ которыми смотрѣлъ на Гоголя! Я смѣялся надъ тѣми, которые сравнивали его съ Гомеромъ. Теперь я каюсь въ томъ, признавая въ нихъ великій даръ предчувствія, предвидѣнія, хотя сравненіе ихъ въ глазахъ моихъ нѣсколько сохраняетъ еще свою преувеличенность. Гоголь былъ доселѣ вѣрный наблюдатель нравовъ, искусный ихъ живописецъ, остроумный и оригинальный авторъ; но какъ все это далеко отъ необыкновеннаго мужа, умѣвшаго соединить въ себѣ глубокую мудрость съ пламенной поэзіей души! Святость и геройство христіанина и патріота, которыми онъ, кажется, весь проникнутъ, превыше таланта, превыше даже генія, котораго, впрочемъ, въ сей книжкѣ , даетъ онъ несомнѣнныя доказательства. Меня увѣряли, что тутъ гордость болѣе видна, чѣмъ смиреніе. Это не совсѣмъ справедливо. Правда, и она мѣстами высказывается, но въ этомъ-то несовершенствѣ вся и прелесть сочиненія. Я смотрѣлъ на него, какъ на изнеможеніе , какъ на остатокъ слабости послѣ сильной борьбы и побѣды надъ собою. И что̀ за мысли, и какая ихъ выразительность! Съ фейерверкомъ сравнить ихъ мало ! Въ нихъ нѣчто молніи подобное. Читая, право, какъ-будто ослѣпленный свѣтомъ и оглушенный громами; глазамъ и слуху надобно привыкнуть къ его слогу. — —

»Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте мнѣ изъявить вамъ, господинъ Гоголь, сожалѣніе о томъ, что въ вашемъ прекрасномъ твореніи есть мѣста, на которыя съ большою основательностію имѣютъ они право нападать. Напримѣръ, какъ можно въ глаза, или въ письмѣ, что̀ все равно, грозить почтенному старцу, вами уважаемому, вами же вездѣ достойно прославляемому , названіемъ гадкаго старичишки, если онъ не воздержится отъ негодованія? Не хорошо, какою бы короткостію ни почтилъ онъ васъ, сей незлобивый, безобидный великій поэтъ. Не будемте слишкомъ пренебрегать приличіями свѣта. Источникъ учтивости между новѣйшими народами находится въ христіанскомъ законѣ, который поучаетъ насъ не оскорблять самолюбіе брата, съ осторож-

ностію говорить ему полезныя истины, не раздражать его, а скорѣе смягчать его гнѣвъ ласковымъ словомъ. Древніе народы, до Христа, знали только лесть, подлость, или грубость. Вотъ почему, кажется, надлежало бы вамъ говорить съ большею умѣренностію и о мнимомъ неряшествѣ и растрепанности слога почтеннаго Погодина. Какъ вы на это рѣшились? особенно, когда, среди безчисленныхъ красотъ, вами созданныхъ, нерѣдко встрѣчаются или лайковые штаны, или что-нибудь, тому подобное. Позвольте изъ васъ же взять тому сравненіе. Это напоминаетъ тѣ засаленныя бумажки, которыя валяются въ гостинной, гдѣ все блеститъ позолотой, зеркалами и лакомъ паркетовъ, о которыхъ вы говорите. Простите мнѣ: никакого орудія, вами поданнаго, не хотѣлось бы мнѣ видѣть въ рукахъ новыхъ враговъ вашихъ.

»Воротимтесь къ нимъ. Именъ ихъ я не знаю, или, въ уединеніи моемъ, давно ихъ позабылъ. Люди, которые достойны теперь понимать васъ, которые сочувствуютъ вамъ, которые раздѣляютъ со мною восхищенное удивленіе къ произведенію вашему, сказывали мнѣ, что всѣ эти враги были недавно великими почитателями, даже обожателями вашими. Когда, въ первой молодости, создали вы себѣ идеалъ совершенства, и начали искать его между вашими соотчичами, когда вмѣсто того, встрѣчали вы часто множество гнусныхъ пороковъ и, вооруживъ руку вашу огромнымъ хлыстомъ, перевитымъ колючимъ терніемъ, съ ожесточеніемъ, безъ милосердія, стали стегать въ нихъ— тогда эти люди съ остервененіемъ вамъ рукоплескали. Что побуждало ихъ къ тому? любовь ли къ родинѣ, коей сынамъ чаяли они отъ того избавленія? ненависть ли къ ней за неудачи свои, въ коихъ, право, не она, а природа ихъ была виновата? Невольно надобно придержаться послѣдняго мнѣнія, ибо, сколь тщательно убѣгали они отъ всякихъ сношеній, даже отъ простыхъ встрѣчъ съ писателями добрыми, умными, восторженными, которыхъ вся жизнь была любовь и гимнъ отечеству, столь усердно искали они сближенія со всѣми отъявленными Руссофагами ([1]), въ числѣ коихъ и вы были ими помѣщены. Блескъ необыкновеннаго ума вашего ихъ восхитилъ, они въ

([1]) Т. е. Руссоѣдами. *Н. М.*

состоянія были понять, даже оцѣнить его, особенно же всю ѣдкость вашей тогда неумолимой, чудесной—какъ бы не сказать изящной—злости. Долго, долго близорукіе ихъ очи любовались доступными ихъ зрѣнію, всѣми признанными великими литературными вашими достоинствами. Они гордились вами; они уже почитали васъ своимъ; какъ вдругъ вамъ вздумалось швырнуть въ нихъ небольшимъ, но для нихъ не менѣе тяжелымъ, томомъ, на которомъ какъ-будто написано: »Не нашимъ«. И въ то же время, съ быстротою фузеи отдѣлившись отъ ихъ взоровъ, вознеслись вы въ нѣчто для нихъ заоблачное, на вершину недосягаемаго для нихъ Ѳавора. Чтó можетъ сравниться съ ихъ изумленіемъ?

»Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая«.

какъ влюбленная Черкешенка Пушкина, стояли они и не вдругъ могли опомниться. Наконецъ опомнились и ни какъ уже не умѣя объяснить себѣ причину столь страшной перемѣны, заскрежетавъ зубами, пустились обвинять васъ, кто въ лицемѣріи, кто въ поврежденіи ума.

»Все это преданіе, или просто современный разсказъ, до меня нечаянно дошедшій, коему, хотя и передаю его вамъ, я не совсѣмъ вѣрю, тѣмъ болѣе, что упоминаемыя здѣсь лица мнѣ вовсе незнакомы. До нѣкоторой степени они въ глазахъ моихъ извинительны. Какъ вѣрить тому, чего не понимаешь? Вотъ почему и я плохо, плохо вѣрю озлобленію людей за великій, умилительный подвигъ сердечнаго раскаянія, за краснорѣчивое, увлекательное изображеніе истинъ, поучаемыхъ нашею матерью, православной Церквой, за выраженіе нѣжнѣйшей сыновней любви къ нашему великому отечеству? Но если правда все, сказанное мнѣ, если дѣйствительно сіи несчастные — — васъ дерзаютъ называть отступникомъ, тогда... о русской Богъ! прости прегрѣшеніе ихъ: не вѣдаютъ, чтó врутъ. — — — О, еслибъ сердца этихъ людей получили способность къ воспріятію двойнаго небеснаго огня, коимъ вы объяты! еслибъ хотя одна искра его туда къ нимъ заронилась! Совершенное перерожденіе ихъ было бы того послѣдствіемъ. Всѣ мелочи пустого, жалкаго ихъ самолюбія отстали бы отъ нихъ, какъ шелуха засохшихъ струпьевъ отпадаетъ отъ исцѣлен-

ной кожи. Не улыбки львицъ, здѣсь такъ расплодившихся, не ничтожная честь показываться въ ихъ салонахъ, а любовь и уваженіе въ толпѣ скрывающихся достойныхъ согражданъ были бы ихъ наградою. Почтенныя имена, пріобрѣтаемыя одними истинными заслугами и полезными трудами, сдѣлали бы ихъ болѣе извѣстными современникамъ и, можетъ быть, потомству. По ходу дѣлъ, можно предсказать, что оно будетъ судить иначе. Не возможно, чтобъ все оставалось, какъ нынѣ; нельзя, чтобъ за безтолковымъ броженіемъ умовъ не послѣдовалъ благоразумный устой. Тогда удѣлъ сихъ людей будетъ забвеніе, презрѣніе и, можетъ быть, и проклятіе сего болѣе насъ разсудительнаго потомства. Васъ ожидаетъ совсѣмъ иная участь. Напечатанныя письма ваши писали вы не для эффекта и не для похвалъ, а для блага, и уже дѣйствіе вашего примѣра и поученій становится ощутительно. Вы весьма справедливо замѣтили, что Пушкинъ красотою своего стихотворнаго слога увлекъ и обратилъ въ подражателей другихъ отличныхъ поэтовъ, гораздо прежде его на поприще вступившихъ. Такъ точно и вы красотою вашихъ мыслей и чувствъ сильно подѣйствовали на человѣка, далеко васъ въ жизни опередившаго. Вы не могли указать ему на недостатки его, но заставили его самаго съ сокрушеніемъ къ нимъ обратиться въ великіе дни, въ которые Церковь наша призываетъ насъ къ покаянію, посту и молитвѣ. — — — Вы сами заставляете кого-то молить Господа, чтобы онъ далъ ему гнѣвъ и любовь. Сіи дары почти всегда бываютъ неразлучны. Я получилъ ихъ, но, вѣроятно, не умѣлъ сдѣлать изъ нихъ благого употребленія для человѣчества. Теперь же мнѣ, дряхлому, забытому и забывшему, остается только молить Его о терпѣніи и о сохраненіи душевнаго спокойствія. Въ избыткѣ чувствъ, я, по заочности, заговорился съ вами. Вѣроятно, вы меня никогда не услышите и не прочтете, но мнѣ пріятно мечтать, что я бесѣдую съ вами. Было время, что я васъ долго и близко зналъ, о горе мнѣ! и не узналъ. Съ обѣихъ сторонъ излишнее самолюбіе не дозволяло намъ сблизиться. И какъ за суровостію вашихъ взглядовъ, могъ бы я угадать сокровища вашихъ чувствъ? До сокровищъ ума не трудно было у васъ добраться: не смотря на всю скупость рѣчей вашихъ, онъ самъ собою высказывался. Если намъ когда-либо случится еще встрѣтиться

въ жизни, то никакая холодность съ вашей стороны не остановитъ изліяній сердечной благодарности моей за восхитительныя наслажденія, доставленныя мнѣ чтеніемъ послѣдне-изданной вами книги.«

Отвѣтъ Гоголя на это замѣчательное во многихъ отношеніяхъ письмо отличается смиреннымъ спокойствіемъ мудреца, знающаго цѣну своимъ достоинствамъ и никогда нетеряющаго изъ виду своихъ недостатковъ. Вотъ онъ:

»Мнѣ было очень чувствительно ваше доброе участіе ко мнѣ. Благодарю васъ много за ваше письмо! Вы, не оскорбившись ни дерзкимъ тономъ моей книги, ни неизвинимой самонадѣянностью ея автора, обратили вниманіе на *существенную* ея сторону. За *алканье добра*, которое прозрѣли вы въ страницахъ ея, вы умѣли простить мнѣ всѣ ея недостатки. Нѣтъ, я не ослѣпленъ собой въ такой мѣрѣ, какъ думаютъ. Даже и ваша оцѣнка моей книги [слишкомъ высокая] меня не наполнила той гордостью, которую мнѣ приписываютъ теперь вообще, хотя, признаюсь вамъ чистосердечно, я всегда васъ почиталъ за очень умнаго человѣка и, стало бы, имѣлъ бы право отъ вашего мнѣнія возгордиться. Книга моя есть отчетъ въ моей внутренней вознѣ. Въ ней видно, что строился человѣкъ точно для чего-то добраго, хотя и не состроился; отъ того и всѣ эти заносчивыя замашки, неряшество, неосмотрительность, темнота, и проч., и проч. Зрѣлость и юность вмѣстѣ! То состояніе, котораго представитель моя книга, уже во мнѣ миновалось. Доказательствомъ этого служитъ мнѣ то, что я краснѣю отъ стыда за многое, въ ней выраженное. Но безъ этой книги, можетъ быть, мнѣ трудно было бы достигнуть той простоты, которая мнѣ необходима. Она точно есть для меня какое-то очищеніе. Послѣ нея я сталъ проще и яснѣе духомъ, и мнѣ кажется, что я теперь могу заговорить такимъ образомъ, что меня выслушаютъ безъ гнѣва. Не могу вамъ изъяснить, какъ мнѣ было пріятно прочесть тѣ строки вашего письма, гдѣ мелькомъ показали вы мнѣ вашу душу и дали мнѣ случай познакомиться съ вами ближе. Не питать негодованія противъ личныхъ враговъ — это уже очень много! это начало любви. Любить

же *добро земли своей*, какъ любили его всегда вы, есть еще болѣе *необщее* всѣмъ качество и стоитъ многихъ громкихъ заслугъ и выслугъ. Я увѣренъ, что въ вашихъ запискахъ есть много того, что́ способно сообщить это качество и другимъ. Ваше имя не будетъ позабыто въ Россіи, хотя, можетъ быть, теперь на время и позабыли о васъ. Это одно уже должно утѣшить васъ въ минуты грустныя. Но мнѣ кажется, что Богъ пошлетъ вамъ минуты сладкія, описаніемъ которыхъ вы увѣнчаете искреннюю исповѣдь вашу, которая, какъ я слышалъ, находится въ вашихъ запискахъ.«

Вотъ еще нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ по поводу »Переписки съ Друзьями«. Всѣ они запечатлѣны искренностью убѣжденій и ни одной строкой не противорѣчатъ предшествовавшимъ.

*Къ Н.Н.Ш****.*

»Я получилъ доброе письмо ваше, безцѣнный другъ мой Надежда Николаевна, сегодня, въ страстной четвергъ, и сегодня же вамъ отвѣчаю. Я было уже начиналъ думать, скучая долгимъ молчаніемъ вашимъ, что и вы негодуете на меня за мою книгу, какъ вдругъ получаю два листа вашего письма, и какого письма! Богъ да наградитъ васъ за него! Оно мнѣ было какъ благодатная роса. Я было уже утомился отъ упрековъ слишкомъ тяжкихъ и жесткихъ отовсюду и уже почти со страхомъ распечатывалъ письмо ваше. Но въ письмѣ вашемъ та же любовь, тѣ же молитвы обо мнѣ и о бѣдной душѣ моей! Весьма мало вы себѣ позволили замѣчаній на мою книгу, и даже и за нихъ просите у меня извиненія. Другъ мой, еслибъ вы даже сдѣлали и самые тягостные, самые суровые, самые жесткіе мнѣ упреки и сопроводили бы ихъ не голосомъ ангела, сострадающаго о человѣкѣ, но голосомъ строгаго судьи, да прибавили бы только, въ въ заключеніе письма вашего, что вы съ той же любовью обо мнѣ молитесь и помните, какъ о своемъ возлюбленномъ сынѣ, данномъ вамъ Богомъ,—облобызалъ бы я тогда ваши строки, въ которыхъ начертались эти упреки. Упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь.

Какъ ни несправедливы многіе изъ нихъ, но въ основаніи ихъ лежитъ всегда какая-нибудь правда, и это меня заставляетъ всякой разъ построже оглянуться на себя, и внутренній глазъ мой становится послѣ того свѣтлѣе, точно какъ-будтобы слетаетъ съ него какая-нибудь шелуха. Главной виной того множества упрековъ, которымъ подвергнулась моя книга, есть *незрѣлость* ея. Тѣ же самыя вещи можно было сказать гораздо обдуманнѣе, точнѣе, опредѣлительнѣй, проще, скромнѣе, и искреннѣе, и книга моя имѣла бы больше защитниковъ. Но зато я бы не досталъ бы себѣ этого множества упрековъ, которые мнѣ нужны, и мнѣ бы не было средствъ поумнѣть какъ слѣдуетъ для того, чтобъ умѣть говорить, какъ слѣдуетъ. Большая часть упрековъ родилась отъ всякихъ недоразумѣній, къ которымъ я подалъ самъ поводъ неясностью словъ моихъ; въ томъ числѣ и самое дѣло о портретѣ. Поступки П**** относительно меня были совершенно неумышленны. Онъ дѣйствовалъ, вовсе не думая оскорбить меня. Надобно вамъ знать получше П****. Это добрѣйшая душа и добрѣйшее сердце. Великодушіе составляетъ главную черту его характера. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторая грубость, незнаніе приличій, безпамятство и разсѣянность [по причинѣ множества дѣлъ, которыми онъ всегда былъ опутанъ] поставляли его безпрестанно въ непріятныя отношенія съ людьми, въ возможность огорчать ихъ, безъ желанія огорчать. Я долго думалъ о томъ, какъ объяснить ему все это и заставить его оглянуться на себя, какъ вдругъ моя книга почти безъ моего вѣдома нанесла ему пораженіе [я совершенно позабылъ слова и фразы статей и, еслибы самъ печаталъ, то вѣроятно бы ослабилъ ихъ, имѣя намѣреніе болѣе объяснить неприкосновенность правъ собственности писателя]. Скажу вамъ, что я этому даже обрадовался, имѣя случай черезъ это съ нимъ прямо объясниться. Я писалъ къ нему письмо [отъ 4 марта], которымъ, вѣроятно, онъ удовлетворился. Скажу вамъ еще, для полнаго успокоенія вашего, что я никогда еще не любилъ такъ П****, какъ люблю его теперь. Человѣкъ этотъ, кромѣ того, что всегда былъ достоинъ всякаго уваженія, въ послѣднее время значительно измѣнился. Несчастія и разныя душевныя потрясенія умягчили его душу до того, что она теперь способна понимать многое изъ того, къ чему прежде была менѣе чувствительна. И я чувствую, что

отнынѣ у насъ съ нимъ будетъ дружба большая и здѣсь и тамъ. Вотъ вамъ, мой другъ, непритворный отчетъ по этому дѣлу.

»Поѣздка моя въ Іерусалимъ нѣсколько отодвинулась, по причинѣ всякихъ хлопотъ, переписокъ по поводу печатанія книги, по причинѣ нѣсколько вновь поразстроившагося моего здоровья, а наконецъ и по той причинѣ, что я не отважился отправляться одинъ. Почти со всѣми, имѣвшими тоже намѣреніе отправиться въ этомъ году въ Іерусалимъ, случились непредвидѣнныя препятствія. А мнѣ — надобно вамъ знать — необходимо для этой дороги товарищество близкихъ сердцу душъ. Я не такъ крѣпокъ душой и тѣломъ, я не такъ живу въ Богѣ, чтобы обойтись безъ помощи людей, и мнѣ братская помощь человѣка еще болѣе нужна въ этомъ путешествіи, которое для меня есть важнѣйшее изъ событій моей жизни. Кромѣ того, мнѣ необходимо также получше приготовиться, побольше утвердиться въ здоровьи, и душевномъ, и тѣлесномъ. Лѣтомъ, по причинѣ разстроившихся нервъ моихъ, я долженъ буду ѣхать на воду въ Германію и на морское купанье, а потому отвѣтъ на это письмо вы адресуйте уже во Франкфуртъ, или по прежнему на имя Жуковскаго, или же на имя нашего посольства. Не позабывайте писать ко мнѣ. Письма друзей моихъ теперь мнѣ очень нужны. Со времени смерти незабвеннаго моего Языкова, никто ко мнѣ теперь не пишетъ часто. Онъ да вы только умѣли меня такъ любить, что, не смущаясь ничѣмъ,—ни долгимъ молчаніемъ моимъ, ни неумѣньемъ моимъ быть признательну за такую нѣжную дружбу, писали ко мнѣ всегда и не забывали меня никогда въ мысляхъ и молитвахъ вашихъ.«

Къ А. С. Данилевскому и его супругѣ.

»Неаполь. Марта 18, 1847.

»Я получилъ ваши строчки, милые друзья мои. Пишу къ вамъ обоимъ, потому что вы составляете *одно.* Хотя письма ваши коротеньки, но я глоталъ съ жадностью подробности *житья* вашего и перечиталъ ихъ не одинъ разъ. Хотѣлъ бы вамъ заплатить тѣмъ же, то есть, повѣстью о себѣ, но повѣсть эта такъ чудна, такъ необыкновенна, что нужно слишкомъ собраться съ духомъ и привести себя

въ очень покойное расположеніе, въ то расположеніе, въ какомъ находится старый инвалидъ, уже помѣстившійся дома, на родинѣ, среди дѣтей и внучатъ, когда ему легко разсказывать о прошедшихъ битвахъ. Послѣ, когда приведетъ меня Богъ побывать въ Кіевѣ [который еще заманчивѣй отъ вашего въ немъ пребыванія], я, можетъ быть, съумѣю вамъ разсказать просто и ясно многое; но теперь, во внутреннемъ домѣ моемъ, происходитъ еще столько мытья, уборки и всякой возни, что хозяину просто невозможно быть толкову въ рѣчахъ даже и съ наиближайшимъ другомъ. Покуда скажу тебѣ вотъ что́, мой добрый Александръ. Ты никакъ не смущайся обо мнѣ по поводу моей книги и не думай, что я избралъ другую дорогу писаній. Дѣло у меня то же, какое и было всегда и о которомъ замышлялъ еще въ юности, хотя не говорилъ о томъ, чувствуя безсиліе свое выражаться ясно и понятно [всегдашняя причина моей скрытности]. Нынѣшняя книга моя есть только свидѣтельство того, какую возню нужно было мнѣ поднимать для того, чтобы »Мертвыя Души« мои вышли тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. Трудное было время, испытанья были такія страшныя и тяжелыя, битвы такія сокрушительныя, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава Богу, все пронеслось, все обратилось въ добро. Душа человѣка стала понятнѣй, люди доступнѣй, жизнь опредѣлительнѣй, и чувствую, что это отразится въ моихъ сочиненіяхъ. Въ нихъ отразится та вѣрность и простота, которой у меня не было, не смотря на живость характеровъ и лицъ. Нынѣшняя моя книга выдана въ свѣтъ затѣмъ, чтобы пощупать ею, во первыхъ, самаго себя, а во вторыхъ, другихъ,— узнать посредствомъ ея, на какой степени душевнаго состоянья своего стоитъ теперь каждый изъ нашего современнаго общества. Вотъ почему я съ такою жадностью собираю всѣ толки о ней. Мнѣ важно, кто и что́ именно сказалъ, важна и самая *личность* того человѣка, который сказалъ, его черты характера. И такъ знай, что всякой разъ, когда ты передашь мнѣ мысли какого-нибудь человѣка о моей книгѣ, прибавя къ тому и портретъ самаго человѣка, то этимъ ты сдѣлаешь мнѣ большой подарокъ, мой добрый Александръ. А васъ прошу, моя добрая Юлія, или по-русски *Улинька*, что́ звучитъ еще пріятнѣй [вашего отечества вы не захотѣли мнѣ объявить,

желая остаться и въ моихъ мысляхъ подъ тѣмъ же именемъ, какимъ называетъ васъ супругъ вашъ], васъ прошу, если у васъ будетъ свободное время въ вашемъ домѣ, набрасывать для меня слегка маленькіе портретики людей, которыхъ вы знали, или видаете теперь, хотя въ самыхъ легкихъ и бѣглыхъ чертахъ. Не думайте, чтобъ это было трудно. Для этого нужно только помнить человѣка и умѣть его себѣ представить мысленно. Не разсердитесь на меня за то, что я, еще не успѣвши ничѣмъ заслужить вашего расположенія, докучаю вамъ такою просьбою. Но мнѣ теперь очень нуженъ русской человѣкъ, вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, въ какомъ бы званіи и сословіи онъ ни былъ. Эти бѣглые наброски съ натуры мнѣ теперь такъ нужны, какъ живописцу, который пишетъ большую картину, нужны этюды. Онъ, хоть, по видимому, и не вноситъ этихъ этюдовъ въ свою картину, но безпрестанно соображается съ ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться отъ природы. Если же васъ Богъ наградилъ замѣчательностью особенною и вы, бывая въ обществѣ, умѣете подмѣчать его смѣшныя и скучныя стороны, то вы можете составить для меня *типы*, то есть, взявши кого-нибудь изъ тѣхъ, которыхъ можно назвать представителемъ его сословія, или сорта людей, изобразить въ лицѣ его то сословіе, котораго онъ представитель: хоть на примѣръ, подъ такими заглавіями: *Кіевскій левъ*; *Губернская femme incomprise*; *Чиновникъ-Европеецъ*; *Чиновникъ-старовѣръ* и тому подобное. А если душа у васъ сердобольная и сострадаетъ къ положенью другихъ, опишите мнѣ раны и болѣзни вашего общества. Вы сдѣлаете этимъ подвигъ христіянскій, потому что изъ всего этого, если Богъ поможетъ, надѣюсь сдѣлать доброе дѣло. Моя поэма можетъ быть очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ *живыхъ примѣровъ*, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Вотъ вамъ, мои добрые, моя собственная повѣсть и подробности того, что̀ составляетъ нынѣшнюю жизнь мою, въ отплату вамъ за ваши тоже весьма коротенькія извѣстія о себѣ. Но вы, однакоже, не забывайте себя показывать мнѣ почаще и не пренебрегайте этими, по видимому, незначительными подробностями, но которыя, однакожъ, для меня драгоцѣнны. Сами посудите: если

мнѣ теперь дорогъ и близокъ всякой человѣкъ на Руси, то во сколько кратъ долженъ быть мнѣ дороже и ближе человѣкъ, связанный узами дружбы со мной? Вѣдь я васъ не вижу, а эти маленькія, по видимому, пустыя подробности дѣлаютъ то, что вы рисуетесь передъ моими глазами, и я какъ-бы ощущаю въ маломъ видѣ радость свиданья.

»Вотъ вамъ мой маршрутъ. До мая я въ Неаполѣ, а тамъ отправляюсь на воды и морское купанье, по случаю вновь пришедшихъ недуговъ и разстроившихся нервъ моихъ. Укрѣпивши мои нервы, проберусь разными дорогами по Европѣ вновь въ Неаполь къ осени, съ тѣмъ чтобы оттуда двинуться на Востокъ. Всю зиму и начало весны проведу на Востокѣ, а оттуда, если Богъ благословитъ, пущусь въ Русь на Константинополь, Одессу и, стало быть, на Кіевъ; а въ Кіевѣ, около іюня мѣсяца, обниму васъ, что̀ имѣетъ быть, по моему расположенію, въ будущемъ году.«

*Къ князю В. В. Л**.*

»Неаполь 1847, марта 20.

Благодарю васъ за письмо ваше исполненное такого искренняго участія. Я разсматривалъ долго вашу надпись. Одного князя Л** я зналъ, но тотъ, кажется, въ Петербургѣ.

»Вы спрашиваете, зачѣмъ вышла книга моихъ писемъ; на что̀ никакъ не въ силахъ отвѣчать. Было столько причинъ разнаго рода, что описать ихъ понадобились бы безконечные листы и страницы, которые произвели бы, можетъ, новыя недоразумѣнія. Что̀ сдѣлано, то сдѣлано. Ничего не происходитъ въ мірѣ безъ воли Божіей. Есть святая сила въ мірѣ, которая все обращаетъ въ доброе, даже и то, что отъ дурного умысла. Но книга моя была не отъ дурного умысла: на ней только лежитъ печать неразумія человѣческаго, лучше — моего, и потому я вѣрю въ Божью милость, что не допуститъ Онъ, дабы изъ книги моей почерпнули вредъ. Покуда я могу сказать только, что появленіе этой книги полезно мнѣ самому больше, чѣмъ кому-либо другому. Одно помышленье о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностію сказано въ ней

многое, заставляетъ меня горѣть отъ стыда. [Я не видалъ моей книги въ печати; знаю только, что она выпущена въ обезображенномъ видѣ съ пропусками, выключеніемъ большей половины статей и мѣстъ. Въ статьяхъ и размѣщеніи ихъ была, нѣкоторая связь, а въ связи всё таки нѣкоторое объясненіе дѣла]. Стыдъ этотъ мнѣ нуженъ. Не появись моя книга, мнѣ бы не было и въ половину извѣстно мое состояніе душевное. Всѣ эти недостатки мои, которые васъ такъ поразили, не выступили бы передо мною въ такой наготѣ: мнѣ никто ихъ не указалъ. Люди, съ которыми я нахожусь нынѣ въ сношеніяхъ, увѣрены не шутя въ моемъ совершенствѣ. Гдѣ же мнѣ добыть голосъ осужденья? Безъ появленья этой книги моей, я бы точно остался въ самоослѣпленіи, не изучилъ многаго въ себѣ. Безъ появленья этой книги, не устремилось бы за мою душу столько чистыхъ молитвъ, съ такою святою мыслью молить Бога о спасеніи моемъ. Молитвы эти мнѣ нужны; я вѣрю въ ихъ силу. Нѣтъ, не допуститъ Богъ впасть меня въ ту *прелесть*, въ которую подозрѣваютъ меня впадшимъ. Ради молитвъ тѣхъ праведниковъ, которые о мнѣ молятся, Онъ спасетъ меня. Сколько могу судить о толкахъ, до меня дошедшихъ, читатели мои находятся еще подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Я бы очень желалъ услышать мнѣнія тѣхъ, которые прочли мою книгу не одинъ разъ, но нѣсколько, въ различные часы и въ различныя расположенія душевныя. Тамъ есть нѣкоторыя душевныя тайны, которыя не вдругъ постигаютъ и которыя, покуда, приняты [можетъ быть, отъ неумѣнья моего просто и ясно выражаться] совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Такъ какъ вы питаете такое искренно доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что я отнюдь не перемѣнялъ направленья моего. Трудъ у меня всё одинъ тотъ же, всё тѣ же »Мертвыя Души«, и одна изъ причинъ появленья нынѣшней моей книги была—возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, въ слѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были выказаться многія мнѣ незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка, которыя мнѣ очень нужно взять къ соображенью, чтобы не попасть въ разные промахи при сочиненіи той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Богъ дастъ силъ, то »Мертвыя Души«

выйдутъ такъ же просты, понятны и всѣмъ доступны, какъ нынѣшняя моя книга загадочна и непонятна. Чтó же дѣлать, если мнѣ суждено сдѣлать большой крюкъ для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Богъ надѣляетъ иныхъ людей уже при самомъ рожденьи ихъ. Итакъ вотъ вамъ, покуда, посильное изъясненіе того, зачѣмъ вышла моя книга. Не знаю, будете ли вы довольны имъ, но во всякомъ случаѣ приношу вамъ еще разъ душевную благодарность за доброе письмо ваше, за которое да наградитъ васъ Богъ всѣмъ тѣмъ, чтò есть наижелательнѣйшаго и наинужнѣйшаго вашей душѣ.«

Къ П.А.Плетневу.

»Апрѣля 17 (1847).

»Отъ А.О.Р*** я узналъ кое-что изъ тѣхъ непріятностей, которыя случилось тебѣ потерпѣть отъ нѣкоторыхъ людей, тебя незнающихъ и неумѣющихъ цѣнить. Другъ мой, прости имъ все. Отъ него же я узналъ о томъ, что ты много натерпѣлся изъ-за меня, слушая всякія толки обо мнѣ. Не знаю, какъ благодарить за доброту твою, но вѣрь, чтó умѣю цѣнить безцѣнную дружбу твою теперь болѣе, нежели когда-либо прежде. А толками не смущайся. Говорю тебѣ откровенно, что я теперь ежеминутно благодарю Бога за то, что книга моя произвела именно эти толки, а не такіе, которые были бы въ мою пользу. Отъ этихъ толковъ я значительно поумнѣю, какъ даже и не думаютъ тѣ, которые обо мнѣ толкуютъ; уже и теперь я заставленъ ими гораздо строже взглянуть на самаго себя. Безъ этихъ толковъ, передо мною не раскрылось бы такъ общество и люди, которыхъ мнѣ нужно непремѣнно знать. У меня долго еще будетъ все невпопадъ, и языкъ мой не будетъ доступенъ для всѣхъ, покуда не узнаю такъ людей, какъ мнѣ хочется узнать. Повѣрь, что безъ этой книги не было бы на чемъ испробовать нынѣшняго человѣка А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, не смотря на всѣ ея недостатки, сокровище. Ты самъ это испытаешь, если будешь на ней пробовать человѣка. Онъ отъ тебя не скроется въ своихъ сокровенныхъ и главнѣйшихъ помышленіяхъ, и состояніе души его выступитъ передъ тобою какъ разъ. А черезъ это самое

ты будешь имѣть возможность оказать благодѣяніе мнѣ, тебя любящему, сообщая наблюденія свои, которыя многому меня научатъ. О дѣлахъ по книгѣ я уже писалъ, отъ 15 апрѣля Арк. Ос. Письмо это, вѣроятно, онъ уже тебѣ сообщилъ. Мнѣ кажется, что ты теперь нѣсколько усталъ, изнурился отъ хлопотъ и дѣлъ; тебѣ нужно освѣжиться. Удаленіе лѣтомъ на дачу, или даже въ Финляндію не удалитъ тебя совершенно отъ того, отъ чего на время слѣдуетъ удалиться. Мнѣ кажется, ты бы лучше сдѣлалъ, еслибы взялъ на мѣсяцъ, или на два, отпускъ за границу и прилетѣлъ бы ко мнѣ моремъ. Въ семь дней въ Остенде. Переѣздъ моремъ дѣйствуетъ удивительно на силы и на духъ. Ты бы тогда привезъ самъ статьи, просмотрѣнныя В***, съ его замѣчаніями, и захватилъ бы съ собою журналы и книги, потому что я до сихъ поръ не получилъ ни печатнаго листка. Мы бы о многомъ переговорили съ тобою и перетолковали, съѣздили бы вмѣстѣ даже въ Лондонъ. Изъ Остенде день ѣзды въ Лондонъ и день ѣзды въ Парижъ. Ни экипажей, ни дорожныхъ запасовъ ненужно; вездѣ пароходъ и желѣзныя дороги; даже къ Жуковскому можно съѣздить по желѣзной дорогѣ. Мнѣ кажется, что ласки дружбы и родныя рѣчи о томъ, что̀ есть родное душамъ нашимъ, много бы тебя освѣжили, и ты съ новой бодростью началъ бы полезную свою дѣятельность, по возвращеніи въ Петербургъ. Но соображайся во всемъ съ твоими собственными обстоятельствами и возможностью. Какъ мнѣ ни радостно было бы съ тобою свиданіе, но я бы не хотѣлъ его купить цѣною пожертвованій.«

Къ нему же.

»Неаполь. Мая 9 (1847).

»Я получилъ милое письмо твое [отъ $^{1}/_{14}$ апр.] передъ самимъ моимъ отъѣздомъ изъ Неаполя; спѣшу, однакожъ, написать нѣсколько строчекъ. Отвѣтъ на твои запросы ты, вѣроятно, уже имѣешь отчасти изъ письма моего къ Р*** [отъ 15 апр.], отчасти изъ письма къ тебѣ [отъ 17 апр.]. Благодарю тебя также за приложеніе двухъ писемъ, для меня очень значительныхъ. В**** я написалъ маленькій отвѣтъ, при семъ прилагаемый, который пожалуйста пере-

дай ему немедленно. Что̀ касается до письма Б****, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познаніе догматовъ. Это познаніе слышно во всякой строкѣ его письма. Все сказано справедливо и все вѣрно. Но, чтобы произнести полной судъ моей книгѣ, для этого нужно быть глубокому душевѣдцу, нужно почувствовать и услышать страданіе той половины современнаго человѣчества, съ которою даже не имѣетъ и случаевъ сойтись монахъ; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многихъ. Поэтому никакъ для меня не удивительно, что имъ видится въ моей книгѣ смѣшеніе свѣта съ тьмой. Свѣтъ для нихъ та сторона, которая имъ знакома; тьма та сторона, которая имъ незнакома; но объ этомъ предметѣ нечего намъ распространяться. Все это ты чувствуешь и понимаешь, можетъ быть, лучше моего. Во всякомъ случаѣ письмо это подало мнѣ доброе мнѣніе о Б****. Я считалъ его, основываясь на слухахъ, просто дамскимъ угодникомъ — —

»Нѣсколько словъ на счетъ изумленія твоего моему любопытству знать всѣ толки, даже пустые, обо мнѣ и о моей книгѣ. Другъ мой, какъ ты до сихъ поръ не можешь почувствовать, что это мнѣ необходимо! Въ толкахъ этихъ я ищу не столько поученія себѣ, сколько короткаго знанія тѣхъ людей, которыхъ мнѣ нужно знать. Въ сужденіяхъ о моихъ сочиненіяхъ обнаруживается самъ человѣкъ. Говоритъ журналистъ, но вѣдь за журналистомъ стоитъ двѣ тысячи людей, его читателей, которые слушаютъ его ушами и смотрятъ на вещи его глазами. Это не бездѣлица! Мнѣ очень нужно знать, на что̀ нужно напирать. Не позабудь, что я, хотя и подвизаюсь на поприщѣ искуства, хотя и художникъ въ душѣ, но предметомъ моего художества современный человѣкъ, и мнѣ нужно его знать не по одной его внѣшней наружности. Мнѣ нужно знать душу его, ея *нынѣшнее состояніе*. Ни Карамзинъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не избрали этого въ предметъ своего искуства, потому и не имѣли надобности въ этихъ толкахъ. Будь покоенъ на мой счетъ: меня не смутятъ критики и ни въ чемъ не заставятъ меня пошатнуться, что̀ здраво и крѣпко во мнѣ. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ ни случалось читать біографіи, я еще не встрѣтилъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ. Эту твердость

мою я чту знаком Божіей милости къ себѣ. Безъ Него, какъ бы мнѣ сохранить ее, сообразя то, что рѣдкому давалось выдержать такія битвы со всякими отвлекающими отъ избраннаго пути обстоятельствами. Послѣ всѣхъ этихъ толковъ, у меня только лучше прочищаются глаза на то́ же самое, на что́ я гляжу, и больше рвенія къ дѣлу. Повторяю тебѣ, что я слишкомъ твердъ въ главныхъ моихъ убѣжденіяхъ; но у меня правило: всѣхъ выслушай, а сдѣлай по своему. И что́ я сдѣлаю по своему, всѣхъ выслушавши, то уже трудно поднять будетъ на публичное посмѣшище, даже и *временное*.

»Р*** правъ на счетъ письма къ его сестрѣ. Совершенно въ такомъ видѣ, какъ оно есть, ему неприлично быть въ печати. Попроси его, чтобы онъ назначилъ карандашемъ всѣ мѣста, по его мнѣнію, неловкія. Ихъ очень легко умягчить, тѣмъ болѣе, что я чувствую уже и самъ, какъ слѣдуетъ чему быть.

»Вексель секунду я послалъ обратно къ тебѣ чрезъ Штиглица, потому что здѣсь не взялся по немъ выдать деньги банкиръ. Стало быть, тутъ уже не мое распоряженіе. Такова судьба его. Деньги эти береги у себя. Прокоповичу не слѣдуетъ ничего говорить.....

»Обнимаю тебя крѣпко. Богъ да хранитъ тебя! Ради Бога, хоть нѣсколько словъ о самомъ себѣ! Я собственно о тебѣ почти ничего не знаю; всѣ письма твои наполнены мной. Книга твоя о Крыловѣ прекрасна *во всѣхъ отношеніяхъ*. Это первая біографія, въ которой переданъ такъ вѣрно писатель.«

Къ нему же.

»10 іюня (1847). Франкфуртъ.

»Письмецо твое отъ 16/28 мая получилъ. Жуковскій, какъ ты уже, вѣроятно, знаешь, отложилъ отъѣздъ въ Россію, по причинѣ болѣзни жены, заставляющей его провести вмѣстѣ съ нею все лѣто въ Интерлакенѣ, въ Швейцаріи. Жаль конечно, что празднованіе юбилея его не состоится, но, по мнѣ, въ юбилеяхъ здѣшнихъ есть что-то грустное. Не отъ того ли, что приходишь въ такія лѣта, когда чувствуется сильнѣй, чѣмъ прежде, что слѣдуетъ помышлять о юбилеѣ небесномъ? Во всякомъ случаѣ, хорошо бы намъ хотя по-

ловиною мыслей стремиться жить въ иной обѣтованной, истинной странѣ. Блаженъ, кто живетъ на той землѣ, какъ владѣлецъ, который купилъ уже себѣ имѣніе въ другой губерніи, отправилъ туда всѣ свои пожитки и сундуки и самъ остался налегкѣ, готовый пуститься вслѣдъ за ними. Его не въ силахъ смутить тогда никакая земная скорбь и огорченіе отъ всякаго мелкаго дрязга жизни. Я радъ, что ты, какъ вижу изъ письма твоего, спокоенъ. Я самъ тоже спокоенъ. Путь мой, слава Богу, твердъ. Хотя тебѣ кажется, что я нѣсколько колеблюсь и какъ-бы недоумѣваю, чѣмъ заняться и какую избрать дорогу, но дорога моя все одна и та же. Она трудна, это правда, скользка, и не разъ уже я уставалъ, но сила святая, о насъ заботящаяся, воздвигала меня вновь и становила еще крѣпче на ноги. Даже и то, что́ казалось прежде какъ-бы воздвигавшимся въ поперегъ пути, служило къ ускоренію шаговъ; а потому во всемъ слѣдуетъ довѣряться Провидѣнію и молиться. Очень понимаю, что нѣкоторыхъ истинно доброжелательныхъ мнѣ друзей—въ томъ числѣ, можетъ быть, и самаго тебя—нѣсколько смущаетъ нѣкоторая многосторонность, выражающаяся въ моей книгѣ, и какъ-бы желаніе заниматься многимъ намѣсто одного.

»Для этого-то я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства,—то есть, въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искуствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и тому подобное. Въ немъ скажу, чѣмъ я почитаю искуство, что̀ я хотѣлъ сдѣлать съ даннымъ мнѣ на долю искуствомъ, развивалъ ли я точно самаго себя изъ данныхъ мнѣ матеріаловъ, или хитрилъ и хотѣлъ переломить свое направленіе,—ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не-литераторъ могъ видѣть, я ли виновенъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ и противъ Кого идти трудно человѣку. Мнѣ чувствуется, что мы здѣсь сойдемся съ тобой душа въ душу относительно дѣла литературы. Молю только Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы изложить все просто и правдиво. Оно разрѣшитъ тогда и тебѣ самому нѣкоторыя недоразумѣнія на счетъ меня, которыя все таки должны въ тебѣ еще оставаться. Покамѣсть, это да будтъ еще между нами. Книжечка можетъ выхо-

домъ своимъ устремить вниманіе на перечтеніе »Переписки съ Друзьями«, въ исправленномъ и пополненномъ изданіи. А потому пожалуйста перешли мнѣ не медля статьи, снабженныя вашими замѣчаніями, для передѣлки, адресуя во Франкфуртъ, на имя посольства.

»Въ слѣдующемъ письмѣ я пришлю тебѣ свидѣтельство о моей жизни для взятія денегъ изъ казначейства, которыя держи у себя вмѣстѣ съ прежними, къ тебѣ посланными чрезъ Штиглица. Онѣ, можетъ быть, мнѣ понадобятся къ концу года. На Востокъ будетъ присылать мнѣ трудно, а остаться тамъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, придется долѣе разсчитываемаго времени; стало быть, нужно будетъ деньгами запастись. Путешествіе, доселѣ откладываемое съ года на годъ, становится чрезъ то самое мнѣ болѣе желаннымъ и заманчивымъ. Точно какъ-бы душа моя говоритъ мнѣ, что я тамъ найду искомое издавна и лучшее всего того, что̀ находилъ донынѣ....

»При семъ письмецо къ В****. Передай отъ меня поклонъ Балабинымъ,—особенно М*П*. Напиши мнѣ хоть нѣсколько строчекъ о томъ, какъ она живетъ своимъ домомъ. Я слышалъ, что она просто чудо въ домашнемъ быту и хотѣлъ бы знать, въ какой мѣрѣ и какъ она все дѣлаетъ. А. О. Ишимову поблагодари за книжечку: »Розенштраухъ«. Я нашелъ, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова—сущій перлъ.«

Къ нему же.

»Франкфуртъ. Іюль 10 (1847).

»Посылаю тебѣ свидѣтельство о жизни. Деньги возьми, но храни у себя до времени отсылки ихъ въ Константинополь, что̀ нужно будетъ сдѣлать въ началѣ весны будущаго года. Если какой-нибудь можно получить въ это время на нихъ наростъ, что̀, какъ говоритъ Жуковскій, будто-бы дѣлается, то конечно не дурно; если же это пустякъ, то, разумѣется, не стоитъ изъ-за него хлопотать. Ожидаю отъ тебя извѣстія о томъ, гдѣ проводишь лѣто и когда къ тебѣ посылать небольшую вещь, которую бы мнѣ хотѣлось напечатать въ видѣ отдѣльной небольшой книжки, о которой я уже тебѣ сказывалъ. Можно ли тебѣ будетъ прислать ее черезъ мѣсяцъ отъ сего

дня? Хочу послать къ тебѣ также передѣланную »Развязку Ревизора«, которая вышла теперь, кажется, ловче.

»Спроси у того художника, который предлагалъ мнѣ изданіе »Мертвыхъ Душъ« съ рисунками: не хочетъ ли онъ издать съ виньетками »Ревизора«, съ присоединеніемъ означенной заключительной піэсы, разумѣя по виньеткѣ къ головѣ и къ хвосту всякаго дѣйствія, на той же страницѣ, гдѣ и слова.«

Слѣдующее письмо Гоголя къ К. С. Аксакову было писано въ 1848 году, но относится къ »Перепискѣ съ Друзьями«. Это случилось отъ того, что г. Аксаковъ, узнавъ о возвращеніи Гоголя на родину, откуда черезъ два мѣсяца онъ намѣревался переѣхать въ Москву, пожелалъ, прежде свиданья съ нимъ, высказать ему все, что было на душѣ, такъ чтобы при свиданьи находиться уже въ прямыхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ онъ не писалъ къ Гоголю ни слова о его новой книгѣ. Отвѣтъ Гоголя показываетъ, что онъ уже пережилъ тяжкое время испытанія и могъ выслушивать спокойно самыя несправедливыя и оскорбительныя нападенія, въ которыхъ друзья, любившіе его наиболѣе, обвиняютъ теперь себя строже другихъ. Умѣренность и кротость Гоголева отвѣта поразительны.

»Іюня 3 (1848). Васильевка.

»Откровенность прежде всего, Константинъ Сергѣевичъ. Такъ какъ вы были откровенны и сказали въ вашемъ письмѣ все, что было на душѣ, то и я долженъ сказать о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя были во мнѣ при чтеніи письма вашего. Во первыхъ, меня нѣсколько удивило, что вы, намѣсто извѣстій о себѣ, распространились о книгѣ моей, о которой я уже не полагалъ услышать что-либо по возвратѣ моемъ на родину. Я думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились и она предана забвенію. Я, однакоже, прочелъ со вниманіемъ три большія ваши страницы. Многое въ нихъ дало мнѣ знать, что вы съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, слѣдили [историческимъ и философическимъ путемъ] существо природы русскаго человѣка и, вѣроятно, сдѣлали немало значительныхъ выводовъ. Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ жажду прочесть вашу драму, которой, поку-

да, въ рукахъ еще не имѣю. Вотъ еще вамъ одна мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ то время, когда я прочелъ слова письма вашего: »Главный недостатокъ книги есть тотъ, что она—ложь«. Вотъ что́ я подумалъ. Да кто же изъ насъ можетъ такъ рѣшительно выразиться, кромѣ развѣ того, который увѣренъ, что онъ стоитъ на верху истины? Какъ можетъ кто-либо [кромѣ говорящаго развѣ Святымъ Духомъ] отличить, что̀ ложь и что̀ истина? Какъ можетъ человѣкъ, подобный другому, страстный, на всякомъ шагу заблуждающійся, изречь справедливый судъ другому въ такомъ смыслѣ? Какъ можетъ онъ, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, съ начала до конца какую бы то ни было душевную исповѣдь, онъ, который и самъ есть ложь, по слову Апостола Павла? Неужели вы думаете, что въ вашихъ сужденіяхъ о моей книгѣ не можетъ также закрасться ложь? Въ то время, когда я издавалъ мою книгу, мнѣ казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Развѣ не можетъ случиться того же и съ вами? Развѣ и вы не человѣкъ? Какъ вы можете сказать, что вашъ нынѣшній взглядъ непогрѣшителенъ и вѣренъ, или что вы не измѣните его никогда? тогда какъ, идя по той же дорогѣ изслѣдованій, вы можете найти новыя стороны, дотолѣ вами незамѣченныя; вслѣдствіе чего и самый взглядъ уже не будетъ совершенно томъ, и, что̀ казалось прежде *цѣлымъ*, окажется только частью цѣлаго. Нѣтъ, Константинъ Сергѣевичъ, есть духъ обольщенія, духъ-искуситель, который не дремлетъ и который такъ же хлопочетъ и около васъ, какъ около меня, и, увы! чаще всего бываетъ онъ возлѣ насъ въ то время, когда думаемъ, что онъ далеко, что мы освободились отъ него и отъ лжи и что самая истина говоритъ нашими устами. Вотъ какія мысли пришли мнѣ въ то время, когда я читалъ приговоръ вашъ книгѣ, на которую до сихъ поръ еще не имѣлъ духу взглянуть. Скажу вамъ также, что мнѣ становится теперь страшно всякой разъ, когда слышу человѣка, возвѣщающаго слишкомъ утвердительно свой выводъ, какъ непреложную, непогрѣшительную истину. Мнѣ кажется, лучше говорить съ меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательствъ*.

»Драму вашу я прочту со вниманьемъ и даю вамъ слово не скрыть своего мнѣнія. Она тѣмъ болѣе для меня интересна, что, вѣроятно, въ ней я отыщу яснѣйшее изложеніе всего того, о чемъ вы говорите въ письмѣ вашемъ нѣсколько неопредѣленно и неясно.«

По совѣту одного изъ друзей своихъ, Гоголь послалъ два экземпляра »Переписки съ Друзьями« къ священнику, отцу Матвѣю, котораго онъ зналъ по слухамъ, какъ человѣка, вполнѣ достойнаго его сана, и писалъ къ нему:

»Я прошу васъ убѣдительно прочитать мою книгу и сказать мнѣ хотя два словечка о ней—первыя, какія придутъ вамъ, какія скажетъ вамъ душа ваша. Не скройте отъ меня ничего и не думайте, чтобы ваше замѣчаніе, или упрекъ былъ для меня огорчителенъ. Упреки мнѣ сладки, а отъ (васъ) еще будутъ слаще. Не затрудняйтесь тѣмъ, что меня не знаете; говорите мнѣ такъ, какъ-бы меня вѣкъ знали. Напишите мнѣ письмецо въ Неаполь. Приложите въ моемъ письмѣ маленькое письмецо, хотя также изъ двухъ строчекъ, къ гр. А.П.Т**му, который также къ тому времени пріѣдетъ въ Неаполь, съ тѣмъ, чтобы выпроводить меня къ Святымъ Мѣстамъ, а можетъ быть, даже и самому туда пуститься, если Богу будетъ угодно поселить ему такую мысль. Вашими двумя строками вы его много обрадуете.

»Въ заключеніе, прошу васъ молиться обо мнѣ крѣпко, крѣпко во все время путешествія, которое—видитъ Богъ—хотѣлось бы совершить въ потребу истинную души моей, дабы быть въ силахъ потомъ совершить дѣло во славу святаго имени Его. Помолитесь же обо мнѣ, и Богъ вамъ воздастъ за это десятирицею. Посылается вамъ книга въ двухъ экземплярахъ, одинъ для васъ, а другой для того, кому вы захотите дать.«

Отсюда завязалась между поэтомъ и священникомъ уѣзднаго города переписка, въ которой Гоголь открывалъ свою душу, какъ на исповѣди. Вотъ его письма, относящіяся къ книгѣ, которая послужила пробнымъ камнемъ, какъ для самаго автора, такъ и для публики.

1.

»Неаполь. 9 мая (1847).

»Что́ могу сказать вамъ въ отвѣтъ на чистосердечное письмо ваше? Благодарность! вотъ первое слово, которое я долженъ сказать вамъ, хотя очень хотѣлось бы мнѣ имѣть отъ васъ не такое письмо. Всѣ слова ваши, какъ о евангельскомъ значеніи милостыни, такъ и о прочемъ, святая истина. Въ нихъ я убѣжденъ; противъ нихъ не спорю. А между тѣмъ въ книгѣ моей изложено такъ, какъбы я былъ противъ этого. Какъ изъяснить это явленіе? Скажу болѣе: статью о театрѣ я писалъ не съ тѣмъ, чтобы пріохотить общество къ театру, а съ тѣмъ, чтобы отвадить его отъ развратной стороны театра, отъ всякаго рода балетныхъ плясавицъ и множества самыхъ страстныхъ піесъ, которыя въ послѣднее время стали кучами переводить съ французскаго. Я хотѣлъ отвадить отъ этого указаніемъ на лучшія піесы и выразилъ все это такимъ нелѣпымъ и неточнымъ образомъ, что подалъ поводъ вамъ думать, что я посылаю людей въ театръ, а не въ церковь. Храни меня Богъ отъ такой мысли! Никогда я не имѣлъ ея даже и тогда, когда гораздо меньше чувствовалъ святыню святыхъ истинъ. Я только думалъ, что нельзя отнять совершенно отъ общества увеселеній ихъ, но надобно такъ распорядиться съ ними, чтобы у человѣка возраждалось само собою желаніе послѣ увеселенія идти къ Богу — поблагодарить Его, а не идти къ чорту — послужить ему. Вотъ была основная мысль той статьи, которую я не съумѣлъ хорошо написать. Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги не столько гордость и самоослѣпленіе, сколько незрѣлость моя. Я началъ поздо свое воспитаніе, — въ такіе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ. Обрадовавшись тому, что удалось въ себѣ побѣдить многое, я вообразилъ, что могу учить и другихъ, издалъ книгу и на ней увидѣлъ ясно, что я — ученикъ. Желаніе и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу; а какъ вышла моя книга, я увидѣлъ на ней же, что есть во мнѣ и гордость, и самоослѣпленіе, и много того, чего бы я не увидалъ, еслибы не была издана моя книга. Эта строптивость,

дерзкая замашка, которая такъ оскорбила васъ въ моей книгѣ, произошла тоже отъ другого источника. Воспитывая себя самаго суровою школою упрековъ и пораженій и находя отъ нихъ пользу существенную душѣ, я былъ не шутя одно время увѣренъ въ томъ, что и другимъ это полезно, и выразился грубо и жестко. Я позабылъ, что голосомъ любви слѣдуетъ говорить, когда хочешь чему поучить другихъ, и чѣмъ святѣе истина, тѣмъ смиреннѣе нужно быть тому, который хочетъ возвѣщать о ней. Я попался самъ въ тѣхъ самыхъ недостаткахъ, въ которыхъ попрекнулъ другихъ. Словомъ — все въ этой книгѣ обличаетъ невоспитаніе мое. Богъ далъ большое имѣніе; множество въ немъ всякихъ угодій и удобствъ; зелени не окинешь глазомъ; а самъ управитель, которому поручено это имѣніе, еще не умѣетъ управлять имъ. Вотъ вамъ портретъ мой! Силъ много, но умѣнья править этими силами мало, — можетъ быть, отъ того самаго, что слишкомъ много дано силъ. Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе и я дамъ за нее отвѣтъ Богу. Я нѣсколько времени оставался послѣ этихъ словъ въ состояніи упасть духомъ; но мысль, что безгранично милосердіе Божіе, меня поддержала. Нѣтъ, есть хранящая сила, которая не дремлетъ въ мірѣ, которая направляетъ къ хорошему даже и то, что̀ отъ дурного умысла произвелъ человѣкъ. А книга моя не отъ дурного умысла: мое неразуміе всему причиною; за то Богъ и наказалъ меня, — наказалъ меня тѣмъ, что всѣ до единаго вопіютъ противъ моей книги, хотя и разнообразны до безконечности причины этихъ криковъ. Но какъ милостиво и самое наказаніе Его! Въ наказаніе, Онъ даетъ мнѣ почувствовать смиреніе — лучшее, что̀ только можно дать мнѣ. Какимъ бы другимъ образомъ я могъ взглянуть (на) себя, еслибы не посыпались на меня градомъ со всѣхъ сторонъ упреки и обвиненія? [Еслибы кто увидалъ тѣ жестокія письма, исполненныя упрековъ, которыя я получаю во множествѣ отовсюду, и прочиталъ бы тѣ статьи, которыя теперь печатаются во множествѣ противъ меня, у него бъ закружилась на время голова.] Вы сами, вѣрно, знаете, что отъ людей близкихъ и всегда съ нами живущихъ не услышишь осужденія: за наши небольшія имъ услуги, иногда даже просто за

одну ровность нашего характера, они уже готовы почитать насъ за совершеннѣйшаго человѣка. Но когда раздадутся со всѣхъ сторонъ крики по поводу какого-нибудь публичнаго нашего дѣйствія и разберутъ по ниткѣ всякую рѣчь нашу и всякое слово, и когда, руководимые и личными нерасположеніями, и недоразумѣніями, станутъ открывать въ насъ даже и то, чего нѣтъ, тогда и самъ станешь искать въ себѣ того, чего прежде и не думалъ бы искать. Есть люди, которымъ нужна публичная, въ виду всѣхъ данная оплеуха. Это я сказалъ гдѣ-то въ письмѣ, хотя и не зналъ еще тогда, что получу самъ эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духу заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ лицо себѣ руками, при одной мысли о томъ, какъ неприлично и какъ дерзко выразился о многомъ. Отсутствіе мѣстъ, выпущенныхъ — — и незамѣненныхъ ничѣмъ другимъ, разрушивши связь и сдѣлавши темнымъ, почти безсмысленнымъ многое, еще болѣе увеличило недостатки ея въ глазахъ моихъ. Итакъ книга моя, прежде чѣмъ быть полезной для другихъ, полезна для меня, и это считаю знакомъ ко мнѣ милости Божіей. Мнѣ нужно зеркало, въ которое я долженъ глядѣться всякой день, чтобы видѣть мое неряшество. Что́ же до вліянія на другихъ, то мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отъ книги моей распространился вредъ на нихъ. За что́ Богу такъ ужасно меня наказывать? Нѣтъ, Онъ отклонитъ отъ меня такую страшную участь, если не ради моихъ безсильныхъ молитвъ, то ради молитвъ тѣхъ, которые Ему молятся обо мнѣ и умѣютъ угождать Ему,—ради молитвъ моей матери, которая изъ-за меня вся превратилась въ молитву. Теперь я собираю весьма тщательно толки о моей книгѣ со всѣхъ сторонъ, равно какъ и отчетъ о всѣхъ впечатлѣніяхъ, ею производимыхъ. Сколько могу судить по тѣмъ, которыя доселѣ имѣю, книга моя не произвела почти никакого впечатлѣнія на тѣхъ людей, которые находятся уже въ *нѣдрѣ Церкви*, что́ весьма естественно: кто имѣетъ у себя дома лучшій обѣдъ, тотъ не станетъ по чужимъ домамъ искать худшаго; кто добрался до самаго родника водъ, тому не за чѣмъ бѣгать за полугрязными ручьями, хотябы и они стремились въ ту же рѣку. Напротивъ, изъ тѣхъ, которые находятся въ

нѣдрѣ Церкви и дѣйствительно вѣруютъ, многіе даже вооружились противъ моей книги и стали еще бдительнѣе на стражѣ собственной своей души. Книга моя подѣйствовала только на тѣхъ, которые *не ходятъ въ церковь* и которые не захотѣли бы даже выслушать словъ, еслибы вышелъ сказать имъ попъ въ расѣ. Если это правда и если точно нѣкоторые пошатнулись въ невѣріи своемъ и пошли хотя изъ любопытства въ церковь, то это одно уже можетъ меня успокоить. Тамъ, то есть, въ церкви, они найдутъ лучшихъ учителей. Достаточно, что занесли уже ногу на порогъ дверей ея. О книгѣ моей они позабудутъ, какъ позабываетъ о складахъ ученикъ, выучившійся читать по верхамъ. Причину этого для васъ, можетъ быть, страннаго явленія я могу объяснить тѣмъ, что въ книгѣ моей, не смотря на всѣ великіе недостатки ея, есть, однакоже, одна только та правда, которую, покуда, замѣтили немногіе. Въ ней есть душевное дѣло — исповѣдь человѣка, который почувствовалъ сильно, что воспитаніе наше начинается съ тѣхъ только поръ, когда кажется, что оно уже кончилось. Тамъ изложенъ отчасти и процессъ такого дѣла, понятный даже и не для христіанина, не смотря на неточность моихъ словъ и выраженій, непонятныхъ для нестрадавшаго тѣми недугами, какими сураждутъ невѣрующіе люди нынѣшняго времени. Мнѣ кажется, что если кто-нибудь только помыслитъ о томъ, чтобы сдѣлаться лучшимъ, то онъ уже непремѣнно потомъ встрѣтится со Христомъ, увидѣвши ясно какъ день, что безъ Христа нельзя сдѣлаться лучшимъ, и, бросивши мою книгу, возьметъ въ руки Евангеліе. И потому-то, я думаю, напрасно не обратили вниманія на эту сторону моей книги всѣ тѣ, которые имѣютъ дѣло съ душою человѣка. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы даже, отбросивши на время въ сторону всѣ оскорбляющія слова, рѣзкія выраженія и даже цѣликомъ тѣ статьи, на которыхъ отразилось мое несовершенство, недостатки и невѣжество, прочитать внимательно и даже нѣсколько разъ нѣкоторыя статьи, особенно тѣ, гдѣ умъ не можетъ быть вдругъ судьей и которые провѣрить можно только *собственной душой* своей. Какъ бы то ни было, но, если вы замѣтите, что книга моя произвела на кого-нибудь вредное вліяніе и соблазнила его, увѣдомьте меня, ради самаго Христа, обстоятельно и ст-

четливо, не скрывая ничего. Мнѣ нужно знать это. Богъ милостивъ. Если Онъ попустилъ меня сдѣлать злое дѣло, то Онъ же поможетъ мнѣ и исправить его. Хотя (я) положилъ себѣ долгомъ не писать по тѣхъ поръ, пока не научусь лучше дѣлу и не пріобрѣту языка болѣе кроткаго и никого неоскорбляющаго; но нѣкоторыя необходимыя объясненія на мою книгу, равно какъ и сознаніе въ томъ, въ чемъ я ошибся, я долженъ буду сдѣлать непремѣнно, чтобы не соблазнялись юноши и люди неопытные. — — — Письмо о театрѣ я писалъ, имѣя въ виду публику, пристрастившуюся къ балетамъ и операмъ, пожирающимъ нынѣ страшныя суммы денегъ, и въ то же самое время имѣлъ въ виду журналъ »Маякъ«, С. А. Бурачка, который, судя по статьямъ его, долженъ быть истинно почтенный и вѣрующій человѣкъ, но который, однакожъ, слишкомъ горячо и безъ разбора напалъ на всѣхъ нашихъ писателей, утверждая, что они безбожники и деисты, потому только, что тѣ не брали въ предметъ христіанскихъ сюжетовъ. Я вовсе не хотѣлъ оскорбить издателя »Маяка«: я хотѣлъ только напомнить ему самому, какъ христіянину, о смиреніи, но выразился такъ, что словами моими дѣйствительно онъ могъ быть обиженъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ вашего письма мнѣ показалось, что вы его знаете. Скажите ему, что я умоляю его простить меня; попросите за меня и вы также. Наконецъ, простите меня и вы сами, добрая и молящаяся о всѣхъ насъ душа. Очень понимаю, что для васъ оскорбительнѣе, чѣмъ для многихъ, появленіе такой книги, отъ которой соблазняются тѣ, за спасеніе которыхъ вы молитесь. Еще разъ повторяю вамъ, что цѣль моей книги была добрая; но вы видите сами, что обо мнѣ нужно молиться болѣе, чѣмъ о всякомъ другомъ человѣкѣ. Если Богъ меня не вразумитъ своимъ разумомъ, что́ я буду тогда? Участь моя будетъ страшнѣе участи всѣхъ прочихъ людей. Молитесь же обо мнѣ, ради самаго Христа.

»Все прочее, чего не вмѣститъ письмо, передастъ вамъ лично А* П*, съ которымъ, если дастъ Богъ, надѣюсь увидѣться въ Парижѣ и который стремится къ вамъ, какъ птица изъ клѣтки на волю [и, вѣрно, не даромъ стремится]. Еще разъ прося молитвъ вашихъ, прошу васъ увѣдомить меня хотя двумя строчками, что письмо это вами получено, безъ чего я не буду спокоенъ«

2.

»Богъ да наградитъ васъ за ваши добрыя строки! Многое въ нихъ пришлось очень кстати моей душѣ. Со многимъ я уже соглашался еще прежде, чѣмъ пришло ваше письмо. Напримѣръ, на счетъ того, чтобы не оправдываться предъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь судить насъ будетъ Богъ, а не міръ. Не знаю, брошу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божія; но, во всякомъ случаѣ, разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіи долгаго времени, покуда не созрѣю лучше самъ *внутренно* и *душевно*. А, покуда, съѣзжу въ Іерусалимъ, помолюсь у Гроба Господня, какъ только въ силахъ помолиться. Помолитесь обо мнѣ, добрая душа, чтобы я въ силахъ былъ тепло и сильно помолиться. Просите Бога, чтобы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ проходили божественныя стопы единороднаго Сына Его, сказало бы мнѣ серде мое все, что мнѣ нужно. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы со дня этого поклоненія моего понесъ бы я повсюду образъ Христа въ сердцѣ моемъ, имѣя ежеминутно его предъ мысленными глазами своими. Признаюсь вамъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ можно внести съ собой повсюду, даже въ стѣны тюрьмы, и можно исполнять его, пребывая во всякомъ званіи и сословіи: его можно исполнять также и въ званіи писателя. Если писателю данъ талантъ, то, вѣрно, недаромъ и не на то, чтобы обратить его во злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то, вѣрно, Богъ, а не кто другой, виновникъ этой склонности. Вольно было живописцу, на мѣсто того, чтобы изображать кистью предметы высокіе, образа угодниковъ Божіихъ и высшихъ людей, писать соблазнительныя сцены развратныхъ увеселеній и униженія человѣческаго. Развѣ не можетъ и писатель въ занимательной повѣсти изобразить живые примѣры людей лучшихъ, чѣмъ какихъ изображаютъ другіе писатели,—представить ихъ такъ живо, какъ живописецъ? Примѣры сильнѣе разсужденія; нужно только для этого писателю умѣть прежде самому сдѣлать(ся) добрымъ и угодить жизнью своей сколько-нибудь Богу. Я бы не подумалъ о писательствѣ, еслибы не было теперь такой повсемѣстной охоты къ чтенію всякаго рода романовъ и

повѣстей, большею частью соблазнительныхъ и безнравственныхъ, но которые читаются потому только, (что) написаны увлекательно и не безъ таланта. А я, имѣя талантъ, умѣя изображать живо людей и природу [по увѣренію тѣхъ, которые читали мои первоначальныя повѣсти], развѣ я не обязанъ изобразить съ равною увлекательностію людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ? Вотъ вамъ [скажу откровенно] причина моего писательства, а не деньги и не слава. Но.... теперь я отлагаю все до времени и говорю вамъ, что долго ничего не издамъ въ свѣтъ и всѣми силами буду стараться узнать волю Божію, какъ мнѣ быть въ этомъ дѣлѣ. Еслибы я зналъ, что на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше во спасенье души моей и во исполненье всего того, что̀ должно мнѣ исполнить, чѣмъ на этомъ, я бы перешелъ на то поприще. Еслибы я узналъ, что я могу въ монастырѣ уйти отъ міра, я бы пошелъ въ монастырь. Но и въ монастырѣ тотъ же міръ окружаетъ насъ, тѣ же искушенья вокругъ насъ, такъ же воевать и бороться нужно со врагомъ нашимъ; словомъ — нѣтъ поприща и мѣста въ мірѣ, на которомъ мы бы могли уйти отъ міра. А потому я положилъ себѣ, покуда, вотъ что̀. Теперь, именно со дня полученія вашего письма, я положилъ себѣ удвоить ежедневныя молитвы, отдать больше времени на чтеніе книгъ духовнаго содержанія; перечту снова Златоуста, Ефрема Сирянина и все, что̀ мнѣ совѣтуете, а тамъ— что̀ Богъ дастъ. Нельзя, чтобы сердце мое, послѣ такого чтенія и такого распредѣленія времени, не настроилось лучше и не сказало мнѣ яснѣе путь мой. А васъ прошу, такъ какъ вы стали уже богомолецъ мой и вѣдаете уже отчасти мою душу, [о, какъ бы мнѣ хотѣлось открыть вамъ всю мою душу, быть у васъ во Р**, исповѣдаться у васъ и сподобиться причащенію тѣла и крови Христовой, преподанныхъ рукою вашею!] Прошу васъ молиться тѣмъ временемъ обо мнѣ, особенно во все время путешествія моего въ Іерусалимъ. Я отправляюсь туда ко времени Пасхи; до того же времени пробуду въ Неаполѣ. Если получу отъ васъ нѣсколько напутственныхъ строкъ, буду очень, очень радъ. Гр(афа) А* П* я видѣлъ на одинъ день во время проѣзда его въ Англію. — — — Онъ обрадовался необыкновенно, узнавши, что я получилъ отъ васъ письмо, будучи увѣ-

ренъ, что вы, писавши ко мнѣ, вспомнили и о немъ и лишній разъ за него помолились. Напишите ему хотя двѣ строчки, какія скажетъ вамъ сердце ваше, и вложите ихъ, въ видѣ особеннаго письмеца, въ письмо ко мнѣ. Я увѣренъ, что эти строчки придадутъ ему большую бодрость.

»Въ непродолжительномъ времени, можетъ быть, вы получите изъ С. Петербурга деньги, которыя попрошу васъ раздать тѣмъ изъ страждущихъ, которые больше другихъ нуждаются. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онѣ пришли въ руки тѣхъ, которые усерднѣе другихъ молятся Богу. Впрочемъ, вы лучше моего знаете, кому слѣдуетъ давать. Какъ я жалѣю, что я не богатъ и не могу теперь послать болѣе!«

XXVII.

Письмо къ П. А. Плетневу объ изданіи »Современника« въ новомъ видѣ:—значеніе этого журнала подъ редакціею П. А Плетнева; — воспоминанія Гоголя объ участіи своемъ въ изданіи »Современника« при Пушкинѣ; — указаніе лучшихъ сотрудниковъ для »Современника« въ новомъ видѣ; — опредѣленіе самаго себя, какъ писателя въ строгомъ смыслѣ; — объ источникѣ поэзіи; — жажда душевной исповѣди. — Письма къ М. С. Щепкину о постановкѣ на сцену »Ревизора съ Развязкой«. — Предувѣдомленіе къ четвертому и пятому изданіямъ »Ревизора«. — Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ о воспитаніи племянника.

Въ письмахъ къ П. А. Плетневу, по поводу изданія «Переписки съ Друзьями«, нѣсколько разъ упоминается объ одномъ письмѣ, касающемся собственно «Современника«. Это письмо не помѣщено мною выше по той причинѣ, что оно прервало бы исторію изданія книги, съ которою Гоголь связывалъ столь великія ожиданія. Теперь же, когда читатель прошелъ уже все къ ней относящееся, онъ прочтетъ это письмо съ неразвлеченнымъ вниманіемъ. Считаю нужнымъ напомнить читателю, что оно было писано до изданія »Переписки съ Друзьями«, и потому отзывается догматическимъ тономъ, который

Гоголь совершенно оставилъ послѣ столкновенія, посредствомъ своей книги, съ дѣйствительнымъ состояніемъ дѣлъ и понятій въ Россіи.

«Наконецъ поговорю съ тобой о »Современникѣ«. »Современникъ« вышелъ плохимъ журналомъ, не смотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду. — — —

»Современникъ« даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, не смотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль, болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе въ родѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключить въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода, я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили. Но слова моего я бы не могъ исполнить даже и тогда, еслибъ онъ былъ живъ. Не зналъ я, какими путями поведетъ меня Провидѣніе, какъ отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и какъ умру я надолго для всего того, что шевелитъ современнаго человѣка.

»По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всѣхъ утратой, а для тебя еще скорбнѣйшей, чѣмъ для всѣхъ, пораженный сиротствомъ современнаго общества, очутившагося безъ поэзіи, какъ безъ свѣта, осужденнаго выслушивать пустыя и черствыя пренія и споры объ искусствѣ, на мѣсто дѣлъ самаго искусства, пораженный этимъ сиротствомъ, которое, впрочемъ, началось уже и при Пушкинѣ,

ты взялся горячо за изданіе журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Эллазу, которая образовалась сама собою въ началѣ поприща Пушкина. Въ пылу великодушнаго увлеченія своего, ты даже позабылъ то, что не мы управляемъ дѣлами и событіями, но чертится свыше всему чередъ свой. Ты даже не примѣтилъ того, что имѣлъ такую цѣль, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было достигнуть листками періодическаго ежемѣсячнаго изданія.

»Современникъ«, какъ журналъ, не удался бы даже и тогда, еслибы ты заключалъ въ себѣ всѣ качества журналиста. Признаюсь, я даже не могу и представить себѣ, чѣмъ можетъ быть нужно нынѣшнему времени появленіе новаго журнала. Это энциклопедическое образованіе публики посредствомъ журналовъ уже не такъ теперь потребно, какъ было прежде. Публика уже болѣе приготовлена. Уже все зоветъ нынѣ человѣка къ занятіямъ, болѣе сосредоточеннымъ. Не только значительность современныхъ вопросовъ, но даже самая пустота современнаго общества и легковѣсная вѣтренность дѣлъ его, приглашаютъ нынѣ человѣка взглянуть строго на самаго себя, вопросить съ большею отчетливостью свои силы и опредѣлить себѣ трудъ не временный, минутный, но тотъ живительный и полный, который отвѣтствуетъ однимъ тѣмъ способностямъ, которыми своеобразно надѣленъ изъ насъ каждый уже отъ самаго рожденія своего. Никакой новой журналъ не можетъ дать теперь обществу пищи питательной и существенной.

«Современникъ« долженъ отбросить отъ себя названіе журнала; онъ долженъ сжаться по прежнему въ книги, намѣсто листовъ, и болѣе еще, чѣмъ при Пушкинѣ, походить на альманахъ; онъ долженъ скорѣй напомнить собой »Сѣверные Цвѣты« барона Дельвига, съ которымъ было у тебя такъ много сходства въ умѣніи наслаждаться и нѣжиться благоуханными звуками поэзіи. Пусть лучше будетъ выходить онъ три раза всякій годъ въ урочныя времена: первый разъ ко дню Свѣтлаго Воскресенія, какъ свѣтлый подарокъ на праздникъ, во второй разъ къ 1-му октябрю, то есть ко времени, когда всѣ съѣзжаются у насъ изъ дачъ и деревень въ города, въ третій разъ къ новому году. Словомъ, пусть онъ будетъ современенъ тѣмъ эпохамъ, когда съ большею жадностью встрѣчается новая кни-

га. Все собственно журнальное въ немъ не должно имѣть мѣста: ни возвѣщенья о новостяхъ ежедневныхъ, ни политическія извѣстія, ни поименованія всѣхъ выходящихъ книгъ, — развѣ только одинъ строгій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ за всю треть, въ такомъ видѣ, чтобъ онъ самъ собой могъ уже составить замѣчательную литературную статью. Нужно, чтобы здѣсь ничто не напоминало читателю о томъ, что есть какія-нибудь распри въ литературѣ и существуетъ журнальная полемика. Самыя статьи должны быть допущены сосредоточенныя, полныя, которыя ничѣмъ не походили бы на торопливыя, отрывочныя статьи журналовъ. Нужно, чтобы здѣсь были одни лучшіе цвѣты современной нашей литературы. Этого можно достигнуть только такимъ изданіемъ, которое будетъ выходить не болѣе трехъ разъ въ годъ. Въ три мѣсяца можно набрать книжку. Современное намъ время, слава Богу, не безъ талантовъ. Часть прозаическая альманаха можетъ быть теперь гораздо значительнѣй и богаче, чѣмъ когда-либо прежде.

»Поименуемъ нарочно тѣхъ современныхъ писателей, статьями которыхъ можетъ украситься »Современникъ«.

»Прежде всего слѣдуетъ назвать графа Сологуба, который безспорно есть нынѣшній нашъ лучшій повѣствователь. Никто не щеголяетъ такимъ правильнымъ, ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ; слогъ его точенъ и приличенъ во всѣхъ выраженіяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познаній всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанія болѣе строгаго и не доведенъ еще онъ своими внутренними событіями къ тому, чтобы строже и отчетливѣе взглянуть вообще на жизнь. Но если и это въ немъ совершится, онъ будетъ вполнѣ вѣрный живописецъ лучшаго общества; значительность твореній его выиграетъ больше, чѣмъ сто на сто.

»Непосредственно за нимъ слѣдуетъ назвать другого писателя, который скрылъ свое имя подъ выдуманнымъ: Казакъ Луганскій. Онъ не поэтъ, не владѣетъ искусствомъ вымысла, не имѣетъ даже стремленія производить творческія созданія; онъ видитъ всюду дѣло и глядитъ на всякую вещь съ ея дѣльной стороны. Умъ твердый и

дѣльный виденъ во всякомъ его словѣ, и наблюдательность, и природная острота вооружаютъ живостью его слово. Все у него правда и взято такъ, какъ есть въ природѣ. Ему стоитъ, не прибѣгая ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ, надъ которыми такъ ломаетъ голову романистъ, взять любой случай, случившійся въ Русской землѣ, первое дѣло, котораго производству онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, чтобы вышла сама собой найзанимательнѣйшая повѣсть. По мнѣ, онъ значительнѣй всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ быть, я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ болѣе другихъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразію моихъ собственныхъ требованій: каждая его строчка меня учитъ и вразумляетъ, придвигая ближе къ познанію русскаго быта и нашей народной жизни; но зато всякъ согласится со мной, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ въ нынѣшнее время. Его сочиненія— живая и вѣрная статистика Россіи. Все, что̀ ни достанетъ онъ изъ своей многовмѣщающей памяти и что̀ ни разскажетъ достовѣрнымъ языкомъ своимъ, будетъ драгоцѣннымъ подаркомъ для твоего альманаха.

»Я не знаю, почему замолчалъ Н. Павловъ, писатель, который первыми тремя повѣстями своими получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями и который повредилъ себѣ только тѣмъ, что, не захотѣвши быть самимъ собою, вздумалъ копировать [въ трехъ новыхъ повѣстяхъ своихъ] тѣхъ модныхъ нувелистовъ, которые гораздо его ниже. Онъ могъ бы всегда, не прибѣгая ни къ напряженнымъ вымысламъ поэтическимъ, ни къ мозаичнымъ искусственнымъ украшеніямъ рѣчи, такъ изуродовавшимъ благородный и ясный слогъ его, взять на выдержку первое психологическое явленіе нашего общества и разсказать его такъ отчетливо и умно, что повѣсть его имѣла бы всѣ принадлежности тѣхъ строгихъ классическихъ произведеній, которыя остаются навсегда образцами въ литературѣ.

»Я вижу тоже много достоинствъ въ писателѣ, который подписываетъ подъ своими сочиненіями имя К**. Цвѣтистый слогъ и большое познаніе нравовъ и обычаевъ Малой Россіи говорятъ о томъ, что онъ могъ бы прекрасно написать исторію этой земли. Онъ могъ

зья еще съ большимъ успѣхомъ составить живыя статьи для альманаха и въ нихъ разсказать просто о нравахъ и обычаяхъ прежнихъ времёнъ, не вставляя этого въ повѣсть, или драматическій разсказъ,— подобно тому, какъ нѣкогда разсказывалъ Корниловичъ о временахъ до Петра и при Петрѣ. Романъ же его, довольно любопытный по частямъ, вялъ и скученъ въ цѣломъ. Эти драгоцѣнные перлы свѣдѣній историческихъ, которые разсыпаны на страницахъ его, погибаютъ тамъ совершенно безплодно.

»Мнѣ сказывали, что вообще въ послѣднее время *повѣсть* сдѣлала у насъ успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ писателей показали особенное стремленіе къ наблюденію жизни дѣйствительной. Изъ того, что удалось прочесть мнѣ самому, я замѣтилъ также тому признаки, хотя постройка самихъ повѣстей мнѣ показалась особенно неискусна и неловка; въ разсказѣ замѣтилъ я излишество и многословіе, а въ слогѣ отсутствіе простоты. Но я увѣренъ, что если въ каждомъ изъ этихъ писателей прежде сформируется человѣкъ, чѣмъ писатель, все прочее придетъ само собою, и каждый изъ нихъ, обнаружа еще сильнѣй особенности пера своего, не покажетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ.

»Не могу не упомянуть о писателѣ, выступившемъ на литературное поприще драмою »Смерть Ляпунова«. Не имѣя въ себѣ полной зрѣлости строенія драматическаго, которое доступно однимъ только опытнымъ драматургамъ, драма эта имѣетъ въ себѣ много тѣхъ достоинствъ, которыя пророчатъ въ творцѣ ея писателя замѣчательнаго. Слышать живость минувшаго и умѣть заговорить о немъ такимъ живымъ языкомъ,—это свойство великое. Я бы на его мѣстѣ такъ и впился въ русскія лѣтописи и ни на мигъ не оторвался бы отъ этого чтенія. Онъ можетъ много извлечь оттуда прекрасныхъ предметовъ. Почему знать? можетъ быть, отъ такого чтенія родилась бы въ немъ благословенная мысль написать правдивую исторію времени, его преимущественно поразившаго. Вполнѣ историческое произведеніе, исполненное писателемъ, умѣющимъ такъ живо чувствовать историческіе характеры и написанное такимъ живымъ перомъ, будетъ въ нѣсколько разъ значительнѣй историческихъ драмъ.

»Кстати о молодыхъ и начинающихъ писателяхъ. Мнѣ бы очень

хотѣлось, чтобы ты отыскалъ Прокоповича и умѣлъ склонить его взяться за перо повѣствователя. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною вмѣстѣ въ школѣ и начали писать въ одно время со мною, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста. Онъ задремалъ теперь, я это знаю; онъ далъ заснуть въ себѣ желанію дѣйствовать на поприщѣ просторномъ; самый кругъ его сталъ тѣсенъ, и передъ нимъ мало жизненнаго поля для наблюденій. Но жизнь—вездѣ жизнь, и чѣмъ меньше ея просторъ и тѣснѣе ея кругъ, тѣмъ основательнѣй и глубже онъ можетъ быть нами изслѣдуемъ и проникнутъ. Уже самая своя собственная, душевная повѣсть, предметомъ которой будетъ взято собственное пробужденіе отъ мертвеннаго застоя, заставляющее съ ужасомъ взглянуть человѣка на животно-истраченную жизнь свою, можетъ быть высокимъ предметомъ для романа! Какой бы праздникъ былъ душѣ моей, еслибы я встрѣтилъ въ »Современникѣ« повѣсть, подъ которою было бы подписано его имя!

»Чтò же касается до меня самаго, то я по прежнему не могу быть работящимъ и ревностнымъ вкладчикомъ въ твой »Современникъ«. Ты уже самъ почувствовалъ, что меня нельзя назвать писателемъ, въ строгомъ, классическомъ смыслѣ. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые начали писать со мною вмѣстѣ еще въ лѣта моего школьнаго юношества, у меня менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, замѣчались тѣ свойства, которыя составляютъ необходимыя условія писателя. Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно. Нѣкоторыя мои наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшаго, были виной того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ, по совершеніи моего собственнаго воспитанія. Мнѣ доставалось трудно все то, чтò достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу об-

работать слогъ и языкъ свой — первыя, необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мною имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно ни какъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать, или, подобно мнѣ, живописать природу: онъ заставитъ ихъ производить каррикатуры. Доказательство этому можешь видѣть на нѣкоторыхъ молодыхъ и неопытныхъ подражателяхъ моихъ, которые именно черезъ это самое подражаніе стали несравненно ниже самихъ себя, лишивъ себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленія быть отголоскомъ всего и отражать въ себѣ дѣйствительность, какъ она есть вокругъ насъ, — стремленія, которое тревожитъ поэта во все продолженіе его жизни и умираетъ въ немъ только съ его собственною смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чемъ, кромѣ того, что́ близко моей собственной душѣ. Итакъ, если я почувствую, что чистосердечный голосъ мой будетъ истинно нуженъ кому-нибудь и слово мое можетъ принести какое-нибудь внутреннее примиреніе человѣку, тогда у тебя въ »Современникѣ« будетъ моя статья; если же нѣтъ—ея не будетъ; и ты на меня за это никакъ не гнѣвайся.

»Я здѣсь не упомянулъ также ни объ одномъ изъ тѣхъ современныхъ прозаическихъ писателей нашихъ, которые, будучи заняты собственными изданіями, или же сидя надъ трудами болѣе отвлеченными, требующими полнаго вниманія, не имѣютъ ни возможности, ни досуга поработать для твоего »Современника.« Ихъ не слѣдуетъ и безпокоить.

»— — У всякаго есть свое внутреннее дѣло, у всякаго совершается въ душѣ свое собственное событіе, на время его отвлекающее отъ участія въ дѣлѣ общемъ; и никакъ нельзя требовать, чтобы другой жертвовалъ собою и своею собственною цѣлію для какой-нибудь нами любимой мысли, или нашей цѣли, къ которой мы предположили себѣ стремиться. Каждому опредѣляетъ Богъ дорогу, непохожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мѣ-

рить всѣхъ однимъ и тѣмъ же аршиномъ. А потому уважай и самый отказъ другого, даже и тогда, еслибы онъ не захотѣлъ объявить причины, почему не можетъ дать статьи въ »Современникъ«. Довольствуйся тѣмъ, чтó дадутъ. Если только одни поименованные мною писатели дадутъ статьи свои, то и этого уже будетъ достаточно. Но я знаю, что дадутъ еще и другіе, которыхъ я не назвалъ. Вопреки людямъ, жалующимся на недостатокъ талантовъ въ нынѣшнее время, я вижу ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Они не попали на свою дорогу, еще никто изъ нихъ не умѣлъ стать самимъ собой, и это причина ихъ неприметности. Но многіе изъ нихъ уже болѣютъ этимъ желаніемъ, хотя и не знаютъ, какъ удовлетворить ему. Стремленіе узнать назначенье свое есть теперь страданье многихъ людей, одаренныхъ способностями. Оно-то есть настоящая, истинная причина дремоты и бездѣйственности на поприщѣ литературномъ.

»Стихотворная часть »Современника« можетъ быть также весьма богата, не взирая на то, что, по видимому, въ современномъ обществѣ угаснуло расположеніе къ поэзіи. Слава Богу, еще здравствуетъ самъ патріархъ нашей поэзіи: еще небо хранитъ намъ Жуковскаго. Въ награду за безукоризненную, чистую жизнь, ему одному изъ всѣхъ насъ дано почувствовать свѣжесть молодости въ старческія лѣта и силу юноши для дѣла поэтическаго. Его нынѣшніе труды далеко полновѣснѣй и значительнѣй прежнихъ. Не нужно судить о немъ по тѣмъ стихотворнымъ сказкамъ и повѣстямъ, которыя были помѣщены въ послѣднее время въ »Современникѣ« Онѣ не могли и не должны были произвесть никакого впечатлѣнія на общество, и нечего удивляться, что общество, оцѣнивая всякое новое произведеніе относительно своихъ собственныхъ потребностей душевныхъ, ища въ немъ отвѣта на тревожныя исканія свои, назвало эти стихотворенія *ребячествомъ Жуковскаго*. Онѣ точно назначены для малолѣтнихъ дѣтей. Повѣсти и сказки эти должны были выйдти особой книжкой подъ названіемъ: »Подарокъ Дѣтямъ отъ Жуковскаго«. Онъ сдѣлалъ ошибку, пославши ихъ журналъ. Я говорилъ это ему тогда же, совѣтуя или ничего не посылать, или послать то, чтó пришлось бы по душѣ взрослому человѣку. Но теперь я знаю, что

онъ пришлетъ тебѣ въ альманахъ который-нибудь изъ тѣхъ перловъ, которые выработались въ глубинѣ его собственной души, гдѣ въ последнее время такъ много произошло прекраснаго. Еще, слава Богу, здравствуютъ два другіе первоклассные наши поэты, князь Вяземскій и Языковъ, и могутъ подарить »Современникъ« новыми, дотолѣ нераздававшимися отъ нихъ звуками,—звуками, исторгнутыми изъ выстрадавшагося сердца, пѣснями самой души, уже набравшейся строгаго содержанія высшей поэзіи.

»Самые наши молодые, недавно показавшіеся поэты, которыхъ я здѣсь не называю по именамъ и которые показали, покуда, одно благозвучіе, легкость и щегольство стихосложенія, но еще не показали истинныхъ и вѣрныхъ ощущеній своихъ, могутъ заговорить струнами поэзіи, болѣе намъ близкой. Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искусства, или хотѣнія человѣческаго; поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ. Опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первокласснѣйшихъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла; но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе и сильнѣе. Много поэтическихъ звуковъ издадутъ даже и тѣ, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасныхъ цвѣтковъ, много драгоцѣнныхъ вкладовъ понесутъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ въ твой »Современникъ«.

»Ты самъ, хотя уже давно не пробовалъ звуковъ оставленной и позабытой тобою лиры, примешься за нее вновь. Ты, вѣрно, испыталъ въ это время тоже немало скорбныхъ минутъ и никѣмъ неуслышаннаго горя; твоя душа, вѣрно, томилась также желаніемъ передать и объяснить себя, искала друга, которому могло бы быть доступно тяжкое состояніе ея, и, не найдя его нигдѣ, обратилась наконецъ къ Тому родному всѣмъ намъ Существу, Которое одно умѣетъ принимать любовно на грудь къ Себѣ тоскующаго и скорбящаго

и къ Которому наконецъ все живущее обратится. Припомни же всѣ эти минуты, какъ минуты скорбей, такъ и минуты высшихъ утѣшеній, тебѣ ниспосланныхъ, передай ихъ, изобрази въ той правдѣ, въ какой онѣ были. Тебѣ помогутъ слезы умиленія и растроганныя чувства признательной души твоей; они помогутъ тебѣ передать съ такой силой, съ какой не съумѣетъ передать ихъ великій, владѣющій чародѣйствомъ вымысла, но еще невыстрадавшійся поэтъ.

»Современникъ« тогда оправдаетъ данное ему названіе, но оправдаетъ его въ другомъ, высшемъ смыслѣ: онъ будетъ *современенъ* всѣмъ высшимъ минутамъ русскаго писателя и человѣка. Онъ тогда ближе приблизится къ той цѣли, которая доселѣ такъ отдаленно и неясно представлялась въ твоихъ мысляхъ: онъ соединитъ эстетическимъ союзомъ прекраснаго братства всѣхъ пишущихъ. Одинъ только ты въ Россіи можешь предпринять и выполнить такое изданіе, потому что одинъ только ты питалъ о немъ постоянную мысль, одинъ только ты не имѣлъ въ виду денежныхъ интересовъ и вознагражденій за труды, одинъ ты безотчетно питалъ чистую, младенческую любовь къ искуству, сдѣлавшую тебя другомъ лучшихъ поэтовъ нашихъ и превратившую для тебя самое искусство въ твое собственное, какъ-бы родное и семейственное дѣло. Стало быть, одному только тебѣ можетъ быть ввѣрено такое изданіе.

»Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всѣхъ отношеніяхъ драгоцѣннымъ подаркомъ,—печататься со всей всевозможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетками, какія могутъ только быть произведены у насъ въ Россіи [граверовъ выбери русскихъ; иностранцевъ сюда не вмѣшивай]. Мѣрку книгамъ дай небольшую, — немного чѣмъ побольше »Сѣверныхъ Цвѣтовъ«. Словомъ, чтобы и по достоинству, и по виду изданіе походило на драгоцѣнность. Все это можешь исполнить одинъ только ты, потому что, не имѣя въ виду пользоваться доходами съ него для своего собственнаго содержанія и прокормленія, ты можешь употребить ихъ на красоту самаго изданія и такимъ образомъ доставить хлѣбъ бѣднымъ художникамъ нашимъ, которымъ приходится иногда претерпѣвать горькую чашу.

»Итакъ, если все это, что̀ я теперь сказалъ, пришлось тебѣ по

сердцу, то благословясь приступай съ Богомъ къ составленію первой книжки »Современника« ко времени наступающаго праздника Свѣтлаго Воскресенія 1847 года, а письмо мое поставь первой статьей, въ видѣ програмы, или вступленія въ самую книгу. До того же времени дай его прочесть всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ ты пожелалъ бы имѣть статью. Какъ ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я увѣренъ, что, по прочтеніи его, всякъ согласится вмѣстѣ съ тобой и со мной въ необходимости такого изданія въ Россіи и, вѣрно, дастъ тебѣ найлучшее изъ своихъ произведеній. Въ газетныхъ листахъ ты можешь объявить о немъ только немногими словами: именно, что »Современникъ« будетъ выходить въ трехъ книгахъ, въ означенные сроки. Прибавь къ этому однѣ только имена тѣхъ, которыхъ статьи будутъ помѣщены: этого достаточно. Пусть лучше все остальное, какъ достоинство статей, такъ и роскошь самаго изданія, будетъ пріятною неожиданностью для каждаго читателя.«

По той же причинѣ, которая объяснена передъ этимъ письмомъ о »Современникѣ«, помѣщаю здѣсь, а не выше, письма Гоголя къ М.С.Щепкину о представленіи »Ревизора съ Развязкой«, »Предувѣдомленіе« къ четвертому и пятому изданіямъ »Ревизора« и письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Письма къ М.С.Щепкину.

1.

»Михаилъ Семеновичъ! вотъ въ чемъ дѣло: вы должны взять въ свой бенефисъ »Ревизора« въ его полномъ видѣ, то есть, слѣдуя тому изданію, которое напечатано въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, съ прибавленіемъ хвоста, посылаемаго мною теперь. Для этого вы сами непремѣнно должны съѣздить въ Петербургъ, чтобы ускорить личнымъ присутствіемъ ускореніе цензурнаго разрѣшенія. Не знаю, кто театральный цензоръ. Если тотъ самый Гедеоновъ, который былъ въ Римѣ съ графомъ Васильевымъ и съ которымъ я тамъ познакомился, то попросите его отъ моего имени крѣпко. Во всякомъ случаѣ обратитесь по этому дѣлу къ Плетневу и графу М.Ю. В****,

которымъ все объясните и которыхъ участіе можетъ оказаться нужнымъ. Скажите какъ имъ, такъ и себѣ самому, чтобы это дѣло до самаго представленія не разглашалось и оставалось бы втайнѣ между вами. Хлестакова долженъ играть Живокини. Дайте непремѣнно отъ себя мотивъ другимъ актерамъ, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами съиграть передъ ними нѣкоторыя роли. Обратите особенное вниманіе на послѣднюю сцену. Нужно непремѣнно, чтобы она вышла картинной и даже потрясающей. Городничій долженъ быть совершенно потерявшимся и вовсе не смѣшнымъ. Жена и дочь въ полномъ испугѣ должны обратить глаза на его одного. У смотрителя училищъ должны трястись колѣни сильно; у Земляники также. Судья, какъ уже извѣстно, съ присядкой. Почтмейстеръ, какъ уже извѣстно, съ вопросительнымъ знакомъ къ зрителямъ. Бобчинскій и Добчинскій должны спрашивать глазами другъ у друга объясненія этому всему. На лицахъ дамъ-гостей ядовитая усмѣшка, кромѣ одной жены Луканчика, которая должна быть вся въ испугѣ, блѣдна, какъ смерть, и ротъ открытъ. Минуту, или минуты двѣ, непремѣнно должна продолжаться эта нѣмая сцена, такъ чтобы Коробкинъ соскучившись успѣлъ попотчивать Растаковскаго табакомъ, а кто-нибудь изъ гостей даже довольно громко сморкнуть въ платокъ. Что́ же касается до прилагаемой при семъ »Развязки Ревизора«, которая должна слѣдовать тотъ же часъ послѣ »Ревизора«, то вы, прежде чѣмъ давать ее разучать актерамъ, вчитайтесь въ нее хорошенько сами, войдите въ значеніе и крѣпость всякаго слова, всякой роли, такъ какъ-бы вамъ пришлось всѣ эти роли съиграть самому, и когда войдутъ они вамъ въ голову всѣ, соберите актеровъ и прочитайте имъ, и прочитайте не одинъ разъ, прочитайте раза три–четыре, или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣскольку строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо, съ полнымъ убѣжденьемъ въ ихъ истинѣ; потому что это споръ, и споръ живой, а не нравоученіе. Горячиться не долженъ никто, кромѣ развѣ Семена Семеновича, но слова произносить долженъ всякъ нѣсколько погромче, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, потому что это споръ. Николай Николаичъ долженъ быть даже отчасти крикливъ; Петръ Петровичъ — съ нѣкоторымъ заливомъ.

Вообще было бы хорошо, еслибы каждый изъ актеровъ держался сверхъ того еще какого-нибудь ему извѣстнаго типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Онъ долженъ скопировать того, котораго онъ зналъ говорящаго лучше всѣхъ по-русски. Хорошо бы, еслибы онъ могъ нѣсколько придерживаться Американца Т***. Николаю Николаевичу должно, за неимѣніемъ другого, придерживаться Ник. Филипповича Пав., потому что у него самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ; притомъ въ него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взятъ съ Николая Михаилов. (1) Заг... Вамъ же вотъ замѣчаніе. Старайтесь произносить всѣ ваши слова какъ можно тверже и покойнѣе, какъ-бы вы говорили о самомъ простомъ, но весьма нужномъ дѣлѣ. Храни васъ Богъ слишкомъ разчувствоваться. Вы разхныкаетесь, и выйдетъ у васъ чортъ знаетъ что. Лучше старайтесь такъ произнести слова, самыя близкія къ вашему собственному состоянью душевному, чтобы зритель видѣлъ, что вы стараетесь удержать себя отъ того, чтобы не заплакать, а не въ самомъ дѣлѣ заплакать. Впечатлѣніе будетъ отъ того нѣсколько разъ сильнѣй. Старайтесь заблаговременно, во время чтенія своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простымъ, но проницающимъ языкомъ, — почти такъ, какъ начальникъ артели говоритъ своимъ работникамъ, когда выговариваетъ имъ, или попрекаетъ въ томъ, въ чемъ дѣйствительно они провиноватились. Вашъ большой порокъ въ томъ, что вы не умѣете выговаривать твердо всякаго слова. Отъ этого вы неполный владѣлецъ собою въ своей ролѣ. Въ Городничемъ вы лучше всѣхъ вашихъ другихъ ролей именно потому, (что) почувствовали потребность говорить выразительнѣе. Будьте же и здѣсь, и въ »Развязкѣ Ревизора«, тѣмъ же Городничимъ. Берегите себя отъ сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у васъ само собою; за нимъ не бѣгайте; бѣгайте за тѣмъ, какъ бы стать властелиномъ себя. Обо всемъ этомъ не сказывайте никому въ Москвѣ, кромѣ Шевырева, по тѣхъ поръ, покуда не возвратитесь

(1) Гоголь ошибся: слѣдовало бы написать Михаила Николаевича. *Н. М.*

изъ Петербурга. У васъ языкъ немножко длинноватъ; вы его на этотъ разъ поукоротите. Еслижъ онъ начнетъ слишкомъ почесываться, то вы придите въ другой разъ къ Шевыреву и разскажите ему вновь, какъ-бы вы разсказывали свѣжему и совсѣмъ другому человѣку. Развязку нужно будетъ переписать, потому что кромѣ экземпляра, нужнаго для театральной цензуры, другой будетъ нуженъ для подписанія цензору Никитенкѣ, которому отдастъ Плетневъ, ибо »Ревизоръ« долженъ напечататься отдѣльно съ »Развязкой« ко дню представленія и продаваться въ пользу бѣдныхъ, о чемъ вы, при вашемъ вызовѣ, по окончаніи всего, должны возвѣстить публикѣ, что не благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цѣли, сей же часъ по выходѣ изъ театра купить »Ревизора« въ театральной же лавкѣ; а кто разохотится дать больше означенной цѣны, тотъ бы покупалъ ее прямо изъ вашихъ рукъ, для большей вѣрности. А вы эти деньги потомъ препроводите къ Шевыреву. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Довольно съ васъ, покамѣсть, этого. Итакъ благословясь поѣзжайте съ Богомъ въ Петербургъ. Бенефисъ вашъ будетъ блистателенъ. Не глядите на то, что піэса заиграна и стара. Будетъ къ этому времени такое обстоятельство, что всѣ пожелаютъ вновь увидать »Ревизора« даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ давался прежде. Сборъ вашъ будетъ съ верхомъ полонъ. Поговорите съ Сосницкимъ, чтобъ увидать, можно ли то же самое сдѣлать въ Петербургѣ сколько возможно такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ. Прежде его испытайте: онъ немножко упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Скажите ему, что это стыдно—и всё въ христіянскомъ духѣ — имѣть такое гордое мнѣніе въ своей безошибочности и что онъ первый, еслибы только захотѣлъ истинно постараться о томъ, чтобы послѣдняя сцена вышла такъ, какъ ей слѣдуетъ быть, она бы сдѣлалась чистая натура; не примѣтилъ бы зритель такой искусственности и принялъ бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русскаго человѣка нѣтъ невозможнаго дѣла, что нѣтъ даже на языкѣ его и слова *нѣтъ*, если онъ только прежде выучился говорить всякимъ собственнымъ страстишкамъ *нѣтъ*. Письмо это дайте прочесть Шевыреву, такъ же какъ и самую »Развязку Ревизора«, и о полученіи всего этого увѣдомьте меня тотъ же часъ.«

2.

»Пишу къ вамъ еще нѣсколько строкъ, Михаилъ Семеновичъ. Если вы совершенно сошлись и условились съ Сосницкимъ относительно постановки »Ревизора« въ новомъ видѣ, то вотъ вамъ маленькое письмецо къ Сосницкому, которое влагаю незапечатаннымъ, чтобы могли прочесть его также и вы, и встрѣтить тамъ, можетъ быть, что-нибудь нужное и для собственнаго соображенія. По дѣлу хлопочите живо и никакъ не пропускайте бывать у всѣхъ, у кого слѣдуетъ. У графа В****, Михаила Юрьевича, побывайте, какъ я вамъ уже говорилъ. Повидайтесь также съ меньшой дочерью его, графиней Анной Михайловной. Скажите ей, что я непремѣнно приказалъ вамъ къ ней явиться, и разскажите ей обо всемъ относительно постановки »Ревизора«. Скажите ваши мысли о »Ревизорѣ« и вообще обо всемъ по этой части, равно какъ и о ходѣ дѣла. Она будетъ хлопотать о многомъ лучше мужчинъ. На ней, между прочимъ, лежитъ одна изъ главныхъ обязанностей по поводу раздачи суммы для бѣдныхъ; а потому все это дѣло ей близко, и вы можете съ ней разговориться откровенно обо всемъ. Она умна; многое пойметъ и на многое подвинетъ другихъ. А ко мнѣ не позабудьте написать въ Неаполь изъ Петербурга хоть нѣсколько строкъ, чтобы я зналъ, какъ расправлялись вы молодцомъ, или — къ вѣчному стыду — бабой, отъ чего Богъ да сохранитъ васъ.«

3.

»(1847) декабря 16. Неаполь.

»Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, Михаилъ Семеновичъ, что »Ревизора съ Развязкой« слѣдуетъ отложить до вашего бенефиса въ будущемъ 1848 году. На это есть множество причинъ, часть которыхъ, вѣроятно, вы и сами проникаете. Во всякомъ случаѣ я этому радъ. Кромѣ того, что дѣло будетъ не понято публикою нашею въ надлежащемъ смыслѣ, оно выйдетъ просто дрянь отъ дурной постановки піесы и плохой игры нашихъ актеровъ. »Ревизора« нужно будетъ дать такъ, какъ слѣдуетъ [сколько-нибудь сообразно тому, чего требуетъ по крайней мѣрѣ авторъ его], а для этого нужно время.

Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно всѣ роли, услышали цѣлое всей піесы и нѣсколько разъ прочитали бы самую піесу актерамъ, чтобы они такимъ образомъ невольно заучили настоящій смыслъ всякой фразы, который, какъ вы сами знаете, вдругъ можетъ измѣниться отъ одного ударенія, перемѣщеннаго на другое мѣсто, или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочелъ вамъ самому »Ревизора«, а вы бы прочли потомъ актерамъ. Бывши въ Москвѣ, я не могъ читать вамъ »Ревизора«. Я не былъ въ надлежащемъ расположеніи духа, а потому не могъ даже съумѣть дать почувствовать другимъ, какъ онъ долженъ быть съигранъ. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, можетъ быть, мнѣ удастся такъ устроить, что вамъ можно будетъ пріѣхать лѣтомъ ко мнѣ. Мнѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя заглянуть въ Россію раньше окончанія работы, которую нужно кончить. Можетъ быть, вамъ также будетъ тогда сподручно взять съ собою и какого-нибудь товарища, больше другихъ толковаго въ дѣлѣ. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободнаго времени и вводите, хотя понемногу, второстепенныхъ актеровъ въ надлежащее существо ролей, въ благородный, вѣрный тактъ разговора — понимаете ли? — чтобы не слышался фальшивой звукъ. Пусть изъ нихъ никто не отмѣняетъ своей роли и не кладетъ на нее красокъ и колорита, но пусть услышитъ общечеловѣческое ея выраженіе и удержитъ общечеловѣческое благородство рѣчи. Словомъ, изгнать вовсе каррикатуру и ввести ихъ въ понятіе, что нужно не *представлять*, а *передавать* прежде мысли, позабывши странность и особенность человѣка. Краски положить нетрудно, дать цвѣтъ роли можно и потомъ. Для этого довольно встрѣтиться съ первымъ чудакомъ и умѣть передразнить его; но почувствовать существо дѣла, для котораго призвано дѣйствующее лицо, трудно, и безъ васъ никто самъ по себѣ изъ нихъ этого не почувствуетъ. Итакъ сдѣлайте имъ близкимъ ваше собственное ощущеніе, и вы сдѣлаете этимъ истинно доблестный подвигъ въ честь искусства. А между тѣмъ напишите мнѣ [если книга моя, *Выбран. Мѣста изъ Переписки*, уже вышла и въ вашихъ рукахъ] ваше мнѣніе о статьѣ моей о театрѣ и одностороннемъ взглядѣ на театръ, не скрывая ничего и не церемонясь ни въ чемъ, равнымъ образомъ

какъ и обо всей книгѣ вообще. Чтó ни есть въ душѣ, все несите и выгружайте наружу.«

4.

»Письмо ваше, добрѣйшій Михаилъ Семеновичъ, такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что, еслибы я и точно хотѣлъ отнять у васъ Городничаго, Бобчинскаго и прочихъ героевъ, съ которыми, вы говорите, сжились, какъ съ родными по крови, то и тогда бы возвратилъ вамъ вновь ихъ всѣхъ, — можетъ быть, даже и съ поддачей лишняго друга. Но дѣло въ томъ, что вы, кажется, не такъ поняли послѣднее письмо мое. Прочитайте »Ревизора«. Я именно хотѣлъ затѣмъ, чтобы Бобчинскій сдѣлался еще больше Бобчинскимъ, Хлестаковъ Хлестаковымъ, и словомъ—всякъ тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть. Передѣлку же я разумѣлъ только въ отношеніи къ піэсѣ, заключающей »Ревизора«. Понимаете ли это? Въ этой піэсѣ я такъ неловко управился, что зритель непремѣнно долженъ вывести заключеніе, что я изъ »Ревизора« хочу сдѣлать аллегорію. У меня не то въ виду. »Ревизоръ« »Ревизоромъ«, а примѣненіе къ самому себѣ есть непремѣнная вещь, которую долженъ сдѣлать всякъ зритель изо всего, даже и не-»Ревизора«, но которое прилично ему сдѣлать по поводу »Ревизора«. Вотъ чтó слѣдовало было доказать по поводу словъ: »Развѣ у меня рожа крива?« Теперь осталось все при всемъ: и овцы цѣлы, и волки сыты. Аллегорія аллегоріей, а »Ревизоръ« »Ревизоромъ«. Странно, однакожъ, что свиданіе наше не удалось. Разъ въ жизни пришла мнѣ охота прочесть какъ слѣдуетъ »Ревизора«, чувствовалъ, что прочелъ бы дѣйствительно хорошо,—и не удалось. Видно, Богъ не велитъ мнѣ заниматься театромъ. Одно замѣчанье на счетъ Городничаго пріймите къ свѣдѣнію. Начало перваго акта нѣсколько у васъ холодно. Не позабудьте также: у Городничаго есть нѣкоторое ироническое выраженіе въ минуты самой досады, какъ, напримѣръ, въ словахъ: »Такъ ужъ, видно, нужно. До сихъ поръ подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь и къ нашему«. Во второмъ актѣ, въ разговорѣ съ Хлестаковымъ слѣдуетъ гораздо больше игры въ лицѣ. Тутъ есть совершенно различные выраженья сар-

казма. Впрочемъ это ощутительнѣй по послѣднему изданію, напечатанному въ »Собраніи Сочиненій«.

»Очень радъ, что вы занялись ревностно писаніемъ вашихъ записокъ. Начать въ ваши годы писать записки — это значитъ жить вновь. Вы непремѣнно помолодѣете и силами, и духомъ, а чрезъ то приведете себя въ возможность прожить лишній десятокъ лѣтъ«.

»*Предувѣдомленіе.*

»Почти всѣ наши русскіе литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ, третьи, наконецъ, составляли нарочно для того публичныя чтенія. Одинъ я отсталъ отъ прочихъ. Желая хотя поздо загладить свой проступокъ, назначаю въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданіе »Ревизора«, нынѣ напечатанныя въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ піэсы: »Развязка Ревизора«. По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, піэса эта не могла быть доселѣ издана, и въ первый разъ помѣщается здѣсь.

»Деньги, выручаемыя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу тѣхъ неимущихъ, которые, находясь на самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получаютъ самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормленіе, должны помогать, а иногда даже и содержать, еще беднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ,—словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало доброму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе, а именно: собирать, по возможности и по мѣрѣ досуга, свѣдѣнія обо всѣхъ наиболѣе нуждающихся, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому *лично* въ ихъ трудныя обстоятельства и доставлять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованія.

»Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣст-

ныхъ. Часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изнываетъ человѣкъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденнаго, суроваго внутренняго горя,—котораго вся участь, можетъ быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили; безпечно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой-то, жившій съ нами рядомъ, погибнулъ, не подозрѣвая того, что причиной этой погибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него. Ради самаго Христа, умоляю не пренебрегать разговорами съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы, которые скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо, такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя. Всѣхъ же тѣхъ моихъ читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнѣйшими, не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ положеніе бѣдныхъ, прошу не оставить посильнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, препровождая его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоществованій, которыхъ имена, и адресы приложены въ концѣ сего предувѣдомленія.

»Считаю обязанностью при этомъ увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мнѣ знакомыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишающими нужнаго досуга для подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной, душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, не смотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помощь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копѣйка напрасно. Не помогутъ они по тѣхъ поръ человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получатъ такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопроводить поданную ему помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участи

своей и въ дѣло его бѣдствія замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, помощь произведутъ они не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первой разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, еслибы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взялъ на себя трудъ изъясняться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самаго дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно сострадательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ опредѣленный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйшій; еслижъ кому онъ и неудобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить освѣдомленіе о другомъ удобнѣйшемъ«. (¹)

Письма къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

1.

»На письмо твое, сестра Анна Васильевна, я не отвѣчалъ, хотя былъ имъ доволенъ. На счетъ племянника нашего скажу тебѣ, что — — я думалъ только, не вырвется ли какъ-нибудь въ словахъ его любовь и охота къ какому-нибудь *близкому* дѣлу, которое подъ рукой и о которомъ мальчикъ въ его лѣта можетъ имѣть понятіе.— — — Ты внуши ему по крайней мѣрѣ желанье читать побольше историческихъ книгъ и желанье узнавать собственную землю, географію Россіи, исторію Россіи, путешествія по Россіи. Пусть онъ распрашиваетъ и узнаетъ про всякое сословіе въ Россіи, начи-

(¹) Слѣдуютъ имена и мѣста жительства лицъ, принявшихъ на себя раздачу вспомоществованій. *Н. М.*

ная съ собственной губерніи и уѣзда: что̀ такое крестьяне, на какихъ они условіяхъ, сколько работаютъ въ этомъ мѣстѣ, сколько въ другомъ, какими работами занимаются,—что̀ такое мѣщане въ городахъ, чѣмъ занимаются,—что̀ такое купцы и чѣмъ торгуютъ,—что̀ производитъ такой-то уѣздъ, или губернія и чѣмъ промышляютъ въ другомъ мѣстѣ. Словомъ — нужно, чтобы въ немъ пробудилось желанье узнавать *бытъ людей*, населяющихъ Россію. Съ этими познаньями онъ можетъ сдѣлаться потомъ хорошимъ чиновникомъ и нужнымъ человѣкомъ государству. Ты можешь слегка пріучать его къ этому даже въ деревнѣ Васильевкѣ. Напримѣръ, въ первую ярмарку, какая случится у васъ, вели ему высмотрѣть хорошенько, какихъ товаровъ больше и какихъ меньше, и записать это на бумажкѣ,— скажи, что для меня. Потомъ пусть запишетъ, откуда и съ какихъ мѣстъ больше привезли товаровъ и чьи люди больше торгуютъ и больше привозятъ. Это заставитъ его и переспросить, и поразговориться со многими торговцами. А потомъ можетъ такимъ образомъ и въ Полтавѣ замѣчать многое. Нужно, чтобы онъ не пропускалъ ничего безъ *наблюдательности*. Если въ немъ пробудится *наблюдательность* всего, что̀ ни окружаетъ, тогда изъ него выйдетъ человѣкъ; безъ этого же свойства, онъ будетъ кругомъ *ничто*. Вотъ все, что̀ почитаю нужнымъ передать тебѣ по предмету племянника. — — —«

2.

»Отъ Шевырева ты получишь нѣсколько книгъ, которыя ты должна будешь прочесть вмѣстѣ съ племянникомъ, потому что онѣ собственно для него. Но я бы хотѣлъ, чтобы ты ихъ прочитала тоже. Онѣ могутъ и тебя нѣсколько навести именно на то, что̀ нужно знать тому, кто бы захотѣлъ бы истинно честно служить землѣ своей. Тебѣ это нужно, чтобы умѣть внушить своему племяннику *желаніе* любить Россію и *желанье* знать ее. Прочитай особенно книгу самаго Шевырева: »Чтенія о Русской Словесности«. Они тебя введутъ глубже въ этотъ предметъ, чѣмъ племянника, потому что онъ еще дитя, и ты будешь потомъ въ силахъ истолковать ему многое, чего онъ самъ не пойметъ. Старайся также внушить ему, что на всякомъ мѣстѣ можно испол-

нять свято долгъ свой, и нѣтъ въ мірѣ мѣста, которое бы можно назвать было презрѣннымъ. Всякое мѣсто можетъ быть облагорожено, если будетъ на немъ благородный человѣкъ. Между книгами одна будетъ *Гуфланда, О Жизни человѣческой*. Ты ее передай Ольгѣ: это ея книга, такъ же какъ и прочія, духовнаго содержанія. Пожалуста почаще экзаминуй племянника въ тѣхъ наукахъ, которыя онъ учитъ въ гимназіи. Заставляй его почаще изъяснять тебѣ, въ чемъ именно состоитъ такая-то и такая наука и что́ въ ней содержится. Проси его слушать повнимательнѣе преподавателей, чтобы пересказать потомъ тебѣ; увѣрь его, что ты многому и сама хочешь поучиться у него. Тебѣ это удастся, я знаю. Тогда тебѣ лучше откроется, что́ онъ такое и къ чему именно есть у него способности. Старайся также доказать ему, что тотъ, кто *желаетъ* учиться и быть полезнымъ землѣ своей, тотъ съумѣетъ научиться и у профессора не очень умнаго; а кто не имѣетъ этого *желанья*, тотъ не научится ничему и у найумнѣйшаго учителя, — чтобы онъ не научился нерадѣть и о самой наукѣ изза того только, что *учитель* не совсѣмъ хорошъ, но чтобы чувствовалъ, что тогда еще больше нужно *работать* самому, когда учитель не такъ хорошъ.«

XXVIII.

Путешествіе въ Іерусалимъ.—Конвоированье черезъ пустыни Сиріи.—Побудительныя причины къ путешествію. — Внутреннее перевоспитаніе. — Понятія о службѣ. — Письма о путешествіи въ Іерусалимъ къ Н. Н. Ш*****, П. А. Плетневу, А. С. Данилевскому, Жуковскому и отцу Матвѣю.

Изъ помѣщенныхъ здѣсь писемъ видно, что Гоголя никогда не оставляла мысль о задуманномъ имъ давно уже путешествіи въ Іерусалимъ. Наконецъ наступило время совершить его.

Свѣдѣнія мои объ этомъ благочестивомъ подвигѣ поэта ограничиваются, покамѣсть, только тѣмъ, что онъ совершилъ переѣздъ черезъ

пустыни Сиріи въ сообществѣ своего соученика по гимназіи, Б***,— того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ курковъ. Б***, занимая значительный постъ въ Сиріи, пользовался особеннымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія, онъ долженъ былъ играть роль полномочнаго вельможи, который признаетъ надъ собой только власть »Великаго Падишаха«. Каково же было изумленіе Арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его тщедушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожнихъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить,—не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрапа. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи через пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе Арабовъ о значеніи Б*** въ Русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ что̀ угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ позабылъ дружескія условія и обратился въ избалованнаго ребенка. Тогда Б*** рѣшился вразумить пріятеля самимъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Б*** все-таки полновластный визирь »Великаго Падишаха«, и что выше его нѣтъ визиря въ Имперіи.

Но любопытно было бы проводить Гоголя мыслью по всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ въ Палестинѣ, что̀, безъ сомнѣнія, кто-нибудь и сдѣлаетъ въ свое время. Въ жизни такого писателя и человѣка, какъ Гоголь, не можетъ быть шагу, который бы не заслуживалъ вниманія. Если какое-нибудь движеніе его души и непонятно для насъ, несообразно съ извѣстными намъ обстоятельствами, или даже, по нашему нынѣшнему взгляду на вещи, вовсе незамѣчательно, то мы все-таки должны сохранить его въ чистотѣ истины для будущихъ мыслителей, которые, можетъ быть, будутъ стоять на бо̀льшей высотѣ, нежели мы стоимъ, и озирать обширнѣйшій круго-

зоръ фактовъ, нежели какой представляется нашимъ умственнымъ взорамъ.

Относительно побудительныхъ причинъ къ путешествію въ Іерусалимъ, я долженъ сказать, что Гоголь въ этомъ случаѣ руководился не однимъ безотчетнымъ чувствомъ благоговѣнія къ мѣстамъ, освященнымъ столь великими воспоминаніями,—чувствомъ, общимъ всѣмъ христіанамъ: у него было болѣе частное душевное побужденіе.

Выше было уже сказано, что мысль о службѣ никогда не оставляла Гоголя,—что онъ въ первой молодости своей перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ, ища, гдѣ бы приносить больше пользы своему отечеству,—что, почувствовавъ наконецъ себя достойнымъ дѣятелемъ на поприщѣ писателя, онъ оставилъ службу и обратилъ всѣ свои силы на то, чтобы произвести твореніе, истинно полезное соотечественникамъ, и этимъ способомъ доказать, что онъ также гражданинъ земли своей. Мы знаемъ, какъ онъ исполнилъ часть своего предпріятія, написавъ и издавъ первый томъ »Мертвыхъ Душъ«. Но это было не болѣе, какъ начало; это было, по его же сравненію, только сѣрое и закопченное дымомъ предмѣстіе къ великолѣпному городу, въ который онъ намѣревался ввести своего читателя; это было только крыльцо къ тому дворцу, который строился въ воображеніи автора. Такъ какъ по плану Гоголя нужно было, чтобы вся первая часть »Мертвыхъ Душъ« наполнена была только пошлыми лицами, выражающими паденіе натуры человѣческой, то онъ написалъ ее безъ особенныхъ усилій. Онъ уже стоялъ на такой нравственной высотѣ, чтобы видѣть въ другихъ и въ самомъ себѣ все унизительное для человѣческаго достоинства. Онъ прошелъ по тому пути, на которомъ встрѣчаются изображенныя имъ лица, и изучилъ всю ихъ обстановку. Глубокое сознаніе того, чѣмъ слѣдуетъ быть человѣку, и грустныя воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни помогли ему выставить пошлости и пороки современнаго человѣка съ такой безпощадной истиною, что всѣ безъ исключенія почувствовали отвращеніе къ его героямъ; а нѣкоторые, не разобравъ, что тутъ дѣйствовала въ авторѣ необычайная способность воспроизводить въ полныхъ типахъ отдѣльныя явленія повседневной жизни, не обинуясь объявили, что онъ самъ долженъ быть съ родни своимъ Чичиковымъ,

Плюшкинымъ, Ноздревымъ и т. д. А между тѣмъ авторъ изнемогалъ подъ тяжестью своей обязанности входить въ нечистыя души своихъ дѣйствующихъ лицъ, принимать на себя ихъ отвратительный видъ и лицедѣйствовать за нихъ передъ публикой. Тягость его подвига тѣмъ больше подавляла его, что онъ зналъ, какъ взглянутъ на него за его метампсихозисъ. Онъ зналъ это и завидовалъ писателю, »который не измѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не спускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы«. (¹) Онъ зналъ это и жаловался на удѣлъ писателя, »дерзнувшаго вызвать наружу все, что̀ ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи«! (²) Онъ предвидѣлъ, что современный судъ »назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта«. (³)

»И долго еще (говорилъ онъ съ грустью одинокаго, безсемейнаго путника посреди дороги) опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей....« (⁴)

Это было сказано не даромъ. Онъ исполнилъ часть своего пред-

(¹) »Мертвыя Души«, стр. 252.—(²) Тамъ же, стр. 252—253.—(³) Тамъ же.—(⁴) Тамъ же, стр. 254.

пріятія тѣмъ, что создалъ характеры и выставилъ явленія, которые внушили »сильное отвращеніе отъ ничтожнаго« и »разнесли по Россіи нѣкоторую тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ себя«. Но ему предстояло совершить гораздо больше: ему нужно было представить такія явленія русской натуры, которыя бы подвинули читателя впередъ уже не отвращеніемъ только отъ низкаго и дурного, а пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному. Тутъ онъ былъ остановленъ въ своей работѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Произведя анализъ надъ собственной душой, онъ убѣдился, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣческой души нельзя по воображенію, что »добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь и что, пока не станешь самъ хотя сколько-нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что̀ ни напишетъ перо твое, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды.« (*)

Чтобы подняться на высоту, съ которой видны ясно недостатки и достоинства каждаго народа, Гоголь оставилъ на время всѣ свои занятія по предмету изученія русскихъ людей и Россіи и »обратилъ все свое вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще«. Онъ принялся читать книги, имѣющія предметомъ изслѣдованіе души человѣческой въ разныхъ ея проявленіяхъ, откровенныя записки людей разнаго званія объ ихъ душевныхъ тайнахъ, трактаты и системы законодателей и, переходя отъ наставника къ наставнику, дошелъ наконецъ до яснаго уразумѣнія того, съ чего въ дѣтствѣ началъ науку жизни, но что̀ онъ до тѣхъ поръ понималъ не совсѣмъ ясно. Онъ убѣдился, что всѣ ученія философовъ сходятся, какъ радіусы въ центрѣ, въ ученіи Спасителя міра, и что только христіанину отверзаются всѣ таинства души человѣческой.

Разрѣшивъ оживленною вновь вѣрою во Христа нѣкоторые важные вопросы, занимавшіе его душу, и удовлетворивъ своей жаждѣ знать человѣка вообще, онъ опять почувствовалъ влеченіе къ поэтиче-

(*) »Переписка съ Друзьями«, стр. 150.

скому труду своему и занялся съ новымъ жаромъ изученіемъ Россіи и русскаго человѣка. Онъ началъ знакомиться съ опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которымъ хорошо были извѣстны разныя особенности на Руси и вообще ея вещественное и нравственное состояніе, и завелъ переписку съ такими людьми, которые могли сообщить ему какое-нибудь интересное обстоятельство, или описать какой-нибудь замѣчательный характеръ. Это было ему нужно для того, чтобы при созданіи своихъ типовъ, онъ могъ принимать въ соображеніе какъ можно больше предметовъ и явленій дѣйствительнаго міра, ибо свойство его творчества было таково, что только тогда каждое лицо въ его сочиненіи становилось живымъ, когда онъ, утвердивъ въ умѣ крупныя черты его, обнималъ въ то же время всѣ мелочи и дрязги, которые должны окружать это лицо въ жизни дѣйствительной.

Письменные запросы Гоголя были, однакожъ, напрасны; напрасно было также и воззваніе его въ предисловіи ко второму изданію »Мертвыхъ Душъ«, въ которомъ онъ просилъ помощи у всѣхъ грамотныхъ людей. Онъ высказалъ этимъ только простодушіе художника, который смотритъ на міръ съ вѣрою въ его симпатію и предполагаетъ въ немъ множество людей, готовыхъ помочь ему въ его великомъ дѣлѣ. Будучи, однакожъ, не только артистомъ въ душѣ, но и человѣкомъ умнымъ, онъ не могъ не знать, что его запросы и особенно печатные, навлекутъ на него насмѣшки со стороны людей, видящихъ вещи съ прозаической точки зрѣнія; но онъ рѣшился переносить и насмѣшки, лишь бы добыть хоть отъ нѣсколькихъ лицъ такія записки, которыя помогли бы ему двинуть впередъ свою работу и продолжать такимъ образомъ по-своему службу отечеству, которая была для него главнѣйшимъ долгомъ на землѣ. Но всѣ были заняты своими дѣлами и предоставляли поэту дѣлать свое; никто, или почти никто, не помогъ ему, а въ журналахъ на его запросы отвѣчали насмѣшками. Онъ долженъ былъ ограничиться собственными наблюденіями и распросами у нѣсколькихъ земляковъ, съ которыми сталкивался онъ за границей. Тамъ люди охотнѣе разговаривали съ нимъ о томъ, что̀ составляетъ характеристическія особенности русскаго человѣка, и глубже вникали въ явленія русской жизни. Въ Россіи,

напротивъ, Гоголь слышалъ чаще всего отвлеченные толки, лишенные анекдотическаго характера. А ему нужны были только факты, только черты, взятыя съ натуры, а не изъ философическихъ навеваній, для того, чтобы придать образовавшимся въ его фантазіи высокимъ характерамъ колоритъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ работа шла у него медленно, — тѣмъ болѣе, что, возвысясь до чистаго художественнаго критицизма, онъ сдѣлался очень строгъ къ самому себѣ и безпрестанно останавливалъ себя вопросами: »Зачѣмъ? къ чему это? какая отъ этого будетъ польза?« и т. п. Онъ написалъ было уже второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, но, повинуясь своему непреложному внутреннему суду, сжегъ его вмѣстѣ съ прочими своими произведеніями, существовавшими въ рукописи, какъ недостойное обнародованія. Пробовалъ писать вновь, но ничто его не удовлетворяло. Христіянинъ и художникъ спорили еще въ немъ другъ съ другомъ и не слились въ одно животворное духовное существо. Онъ былъ доволенъ только своими письмами къ знакомымъ и друзьямъ о томъ, чтò занимало его пересоздававшую себя душу, и, обрадовавшись, что могъ высказываться хоть въ этой формѣ, издалъ выборъ изъ писемъ особою книжкою. Онъ надѣялся, что этими письмами обратитъ вниманіе общества на то, чтó онъ называлъ дѣломъ жизни, и что, заставивъ говорить другихъ, заговоритъ самъ о Россіи. Но, вмѣсто разрѣшенія предложенныхъ имъ въ »Перепискѣ« вопросовъ, грамотные русскіе люди принялись судить и рядить о самомъ авторѣ. Это заставило его снова погрузиться въ самаго себя и признать себя недозрѣвшимъ еще до того, чтобы произнести умное и нужное человѣку слово. Мало-помалу онъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что его сочиненія, какъ писателя не вполнѣ организовавшагося, могутъ скорѣе принести вредъ, нежели пользу, и что поэтому онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ положить перо, пока не почуетъ себя вполнѣ приготовленнымъ къ своему дѣлу. Смиренномудрый въ высшей степени и постоянно одушевляемый жаждою приносить пользу ближнимъ, Гоголь усомнился наконецъ даже въ томъ, дѣйствительно ли поприще писателя есть прямое его назначеніе. Вмѣстѣ съ вѣрою, которая была глубоко внѣдрена въ него воспитаніемъ и прояснѣла посредствомъ анализа, произведеннаго

имъ надъ своей душою, въ немъ возгорѣлась прежняя страсть къ службѣ государственной. Только теперь уже онъ не строилъ себѣ, какъ прежде, никакихъ плановъ касательно должности, которая должна быть создана собственно для него. Теперь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на обыкновеннаго человѣка, и всѣ мѣста по службѣ казались ему одинаково значительными, если только, служа Царю земному, служить этимъ самимъ и поставившему Его Господу. Онъ рѣшился возвратиться въ Россію и немедленно вступить въ государственную службу, — только выбрать себѣ должность по своимъ способностямъ, такую должность, которая бы дала ему возможность изучить русскаго человѣка практически, съ тѣмъ, что если возвратится къ нему творчество, то чтобы у него набрались матеріалы. Такъ совершилось въ Гоголѣ безпримѣрное перерожденіе — торжество христіанина надъ художникомъ и потомъ возрожденіе художника въ христіанинѣ,— словомъ, душевное пересозданіе, возведшее его на ту степень поэтическаго творчества, на которой онъ явился во второмъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«. Онъ понялъ, что онъ ужъ другой человѣкъ, что ученіе его кончилось, что онъ вступаетъ на новое поприще служенія ближнему, какова бы ни была форма этого служенія; и вотъ онъ отправляется въ Іерусалимъ помолиться своему Божественному Учителю на томъ мѣстѣ, которое освящено Его стопами, испросить у Него новыхъ силъ на дѣло, къ которому готовился всю жизнь, и поблагодарить Его за все, что̀ ни случилось съ нимъ въ жизни.

Вотъ объясненіе предпріятія, которое, по мнѣнію людей, стоявшихъ вдали отъ Гоголя, казалось явленіемъ совершенно отдѣльнымъ отъ всего въ его жизни, но которое теперь оказывается въ тѣсной и необходимой связи съ его душевною исторіею.

Помѣщу здѣсь рядъ писемъ его, относящихся къ его путешествію въ Іерусалимъ. Въ нихъ читатель не найдетъ того, что̀ собственно можно бы назвать исторіею путешествія, но они обнаруживаютъ чувства, которыми была полна душа поэта въ разные моменты этого событія. Между прочимъ замѣчательна слѣдующая просьба его къ матери (¹).

(¹) Въ письмѣ отъ 14-го ноября, 1847.

»Во все время, когда я буду въ дорогѣ, вы не выѣзжайте никуда и оставайтесь въ Васильевкѣ. Мнѣ нужно именно, чтобы вы молились обо мнѣ въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Кто захочетъ васъ видѣть, можетъ къ вамъ пріѣхать. Отвѣчайте всѣмъ, что находите неприличнымъ въ то время, когда сынъ вашъ отправился на такое святое поклоненіе, разъѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ-нибудь развлеченіямъ.«

*Къ Н. Н. Ш*****.*

»Христосъ воскресе!

»Знаю, что и вы произнесли мнѣ это святое привѣтствіе, добрый другъ мой. Дай Богъ воспраздновать намъ вмѣстѣ этотъ святой праздникъ во всей красотѣ его еще здѣсь, еще на землѣ, еще прежде того времени, когда, по неизреченной милости Своей, допуститъ насъ Богъ воспраздновать на небесахъ, на невечерѣющемъ днѣ Его царствія. Мнѣ скорбно было услышать объ утратѣ вашей, но скоро я утѣшился мыслью, что для христіянина нѣтъ утраты, что въ вашей душѣ живутъ вѣчно образы тѣхъ, къ которымъ вы были привязаны; стало быть, ихъ отторгнуть отъ васъ никто не можетъ; стало быть, вы не лишились ничего; стало быть, вы не сдѣлали утраты. Молитвы ваши возсылаются за нихъ по прежнему, доходятъ такъ же къ Богу, можетъ быть, еще лучше прежняго; стало быть, смерть неразорвала вашей связи. Итакъ Христосъ воскресъ, а съ Нимъ и всѣ близкіе душамъ нашимъ! Что̀ сказать вамъ о себѣ? Здоровьемъ не похвалюсь, но велика милость Божія, поддерживающая духъ и дающая силы терпѣть и переносить. Вы уже знаете, что я весь этотъ годъ опредѣлилъ на ѣзду: средство, которое болѣе всего мнѣ помогало. Въ это время я постараюсь, во время ѣзды и дороги, продолжать доселѣ плохо и лѣниво происходившую работу. На это подаетъ мнѣ надежду свѣжесть головы и болѣе зрѣлость, къ которой привели меня именно недуги и болѣзни. Итакъ вы видите, что они были не безъ пользы и что все намъ ниспосылаемое ниспосылается на пользу нашего же труда, предпринятаго во имя Божіе, хотя и кажется

въ началѣ, какъ-будто и препятствуетъ намъ. Молитесь же Богу, добрый другъ, дабы отнынѣ все потекло успѣшно и заплатилъ бы я тотъ долгъ, о которомъ говоритъ мнѣ немолчно моя совѣсть, и могъ бы я безъ упрека предстать предъ Гробомъ Господа нашего и совершить Ему поклоненіе, безъ котораго не успокоится душа и не въ силахъ я буду принести ту пользу, которую бы искренно и нелицемѣрно хотѣла принести душа моя.«

Къ ней же.

»Ваши письма, одно черезъ Хомякова, другое по почтѣ, получилъ одно за другимъ. По прежнему изъявляю вамъ благодарность мою за нихъ: они почти всегда приходятся кстати, всегда болѣе или менѣе говорятъ моему состоянію душевному, сердце слышитъ освѣженіе, и я только благодарю Бога за то, что Онъ внушилъ вамъ мысль полюбить меня и обо мнѣ молиться. Только сила любви и сила молитвы помогли вамъ сказать такія нужныя душѣ слова и наставленія. Они одни только могли направить рѣчь вашу отвѣтно на то, что́ во мнѣ, и пролить цѣленье въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ больше болитъ. Другъ мой Надежда Николаевна, молите Бога, чтобъ Онъ удостоилъ меня такъ поклониться Святымъ Мѣстамъ, какъ слѣдуетъ человѣку, истинно любящему Бога, поклониться. О, еслибы Богъ, со дня этого поклоненья моего, не оставлялъ меня никогда и утвердилъ бы меня во всемъ, въ чемъ слѣдуетъ быть крѣпку, и вразумилъ бы меня, какъ ни на одинъ шагъ не отступаться отъ воли Его! Мысли мои донынѣ были всегда устремлены на доброе; желанье добра меня всегда занимало прежде всѣхъ другихъ желаній, и только во имя его предпринималъ я дѣйствія свои. Но какъ на всякомъ шагу способны мы увлекаться! какъ всюду способна замѣшаться личность наша! какъ и въ самоотверженіи нашемъ еще много тщеславнаго и себялюбиваго! какъ трудно, будучи писателемъ и стоя на томъ мѣстѣ, на которомъ стою я, умѣть сказать только такія слова, которыя дѣйствительно угодны Богу! какъ трудно быть благоразумнымъ, и какъ мнѣ въ нѣсколько разъ труднѣй, чѣмъ всякому другому, быть благоразумнымъ! Безъ Бога мнѣ не поступить благоразумно ни въ

одномъ моемъ поступкѣ, а не поступлю я благоразумно — грѣхъ мой несравненно большій противу всякаго другого человѣка. Вотъ почему обо мнѣ слѣдуетъ, можетъ быть, больше молиться, чѣмъ о всякомъ другомъ человѣкѣ. Итакъ благодарю васъ много за все, за ваши письма и молитвы, и вновь прошу васъ такъ какъ и прежде не оставлять меня ими.«

Къ П. А. Плетневу.

»Остенде. Августа 24 (1847).

»Твое милое письмецо отъ $\frac{\text{29 іюля}}{\text{10 авг.}}$ получилъ. Оставимъ на время все. Поѣду въ Іерусалимъ, помолюсь, и тогда примемся за дѣло, разсмотримъ рукописи и все обдѣлаемъ сами лично, а не заочно. А потому, до того времени, отобравши всѣ мои листки, отданные кому-либо на разсмотрѣніе, положи ихъ подъ спудъ и держи до моего возвращенія. Не хочу ничего ни дѣлать, ни начинать, покуда не совершу моего путешествія и не помолюсь, какъ хочется мнѣ помолиться, поблагодаря Бога за все, что ни случилось со мною. Теперь только, выслушавши всѣхъ, могу послѣдовать совѣту Пушкина: »Живи одинъ« и пр. А безъ того врядъ ли бы мнѣ пришелся этотъ совѣтъ, потому что всё-таки, для того, чтобы идти дорогой собственнаго ума, нужно прежде изрядно поумнѣть. Сообразя всѣ критики, замѣчанія и нападенія, какъ изустныя, такъ и письменныя, вижу, что прежде всего нужно всѣхъ поблагодарить за нихъ. Вездѣ сказана часть какой-нибудь правды, не смотря на то, что главная и важная часть книги моей едвали, кромѣ тебя да двухъ-трехъ человѣкъ, кѣмъ-нибудь понята. Рѣдко кто могъ понять, что мнѣ нужно было также вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутреннею своею жизнью для того, чтобы потомъ возвратиться къ литературѣ создавшимся человѣкомъ и не вышли бы мои сочиненія блестящая побрякушка.

»Ты правъ совершенно, признавая важность литературы [разумѣя въ ея высокомъ смыслѣ ея вліяніе на жизнь]; но какъ много нужно, чтобы дойдти до того! Какое полное знаніе жизни, сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы создать

такіе живые образы и характеры, которые пошли бы навѣки въ урокъ людямъ, которыхъ бы никто не назвалъ въ то же время идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же русской природы! Какъ много нужно сообразить, чтобы создать такихъ людей, которые были бы истинно нужны *нынѣшнему времени*! Скажу тебѣ, что, безъ этого внутренняго воспитанія, я бы не въ силахъ былъ даже хорошенько разсмотрѣть все то, что̀ необходимо мнѣ разсмотрѣть. Нужно очень много побѣдить въ себѣ всякаго рода щекотливыхъ струнъ, чтобы ничѣмъ не раздражиться, ни на что̀ не сердиться и умѣть хладнокровно выслушать всѣхъ и взвѣсить всякую вещь. Теперь я хоть и узналъ, что *ничего не знаю*, но знаю въ тоже время, что *могу узнать* столько, сколько другой не узнаетъ. Но обо всемъ этомъ будемъ толковать, когда свидимся. Постараюсь, по пріѣздѣ въ Россію, получше разглядѣть Россію, всюду заглянуть, переговорить со всякимъ, не пренебрегая ни кѣмъ, какъ бы ни противоположенъ былъ его образъ мыслей моему, и словомъ—все пощупать самому.

»Напиши мнѣ о своихъ предположеніяхъ на будущій годъ относительно тебя самого, равно какъ и о томъ, разстаешься ли ты съ университетомъ. Признаюсь, мнѣ жалко, если ты это сдѣлаешь. Оставить профессорство—это я понимаю; но оставить ректорство—это мнѣ кажется невеликодушно. Какъ бы то ни было, но это мѣсто почтенное. Оно можетъ много возвыситься отъ долговременнаго на немъ пребыванія благороднаго, честнаго и возвышеннаго чувствами человѣка. Мнѣ такъ становится жалко, когда я слышу, что кто-нибудь изъ хорошихъ людей сходитъ съ служебнаго поприща, какъ-бы происходила какая-нибудь утрата въ моемъ собственномъ благосостояніи.— — — Важнѣйшая государственная часть все-таки есть воспитаніе юношества; а потому на значительныхъ мѣстахъ по министерству народнаго просвѣщенія все-таки должны быть тѣ, которые прежде сами были воспитатели и знаютъ опытно то, что̀ другіе хотятъ постигнуть разсужденіемъ и умствованіями. А впрочемъ ты, вѣроятно, все это обсудилъ и взвѣсилъ, и знаешь, какъ слѣдуетъ поступить тебѣ.«

Къ Н. Н. Ш*****.

»Ноября 8 (1847).

»Пишу къ вамъ, добрый другъ Надежда Николаевна, изъ Флоренціи. Здоровье, благодаря молитвамъ молившихся обо мнѣ, а въ томъ числѣ и вашимъ, гораздо лучше. Слышу, что все въ волѣ Божіей, и если только угодно будетъ Его святой милости, если это будетъ признаннымъ Имъ нужнымъ для меня, то я буду и совсѣмъ здоровъ. Теперь все подвигаюсь къ югу, чтобы быть ближе къ теплу, которое мнѣ необходимо, и къ Святымъ Мѣстамъ, которыя еще необходимѣй. Желанья въ груди больше, нежели въ прошедшемъ году; даже далъ мнѣ Всевышній силы больше приготовиться къ этому путешествію, нежели какъ я былъ готовъ къ нему въ прошедшемъ. Но при всемъ томъ покорно буду ждать Его святой воли и не пущусь въ дорогу безъ явнаго указанья отъ неба. Есть еще много обстоятельствъ, отъ попутнаго устроенія которыхъ зависитъ мой отъѣздъ, надъ которыми властенъ Богъ и которыя всѣ въ рукахъ Его. Благоволитъ Онъ все устроить къ тому времени какъ слѣдуетъ— это будетъ знакъ, что мнѣ смѣло можно пускаться въ дорогу. Но знакомъ будетъ уже и то, когда все, что̀ ни есть во мнѣ—и сердце, и душа, и мысли, и весь составъ мой—загорится въ такой силѣ желаніемъ летѣть въ обѣтованную святую эту землю, что̀ уже ничто не въ силахъ будетъ удержать, и, покорный попутному вѣтру небѐсной воли Его, понесусь, какъ корабль, не отъ себя несущійся. Путешествіе мое не есть простое поклоненіе: много, много мнѣ нужно будетъ тамъ обдумать у Гроба самаго Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы. Мнѣ нельзя отправиться неготовому, какъ иному можно, и весьма можетъ быть, что и въ этомъ годѣ мнѣ опредѣлено будетъ еще не поѣхать. Со многими изъ людей, близкихъ мнѣ, которые намѣревались тоже къ наступающему великому посту ѣхать въ Іерусалимъ, случились тоже непредвидѣнныя препятствія, заставившія иныхъ возвратиться даже съ дороги, въ которую было уже пустились. А я иначе и не думалъ пускаться, какъ съ людьми, близкими сколько-нибудь моей душѣ. Я еще не такъ самъ по себѣ крѣ-

покъ и душевно, и тѣлесно, чтобы могъ пуститься одинъ. Нужно для того уже быть слишкомъ высокому христіянину, нужно жить въ Богѣ всѣми помышленіями, чтобы обойтись безъ помощи другихъ и безъ опоры братьевъ своихъ, а я еще немощенъ духомъ. Другъ мой, молитесь же, да совершается во всемъ святая воля Бога и да будетъ все такъ, какъ Ему угодно. Молитесь, чтобы Онъ все во мнѣ пріуготовилъ такъ, чтобы не было во мнѣ ничего, останавливающаго меня отъ этого путешествія. Съ своей стороны, я готовлюсь отъ всѣхъ силъ и стремлюсь къ тому, и стремленье это Имъ же внушено. Да усилится же оно еще болѣе!«

Къ ней же.

»Неаполь.

»Я виноватъ передъ вами, добрый другъ Надежда Николаевна! Въ оправданье вамъ ничего не могу сказать, кромѣ того, что »просто не писалось.« Бываютъ такія времена, когда не пишется. О томъ, что̀ далеко отъ души, говоритъ *не хочется;* о томъ же, что̀ близко душѣ, говоритъ *не можется*, и пребываешь въ молчаньи, самъ не зная, отъ чего. Я теперь въ Неаполѣ; пріѣхалъ сюда затѣмъ, чтобы быть отсюда ближе къ отъѣзду въ Іерусалимъ; опредѣлилъ себѣ даже отъѣздъ въ февралѣ, и при всемъ томъ нахожусь въ странномъ состояніи: какъ-бы не знаю самъ, ѣду ли я, или нѣтъ. Я думалъ, что желанье мое ѣхать будетъ сильнѣй и сильнѣй съ каждымъ днемъ, (и я) буду такъ полонъ этою мыслью, что не погляжу ни на какія трудности въ пути. Вышло не такъ. Я малодушнѣе, чѣмъ я думалъ. Меня все страшитъ. Можетъ быть, это происходитъ просто отъ нервъ. Отправляться мнѣ приходится совершенно одному; товарища и человѣка, который бы поддержалъ меня въ минуты скорби, со мною нѣтъ, и тѣ, которые было располагали въ этомъ году ѣхать, замолкли. Отправляться мнѣ приходится во время, когда на морѣ бываютъ непогоды. Я бываю сильно боленъ морскою болѣзнью, даже и во время малѣйшаго колебанья. Все это часто смущаетъ бѣдный духъ мой, и смущаетъ, разумѣется, отъ того, что безсильно мое рвенье и слаба моя вѣра. Еслибъ вѣра моя была сильна и же-

ланье мое жарко, я бы благодарилъ Бога за то, что мнѣ приходится ѣхать одному и что самыя трудности и минуты опасныя заставятъ меня сильнѣй прибѣгнуть къ Его помощи и вспомнить о Немъ лучше, чѣмъ какъ привыкъ вспоминать о немъ человѣкъ въ обыкновенные и спокойные дни жизни. Въ послѣдній годъ, или лучше въ послѣднюю половину года произошло нѣсколько перемѣнъ въ душѣ моей. Я обсмотрѣлся больше на самаго себя и увидѣлъ, что я еще ученикъ во всемъ, даже и въ томъ, въ чемъ, казалось, имѣлъ право считать себя выучившимся и знающимъ. Это меня много смирило, вооружило большей осторожностью и недовѣрчивостью къ себѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ-бы охладило меня и въ томъ, въ чемъ бы я никогда не хотѣлъ охлаждаться. О, молитесь, мой добрый другъ, чтобы росою божественной благодати оросилась моя холодная душа, чтобы твердая надежда въ Бога воздвигнула бы во мнѣ все и я бы окрѣпъ, какъ мнѣ нужно, затѣмъ, чтобы ничего не бояться, кромѣ Бога! Молитесь, прошу васъ, такъ крѣпко обо мнѣ, какъ никогда не молились прежде. Я буду писать къ вамъ еще; я хочу писать къ вамъ теперь чаще, чѣмъ прежде. Богъ да наградитъ васъ за ваши молитвы обо мнѣ и въ сей, и въ будущей жизни.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Ноября 20 (1847). Неаполь.

»Письмо твое отъ 4 октября я получилъ. Адресъ я тебѣ выставилъ [въ прежнемъ письмѣ], но ты это позабылъ, что́ съ нами грѣшными случается. Потверждаю тебѣ вновь, что я въ Неаполѣ и остаюсь здѣсь по крайней мѣрѣ до февраля. Потомъ — въ дорогу Средиземнымъ моремъ; и если только Богъ благословитъ возвратъ мой на Русь, не подцѣпитъ меня на дорогѣ чума, не поглотитъ море, не ограбятъ разбойники и не доконаетъ морская болѣзнь, наконецъ, не задержатъ карантины, то въ іюнѣ, или въ іюлѣ увидимся. Писалъ я: » Побесѣдуемъ денька два вмѣстѣ«, потому что, самъ знаешь, всякъ изъ насъ на этомъ свѣтѣ — дорожній человѣкъ, куда-нибудь да держущій путь, а потому оставаться на ночлегѣ слишкомъ долго, изза того только, что пріютно и тепло и попались хорошіе тюфяки,

есть уже баловство. У всякого есть дѣло, прикрѣпляющее его къ какому-нибудь мѣсту. Я же не зову тебя въ Москву, или въ Петербургъ, или въ Неаполь, хотя (бы) мнѣ и пріятно было имѣть тебя объ руку. Я, хотя и не имѣю никакой службы, собственно говоря о формальной службѣ, но тѣмъ не менѣе долженъ служить въ нѣсколько разъ ревностнѣе всякаго другого. Жизнь такъ коротка, а я еще почти ничего не сдѣлалъ изъ того, что́ мнѣ слѣдуетъ сдѣлать. Въ продолженьи лѣта мнѣ нужно будетъ непремѣнно заглянуть въ нѣкоторые, хотя главные, углы Россіи. Вижу необходимость существенную взглянуть на многое собственными глазами. А потому, какъ бы ни радъ былъ прожить подолѣ въ Кіевѣ, но не думаю, чтобъ удалось больше двухъ дней. Столько полагаю пробыть и у матушки. Осень — въ Петербургѣ, а зиму — въ Москвѣ, если позволитъ, разумѣется, здоровье. Если же сдѣлается хуже — отправлюсь зимовать на югъ. Теперь я долженъ себя холить и ухаживать за собой, какъ за нянькой (¹), выбирая мѣсто, гдѣ *лучше* и *удобнѣе работать*, а не гдѣ веселѣй проводить время.«

Къ П. А. Плетневу.

»Неаполь«. Декабря 12 (1847).

»Я думалъ, что, по пріѣздѣ въ Неаполь, найду отъ тебя письмо; но вотъ уже скоро два мѣсяца минетъ, какъ я здѣсь, а отъ тебя ни строчки, ни словечка. Что́ съ тобой? пожалуйста не томи меня молчаніемъ и откликнись. Мнѣ теперь такъ нужны письма близкихъ, самыхъ близкихъ друзей! Если я не получу, до времени моего отъѣзда, отъ тебя письма и дружескаго напутствія въ дорогу, мнѣ будетъ очень грустно. Предстоящая дорога не легка. Я страждУ сильно, когда бываю на морѣ, а моря мнѣ придется много. Я одинъ; со мною нѣтъ никого, кто бы поддержалъ меня на пути въ мои малодушныя минуты, равно какъ и въ минуты безсилія моего тѣлесна-

(¹) Очевидно, это описка: Гоголь, вѣроятно, думалъ написать: *какъ нянька*, или: *какъ нянька за ребенкомъ*. *Н. М.*

го. Если даже и письменнаго ободренія не пошлетъ мнѣ близкая душа—это будетъ жестоко. Ради Бога, не медли и напиши не одинъ разъ, но два и три. Если, дастъ Богъ, мы увидимся въ наступающемъ 1848 году,—поблагодарю за все лично. До февраля я буду еще здѣсь. Адресуй въ Неаполь, poste restante. А съ тѣхъ поръ, то есть, съ половины февраля новаго штиля, адресуй въ Константинополь, на имя нашего посланника Титова. Денегъ посылать не нужно. Если не обойдусь съ своими, то прибѣгну въ Константинополѣ къ займу. Свидѣтельство о жизни при семъ прилагается. Вытребуй слѣдуемыя мнѣ деньги и сто рублей серебромъ отправь, въ скорѣйшемъ какъ можно времени, въ городъ Ржевъ [Тверской губ.] тамошнему протоіерею Матвѣю Александровичу, для передачи кому слѣдуетъ, присоединивъ при семъ прилагаемое письмо, а остальныя присовокупи къ прежнимъ.«

Къ отцу Матвѣю.

»Неаполь. Декабря 12 (1847).

»При этомъ письмецѣ вы получите, почтеннѣйшій и добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, 100 рублей серебромъ. Половину этихъ денегъ прошу васъ убѣдительно раздать бѣднымъ, то есть, бѣднѣйшимъ, какіе вамъ встрѣтятся, прося ихъ, чтобы помолились они о здоровьи душевномъ и тѣлесномъ того, который, отъ искренняго желанія помочь, далъ имъ деньги. Другую же половину, то есть, эти остальные 50 руб., раздѣлите надвое, 25 рублей назначаю на три молебна о моемъ путешествіи и благополучномъ возвращеніи въ Россію, которыя умоляю васъ отслужить въ продолженіи великаго поста и послѣ Пасхи, какъ вамъ удобнѣе; 25 рублей остальные оставьте, покуда, у себя, издерживая изъ нихъ только на тѣ письма, которыя вы писали, или будете писать ко мнѣ, равно какъ и тѣ, которыя получали отъ меня и будете получать. Я васъ ввелъ въ издержки, потому что уже такое постановленіе: съ тѣхъ не берутъ за письма, которые находятся за границей: за все платятъ вдвойнѣ тѣ, которые остаются въ Россіи. Отъ того и упала на васъ одного тягость. Еще разъ прошу васъ помолиться о благополучномъ путешествіи мо-

емъ и возвращеніи на родину, въ Россію, въ благодатномъ и угодномъ Богу состояніи душевномъ.«

Къ нему же.

»Неаполь. Генваря 12 дня, 1848 г.

»Благодарю васъ много за безцѣнныя ваши строки. Прочиталъ нѣсколько разъ ваше письмо; прочиталъ потомъ еще въ минуты другихъ расположеній душевныхъ. Смыслъ намъ не вдругъ открывается, а потому нужно повторять чтеніе того, чтó относится до души нашей. Я вѣрю, что вы молились обо мнѣ и просили у Бога вразумленья сказать мнѣ то, чтò для меня нужно, а потому, вѣрно, послѣ откроется мнѣ въ немъ и больше, хотя и теперь вы сказали много того, за чтó душа моя будетъ благодарить васъ и въ будущей, и въ здѣшней жизни (¹). Не могу только рѣшить того, дѣйствительно ли дѣло, которое меня занимаетъ и было предметомъ моего обдумыванія съ давнихъ поръ, есть учительство. Мнѣ оно кажется только долгомъ и обязанностью службы, которую я долженъ былъ сослужить моему отечеству, какъ воинъ, гражданскій и всякой другой чиновникъ, если только онъ получилъ для этого способности. Я точно моей опрометчивой книгой [которую вы читали] показалъ какіе-то исполинскіе замыслы на чтó-то въ родѣ вселенскаго учительства. Но книга моя есть произведенье моего переходнаго душевнаго состоянія, временнаго, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянья. Опечаленный нѣкоторыми непріятными происшествіями, у насъ случающимися, и нехристіянскимъ направленіемъ современной литературы, я опрометчиво поспѣшилъ съ этой неразсудительной книгой и нечувствительно забрелъ туда, гдѣ мнѣ неприлично. А діаволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, чтò было даже и безъ умысла учительствовать; чтó случается всегда съ тѣми, которые понадѣются нѣсколько на свои силы и на свою *зна-*

(¹) Гоголь такъ дорожилъ письмами отца Матвѣя, что носилъ ихъ всегда при себѣ. *Н. М.*

чительность у Бога. Дѣло въ томъ, что книга эта не мой родъ. Но то, что́ меня издавна и продолжительнѣй занимало, это было—изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей Русской землѣ, послѣ котораго русскіе читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у насъ многіе, даже и чиновники, и должностные попадаютъ въ большія ошибки по случаю незнанія коренныхъ свойствъ русскаго человѣка и народнаго духа нашей земли. Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка, отъ малыхъ до большихъ, и потомъ изобразить его такъ передъ глазами, что, по увѣренью моихъ читателей, человѣкъ, мною изображенный, оставался, какъ гвоздь въ головѣ, и образъ его такъ казался живъ, что отъ него трудно было отдѣлаться. Я думалъ, что если я, съ моимъ умѣньемъ изображать живо характеры, узнаю получше многія вещи въ Россіи и то, что́ дѣлается внутри ея, то я введу читателя въ большее познаніе русскаго человѣка. А если я самъ, по милости Божіей, проникнусь болѣе познаньемъ долга человѣка на землѣ и познаньемъ истины, то отъ этого нечувствительно и въ сочиненіи моемъ добрые русскіе характеры и свойства людей, получатъ привлекательность, а нехорошіе—такую непривлекательность, что читатель не возлюбитъ ихъ даже и въ себѣ самомъ, если отыщетъ. Вотъ какъ я думалъ, и потому узнавалъ все, что ни относится до Россіи; узнавалъ души людей и вообще душу человѣка, начиная съ своей. Еще я не зналъ самъ, какъ съ этимъ слажу и какъ успѣю, а уже вѣрилъ, что это будетъ мнѣ возможно тогда, когда я самъ сдѣлаюсь лучшимъ. Вотъ въ чемъ я полагалъ мое писательство. Итакъ учительство ли это? Я хотѣлъ представить только читателю замѣчательнѣйшіе предмеиы русскіе въ такомъ видѣ, чтобы онъ самъ увидѣлъ и рѣшилъ, что́ нужно взять ему, и такъ сказать самъ поучилъ бы самаго себя. Я не хотѣлъ даже выводить нравоученья. Мнѣ казалось [если я самъ сдѣлаюсь лучше], все это нечувствительно, мимо меня, выведетъ самъ читатель. Вотъ вамъ исповѣдь моего писательства. Богъ вѣсть, можетъ быть, я въ этомъ неправъ, а потому вопрошу себя еще, стану наблюдать за собой, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Какъ молиться, если Богъ не захочетъ? Вижу такъ много въ себѣ дурного, такую бездну *себялюбія* и не-

умѣнья пожертвовать земнымъ *небесному*! Прежде мнѣ казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно сталъ лучше прежняго, въ минуты слезъ и умиленій, которыя я ощущалъ во время чтенья святыхъ книгъ. Мнѣ казалось, что я удостоивался уже милостей Божьихъ, — что эти сладкія ощущенья есть уже свидѣтельство, что я сталъ ближе къ небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, какъ Богъ не поразилъ меня и не стеръ съ лица земли. О другъ мой и самимъ Богомъ данный мнѣ исповѣдникъ! горю отъ стыда и не знаю, куда дѣться отъ несмѣтнаго множества неподозрѣваемыхъ во мнѣ прежде слабостей и пороковъ. И вотъ вамъ моя исповѣдь уже не въ писательствѣ. Исписалъ бы вамъ страницы во свидѣтельство моего малодушія, суевѣрія, боязни. Мнѣ кажется даже, что во мнѣ и вѣры нѣтъ вовсе. — — Хочу вѣрить и, не смотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться Святому Гробу. Этого мало: хочу молиться о всѣхъ и всемъ, что̀ ни есть въ Русской землѣ и отечествѣ нашемъ. О, помолитесь обо мнѣ, чтобы Богъ не поразилъ меня за мое недостоинство и удостоилъ бы объ этомъ помолиться! Скажите мнѣ: зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ моихъ, хочется молиться о спасеніи Русской земли, о водвореніи въ ней мира, намѣсто смятенія, и любви, намѣсто ненависти къ брату; зачѣмъ я помышляю объ этомъ, намѣсто того, чтобы оплакивать собственные грѣхи мои? зачѣмъ мнѣ хочется молиться еще и о томъ, чтобы Богъ далъ силы мнѣ загладить новымъ, лучшимъ дѣломъ и подвигомъ мои прежніе худые, даже и въ дѣлѣ писательства? О, молитесь обо мнѣ, добрая душа моя! молитесь, чтобъ Богъ избавилъ меня отъ всякаго духа искушенія и далъ бы мнѣ уразумѣть Его истинную волю. Молитесь, молитесь крѣпко обо мнѣ, и Богъ вамъ да поможетъ обо мнѣ молиться.

»Порученье ваше исполняю: Евангеліе читаю и благодарю васъ за это много. Увѣдомьте меня двумя строчками, получены ли вами изъ Петербурга деньги 100 рублей серебромъ на молебны и на бѣдныхъ.«

*Къ Н. Н. Ш*****.*

»Неаполь. Генваря 22.

»Ваше письмо, добрѣйшая Надежда Николаевна, получилъ. Благодарю васъ много за то, что не забываете меня. Вслѣдствіе вашего наставленія, я осмотрѣлъ себя и вопросилъ, не имѣю ли чего на сердцѣ противъ кого-либо, и мнѣ показалось, что ни противъ кого ничего не имѣю. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я въ силахъ бы былъ простить всякому за какое бы то ни было оскорбленіе. Труднѣй всего примириться съ самимъ собой, тѣмъ болѣе, что видишь, какъ всему виной самъ: не любятъ меня черезъ меня же, сердятся и негодуютъ на меня, потому что собственнымъ неразумнымъ образомъ дѣйствій заставилъ я на себя сердиться и негодовать. А неразумны мои дѣйствія отъ того, что я не проникнулся святыней помысловъ, какъ слѣдуетъ на землѣ человѣку, и не умѣю исполнять съ младенческой и чистой простотой сердца слова и законы Того, Кто ихъ принесъ намъ на землю. Собираюсь въ путь, готовлюсь сѣсть на корабль ѣхать въ Святую Землю, а между тѣмъ, какъ мало похожу на человѣка, собирающагося въ путь! какъ много въ душѣ мелочныхъ земныхъ привязанностей, земныхъ опасеній! какъ малодушна моя душа! Другъ мой, молитесь обо мнѣ, молитесь крѣпче, чѣмъ когда-либо молились. Молитесь о томъ, чтобы Богъ далъ силы помолиться такъ, какъ долженъ молиться Ему на землѣ человѣкъ, Имъ созданный и облагодѣтельствованный. Поручите отслужить молебенъ о благополучномъ моемъ путешествіи такому священнику, о которомъ вы знаете, что онъ отъ всей души обо мнѣ помолится. Я прилагаю при семъ записочку того, о чемъ бы я хотѣлъ, чтобъ помолились, сверхъ того, что̀ находится въ обоихъ молебнахъ.«

На особомъ листкѣ:

»Боже, сдѣлай безопаснымъ путь его, пребыванье въ Святой Землѣ благодатнымъ, а возвратъ на родину счастливымъ и благополучнымъ.

»Преклони сердца людей къ доставленію ему покровительства, по-

всюду, гдѣ будетъ проходить онъ; возстанови тишину морей и укроти бурное дыханіе непогоды.

»Душу же его исполни благодатныхъ мыслей во все время дороги его. Удали отъ него духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни.

»Духъ же бодрости и силы и несокрушимой въ Тебѣ надежды, Боже, всели въ него! Да окрѣпнетъ во всемъ благомъ и Тебѣ угодномъ, Господи! Исправи его молитву и дай ему помолиться у Святаго Гроба о собратьяхъ и кровныхъ своихъ, о всѣхъ людяхъ земли нашей и о всей отчизнѣ нашей, о ея мирномъ времени, о примиреніи всего въ ней, враждующаго и негодующаго, о водвореніи въ ней любви и о воцареніи Твоего царства, Боже!

»Боже, не погляди на недостоинства его, но, ради молитвъ нашихъ усердныхъ и горячихъ, возсылаемыхъ нами отъ глубины сердецъ нашихъ и ради молитвъ людей, Тебѣ угодныхъ, о немъ молящихся, удостой его, недостойнаго, грѣшнаго, о семъ помолиться и не возгнушайся принять отъ недостойныхъ устъ его сердечныя прошенія!

»И сподоби его, Боже, возстать отъ Святаго Гроба съ обновленными силами, съ духомъ бодрымъ и освѣженнымъ возвратиться къ дѣлу и труду своему, на добро землѣ своей, на устремленье сердецъ нашихъ къ прославленью святаго имени Твоего.«

Къ ней же.

»1848. Мальта. Генваря 23.

»Спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строчекъ изъ Мальты. Вы видите, я уже въ дорогѣ. Хотя и не таково состояніе души моей, какого бы мнѣ хотѣлось, хотя случилось страдать немало моимъ слабымъ тѣломъ даже и во время этого небольшого морского переѣзда [въ сравненіи съ предстоящимъ большимъ]; но, слава Богу, я еще живъ, я еще могу надѣяться, что Богъ приведетъ состоянье души моей въ болѣе благодатное состояніе. О, еслибы я приведенъ былъ въ возможность такъ помолиться, какъ угодно Богу, чтобы по-

молились Ему люди! Не останавливайтесь молиться о благополучномъ моемъ путешествіи, добрѣйшій другъ, Надежда Николаевна.«

Къ ней же.

»1848. Іерусалимъ. Февраля 19.

»Увѣдомляю васъ, добрый другъ Надежда Николаевна, что я прибылъ сюда благополучно; помянулъ у Гроба Господня ваше имя. Примите отъ меня отсюда, изъ этого святого мѣста, благодарность за ваши молитвы. Безъ этихъ молитвъ, которыя возсылали и возсылаютъ обо мнѣ люди, умѣющіе лучше меня молиться, я бы ни въ чемъ не успѣлъ,—даже и въ томъ, чтобы попристальнѣе обсмотрѣть самаго себя и увидѣть все недостоинство свое. Молитесь теперь о благополучномъ возвращеніи моемъ въ Россію и о дѣятельномъ вступленіи на поприще, съ новыми и обновленными силами.«

Къ отцу Матвѣю.

«Іерусалимъ. 1848 г. февраля ²⁸/₁₆.

»Пишу къ вамъ съ тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я здѣсь. Молитвами вашими и молитвами людей, угождающихъ Богу, я прибылъ сюда благополучно. У Гроба Господня я помянулъ ваше имя; молился какъ могъ моимъ сердцемъ, неумѣющимъ молиться. Молитва моя состояла только въ одномъ слабомъ изъявленіи благодарности Богу за то, что послалъ мнѣ васъ, безцѣнный другъ и богомолецъ мой. Ваши письма мнѣ были очень нужны: они заставили меня лучше осмотрѣть себя и разобрать строже мои дѣйствія. Примите же еще разъ мою благодарность отсюда, изъ этого мѣста, освященнаго стопами Того, Кто принесъ намъ искупленье наше.«

Къ П. А. Плетневу.

»1848, апрѣля 2. Байрутъ.

»Увѣдомляю тебя, безцѣнный другъ мой, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, въ удостовѣреніе чего и посылаю тебѣ сіе свидѣ-

тельство, по которому ты можешь взять изъ казначейства остальныя мои деньги и держать ихъ у себя до времени пріѣзда моего на родину. Покуда, въ путешествіи, я въ нихъ не предвижу надобности: кажется станетъ съ тѣмъ, что̀ при себѣ, возвратиться въ Россію. Путешествіе въ Іерусалимъ совершилъ я благополучно. Отсюда отправляюсь въ Константинополь черезъ Смирну, гдѣ предстоитъ 12 дней карантина. Обозрѣвши Константинополь и все, что̀ вблизи его,— въ Одессу; въ серединѣ лѣта — въ Малороссію, гдѣ долженъ буду погостить у матери; осенью — въ Москву, а тамъ увижу, можно ли мнѣ будетъ успѣть съѣздить въ Петербургъ обнять тебя и немногихъ близкихъ намъ, или отложить до весны. Во всякомъ случаѣ, ты меня увѣдомь о себѣ и обо всемъ, что̀ ни относится къ тебѣ — и гдѣ ты будешь лѣтомъ, и гдѣ потомъ. Напиши теперь же, не отлагая времени, и адресуй письмо въ Полтаву, присовокупя: »А оттуда въ деревню Васильевку.« Доставь при семъ слѣдующее письмецо С**ой. Обнимаю тебя отъ всей души, безцѣнный и добрый мой, и Богъ да хранитъ тебя здрава и невредима.

»Усердная просьба: возьми у графа сочиненіе подъ названіемъ: Анализъ Греческаго Языка, изданное на латинскомъ языкѣ, въ концѣ прошлаго, кажется, вѣка, Французомъ Бодо, или Будуа, — большой томъ in-folio, и перешли мнѣ его въ Полтаву. Увѣдоми меня также, посланы ли деньги, 100 р. с., ржевскому священнику. А самое главное—ради Бога, не позабудь меня надѣлить извѣстіями о себѣ.«

Къ нему же.

»Конст. Апрѣля $^{14}/_{26}$ (1848).

»Въ Константинополѣ мнѣ не размѣняли векселя, который просроченъ. Въ другія времена эта просрочка не значила бы ничего, и мнѣ выдавали бы даже съ выгодою; но теперь, при безпрестанныхъ нынѣшнихъ банкротствахъ, не выдаютъ ни по какому векселю, не сдѣлавши прежде предварительныхъ изслѣдованій, живъ ли такой-то домъ, на имя котораго дается вексель. Посылаю тебѣ этотъ вексель и убѣдительно прошу переговорить съ самимъ Штиглицемъ, изъяснивъ ему, что я долго скитался на Востокѣ, въ такихъ странахъ,

гдѣ нѣтъ банкировъ, и потому акцентировать его не могъ; а маленькіе банкиры не что̀ иное, какъ мѣнялы, и по векселямъ не выдаютъ. Если деньги получишь, то двѣ тысячи руб. асс. пришли мнѣ въ Полтаву, остальныя держи при себѣ.«

Къ отцу Матвѣю.

»Одесса. 21 апрѣля (1848).

»Въ Константинополѣ нашелъ я драгоцѣнное для меня письмо ваше. Оно было для меня освѣжающимъ напутствіемъ. Всякая строка его была какъ-бы отвѣтомъ на вопросъ моего бѣднаго, пребывающаго въ грѣховной тьмѣ сердца. Но только какъ вы добры, какъ милосердны! Вы, сверхъ писемъ, за которыя я въ силахъ буду возблагодарить развѣ *тамъ*, а не *здѣсь*, положили себѣ молиться обо мнѣ всякій день. Часто я думалъ: за что̀ Богъ такъ милуетъ меня и такъ много даетъ мнѣ вдругъ? и могу только объяснить себѣ это тѣмъ, что мое положенье дѣйствительно всѣхъ опаснѣе, и мнѣ труднѣе спастись, чѣмъ кому другому. Много мнѣ бы захотѣлось сказать вамъ, но это заняло бы страницы и весьма легко перешло бы въ многословіе,—можетъ быть, даже въ ложь... . Духъ обольститель такъ близко отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще только стремлюсь и что̀, покуда, пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ! Скажу вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только развѣ что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбье, вотъ весь результатъ. Была одна минута... но какъ смѣть предаваться какой бы то ни было минутѣ, испытавши уже на дѣлѣ, какъ близко отъ насъ искуситель! Страшусь всего, видя ежеминутно, какъ хожу опасно. Блеститъ вдали какой-то лучъ спасенья — святое слово *любовь*. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ-будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде. Но Богъ знаетъ, можетъ быть, и это такъ только кажется; можетъ быть, и здѣсь играетъ роль искуситель... Молитесь обо мнѣ, великодушная душа! вотъ

все, что́ можетъ сказать вамъ мое сердце; и слезы, въ эту минуту упавшія на этотъ листъ бумаги, просятъ васъ о томъ же. Не позабывайте меня иногда двумя-тремя строками письма. Вѣдь вамъ это легко; вамъ нечего думать надъ тѣмъ, что́ сказать мнѣ. Вы знаете, что вы сами по себѣ ничего не можете сдѣлать и ничего не можете мнѣ сказать, безъ Бога, могущаго направить все мнѣ кстати.«

*Къ Н. Н. Ш*****.*

»Мая 16 (1848). Деревня Васильевка.

»Ваше письмо получилъ съ особеннымъ удовольствіемъ, мой добрый другъ Надежда Николаевна. Благодаря Бога, достигнулъ я земной родины благополучно; достигну ли благополучно небесной? вотъ вопросъ, который долженъ бы меня занимать теперь всего. Но, къ стыду моему, долженъ признаться, что я далеко сердцемъ отъ этого вопроса. Голова думаетъ о немъ, но сердце не растопилось, не пламенѣетъ стремленьемъ къ нему. У Гроба Господня я былъ какъ-будто затѣмъ, чтобы *тамъ*, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ холода сердечнаго, какъ много себялюбія и самолюбія. Итакъ *далеко* отъ меня то, что́ я полагалъ чуть не *близко*. При всемъ томъ меня живитъ еще лучъ надежды. Я и доселѣ также лепечу холодными устами и черствымъ сердцемъ ту же самую молитву, которую лепеталъ и прежде. Мысль о моемъ давнемъ трудѣ, о сочиненіи моемъ, меня не оставляетъ. Всё мнѣ такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвесть его, чтобъ оно имѣло доброе вліяніе, чтобъ образумились многіе и обратились бы къ тому, что́ должно быть вѣчно и незыблемо. Другъ мой, молитесь обо мнѣ. Если Богъ, молитвами вашими и другихъ Ему угодныхъ людей, спасъ меня и пронесъ благополучно сквозь всѣ земли, то Онъ властенъ также озарить меня мудростью, необходимой для совершенья труда моего.«

О пребываніи своемъ въ Палестинѣ писалъ Гоголь еще къ Жуковскому, но ка́къ именно писалъ, объ этомъ можно догадываться только изъ слѣдующаго отвѣта Жуковскаго на письмо его:

»Милый Гоголекъ, вотъ ужь моя очередь передъ тобою виниться: на твое большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твое письмо изъ Палестины вовсе не отвѣчалъ. Оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно, такъ сказать, негативное изображеніе того, что́ ты видѣлъ въ Землѣ Обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То, что́ не далось въ *настоящемъ*, можетъ сторицею даться въ *прошедшемъ*, и со временемъ твои воспоминанія о Святой Землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія« (¹)

XXIX.

Чувства Гоголя по возвращеніи въ мѣста его дѣтства.—Продолженіе »Мертвыхъ Душъ«.—Описаніе деревни Васильевки и усадьбы Гоголя. — VI статья »Завѣщанія«. — Замѣтки Гоголя для передѣлокъ и дополненія »Мертвыхъ Душъ«.— Два письма къ С. Т. Аксакову.

Въ послѣднемъ письмѣ Гоголя къ Н. Н. Ш***** мы находимъ его уже въ деревнѣ Васильевкѣ, то есть, въ родномъ семействѣ. Вотъ какъ описываетъ онъ своему »ближайшему« (²) испытанныя имъ впечатлѣнія, при видѣ давно покинутыхъ мѣстъ.

»16 мая (1848). Васильевка.

»Твое письмо принесло мнѣ также много удовольствія. Ты спрашиваешь меня о впечатлѣніяхъ, какія произвелъ во мнѣ видъ давно покинутыхъ мѣстъ. Было нѣсколько грустно, вотъ и все. Подъѣхалъ я вечеромъ. Деревья—одни разрослись и стали рощей, другія вырубились. Я отправился того же вечера одинъ степовой дорогой, позади церкви, ведущей въ Яворовщину, по которой любилъ ходить нѣ-

---

(¹) Далѣе о постороннихъ предметахъ. *Н. М.*

(²) А. С. Данилевскому.

когда, я почувствовал *сильно*, что тебя нѣтъ со мной. Вѣроятно, того же вечера я былъ бы въ Толстомъ, но Толстое пусто, и мнѣ стало еще грустнѣе. Все это было въ день моихъ имянинъ, 9 мая. Матушка и сестры, вѣроятно, были рады до nec plus ultra моему пріѣзду, но наша братья, холодный мужеской полъ, не скоро растапливается. Чувство непонятной грусти бываетъ къ намъ ближе, чѣмъ что-либо другое.«

За исключеніемъ короткой поѣздки въ Кіевъ, Гоголь провелъ у матери весну и все лѣто, и много трудился надъ вторымъ, а можетъ быть, и надъ третьимъ, томомъ »Мертвыхъ Душъ«, которыхъ изданіе теперь болѣе, нежели когда-либо онъ считалъ нужнымъ для общей пользы. Читатель помнитъ, какое это было время. Гоголь, по его словамъ, желалъ »хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія«. Это онъ называлъ »подвигомъ всякаго честнаго гражданина«.

Но страшная жара тогдашняго лѣта и, вслѣдствіе ея, болѣзненное разслабленіе тѣла, долго не давали ему заняться дѣломъ. Вотъ его два письма объ этомъ къ П. А. Плетневу.

1.

»Іюня 8 (1848). Д. Васильевка.

»Жаль векселя. Но такъ какъ въ нынѣшнее время всѣмъ приходится нести потери и утраты имуществъ, то почему же не понести и мнѣ? Размѣняй 3-й билетъ въ 571 р. и пришли сюда въ Полтаву. Увѣдоми меня, поступилъ ли въ число означенныхъ тобою четырехъ билетовъ тотъ вексель, который былъ посланъ мнѣ Прокоповичемъ и препровожденъ, много годъ тому назадъ, ко мнѣ. Въ это время пролетѣло столько событій всякаго рода, какъ мимо меня, такъ и внутри меня, что я начинаю позабывать совершенно порядокъ дѣлъ моихъ. У тебя же все это, по обыкновенію, въ порядкѣ, съ означеніемъ, безъ сомнѣнія, и мѣсяцевъ, и дней, въ какіе что было ко мнѣ отправлено. Если когда-нибудь въ свободное время не побрезгаешь сдѣлать объ этомъ записочку [ее же выйдетъ пять-шесть строчекъ всего], то меня весьма обяжешь.

»Я еще ни за что не принимался. Покуда, отдыхаю отъ дороги. Брался было за перо, но — или жаръ утомляетъ меня, или я всё еще не готовъ. А между тѣмъ я чувствую, что, можетъ, еще никогда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумываній моихъ и помышленій, какъ въ нынѣшнее время. Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія—это уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина.

»Какъ мнѣ скорбно, что бѣдная С**ва такъ страдаетъ! Передай ей это маленькое письмецо.«

2.

»Д. Васильевка. Іюля 7 (1848).

»Пишу къ тебѣ больной, едва оправившійся отъ изнурительнаго (недуга), который въ три дни оставилъ отъ меня одну тѣнь. Впрочемъ это, слава Богу, еще не холера, а просто (недугъ) отъ нестерпимыхъ жаровъ, томительнѣе которыхъ, я думаю, не бываетъ въ самой Африкѣ. Никакого освѣженія даже по ночамъ. Холера вездѣ вокругъ, и я думаю, еще никогда не была она такъ повсемѣстна и скоро разносима. Маленькую довѣренность [въ разсужденіи того, что она на восьмушкѣ] при семъ прилагаю. Если по ней еще нельзя будетъ взять вдругъ, то обяжешь меня, если вышлешь мнѣ хоть изъ своихъ, какія найдутся у тебя подъ рукою, хоть рублей 150 сер. Я совсѣмъ на безденежьи. Вокругъ — тоже ни у кого, начиная съ моихъ родныхъ, которымъ долженъ буду помочь. Голодъ грозитъ повсемѣстный. Хлѣба, покуда, еще нечего даже собирать: все не выросло и выжглось такъ, что не жнутъ, а вырываютъ руками по колоскамъ. Надежда есть еще кое-какая на поздніе хлѣба, особенно на гречу, если перепадетъ нѣсколько дождей и засуха не будетъ такъ жестока. Я ничего не въ силахъ ни дѣлать, ни мыслить отъ жару. Не помню еще такого тяжелаго времени. Деньги посылай по такому же адресу, какъ и письма: въ Полтаву. Пришли двѣ тысячи асс., а остатокъ, въ видѣ пятаго билета, прикинь къ прежнимъ четыремъ. Еслижъ тебѣ почему-нибудь удержать при себѣ не захочется, или будетъ хлопотливо возиться, то, пожалуй, пришли хоть и весь вексель, въ два пріема, или въ одинъ.«

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь *былъ* писанъ второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, отъ котораго намъ достались только обломки, можетъ быть, очень давней, позабытой авторомъ редакціи. Каковы бъ ни были достоинства этого похищеннаго у насъ судьбою произведенія, но актъ его созданія интересенъ уже потому, что Гоголь такъ долго готовился къ нему, такъ много для него страдалъ и томился жаждою свѣта и истины. Подобно религіознымъ художникамъ старинной испанской школы, писавшимъ на колѣнахъ, въ рубищѣ и со слезами на глазахъ, мучениковъ за вѣру во Христа, онъ каждую страницу этого произведенія вымаливалъ у неба долгими молитвами и долгими покаяніями. Смиренномудрый въ высшей степени и постоянно одушевляемый жаждою приносить пользу ближнимъ, онъ трепеталъ при мысли о »тѣхъ страшилищахъ, которыхъ сѣмена мы сѣемъ въ жизни своими дѣлами«, и только, очистивъ и какъ бы освятивъ душу молитвами у Гроба Господня, онъ рѣшился наконецъ передать свѣту ея внушенія. Этотъ актъ христіянски поэтическаго творчества совершился въ Васильевкѣ, и потому сама Васильевка дѣлается для насъ уголкомъ въ высшей степени интереснымъ. Но по одному ли этому обстоятельству она интересна? Здѣсь протекло дѣтство нашего поэта; сюда онъ нетерпѣливо рвался бывало изъ надоѣвшей школы, »чтобъ обновить свои силы« послѣ томительныхъ экзаменовъ; здѣсь онъ, въ ранней юности, по собственнымъ словамъ его, былъ »окружаемъ почти съ утра до вечера весельемъ« и, наконецъ, сюда, безъ сомнѣнія, часто улетала за свѣжими чувствами его творческая фантазія изъ отдаленнаго сѣвера и чужого юга. Бросимъ же взглядъ на эту счастливую точку нашего обширнаго отечества, къ которой долго, долго будутъ обращаться мысли многихъ и многихъ тысячь людей со всѣхъ концовъ его.

Дорога къ деревнѣ Васильевкѣ изъ Полтавы замѣчательна въ томъ отношеніи, что на пространствѣ тридцати верстъ нѣсколько разъ перемѣняетъ свой характеръ. Ровная плоскость пахатныхъ полей склоняется въ долины, накрапленныя кое-гдѣ свѣтлыми пятнами воды. Поднимаетесь изъ долинъ на возвышенность—и передъ вами то, что̀ собственно называется степью: невспаханная площадь во все

пространство широкаго горизонта, съ скирдами сѣна и стадами овецъ и рогатаго скота. Далѣе вы встрѣтите остатки старинныхъ лѣсовъ, гдѣ чаще всего видны дубы, свидѣтели татарскихъ набѣговъ и расправъ съ Поляками. Скудная водою и богатая камышами рѣчка Голтва нѣсколько разъ покажетъ вамъ свои »загогулины«, между селъ, спускающихся съ косогоровъ къ водѣ, между плоскихъ и гладкихъ какъ столъ возвышенностей, усѣянныхъ скирдами, и между густыхъ рощъ, обѣщающихъ — хотя напрасно—вдали обширные лѣса. Если ваши лошади бѣгутъ быстро, какъ бѣжали тѣ, на которыхъ ѣхалъ я, вы будете всю дорогу гоняться за развивающимися вдали заманчивыми видами, и скоро передъ вами появится бѣлая, съ зеленою крышею, небольшая церковь объ одной главѣ, на холмѣ, тихо склоняющемся во всѣ стороны, соотвѣтственно плавнымъ линіямъ степныхъ долинъ и возвышенностей,—*Васильевская* церковь.

Мнѣ объявилъ это »чабáнъ« ('), стоявшій среди поля у могилы, опершись на свой деревянный крюкъ. Я спросилъ: чей онъ? и онъ отвѣчалъ мнѣ: »Васильевскій«. — Я разговорился съ нимъ о покойномъ его »панѣ« и получилъ отъ него, въ немногихъ словахъ, вѣрную характеристику Гоголя въ деревенской жизни. »На вêе дывытця та въ усёмý кохáетця«, говорилъ онъ, то есть, что Гоголь во все вникалъ и любилъ все, чтó ни входитъ въ хозяйство.

Церковь стоитъ впереди села, которое закатилось въ долину, противоположную взъѣзду на плоскій церковный холмъ, и выказывается только своими деревьями, черными »дымаря́ми« да верхами хлѣбныхъ скирдъ. Съ правой стороны церкви, за небольшою купою дубовъ, видно господское гумно, предупреждающее путника, что тутъ не нуждаются въ хлѣбѣ; съ лѣвой—густой старый садъ, или, пожалуй, роща, въ которой уютно укрылся помѣщичій домъ, съ своими службами, амбарами и другими постройками. Издали видны только красныя деревянныя кровли съ бѣлыми трубами, и кажется, что домъ со всѣхъ сторонъ окутанъ деревьями; но, когда вы подъѣдете ближе, передъ вами, сквозь веселую рѣшетку, откроется просторный,

(') Пастухъ овецъ.

весь зеленый дворъ, симметрически обставленный съ трехъ сторонъ постройками, которыя пріятно рисуются на садовой зелени.

Въ цѣломъ, Васильевка и ея усадьба представляютъ такое пріятное, сельски пріятное мѣсто, что, еслибы вамъ и не было извѣстно, кто жилъ здѣсь, кто любилъ эти деревья, эту церковь, эти ласково глядящія изъ саду строенія, вы бы велѣли своему кучеру проѣхать мимо усадьбы и черезъ деревню шагомъ и вникнули бы внимательно въ общій характеръ мѣстности. »Здѣсь, должно быть, живутъ весело и дружно!« такъ бы, мнѣ кажется, подумалъ я, не зная ничего о Васильевкѣ. Но когда жизнь Гоголя-поэта и человѣка наполняетъ вашу память и содержите вы въ умѣ своемъ его произведенія, — вамъ непремѣнно хочется опредѣлить мѣру вліянія на него этихъ мѣстъ, этихъ предметовъ, этой богатой, но простой, сельской природы. Здѣсь, мнѣ кажется, душа поэта не подчинялась впечатлѣніямъ рѣзко картиннаго, но не была лишена и того, что̀ поднимало ее отъ холоднаго, пасмурнаго взгляда на окружающее. Въ мѣстоположеніи и во всей обстановкѣ Васильевки, гдѣ протекло первое дѣтство Гоголя, было много располагающаго къ тихой мечтательности; но, разъ приведенная въ движеніе, фантазія поэтическаго ребенка, могла легко оторваться отъ мѣста своего рожденія и на свободѣ творить неясный міръ видѣній, которыя потомъ, въ періодъ полнаго развитія силъ, принимали уже опредѣленныя формы. Конечно, мудрено найти несомнѣнную связь между видимыми предметами и таинственными движеніями души, развивающейся среди нихъ; но зачѣмъ же есть въ насъ инстинктъ искать этой связи? и зачѣмъ предметы, въ кругу которыхъ совершалась неизъяснимая работа творчества, такъ манятъ къ себѣ и такъ много обѣщаютъ сказать намъ? Повинуясь этому влеченію, общему всѣмъ почитателямъ высокихъ поэтическихъ личностей, я вездѣ искалъ здѣсь слѣдовъ, началъ, зарожденій того, что̀ въ сочиненіяхъ Гоголя составляетъ его исключительныя особенности. И какъ ни мало отвѣчаетъ видимое на голосъ души, но я задавалъ свои умственные вопросы всему въ родномъ уголкѣ моего поэта — отъ густыхъ сѣней его сада до выраженія лицъ и языка движеній его осиротѣлаго семейства.

Садъ въ деревнѣ Васильевкѣ имѣетъ лѣсной характеръ, и лѣтомъ

должень быть очень прохладенъ (¹). Въ немъ показывали мнѣ высокіе толстые дубы, посаженные еще Аѳанасіемъ Ивановичемъ, дѣдомъ поэта. Отецъ Гоголя любилъ разводить преимущественно лѣсныя деревья и насаживалъ ихъ такъ искусно, что аллеи образовались какъ-бы сами собою, въ лѣсной чащѣ. Въ его время садъ упирался въ мокрую, кочковатую долину. Онъ обратилъ ее въ пруды, которые пріѣзжему кажутся рѣкою. Извилины ихъ во многихъ мѣстахъ окаймлены камышомъ, и это придаетъ мѣстности видъ пустыни, спокойной, удаленной отъ людей. Гоголь, въ свои пріѣзды домой, подсаживалъ лѣсныя деревья въ саду, гдѣ только находилъ для нихъ мѣсто; наконецъ избралъ для себя болѣе просторное поприще за прудами, гдѣ уже существовало нѣсколько купъ молодыхъ деревьевъ, и намѣренъ былъ развести здѣсь такой же неправильный садъ, какъ и возлѣ дома, по сю сторону прудовъ. Отчасти онъ уже исполнилъ свое предпріятіе. Что̀ предположено имъ было впередъ, видно изъ плана, набросаннаго имъ на листкѣ при инструкціи, которую онъ оставилъ сестрамъ, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ дому (²). По всему видно, что онъ имѣлъ въ виду прежде всего богатую растительность и старался размѣщать деревья по свойствамъ и высотѣ почвы, оставляя природѣ красоту группъ, промежутковъ и склоновъ къ водѣ. Здѣсь, за прудами, должно быть особенно весело весною, когда большія луговыя поляны между насажденій превратятся въ зеленые ковры, когда высокоствольныя деревья надъ водою заговорятъ голосами птицъ, а поля, видныя въ перспективѣ за извилинами прудовъ, засіяютъ на солнцѣ молодыми посѣвами.

Въ старомъ саду вамъ покажутъ небольшой гротъ, въ темнотѣ котораго, въ мой пріѣздъ, теплилась лампадка передъ образомъ, и слѣды бесѣдки, сорванной съ основанія бурею, черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго отъѣзда Гоголя изъ Васильевки. Но я замѣтилъ безъ указанія одинъ предметъ, который оживилъ въ моей памяти картину густого, заглохшаго сада, написанную Гоголемъ, можетъ

(¹) Я былъ въ Васильевкѣ осенью.

(²) См. въ приложеніяхъ »Распредѣленіе садовыхъ Работъ«.

быть, отчасти по домашнимъ впечатлѣніямъ. То была надломанная вѣтромъ береза, которой стволъ круглился среди осенней зелени, какъ бѣлая колонна, чернѣя на небѣ своею косою оконечностью, похожею на сидящую птицу.... (¹)

Домъ, въ которомъ теперь помѣщается семейство покойнаго Гоголя, построенъ не очень давно. Не въ немъ протекло дѣтство Гоголя. На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ низенькій, ветхій домикъ, украшенный затѣйливыми зубцами вдоль крыши, крыльцомъ съ намеками на готическій вкусъ, боковыми башенками и остроконечными окнами по угламъ. Гоголю, видно, дорого было воспоминаніе объ этомъ домикѣ, потому что онъ хранилъ собственноручный рисунокъ съ него въ своей записной книгѣ.

Что̀ касается до нынѣшняго господскаго дома въ деревнѣ Васильевкѣ, то о немъ нечего больше сказать, какъ только, что онъ деревянный, одноэтажный, довольно просторенъ и удобенъ для помѣщенія небольшого семейства покойнаго поэта. Гоголь, однакожъ, находилъ его не такъ уютнымъ и, можетъ быть, не такъ комфортнымъ, какъ бы желалъ. Онъ произвелъ въ немъ нѣкоторыя передѣлки и усовершенствованія, оштукатурилъ его, для большей теплоты, особеннымъ составомъ, котораго рецептъ вывезъ изъ-за границы, но все-таки оставался имъ недоволенъ и намѣренъ былъ выстроить новый домъ, который бы удовлетворялъ потребностямъ всего семейства вообще и каждаго изъ его членовъ порознь. Онъ заготовилъ даже лѣсъ для этого дома и, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Васильевки, намѣтилъ собственноручно каждое бревно. Отдыхая послѣ утреннихъ трудовъ въ семейномъ кругу, онъ любилъ предаваться архитектурнымъ фантазіямъ и выражалъ ихъ отчасти карандашомъ на бумагѣ. Я видѣлъ набросанные имъ чертежи двухъ фасадовъ и одного плана. Оба фасада интересны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что сохраняютъ черты домика, въ которомъ протекло его дѣтство; а планъ напоминаетъ его мысль, высказанную еще въ 1832 году Н. Д. Бѣлозерскому, что хорошо было бы построить домъ, въ которомъ зала

(¹) Считаю почти излишнимъ напоминать читателямъ описаніе сада Плюшкина.

входила бы глубоко между другихъ комнатъ и была бы почти темною. Такая зала (говорилъ онъ) лѣтомъ была бы очень прохладна и удобна для семейныхъ бесѣдъ.

Въ числѣ украшеній нынѣшняго дома въ Васильевкѣ, надобно упомянуть о трехъ портретахъ aqua tinta Императрицы Екатерины, князя Потемкина и графа Зубова, какъ о предметахъ, которые представлялись глазамъ Гоголя въ дѣтствѣ. Въ этомъ же отношеніи интересны и пять небольшихъ старинныхъ англійскихъ гравюръ, представляющихъ: 1) Продажу рыбы, 2) Продажу сѣрныхъ спичекъ, 3) Точеніе ножницъ, ножей и бритвъ, 4) Покупателей гороху и 5) Покупателей новыхъ балладъ. Но истинное украшеніе дома составляетъ прекрасный грудной портретъ Гоголя, въ натуральную величину, писанный Моллеромъ около 1840 года въ Римѣ. Гоголь просилъ Моллера написать его съ веселымъ лицомъ, »потому что христіанинъ не долженъ быть печаленъ«, и художникъ подмѣтилъ очень удачно привлекательную улыбку, оживлявшую уста поэта; но глазамъ его онъ придалъ выраженіе тихой грусти, отъ которой рѣдко бывалъ свободенъ Гоголь. Судя по этому портрету, авторъ »Мертвыхъ Душъ« одаренъ былъ наружностью, которая не бросалась въ глаза съ перваго взгляда, но оставляла пріятное впечатлѣніе въ томъ, кто его видѣлъ, а при повторенныхъ свиданіяхъ заохочивала изучать себя и наконецъ дѣлалась дорогою для сердца. Высокій лобъ, полузакрытый спущенными наискось, свѣтлорусыми, лоснящимися волосами; тонкій съ небольшимъ горбомъ носъ, нѣсколько нагнувшійся надъ русыми усами; глаза, которые въ Малороссіи называютъ карыми, съ тонкими, поднятыми какъ-бы отъ удивленія бровями, и легкій румянецъ щекъ, на свѣтломъ, почти бѣломъ цвѣтѣ всего лица: таковъ былъ Гоголь въ то время, когда первый томъ »Мертвыхъ Душъ« былъ написанъ, а второй и третій существовали только въ его умѣ.

Но иной представлялся мнѣ образъ, во время моихъ грустныхъ бесѣдъ съ его матерью. Мнѣ указали мѣсто, въ углу дивана, гдѣ обыкновенно онъ сиживалъ, гостя на родинѣ. Въ послѣднее пребываніе его дома, веселость ужъ оставила его; видно было, что онъ не былъ удовлетворенъ жизнью, хоть и стремился съ нею примириться. Тѣлесные недуги, происходившіе, вѣроятно, не отъ однѣхъ фи-

зическихъ причинъ, ослабили его энергію; а земная будущность, сократившаяся для него уже въ небольшое число лѣтъ, не обѣщала исполненія его медленно осуществлявшихся плановъ. Онъ впадалъ въ очевидное уныніе и выражалъ свои мысли только короткимъ восклицаніемъ: »И все вздоръ, и все пустяки!«

Но каковы бы ни были его душевныя страданія, онъ не переставалъ заботиться о томъ, чтобы занять милыхъ его сердцу домашнихъ полезною дѣятельностью и сохранить ихъ отъ унынія. Одною изъ трогательнѣйшихъ заботъ его о матери было возобновленье тканья ковровъ, которымъ она въ молодости распоряжалась съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ думалъ, что ничѣмъ такъ пріятно не разсѣетъ ея подъ часъ грустныхъ мыслей, какъ занятіемъ, которое будетъ напоминать ей молодость. Для этого-то съ неутомимымъ терпѣніемъ рисовалъ онъ узоры для ковровъ и показывалъ, что придаетъ величайшую важность этой отрасли хозяйства. Съ сестрами онъ безпрестанно толковалъ о томъ, что̀ всего ближе касается деревенской жизни, какъ-то: о садоводствѣ, объ устройствѣ лучшаго порядка въ хозяйствѣ, о средствахъ къ искорененію пороковъ въ въ крестьянахъ, или о леченіи ихъ тѣлесныхъ недуговъ, но никогда о литературѣ. Кончивъ утреннія свои занятія, онъ оставлялъ ее въ своемъ кабинетѣ и являлся посреди родныхъ простымъ практическимъ человѣкомъ, готовымъ учиться и учить каждаго всему, что̀ помогаетъ жить покойнѣе, довольнѣе и веселѣе. Отъ этого, дома его знаютъ и вспоминаютъ больше, какъ нѣжнаго сына, или брата, какъ отличнаго семьянина и какъ истиннаго христіянина, нежели какъ знаменитаго писателя. И въ общей любви къ нему родныхъ, независящей отъ удивленія къ его высокому таланту, много трогательнаго: тутъ видимъ Гоголя-человѣка, съ заслугами, которыя имѣли не всѣ великіе писатели. Работалъ онъ у себя во флигелѣ, гдѣ кабинетъ его имѣлъ особый выходъ въ садъ. Если кто изъ домашнихъ приходилъ къ нему по дѣлу, онъ встрѣчалъ своего посѣтителя на порогѣ, съ перомъ въ рукѣ, и если не могъ удовлетворить его короткимъ отвѣтомъ, то обѣщалъ исполнить требованіе послѣ; но никогда не приглашалъ войти къ себѣ, и никто не видалъ и не зналъ, что̀ онъ пишетъ. Почти единственною литературною связью между братомъ

и сестрами были малороссійскія пѣсни, которыя онѣ для него записывали и играли на фортепьяно. Я видѣлъ въ Васильевкѣ сборникъ, заключающій въ себѣ 228 пѣсень, записанныхъ для него отъ крестьянъ и крестьянокъ его родной деревни, и слышалъ множество напѣвовъ, переданныхъ на фортепьяно. Ничто не дало мнѣ почувствовать такъ ясно души поэта, какъ эти мотивы, слышанные подъ его роднымъ кровомъ, — ничто, кромѣ развѣ самаго радушнаго, самаго можно сказать христіанскаго гостепріимства, которое нашелъ я тамъ. Оно соотвѣтствовало шестой статьѣ завѣщанія Гоголя, которая, при жизни его, не могла явиться въ печати, но которая теперь прибавитъ новую черту къ его драгоцѣнному для насъ образу.

»— — — По кончинѣ моей, никто изъ нихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но всѣмъ тоскующимъ, страдающимъ и претерпѣвающимъ какое-нибудь жизненное горе. Чтобы домъ и деревня ихъ походили скорѣй на гостинницу и страннопріимный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика; чтобы всякой, кто ни пріѣзжалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и близкій сердцу человѣкъ; чтобы радушно и родственно распросили они его обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, дабы узнать, не понадобится ли въ чемъ ему помочь, или же по крайней мѣрѣ дабы умѣть ободрить и освѣжить его, чтобы никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ. Если же путникъ простого званія привыкнулъ къ нищенской жизни и ему неловко почему-либо помѣститься въ помѣщичьемъ домѣ, то чтобы онъ отведенъ былъ къ зажиточному и лучшему крестьянину на деревнѣ, который былъ бы притомъ жизни примѣрной и умѣлъ бы помогать собрату умнымъ совѣтомъ; чтобы онъ распросилъ своего гостя такъ же радушно обо всѣхъ обстоятельствахъ, ободрилъ, освѣжилъ и снабдилъ разумнымъ напутствіемъ, донеся потомъ обо всемъ владѣльцамъ, дабы и они могли съ своей стороны прибавить къ тому свой совѣтъ, или вспомоществованіе, какъ и что̀ найдутъ приличнымъ, чтобы такимъ образомъ никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ и не уходилъ, сколько-нибудь неутѣшеннымъ.«

Возвратимся къ »Мертвымъ Душамъ«, которыхъ продолженіемъ занятъ былъ въ своей деревнѣ Гоголь. Внутренній актъ творчества есть тайна, такъ же неразгаданная психологіей, какъ физіологіей —

зарожденіе жизни въ существѣ органическомъ; но любопытству нашему доступенъ по крайней мѣрѣ внѣшній процессъ перехода изящныхъ идей въ изящныя формы, и наблюденіе этого процесса, кромѣ интереса для всякаго мыслящаго человѣка, полезно для руководства молодыхъ талантовъ. Мы не знаемъ, какъ поднялъ Гоголь изъ небытія второй томъ »Мертвыхъ Душъ«, сожженный въ 1845 году: набрасывалъ ли онъ планъ на бумагѣ, писалъ ли по плану, содержимому въ умѣ, послѣдовательно ли, или съ промежутками живописалъ онъ свои сцены и характеры,—этого мы ничего не знаемъ. Но я представлю часть его замѣтокъ для передѣлки перваго тома и сочиненія второго, найденныхъ въ чемоданѣ за границею и слѣдовательно принадлежащихъ времени до перваго состоянія второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Эти замѣтки обнаруживаютъ въ Гоголѣ силу творчества, способную постигать несовершенство уже разъ выношеннаго въ душѣ созданія и вновь его перерабатывать, что̀, вѣдь, труднѣе работы первоначальной. Интересны онѣ также и потому, что говорятъ о времени литературной жизни Гоголя, столь различномъ отъ того, въ которое былъ написанъ почти безъ помарокъ »Тарасъ Бульба«. Многіе привыкли удивляться быстротѣ сочиненія, обнаруживающейся въ автографахъ писателей; но это чаще бываетъ недостаткомъ, нежели достоинствомъ. Не даромъ существуетъ пословица, что скорой работы не хвалятъ; не даромъ также и такіе люди, какъ Томасъ Муръ говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы поэтическое созданіе, стоившее мало труда автору, приносило много удовольствія читателямъ (¹). Въ послѣднее время Гоголь готовъ былъ трудиться надъ страницей столько, сколько трудился прежде надъ цѣлой пьесой и, въ ожиданіи истиннаго вдохновенія, проводилъ цѣлые годы, не принимаясь за перо. Это былъ у него періодъ строгаго суда надъ самимъ собою, строгаго осмотра, до послѣднихъ мелочей, своего созданія. Даже въ этихъ летучихъ замѣткахъ, которыя сейчасъ будутъ мною приведены и которые набросаны такими намеками на слова, что часто нѣтъ возможности догадаться, что̀ хотѣлъ сказать ав-

(¹) The Poetical Works of Thomas Moore, vol. III, p. 73 (Tauchnitz edition).

торъ, даже и въ этихъ замѣткахъ—обратите вниманіе—иногда одна по видимому ничтожная подробность, вновь прибавленная авторомъ, даетъ другой свѣтъ цѣлой сценѣ, и одно удачно подмѣченное наблюденіе развиваетъ полнѣе картину общества и нравовъ.

»*Къ 1-й части.*

»Идея города. Возникшая до высокой степени пустота. Пустословіе, сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе, смѣшное въ высшей степени. Какъ люди неглупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей.

»*Частности* въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются частныя сплетни. Какъ въ нихъ не щадятъ одна другую. Какъ созидаются соображенія. Какъ эти соображенія восходятъ до верха смѣшного. Какъ все невольно занимаютъ, и какого рода бабичи и юпки образуются.

»Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняются мутною, ничего неговорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. И еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни. — —

»Проходитъ страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе—жизнь безъ подпоры прочной? не страшно ли великое она явленье? Такъ слѣпа. . . . . (') жизнь при бальномъ сіяніи, при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ. Никто не признаетъ.....

»Частности. Дамы ссорятся именно изъ-за того, что одной хочется, чтобы Чичиковъ былъ тѣмъ-то, другой — тѣмъ-то, и потому (каждая) принимаетъ только тѣ слухи, которые сообразны съ ея идеями.

»Явленіе другихъ дамъ на сцену.

»Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ чувственныя наклонности и любитъ разсказывать, какъ иногда она побѣждала чув-

(') Точки означаютъ мѣста, которыхъ нельзя было прочитать. *Н. М.*

ственныя наклонности посредствомъ ума своего, и какъ умѣла не допустить до слишкомъ короткихъ съ нею изъясненій. Впрочемъ это случилось само собою, очень невиннымъ образомъ. До короткихъ объясненій никто не доходилъ уже потому, что она и въ молодости своей имѣла что-то похожее на будошника, не смотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества.

»Нѣтъ, милая, я люблю — понимаешь?—сначала мужчину приблизить и потомъ удалить, и потомъ приблизить. Такимъ же образомъ она поступаетъ и на балѣ съ Чичиковымъ. У другихъ тоже составляются идеи по собственной высотѣ. Одна почтительна. Двѣ дамы, взявшись подъ руки, ходили и рѣшились хохотать; даже. Потомъ нашли, что совсѣмъ у Чичикова нѣтъ манеръ истинно хорошихъ.

»Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ любила читать всякія описанія баловъ. Описаніе Вѣнскаго конгреса... Все очень занимат(ельно). Просто любила дама, то есть, замѣчать на другихъ, что̀ на комъ хорошо и что̀ не хорошо.

»Сидя разсматриваютъ входящихъ. Н. совсѣмъ не умѣетъ одѣваться, совсѣмъ не умѣетъ. Этотъ шарфъ такъ ей не идетъ... Какъ хорошо одѣта губернаторская дочка...... Милая, она.... гадко одѣта. Ужъ если и..... (¹)

»Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетень: прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона славная и бальная общества.

»Противупо... ему прообразовать во II занятій, разорванныхъ бездѣльемъ.

»Какъ низвести всеміри.... бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?

»Для, включить всѣ сходства и внести постепенный ходъ.«

Помѣщаю еще два письма Гоголя изъ Васильевки, адресованныя

(¹) Послѣ этихъ словъ, ¾ страницы оставлены чистыми, и начатъ слѣдующій листокъ тетрадки. *Н. М.*

къ С. Т. Аксакову. Они важны преимущественно въ томъ отношеніи, что показываютъ новое направленіе умственной дѣятельности Гоголя. Кажется, послѣ изданія »Переписки съ Друзьями«, онъ почувствовалъ, какой вредъ причинило ему долгое пребываніе внѣ Россіи, не смотря на всѣ удобства, которыя онъ находилъ въ заграничной жизни для своего самовоспитанія и творчества. Кажется, онъ усомнился, дѣйствительно ли руссій человѣкъ то, чѣмъ онъ сдѣлалъ его въ своемъ самосозерцательномъ уединеніи. Какъ бы то ни было, но жажда понять Русской народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ обнаружилась въ Гоголѣ сильнѣе, нежели когда-либо, по возвращеніи его изъ Іерусалима и уже не оставляла его до конца жизни.

1.

»1848 года, іюня 8-го. Васильевка.

»Какъ вы меня обрадовали вашими строчками, добрый другъ мой! Но меня печалитъ, что вы такъ часто хвораете. Ради Бога, берегите себя. — — — Теперь тысячами вокругъ болѣютъ и мрутъ. Въ Полтавской губерніи свирѣпствуетъ холера почти повсемѣстно, и въ самой Полтавѣ. Богъ да хранитъ васъ.

»Драмы Константина Сергѣевича (¹) я еще не имѣю; сегодня, однако, пришло объявленіе о посылкѣ. Вѣроятно, это она. Я ее прочту съ любопытствомъ уже и потому, что въ ней долженъ заключаться вопросъ, рѣшеніемъ котораго я серьезно теперь занятъ не менѣе самаго Константина Сергѣевича. — — —«

2.

»Іюля 12 (1848). Васильевка.

»И за письмо, и за книги благодарю васъ, добрый другъ Сергѣй Тимофѣевичъ. Какъ ни слабъ я послѣ недуга, отъ котораго еще не оправился какъ слѣдуетъ, но не могу отказать себѣ написать къ вамъ нѣсколько строчекъ. Какое убійственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздухъ! Только три, или четыре дни, по прі-

(¹) »Освобожденіе Москвы«. *Н. М.*

ѣздѣ моемъ на родину, я чувствовалъ себя хорошо; потомъ безпрерывныя разстройства въ желудкѣ, въ нервахъ и въ головѣ отъ этой адской духоты, томительнѣе которой нѣтъ подъ тропиками. Все переболѣло и болѣетъ вокругъ насъ. Холера — — не даетъ перевести духъ. Тоска [еще болѣе отъ того, что никакое умственное занятіе не идетъ въ голову]. Даже читать самаго легкаго чтенія не въ силахъ. А потому не ждите отъ меня, покуда, никакихъ отчетовъ относительно впечатлѣній, произведенныхъ присланными книгами. Я послѣ напишу Константину Сергѣевичу мое мнѣніе о его драмѣ. Статья его о современномъ спорѣ мнѣ понравилась, можетъ быть, отъ того, что во время чтенія голова моя была свѣжа и вниманія достало на небольшую статью. — — —

»Въ драмѣ, что̀ всего важнѣе, постигнуто высшее свойство нашего народа. Вотъ ея главное достоинство. Недостатокъ—что, кромѣ этого высшаго свойства, народъ не слышенъ своими другими сторонами, не имѣетъ грѣшнаго тѣла нашего, безтѣлесенъ. Зачѣмъ Константинъ Сергѣевичъ выбралъ форму драмы? зачѣмъ не написалъ прямо исторію этого времени? Странное дѣло: когда я разворачиваю исторію нашу, мнѣ въ ней видится такая живая драма на каждой страницѣ, такъ просторно открываетя весь кругозоръ тогдашнихъ дѣйствій и видятся всѣ люди, и на первомъ, и на второмъ планѣ, и дѣйствующіе, и молчащіе; когда же я читаю извлеченную изъ нея нашу такъ называемую историческую драму, кругозоръ передо мною тѣсенъ; я вижу только тѣ лица, которыя выбралъ сочинитель для доказанія любимой своей мысли, полнота жизни отъ меня уходитъ; запаха свѣжести, первой весенней свѣжести, я не слышу; на мѣсто дѣйствія, я слышу словопренія, и мнѣ кажется все блѣдно. Не распространяю этихъ словъ на драму Константина Сергѣевича. Въ ней вялости нѣтъ, языкъ свѣжъ, рѣчь жива. Но зачѣмъ, не бывши драматургомъ, писать драму? Какъ-будто свойства драматурга можно пріобрѣсть! Какъ-будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко цѣнить, высоко судить и мыслить! Для этого нужно *осязательное, пластическое* творчество, и ничто другое. Его ничѣмъ нельзя замѣнить. Безъ него, исторія всегда останется выше всякаго извлеченнаго изъ нея сочиненія. Можетъ быть, все это, что̀ я вамъ те-

перь говорю, есть плодъ нынѣшняго мутнаго состоянія моей головы, неспособной разсуждать отчетливо и ясно; можетъ быть, въ другой разъ, когда прочту внимательно это сочиненіе, и притомъ въ минуту свѣтлую, я выражусь иначе и лучше; но мнѣ кажется, я и тогда не соглашусь съ Константиномъ Сергѣевичемъ, будто драма есть художественное пониманіе исторіи въ извѣстную эпоху. Скорѣй развѣ можно сказать художественное *воспроизведеніе* ея. Пониманія одного мало для драмы. Но обо всемъ этомъ потолкуемъ послѣ. Сочиненіе во всякомъ случаѣ *немаловажно* и навсегда останется замѣчательно тою высокою задачей, которую оно задало намъ и надъ которою стоитъ всякому истинно Русскому поразмыслить и поразсудить серьезно.«

XXX.

Переѣздъ въ Москву.—Посѣщеніе Петербуга.—Жизнь въ Москвѣ.—Любимыя малороссійскія пѣсни.—Переписка изъ Москвы съ П. А. Плетневымъ, А. С. Данилевскимъ и отцомъ Матвѣемъ. — Воспоминанія С. Т. Аксакова и А. О. С—ой.—Чтеніе второго тома »Мертвыхъ Душъ.«

Гоголь прожилъ у себя въ деревнѣ до конца августа, какъ это видно изъ его коротенькой записочки къ П. А. Плетневу, писанной съ дороги, изъ дома А. М. Маркевича.

»1 сентября (1848). Черниговская губ. с. Сварн.

»Деньги 150 р. с. получилъ исправно. Здоровье мое, слава Богу, немного получше. Выѣзжаю на дняхъ затѣмъ, чтобы пораньше пріѣхать въ Москву и оттуда имѣть возможность заглянуть въ Петербургъ. Поздо осенью и во время холодовъ ѣхать мнѣ невозможно. Не согрѣваюсь въ дорогѣ вовсе, не смотря ни на какія шубы. Послѣ 15-го сентября, или около того, можетъ быть, обниму тебя. Поговорить намъ придется о многомъ.«

Онъ исполнилъ свое намѣреніе и, возвратясь въ Москву, посѣтилъ Петербургъ въ половинѣ сентября. Вотъ его записка, написанная имъ въ квартирѣ г. Плетнева, на клочкѣ бумаги (¹).

»Былъ у тебя уже два раза. На дачу не могу попасть и не попаду, можетъ быть, ни сегодня, ни завтра. Тѣмъ не менѣе обнимаю тебя крѣпко, въ ожиданіи обнять лично. Я ѣду сейчасъ съ М. Ю. В**** въ Павлино, а оттуда въ Павловскъ. По случаю торжественнаго фамильнаго ихъ дня, отказаться мнѣ было невозможно.«

Не такъ много, однакожъ, бесѣдовалъ Гоголь съ своимъ искреннимъ другомъ, какъ предполагалъ. Все его время было расхватано прочими друзьями, которые, видно, тоже имѣли всѣ права на его уступчивость, и онъ уѣхалъ изъ Петербурга, едва успѣвъ переговорить кой о чемъ второпяхъ съ П. А. Плетневымъ. Вотъ его послѣднее письмо 1848 года, къ руководителю его темной еще юности и неутомимому исполнителю всѣхъ его заграничныхъ просьбъ.

»Москва, 20 ноября.

»Здоровъ ли ты, другъ? Отъ Шевырева я получилъ экземпляръ »Одиссеи«. Ея появленіе въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали; весьма можетъ быть, что въ пору нынѣшняго лихорадочнаго своего состоянія большая часть читающей публики не только ее не разнюхаетъ, но даже и не примѣтитъ. Но зато это сущая благодать и подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь и у которыхъ сердце пріуныло отъ смутъ и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ, должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободреніе и освѣженіе въ наши души.

(¹) Сверху рукою г. Плетнева приписано: »Получ. 16 сент. 1848 г.«

»О себѣ, покуда, могу сказать немного. Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ »Мертвыхъ Душъ«. Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣй присутствіе русскаго духа. Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу языка.

»Между прочимъ просьба. Пошли въ Академію Художествъ *за* (') по художника Зенькова и, призвавши его къ себѣ, вручи ему пятьдесять руб. асс. на вновь устроенную обитель, для которой они работаютъ иконостасъ. Деньги запиши на мнѣ.«

Подъ какими впечатлѣніями находился Гоголь во время короткаго пребыванія своего въ Петербургѣ, въ 1848 году, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма его къ А. С. Данилевскому.

»Петерб. Сентября 24 (1848).

»Письмо твое я получилъ уже въ Петербургѣ. Оно меня встревожило, во первыхъ, тѣмъ, что бричка не привезена, какъ видно, извощикомъ, привезшимъ меня въ Орелъ; во вторыхъ, что я точно позабылъ второпяхъ дать отъ себя какой-нибудь удовлетворительный видъ Прокофію. Теперь я въ страхѣ и смущеніи. — — —

»Въ Петербургѣ я успѣлъ видѣть Прокоповича, вокругъ котораго роща своей семьи, и А***, пріѣхавшаго на дняхъ изза границы. Все, что разсказываетъ онъ, какъ очевидецъ о парижскихъ происшествіяхъ, просто страхъ: совершенное разложенье общества. Тѣмъ болѣе это безотрадно, что никто не видитъ никакого исхода и выхода, и отчаянно рвется въ драку, затѣмъ чтобы быть только убиту. Никто не въ силахъ вынесть страшной тоски этого рокового переходнаго времени, и почти у всякаго ночь и тма вокругъ. А между

(') Этотъ предлогъ *за* былъ написанъ и зачеркнутъ Гоголемъ, а вмѣсто него употребленъ *по*, такъ, какъ онъ употребляется въ малороссійскомъ языкѣ. Гоголь, во время пребыванія своего за границею и потомъ на родинѣ, такъ отвыкъ отъ русскаго языка, что усомнился, правильно ли будетъ написать: *Пошли за художникомъ*, и выразился по малороссійски, вовсе того не замѣчая. *Н. М.*

тѣмъ слово *молитва* до сихъ поръ еще не раздалось ни на чьихъ устахъ.«

Осенью 1849 года М. А. Максимовичъ, соскучась жить въ своей живописной, но пустынной и отдаленной отъ большихъ дорогъ усадьбѣ надъ Днѣпромъ, переѣхалъ въ Москву, къ старымъ своимъ знакомымъ и друзьямъ. Пребываніе Гоголя въ Москвѣ было для него одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ этой поѣздкѣ. Гоголь велъ жизнь уединенную, но любилъ посидѣть и помолчать въ кругу хорошо извѣстныхъ ему людей и старыхъ пріятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью, и тогда не было предѣла его затѣйливымъ выходкамъ и смѣху. Особенно привлекалъ его къ себѣ домъ Аксаковыхъ, гдѣ онъ слушалъ и самъ пѣвалъ народныя пѣсни. Гоголь до конца жизни сохранилъ страсть къ этимъ произведеніямъ поэзіи и, по возвращеніи изъ Іерусалима, болѣе полугода бралъ уроки сербскаго языка у О. М. Бодянскаго, для того, чтобъ понимать красоты пѣсень, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Пѣсня русская вообще увлекала его сердце непобѣдимою силою, какъ живой голосъ всего огромнаго населенія его отечества. Это намъ хорошо извѣстно изъ его собственныхъ признаній. »Я до сихъ поръ (говоритъ онъ) не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всѣмъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вьются около моего сердца.« (¹) Но къ малоросійской пѣснѣ онъ сохранилъ чувство, подобное тому, какое остается въ нашей душѣ къ прекрасной женщинѣ, которую мы любили въ ранней молодости. Много прошло новыхъ чувствъ и новыхъ привязанностей черезъ нашу душу; не разъ перегорѣла она иныиъ огнемъ, не разъ мы убѣждали себя, что —

»Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ ...«

Но когда наконецъ мы успокоимся не на шутку, и всѣ молодыя наши страсти сдѣлаются для насъ предметомъ разсудительнаго созерцанія,

(¹) »Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«, стр. 135.

мы съ удивленіемъ замѣчаемъ и скоро убѣждаемся, что всѣхъ могущественнѣе владѣетъ нашею душою ранѣе всѣхъ охладѣвшая привязанность. Она ужъ не волнуетъ нашего сердца страстными внушеніями, не поднимаетъ насъ къ небесамъ наитіями невыразимаго блаженства, не погружаетъ въ преисподнюю мрачнаго унынія и отчаянія, но безотчетно радуетъ, какъ радуютъ ребенка ласки матери, и, помолодѣвъ сердцемъ, мы предаемся ей довѣрчиво и беззаботно, какъ испытанному другу, и ужъ ничто не замѣнитъ для насъ ея сладостныхъ ощущеній. Такъ я объясняю увлеченіе, съ какимъ Гоголь передъ концомъ своей жизни слушалъ и пѣвалъ украинскія пѣсни. Приглашая своего земляка и знатока народной поэзіи, О. М. Бодянскаго, на вечера къ Аксаковымъ, которые онъ посѣщалъ чаще всѣхъ другихъ вечеровъ въ Москвѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: »Упьемся пѣснями нашей Малороссіи«, и дѣйствительно онъ *упивался* ими, такъ что иной куплетъ повторялъ разъ тридцать сряду, въ какомъ-то поэтическомъ забытьи, пока наконецъ надоѣдалъ самымъ страстнымъ любителямъ малороссійскихъ пѣсень.

Какія же пѣсни особенно любилъ Гоголь? Со временемъ преданіе объ этомъ исчезнетъ, и мы не будемъ знать, какіе мотивы, какія мелодіи трогали струны чуткой души поэта. А можетъ быть, на родинѣ почитатели его таланта, въ воспоминаніе о немъ, пожелали бы пѣть именно тѣ пѣсни, которыми онъ »упивался«. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше почтить память поэта, какъ не пѣснями? Назовемъ эти пѣсни Гоголевыми (¹).

1.

Не буду я женытыся,
    Бо що мини зъ то́го?
Не стае мни десять грошей
    До пивъ-золотого....

2.

Ой знаты, знаты,
Хто кого любыть:

(¹) Въ своемъ исчисленіи Гоголевыхъ пѣсень я руководствовался указаніемъ трехъ авторитетовъ: С. Т. Аксакова, О. М. Бодянскаго и М. А. Максимовича.

Блызенько сидае
Та й прыголубыть....

3.

Казала Солоха прыйды,
Щось дамъ, щось дамъ....

4.

Зчорнивъ я, змарнивъ я,
По полю ходячы,
За тобою, дивчыонько,
Тужачы, тужачы....

5.

Чы ты жъ мене, моя маты,
На мисти купыла,
Що всимъ дала по доленьци,
А мене втопыла?...

6.

Журылася попадя
Своею бидою...

7.

Ой дивчыно серденько, чыя ты?
Ой чы выйдешь на юлыцю гуляты?

8.

Ой посіявъ мужыкъ
Та й у поли ячминь;
Мужыкъ каже: »Ячминь«;
Жинка каже: »Гречка;
Не мовъ мини ни словечка,
Нехай буде гречка!...«

9.

Ой розсердывся мій мылый на мене....

Эта пѣсня переведена имъ на русскій языкъ въ статьѣ »О малороссійскихъ Пѣсняхъ« (1), какъ образецъ »глубины чувствъ«, выражающейся въ украинской народной поэзіи. Она была извѣстна ему съ дѣтства, и онъ любилъ припоминать, отъ кого и какъ онъ ей научился.

(1) »Арабески«, ч. II, стр. 101.

10.

Та оравъ мужыкъ край дорогы,
А въ ёго волы круторогы....

11.

Ой ты живешъ на гироньци,
А я пидъ горою;
Ой чы тужышъ такъ за мною,
Якъ я за тобою?..

12.

Ой бида, бида
Чайци небози,
Що вывела дитки
Пры бытій дорози!...

13.

Болыть моя головонька
Одъ самого чо́ла:
Не бачыла мылёнького
Ни теперъ, ни вчора....

14.

Полюбыла Петруся
Та й сказаты боюся...

15.

Одна гора высокая,
А другая ныызька:
Одна мыла далекая,
А другая блызька....

16.

Чы се тыи чоботы,
Що зять давъ?
А за тыи чоботы
Дочку́ взявъ....

17.

Да чы я въ лузи не калына була,
Да чы я въ лузи не червона була?

18.

Ой на двори метелыця,
Чому старый не женытця?...

19.

Ой оре Семенъ, оре
Та чорными воламы....

20.

Ой не ходы, Грыцю,
На вечорныци:
На вечорныцяхъ
Дивкы чаривныци...

21.

Ой ходывъ чумакъ
Симъ рикъ по Дону,
Та не було прыгодоньки
Николы ёму....

22.

Ой чый же се двиръ?
Прыточывъ бы я свій;
Хорошая, чорнявая —
Я ходывъ бы якъ ій...

23.

И дощыкъ иде,
И метелыця гуде;
Дивчы́на козака
Черезъ юлыцю веде....

24.

Ой пидъ вышенькою,
Пидъ черешенькою
Стоявъ старый зъ молодою
Якъ изъ ягодою...

25.

Ой у поли могыла
Зъ витромъ говорыла:
Повій, витре, ты на ме́не,
Щобъ я не чорнила....

26.

Ой на гори
Та женци жнуть,
А по-пидъ горою,

По-пидъ зеленóю
Козакы йдуть...

27.

Та журба мене зкрушила,
Та журба жъ мене зсушила....

28.

У поли крыныченька,
Холодна водыченька, —
Тамъ чумакъ волы наповае....

29.

Ой кряче, кряче та чорнéнькый воронъ
Та на глыбокій долыни:
Ой плаче, плаче молодой козаче
Пры нещаслывій годыни....

30.

Ой израда кари очы, израда....
Чому жъ въ тебе, козаченьку, не вся щыра правда?

31.

Ой пидъ гаемъ-гаемъ,
Гаемъ зеленéнькымъ,
Тамъ орала дивчынонька
Волыкомъ чорнéнькымъ....

32.

Гоминъ гоминъ по дуброви,
Туманъ поле покрывае;
Маты сына проганяе....

33.

Ой зъ-пидъ гаю, гаю,
Зъ-пидъ чорного гаю,
Ой крыкнулы козаченькы:
»Утикай, Нечаю!«

34.

Ой ты, дивчы́но,
Горда та пышна!
Чомъ ты до мéне
Зъ вечора не выйшла?

35.

У Кыеви на рынку
Пьють козакы горилку....

Самыми любимыми пѣснями у Гоголя были напечатанныя подъ нумерами 12, 21 и 25; пѣсня подъ нумеромъ 28 была одною изъ первыхъ, которымъ Гоголь научился въ дѣтствѣ. Главною его музою въ этомъ случаѣ была его тетка, о личности которой интересно было бы собрать возможно полныя свѣдѣнія. Въ жизни Вальтера Скотта играла важную роль тетка его, миссъ Анна Скоттъ, первая поэтическая натура, съ которой сблизили его обстоятельства его дѣтства. Можетъ быть, здѣсь было то же самое.

Жаль, что мы не вошли еще, такъ сказать, во вкусъ біографій и какъ-то холодно собираемъ матеріалы для этого рода сочиненій, а между тѣмъ едвали въ какомъ-нибудь другомъ родѣ могутъ быть совмѣщены серьезный интересъ исторіи, глубокія психологическія изслѣдованія и самый роскошный романтизмъ. Поэтому-то, можетъ быть, хорошая біографія появляется только въ литературахъ народовъ, стоящихъ уже на высокой степени общественнаго развитія. Тамъ она находитъ много цѣнителей, слѣдовательно много и дѣятелей для скопленія матеріаловъ, изъ которыхъ уже потомъ такой человѣкъ, какъ Вальтеръ Скоттъ, какъ Вашингтонъ-Ирвингъ, какъ Томасъ Муръ, строитъ цѣлое и вѣчное созданіе. Будемъ надѣяться, что и наши знаменитыя личности не останутся безъ подробныхъ мемуаровъ для будущихъ біографовъ. Что́ касается до пишущаго эти строки, то онъ, понимая вполнѣ важность предмета, старался разузнать, отъ кого только могъ, обо всемъ касающемся Гоголя и желаетъ лучше быть въ своемъ изложеніи отрывочнымъ, нежели пренебречь какимъ-нибудь извѣстнымъ ему моментомъ жизни поэта.

Какъ провелъ Гоголь остальное время въ Москвѣ, въ теченіе зимы $184^{8}/_{9}$-го года, лѣта и осени 1849-го и опять зимы $18^{49}/_{50}$-го года, видно отчасти изъ слѣдующихъ писемъ его къ отцу Матвѣю, къ П. А. Плетневу и къ А. С. Данилевскому.

Къ отцу Матвѣю.

»Москва. Ноября 9 (1848).

»Я къ вамъ долго не писалъ, почтеннѣйшій и близкій душѣ моей Матвѣй Александровичъ. Сначала я думалъ было скоро увидѣться съ вами лично; потомъ, когда случилось такъ, что намѣреніе мое ѣхать къ вамъ отложилось до весны, я долго не могъ взяться за перо, — можетъ, по причинѣ большого неудовольствія на самого себя. Я былъ недоволенъ состояніемъ души своей и теперь также. Въ ней бываетъ такъ черство. То, о чемъ бы слѣдовало мнѣ думать всякой часъ и всякую минуту, такъ рѣдко бываетъ у меня въ мысляхъ; и это самое рѣдкое помышленье о немъ такъ бываетъ холодно, такъ безъ любви и одушевленья, что въ иное время становится даже страшно. Иногда кажется, какъ-бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться; но этой молитвы бываетъ одна, двѣ минуты. Далѣе мысли мои расхищаются, приходятъ въ голову незванные, непрошенные гости и уносятъ помышленья Богъ знаетъ куда, Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ-то дѣлается не вóвремя: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда думаю о другомъ, думается о третьемъ. А между тѣмъ въ теперешнее опасное время, когда отвсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасенье и молиться о всѣхъ. Все это чувствуется и ничего не дѣлается, и отъ того еще страшнѣе все вокругъ, и слышишь одну необходимость повторять: »Господи, не введи меня во искушенье и избави отъ лукаваго.« Другъ мой и богомолецъ, скажите мнѣ какое-нибудь слово; можетъ быть, оно мнѣ придется.«

Къ П. А. Плетневу.

»1849 г. Москва. Генваря 10.

» Письмецо твое получилъ. Отъ всей души и отъ всего сердца желаю тебѣ возможнаго счастія вмѣстѣ съ тою, которую избираетъ твое сердце себѣ въ подруги, — хотя признаюсь въ то же время,

что я мало вѣрю какому-нибудь счастію на землѣ. Тревоги начинаются именно въ то время, когда мы думаемъ, что причалили къ берегу и желанному спокойствію. Блаженъ тотъ, кто живетъ въ здѣшней жизни счастіемъ нездѣшней жизни. — — Идите же оба къ Тому, Кто одинъ *путь* и *дорога* къ нездѣшнему міру, безъ Котораго въ мірѣ идей еще больше можно запутаться, чѣмъ въ прозаическомъ мірѣ повседневныхъ дѣлъ. Чѣмъ далѣ, тѣмъ яснѣе вижу, что въ нынѣшнее время шатаній ни на часъ, ни на минуту не должно отлучаться отъ Того, Кто одинъ ясенъ какъ свѣтъ. Время опасно. Всѣ шаги наши опасны.«

Къ нему же.

»3 апрѣля (1849).

«Христосъ воскресъ!

»Отъ всей души поздравляю съ Свѣтлымъ Праздникомъ и тебя, и твою милую супругу, съ которою желалъ бы душевно познакомиться. Напиши мнѣ хоть что-нибудь изъ новой жизни своей. Что до меня, хоть и не такъ живу, какъ бы хотѣлъ, хоть и не такъ тружусь, какъ бы слѣдовало, но спасибо Богу и за то. Могло бы быть еще хуже.«

Слѣдующее письмо къ тому же другу, наводитъ на догадки, весьма важныя, но о которыхъ говорить еще рано.

»Мая 24 (1849.)

»Ты позабылъ меня, мой добрый другъ. Обвинять тебя не могу. У тебя было много заботъ и вмѣстѣ съ ними много, безъ сомнѣнія, такихъ счастливыхъ минутъ, въ которыя позабывается все. Дай Богъ, чтобъ онѣ длились до конца дней твоихъ и чтобы безъ устали благословлялось въ устахъ твоихъ святое имя Виновника всего.

»А я все это время былъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ желалъ быть. Можетъ быть, неблагодарность моя была виновницей

всего. Я не снесъ покорно и безропотно безплоднаго, чорстваго состоянія, послѣдовавшаго скоро за минутами нѣкоторой свѣжести, пророчившими вдохновенную работу, и самъ произвелъ въ себѣ опять тяжелое разстройство нервическое, которое еще болѣе увеличилось отъ нѣкоторыхъ душевныхъ огорченій. Я до того расколебался и духъ мой пришелъ въ такое волненіе, что никакія медицинскія средства и утѣшенія не могли дѣйствовать. Уныніе и хандра мною одолѣли снова. Но Богъ милостивъ. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь легче чувствую слабость и разстройство физическое. Но духъ какъ-будто лучше. О, еслибы все это обратилось мнѣ въ пользу, и вслѣдъ за этимъ недугомъ наступило то благодатное расположеніе духа, которое мнѣ потребно!«

Къ нему же.

»6 іюля (1849) Москва.

»Благодарю тебя за письмо и за вѣсти о своемъ житьѣ-бытьѣ, близкомъ моему сердцу. Очень благодаренъ также за то, что познакомилъ меня заочно съ А* В*. — — Въ нынѣшнее время быть у одра страждущаго есть лучшее положеніе, какое можетъ быть для человѣка. Тутъ не приходитъ въ мысли то, что теперь крушитъ и обольщаетъ головы. Тутъ молитва, смиреніе и покорность, стало быть, все то, что воспитываетъ душу, блюдетъ и хранитъ ее. Начать такимъ образомъ жизнь свою надежнѣе и лучше — —

»Я думалъ было навѣдаться въ Петербургъ, но приходится отложить эту (поѣздку) по крайней мѣрѣ до осени.«

Къ нему же.

»Декабря 15. (1849.) Москва.

»Мы давно уже не переписывались. И ты замолчалъ, и я замолчалъ. Я не писалъ къ тебѣ отчасти потому, что самъ хотѣлъ быть въ Петербургѣ, а отчасти потому, что нашло на меня *неписательное* расположеніе. Всѣ кругомъ на меня жалуются, что не пишу. При

всемъ томъ, мнѣ кажется, виноватъ не я, но умственная спячка, меня одолѣвшая. »Мертвыя Души« тоже тянутся лѣниво. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить. Теперь люди не годятся какъ-будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему »Одиссеи«. Два-три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло. Но ты и самъ, безъсомнѣнія, свидѣтель многаго.

»Объ »Одиссеѣ« не говорю. Что̀ сказать о ней? Ты, вѣрно, наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ!«

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (21 января 1850 года) Гоголь писалъ къ своему другу изъ Москвы слѣдующее:

»Не могу понять, что̀ со мною дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго на насъ вяло и лѣниво, отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, но я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летитъ такъ, какъ еще никогда не помню. Встаю рано, съ утра принимаюсь за перо, никого къ себѣ не впускаю, откладываю на сторону всѣ прочія дѣла, даже письма къ людямъ близкимъ, — и при всемъ томъ такъ немного изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы — уже время обѣдать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вотъ тебѣ вся моя исторія. Конецъ дѣлу еще не скоро, т. е. разумѣю конецъ »Мертвыхъ Душъ«. Всѣ почти главы соображены и даже набро̀саны, но именно не больше, какъ *набросаны;* собственно написанныхъ двѣ-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе. Это можетъ только одинъ Богъ, у Котораго все подъ рукой: и Разумъ, и Слово съ Нимъ. А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разума доискиваться. — У С** ой я точно прогостилъ осенью.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Февраля 25 (1850).

»Прости меня,—я, кажется огорчилъ тебя прежнимъ письмомъ. Самъ не знаю, какъ это случилось. Знаю только то, что я и въ мысляхъ не имѣлъ говорить проповѣди. Чтò чувствовалось на ту пору въ душѣ, то и написалось. Можетъ быть, состояніе хандры и нѣкотораго унынія отъ всего того, чтó дѣлается на свѣтѣ, и даже неудачи по твоему дѣлу; можетъ быть, болѣзнь, въ которой я находился тогда [отъ которой еще не вполнѣ освободился и теперь], ожесточила мои строки! Радуюсь отъ всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный былъ въ большое утѣшеніе вамъ обоимъ.

»На счетъ II тома »М. Д.« могу сказать только, (ч)то не скоро ему до печати. Кромѣ того, что самъ авторъ не приготовилъ его къ печати, не такое время, чтобъ печатать что-либо; да я думаю, что и самыя головы не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать спокойное художественное твореніе. Вижу по »Одиссеѣ«. Если Гомера встрѣтили равнодушно, то чего же ожидать мнѣ? Притомъ недуги мало даютъ мнѣ возможности заниматься. Въ эту зиму я какъ-то разболѣлся. Суровый сѣверный климатъ начинаетъ допекать.

»Ты говоришь, что у васъ много слуховъ на мой счетъ. Увѣдоми, какого рода. Не скрывай, особенно дурныхъ. Послѣдніе тѣмъ хороши, что заставляютъ лишній разъ оглянуться на себя самого; а это мнѣ особенно необходимо.«

Къ П. А. Плетневу.

»Христосъ Воскресе! (¹)

»Поздравляю тебя съ наступившимъ радостнымъ днемъ! Отъ тебя давно нѣтъ вѣсти. Послѣднее письмо было мое. Если ты опять за

(¹) Это письмо не имѣетъ даты, но видно, что оно писано въ апрѣлѣ 1850 года, изъ Москвы. Рукой г. Плетнева приписано сверху: »Отв. 2 мая 1850.« *Н. М.*

что-нибудь сердитъ на меня, то, ради Христа воскресшаго, истреби въ сердцѣ своемъ всякое неудовольствіе на человѣка, все время болѣвшаго, страдавшаго много и душевно, и тѣлесно, и теперь едва только кое-какъ поднявшагося на ноги. Обнимаю тебя отъ души вмѣстѣ со всѣми милыми твоему сердцу и еще разъ говорю: Христосъ воскресе!

»Собирался было ѣхать къ тебѣ въ Петербургъ, кое о чемъ поговорить, кое-что прочесть изъ того, что́ написалось среди болѣзней и всякихъ тревогъ, но теперь не знаю, какъ это будетъ. — — Какъ только все сколько-нибудь устроится, увидимся, братски обнимемся.«

Къ отцу Матвѣю.

»Христосъ воскресе!

»Благодарю васъ, безцѣннѣйшій, добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, за ваше поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ. Не сомнѣваюсь, что, если пріобрѣла что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и другихъ угождающихъ Богу подвижниковъ. О, еслибы Онъ не оставилъ меня ни на минуту и сказалъ бы мнѣ путь мой! Какъ бы хотѣлось сердцу повѣдать славу Божью! Но никогда еще не чувствовалъ такъ безсилья своего и немощи. Такъ много есть о чемъ сказать, а примешься за перо—не подымается. Жду, какъ манны, орошающаго освѣженья свыше. Всѣ бы мои силы отъ него двинулись. Видитъ Богъ, ничего бы не хотѣлось сказать, кромѣ того, что́ служитъ къ прославленью Его святаго имени. Хотѣлось бы живо, въ живыхъ примѣрахъ показать темной моей братіи, живущей въ мірѣ (и) играющей жизнью, какъ игрушкою, что жизнь — не игрушка. И все кажется, обдумано и готово, но — перо не подымается. Нужной свѣжести для работы нѣтъ, и [не скрою предъ вами] это бываетъ предметомъ тайныхъ страданій, чѣмъ-то въ родѣ креста. Впрочемъ, можетъ быть, все это происходитъ отъ изнуренья тѣлеснаго. Силы физическія мои ослабѣли. Я всю зиму былъ боленъ. Не уживается съ нашимъ холоднымъ климатомъ мой холоднокровный, несогрѣвающійся темпераментъ! Ему нуженъ югъ. Думаю опять съ Богомъ пуститься въ дорогу, въ странствіе, на Востокъ, подъ благодатнѣйшій

климатъ, навѣваемый окрестностями Святыхъ Мѣстъ. Дорога всегда дѣйствовала на меня освѣжительно—и на тѣло, и на духъ. О, еслибы и теперь всемилосердый Богъ явилъ надо мною свое безграничное милосердіе, столько разъ уже явленное надо мною, когда я уже думалъ, что не воскреснутъ мои силы! И не было, казалось, возможности физической имъ воскреснуть. Но силы воскресали, и свѣжесть появлялась вновь въ мою душу. Помолитесь обо мнѣ крѣпко, крѣпко, безцѣннѣйшій Матвѣй Александровичъ, и напишите два словца вашихъ.«

Свяжу между собой эти письма воспоминаніями друзей Гоголя. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ такъ:

»Когда Гоголь пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Москву [въ сентябрѣ 1848 года], я былъ въ деревнѣ и только въ октябрѣ переселился въ городъ. Въ тотъ же вечеръ пришелъ къ намъ Гоголь, и мы увидѣлись съ нимъ послѣ шестилѣтней разлуки.— — — Въ непродолжительномъ времени возстановились между нами прежнія, какъ бы прерванныя, нарушенныя продолжительною разлукою отношенія; но объ его книгѣ и второмъ томѣ »Мертвыхъ Душъ« не было и помину. Гоголь въ эту зиму прочелъ намъ всю »Одиссею«, переведенную Жуковскимъ. Онъ слишкомъ восхищался этимъ переводомъ. Я и сынъ мой Константинъ были не совсѣмъ согласны съ нимъ. Разумѣется, это было ему непріятно, но онъ не показывалъ никакого неудовольствія. Одинъ разъ, когда мы высказали ему немалое число самыхъ неопровержимыхъ замѣчаній на переводъ »Одиссеи«, Гоголь сказалъ: »Напишите все это и пошлите Жуковскому; онъ будетъ вамъ очень благодаренъ.«

»Часто также читалъ вслухъ Гоголь русскія пѣсни, собранныя г-мъ Терещенко и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ свадебныхъ пѣсенъ. Гоголь всегда любилъ читать, но должно сказать, что онъ читалъ съ неподражаемымъ совершенствомъ только все комическое въ прозѣ, или пожалуй чувствительное, но одѣтое формою юмора; все же чисто патетическое, какъ говорится, и лирическое Гоголь читалъ нараспѣвъ. Онъ хотѣлъ, чтобы ни одинъ звукъ стиха не терялъ своей музыкальности, и, привыкнувъ къ его

чтенію, можно было чувствовать силу и гармонію стиха. Изъ писемъ его къ друзьямъ видно, что онъ работалъ въ это время неуспѣшно и жаловался на свое нравственное состояніе. Я же думалъ, напротивъ, что трудъ его подвигается впередъ хорошо, потому что самъ онъ былъ довольно веселъ и читалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Я въ этомъ, какъ вижу теперь, ошибался, но вотъ что́ вѣрно: я никогда не видалъ Гоголя такъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, т. е. въ январѣ и декабрѣ 1848-го и въ январѣ и февралѣ 1849-го года. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога. Надобно замѣтить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде никогда не могъ выносить сильнаго холода и что теперь онъ одѣвался очень легко. Но не долго предавался я радостнымъ надеждамъ на совершенное возстановленіе его здоровья. Съ появленіемъ первыхъ оттепелей, Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе, и хандра очевидно стала имъ овладѣвать. Однако 19-го марта, въ день его рожденья, который онъ всегда проводилъ у насъ, я получилъ отъ него слѣдующую довольно веселую записку.

»Любезный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, имѣютъ сегодня подвернуться вамъ къ обѣду два пріятеля: Петръ Мих. Языковъ и я, »оба грѣховодники и скоромники. Упоминаю объ этомъ обстоятель»ствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ »бычачины на одно лишнее рыло.«

»Именины свои, 9-го мая, онъ праздновалъ, по прежнему, въ саду у М. П. Погодина, и 7-го мая я получилъ отъ него слѣдующую записку. [Было одно обстоятельство, некасавшееся Гоголя, но которое не позволило ему сдѣлать намъ прямого приглашенія].

»Мнѣ хотѣлось бы, держась старины, послѣ-завтра отобѣдать въ »кругу короткихъ пріятелей въ Погодинскомъ саду. Звать на име»нины самому неловко. Не можете ли вы дать знать, или сами, »или чрезъ Константина Сергѣевича Армфельду, Загоскину, С**** »и Павлову совокупно съ Мельгуновымъ? Придумайте, какъ это

»сдѣлать ловче и дайте мнѣ потомъ отвѣтъ, если можно, заблаго-
»временно.«

Въ іюнѣ 1849 года А.О.С—ва, по дорогѣ въ Калугу, пріѣхала въ Москву и нашла Гоголя въ домѣ графа А.П.Т—го, гдѣ онъ поселился съ самого своего пріѣзда изъ Малороссіи. Онъ обѣщалъ погостить у нея съ мѣсяцъ и вслѣдъ за нею отправился въ тарантасѣ съ ея братомъ Л.И.А—и.

Гоголь пріѣхалъ къ С—мъ сперва въ село Бегичево, Калужской губерніи, Медынскаго уѣзда. Его возили по окрестнымъ деревнямъ, и ему очень понравился домъ и садъ на полотняной фабрикѣ Гончарова. Онъ часто выходилъ на сѣнокосъ любоваться костюмами бегичевскихъ крестьянокъ и заставлялъ гостившаго тогда также у С—выхъ живописца Алексѣева рисовать ихъ со всѣми узорами на рубашкахъ. Онъ былъ въ восхищеніи отъ физіономій, костюмовъ и граціозности Бегичанокъ и находилъ въ нихъ сходство съ Итальянками. Ево очень заботило вообще здоровье простого народа и своеобразность его быта. Онъ вспоминалъ, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича одинъ путешественникъ, посѣтивъ Россію, написалъ, что населеніе ея скудно, народъ измельчалъ и обѣднѣлъ, а другой, пріѣхавши къ намъ черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ перваго, нашелъ города и деревни обильно населенными, нашелъ народъ здоровый, рослый, цвѣтущій и богатый. Гоголь это приписывалъ благочестивой жизни Царя, который вездѣ въ государствѣ водворилъ порядокъ, безопасность и спокойствіе.

Черезъ нѣсколько дней семейство С—хъ переѣхало съ Гоголемъ въ Калугу. Дорогою его занимало: какъ ему покажется губернскій городъ, какъ будетъ устроенъ губернаторскій домъ и вообще, каковъ будетъ бытъ губернатора и всего, чтó его окружаетъ. Подъѣхали къ Калугѣ вечеромъ. Вдали начали мелькать огни загороднаго губернаторскаго дома... Гоголь пришелъ въ восхищеніе.

— Да это просто великолѣпіе! сказалъ онъ: — да отсюда бы и не выѣхалъ! Ахъ, да какой здѣсь воздухъ!

Ему отвели квартиру въ особомъ флигелѣ, въ которомъ жилъ нѣкогда Ю.А. Нелединскій (при губернаторѣ князѣ А.П. Оболен-

скомъ, женатомъ на дочери Нелединскаго). Флигель не отличался своей красотою, но Гоголю нравился, потому что онъ былъ тамъ совершенно одинъ и видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Его особенно восхищали зеленый сосновый боръ и рѣка Яченка, на крутомъ берегу которой стоялъ загородный губернаторскій домъ. Вправо отъ бора ему видны были главы Лаврентьева монастыря. Гоголь самъ пожелалъ, чтобъ ему служилъ человѣкъ Христофоръ, который нравился ему тѣмъ, что у него »настоящая губернская физіономія«. Онъ утверждалъ, что »именно такіе слуги дожны быть въ губернскомъ городѣ у губернатора«.

По утрамъ Гоголя не видали; онъ являлся въ домъ только въ три часа, къ обѣду. Онъ очень любилъ видѣть за губернаторскимъ обѣдомъ чиновниковъ и говорилъ, что »это такъ слѣдуетъ«. За столомъ онъ всегда разговаривалъ съ чиновниками и былъ съ ними очень любезенъ, но посѣщалъ только инспектора врачебной управы В.Я.Быковскаго, съ которымъ онъ познакомился, какъ съ землякомъ. Не смотря на то, въ Калугѣ всѣ знали Гоголя и очень имъ интересовались. Однажды вѣтеръ сорвалъ съ него и бросилъ въ лужу бѣлую шляпу. Гоголь тотчасъ купилъ себѣ черную, а бѣлую, запачканную грязью, оставилъ въ лавкѣ. Всѣ »рядовичи« собрались къ счастливому купцу, которому досталась эта драгоцѣнность, и каждый примѣривалъ шляпу на своей головѣ, удивляясь, что голова-де-скать у Гоголя и не очень велика, а сколько-то ума! Есть въ Калугѣ книгопродавецъ Олимпіевъ, великій почитатель литературныхъ знаменитостей. Онъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ, съ Жуковскимъ и хаживалъ къ Гоголю. Узнавъ о томъ, что шляпа Гоголя находится въ рукахъ гостинноднорцевъ, онъ убѣдилъ ихъ поднесть эту драгоцѣнность А.О.С—ой, что́ и было исполнено съ подобающею церемоніею. Но, разумѣется, А.О., наслаждаясь присутствіемъ у себя въ домѣ самого Гоголя, отказалась принять его запачканную шляпу, и шляпа осталась во владѣніи рядовичей.

Гоголя возили по окрестностямъ губернскаго города и, между прочимъ, въ село Ромоданово, откуда, по его словамъ, видъ Калуги напоминалъ ему Константинополь. Бывши тамъ у всенощной въ празд-

никъ Рождества Богородицы, онъ восхищался тѣмъ, что церковь убрана была зеленью.

Костюмъ Гоголя въ это время раздѣлялся на буднишній и праздничный. По воскресеньямъ и праздникамъ, онъ являлся обыкновенно къ обѣду въ бланжевыхъ нанковыхъ панталонахъ и голубомъ, небеснаго цвѣта, короткомъ жилетѣ. Онъ находилъ, что »это производитъ впечатлѣніе торжественности, и говорилъ, что въ праздники все должно отличаться отъ буднишняго: сливки къ кофе должны быть особенно густы, обѣдъ очень хорошій, за обѣдомъ должны быть предсѣдатели, прокуроры и всякіе этакіе важные люди, и самое выраженіе лицъ должно быть особенно торжественно«.

Еще до переѣзда съ дачи въ городъ, Гоголь предложилъ А.О. С—ой прочесть ей нѣсколько главъ изъ второго тома »Мертвыхъ Душъ«, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ никого при этомъ чтеніи не было и чтобъ объ этомъ не было никому ни писано, ни говорено. Онъ приходилъ къ ней по утрамъ въ 12 часовъ и читалъ почти до 2-хъ. Одинъ разъ былъ допущенъ къ слушанію братъ ея Л.И. А-ди

Уцѣлѣвшій отъ сожженія обрывокъ второго тома »Мертвыхъ Душъ« давно ужъ напечатанъ и извѣстенъ каждому. То, что читалъ Гоголь А.О.С—ой, начиналось не такъ, какъ въ печати. Читатель помнитъ торжественный тонъ окончанія перваго тома. Въ такомъ тонѣ начинался, по ея словамъ и второй. Слушатель строкъ, съ первыхъ былъ поставленъ въ виду обширной картины, соотвѣтствовавшей словамъ: »Русь! куда несешься ты? дай отвѣтъ!« и проч.; потомъ эта картина съуживалась, съуживалась и наконецъ входила въ рамки деревни Тѣнтѣтникова. Нечего и говорить о томъ, что все читанное Гоголемъ было несравненно выше, нежели въ оставшемся брульонѣ. Въ немъ очень многаго не достаетъ даже въ тѣхъ сценахъ, которыя остались безъ перерывовъ. Такъ, напримѣръ, анекдотъ о черненькихъ и бѣленькихъ разсказывается генералу во время шахматной игры, въ которой Чичиковъ овладѣваетъ совершенно благосклонностью Бетрищева; въ домашнемъ быту генерала пропущены лица—плѣнный французскій капитанъ Эскадронъ и гувернантка Англичанка. Въ дальнѣйшемъ развитіи поэмы не достаетъ описанія деревни Воронего-Дряннаго, изъ которой Чичиковъ переѣзжаетъ къ Костанжогло. Потомъ нѣтъ ни слова объ имѣ-

ніи Чегранова, управляемом молодымъ человѣкомъ, недавно выпущеннымъ изъ университета. Тутъ Платоновъ, спутникъ Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портретъ, а потомъ они встрѣчаютъ, у брата генерала Бетрищева, живой подлинникъ этого портрета, и начинается романъ, изъ котораго Чичиковъ, какъ и изъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, каковы бъ они ни были, извлекаетъ свои выгоды. Первый томъ, по словамъ А.О.С—ой, совершенно поблѣднѣлъ въ ея воображеніи передъ вторымъ: здѣсь юморъ возведенъ былъ въ высшую степень художественности и соединялся съ паѳосомъ, отъ котораго захватывало духъ. Когда слушательница спрашивала: неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія? Гоголь отвѣчалъ:

— Я очень радъ, что это вамъ такъ нравится, но погодите: будутъ у меня еще лучшія вещи: будетъ у меня священникъ, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ.

Извѣстно, что откупщикъ Муразовъ и генералъ-губернаторъ, въ уцѣлѣвшемъ брульонѣ, вышли довольно слабыми созданьями Гоголева таланта; но, судя по силѣ первыхъ главъ второго тома, засвидѣтельствованной нѣсколькими строгими цѣнителями изящнаго, надобно думать, что Гоголь мало-помалу возвелъ бы и эти лица »въ перлъ созданія«. Творчество его въ послѣднее время его жизни пріобрѣло дивное свойство. Не теряя свѣжести перваго наитія, оно пересоздавало и совершенствовало взятую художественную идею до тѣхъ поръ, пока она являлась въ полномъ соотвѣтствіи требованіямъ строгой критики самого автора. Гоголь стоялъ выше людей, которые, потративъ на созданіе какого-нибудь характера запасъ умственной силы, чувствуютъ невозможность создать то же самое вновь, въ болѣе совершенномъ видѣ. Онъ сжегъ второй томъ »Мертвыхъ Душъ« въ 1845 году, и однакожъ у него явились такія вещи, какъ деревня Тѣнтѣтникова, какъ генералъ Бетрищевъ и обжора Пѣтухъ, необнаруживающія никакого усилія надъ самимъ собою, свободныя, какъ природа. Такъ, вѣроятно, поступлено было бы и съ Муразовымъ, и съ генералъ-губернаторомъ, еслибы только продлилась жизнь автора. Его не пугала медленность работы и трудность передѣлки. Передѣлывать онъ былъ готовъ самыя оконченныя свои вещи, если только въ немъ оставалось

хотя малѣйшее подозрѣніе, что они не вполнѣ истинны. Такъ, напримѣръ, А.О.С—ва замѣтила, что Улинька, дочь генерала, немножко идеальна. Онъ тотчасъ записалъ карандашомъ на полѣ страницы: »А.О. находитъ, что Улинька немножко идеальна«, и, вѣрно, уничтожилъ впослѣдствіи эту идеальность. Кто знаетъ? можетъ быть, ревность художника къ высокимъ идеямъ искусства, которыхъ онъ не успѣлъ воплотить въ соотвѣтствующія имъ осязательныя формы, была также отчасти причиной сожженія второго тома »Мертвыхъ Душъ« передъ смертью.

Возвратясь изъ Калуги, Гоголь гостилъ нѣкоторое время у С.П. Шевырева на дачѣ; наконецъ 14-го августа, пріѣхалъ въ подмосковную къ С.Т. Аксакову.

»Онъ много гулялъ у насъ по рощамъ (говоритъ С.Т. Аксаковъ въ своихъ запискахъ) и забавлялся тѣмъ, что, находя грибы, собиралъ ихъ и подкладывалъ мнѣ на дорожку, по которой я долженъ былъ возвращаться домой. Я почти видѣлъ, какъ онъ это дѣлалъ. По вечерамъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ переводы древнихъ Мерзлякова, изъ которыхъ особенно ему нравились гимны Гомера. Такъ шли вечера до 18-го числа. 18-го вечеромъ, Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ:

»— Да не прочесть ли намъ главу »Мертвыхъ Душъ«?

»Мы были озадачены его словами и подумали, что онъ говоритъ о первомъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«. Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобъ принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки; но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

»— Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ второго.

»И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь.

»Не могу выразить, что̀ сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ первую главу второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ.

Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ, въ свою комнату, потому что уже прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ.

»Тутъ только мы догадались, что Гоголь съ перваго дня имѣлъ намѣреніе прочесть намъ первую главу изъ втораго тома »Мертвыхъ Душъ«, которая одна, по его словамъ, была отдѣлана, и ждалъ отъ насъ только какого-нибудь вызывающаго слова. Тутъ только припомнили мы, что Гоголь много разъ опускалъ руку въ карманъ, какъ-бы хотѣлъ что-то вытащить, но вынималъ пустую руку.

»На другой день Гоголь требовалъ отъ меня замѣчаній на прочитанную главу; но намъ помѣшали говорить о »Мертвыхъ Душахъ«. Онъ уѣхалъ въ Москву, и я написалъ къ нему письмо, въ которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и указалъ на особенныя, по моему мнѣнію, красоты. Получивъ мое письмо, Гоголь былъ такъ доволенъ, что захотѣлъ видѣть меня немедленно. Онъ нанялъ карету, лошадей и въ тотъ же день прикатилъ къ намъ въ Абрамцево. Онъ пріѣхалъ необыкновенно веселъ, или, лучше сказать, свѣтелъ, и сейчасъ сказалъ:

»— Вы замѣтили мнѣ именно то, что̀ я самъ замѣчалъ, но не былъ увѣренъ въ справедливости моихъ замѣчаній. Теперь же я въ нихъ не сомнѣваюсь, потому что то же замѣтилъ другой человѣкъ, *пристрастный* ко мнѣ.

»Гоголь прожилъ у насъ цѣлую недѣлю; до обѣда раза два выходилъ гулять, а остальное время работалъ; послѣ же обѣда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть слѣдующія главы, но онъ убѣдительно просилъ, чтобъ я погодилъ. Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ прочелъ уже нѣсколько главъ А.О.С—ой и С.П.Шевыреву, что самъ увидѣлъ, какъ много надо передѣлать, и что прочтетъ мнѣ ихъ непремѣнно, когда онѣ будутъ готовы.

»6-го сентября Гоголь уѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ О*С*. Прощаясь, онъ повторилъ ей обѣщаніе прочесть намъ слѣдующія главы »Мертвыхъ Душъ« и велѣлъ непремѣнно сказать это мнѣ.

»Въ генварѣ 1850 года Гоголь прочелъ намъ въ другой разъ первую главу »Мертвыхъ Душъ«. Мы были поражены удивленіемъ:

глава показалась намъ еще лучше и какъ-будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ:

»— Вотъ что́ значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, по видимому, самыя ничтожныя: тамъ одно словцо убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено — и все выходитъ другое. Тогда надо напечатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы.

»Оказалось, что онъ воспользовался всѣми сдѣланными ему замѣчаніями.

»Января 19-го Гоголь прочелъ намъ вторую главу втораго тома »Мертвыхъ Душъ«, которая была довольно отдѣлана и не уступала первой въ достоинствѣ; а до отъѣзда своего въ Малороссію, онъ прочелъ третью и четвертую главы.«

XXXI.

Путешествіе на долгихъ въ Малороссію. — Проектъ путешествія по монастырямъ. — Взглядъ С.Т. Аксакова на Гоголя. — Воспоминанія Ѳ.В. Чижова и А.В. Марковича. — Пребываніе въ Одессѣ. — Знакомство съ Н.Д. Мизко.

Гоголь чувствовалъ, что суровая сѣверная зима дѣйствуетъ вредно на его здоровье, но въ его планы не входили уже поѣздки за границу, и потому онъ избралъ своимъ зимовьемъ Одессу, откуда намѣревался проѣхать въ Грецію, или въ Константинополь. Для этого онъ началъ заниматься новогреческимъ языкомъ, по молитвеннику, который, во время переѣзда въ Малороссію, составлялъ единственное его чтеніе. Онъ читалъ его по утрамъ вмѣсто молитвы, стараясь, однакожъ, дѣлать это тайкомъ отъ своего спутника.

Спутникомъ его былъ М.А. Максимовичъ, съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго изъ Василькова (Кіевской губерніи) Еврея, съ извѣстною будкою на колесахъ, называющеюся, не извѣстно почему, брикою, или тарабаномъ. Въ нее предполагалось положить вещи, а

сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую г. Максимовичу. Но Еврей, порядившійся везти Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остаться подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до полученія паспорта, а потомъ онъ начисто отперся отъ своего словеснаго обязательства.

Гоголь былъ въ страшной досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ путешественники пріискиваютъ себѣ другого »долгаго« извощика, уже изъ православныхъ; тотъ закладываетъ въ свою громадную телегу тройку коренастыхъ, но тупыхъ на ногу лошадей; укладываются въ нее пожитки обоихъ литераторовъ; впрягается такая же тройка въ бричку г. Максимовича, и 13 іюня (1850) они выѣзжаютъ изъ Москвы въ безконечную дорогу черезъ нѣсколько губерній.

По разсказу г. Максимовича, они оставили Москву въ пятомъ часу по полудни, или, говоря точнѣе, въ это время они выѣхали изъ дому Аксаковыхъ, у которыхъ они на прощаньи обѣдали. Первую ночь провели въ Подольскѣ, гдѣ въ то же время ночевали Хомяковы, съ которыми Гоголь и его спутникъ провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. На 15-е іюня ночевали въ Маломъ Ярославцѣ; утромъ служили въ тамошнемъ монастырѣ молебенъ; напились у игумена чаю и получили отъ него по образу св. Николая. На 16 число ночевали въ Калугѣ, и 16-го обѣдали у г-жи С—ой, искренней пріятельницы Гоголя, который питалъ къ ней глубокое уваженіе. 19-е іюня путники наши провели у И.В.К—го, въ Долбинѣ, гдѣ нѣкогда проживалъ Жуковскій и написалъ лучшія свои баллады; а 20-е у г-жи А.П.Е—ой, въ Петрищевѣ. Наконецъ, 25 іюня, разстались въ Глуховѣ, откуда Гоголь уѣхалъ въ Васильевку, въ коляскѣ А.М.Маркевича.

Страннымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состояніи ѣхать на почтовыхъ; но таковы именно были тогдашнія его обстоятельства. По крайней мѣрѣ онъ считалъ необходимымъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и предпочесть медленную и дешевую ѣзду быстрой и дорогой. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что онъ везъ матери рублей полтораста серебромъ, въ подарокъ. Онъ былъ »все тотъ же

пламенный, признательный, никогда незагашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ«. (1) Между прочимъ, путешествіе на долгихъ было для него уже какъ-бы началомъ плана, который онъ предполагалъ осуществить впослѣдствіи. Ему хотѣлось совершить путешесвіе по всей Россіи, отъ монастыря къ монастырю, ѣздя по проселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Это ему было нужно, во первыхъ, для того, чтобы видѣть живописнѣйшія мѣста въ государствѣ, которыя бо́льшею чистію были избираемы старинными русскими людьми для основанія монастырей; во вторыхъ, для того, чтобы изучить проселки Русскаго царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразіи; въ третьихъ, наконецъ, для того, чтобы написать географическое сочиненіе о Россіи самымъ увлекательнымъ образомъ. Онъ хотѣлъ написать его такъ, »чтобъ была слышна связь человѣка съ той почвой, на которой онъ родился«. Обо всемъ этомъ говорилъ Гоголь у г-жи С—ой, въ присутствіи графа А.К.Т—го, который былъ знакомъ съ нимъ издавна, но потомъ не видалъ его лѣтъ шесть, или болѣе. Онъ нашелъ въ Гоголѣ большую перемѣну. Прежде Гоголь, въ бесѣдѣ съ близкими знакомыми, выражалъ много добродушія и охотно вдавался во всѣ капризы своего юмора и воображенія; теперь онъ былъ очень скупъ на слова, и все, что̀ пи говорилъ, говорилъ, какъ человѣкъ, у котораго неотступно пребывала въ головѣ мысль, что »съ словомъ надобно обращаться честно«, или который исполненъ самъ къ себѣ глубокаго почтенія. Въ тонѣ его рѣчи отзывалось что-то догматическое, такъ, какъ-бы онъ говорилъ, своимъ собесѣдникамъ: »Слушайте, не пророните ни одного слова«. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, бесѣда его была исполнена души и эстетическаго чувства. Онъ попотчивалъ графа двумя малороссійскими колыбельными пѣснями, которыми восхищался, какъ рѣдкими самородными перлами. Вотъ онѣ:

1.

Ой спы, дытя, безъ сповыття,
Покы маты зъ поля прыйде

---

(1) См. томъ 1-й. стр, 40.

Та прынесе тры квиточкы:
Одна буде дримлывая,
Друга буде сонлывая,
А третяя щаслывая.
Ой щобъ спало — щастя мало,
Та щобъ росло — не болило,
На серденько не скорбило!
Ой русточкы у кисточкы,
Здоровьячко на сердечко,
Розумъ добрый въ головоньку,
Соньки-дримкы у виченькы!

2.

Ой ходыть сонъ по улоньци,
Въ бѣлѣсенькій кошулоньци;
Слоняетця, тыняетця,
Госпо́доньки пытаетця:
»А де хата теплѐсенька
И дытына малѐсенька,
Туды пійду ночуваты
И дытыны колыхаты.«
А въ насъ хата теплѐнькая
И дытына малѐнькая;
Ходы до насъ ночуваты
И дытыны колыхаты!
Ходы, сонку, въ колысочку,
Прыспы нашу дытыночку!

Вслѣдъ за тѣмъ Гоголь попотчивалъ графа лакомствомъ другого сорта: онъ продекламировалъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, великорусскую пѣсню, выражая голосомъ и мимикою патріархальную величавость русскаго характера, которой исполнена эта пѣсня.

Пантелей государь ходитъ по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому;
Кунья на немъ шуба до́ земли,
Соболья на немъ шапка до́ верху,
Божья на немъ милость до́ вѣку.
Бояре-то смотрятъ и́зъ города,
Боярыни-то смотрятъ и́зъ терема,

Сужена-то смотритъ изъ-подъ пологу.
Бояре-то молвятъ: »Чей то такой?«
Боярыни-то молвятъ: »Чей то господинъ?«
А сужена молвитъ: »Мой дорогой!«

Изъ приведенныхъ выше чиселъ видно, что путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно; но Гоголь не чувствовалъ, по видимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ѣзды, такъ и на постоялыхъ дворахъ. Его все занимало въ дорогѣ, какъ ребенка, и онъ часто, для выраженія своихъ желаній, употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьники. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ »отправлялся къ Храповицкому«, а когда желалъ только отдохнуть, то говаривалъ своему спутнику: »Не пойти ли намъ къ Полежаеву?« Хаживалъ онъ также къ »Обѣдову« и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и все это безъ малѣйшаго вида шутки ([1]). Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ бричкѣ, онъ предлагалъ товарищу »пройти пѣхандачка« и мимоходомъ собиралъ разные цвѣты, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему г. Максимовичъ. Это онъ дѣлалъ для одной изъ своихъ сестеръ, страстной любительницы ботаники. У него было очень тонкое обоняніе. Иногда, въѣзжая въ лѣсъ, онъ говорилъ: »Тутъ сосна должна быть: такъ и пахнетъ сосной«, и дѣйствительно путешественники открывали между березъ и дубовъ сосновыя деревья. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собираніи цвѣтовъ, и никто бы не

([1]) Въ »Мертвыхъ Душахъ«, на стр. 362, мы читаемъ: »...Всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ и Полежаевымъ [знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ полежать и завалиться, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси: все равно какъ фраза: заѣхать къ Сопикову и Храповицкому]....«

узналъ въ немъ того, что мы привыкли разумѣть подъ названіемъ поэта. Онъ былъ простой путешественникъ, немножко разсѣянный, немножко прихотливый, порой дѣтски затѣйливый, порой какъ-будто грустный, но постоянно спокойный, какъ бываетъ спокоенъ старикъ, переиспытавшій много на вѣку своемъ и убѣдившійся окончательно, что все въ мірѣ совершается по строгимъ законамъ необходимости и что причина каждаго непріятнаго для насъ явленія можетъ скрываться внѣ границъ не только нашего вліянія, но и нашего вѣдѣнія. По дорогѣ онъ любилъ заѣзжать въ монастыри и молиться въ нихъ Богу. Особенно понравилась ему Оптина пустынь, на рѣкѣ Жиздрѣ, за Калугою. Гоголь, приближась къ ней, прошелъ съ своимъ спутникомъ до самой обители, версты двѣ, пѣшкомъ. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку, съ мисочкой земляники, и хотѣли купить у нея землянику; но дѣвочка, видя, что они люди дорожные, не захотѣла взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что »какъ можно брать съ странних людей деньги?«

— Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ, замѣтилъ Гоголь, умиленный этимъ, конечно рѣдкимъ, явленіемъ. — И я не разъ замѣчалъ подобное вліяніе такихъ обителей.

Во время дороги Гоголь кромѣ обычныхъ своихъ шуточекъ, вообще говорилъ мало, и въ этомъ маломъ мысли его обращались преимущественно къ предметамъ практической жизни. Такъ, напримѣръ, онъ разсуждалъ о современной страсти къ комфорту и роскоши и приходилъ къ такому заключенію, что намъ »необходимо пріучать себя къ суровости жизни, ато комфортъ и роскошь заводятъ насъ такъ далеко, что мы проматываемся часъ отъ часу болѣе, и наконецъ намъ нечѣмъ жить«. На этомъ основаніи, онъ отвергалъ употребленіе въ сельскомъ быту рессорныхъ экипажей, особенно для людей его состоянія, и придумывалъ, какъ бы взять въ этомъ случаѣ средину между дорогимъ комфортомъ и грубою дешевизною.

Всего замѣчательнѣе въ его сужденіяхъ о жизни было то, что онъ всякую идею примѣривалъ сперва на себѣ и потомъ уже пускалъ ее въ ходъ для служенія ближнимъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ не былъ похожъ на тѣхъ философовъ, которые заботятся о воздержаніи прочихъ, не зная никакихъ предѣловъ собственнымъ прихо-

тамъ. Онъ ѣхалъ на долгихъ и разсуждалъ объ упрощеніи помѣщичьяго быта. Онъ утверждалъ, что такія религіозныя учрежденія, какъ Оптина пустынь, распространяютъ благочестіе въ народѣ, и подтверждалъ искренность своего убѣжденія своимъ посѣщеніемъ иноческихъ обителей и своими молитвами въ нихъ. Онъ проповѣдывалъ терпѣніе и исполненіе ближайшаго своего долга (¹), и явилъ въ себѣ образецъ терпѣнія изумительнаго и совершенное безстрастіе къ тому, что̀ не входило въ предѣлы его литературной дѣятельности. Это была истинно геніальная, самообразующая себя натура, въ которой передъ нашими глазами совершилась борьба добрыхъ началъ съ злыми, въ ободреніе и въ назиданіе всѣхъ созерцавшихъ ее. (²)

(¹) Не задолго до своей смерти Гоголь написалъ своимъ друзьямъ слѣдующее »напутственное слово«:

»Благодарю васъ много, друзья мои; вами украшалась много жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово.... Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, молясь въ тишинѣ. Общество тогда только исправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіянинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все прійдетъ тогда въ порядокъ; сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему, и человѣчество двинется впередъ....«

(²) Когда я написалъ эти строки, мнѣ пришла на мысль одна изъ страницъ »Переписки« Гоголя, и я убѣдился еще больше въ искренности убѣжденія, съ которою онъ проповѣдовалъ друзьямъ своимъ ученіе о самосовершенствованіи:

»Не останавливайся, учи и давай совѣты! (говоритъ онъ.) Но если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю я, и какъ *положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда.* Всякій совѣтъ и наставленіе, какое ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, что̀ посовѣтовалъ другому, посовѣтуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другому, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя.... Это дѣлай непремѣнно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя.« (Стр. 123).

Прихотливость Гоголя въ дорогѣ обнаруживалась въ томъ, что онъ вмѣсто чаю пилъ кофе, который варилъ собственноручно на самоварѣ, и если могъ остановиться въ гостинницѣ, то всегда предпочиталъ ее постоялому двору. Впрочемъ, онъ дѣлалъ эту уступку своимъ строгимъ правиламъ жизни, вѣроятно, только для поддержанія своего хилаго здоровья, о которомъ онъ выражался съ трогательною наивностью въ своихъ письмахъ, что оно ему *нужно*. (¹)

Г. Максимовичъ, пріѣхавъ въ Москву на собственныхъ лошадяхъ, нашелъ для себя удобнымъ сбыть ихъ тамъ; однакожъ не могъ разстаться съ старымъ конемъ, который служилъ ему усердно нѣсколько лѣтъ. Конь этотъ шелъ сзади телеги на свободѣ и былъ во всю всю дорогу предметомъ наблюденій Гоголя.

— Да твой старикъ просто жуируетъ! говорилъ онъ, замѣтивъ, что сзади повозки придѣланъ былъ для него рептухъ съ овсомъ и сѣномъ.

Потомъ онъ дивился, что, лишь только извощикъ двигался въ путь, ветеранъ г. Максимовича покидалъ свое стойло, или зеленую лужайку, и слѣдовалъ за кибиткою всегда въ одномъ и томъ же разстояніи отъ нея, какъ-будто привязанный къ ней. Гоголь подмѣчалъ, не увлечетъ ли его какая-нибудь конская страстишка съ прямого пути его обязанностей: нѣтъ, конь былъ истинный стоикъ и оставался вѣренъ своимъ правиламъ до конца путешествія. Впрочемъ, Гоголь разстался съ г. Максимовичемъ въ Глуховѣ и не могъ ужъ слѣдить за поведеніемъ его буцефала. Но когда Максимовичъ въ томъ же году посѣтилъ поэта на его родинѣ, онъ тотчасъ узналъ своего знакомца и освѣдомился о благосостояніи его ногъ.

Въ дорогѣ одинъ только случай явственно задѣлъ поэтическія струны въ душѣ Гоголя. Это было въ Сѣвскѣ, на Ивана Купалу. Проснувшись на зарѣ, наши путешественники услышали неподалеку отъ постоялаго двора какой-то странный напѣвъ, звонко раздававшійся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

(¹) Онъ говорилъ своему спутнику, что полъ-чашки чаю дѣйствуетъ на его нервы сильнѣе, нежели большой стаканъ кофе.

— Поди послушай, чтó это такое, просилъ Гоголь своего друга: —не купаловыя ли пѣсни? Я бы и самъ пошелъ, но ты знаешь, что я немножко изъ-подъ Глухова.

Г. Максимовичъ подошелъ къ сосѣднему дому и узналъ, что тамъ умерла старушка, которую оплакиваютъ поочередно три дочери. Дѣвушки причитывали ей импровизированныя жалобы съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ. Все служило имъ темою для горестнаго речитатива: добродѣтельная жизнь покойницы, ихъ неопытность въ обхожденіи съ людьми, ихъ беззащитное сиротское состояніе и даже разныя случайныя обстоятельства. Напримѣръ, въ то время, какъ плакальщица голосила, на лицо покойницы сѣла муха, и та, схвативъ этотъ случай съ быстротою вдохновенія, тотчасъ вставила въ свою рѣчь два стиха:

»Вотъ и мушенька тебѣ на личенько сѣла,
Не можешь ты мушеньку отогнати!«

Проплакавъ всю ночь, дѣвушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выраженіями своихъ чувствъ, что начали думать вслухъ тоническими стихами. Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галерейкѣ второго этажа и, оперши̂сь на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались къ утреннему солнцу, говоря: »Солнышко ты мое красное!« и тѣмъ »живо напоминали мнѣ (говорилъ г. Максимовичъ) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на заборолѣ....«

Когда онъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ поэту изъ-подъ Глухова, тотъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ, при случаѣ, въ »Мертвыхъ Душахъ«.

Принося искреннюю благодарность М. А. Максимовичу за сообщеніе мнѣ разсказа о его путешествіи съ Гоголемъ изъ Москвы въ Малороссію, я долженъ, однакожь, сказать, что только соединеніе многихъ другихъ фактовъ изъ жизни поэта помогло мнѣ почувствовать характерную выразительность разныхъ обстоятельствъ этого путешествія. Тутъ я вспомнилъ то, чтó было сказано С. Т. Аксаковымъ о трудности біографіи Гоголя, и вношу его слова въ мою книгу, какъ

важное дополненіе къ моей характеристикѣ поэта, или, говоря искреннѣе, какъ камертонъ, по которому я выработалъ собственный взглядъ на Гоголя:

»Біографія Гоголя (говоритъ онъ) [1] заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура — въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами—ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло, впрочемъ, понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и повѣрить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣешь, хотя безпрестанно говоришь о немъ....«

Далѣе тотъ же писатель представляетъ прекрасную характеристику разнообразнаго пониманія Гоголя со стороны знакомыхъ съ нимъ лично.

»Гоголя, какъ человѣка (говоритъ онъ), знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что́ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что́ говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что́ самъ говоритъ. Къ этому должно прибавить, что разные люди, знавшіе Гоголя въ разныя эпохи его жизни, могли сообщить о немъ

(1) »Московскія Вѣдомости« 1853 года, № 36.

другъ другу разныя извѣстія. Да не подумаютъ, что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ, съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіянство становилось чище, строже; высокое значеніе цѣли писателя яснѣе, и судъ надъ самимъ собою суровѣе; итакъ, въ этомъ смыслѣ Гоголь измѣнялся. Но даже въ одно и то же время, особенно до послѣдняго своего отъѣзда за границу, съ разными людьми Гоголь казался разнымъ человѣкомъ. Тутъ не было никакого притворства: онъ соприкасался съ тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди, или, по крайней мѣрѣ, которыя могли они понять. Такъ, напримѣръ, съ однимъ пріятелемъ, и на словахъ, и въ письмахъ, онъ только шутилъ, такъ что всякій хохоталъ, читая эти письма; съ другими говорилъ объ искусствѣ и очень любилъ самъ читать Пушкина, Жуковскаго и Мерзлякова [его переводы древнихъ]; съ иными бесѣдовалъ о предметахъ духовныхъ; съ иными упорно молчалъ и даже дремалъ, или притворялся спящимъ. Кто не слыхалъ самыхъ противоположныхъ отзывовъ о Гоголѣ? Одни называли его забавнымъ весельчакомъ, обходительнымъ и ласковымъ; другіе—молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ; третьи—занятымъ исключительно духовными предметами. Однимъ словомъ, Гоголя никто не зналъ вполнѣ. Нѣкоторые друзья и пріятели, конечно, знали его хорошо, но знали, такъ сказать, по частямъ. Очевидно, что только соединеніе этихъ частей можетъ составить цѣлое, полное знаніе и опредѣленіе Гоголя.«

Съ этой-то цѣлью я и пользуюсь всякимъ случаемъ представить отраженіе личности Гоголя въ умахъ его наблюдателей. Вотъ что́ говоритъ о послѣднихъ встрѣчахъ съ нимъ его университетскій товарищъ, Ѳ. В. Чижовъ:

»Послѣ Италіи, мы встрѣтились съ нимъ въ 1848 году въ Кіевѣ, и встрѣтились истинными друзьями. Мы говорили мало, но разбитой тогда и сильно больной душѣ моей стала понятна болѣзнь души Гоголя... Мы встрѣтились у А.С. Данилевскаго, у котораго остановился Гоголь и очень искалъ меня; потомъ провели вечеръ у М.В. Юзефовича. Гоголь былъ молчаливъ, только при разставаньи онъ

просилъ меня, не можемъ ли мы сойтись на другой день рано утромъ въ саду. Я пришелъ въ общественный садъ рано, часовъ въ 6 утра; тотчасъ же пришелъ и Гоголь. Мы много ходили по Кіеву, но больше молчали; не смотря на то, не знаю, какъ ему, а мнѣ было пріятно ходить съ нимъ молча. Онъ спросилъ меня: гдѣ я думаю жить? — Не знаю, говорю я: вѣроятно, въ Москвѣ.

»— Да, отвѣчалъ мнѣ Гоголь: — кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому послѣ Рима только Москва и можетъ нравиться.

»Тутъ, не помню, въ какихъ словахъ, онъ передалъ мнѣ, что любитъ Москву и желалъ бы жить въ ней, если позволитъ здоровье. Мы назначили вечеромъ сойтись въ Лаврѣ, но тамъ видѣлись только на нѣсколько минутъ: онъ торопился.

»Въ Москвѣ — помнится мнѣ, въ 1849 году—мы встрѣчались часто у Хомякова, гдѣ я бывалъ всякій день, и у С—хъ. Онъ то же былъ всегда молчаливъ, и тогда уже видно было, что онъ страдалъ. Однажды мы сошлись съ нимъ подъ вечеръ на Тверскомъ бульварѣ.

»— Если вы не торопитесь, говорилъ онъ: — проводите меня до конца бульвара.

»Заговорили мы съ нимъ объ его болѣзни.

»— У меня все разстроено внутри, сказалъ онъ: — Я, напримѣръ, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся; тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начнетъ развивать — и все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучатъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы.«

Когда Гоголь ѣхалъ зимовать въ Одессу, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, А.В. Марковичъ, встрѣтилъ его у В.А. Лукашевича, въ селѣ Мехедовкѣ, Золотоношскаго уѣзда. Это было въ октябрѣ 1850 года. Вотъ что́ замѣчено г. Марковичемъ достойнаго памяти изъ тогдашнихъ разговоровъ Гоголя:

Когда въ гостинную внесли узоры для шитья по канвѣ, онъ сказалъ, что наши старинныя женщины оставили въ работахъ своихъ образцы изящества и свободнаго творчества, и шили безъ узоровъ; а

нынѣшнія не удивятъ потомства, которое, пожалуй, назоветъ ихъ безтолковыми.

О Святыхъ Мѣстахъ онъ не сказалъ своего ничего, а только замѣтилъ, что Пужула, Ламартинъ и подобные имъ лирическіе писатели не даютъ понятія о странѣ, а только о своихъ чувствахъ, и что съ Палестиной дѣльнѣе знакомятъ ученые прошлаго вѣка, сенсуалисты, изъ которыхъ онъ и назвалъ двухъ, или трехъ.

Осматривалъ разныя хозяйственныя заведенія и, когда лягавая собака погналась за овцами и произвела между ними суматоху, онъ замѣтилъ, что такъ дѣлаютъ и многіе добрые люди, если ихъ не выводятъ на ихъ истинное поле дѣятельности.

Кто-то наступилъ на лапку болонкѣ, и она сильно завизжала. »А, не хорошо быть малымъ!« сказалъ Гоголь.

По поводу разнощика, забросавшаго комнату товарами, онъ сказалъ: »Такъ и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаемъ, куда дѣвать.«

За столомъ судилъ о винахъ съ большими подробностями, хотя не обнаруживалъ никакого пристрастія къ нимъ.

Когда ему читали переведенные на малороссійскій языкъ псалмы Давида, онъ останавливался на лучшихъ стихахъ, по языку и вѣрности переложенія. Онъ слушалъ съ видимымъ наслажденіемъ малороссійскія пѣсни, которыя для него пѣли, и ему особенно понравилась:

Да вже третій вечиръ, якъ дивчыну бачывъ;
Хожу коло хаты — ія не выдаты....

Обращаюсь опять къ перепискѣ Гоголя съ П.А. Плетневымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣднія письма Гоголя, то есть, писанныя въ 1849 и 1850 годахъ, отличаются отъ предшествовавшихъ имъ несравненно бо̀льшимъ соблюденіемъ правилъ правописанія. Въ нихъ встрѣчается даже нѣсколько помарокъ и поправокъ, обнаруживающихъ въ писавшемъ желаніе сообщить своей рѣчи гладкость и окончательную выразительность, тогда какъ прежнія письма ясно показываютъ, что перо его летѣло за мыслью, не оглядываясь назадъ. Объ усовершенствованіяхъ въ почеркѣ было уже сказано выше. Слѣ-

дующее письмо написано съ замѣтнымъ стараніемъ, на полномъ листѣ почтовой бумаги.

»Декабря 2-го 1850. Одесса.

»Пишу, какъ видишь, изъ Одессы, куда убѣжалъ отъ суровости зимы. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, далась мнѣ знать сильно. Думалъ было, что укрѣпился и запасся здоровьемъ на югѣ надолго, но не тутъ-то было. Зима третьяго года кое-какъ перекочкалась, но прошлаго — едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время пропало даромъ; а время мнѣ дорого. Работа — моя жизнь; не работается — не живется, хотя, покуда, это и не видно другимъ. Отнынѣ хочу устроится такъ, чтобы три зимніе мѣсяцы въ году проводить внѣ Россіи, подъ самымъ благотворнѣйшимъ климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время, то есть, свойство благотворное для моей головы во время работы. Я уже испыталъ, что дѣло идетъ у меня какъ слѣдуетъ только тогда, когда все утружденіе, нанесенное головѣ поутру, развѣется въ остальное время дня прогулкой и добрымъ движеніемъ на благорастворенномъ воздухѣ [а здѣсь, въ прошломъ году, мнѣ нельзя было даже выходить изъ комнаты]. Если это не дѣлается, голова на другой день тяжела, неспособна къ работѣ, и никакія движенія въ комнатѣ [сколько ихъ ни выдумывалъ] не могутъ помочь. Слабая натура моя такъ уже устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло *не-натопленное*. Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецію: затѣмъ, признаюсь, и пріѣхалъ въ Одессу. Но такая одолѣла лѣнь, такъ стало жалко разлучаться и на короткое время съ православной Русью, что рѣшился остаться здѣсь, понадѣясь на русскій авось, то есть, авось-либо русская зима въ Одессѣ будетъ сколько-нибудь милостивѣй московской. Разумѣется, при этомъ случаѣ стало представляться, что и вонь, накуренная послѣдними политическими событіями въ Европѣ, еще не совершенно прошла,—и просьба о паспортѣ, которую хотѣлъ было отправить къ тебѣ, осталась у меня въ портфелѣ. Впрочемъ, уже и поздно: къ веснѣ, во всякомъ случаѣ, мнѣ нужно бы возвращаться въ Россію. Намѣренія мои теперь вотъ какого рода: въ кон-

цѣ весны, или въ началѣ лѣта предполагаю быть въ Петербургѣ, затѣмъ, чтобы, во первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечесть вмѣстѣ все то, что̀ хочется вамъ прочитать, а во вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступить къ печатанію. Увѣдомь меня теперь же, какіе у тебя планы на лѣто. Какъ бы устроиться намъ такъ, чтобы провести его гдѣ-нибудь на морскихъ водахъ, въ Ревелѣ, или въ иномъ мѣстѣ. Я думаю, что взаимныя бесѣды намъ будутъ нужнѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Не полѣнись, напиши теперь же, присообща къ этому хоть два слова о своемъ житьѣ и о милыхъ, близкихъ твоему сердцу, которымъ всѣмъ передай душевный мой поклонъ.«

Буду продолжать автобіографію Гоголя, сохранившуюся въ его письмахъ.

Къ отцу Матвѣю.

»Одесса. Декабря 30 (1850).

»Пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ, добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, только затѣмъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ, только затѣмъ, чтобы вновь повторить ту же просьбу: Молитесь обо мнѣ, добрая душа. Намѣреніе мое ѣхать въ теплые отдаленные края, для поправленья хилаго моего здоровья, не состоялось. Я остался здѣсь въ Одессѣ, и этому радъ. По великой милости Божіей, зима здѣсь въ этомъ году вовсе непохожа на суровыя зимы предыдущія: она тепла и благопріятна моему здоровью. Что̀ же касается до душевнаго состоянія... но что̀ говорить? Можетъ-быть, вамъ душа моя извѣстна больше, чѣмъ мнѣ самому. Молюсь, чтобы Богъ превратилъ меня всего въ одинъ *благодарный гимнъ* Ему, которымъ бы должно быть всякое творенье, а тѣмъ болѣе *словесное*,—чтобы, очистивши меня отъ всѣхъ моихъ скверпъ, не помянувши всего недостоинства моего, сподобилъ бы Онъ меня недостойнаго и грѣшнаго превратиться въ одну благодарную пѣснь Ему. Молюсь, молюсь и, видя безсиліе своихъ молитвъ, вопію о помощи. Молитесь, добрая душа!«

Къ П. А. Плетневу.

»Одесса. Января 25-го, 1851.

»Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твое письмо. Отъ всей души поздравляю тебя съ замужествомъ милой дочери и прошу также отъ меня передать ей поздравленіе. Радъ, что здоровье твое укрѣпилось отъ холоднаго лѣченія. Я тоже имѣлъ отъ него пользу. Намъ всѣмъ, Русскимъ, нужно помнить и твердить себѣ безпрестанно: Ничего не доводи до излишества! Въ наши съ тобой лѣта совершенно переламывать привычки и прежній обычай жизни опасно, а понемногу оставлять ихъ, трезвиться тѣломъ и духомъ очень недурно и даже непремѣнно слѣдуетъ. Иначе какъ разъ потеряешь равновѣсіе между тѣломъ и духомъ. Я уже давно веду образъ жизни регулярный, или, лучше, необходимый слабому моему здоровью. Занимаюсь только поутру; въ одиннадцатомъ часу вечера—въ постели. Стаканъ холодной воды натощакъ и въ вечеру. Но большое употребленіе холодной воды и обливаніе вредитъ, производя во мнѣ большую испарину. Въ Одессѣ полагаю пробыть до апрѣля. Пріѣздъ Жуковскаго въ Москву, можетъ быть, нѣсколько измѣнитъ мой маршрутъ, и, вмѣсто весны, придется, можетъ-быть, въ Петербургъ осенью. Впрочемъ, это еще вреднѣе. Покуда, будь здоровъ; не забывай меня. А мнѣ хочется очень съ тобой, по старинѣ, запершись въ кабинетѣ, въ виду книжныхъ полокъ, на которыхъ стоятъ друзья наши, уже нынѣ отшедшіе, потолковать и почитать, вспомнивъ старину. Но это не могло и не можетъ быть, покуда не готово то, о чемъ нужно говорить. Будь готовъ—разговоримся такъ, что и языка не уймемъ. Вѣдь старость болтлива, а мы, благодаря Бога, уже у вратъ ея.«

Изъ моихъ знакомыхъ, видѣвшихъ Гоголя въ Одессѣ, я имѣлъ случай распросить только одного, именно Н. Д. Мизко. Онъ сообщилъ мнѣ на словахъ и потомъ на бумагѣ исторію своего знакомства съ Гоголемъ. Представляю извлеченія изъ его записки.

»Въ первый разъ (говоритъ онъ) я увидѣлъ Гоголя января 9-го 1851 года, у одного стараго его знакомаго, А. И. О—я. Хозяинъ

представилъ меня Гоголю въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Разговоръ былъ, между тремя, или четырмя лицами, общій — о разныхъ предметахъ, некасавшихся литературы. Меня собственно, какъ уроженца и жителя Екатеринославской губерніи, Гоголь распрашивалъ о Екатеринославѣ, о каменномъ углѣ въ нашей губерніи, о Святогорскомъ монастырѣ на меловыхъ горахъ [Харьковской губерніи, на границѣ Екатеринославской], въ которомъ я былъ; узнавъ же о намѣреніи моемъ побывать за границею, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о планѣ и удобствахъ заграничнаго путешествія.

»Черезъ день я сдѣлалъ визитъ Гоголю, въ квартирѣ его, въ домѣ Трощинскаго. Это было около двухъ часовъ дня. Онъ стоялъ у конторки и, когда я вошелъ, встрѣтилъ меня привѣтливо. Я представилъ ему экземпляръ моего сочиненія: »Столѣтіе Русской Словесности«, сказавъ, что для меня очень лестно, если книга моя будетъ находиться въ его библіотекѣ. Онъ благодарилъ меня пожатіемъ руки и потомъ спросилъ:

» — Вы, кажется, еще что-то издали въ Одессѣ?

»Я отвѣчалъ, что напечаталъ »Памятную Записку« о жизни моего отца, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ собственно для родныхъ и друзой, и просилъ его принять отъ меня экземпляръ, такъ какъ, по сочувствію его къ человѣчеству, онъ съ родни и лучшій другъ каждому человѣку. Онъ благодарилъ меня и сказалъ:

»— Я описываю жизнь людскую, поэтому меня всегда интересуетъ живой человѣкъ болѣе, чѣмъ созданный чьимъ-нибудь воображеніемъ, и оттого мнѣ любопытнѣе всякихъ романовъ и повѣстей біографіи, или записки дѣйствительно жившаго человѣка.

»Перелиставъ мою книгу: »Столѣтіе Руской Словесности«, которую держалъ въ рукахъ, Гоголь замѣтилъ:

»—А, у васъ вездѣ приведены образцы изъ нашихъ писателей! Это очень полезно. Ато вообще господа преподаватели словесности сами лишь перечитываютъ сочиненія нашихъ писателей за своихъ слушателей, а имъ навязываютъ свои взгляды, чаще же и не свои, а заимствованные. Лучше, еслибы учащіеся сами читали сочиненія

отечественныхъ писателей; тогда въ понятіяхъ о литературѣ нашей было бы болѣе самостоятельности.«

»Затѣмъ Гоголь спросилъ:

— »Это вы писали статью о »Мертвыхъ Душахъ« изъ провинціи?

»Я отвѣчалъ утвердительно и самъ спросилъ: читалъ ли онъ ее?

»Онъ отвѣчалъ, что читалъ за границей, не скоро послѣ того, какъ она была напечатана.

»— А я думалъ, что она не попалась вамъ въ руки, отвѣчалъ я:—судя по предисловію ко второму изданію »Мертвыхъ Душъ«, въ которомъ вы жалуетесь, что изъ провинціи не было подано ни одного голоса (¹).

»— Кажется, сказалъ Гоголь:—я читалъ статью вашу, написавши уже предисловіе. Я тогда же получилъ письмо изъ провинціи. Оно не было напечатано. Меня интересовали мнѣнія провинціальныя. Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно въ провинціи.

»Отъ этого разговоръ перешелъ къ жизни въ Одессѣ, къ итальянской оперѣ. Гоголь сталъ разсказывать объ итальянскихъ театрахъ, объ Италіи, жаловался на вѣтеръ съ моря и что онъ не можетъ довольно согрѣться. Наконецъ я раскланялся.

»Онъ просилъ посѣщать его, примолвивъ:

»— Я буду разсказывать вамъ про Италію прежде, чѣмъ вы ее сами увидите.

»Черезъ нѣсколько дней Гоголь заплатилъ мнѣ визитъ въ квартирѣ моей, въ гостинницѣ Каруты, на бульварѣ. Онъ вошелъ въ

(¹) »Заглавіе статьи моей: »Голосъ изъ Провинціи о Поэмѣ Гоголя »Мертвыя Души«. Она была напечатана въ »Отечественныхъ Запискахъ« 1843 года, № 4«.

Примѣчаніе Николая М. Въ письмѣ къ Языкову, отъ 10-го іюня (кажется) 1843 года: Гоголь упоминаетъ объ этой статьѣ, а именно:

»Мнѣ прислали нѣсколько выдранныхъ изъ журналовъ критикъ на »Мертвыя Души«. Замѣчательнаго, впрочемъ, немного. Лучшія критики большею частію изъ провинцій. Одна изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ.«

залу, не будучи встрѣченъ слугою, и началъ ходить взадъ и впередъ, въ ожиданіи, что кто-нибудь появится. Слыша его шаги и полагая, что это кто-нубудь изъ домашнихъ, его окликнули изъ гостиной вопросомъ: »Кто тамъ?« на который онъ отвѣчалъ громко:

»— Николай Гоголь.

»Посидѣвъ немного, онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ комнатѣ тепло, не смотря на то, что окнами на море. Разговоръ незамѣтно склонился къ Италіи. Гоголь, между прочимъ, разсказывая объ умѣньи Англичанъ путешествовать, хвалилъ дорожный костюмъ Англичанокъ, отличающійся простотой, при всемъ удобствѣ.«

XXXII.

Возвращеніе въ Москву.—Послѣднія письма къ роднымъ и друзьямъ. — Разговоръ съ О.М.Бодянскимъ. — Смерть г-жи Хомяковой. — Болѣзнь Гоголя.— Говѣнье.—Сожженіе рукописей и смерть.

Изъ Одессы Гоголь въ послѣдній разъ переѣхалъ въ свое предковское село и провелъ тамъ въ послѣдній разъ самую цвѣтущую часть весны; потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его смерть. Вотъ его послѣднее письмо изъ Малороссіи, къ П.А.Плетневу:

»Полтава. Мая 6 (1851).

»Милое, доброе твое письмо получилъ уже здѣсь, въ деревнѣ моей матушки. Изъ Одессы выслали мнѣ его довольно поздно,—видно, въ наказанье за то, что я свое отправилъ къ тебѣ довольно поздно. Все дѣйствительно случилось такъ, какъ ты предположилъ: ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ оно было написано, запечатано и, казалось, какъ-бы уже и отправлено на почту, нашлось оно въ моемъ письменномъ столѣ. Что̀ прикажешь дѣлать? Видно, горбатаго могила исправитъ. Кажется, какъ-бы я преуспѣваю со дня на день въ этой добродѣтели! Зато тѣмъ признательнѣе принялъ и прочелъ я знакъ твоего непамятозлобія, твое милое и милующее письмо. На замѣчаніе

только твое о моей молодости скажу: Увы! два года, какъ уже пошелъ мнѣ пятый десятокъ, а сталъ ли я умнѣй, Богъ вѣсть одинъ. Знать, что прежде не былъ уменъ, еще не значитъ поумнѣть. Что второй томъ »Мертвыхъ Душъ« умнѣй перваго — это могу сказать, какъ человѣкъ, имѣющій вкусъ и притомъ умѣющій смотрѣть на себя, какъ на чужого человѣка, такъ что, можетъ быть, С*** отчасти и права; но какъ разсмотрю весь процессъ, какъ творилось и производилось его созданье, вижу, что уменъ только Тотъ, Кто творитъ и зиждетъ все, употребляя насъ всѣхъ вмѣсто кирпичей для постройки по тому фасаду и плану, котораго Онъ одинъ истинно разумный Зодчій.«

Итакъ, вотъ мнѣніе самого автора о второмъ томѣ »Мертвыхъ Душъ«, хотя онъ все еще не былъ доволенъ своимъ созданіемъ и совершенствовалъ его почти до самой смерти. »Безпрестанно поправляю (говорилъ онъ въ январѣ 1850 года г. Максимовичу) и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще ненаписанныя. Только вотъ съ первой главы туманъ сошелъ.« Въ іюлѣ 1851 года Гоголь, однакожъ, писалъ къ П. А. Плетневу о приготовленіяхъ къ печати второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Вотъ это письмо:

»Москва, 15 іюля.

»Пишу къ тебѣ изъ Москвы, усталый, изнемогшій отъ жару и пыли. Поспѣшилъ сюда съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленья къ печати »Мертвыхъ Душъ« второго тома, и до того изнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ, чтобы написать нѣсколько строчекъ записки, а не то что поправить, или даже переписать то, что̀ нужно переписать. Гораздо лучше просидѣть было лѣто дома и не торопиться; но желаніе повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ было тоже причиной моего нетерпѣнья. — — — Второе изданіе моихъ сочиненій нужно уже и потому, что книгопродавцы дѣлаютъ разныя мерзости съ покупщиками, требуютъ по сту рублей за экземпляръ и распускаютъ подъ рукой вѣсти, что второго изданія не будетъ. — — — Прежде хотѣлъ было вмѣстить нѣкоторыя

прибавленія и перемѣны, но теперь не хочу: пусть все остается въ томъ видѣ, какъ было въ первомъ изданіи. — — — Писалъ бы еще кое о чемъ, но въ-силу вожу перомъ — весь расклеился. Передай душевный поклонъ мой достойной твоей супругѣ, о которой кое-что слышалъ отъ С***ой; Балабинымъ, если увидишь, также мой душевный поклонъ. Получилъ пересланное тобою описаніе филармоническаго быта въ большомъ свѣтѣ, по поводу »Мертвыхъ Душъ«. Двѣ страницы пробѣжалъ: правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мнѣ, наблюдательность и жизнь.«

Въ то время, когда »Мертвыя Души« занимали, по видимому, всѣ его помышленія, онъ не переставалъ заботиться о своемъ садѣ въ селѣ Васильевкѣ. Вотъ его коротенькое письмо объ этомъ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ:

»Пишу къ тебѣ слова два изъ Сваркова, куда прибылъ благополучно. Завтра отсюда выѣзжаю весьма покойно въ Орелъ, въ экипажѣ А.М.Марковича, а оттуда въ Москву, съ дилижансомъ, о чемъ ты можешь извѣстить матушку. Когда пріѣдетъ Кочубейскій лѣсоводъ, не позабудь спросить у него, когда именно онъ будетъ садить желуди у Кочубея, и объ этомъ меня увѣдоми, равно какъ и о томъ, какъ ты расправляешься съ работами въ саду, о чемъ, какъ ты сама знаешь, мнѣ бесѣдовать всегда пріятно.«

Гоголь скучалъ въ Москвѣ лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его знакомые жили по дачамъ; наконецъ, получивъ извѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшился ѣхать къ ней на сватьбу. Вышло, однакожъ, не такъ. Миновавъ Калугу, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ грусти, которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишали его власти надъ его силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ, и молитва всегда укрѣпляла его. Такъ поступилъ онъ и теперь: заѣхавъ въ Оптину пустынь, онъ провелъ въ ней нѣсколько дней посреди смиренной братіи, и уже не поѣхалъ на сватьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ онъ сдѣлалъ О. М. Бодянскому, который не выѣзжалъ

на дачу, и на вопросъ его: зачѣмъ онъ воротился? отвѣчалъ: »Такъ: мнѣ сдѣлались какъ-то грустно«, и больше ни слова. Между тѣмъ онъ писалъ къ матери (отъ 3-го октября, 1851):

»Добравшись до Калуги, я заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться. Нервы мои отъ всякихъ тревогъ и колебаній дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна.«

Собираясь къ сестрѣ на сватьбу, Гоголь хотѣлъ, видно, обрадовать ее неожиданно, потому что въ письмѣ домой по этому случаю онъ не говоритъ ничего о своемъ намѣреніи. Вотъ это письмо:

»Москва. Іюл.

»О суетѣ вы хлопочете, сестры. Никто ничего отъ васъ не требуетъ, такъ давай самимъ задавать себѣ и выдумывать хлопоты! — — Мой совѣтъ: сватьбу поскорѣй, да и безъ всякихъ приглашеній и затѣй: обыкновенный обѣдъ въ семьѣ, какъ дѣлается это и между тѣми, которые гораздо насъ побогаче, да и все тутъ— — —

»Хотѣлъ бы очень пріѣхать, если не къ сватьбѣ, то черезъ недѣли двѣ послѣ сватьбы; но плохи мои обстоятельства: не устроилъ дѣлъ своихъ такъ, чтобъ имѣть средства прожить эту зиму въ Крыму [проѣздъ не по карману, платить за квартиру и столъ тоже не по силамъ], и по неволѣ долженъ остаться въ Москвѣ. Послѣдняя зима была здѣсь для меня очень тяжела. Боюсь, чтобъ не проболѣть опять, потому что суровый климатъ дѣйствуетъ на меня съ каждымъ годомъ вредоноснѣй, и не хотѣлось бы мнѣ очень здѣсь остаться. Но наше дѣло—покорность, а не ропотъ. Сложить руки крестомъ и говорить: *Да будетъ воля Твоя, Господи!* а не: *Сдѣлай такъ, какъ я хочу!*

»Посылаю тебѣ, сестра Елизавета, просимыя тобою Евангеліе и Библію. Желаю отъ всей души заниматься болѣе внутреннимъ духомъ ихъ, чѣмъ наружностью о переплетомъ. А тебѣ, сестра Анна, *Лавсаикъ*, золотую книгу, если только ты ее раскусишь и будешь безпрестанно молиться молитвой Ефрема Сирина: »Духъ же терпѣнія, смиренія, любве даруй мнѣ!« — — О, настави и вразуми всѣхъ

насъ, Боже! Молитесь обо мнѣ: я сильно изнемогъ и усталъ отъ всего.«

Кажется, во время его отсутствія изъ Москвы, по случаю несостоявшейся поѣздки въ Малороссію,—проѣхала черезъ Москву А. О. С—ва въ свою подмосковную, именно въ село Спасское, Броницкаго уѣзда. Не заставъ его въ Москвѣ, она написала къ нему письмо и просила его къ себѣ въ деревню. Гоголь пріѣхалъ въ село Спасское и прожилъ тамъ съ мѣсяцъ. Ему отведено было во флигелѣ двѣ небольшія комнаты, обращенныя окнами въ садъ. Въ одной онъ спалъ, въ другой работалъ стоя. Онъ вставалъ обыкновенно въ 5 часовъ утра, умывался и одѣвался безъ помощи слуги и выходилъ въ садъ, съ молитвенникомъ въ рукѣ. Къ 8 часамъ онъ возвращался, и тогда подавали ему кофе. Послѣ этого онъ работалъ часа два и потомъ приходилъ къ хозяйкѣ дома, или она къ нему приходила. Она видала передъ нимъ мелко исписанную тетрадь въ листъ, на которую онъ всякой разъ набрасывалъ платокъ; но однажды ей удалось прочитать, что дѣло идетъ о генералъ-губернаторѣ и о Никитѣ. Гоголь каждый день читалъ изъ Чети-Минеи житіе святого, который на тотъ день приходился, и предлагалъ это чтеніе хозяйкѣ. Но она страдала тогда разстройствомъ нервовъ, и не могла читать ничего подобнаго. Тогда Гоголь хотѣлъ повеселить ее и предложилъ прочитать ей первую главу второго тома »Мертвыхъ Душъ«. Онъ думалъ, что Тѣнтѣтниковъ живо займетъ ее. Но болѣзненное состояніе не позволило ей увлечься и этимъ чтеніемъ. Она почувствовала скуку и призналась въ этомъ автору »Мертвыхъ Душъ«.

— Да, вы правы, сказалъ онъ:—это все-таки дребедень, а вашей душѣ не того нужно.

Но послѣ этого онъ казался очень печальнымъ.

Такъ какъ его комнатки были очень малы, то онъ, въ жары, любилъ приходить въ домъ и садился на диванѣ, въ глубинѣ гостинной. Однажды хозяйка нашла его тамъ въ необыкновенномъ состояніи. Онъ держалъ въ рукѣ Чети-Минеи и смотрѣлъ сквозь отворенное окно въ поле. Глаза его были какіе-то восторженные, лицо оживлено чувствомъ высокаго удовольствія: онъ какъ-будто видѣлъ передъ собой

что-то восхитительное. Когда А. О. заговорила съ нимъ, онъ какъ-будто изумился, что слышитъ ея голосъ, и съ какимъ-то смущеніемъ отвѣчалъ ей, что читаетъ житіе такого-то святого.

По вечерамъ Гоголь купался въ рѣкѣ, пилъ воду съ краснымъ виномъ, бродилъ по берегу рѣки и всегда съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ возвращались стада съ поля въ деревню: это напоминало ему Малороссію. Онъ ужъ тогда былъ нездоровъ, жаловался на разстройство нервовъ, на медленность пульса, на недѣятельность желудка и не разговаривалъ ни съ домашними слугами, ни съ крестьянами. Шутливость его и затѣйливость въ словахъ изчезла. Онъ весь былъ погруженъ въ себя.

Наступила осень; съѣхались въ городъ разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачъ. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ, что и въ прошломъ году. Онъ ужъ не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживало два-три семейства, въ которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ нему, каждый зналъ его привычки, его любимыя удовольствія, и всѣ старались угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ, или на вечеръ, онъ не имѣлъ надобности надѣвать ненавистный для него фракъ (¹), или совѣтоваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ вообще меньше, нежели въ Петербургѣ, соблюдаются уставы своенравнаго comme il faut. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья, и между прочимъ вареники, которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ разсказывалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ, на родинѣ, всякій разъ, какъ подавались на столъ вареники, непремѣнно произносилъ къ нимъ слѣдующее воз-

---

(¹) Живя въ Петербургѣ, еще во времена »Миргорода« и »Ревизора«, Гоголь былъ принятъ очень радушно въ одномъ домѣ, гдѣ къ обѣду непремѣнно недобне было являться во фракѣ. Чтобъ уклониться отъ соблюденія этой церемоніи, Гоголь подкалывалъ булавками полы своего сюртука и являся такимъ образомъ къ обѣду. Хозяева, по добротѣ своей, старались не замѣчать этой выходки и прощали ее поэту.

званіе: »Вареныки-побидёныки! сыромъ бóки позапы́ханы, масломъ очи позалы́ваны—вареники, — —«

Это обстоятельство, между прочимъ, показываетъ, до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же, какъ и въ родной Васильевкѣ, могъ распѣвать украинскія пѣсни своимъ, какъ онъ называлъ, »козлинымъ« голосомъ, могъ молчать, сколько ему угодно, и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты, когда ему приходила охота читать свои произведенія (¹), но и строгихъ критиковъ.

Здѣсь будетъ мѣсто послѣднему листку записокъ С.Т.Аксакова.

»Въ 1851 году Гоголь былъ у насъ въ деревнѣ три раза: въ іюнѣ, въ половинѣ сентября, когда онъ сбирался на сватьбу сестры своей въ Васильевку, откуда хотѣлъ проѣхать на зиму опять въ Одессу, и, наконецъ, въ третій разъ 30-го сентября, когда онъ уже воротился съ дороги, изъ Оптиной пустыни. Онъ былъ постоянно грустенъ и говорилъ, что въ Оптиной пустынѣ почувствовалъ себя оченъ дурно и, опасаясь расхвораться, пріѣхать на свадьбу больнымъ и всѣхъ разстроить, рѣшился воротиться. Очень было замѣтно, что его постоянно смущала мысль о томъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть. 1-го октября, въ день рожденія своей матери, Гоголь ѣздилъ къ обѣднѣ въ Сергіевскую лавру и, на вовратномъ пути, заѣзжалъ въ Хотьковъ монастырь. За обѣдомъ Гоголь поразвеселился, а вечеромъ былъ очень веселъ. Пѣлись малороссійскія пѣсни, и Гоголь самъ пѣлъ очень забавно. Это было его послѣднее посѣщеніе Абрамцева и послѣднее свиданіе со мною. 3-го октября онъ уѣхалъ въ Москву.

(¹) Гоголю не нравилось, когда его упрашивали читать его сочиненія въ то время, когда онъ не чувствовалъ къ тому охоты. Въ одномъ аристократическомъ домѣ, хозяйка, не зная еще, какъ онъ упрямъ, заставила его прочитать что-нибудь изъ »Мертвыхъ Душъ«, не смотря на всѣ его отговорки. Чтобъ помучить ее въ свою очередь, Гоголь развернулъ поэму на первой главѣ и прочиталъ описаніе губернской гостинницы.

»Въ продолженіе октября и ноября, Гоголь, вѣроятно, чувствовалъ себя лучше и могъ успѣшно работать, чтó доказывается нѣсколькими его записками. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, онъ писалъ:

»Слава Богу за все. Дѣло кое-какъ идетъ. Можетъ быть, оно »и лучше, если мы прочитаемъ другъ другу зимой, а не теперь. »Теперь время еще какого-то безпорядка, какъ всегда бываетъ осенью, »когда человѣкъ возится и выбираетъ мѣсто, какъ усѣсться, а еще »не усѣлся.«

»Слѣдующія слова изъ другой записки показываютъ, что Гоголь былъ доволенъ своей работой:

»Если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ, »подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ быть, я какъ-»нибудь управлюсь.«

»Потомъ дошли до меня слухи, что Гоголь опять разстроился. Я писалъ къ нему и спрашивалъ: какъ подвигается его трудъ? и получилъ отъ него слѣдующую печальную, послѣднюю записку, писанную или въ исходѣ декабря 1851 года, или въ началѣ января 1852:

»Очень благодарю за ваши строчки. Дѣло мое идетъ крайне тупо. »Время такъ быстро летитъ, что ничего почти не успѣваешь. Вся »надежда моя на Бога, Который одинъ можетъ ускорить мое медленно движущееся вдохновенье.«

Въ это время онъ постоянно былъ занятъ по утрамъ окончательною отдѣлкою второго, а можетъ быть и третьяго тома »Мервыхъ Душъ«, которые спѣшилъ окончить, какъ-бы предчувствуя близость своей смерти. Вотъ его послѣднія, коротенькія письма къ тремъ особамъ, съ которыми онъ былъ связанъ самою давнею дружбою.

Къ П. А. Плетневу.

(На этомъ письмѣ стоитъ печальная отмѣтка того, къ кому оно адресовано: »24 февраля получено извѣстіе, что Н. В. скончался въ Москвѣ 21 февраля, 1852.«)

»Москва Ноября 30 (1851).

»Извини, что не писалъ къ тебѣ. Все собираюсь. Время такъ летитъ. Свѣжихъ минутъ такъ немного, такъ торопишься ими воспользоваться, такъ занятъ тѣмъ дѣломъ, которое бы хотѣлось скорѣй привести къ окончанію, что и двѣ строчки къ другу кажутся какъ-бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочиненій, слава Богу, устроилось и здѣсь. Что же до печатанья новыхъ, то, впрочемъ, въ нихъ, кажется, все такъ ясно и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пойдутъ въ дѣло.

»Что̀ дѣлаешь ты? Напиши также хоть строчки двѣ о С***ой. Я о ней ни слуху, ни духу.«

Къ А. С. Данилевскому.

»Москва. 16 декабря (1851).

»Благодарю тебя за письмо, которое было такъ отрадно и утѣшительно описаніемъ прекрасной кончины Михаи(ла) Алексѣевича Литвинов(а). Да утѣшитъ Богъ и всѣхъ такимъ свѣтлымъ разставаньемъ съ жизнью! Не гнѣвайся, что мало пишу: у меня такъ мало свѣжихъ минутъ и такъ въ эти минуты торопишься приняться за дѣло, котораго окончанье лежитъ на душѣ моей и которому безпрестан(ныя) помѣхи, что я ни къ кому не успѣваю писать. Всѣ также, какъ ты, меня упрекаютъ. Второй томъ, который именно требуе(тъ) около себя возни, причина всего. Ты на него и пѣняй. Если не будетъ помѣшательств(ъ) и Богъ подаритъ больше свѣжих(ъ) расположеній, то, можетъ быть, я тебѣ его привезу лѣтомъ самъ, а можетъ быть, и въ началѣ весны.«

Къ матери.

»Февраля 2. (1852) М.

»Полагая, что вы всѣ теперь вмѣстѣ, адресую письмо въ Кагорликъ. Отъ всей души обнимаю васъ всѣхъ, въ томъ числѣ и добрѣйшаго Андрея Андреевича отъ всей души много уважаю; сердечно соболѣзную о нездоровьи сестры Елисаветы. Я самъ тоже все это

время чувствую себя какъ-то не такъ здоровымъ. Мнѣ всё кажется, что здоровье мое только тогда можетъ совершенно какъ слѣдуетъ во мнѣ возстановиться съ надлежащею свѣжéстью, когда вы всѣ помолитесь обо мнѣ какъ слѣдуетъ, то есть, соединенно, во взаимной между собою любви, крѣпкой, крѣпкой, безъ которой не пріемлется отъ насъ молитва. Еще разъ обнимаю васъ и прошу васъ сильно, сильно обо мнѣ молиться. Подъ часъ мнѣ бываетъ очень трудно; но Богъ милостивъ. О, еслибъ Онъ хоть сколько-нибудь нисослалъ намъ помощь въ томъ, чтобы жить сколько-нибудь въ Его заповѣдяхъ!«

Я имѣю еще одинъ документъ, показывающій, чѣмъ дышала до конца жизни нѣжная и высокая натура Гоголя. Это—письмо его къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, писанное поэтомъ изъ Москвы только за два мѣсяца до смерти, — именно отъ 22 декабря 1851 года. Помѣщаю здѣсь его вполнѣ.

»Все собирался писать къ тебѣ, милая сестра Ольга, и все, за разными помѣхами, не удосужился. Не знаю, какъ благодарить за здоровье матушки Бога; вѣрно, молитвы тѣхъ святыхъ людей, которыхъ мы просили за нее молиться, причиной; во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. Не быть радостнымъ, не ликовать духомъ — даже грѣхъ. Поэтому и ты не грусти, ничѣмъ не смущайся, не пребывай въ тоскѣ но веселись безпрестанно въ безпрестанномъ выраженіи благодарности; вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной пѣсней благодаренія Богу. О, еслибы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало для всякихъ другихъ рѣчей, кромѣ ликующихъ рѣчей вѣчной признательности Богу!

»Жаль мнѣ, что отецъ Григорій плохо прочелъ народу *Бесѣды Сельскаго Священника*. Не лучше ли бы прочелъ твой кумъ? Ты его заставь прочитать тебѣ самой прежде, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовная книга тебѣ самой становится понятнѣй, когда читаетъ ее принявшій рукоположеніе Св. Духа. Прочитавъ сначала тебѣ, онъ въ другой разъ прочитаетъ лучше народу, какъ уже знакомое.

»За посадку деревъ тебя очень благодарю, за наливки также. Весной, если поможетъ Богъ управиться со всѣми здѣшними дѣлами, надѣюсь заглянуть къ вамъ и, можетъ быть, часть лѣта проведемъ вмѣстѣ. Какъ только сдѣлается потеплѣе, пришлю тебѣ сѣмянъ для посѣва кое-какой огородины.«

Въ это время онъ еще не думалъ о своей кончинѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которыя надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ. За девять дней до масляной, О.М.Бодянскій видѣлъ его еще полнымъ энергической дѣятельности. Онъ засталъ Гоголя за столомъ, который стоялъ почти посреди комнаты и за которымъ поэтъ обыкновенно работалъ сидя. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ разложены были бумаги и корректурные листы. Г. Бодянскій, обладая прекрасною памятью, помнитъ отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Гоголемъ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь, Николай Васильевичъ? спросилъ онъ, замѣтивъ, что передъ Гоголемъ лежала чистая бумага и два очиненныя пера, изъ которыхъ одно было въ чернильницѣ.

— Да вотъ мараю всё свое, отвѣчалъ Гоголь: — да просматриваю корректуру набѣло своихъ сочиненій, которыя издаю теперь вновь (¹).

— Все ли будетъ издано?

— Ну, нѣтъ; кое-что изъ своихъ юныхъ произведеній выпущу.

— Что̀ же именно?

— Да »Вечера«.

— Какъ! вскричалъ, вскочивъ со стула, гость.—Вы хотите посягнуть на одно изъ самыхъ свѣжихъ произведеній своихъ?

— Много въ немъ незрѣлаго, отвѣчалъ спокойно Гоголь.—Мнѣ бы хотѣлось дать публикѣ такое собраніе своихъ сочиненій, которымъ я былъ бы въ теперешнюю минуту больше всего доволенъ. А послѣ, пожалуй, кто хочетъ, можетъ изъ нихъ (т. е. »Вечеровъ на Хуторѣ«) составить еще новый томикъ.

(¹) Они печатались разомъ въ трехъ типографіяхъ.

Г. Бодянскій вооружился противъ поэта всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя, какъ лицо мертвое для русской литературы, и что публикѣ хотѣлось бы имѣть все то, что̀ онъ написалъ, и притомъ въ порядкѣ хронологическомъ, изъ рукъ самого сочинителя.

Но Гоголь на всѣ убѣжденія отвѣчалъ:

— По смерти моей, какъ хотите, такъ и распоряжайтесь.

Слово *смерть* послужило переходомъ къ разговору о Жуковскомъ. Гоголь призадумался на нѣсколько минутъ и вдругъ сказалъ:

— Право, скучно, какъ посмотришь кругомъ на этомъ свѣтѣ. Знаете ли вы? Жуковскій пишетъ ко мнѣ, что онъ ослѣпъ?

— Какъ! воскликнулъ г. Бодянскій: — слѣпой пишетъ къ вамъ, что онъ ослѣпъ?

— Да; Нѣмцы ухитрились устроить ему какую-то штучку.... Семéне! закричалъ Гоголь своему слугѣ по малороссійски: — ходы сюды.

Онъ велѣлъ спросить у графа Т—го, въ квартирѣ котораго онъ жилъ, письмо Жуковскаго. Но графа не было дома.

— Ну, да я вамъ послѣ письмо привезу и покажу, потому что — знаете ли? — я распорядился безъ вашего вѣдома. Я въ слѣдующее воскресенье собираюсь угостить васъ двумя-тремя напѣвами нашей Малороссіи, которые очень мило Н. С. положила на ноты съ моего козлинаго пѣнья; да при этомъ упьемся и прежними нашими пѣснями. Будете ли вы свободны вечеромъ?

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ гость.

— Какъ хотите, а я ужь распорядился, и мы соберемся у О. Ѳ. часовъ въ семь; а впрочемъ, для бо́льшей вѣрности, вы нѐ уходите; я самъ къ вамъ заѣду, и мы вмѣстѣ отправимся на Поварскую.

Г. Бодянскій ждалъ его до семи часовъ вечера въ воскресенье, наконецъ, подумавъ, что Гоголь забылъ о своемъ обѣщаніи заѣхать къ нему, отправился на Поварскую одинъ; но никого не засталъ въ домѣ, гдѣ они условились быть, потому что въ это время умеръ одинъ общій другъ всѣхъ московскихъ пріятелей Гоголя—именно жена поэта Хомякова—и это печальное событіе разстроило послѣдній музыкальный вечеръ, о которомъ хлопоталъ онъ.

Г-жа Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя. Гоголь крестилъ у нея сына и любилъ ее, какъ одну изъ достойнѣйшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ жизни. Смерть ея, послѣдовавшая послѣ кратковременной болѣзни, сильно потрясла его. Она потрясла его не одною горестью, какую каждый изъ насъ чувствуетъ, лишась близкаго сердцу человѣка. Душа поэта, постоянно настроенная на высокій ладъ, постоянно обращенная чуткою своею стороною къ таинственному замогильному міру, исполнилась священнаго ужаса и сокрушительной скорби, заглянувъ въ дверь, которая распахнулась передъ нимъ на мгновеніе и снова закрыла отъ него свои тайны. Эти чувства питалъ онъ въ себѣ съ самого дѣтства, и они были еще съ того времени »источникомъ слезъ, никому незримыхъ«, но проявлялись въ немъ во всей сокрушительной своей силѣ только въ моменты глубокаго душевнаго страданія. Такимъ моментомъ была для него утрата г-жи Хомяковой. Но онъ разсматривалъ это явленіе съ своей высокой точки зрѣнія и примирился съ нимъ у гроба усопшей.

— Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти, произнесъ онъ, глядя на нее: — жизнь не была бы такъ прекрасна, еслибы не было смерти.

Но это высшее умственное созерцаніе не спасло его сердца отъ рокового потрясенія: онъ почувствовалъ, что боленъ тою самою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его, — именно, что на него »нашелъ страхъ смерти«, и признался въ этомъ своему духовнику. Духовникъ успокоилъ его, сколько могъ; но Гоголь во вторникъ на масляницѣ явился къ нему, объявилъ, что говѣетъ, и спрашивалъ, когда можетъ пріобщиться. Назначенъ былъ для этого четвергъ. Пріятели Гоголя замѣтили, что онъ болѣе обыкновеннаго былъ блѣденъ и слабъ. Онъ и самъ говорилъ, что чувствуетъ себя худо и что рѣшился попоститься и поговѣть.

— Зачѣмъ же на масляной? спрашивали его.

— Такъ случилось, отвѣчалъ онъ:—вѣдь и теперь Церковь читаетъ: »Господи, владыко живота моего«, и поклоны творятся.

Занятія корректурою прекращены были имъ еще съ понедѣльника на масляницѣ. Онъ говорилъ, что ему »теперь некогда этимъ зани-

маться«, — но продолжалъ посѣщать нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ и казался спокойнѣе прежняго, хотя видимо былъ изнуренъ какою-то усталостью. Друзья приписывали это посту, и никто не зналъ, что онъ ужъ нѣсколько дней питается одною просфорою, уклоняясь, подъ различными предлогами, отъ употребленія болѣе сытной пищи. Въ четвергъ онъ явился въ церковь св. Саввы Освященнаго, въ отдаленной части города, еще до начатія заутрени, и исповѣдался у своего духовника; передъ принятіемъ святыхъ даровъ, у обѣдни, палъ ницъ и долго плакалъ. Въ движеніяхъ его замѣтна была чрезвычайная слабость; онъ едва держался на ногахъ. Несмотря на то, вечеромъ онъ опять пріѣхалъ къ тому же священнику и просилъ отслужить благодарственный молебенъ, упрекая себя, что забылъ исполнить это поутру.

Во все время говѣнья и прежде того — можетъ быть, со дня смерти г-жи Хомяковой — онъ проводилъ большую часть ночей безъ сна, въ молитвѣ. Въ ночь съ пятницы на субботу, послѣ говѣнья, онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, и, стоя на колѣнахъ передъ образомъ, услышалъ голоса, которые говорили ему, что онъ умретъ. Трепеща за спасеніе своей души, которую все еще не считалъ достаточно приготовленною къ переходу въ вѣчность, онъ тотчасъ разбудилъ своего слугу Семена и послалъ его за священникомъ, съ просьбой соборовать его масломъ. Священникъ, поспѣшивъ на его зовъ, нашелъ его, однакожъ, ужъ въ болѣе спокойномъ состояніи духа. Гоголь просилъ извиненія, что побезпокоилъ его, и отложилъ до другого дня совершеніе таинства.

Какъ ни ужасно было его положеніе, какъ ни глубоко была взволнована душа его видомъ смерти, шедшей къ нему навстрѣчу со всѣми своими загробными тайнами, но любовь къ ближнему оставалась въ немъ по прежнему могущественнымъ инстинктомъ. Въ субботу онъ посѣтилъ осиротѣлаго своего друга, г. Хомякова, и старался утѣшить его своимъ участіемъ. Этимъ оправдываются слѣдующія слова его »Завѣщанія« (стр. 8—9):

»...и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходился поближе со мной въ послѣднее время, никто изъ нихъ, въ минуты своей тоски

и печали, не видалъ на мнѣ печальнаго вида, хотя и тяжки были мои собственныя минуты, и тосковалъ я не меньше другихъ.«

Наконецъ не стало въ немъ больше силъ двигаться; онъ пересталъ выѣзжать и слегъ въ постель, но и тутъ еще подымался съ одра болѣзни и ходилъ на молитву въ домовую церковь, гдѣ по случаю говѣнья графа и графини Т—хъ, совершалась божественная служба. Видя, что это его изнуряетъ, они прекратили говѣнье. Гоголь не переставалъ молиться и готовиться къ смерти. Вѣруя слышаннымъ на молитвѣ голосамъ, онъ былъ совершенно убѣжденъ въ неизбѣжности близкой кончины. Тутъ въ немъ заговорилъ инстинктъ безсмертія, по внушенію котораго каждый изъ насъ старается оставить по себѣ воспоминаніе хоть въ одномъ сердцѣ на землѣ. Онъ выразилъ этотъ инстинктъ въ разсказѣ о сожженіи вторагo тома »Мертвыхъ Душъ« въ 1845 году. »Видя передъ собою смерть (говорилъ онъ) мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее.« (¹)

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано имъ вновь, навѣрное неизвѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своихъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи въ цензуру, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однакожъ, почувствовавъ приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Т—го, онъ просилъ его принять на сохраненіе его бумаги, а по смерти его отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, что̀ напечатать и что̀ оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что и другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ, и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя.

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ близкой смерти, Гоголь подвелъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи. Душа его, какъ въ

(¹) »Выбранныя мѣста изъ »Переписки съ Друзьями«, стр. 151.

памятный 1845 годъ, »замерла отъ ужаса при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ; весь умирающій составъ его застоналъ, почуявъ исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся....« (¹) Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ, и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ все, что̀ не отъ истины. Изливъ свою душу предъ Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, онъ рѣшился снова исполнить подвигъ высокаго самоотверженія, за который уже однажды былъ награжденъ духовнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ сожженнаго »въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ«.

Важную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, что онъ не смотрѣлъ на себя собственно какъ на дѣятеля литературнаго. »Дѣло мое проще и ближе (говорилъ онъ); дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое *душа* и *прочное дѣло жизни*.« (²) Онъ смотрѣлъ на себя просто какъ на существо, которому »повелѣно было быть въ мірѣ и освобождаться отъ своихъ недостатковъ« (³); но это самоочищеніе постоянно соединялось въ немъ съ тѣмъ, что̀ онъ на своемъ собственномъ языкѣ называлъ *прочнымъ дѣломъ жизни*. Соединеніе въ себѣ этихъ двухъ нераздѣльныхъ подвиговъ высокаго христіанина высказалъ онъ, переселяясь душою, незамѣтно для самого себя, въ другого поэта и указавъ въ немъ самому себѣ цѣль поэзіи, какъ онъ понималъ ее, и средства достигнуть этой цѣли.

»Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣни предъ Богомъ и проси у него гнѣва и любви! гнѣва—противу того, что̀ губитъ человѣка, любви — къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ онъ самъ. Най-

---

(¹) Тамъ же, стр. 11.—(²) »Выбранныя мѣста изъ Переписки съ Друзьями«, стр. 153,—(³) Тамъ же, стр. 150.—

дешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ Пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе Богоизбраннаго своего народа.« (¹)

Онъ, видно, не считалъ еще себя достигнувшимъ такого высокаго душевнаго совершенства, чтобы слова его были огнями, воспламеняющими добродѣтелью души и озаряющими »ясно какъ день пути и дороги къ ней для всякаго«; онъ не дерзнулъ помыслить передъ смертнымъ часомъ, чтобы его твореніе »устремило общество, или даже все поколѣніе къ прекрасному« (²), и опредѣлилъ — сдѣлать его тайной между собой и Тѣмъ, отъ Кого онъ получилъ первое поэтическое наитіе.

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семена, надѣлъ теплый плащъ, взялъ свѣчу и велѣлъ Семену слѣдовать за собой въ кабинетъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую они проходили, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и, отобравъ изъ портфеля нѣкоторыя бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, связать тесемкою и положить въ каминъ. Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобъ не жалѣть, когда выздоровѣетъ.

— Не твое дѣло, отвѣчалъ Гоголь, и самъ зажегъ бумаги.

Обгорѣли углы тетрадей, и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и ворочалъ бумаги, крестясь и тихо творя молитву, до тѣхъ поръ, пока онѣ превратились въ пепелъ.

Окончивъ свое auto da fe, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло.

Мальчикъ плакалъ и говорилъ:

— Чтó это вы сдѣлали!

(¹) Тамъ же, стр. 120.—(²) Тамъ же, стр. 153.

— Тебѣ жаль меня (1)? сказалъ Гоголь, обнявъ его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ.

Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь по прежнему въ каждой комнатѣ, — легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе. Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста.

На другой день онъ объявилъ о томъ, что̀ сдѣлалъ, графу Т—му съ раскаяніемъ; жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ, и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ, или допускалъ ихъ только на нѣсколько минутъ и потомъ просилъ удалиться, подъ предлогомъ, что ему дремлется, или что онъ не можетъ говорить. На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія, онъ отвѣчалъ, что они ему не помогутъ, и, уступивъ уже не задолго передъ кончиною настояніямъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ.

Такъ прошли первая недѣля поста и половина второй. Все свое время Гоголь проводилъ въ молитвѣ, или въ молчаливомъ размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь, видно долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія изъ Евангелія, молитву Іисусу Христу и, между прочимъ, написалъ слѣдующія замѣчательныя слова:

»Какъ поступить, чтобы вѣчно, признательно и благодарно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?«

Относились ли они къ тому »необыкновенному событію«, которымъ онъ былъ наведенъ на мысль передавать своимъ героямъ темныя побужденія своего сердца, или къ какому-нибудь другому »душевному обстоятельству«, это, можетъ быть, навсегда останется необъясненнымъ; но, оставляя въ сторонѣ частный смыслъ ихъ, нельзя не подивиться высокому свойству души поэта — до конца жизни сгарать жаждою совершенства.

---

(1) Эти самыя слова сказалъ раненный Пушкинъ своему слугѣ, когда тотъ несъ его на рукахъ.

Каждый изъ насъ получаетъ спасительные уроки посреди нравственной темноты, въ которой мы нерѣдко вращаемся здѣсь на землѣ; каждый бываетъ озаряемъ внезапно, какъ молніей, яснымъ сознаніемъ грѣховной бѣдны, изъ которой слѣдуетъ намъ выдти, чтобъ заслужить дарованіе высшей жизни; каждый даетъ самому себѣ обѣтъ сдѣлаться лучшимъ, исправить путь свой и успокоить своего внутренняго судью. Но многіе ли въ состояніи держаться на той высотѣ самосознанія, на которую возводятъ насъ какія-нибудь сильныя душевныя потрясенія? многіе ли вызываютъ изъ глубины сердца умолкнувшія въ немъ благодатныя, хотя и горестныя, чувства? многіе ли остаются вѣрны своему обѣту посреди житейскихъ заботъ, бѣдствій, или суетныхъ удовольствій? Гоголь старался помнить въ сердцѣ полученный урокъ вѣчно, признательно и благодарно ([1]). Въ какихъ бы формахъ ни выражались его чувства, но и самые закоренѣлые его порицатели не могутъ отвергать, что онъ явилъ въ себѣ образецъ живой души, постоянно бодрствовавшей надъ своимъ безсмертіемъ и постоянно обращенной къ Богу. Писатель, возвысившійся столь быстро до первостепеннаго значенія въ литературѣ, окруженный куревомъ похвалъ, упоенный почти всеобщимъ сочувствіемъ, онъ, вмѣсто беззаботнаго наслажденья жизнью, углубляется въ тайники своей души, исповѣдуетъ передъ цѣлымъ міромъ грѣхи свои, попираетъ ногами картинную маску, въ которой до тѣхъ поръ представлялся онъ ближнимъ, рыданіями предъ Господомъ очищаетъ свою душу, собираетъ всего себя, чтобы создать твореніе, дѣйствительно полезное людямъ, и умираетъ въ сознаніи своего несовершенства, своего недостоинства быть глаголомъ истины, какъ онъ понималъ истину? Неужели и этого еще мало отъ слабаго существа человѣческаго?... Нѣтъ, мы не должны возвышать противъ него осудитель-

---

([1]) Въ Гоголѣ было именно то прекрасно, что посреди суетъ и неизбѣжнаго условія своей жизни, т. е. своей художественной дѣятельности, онъ хранилъ о смерти память ежеминутную. Часто онъ читалъ молитву Василія Великаго: »Господи, даждь ми слезы умиленія и память смертную«. Эти слезы умиленія текли изъ глазъ его во время торжественнаго послѣдняго обряда муропомазанія. *Изъ письма А.О.С—ой къ С.Т.Аксакову.*

ный голосъ; мы должны удивляться въ немъ необычайному напряженію нравственныхъ силъ и сочувствовать великой скорби, которою скорбѣла душа его.

Доскажу въ немногихъ словахъ исторію внѣшней его жизни такъ, какъ она передана мнѣ очевидцами.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста, духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться масломъ. На это онъ согласился съ радостью и выслушалъ всѣ Евангелія, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ-будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, а утромъ въ четвергъ, 21 февраля, его не стало.

Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24 февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самого Данилова монастыря несенъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похороненъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи (гл. 8, ст. 20): »Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся«.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Дворянскій патентъ Гоголя.

1784 года, октября 19 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, Кіевскаго намѣстничества дворянское собраніе разсматривали доказательства, представленныя отъ полковаго писаря Афанасія Гоголя Яновскаго, съ которыхъ усмотрено: 1) что прадѣдъ его Андрей Гоголь, будучи въ чинѣ полковничьемъ, жалованъ былъ привиллегіею Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира, въ 1674 году, на деревню Ольховецъ; 2) что онъ владѣетъ жалованнымъ по универсалу бывшаго малороссійскаго гетмана и кавалера Разумовскаго дѣду жены его, полковнику Танскому, вмѣсто жалованной было Высочайшею грамотою блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ деревни Озерянъ, въ деревнѣ Решоткахъ, Липлявомъ, Бубновѣ и Келебердѣ состоящемъ; 3) что онъ, за усердно и добропорядочно продолженную имъ черезъ немалое время въ разныхъ мѣстахъ и должностяхъ службу, произведенъ прошлаго 1782 года, іюня 7 дня, полковымъ писаремъ; въ увѣреніе чего означенные Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира на село Ольховецъ данную привиллегію, на поданное въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, селѣ Келебердѣ и деревнѣ Решоткахъ универсалъ, и на тѣ имѣнія отъ тестя его, бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, данную ему уступку, а въ подтвержденіе того, что точно онъ тѣми имѣніями владѣетъ, выпись, изъ суда земскаго Черниговскаго 1776 года вызданную, также и на настоящій его полковаго писаря чинъ патентъ приложилъ. Въ Высочайшемъ же Ея Императорскаго Величества проектѣ о разборѣ дворянства въ 73 пунктѣ предписано въ первую часть родословной книги вносить роды дѣйствительнаго дворянства,

кои отъ Ея Императорскаго Величества и другихъ коронованныхъ главъ въ дворянское достоинство дипломомъ, гербомъ и печатью пожалованы; въ изъясненіи жъ, но дабы и тѣмъ родамъ оказать справедливость, кои доказательства имѣютъ на дѣйствительное дворянство до ста лѣтъ, повелѣно и такіе роды вносить въ сію часть. Для того разсудили помянутаго полковаго писаря Яновскаго съ его дѣтьми внесть въ родословную дворянскую Кіевскаго намѣстничества книгу, въ первую часть, и изготовить грамоту.

Подлинное подписали;

Губернскій предводитель Григорій *Закревскій*.
Козелецкаго уѣзда депутатъ Иванъ *Афендикъ*.
Пырятинскаго уѣзда депутатъ Григорій *Савицкій*.
Миргородскаго уѣзда депутатъ Николай *Зарудній*.
Голтвянскаго уѣзда депутатъ Павелъ *Остроградскій*.
Золотоношскаго уѣзда депутатъ Николай *Альсеневичъ*.
Остерскаго уѣзда депутатъ Николай *Соломка*.
Лубенскаго уѣзда депутатъ Илья *Новицкой*.
Хорольскаго уѣзда депутатъ Андрей *Кулябка*.

II.

Письмо Гоголива отца къ директору Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, В.Г. Кукольнику (¹).

Милостивый Государь
Василій Григоріевичъ!

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я безпокоилъ васъ письменно всепокорнѣйшею моею просьбою о извѣщеніи меня: могу ли я помѣстить въ Нѣжинской пансіонъ для воспитанія моего сына? но, не получая до сего времени просимаго мною извѣщенія, я начинаю сомнѣваться въ доставленіи вамъ перваго письма моего, а потому вторично осмѣливаюсь писать къ вамъ уже съ нарочнымъ, чрезъ коего всенижайше прошу васъ, Милостивый Государь, удостоить меня вашимъ извѣще-

---

¹) Гоголь вступилъ въ Гимназію уже по смерти В.Г.Кукольника. *Н. М.*

ніемъ: могу ли я быть столько счастливымъ, чтобы воспитать моего сына подъ вашимъ покровительствомъ? Не лишите, почтеннѣйшій мужъ! меня сего благополучія и вѣрьте, что никто въ свѣтѣ не будетъ вамъ болѣе меня благодарнымъ.

Признаюсь вамъ, что я сына моего совершенно уже приготовилъ къ отдачѣ въ Нѣжинскій пансіонъ, въ число своекоштныхъ воспитанниковъ; но, по слабости моего здоровья, не рѣшаюсь его представить къ вамъ, покуда не буду увѣренъ, что онъ будетъ вами принятъ. Въ сей то крайности я осмѣливаюсь столь васъ безпокоить, въ чемъ и испрашиваю у васъ милостиваго извиненія. Съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь быть

Вашимъ, Милостовый Государь,
всепокорнѣйшимъ слугою
Василій Яновскій.

Февраля 12-го
1821 года
Г. Миргородъ.

III.

Въ Конференцію Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко

От ученика 9-го класса Гоголь-Яновскаго

ПРОШЕНІЕ.

Въ журналѣ Конференціи XXVIII, § 11 прошлаго 1826 года, опредѣлено позволить держать экзаменъ на высшія отдѣленія ученикамъ послѣдняго трехлѣтія не далѣ 1-го октября мѣсяца того 1827 года, а потомъ въ другой разъ не далѣе мѣсяца сентября сего 1827 года, и буде кто изъ таковыхъ достойнымъ окажется, перемѣстить въ высшее отдѣленіе. Почему, находясь въ 9-мъ классѣ, покорнѣйше прошу Конференцію, на основаніи вышепрописаннаго опредѣленія, позволить мнѣ держать экзаменъ съ 3-го на 4-е отдѣленіе по языкамъ.

Ученикъ 9-го класса *Гоголь-Яновскій.*

1827-го года.
Августа 20-го дня.

IV.

Отмѣтки успѣховъ Гоголя въ наукахъ и поведеніи, сдѣланныя въ общемъ выводѣ за 1828 годъ.

1. По закону Божію 3.

2. По юридическимъ наукамъ за сентябрь 3 [*до усмотрѣнія подъ замѣчаніемъ*] (1); за октябрь 3; за ноябрь 3; за декабрь 3; за январь 1828 года 3 [*Непослушенъ, очень требуетъ исправленія, дерзокъ и грубъ*] (2); за февраль, мартъ, апрѣль и май по 3.

3. По естественной исторіи и чистой физикѣ 3.

4. По русской словесности, поведеніе 4, успѣхи 3.

5. По физико-математическому классу поведеніе 4, успѣхи 4.

6. По всеобщей исторіи поведеніе 3, успѣхи 3.

7. По латинской словесности (въ 4-мъ отдѣленіи), поведеніе 3, успѣхи 2.

8. По французской словесности (въ 4-мъ отд.) поведеніе 4, успѣхи 3.

9 По нѣмецкой словесности (въ 4-мъ отд.) поведеніе 4, успѣхи 2.

Въ пансіонѣ Гоголь въ 1827 и 1828 году находился во второмъ *музеѣ* и за поведеніе постоянно получалъ отъ инспектора Бѣлоусова отмѣтку 4.

V.

Отрывокъ изъ журнала, веденнаго надзирателями гимназическаго пансіона во время пребыванія въ немъ Гоголя.

Въ случаѣ потеря прежняго журнала замѣчать должно самые отличные въ худомъ поведѣніи. Во время двухъ дневныхъ дежурства замѣченыи были многократно за шалость, драку, грубость, неопрятность и непослушаніе: (такіе-то и) Яновски (Гоголь) получили достойное наказаніе за ихъ худое поведеніе.

---

(1) Отмѣтка профессора Бѣлевича.

(2) Отмѣтка профессора Бѣлевича.

13-го декабря, (такіе-то и) Яновскій за дурныя слова стояли въ углу.

Того же числа, Яновскій за неопрятность стоялъ въ углу.

19-го декабря, П—ча и Яновскаго за лѣность безъ обѣда и въ углѣ, пока не выучатъ свои уроки.

Того же числа, Яновскаго за упрямство и лѣность особенною— безъ чаю.

20-го декабря, (такіе-то и) Яновскій — на хлѣбъ и на воду во время обѣда.

Того же числа, Н. Яновскій, за то, что онъ занимался во время класса священника съ игрушками, былъ безъ чаю.

VI.

Письменныя упражненія Гоголя.

1.

О томъ, что̀ требуется отъ критики.

(Изъ теоріи словесности.)

Что̀ требуется отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками, и часто обращается въ позорную брань — слѣдствіе необразованности, отсутствія истиннаго просвѣщенія. Первая, главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе; но нужно, чтобы оно правилось умомъ зоркимъ, истинно просвѣщеннымъ, могущимъ вполнѣ отдѣлить прекрасное отъ неизящнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣмъ болѣе дать цѣны прекрасному, потому что просвѣщенный писатель не ищетъ безотчетной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы она была опредѣлена умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его мысль, его твореніе. Она должна быть благопріе..., чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не вкралось, уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ водила какая-нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Слѣдственно, отсутствіе личности также необходимо для критики.

Наконецъ, послѣднее—нужно, чтобы перомъ рецензента, или критика, правило истинное желаніе добра и пользы. Оно должно одушевлять всѣ его изысканія и разборы и быть всегда ея неизмѣннымъ водителемъ, какъ высокій, божескій характеръ души просвѣщеннаго мыслителя.

Н. Гоголь-Яновскій.

Помѣтка профессора:

Изрядно. П. Никольской.

2.

Изложить законные обряды апелляціи, какъ изъ низшихъ инстанцій и въ Департаментъ Сената.

(Изъ русскаго права.)

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ нижнихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію высшую, въ гражданскую палату, въ томъ, что дѣло ихъ право, и резолюція нижнихъ инстанцій несправедлива. Это называется апелляціею. При внесеніи ея въ гражданскую палату, нужно внесть и пошлинныхъ исковыхъ 12 рублей, послѣ чего гражданская палата требуетъ изъ нижней инстанціи все дѣло и рѣшитъ сама. Но прежде еще внесенія апелляціи, онъ долженъ внесть въ нижнюю инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволенъ и рѣшеніемъ гражданской палаты, тогда имѣетъ право апеллевать въ сенатъ, внесши въ гражданскую палату въ залогъ 200 рублей. Вмѣстѣ съ апелляціею онъ представляетъ и свидѣтельство въ томъ, что апелляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для сего. Сенатъ, взыскавши 12 пошлинныхъ, принявши апелляцію и свидѣтельство, судитъ въ собраніи сената единогласно; когда же нѣтъ, собираетъ чрезвычайное общее собраніе и рѣшится большинствомъ голосовъ, когда двѣ трети согласны. Но если генералъ-прокуроръ не согласенъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложенія причинъ, послѣ чего онъ рѣшитъ уже самъ, или обще съ государственнымъ совѣтомъ.

Гоголь-Яновскій.

Помѣтка профессора:

Хотя не обстоятельно, но понятія о предметѣ видны. Профессоръ Н. Бѣлевичъ.

VII.

Аттестатъ.

«Николай Гоголь Яновскій, коллежскаго ассесора Василія Афанасьевича сынъ, поступившій 1 мая 1821 г. въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, окончилъ въ оной полный курсъ ученія въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 г., при поведеніи очень хорошемъ, съ слѣдующими въ наукахъ успѣхами: въ Законѣ Божіемъ съ очень хорошими, въ нравственной философіи съ очень хорошими, въ логикѣ съ очень хорошими, въ россійской словесности съ очень хорошими, въ правахъ: римскомъ съ очень хорошими, въ россійскомъ гражданскомъ съ очень хорошими, въ уголовномъ съ очень хорошими, въ государственномъ хозяйствѣ съ очень хорошими, *въ чистой математикѣ съ средственными*, въ физикѣ и началахъ химіи съ хорошими, въ естественной исторіи съ превосходными, въ технологіи, въ военныхъ наукахъ съ очень хорошими, въ географіи всеобщей и россійской съ хорошими, въ исторіи всеобщей съ очень хорошими, въ языкахъ: латинскомъ съ хорошими, *въ нѣмецкомъ съ превосходными, французскомъ съ очень хорошими*, въ греческомъ (*), и по окончательномъ испытаніи конференціею Гимназіи, на основаніи устава ея, въ 19 день февраля 1815 г. Высочайше утверждённаго, удостоенъ званія студента и г. министромъ народнаго просвѣщенія, въ силу того же устава, утвержденъ въ правѣ на чинъ 14 класса, при вступленіи въ гражданскую службу, съ освобожденіемъ его отъ испытанія для производства въ высшіе чины, и при вступленіи въ военную службу, чрезъ шесть мѣсяцевъ, въ нижнихъ званіяхъ, на чинъ офицера, хотябы въ полку, въ которомъ принятъ будетъ, на тотъ разъ и вакансіи не было. Въ засвидѣтельствованіе чего, и данъ ему, Гоголю-Яновскому, сей аттестатъ отъ конференціи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Нѣжинъ 1829 г. Января 25 дня. Подлинный подписали: Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко ди-

(*) Нѣтъ отмѣтки. *Н. М.*

ректоръ Данило Ясновскій, законоучитель нѣжинскій протоіерей Павелъ Волынскій, старшій профессоръ юридическихъ наукъ Михаилъ Бѣлевичъ, старшій профессоръ предметовъ россійской словесности надворный совѣтникъ Парфентій Никольской, физико-математическихъ наукъ старшій профессоръ надворный совѣтникъ и кавалеръ Карлъ Шапалинскій, историческихъ наукъ старшій профессоръ и кавалеръ Кирилъ Моисеевъ, французской словесности профессоръ Ландражинъ, нѣмецкой словесности профессоръ Фридрихъ Зингеръ.

VIII.

Распредѣленіе садовыхъ работъ на осень 1848 года и весну 1848.

Осеннія работы.

Сентябрь.

Начало сентября; копанье ямъ и грядъ, начиная съ послѣднихъ чиселъ августа и до 10-го сентября.

Средина сентября: сборъ желудей и сѣменъ по лѣсамъ.

Окончаніе сентября: сѣянье сѣменъ; посылка за деревьями въ Ярески.

Октябрь.

Продолженіе посѣвовъ и садка деревъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приготовлены рвы и ямки.

Копанье.

По сю сторону рвовъ для посадки тополей чрезъ капустаныя грады [по снятіи капусты] мимо пасѣки до означенныхъ вишень.

На той сторонѣ въ означенныхъ мѣстахъ ямки.

Ровъ по ту сторону по направленію пруда до кирпичнаго завода для посадки тополей.

Небольшія грядки для посадки желудей полосой, по краямъ вэоранной земли для огородовъ: на сей сторонѣ—по протяженью большой аллеи, на той—за Сумаковой рощей, за ямками для березовой рощи, по обѣ стороны алеи, идущей мимо градъ. Въ случаѣ же, если можно успѣть, смотри статью: »Послѣдующія работы«.

Сборъ желудей.

Съ сентября 10, или около того, посылать дворовыхъ людей въ Яворивщину собирать желуди сколько возможно въ большемъ количествѣ [нѣсколько четвертей], такъ чтобъ половина этого количества, по крайней мѣрѣ, была оставлена на кормъ. Половину же, опредѣленную на посѣвъ, раздѣлить на двѣ части: одну высѣять осенью, другую оставить на весну. То же сдѣлать съ сѣменами клена и липы, которыхъ набрать побольше, какъ только начнутъ созрѣвать и падать стручья.

Посылка за деревьями.

Если можно успѣть, то привезть изъ Яресокъ въ разное время осени отъ 10-ти до 20-ти подводъ разныхъ деревъ, выбирая наибольше такихъ, которыя бъ равно росли и были прямы, а именно: березъ, клена, липы, ясеня, простого тополя.

Посѣвъ и садка.

Сажаемыя сѣмена помочить въ водѣ только затѣмъ, чтобъ получше къ нимъ пристала земля. Тѣ сѣмена и желуди, которые будутъ садиться въ осень, нужно зарывать въ землю поглубже, чтобъ не вымерзли зимою. При посѣвѣ нужно присутствовать самому, чтобъ видѣть, дѣйствительно ли такъ посѣяно.

При садкѣ деревъ нужно также присутствовать лично, не позабывши держать при себѣ всякой разъ кадушку съ водой, въ которую слѣдуетъ обмокнуть корень сажаемаго дерева, дабы ухватилась за него земля. При садкѣ же деревъ, болѣе прочихъ боящихся мороза, разводить съ водой немного свѣжаго однодневнаго коровьяго навоза. Если ямы велики, то садить въ нихъ по два и по три дерева вмѣстѣ.

Весеннія работы.

Мѣсяцъ апрѣль.

Садка деревъ хлыстиками; подготовленье градъ для сѣянья деревъ,

въ одно время съ копаньемъ и ораньемъ на огородъ и баштанъ, и саженье сѣмянъ, въ одно время съ огородинной.

Послать въ Ярески нарубить хорошихъ вѣтвей тополя, осокора, лозы желтой и красной. Щевлюху лозу садить у самого пруда, утыкавши хлыстиками весь берегъ по эту сторону пруда и по ту, въ той части, которая ближе къ гребли.

Большими хлыстами и вѣтвями садить тополь и вербу повыше,— тополь въ одну стѣну по направленію пруда, въ мѣстѣ, уже означенномъ, выше пасѣки, и по ту сторону до кирпичнаго завода. Равнымъ образомъ также въ подкрѣпленье, гдѣ деревья рѣдки и нѣтъ тѣни, какъ-то—на большой алеѣ, на сторонѣ къ анбарамъ.

Май.

Подчистка деревъ снизу, срѣзанье вѣтвей нижнихъ, которыя всѣ употреблять на заплетку плетня въ тѣхъ мѣстахъ пруда, гдѣ осунулась земля и обнажила весьма сильно древесные корни.

Привозъ купья изъ болотъ въ Яворивщинѣ для укрѣпленія береговъ по эту сторону въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода грозитъ подмыть корни.

Чистка дорожекъ и саду, кошенье травъ и проч. и проч.

Послѣдующія работы.

Въ случаѣ, если времени будетъ довольно и сверхъ означенныхъ работъ успѣютъ сдѣлать еще, то вотъ какія работы слѣдуетъ произвесть, которыя, въ противномъ случаѣ, могутъ быть отложены къ будущему 1849 году:

Копанье рва и посѣвъ въ немъ желудей за церковью, по направленію деревъ, идущихъ отъ рощи къ мельницамъ; ровъ не глубокъ, но широкъ. Ширина въ $1\frac{1}{4}$ аршина, глубина въ $\frac{1}{2}$ аршина; желуди садить на днѣ рва, присыпавъ ихъ только на $\frac{1}{4}$ аршина землею, чтобъ стекала вода.

Разведенье небольшихъ рощей, или просто деревъ семьями по 7, или десяти деревъ вмѣстѣ: 1-е, по всей дорогѣ въ Яворивщину и за городинами и рвами отъ скота, на днѣ которыхъ не пропускать са-

дить желудей; 2-е, на склонѣ, идущемъ къ малому пруду, въ означенныхъ мѣстахъ садить наиболѣе простой тополь, который въ весеннее время можно просто вѣтвями.

IX.

Набросокъ начала безыменной трагедіи изъ англійской исторіи.

Дѣйствіе I.

Народъ толпится на набережной.

Одинъ изъ народа. Ай, что ты такъ спѣшишь! Пустите хоть душу на покаянье.

Другой изъ народа. Да посторонитесь, ради Бога!

Голосъ третій. Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? ну, море, вода; больше ничего. Что́, не видалъ никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

(*Одинъ*). Ну, теперь Богъ намъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда пріѣдетъ король. Вотъ не прогонитъ ли собакъ Датчанъ.

(*Другой*). Ты откудова, братъ?

(*Третій*). Изъ графства Гертингаль, Томъ Турнилъ йорлъ.

(*Другой*). Не знаю.

(*Третій*). Бѣжалъ изъ Кондингама.

(*Первый*). Знаю. Гдѣ монахинь сожгли? Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого нехристіянства и отъ Жидовъ, что распяли Христа, не было.

Женщина изъ толпы. А что́ же тамъ было?

(*Третій*). А вотъ что́. Когда узнали монахини, что уже подступаетъ Игваръ съ Датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщинѣ, будь хоть немного смазлива... дѣло женское, ты понимаешь... такъ игуменья вотъ святая... такъ точно, святая... уговариваетъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И, какъ увидѣли эти звѣри, (что) нѣтъ хорошихъ лицъ, то такъ (монастыря) не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

Голосъ. Боже ты мой!

Голосъ въ толпѣ. Эхъ, Англосаксы!

Другой голосъ. Слышъ, народъ проклятый. Конечно, нечистая сила.

(*Третій*). Что, какъ въ вашемъ графствѣ?

(*Первый*). Что̀ въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

(*Третій*). Какъ!

(*Первый*). Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчой нѐ сыщешь. Отъ Датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякой тамъ подличаетъ съ Датчаниномъ, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь норлъ убѣжитъ этой проклятой чужеземной собачьей власти и поддастся въ покровительство тану, думая, что если платить повинности, то уже лучше своему, чѣмъ чужому,— еще хуже: такъ закабалятъ его, что и Бретонъ такого рабства не зналъ. Ну, наконецъ мы пріободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало, — мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

(*Третій*). Отчего жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

(*Другой*). А гдѣ это за моремъ?

(*Первый*). Въ городѣ Римѣ.

(*Третій*). Зачѣмъ же тамъ онъ?

(*Третій*). Тамъ онъ обучается, потому что умный городъ, и выучился, говорятъ, всему, всему, что̀ ни есть на свѣтѣ.

Другой голосъ. Какой городъ, ты сказалъ?

(*Первый*). Римъ.

(*Третій*). Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

(*Первый*). Да что̀ это Римъ? тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

(*Третій*). Ну, да. Пресвятая Дѣва! еслибъ довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

Другой. Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди ты: нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король ниже папы. Такой святой, что какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

(*Первый*). Вонъ слышишь ли? кто-то говоритъ, что видѣлъ папу.

Голоса народа на другой сторонѣ. Ты видѣлъ папу?

Брифринъ изъ толпы. Видѣлъ.

(*Голоса народа*). Гдѣ жъ ты его видѣлъ?

(*Брифринъ*). Въ самомъ Римѣ.

(*Голоса народа*). Ну, какъ же? Что̀ онъ? Какой?

Народъ сталпливается въ ту сторону.

Голоса. Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? не слышали разсказовъ глупыхъ?

Брифринъ. Я разскажу попорядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего только половину гидесы земли. Тогда я сказалъ себѣ: »Зачѣмъ тебѣ, Брифринъ, сынъ Квикельма, обработывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести«? Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы, если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія жъ, какъ и у насъ, только не всё желѣзныя. Въ одномъ мѣстѣ — смотришь — рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ и серебряныя. Мечъ при каждомъ; стрѣлъ нѣтъ, только копья: Топоръ больше чѣмъ въ полъ-пуда, — о, куды больше! а желѣзо такое, что у стараго Вульфинга на бердышѣ ни къ чорту не годится!

Вульфингъ изъ толпы. Знай себя!

(*Брифринъ*). Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя разсказать; а домы и храмы Божьи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье; нѣтъ, а вотъ круглыя совсѣмъ, какъ-бы натянутый лукъ, и шпицовъ вовсе нѣтъ. А стѣны вездѣ, и такъ много и рѣзьбы, и золота... великолѣпіе такое—такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь на счетъ папы скажу. Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, Нѣмецъ Арнуль, сла̀вный воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гита-

ръ такъ славно играетъ... »Хочешь, говоритъ, видѣть папу«?—Ну, хочу. — »Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить«. Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ —•Боже ты мой! больше чѣмъ здѣсь. Римлянки и Римляне въ такихъ нарядахъ — такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто; но и тамъ, еслибы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли мальчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ платьяхъ, и какъ вышли они—такъ и ослѣпили глаза. А (полъ).... (') былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ вотъ какъ кровь... ей Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Еслибъ изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантію, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый шлемъ, что съ каменьемъ и позолотою, который вы знаете, но, еслибы прибавить къ этому ту сбрую, которую промѣнялъ Кенфусъ рыжій за гнѣдого коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга, и еще коня въ придачу — ей Богу, отдалъ бы за эту мантію! Красная, красная, какъ огонь ..

Голосъ въ народѣ. Чортъ знаетъ что́! Ты разсказывай объ папѣ, а какая нужда намъ до твоихъ мантій?

Вульфингъ, изъ толпы. Хвастунъ! расхвастался!

Брифринъ. Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ — какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ на епископовъ, только не епископы, а такъ какъ наши таны, или бароны въ рясахъ.... Не помню, шепелявое какое-то имя. То эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли—такъ и ослѣпили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошелъ—такъ и ослѣпилъ глаза. На епископахъ-то все серебрянное, а на папѣ золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебрянный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебрянной полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой.

Голосъ изъ толпы. Бровингъ, корабль, ей Богу, корабль!

Всѣ бросаются, Брифринъ первый, и тѣснятся гуще около набережной.

(') Нѣсколько словъ не прочитано. *Н. М.*

Голоса въ толпѣ. Да ну, стой! — Ради Бога! задавили! — Да дайте хоть назадъ выбраться!

Голосъ женщины. Ай, ай! косолапой медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропустите, кто въ Христа вѣруетъ, пропустите!

Брифринъ, оборачиваясь. Чего лѣзешь на плечи? развѣ я тебѣ лошадь верховая? Гдѣ жъ король? гдѣ жъ корабль? Экая тѣснота!

Голосъ въ народѣ. Да нѣтъ корабля никакого! Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

(*Голосъ въ народѣ*). Да кто же? ты говорилъ!

(*Брифринъ*). И не думалъ.

(*Голосъ въ народѣ*). Да кто жъ сказалъ, что король? — Это Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ. — Эй, Шпингъ! зачѣмъ ты сказалъ, что король ѣдетъ?

(*Шпингъ*). Ей Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

(*Брифринъ*). Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплыть.

Старуха, проползая. Нашли, чего толпиться: вѣдь ничего нѣтъ.

Брифринъ. Ба, Кудредъ! откудова пріятель?

Кудредъ. Изъ дому.

(*Брифринъ*). Короля видѣть пришелъ?

(*Кудредъ*). И побольше чѣмъ видѣть.

(*Брифринъ*). А что́ еще?

(*Кудредъ*). Жалобу самому королю.

(*Брифринъ*). На кого?

(*Кудредъ*). На королевскаго тана Этельбальда.

(*Брифринъ*). Ты шутишь, братецъ.

(*Кудредъ*). Нѣтъ, не шучу.

Голоса въ народѣ. Вишь, на Этельбальда жалуется. — Онъ съ ума сошелъ. Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ.—Воиновъ и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

Экбертъ. Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты простой іорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потому-что ты честный человѣкъ. Я тебѣ буду помогать.

Кисса. Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ (Эстельбальдомъ).

Брифринъ. За что́ жъ жалуешься?

(*Кудредъ*). За что? Этельбальдъ, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда Датчане ворвались въ Весексъ и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что не за что́ ему обижать меня. Я обѣщался ему, если надобность, первому явиться въ его войскѣ.... (¹) А онъ, мошенникъ, какъ только Датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что́ я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ непородныхъ, возить фашинникъ? И теперь, когда я отлучился по надобности въ графство Генсганъ, онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то (вассалу); а мнѣ отдалъ двадцат шаговъ песчанику за кладбищемъ. »Вотъ тебѣ, говоритъ, земля«! — Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный корлъ. Я, еслибъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два гидеса земли да выстроилъ церковь и домъ, я бы самъ былъ таномъ! Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?

(*Брифринъ*). Да ходилъ ли ты съ жалобою въ вашъ ширгемотъ?

(*Кудредъ*). Подлецы всѣ; держутъ его сторону.

(*Брифринъ*). Ну, да все-таки какъ же порѣшили?

(*Кудредъ*). Вотъ тебѣ бумага, если прочтешь.

(*Брифринъ*). Что́ ты? такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и выше, во всемъ Весексѣ, ни одинъ ширъ, ни альдерманъ не умѣетъ писать. Ишь ты, какіе каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть А В С, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

Турнилъ Вульфингу. Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо. Попы все-таки прочтутъ.

(¹) Нѣсколько словъ не прочитано. *Н. М.*

Брифринъ, обращаясь къ Киссѣ. Высокородный танъ, прочтика; ты, вѣрно, знаешь.

Кисса. Поди прочь, я тебѣ не попъ.

Гунтингъ. Давай, я прочту.

Турнилъ. Кто онъ?

Вульфингъ. Не знаю.

Голосъ. Это, видишь, тотъ, что былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь Датчане разорили школу.

(*Гунтингъ*) *читаетъ.* »Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ, въ графствѣ Герсфордъ, во время царствованія Этельреда«... А, при покойномъ королѣ! храбрый былъ король; всю жизнь бился съ этими Датчанами. [*Продолжаетъ*]. »Гдѣ засѣдали: Дунстанъ епископъ, Кеорликъ альдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Турнилъ косоглазый, какъ коммиссары короля, засѣдали...«

Вульфингъ. Слышишь, Турнилъ? это ты!

Турнилъ.. Развѣ я косоглазый?

(*Гунтингъ*) *продолжаетъ.* »Въ присутствіи Бриннинга шерифа, Ательварда де Фрома, Леофгега де Фрома чернаго, Гадрига де Штока и всѣхъ тановъ графства Герсфорта, Кудредъ, сынъ Эгвиновъ представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевскаго, въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него высокороднаго графа Этельбальда...«

Въ народѣ крикъ и давка. Пусти, пусти! Куда теперь (¹)... Батюшки, батюшки, тресну! со всѣхъ сторонъ придавили.

Высокій болтаетъ вверху руками. Что эти бабы лѣзутъ, желалъ (бы я знать)!

Брифринъ. Чего народъ лѣзетъ! [*Продирается*].

(*Кто-то въ толпѣ*). Да взбѣленился просто: никого нѣтъ. Какой-то дуракъ пронесъ опять, что корабль короля...

Кудредъ, кричитъ. Бумагу, бумагу, бумагу дай!.. Экой трусъ, изорвалъ!

(¹) Слово не прочитано. *Н. М.*

Кисса. Да кто сказалъ, что корабль ѣдетъ?

(*Голоса*). Я не говорилъ. — Я не говорилъ. — Опять, вѣрно, Шпингъ.

Шпингъ. Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не поворотилъ.

Брифринъ. Ей Богу, глупой народъ! Ну, чтó, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

Вульфингъ. А самъ, небось, первый полѣзъ.

Брифринъ. Чтó жъ? только посмотрѣть.

Одинъ изъ народа. Вотъ таны поѣхали на лошадяхъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

Рыцарь на лошади. Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись.

(*Экбертъ*). Кому дорогу?

(*Рыцарь*). Посторонись, говорятъ тебѣ. Дорогу высо(кородному) королевскому тану Этельбальду!

Экбертъ. Отнеси ему эту пощечину. *Бьетъ его и убѣгаетъ*.

Рыцарь кричитъ. Мы увидимъ, проклятой длиннорукой чортъ!

(Слѣдуетъ пробѣлъ, и потомъ — въ концѣ страницы):

А я разскажу королю, что ты Жидъ, а не христіянинъ, язычникъ невѣрный,—что ты никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься: у тебя на дому есть деревянный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не могъ....

—

(*Вульфингъ*). Вонъ поѣхалъ графъ Эдвинъ. Видѣлъ?

(*Турнилъ*). Видѣлъ. Славное вооруженіе.

(*Вульфингъ*). Вонъ Этельбальдъ. Смотри, какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Ей Богу, еслибъ хотѣли, побили бы Датчанъ!

(*Турнилъ*). Отчего жъ не хотятъ?

(*Вульфингъ*). А такъ; вѣрно, держатъ руку непріятелей.

(*Турнилъ*). Ну, вотъ!

(*Вульфингъ*). Почему жъ не побить? Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ Саксоновъ и Англовъ, то однихъ

всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Іорка; а Датчанъ всѣхъ на всѣхъ трехъ тысячь не будетъ.

(*Турнилъ*). Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя? Вульфингъ?

(*Вульфингъ*). Вульфингъ.

(*Турнилъ*). Такъ будемъ пріятелями.

Вульфингъ. Вотъ тебѣ рука моя.

Турнилъ. Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила,—тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что искушаетъ людей. Они, братъ, и море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлается тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ—начнетъ выть, какъ волкъ.... Народъ опять стѣснился, да и самые таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король наконецъ ѣдетъ.

Голосъ въ народѣ. Ну, теперь корабль, такъ корабль!

Турнилъ. Опять пошли тѣсниться!

Голосъ. Корабль съ тремя вѣтрилами! Зачѣмъ дерешься.... (¹).

(*Вульфингъ*). Вонъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

(*Турнилъ*). А что́ жъ не видно корабля?

(*Вульфингъ*). Гдѣ жъ его теперь увидишь? Людей многое множество. Вонъ что-то блеснуло передъ солнцемъ.

(*Турнилъ*). Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы. Вонъ, какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ.

(*Вульфингъ*). Это должны быть, что блестятъ, таны.

(*Турнилъ*). Нѣтъ, вонъ тотъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убранство!

(*Вульфингъ*). Это всё тѣ таны, что пріѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

(*Турнилъ*). Гдѣ жъ король? вѣдь король (долженъ быть) въ коронѣ.

Вульфингъ. Да еще не короновался.

(*Турнилъ*). А вонъ, снялъ шляпу.... Таны машутъ.... Виватъ, король!

Н. М.

(¹) Не прочитаны два слова.

Весь берегъ кричитъ: Виватъ, король! Здравствуй король!

(*Турнилъ*). Вонъ, вновь машутъ.... Здравствуй король!

Народъ. Зравствуй, король!

Всадникъ на лошади. Разступись, народъ! *Машетъ алебардой*.

Народъ пятится. Прижатые кричатъ.

(*Вульфингъ*). Кто это?

(*Турнилъ*). Танъ Канумфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Медлисекса, славный воинъ.

Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимся народомъ, видны однѣ только головы.

Альфредъ, сходя съ корабля. Здравствуйте, добрые мои подданные!

(*Народъ*). Здравствуй, король! виватъ!

Король и свита подымаются на лошадяхъ въ народъ.

Народъ. Виватъ! виватъ! король!

Альфредъ. Благодарю васъ, мои добрые. Я самъ не меньше радъ видѣть васъ и мою отцовскую землю Англосаксонію.

Эгбертъ. Слышишь? Англосаксонію! Онъ, вѣрно, не знаетъ, что Мерси и Эстъ-Англъ уже не наши.

Король уѣзжаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ.

(*Вульфингъ*). Молодецъ король; видной, рослой, лучше всѣхъ. Какъ онъ славно выступалъ, словно.... (¹)! Я думаю, латы его стоятъ больше, чѣмъ жизнь. Пойдемъ, посмотримъ.

(*Турнилъ*). Постой, зачѣмъ же идти? Намъ за ними не угнаться: они на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Іоркъ.

(*Вульфингъ*). Отчего жъ не въ Лондонъ?

(*Турнилъ*). Видишь, въ Лондонѣ приготовятъ все какъ слѣдуетъ, а когда приготовятъ, тогда и поѣдетъ.

Эгбертъ, возвращаясь. Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженьи 16 тановъ Сит-

---

(¹) Не прочитано. *Н. М.*

кундмановъ [Sithcundman]. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня теперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графы Эдвигъ, Канульфъ, не говоря уже о собакѣ Этельбальдѣ, молокососъ сынъ его, почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить плута съ сѣдла копьемъ, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ.

Кисса. Дьяволъ ему на шею! Я радъ по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. (Прогонимъ) Датчанъ опять за море, освободимъ опять Эстъ-Англъ, Мерси и Нортумберландъ также: хоть и разоренная страна, однакоже есть добрыя земли для скота и для пашенъ.

(*Эгбертъ*). Мнѣ король понравился; добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: »Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда приведу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ добрыми конями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человѣкъ — вотъ, видишь, сколько рубцовъ у меня!« Пойдемъ, Кисса, выпьемъ за его здоровье. Эй, Кудредъ! тебя обидѣлъ Этельбальдъ. (Положись на) меня. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго. Меня знаютъ.

(*Тамъ же, на набережной*).

Кудредъ. Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немножко тановъ.

(*Вульфингъ*). Да что жъ? король вѣдь король и можетъ сказать тану: »Отдай такую-то землю, я тебѣ приказываю.« Что скажетъ Вителагемотъ?

(*Кудредъ*). Да, безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Что ни скажетъ, а всё будетъ лучше. По крайней мѣрѣ можно будетъ по дорогѣ пройдти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

(*Вульфингъ*). Одинъ гидесъ земли держу отъ тана.

(*Кудредъ*). Платишь хлѣбомъ?

(*Вульфингъ*). Нѣтъ, еще никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ.

(*Кудредъ*). Кто жъ ты?

(*Вульфингъ*). Пастухъ. Шесть десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если же хочешь.... (¹) отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ не сыщешь во всемъ Весексѣ; а завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Глядь-(ко), а его народъ опять смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голосъ въ народѣ. Корабль, опять корабль!

(*Вульфингъ*). Въ самомъ дѣлѣ корабль! Чтó жъ это, вѣрно, съ королевской свитой?

Турнилъ. Вишь, уже не такія мачты и паруса, совсѣмъ не такъ сдѣлано. Да постой, разсмотримъ поближе: и народъ какъ-будто не такъ одѣтъ.

Одинъ изъ толпы всплескиваетъ руками. Саксонцы, убѣжимъ, убѣжимъ!

Кудредъ. Чтò такое?

(*Турнилъ*). Морской король!

(*Кудредъ*). Нѣтъ, это таны.

Турнилъ. Какъ христіанинъ, не лгу! Развѣ вы не видите, что датскій король?

Народъ. Ай, точно Датчане!—Вонъ машутъ, чтобы остались!—Да какъ бы не такъ! бѣжимъ, друзья!

Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ (²).

Корабль видѣнъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ.

Голосъ Губбо. Перекидай канатъ.

(¹) Слово не прочитано.

(²) Послѣ этого въ подлинникѣ нѣтъ пробѣла. *Н. М.*

Руальдъ съ верховъ. Кормщикъ, бери ниже: тамъ мѣль.

Нормандъ плыветъ, съ канатомъ въ зубахъ.

Руальдъ. Еще ниже, еще ниже. А народъ проклятый весь разбѣжался. Норманъ, хватай крючкомъ. Стой!

Губбо сходитъ съ корабля. Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ.

Вытаскиваютъ лодку.

Губбо. Что̀, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара, или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ заря, кровью Саксонцевъ, а?

(*Руальдъ*). Наши копья готовы: (но) не лучше ли, конунгъ мой Губбо, послать провѣдать и узнать о числѣ непріятелей?

(*Губбо*). Это ты, Руальдъ, говоришь! тебя, видно, не море пеленало. За эти слова тебя стоя̀тъ вышвырнуть въ море. »Какой храброй когда спрашиваетъ о числѣ?« говорилъ отецъ мой Лодбродъ, побѣдившій на 33 сраженіяхъ.

(*Руальдъ*). Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы съ братомъ Гримуальдомъ срамили себя передъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ кровомъ? развѣ платье мое не на мачтѣ сушилось, а на постелѣ?

(*Губбо*). Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились друга (и) храбраго товарища. Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... (¹) наши платья, и морскія брызги, какъ острые ножи, пронзали разгорѣвшіяся лица наши! Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легіономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: »А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?«—»Ранъ 17 и 4«, отвѣчаетъ Гримуальдъ.... (²)—

(¹) Слово не прочитано.

(²) Два слова не прочитано. *Н. М.*

Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснящеюся, какъ се-себро, шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достающимъ копьемъ.«—Слушай, Стениндъ, теперь (не) время; но когда будемъ пировать на попратыхъ (въ) пыл(и) саксонскихъ трупахъ и зажжемъ альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣсню о подвигахъ Гримуальда. Знаешь, какую пѣсню? такую, чтобъ въ груди встрепенулось все... отвага... самое бѣшенное веселье, и рука схватилась за рукоятку меча. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, что мы будемъ дѣлать. Англія — земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберландіи и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши..... но здѣсь жилища обильны вс(ѣмъ), церкви богаты, и золота въ нихъ много—каждому достанется на золотую цѣпь. Мечи у Англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалека. Мы можемъ себѣ выбрать любые мечи и копья, и все вооруженіе. А что еще я скажу? Больше всего нравятся, товарищи, мнѣ и вамъ англосаксонскія дѣвы бѣлизною лица, какъ наши скандинавскіе снѣга, окропленные кровью молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи; въ Англіи воиновъ, которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ на коняхъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Оденъ никого не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные христіяне. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападемъ съ одной стороны, они нападутъ съ другой. Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

Руальдъ. Я себѣ отвоюю лучшій замокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

(*Одинъ изъ воиновъ*). Что, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ-то земля еще теплѣе?

(*Губбо*). Есть.

(*Одинъ изъ воиновъ*). И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

Губбо. Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы не было; зима есть. Нужно, однакожъ, попробовать. Мы съ тобою, Эдгадъ, пустимся по полямъ далѣе. Скучно долго жить на одномъ мѣстѣ. Чтобы и тамъ, по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь сей

моей сбруей, пріѣдемъ мы туда на вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантія, и вся будетъ убрана дорогими каменьями. Шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ пріѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: »Прекрасная царевна, конунгъ пріѣхалъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и пришелъ конунгъ Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой. Виватъ, корабль Губбо! виватъ и вы товарищи! Теперь идемъ. Вы два, Авлугъ и Релло, оставайтесь беречь лодки, а мы никому не спустимъ и насытимъ кровью мечи наши, пока есть,...

—

Альфредъ, окруженный танами и графами королевства. Благодарю, благодарю васъ, благородные таны, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете мнѣ съ своей стороны всякую помощь, изгоняя варварство и невѣжество, въ которомъ тяготѣетъ Англосаксонская нація.

Эдвинъ. Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

Этельбальдъ. Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежатъ тебѣ, государь мой.

Сигфредъ. Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

Клеобальдъ. Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько могу собрать....

(*Альфредъ*). Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи требовалъ (я) отъ васъ, на которую конечно всегда имѣю право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ споспѣшествовать мнѣ научить Англосаксовъ... искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

Таны въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, разсуждая, что̀ это значитъ.

Эдвигъ. Развѣ же ты, государь, говоришь, что Англы и Саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

(*Альфредъ всторону*). Ну, противъ этого мнѣ нечего говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны, и думать ни о чемъ не хочетъ. (*Вслухъ*). Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

(*Эдвигъ*). Видѣлъ, государь.

(*Альфредъ*). Чтó жъ, какъ нашелъ его?

(*Эдвигъ*). Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижію не пристрастенъ, и копьемъ плохо владѣетъ.

(*Альфредъ*). Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Прежнее время какъ сквозь сонъ помню. Вотъ тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы(строенныя) близь Іорка Римлянами?

(*Эдвигъ*). Не знаю, государь, о какихъ ты Римлянахъ говоришь.

(*Альфредъ*). Римляне—народъ, который завоевалъ Англію и которому были подвластны Бритты.

(*Эдвигъ*). Бритты были, это правда, а Римлянъ никакихъ не было.

(*Альфредъ*). Ты не знаешь, потому что не читалъ (книгъ). Римляне были народъ великій; они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ Бриттовъ.

(*Эдвигъ*). Воля твоя, король, Римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорили Саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было,—и тѣ говорятъ, что были здѣсь только Бритты.

(*Альфредъ всторону*). Ну, объ этомъ тоже нечего толковать. Хороши наши таны! (*Вслухъ*). Я, любезные мои подданные, хочу слышать отчетъ о нынѣшнемъ положеньи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не безпокойтесъ; отдохнуть я успѣю. Ты, Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и старшій совѣтникъ въ Вителагемотѣ, разскажи мнѣ подробно все.

(*Этельбальдъ*). Все хорошо, государь; со стороны Датчанъ только худо. Впрочемъ, дорога отъ Іорка до Лондона поправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности; всѣ королевскіе твои латы, щиты, отцовскіе и добытые покойнымъ твоимъ братомъ Этельредомъ, я сохранилъ въ исправности.

(*Эдвигъ*). Вретъ старой медвѣдь: лучшее копье стянулъ себѣ.

(*Альфредъ*). Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя разсказать, какъ государство, въ какомъ положеніи. Графъ Эдвигъ, въ какомъ положеніи государство?

(*Эдвигъ*). Яорлы и бретонскіе рабы не выплачиваютъ полей, очень опустошенныхъ Датчанами; не на что вооружить рыцаря; лошади — мерзость.

(*Альфредъ*). Зачѣмъ вы позволили Датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англію?

(*Эдвигъ*). Что жъ дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро сражался, да силы его перетянула сила. Они знаются съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ морскія чудовища.

(*Альфредъ*). Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному Саксонцу; но вы были виною, непокорность вассаловъ была причиною.

Сифредъ. Еслибъ я имѣлъ землю въ Эстъ-Англіи и въ Мерси, я бы защищалъ ее моею рукую и руками моихъ вассаловъ; но у меня свои земли есть.

Альфредъ. Да развѣ вы умѣли защитить свои земли? Отчего по всей дорогѣ, по которой мы ѣхали, пустыя пажити и двѣ развалившіяся церкви, и тѣ опустошены? Малолюдный (отрядъ) Датчанъ издѣвался надъ вами; а вы, хорошо вооруженные и христіане, могли вынести это!

(*Окружающіе*). Браво,—король! Вотъ король! прозорливъ какъ орелъ!—Такого намъ нужно короля!

(*Сифредъ*). Я никогда не былъ безчестнымъ, и всегда готовъ, и еслибы графъ Миддльсексъ не поссорился со мною, я бы не выпустилъ Датчанъ, и Вессексъ и его владѣнія спасъ(бы).

(*Альфредъ*). И виною вы же, вы, черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе. Богъ

знаетъ что̀ такое! Всякой управляетъ, какъ ему хочется; высшему не повинуются, между собою несогласны. (Въ) государствѣ (все) должно быть, какъ въ Римской имперіи; государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

Одонъ потупляетъ глаза. Гмъ! я что-то не совсѣмъ понялъ это. Вѣдь (въ) Англосаксоніи всякой танъ вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

(*Альфредъ*). Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

(*Одонъ*). Епископъ вессексій убитъ въ войнѣ съ Датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

(*Альфредъ*). И некому позаботиться о томъ, чтобы избрать на (его) мѣсто!

(*Сигфридъ*). Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались въ Арвальдъ, но некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Писько.

(*Альфредъ*). Будто уже въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать? Вѣдь еще отцомъ Этельвальдомъ была заведена коллегія.

(*Сигфридъ*). Коллегіи давно уже у насъ нѣтъ.

(*Альфредъ*). Гдѣ же она?

(*Сигфридъ*). Сожжена Датчанами.

(*Альфредъ*). Опять Датчане! Да что̀ это за бичъ такой Датчане? Или Англія вся состоитъ изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ Датчане... (*Входитъ вѣстникъ*). Что̀ это за человѣкъ? что̀ ты?

(*Вѣстникъ*). Король!

(*Альфредъ*). Что̀?

(*Вѣстникъ*). Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

Король въ изумленіи. Какъ легки на поминѣ! Ну, господа таны и графы, теперь намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону.

(*Эдвигъ*). Я готовъ, всѣ вассалы при мнѣ, государь.

Этельбадъ. Для тебя, государь, все радъ перенесть.

Арвальдъ. Въ одну минуту буду снаряженъ. *Уходитъ*.

(*Альфредъ*). Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же

всѣ вы, благородные таны, клятву — ни пяди земли не уступать Датчанамъ.

(*Таны*). Да, клянемся, Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

(*Альфредъ*). Я хочу сейчасъ осмотрѣть войска ваши. (*Въ сторону*) Ну, король, яви теперь дѣятельность духа. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенникъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ, глядящихъ лѣснымъ (звѣремъ); а въ добавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы! *Уходитъ*.

Цеолинъ. Какъ мнѣ нравится король!

Эдринъ. Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ, а не человѣкъ.

Эдвигъ. Чтó, Кедовръ? у тебя всѣ вооружены?

(*Кедовръ*). Всѣ.

(*Эдвигъ*). Чтó, король? вѣдь кажется молодецъ?

(*Кадовалла*). Да, кажется, храбръ, да что-то такъ...

(*Эдвигъ*). Чтó?

Кадовалла. Мудреной что-то.

Дѣйствіе II.

Альфредъ, графъ Этельбальдъ, графъ Эдвигъ, Цеолинъ, Кедовалла. съ толпою воиновъ, входятъ на сцену.

Альфредъ. Мнѣ еще не вѣрится, чтобъ мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не больше,—и передъ этой шайкой не могли устоять 2 тысячи феодаловъ, цвѣтъ саксонской націи, и 10 тычачь пѣшихъ! Чтó скажете вы на это, благородные таны, столпы этой націи?

Графъ Эдвигъ. Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ моего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

(*Альфредъ*). Граѳъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой совѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ — мы потеряемъ все, возростимъ гордость непріятельскую и увѣренность въ ихъ непобѣдимости. Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ—и дерзость ихъ возрастетъ, какъ Голіаѳъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать объ отступленіи. А нападемъ съ этими же самими силами, пока не узнала о нашемъ пораженіи нація.

(*Эдвигъ*). Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслуживала упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

(*Альфредъ*). Какое черное невѣжество вѣетъ отъ.... (¹) Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа въ старой корѣ; но только видно, что (вы) недавно приняли христіанскую вѣру и ничего не смыслите въ ней. Вы испугались злого духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что̀ на свѣтѣ больше христіанскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устр(емленнымъ) копьемъ стремились въ наши ряды эти морскіе люди,—а отчего? потому что поминутно призывали языческаго Бога Одена, который пыль и прахъ предъ Богомъ христіанскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы христіане? За васъ Христосъ и Пресвятая Дѣва.... *Король идетъ*. Ни двухъ шаговъ земли Датчанамъ!

Часть народа и всадники. Король, Датчане! Стой, гонятся!

(*Альфредъ*). Всѣ таны ни съ мѣста! Далеко Датчане?

(*Народъ и всадники*). По пятамъ нашимъ.

(*Альфредъ*). Во имя святой Маріи, не подвинемся, какъ каменныя скалы.

(¹) Слово не прочитано. *Н. М.*

Врывается на сцену дружина Датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ ихъ копьями и начинается сѣча.

Губбо. Сыны Одена! не полонъ будетъ пиръ нашъ, если мы не сокрушимъ Англосаксовъ.

(*Альфредъ*). Англосаксы! не забывайте,—съ нами Христосъ и Марія.

Губбо. Ригальдъ Ринальдъ, (зачѣмъ) гремитъ твой мечъ? Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ.

(*Ригальдъ Ринальдъ.*). Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ.

Опральдъ. Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Вальгалѣ.

Альфредъ. Хрістіяне! крѣпитесь; святой Георгій на бѣломъ (конѣ) за насъ.

Губбо. Оденъ! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ригальдъ Ринальдъ, зачѣмъ избитый шлемъ твой... не дрожатъ ли твои перси?

(*Ригальдъ Ринальдъ*). Еще станетъ, король мой Губбо... Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ тебѣ череповъ на пиршественныя чаши.

(*Альфредъ*). За Марію, за Христа, Англосаксы!

Губбо. Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

(*Ринальдъ, падая*). Оденъ! готовь мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

(*Эдвигъ*). Вотъ тебѣ, собака Датчанинъ! *Протыкаетъ ему голову копьемъ.*

Альфредъ. Англосаксы! побѣда за нами.

Губбо. О, нѣтъ, не будетъ (этого), Альфредъ, по коихъ поръ мечъ мерцаетъ въ рукахъ моихъ!

Альфредъ. Остановитесь Датчане! сдавайся Губбо, и положи твое оружіе.

Губбо. Никогда! ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами!

(*Альфредъ*). Мнѣ не нужно, Губбо, твоей свободы; я не отнимаю (ея) и на два слова.

Губбо..... (¹) *Обѣ стороны опускаютъ копья.*

(*Альфредъ*). Я готовъ заключить съ тобой миръ и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ чтобы ты теперь же немедленно отправился за море (и) принесъ клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто.

(*Губбо*). Король Альфредъ, я соглашаюсь.

(*Альфредъ*). И такъ, храбрый (конунгъ), произнеси клятву.

(*Губбо*). Клянусь... (²) Оденомъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! а когда не выполню моей клятвы, да будетъ желѣзо какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши копья на насъ же самихъ!

Альфредъ. Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ — ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

Губбо. Пойдемъ, товарищи! намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня, завтра, — не здѣсь, въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ... (³).

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

(¹) Два слова не прочитаны.
(²) Слово не прочитано.
(³) Три слова не прочитаны.

Н. М.

ОПЕЧАТКИ ВО 2-МЪ ТОМѢ.

Стр.	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ*
33	4	будешъ	будемъ
49	16	Гефенбергъ	Грефенбергъ
57	35	встрѣтивъ	встрѣтилъ
61	14	мыслѣ	смыслѣ
67	23	проходило	приходило
77	30	дуло	дѣло
90	12	такими закими замѣчаніями	такими замѣ-чаніями
93	25	надлежащимъ	не надлежащимъ
102	35	не призналъ	не признанъ
109	33	его	ею
113	16	Примиритесь	Примитесь
170	4	навевеній	наведеній
179	9	Вяжу	вижу
210	21	танта	таланта

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ I.

Стран.

Стран.

VII.

VIII.

X.

XI.

XII.

Стран.

XIII.

XIV.

XV.

XVI.

Стран.

XVII.

XVIII.

XIX.

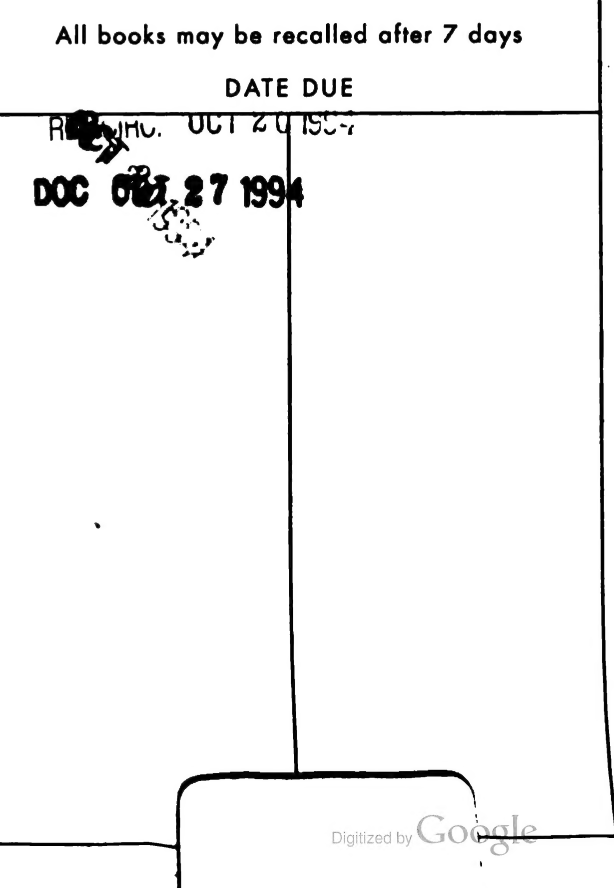
—

Томъ II.

Стран.

Стран.

PG 3335 .K83
Zapiski o zhizni Nikolaia Vasi
C.1
Stanford University Libraries
3 6105 036 627 011

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
DOC

